

И.С. Яжборовская,
А.Ю. Яблоков,
В.С. Парсаданова

КАТЫНСКИЙ СИНДРОМ
В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
И РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ

Москва
РОССПЭН
2001

ББК 63.3(2)615-4; 66.4(2)6; 67.5; 67.412.1
Я 39

Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16205

Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.

Я 39 **Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях.** — М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 496 с., ил.

В книге анализируются исторические реалии, приведшие к катынскому злодеянию, — ликвидация Польского государства и его армии как одно из следствий подписания советско-германских договоров 1939 г. В центре исследования — многотрудная история Катынского дела, борьбы против замалчивания и фальсификации обстоятельств, причин и мотивов преступления, усилий по установлению лживости заключения комиссии Бурденко и всей советской «официальной версии», представленной в Нюрнберге. Обстоятельно показаны значение и роль Катыни как в советско-польских, так и в российско-польских отношениях — в течение Второй мировой войны и послевоенный период, в годы «оттепели» и «застоя», в период «перестройки» и коренных трансформаций рубежа нового века. Особо выделяются и рассматриваются 1990-е гг., когда была прорвана завеса тайны и сделан важный шаг в направлении примирения россиян и поляков, развития добрососедства и партнерства.

ББК 63.3(2)615-4; 66.4(2)6; 67.5; 67.412.1

© «Российская политическая энциклопедия», 2001

© Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С., 2001

ISBN 5 - 8243 - 0197 - 2

ВВЕДЕНИЕ

В меняющемся современном мире складывается новая система международных отношений, что настоятельно диктует совершенствование внешнеполитической концепции России и ее четкое закрепление в основополагающих документах, формирование соответствующего внешнеполитического курса и последовательное воплощение в жизнь принятой стратегии. Российская Федерация встречает XXI век осознанием национально-государственных интересов, определением новых доктринальных внешнеполитических приоритетов и становлением адекватной им системы действий на международной арене.

Сформулированная в июле 2000 г. «Концепция внешней политики Российской Федерации» базируется на Конституции РФ, федеральных законах, других нормативных правовых актах РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах страны и т.д. Она учитывает, что некоторые расчеты 1993 г., связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, не оправдались, и уточняет основные цели внешнеполитического курса России и методы их реализации. Предусматривается отстаивание прав и свобод человека во всем мире на основе соблюдения норм международного права, и т.д.

Согласно этому документу, в отношениях с государствами Центральной и Восточной Европы остаются актуальными задачи сохранения наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей, преодоления имеющихся кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и российскими интересами.

Определяющие составляющие внешнеполитического курса рождаются не на пустом месте. Исторические предшественники оставили богатое, хотя не всегда однозначно позитивное наследство, которое требует тщательного осмысления проблемы преемственности. Внешняя политика, обремененная нелегким багажом былых десятилетий, предполагает немалые усилия для освобождения от негативов, для преодоления серьезных недостатков и сбоев, унаследованных от прошлого.

Минувшее имеет свойство систематически напоминать о себе и нужна постоянная тщательная работа, чтобы успешно решать эту задачу, не сбиваясь на чисто реактивную политику.

Во взаимоотношениях России с соседними государствами нельзя недооценивать важности учета геополитических реалий в регионе

Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях переструктурировки геополитического пространства последних лет. Пока нет очевидных вероятностей того, что именно вокруг России сложится какая-то новая система. Существуют варианты воссоздания давнишней меридианальной оси балтийско-черноморских государств или же тяготения Польши к «Средней Европе»¹, к вступлению в Европейский Союз.

В нашей стране традиционно поводом для верификации отношения к памятным событиям и актуализации их восприятия являются те или иные исторические даты. Рубеж XXI в. ознаменован, в частности, двумя тесно увязанными друг с другом годовщинами драматических событий прошлого: 60-летием начала Второй мировой войны, событий сентября 1939 г. и отделенным от них всего несколькими месяцами 60-летием органически вытекающего из них катынского злодеяния весны 1940 г.

Уходящие поколения передают последующим не только традиции светлых праздников, но и потребность разобраться с подобными датами, освободиться от взаимных обид и ущерба, очистить историческую память от груза накопившихся ошибок и бед, дабы прошлое не омрачало ими будущее и можно было рассчитывать на конструктивную взаимность, строя отношения с соседями на принципах партнерства и добрососедства.

Постоянного внимания требуют национально-государственные интересы в контексте исторической триады «Российская империя — СССР — Российская Федерация». В той или иной форме периодически воспроизводится неизжитое, предполагающее осознание и преодоление наследие конфронтационности предшествующих десятилетий и столетий, требуя особых усилий для расчистки завалов противостояния, для урегулирования былых и новых противоречий и конфликтов, имеющих способность самовосстанавливаться на новой почве, наслаиваться друг на друга.

Осмысление состояния советско- и российско-польских отношений весьма актуально на нынешнем этапе кристаллизации структур Центрально-Восточной Европы. Взаимоотношения России и Польши при всей, казалось бы, объективности их основы, заявленной в первые годы существования советской власти, развивались весьма не просто и отразили всю специфику автократических политических систем в обоих государствах, своеволие политических лидеров и своеобразие их представлений, сформированных длительным историческим противостоянием, предубеждениями и конфликтами разных лет.

Сталинская внешнеполитическая доктрина была чрезвычайно идеологизирована, непоследовательна и конъюнктурна, причудливо сочетая историческую обусловленность и преемственность, миссию мировой революции и имперское начало, интернационализм и державность. Внешнеполитический курс Сталина был весьма многоаспектен и переменчив, отражая особенности черт личности великого диктатора.

Периодически предпринимаемые Сталиным жесткие тактические шаги нередко создавали пагубную глубинную напряженность в отношениях, негативные последствия которой преследовали целые поколения. В отношениях с Польшей такую роль и знаковый характер обрело катынское преступление. Оно стало кульминацией и постоянным камертоном претензий Польши к нашей стране по поводу темпов верификации негативов сталинской линии во внешней политике и сохраняет это значение в процессе вызревания новой системы международных отношений в регионе Центрально-Восточной Европы. Многоопытный секретарь ЦК КПСС В.М.Фалин, долгое время занимавшийся проблемами международных отношений, недавно констатировал в своих мемуарах: «Где политика и отношения с Советским Союзом, там для поляка — Катынь»². Катынь — это имя нарицательное, вместившее в себя знаковый сговор Сталина и Гитлера 1939 г., попытку, проведя четвертый раздел Польского государства, уничтожить его элиту и армию. Катынь — это тайный массовый расстрел около 22-х тысяч узников трех спецлагерей военнопленных (Козельского, Старобельского и Осташковского) и тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины весной 1940 г. Правда о ней — пробный камень добрососедства. Хотя в Советском Союзе делалось все, чтобы поглубже сокрыть правду о Катыни и, принудив к тому же польскую элиту, как бы снять проблему, история показала, что это не удалось. Чтобы ликвидировать неизбежную напряженность, требуется ясное, масштабное решение проблемы.

О значимости окончательного закрытия Катынского дела лучше всего скажет такой красноречивый факт: два года подряд — 1998-й и 1999-й — самая популярная в Польше «Газета выборча» вместе с первым каналом Польского телевидения и Первой программой Польского радио проводила плебисцит, определяя самые значимые из трех с лишним десятков явлений и событий последнего десятилетия. И каждый раз абсолютное большинство поляков выносило вперед «Обнародование правды о Катыни». Однако оно не снимало периодически вспыхивающую напряженность.

Катынская проблема требовала последовательного научного, правового и морально-политического решения, исторически подкрепленного решительным осуждением ошибок и деформаций сталинской внешней политики, последовательного отмежевания от них, гарантий неповторения подобного в будущем.

Кратко напомним международную ситуацию, предшествующую катынской трагедии. Версальский договор 1919 г. стал смертным приговором для балтийско-черноморской системы. Германия, не входя ни в какую систему, постепенно подчиняла себе в том или ином отношении страны-лимитрофы. Советско-германские отношения проходили под знаком постепенного сближения, пока приход Гитлера к власти не привел к их резкой, хотя и временной антагонизации.

В конце 30-х годов Европа вползла в новый виток обострения международных противоречий. Возникла фашистская «ось». Страны региона Центральной и Юго-Восточной Европы десятилетиями пы-

тались проводить самостоятельную политику на международной арене, выйдя на нее после Первой мировой войны, однако их попытки стать полноценными субъектами мировой истории не удавались.

Уже в период монтирования Версальской системы появились концепции ее пересмотра. Находившийся в берлинской тюрьме Карл Радек, воспринимаемый как негласный представитель Советской России, вел переговоры с лицами из генерального штаба рейхсвера. В ходе этих переговоров был найден общий язык по ряду внешнеполитических вопросов, зондировались точки соприкосновения в отношении будущего Польши. Эта страна, лежавшая между Россией и Германией, более века назад была поделена между ними (и Австро-Венгрией). Вновь возникла мысль о возможности ее нового передела.

В период между двумя мировыми войнами страны региона не смогли занять достаточно сильную позицию. После Первой мировой войны, прокатившейся особенно тяжелым катком по этому региону, его страны долго не могли преодолеть последствия военной разрухи, длительного национально-политического угнетения и деформации экономики. В силу отставания от индустриального центра Европы, слабости политических структур и отсутствия прочных парламентских традиций эти страны не обеспечили ускорение развития и вновь стали объектами притязаний великих держав. Они оказались не способны закрепить достигнутые демократические подвижки и максимально использовать возможности государственной независимости, не сумев преодолеть доминировавшие авторитарные политические традиции.

В большинстве стран возродились авторитарные структуры и механизмы, ориентация на сильную, неконтролируемую власть. Хотя регион «не созрел» для тоталитаризма в его «классической» нацистско-фашистской версии, рост реакционности военно-авторитарных режимов, кризис парламентаризма, элементы фашизации общественной жизни толкали правителей этих государств к сотрудничеству с державами «оси». Одни страны потворствовали гитлеризму в деле подготовки новой мировой войны, способствуя укреплению его военного потенциала за счет своих ресурсов. Другим была отведена роль жертв.

Таким образом, странам Центральной и Юго-Восточной Европы вновь была уготована участь разменной монеты в игре великих держав.

Такова была и судьба Польши, наиболее крупной из стран региона «лимитрофов», которая в межвоенный период преимущественно старалась соблюдать «равную удаленность» от мощных соседей — СССР и Германии. Польские правящие круги обосновывали эту политику балансирования «теорией двух врагов».

Канун Второй мировой войны, выход международных отношений в плоскость вооруженных конфликтов, явные или скрытые роли различных стран в их развязывании, ответственность за последствия далеко не всегда оптимальной, с точки зрения отстаивания

безопасности, политики — до настоящего времени во многом тщательно скрываемые темы. В советской историографии для этой проблематики была типична фрагментаризация изображения исторического процесса. Взаимосвязь многих драматических событий и явлений была глубоко укрыта от глаз современников. Например, советско-германские договоренности (а на деле стовор за счет третьих стран) рассматривались вне связи, в частности, с судьбами Польши. Ее история имела в советской печати чисто идеологическую трактовку, выражающуюся в клише «белопанской Польши». Очередной, четвертый, раздел страны подкреплялся рассуждениями о преступной «польской военщине» и не был увязан с трагической гибелью многих тысяч польских военнопленных. Взаимообусловленность этих компонентов событий 1939—1940 гг. практически изначально не получила заслуженного места в исторической памяти наших соотечественников.

Господствующим направлением в изучении внешней политики Советского Союза была апологетика сталинских внешнеполитических установок. С одной стороны, преобладала предельная персонификация внешнеполитического курса («сталинской внешней политики», директивного характера понимания Сталиным национальных интересов, путей их обеспечения, методов достижения целей). С другой стороны, отождествлявшаяся со сталинской международной политика СССР деперсонифицировалась, что не позволяло дифференцировать усилия советской дипломатии по созданию коллективной безопасности и монтированию антигитлеровской коалиции, с привлечением стран Центральной и Юго-Восточной Европы, — и сталинские подковерные усилия, с отходом от этой линии, наладить отношения с руководством гитлеровской Германии, разделить ряд малых стран и стравить страны Запада.

Следствием догматизации ряда явлений в советской историографии было то, что в политизированных и идеологизированных работах советских историков периода «холодной войны» сталинская внешняя политика изображалась как вершина миролюбия, как сугубо оборонительная, неуклонно защищающая страну от агрессивных наскоков и намерений сил враждебного «капиталистического окружения».

Собственно, символом этого окружения с 20-х годов в советской пропаганде считалась, наряду с Румынией, непосредственная соседка — Польша. Важное свидетельство восприятия ее в подобных категориях оставил в записях бесед с маршалом А.М.Василевским, занимавшим пост начальника Генерального штаба, Константин Симонов. Вот рассказ Василевского: «Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром — в какой форме, в форме какой коалиции, трудно было предсказать: нам угрожали уже непосредственные соседи — Польша, Румыния, Малая Антанта, — это было до прихода Гитлера к власти, а на Дальнем Востоке — Япония. [...] В тот период отношения наши с Германией были весьма тесными... После прихода Гитлера к власти отношения с Герма-

нией резко изменились. В связи с этим стали пересматриваться и оперативные планы. Раньше, по прежнему оперативному плану, как основной наш противник на западе рассматривалась Польша; теперь, по новому оперативному плану, как основной противник рассматривалась гитлеровская Германия». Свои размышления об этом периоде маршал Василевский завершает, высказывая недоумение: «Враждебной нам продолжала оставаться и Польша, хотя было непонятно, как она может оказаться на стороне Германии, и тем не менее она осталась враждебной нам вопреки логике»³. В сталинской трактовке немаловажную роль играла забота о прочности мифологии, опиравшихся на заостренные представления прошлого и приносивших ему пользу для решения текущих задач.

Будучи идеологически перенасыщены, многотомные публикации документов и фундаментальные коллективные монографии по внешней политике СССР⁴ фактически не выходили за пределы сталинской трактовки этой проблематики. В нее практически не вносились должные поправки с учетом новых геополитических реалий, существенного изменения основных тенденций развития военнополитических процессов, возрастания нестабильности обстановки на региональном и континентальном уровне, усиления борьбы за сферы влияния, обострения противоречий и необходимости поиска новых конфигураций, союзов и блоков для обеспечения своих национальных интересов. Вне поля зрения историографии оставался курс, окончательно оформившийся с отказом от антифашистской линии М.Литвинова, — осваивание с гитлеровской внутри- и внешнеполитической прагматикой, неверное восприятие нюансов международного положения и неадекватные меры по преодолению геополитической изоляции СССР, по нейтрализации широкого спектра угроз безопасности страны, нарушение самих политико-правовых основ национальной безопасности. Игнорировались или получали превратную трактовку следующие сюжеты: целый ряд ошибок и просчетов в представлениях о возможности монтирования антисоветских союзов и блоков — Германии с Польшей, западно-европейских держав с той же Германией после военного разгрома Польши; использование военно-силовых форм действия и способов защиты; блокирование с противником, участие в скоординированной деятельности против третьих стран; усиление борьбы за сферы влияния и поиск действенных мер вне пределов допустимой системы морально-политических координат; нарушение международных норм и договорно-правовых актов; применение противоправных акций, использование деструктивных факторов территориальных претензий со стороны гитлеровской Германии, создание видимости политико-правового обеспечения своих действий и т.д.

Практика кануна войны исходила из решающего значения фактора силы при распределении «сфер влияния» — на деле территории более слабых соседей. Закамуфлированным механизмом пуска катынского преступления были договоренности СССР и Германии, которым официально придавалась форма обеспечения национальной безопасности. Советская историография оправдывала действия

Сталина в 1939 г., сговор с Гитлером и «освободительный поход» 17 сентября при помощи серии мифологем, а массовое убийство польских военнопленных просто было приписано после нападения гитлеровской Германии на СССР противнику.

В 60-е годы была предпринята попытка переосмыслить с реалистических позиций многие события военных (и предвоенных) лет в коллективном труде «История Отечественной войны Советского Союза». В нем в смягченной форме был поставлен вопрос о наличии секретных протоколов к советско-германским договорам 23 августа и 28 сентября 1939 г., пересказывалось их содержание. Однако вскоре эта попытка была нейтрализована внедрением прежней единообразной трактовки проблемы, задавлена повторной идеализацией сталинского внешнеполитического курса. Наука вновь потеряла доступ к этому сюжету.

Многотомное советско-польское издание «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», дойдя до публикации источников 1939 г., на несколько лет было остановлено из-за несогласия советской стороны решать проблему секретных протоколов и вернулось к дублированию «советской официальной версии» и по этому вопросу, и по проблеме Катыни.

Отечественные и иностранные обобщающие исследования внешней политики СССР кануна и начала Второй мировой войны многочисленны, но только на рубеже 80—90-х годов, с появлением новых подходов к истории, с началом рассмотрения ее, в частности, сквозь призму политологического анализа, цивилизационного подхода и т.д.⁵, с публикацией переводов зарубежных «объективистов»⁶, стал возможен научный пересмотр советско-германо-польских отношений. В освещении советско-германских отношений перестали выносить за скобки польский фактор, решение в сентябре 1939 г. судеб Польского государства и его армии, изображать сговор за счет Польши как естественный и необходимый шаг, войну Германии против Польши — как войну между двумя империалистическими государствами, к тому же якобы начатую по польской инициативе. «Освободительный поход» перестал рассматриваться вне категорий международного права, но лишь в рамках чисто идеологического обоснования классово-интернационалистской миссии помощи братьям по крови и классу (включая в их число и польских трудящихся, которым предлагались блага экспорта революции). Впервые появилась возможность на базе советско-польской комиссии по истории отношений между двумя странами рассмотреть в 1987—1990 гг. политические и военные аспекты кануна и начала Второй мировой войны не как ликвидацию Польского государства в результате последствий пагубной или даже преступной политики его руководства, оттолкнувшего руку советской помощи, а как сговор двух держав, приведший к разделу соседнего с ними государства.

В комплексе изучаемых в этой книге обстоятельств катынского злодеяния ключевое место бесспорно занимает проблема советско-германских договоров 1939 г., а в ее разработке ведущая роль принадлежит усилиям специалистов по истории германского фашизма

и советско-германских отношений. Один из них, отечественный историк Ю.В.Галактионов, справедливо констатировал наличие особых идеологических трудностей в этой тематике: уже само подписание двух договоров привело к появлению «черной дыры» в советской историографии фашизма, когда сам этот термин применительно к Германии был изъят из политического и научного лексикона⁷. Постепенно сложилась официозная догматическая трактовка проблемы, а «символом веры» «холодной войны» стала брошюра «Фальсификаторы истории (историческая справка)»⁸ с ее доктринальным изложением международных отношений.

Выход с середины 50-х годов на все более широкий круг документальных материалов отнюдь не сопровождался быстрым изменением концепции. В основном продолжалось разоблачение «западной плутократии», связей монополий и политиков империалистических США и Англии с гитлеровской Германией с заведомым преувеличением их роли в приходе Гитлера к власти, в подготовке и развязывании агрессии против других стран⁹.

В 1970—1990-х гг. с разработкой проблематики фашизма в трудах Л.И.Гинцберга, А.А.Галкина, Д.М.Прозектора, П.Ю.Рахшмира, Л.А.Безыменского и других ведущих специалистов стал обретать новое качество и анализ внешней политики фашистской Германии. На фоне ряда обобщавших достигнутые ранее результаты коллективных трудов («История Второй мировой войны», «История дипломатии» и др.), в которых, увы, трактовка советско-германских отношений 1939—1941 гг. оставалась прежней, то есть искаженной, а проблема секретных протоколов и связанного с ними катынского преступления была тщательно прикрыта (как и в семитомном издании материалов Нюрнбергского процесса, выходившем в свет в 1957—1961 гг.), новое слово было сказано опиравшимся на огромный корпус новых документов В.И.Дашичевым. Его двухтомник «Банкротство стратегии германского фашизма» и последующие работы, содержавшие новые концептуальные подходы, позволили по-новому взглянуть на проблематику международных отношений кануна и начала Второй мировой войны¹⁰. С новыми оценками пакта Молотова-Риббентропа выступили в печати М.И.Семиряга (показавший прямую связь сталинской внешней политики с катынским преступлением), В.М.Кулиш, Х.Арумян и другие¹¹.

В.И.Дашичев выстроил в логическую цепь события 1939 г., показав ущербность предположений, что якобы без пакта Мюнхен привел бы к единому антисоветскому фронту фашистской Германии с Англией, Францией и США, что он будто бы не дал Гитлеру возможности напасть на СССР после разгрома Польши, что будто бы переговоры в Москве в августе 1939 г. сорвали Англия и Франция, почему пакт и был необходим, что он якобы позволил СССР отсрочить войну и укрепить свою обороноспособность. Автор указал на необоснованность оценки Второй мировой войны до 22 июня 1941 г. как империалистической с обеих сторон, что подчеркивало оборонительный, справедливый характер борьбы польского народа за свою свободу. Дашичев доказывал бесоснователь-

ность утверждения, что будто бы не существовало раздела сфер влияния между Гитлером и Сталиным в Восточной Европе, констатировал тот факт, что Гитлеру была предоставлена свобода рук для разгрома Польши, затем Франции и других государств Европы, а это обеспечило ему тыл для войны с Советским Союзом.

Начиная с рубежа 90-х годов исследовательский процесс в отечественной историографии германского фашизма и его внешней политики, чему всегда уделялось особое внимание и посвящены тысячи изданий, позволил дать новое прочтение ряда ключевых аспектов темы. Это было связано с раскрытием огромного массива документальных материалов и возможностью анализировать их без идеологических и иных пристрастий, а также с расширением фронта изучения предмета за счет объединения усилий российской и зарубежной, в том числе польской и германской, науки¹². Новая концепция получила развитие в работах С.З.Случа, Ю.Л.Дьякова, Т.С.Бушуевой и других исследователей истории российско-германо-польских отношений¹³.

Показывая эволюцию отношений с Германией в сторону соглашения, когда Сталин с макиавеллистским прагматизмом молниеносно заменил непримиримое идеологическое и политическое противоборство двух тоталитарных режимов тесным сотрудничеством накануне и в начале Второй мировой войны, Случ обращает внимание на наличие обоюдных интересов в условиях изоляции обеих стран на международной арене, в том числе в отношении Польши.

Автор указывает на увеличение приоритетности германского фактора во внешней политике СССР, давление на Польшу и подготовку заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 г., предопределившего раздел этой страны. Он раскрывает динамику планов Гитлера накануне войны — от замысла нанести первый удар на Западе, обеспечив благоприятный нейтралитет Польши в тылу, к решению «польской проблемы», не добившись изоляции Польши, немирным путем, к диалогу с Москвой сначала по торгово-экономическим вопросам, а затем, когда Сталин сделал выбор в пользу сближения с Германией, к развитию отношений в сторону сговора с ним о разделе «сфер влияния». В результате Сталин «раздвинул границы СССР», включив в его состав, в частности, ранее принадлежавшие царской России территории и фактически активно поддержав агрессию третьего рейха — приняв непосредственное участие в четвертом разделе Польши со всеми вытекающими из этого последствиями.

Следует выделить также результаты изысканий в президентском архиве Л.А.Безыменского — серию написанных на новых документах статей и книгу о деталях истории сговора Сталина с Гитлером и главенствующем участии Сталина в составлении секретного протокола к пакту, что привело в сентябре 1939 г. к военному разгрому Польши и «ликвидации» польского государства и его армии¹⁴. А это был пролог катынского злодеяния. Автор глубоко реалистически показывает просчеты и деформации сталинской внешнеполитичес-

кой линии, очищая ее от идеологических мифов прошлого и настоящего. Это весьма важно для рассмотрения Катынского дела.

Информацию о других публикациях, касающихся советско-германских договоров 1939 г. в этом контексте, читатель найдет в тексте книги, в связи с тем, что жанр и структура работы диктуют перенос части источниковедческих и историографических проблем в разделы, посвященные показу усилий науки по раскрытию фактов и событий, утаивавшихся в течение десятилетий от общественности, по уточнению обстоятельств, причин и мотивов умерщвления польских военнопленных в специальных лагерях НКВД и тюрьмах и его последствий.

Следующий блок проблем — реализация советско-германских договоренностей в форме «освободительного похода» Красной Армии 17 сентября 1939 г. — до последнего времени был освещен в советской историографии весьма слабо, упрощенно, с многими умолчаниями и искажениями. Советские публикации: информация о событиях в первом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»¹⁵, подборка документов пограничной и воспоминания из сборника «В начале войны» и «Помни войну»¹⁶ — представляют устаревшую официальную версию событий. Они высвечивают проблему мифологизации направлений внешнеполитического курса Советского Союза и преемственности внешнеполитической доктрины имперского и советского периодов. Совсем недавно появились более обстоятельные и правдивые книги и статьи¹⁷.

Несравненно более обильные и детальные публикации польских авторов четко делятся на две категории. В Польской Народной Республике тема была под запретом и в затрагивавших 1939 г. публикациях как правило фальсифицировалась. Например, в книге «Сентябрь без окопов» в описаниях ряда боев начиная с 17 сентября говорилось об атаках немецких танков, в то время как танки были советские. Такого рода правка вносилась и в другие книги. Нередко в информации о боях с Красной армией она фигурировала под условным понятием «противник» или «неприятель»¹⁸. Сентябрьская кампания преимущественно ограничивалась военными действиями на западном фронте. Действия же Красной армии детально описывались лишь в книгах и воспоминаниях, выходивших на Западе.

Во второй половине 80-х годов книжный рынок Польши наполнили многочисленные публикации документов, воспоминаний и научных монографий, в которых обстоятельно прорабатывались разнообразные аспекты военных действий в ранее почти неизвестной «советско-польской войне 1939 года»¹⁹. «Освободительный поход» принял иное, значительно более близкое к правде, измерение, соответствующее директиве советского командования «молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника», «уничтожить и пленить польскую армию».

Основной массив работ по теме нашей монографии — это издания, посвященные пленным необъявленной войны и катынскому злодеянию. Первые публикации сведений о пленниках относятся к периоду обнаружения захоронений в Катыни весной 1943 г., когда

в польской печати, по мере эксгумирования останков, начали появляться списки жертв. На основе материалов эксгумации, проводимой немецкими врачами вместе с Технической комиссией Польского Красного Креста, в Берлине вышло в свет первое итоговое издание²⁰. Антигитлеровское подполье опубликовало брошюру «Катынь: убитые, обвинители» (на следующий год — «Катынь: убитые, убийцы, обвинители»)²¹. Советская контрпропаганда откликнулась брошюрами «Правда о Катыни» и «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров», которое было переведено и распечатано в том же, 1944 г., и следующем году Издательством на иностранных языках²². На этой основе в 1944 и 1952 гг. (в связи с работой Комиссии Конгресса США под руководством Р.Дж.Мэддена) советская «наша официальная версия» тиражировалась в польской официальной печати и была закреплена в Большой Советской энциклопедии. Вскоре тема была практически закрыта для печати как в СССР, так и в Польской Народной Республике.

Центром интенсивного сбора соответствующей информации и ее обработки стала польская диаспора в Италии и Англии. Первые сведения стали поступать от тех узников специальных лагерей, путь которых через Грязовец лежал в армию генерала В.Андерса. Данные стали стекаться в Польский институт и Музей генерала В.Сикорского в Лондоне.

После лондонских публикаций 1946 г. В.Сукенницкого и М.Хейцмана в 1948 г. появилось первое издание сборника «Катынское преступление в свете документов»²³, к которому позже сделал предисловие Андерс. Сборник выдержал тринадцать изданий в Лондоне, шесть переводов на английский, французский, итальянский, испанский языки (в том числе в Мексике и Аргентине), восемь (с 1980 г.) в Польше.

С 1949 г. четыре английских и три польских издания выдержал «Катынский список: пленные лагерей Козельск—Осташков—Старобельск, пропавшие в Советской России» А.Мошиньского²⁴. Были опубликованы воспоминания оставшихся в живых пленных — Б.Млынарского, Ю.Чапского, С.Свяневича и З.Пешковского. На этой основе Я.К.Заводным с использованием польских, немецких, британских и американских документов было подготовлено исследование «Смерть в лесу»²⁵, базу которого при помощи новых немецких архивов удалось расширить Ч.Мадайчику в книге «Катынская драма»²⁶. Но это уже была новая эпоха, начатая с выходом получившей большой резонанс в Польше книги Е.Лойека (Л.Ежевского) «История Катынского дела»²⁷. В официальной печати рубежом стали публикации польской части двусторонней советско-польской комиссии по истории отношений между СССР и Польшей (так называемых «белых пятен») «Катынское преступление» и «Экспертиза Сообщения комиссии Бурденко»²⁸. Работа совместной комиссии завершилась передачей польской стороне на встрече 13 апреля 1990 г. М.С.Горбачева и В.Ярузельского списков состава трех специальных

лагерей и признанием в сообщении ТАСС вины советской стороны в расстреле польских военнопленных.

После этого наступил огромный взрыв публикаторской активности в Польше. Только библиографические издания по катынской проблематике исчисляются десятками. Количество публикаций достигло нескольких тысяч. Три тысячи наиболее значимых из них сведены воедино М.Харц²⁹. Более трехсот периодических изданий следят за катынской тематикой, из них более семидесяти — зарубежные. Печатается обширная информация о работе различных центров, о многих научных и общественно-политических мероприятиях, о поисках и издании документов и материалов, о персоналиях. А сведения о всех группах расстрелянных — по социальным, национальным, региональным критериям — постоянно пополняются. Особенно успешно ведется работа в Варшаве³⁰. Фильмотека катынского злодеяния насчитывает более десяти документальных фильмов. Реализуются междисциплинарные исследовательские проекты. Над катынской проблематикой работают ученые — юристы, археологи, специалисты в области судебной медицины, фалеристы и другие. Итоги научных изысканий публикуются в серийном издании «Катынские тетради».

Изменение ситуации в нашей стране и развитие советско-польских отношений на рубеже 80—90-х годов позволили сделать Катынское дело достоянием и советской общественности. Его раскрытие происходит в контексте выявления правды о всем комплексе событий кануна и начала Второй мировой войны, способствовавших складыванию таких, а не иных обстоятельств, генезису причин и мотивов преступления. Своеобразие его истории состоит в том, что в течение многих десятилетий она была строго засекречена, последовательно утаивалась не только от общественности, но и от закона, и от науки, отлученной от источников, от подлинных документов и материалов, что делало невозможными какие-либо серьезные исследования. О сокрытии преступления, фальсификации и расследовании Катынского дела читатель прочтет в этой книге. Для начала ограничимся лишь вступительной информацией.

Первыми публично слово о катынском злодеянии сказали журналисты, опираясь на сведения, просочившиеся из Польши. В.Абаринов в «Литературной газете», Г.Жаворонков в «Московских новостях», Л.Елин в «Новом времени», Н.Ермолович в «Известиях» и другие повели журналистское расследование. После передачи польской стороне партии документов 13 апреля 1990 г., подкрепленной признанием вины советской стороны в сообщении ТАСС, была открыта дорога для публикаций ученых, на которую первопроходцами ступили В.Парсаданова, Ю.Зоря и Н.Лебедева. Вскоре появилась из печати и первая отечественная книга «Катынский лабиринт» — результат честных и смелых поисков В.Абаринова³¹. Первые научные и журналистские статьи советских авторов вместе с польской монографией Ч.Мадайчика составили сборник «Катынская драма»³².

После завершения работы комиссии историков СССР и Польши по изучению сложных проблем двусторонних отношений, о дея-

тельности которой написали в своих книгах оба ее сопредседателя — Г.Л.Смирнов и Я.Мачишевский³³, фронт расследования катынского преступления значительно расширился, дело было передано в Главную военную прокуратуру. В стенах ГВП было подготовлено заключение комиссии экспертов от 2 августа 1993 г.³⁴ (см. Приложение).

К катынской проблематике обратился и Ф.Рудинский, издавший книгу о рассмотрении в Конституционном суде «Дела КПСС», — участник процесса, сформулировавший вопросы, требующие, по его мнению, дальнейшего изучения со стороны судебных властей. В спор с ним вступил другой видный юрист — А.Ларин³⁵. Катынская проблема открылась в новой, партийно-политической плоскости. Ее значимость обрела иные качества. В связи с этим в октябре 1992 г. по поручению Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина в Польшу были переданы и немедленно изданы ключевые документы дела, в том числе составившее его политико-правовую основу решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.³⁶

На основании договора руководителей государственных архивных служб России и Польши развернулось издание совместной масштабной публикации «Катынь: Документы злодеяния». Она была запланирована как четырехтомное издание. На польском языке вышли два тома, на русском — один³⁷. На базе выявленных документов НКВД вышла в свет книга одного из составителей этого издания, Н.Лебедевой, «Катынь: преступления против человечества»³⁸.

Ряд новых срезов проблемы открыло рассекречивание комплекса документов Политбюро ЦК ВКП(б) из «особой папки» за 1939—1940 гг. по «польскому вопросу» — о массовом пленении и арестах польских граждан в сентябре—декабре 1939 г., об обмене пленных и передаче беженцев Германии, об урегулировании связанных с четвертым разделом Польши советско-германских отношений, о репрессировании и депортациях и т.д.³⁹ Свой весомый вклад в эту проблематику внесли сборником «Репрессии против поляков и польских граждан» исследователи из «Мемориала» О.А.Горланов, А.Э.Гурьянов, А.Б.Рогинский, С.Г.Филиппов и др.⁴⁰

Наконец, истории Катынского дела авторы предлагаемого читателям издания посвятили вышедшую в Варшаве на польском языке книгу «Катынь: преступление, охраняемое как государственная тайна», а также статью о современных правовых аспектах катынского преступления⁴¹.

С перечисленными и другими проблемами, работами и именами читатель подробнее познакомится при чтении нашей книги.

Примечания

¹ Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы: судьба балтийско-черноморской системы в XVI—XX веках // Полис. 1998. № 4. С. 53, 69—77. См. также: Он же. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

² Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 406.

- ³ Симонов К. Глазами человека моего поколения: Из материалов ко второй части — «Сталин и война» // Знамя. 1988. № 5. С. 33, 82.
- ⁴ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1—3. М., 1961—1964; Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1945—1949. М., 1958; Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1950—1959. М., 1960 и др.
- ⁵ Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. Политологический анализ. М., 1988; Проскурин С.А. Теоретические основы внешнеполитической стратегии России. М., 1997 и др.
- ⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1, 2. М., 1990; Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1, 2. М., 1995 и др.
- ⁷ Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20—40-х годов: Новое прочтение. Кемерово, 1996. С. 18.
- ⁸ Фальсификаторы истории: (Историческая справка). М., 1948.
- ⁹ Мельников Ю.М. США и гитлеровская Германия 1933—1939 гг. М., 1959; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939. М., 1963 и др.
- ¹⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1—2. М., 1973; Он же. Пакт Гитлера—Сталина: мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. М., 1990 и др.
- ¹¹ См.: История и сталинизм. М., 1991; Семиряга М.И. Советско-германские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.) // Советская внешняя политика 1917—1945 гг.: поиски новых подходов. М., 1992; Он же. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992; Кулиш В.М. Два года по пути к катастрофе // Свободная мысль. 1992. № 16; Он же. Советская историография Великой Отечественной войны // Война 1939—1945: два подхода. Ч. 1. М., 1995; Он же. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М., 1996; Другая война. 1939—1945. М., 1996 и др.
- ¹² 1939 год: уроки истории. М., 1990; Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996.
- ¹³ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992; Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990; Он же. Проблемы борьбы на два фронта в политике и стратегии третьего рейха в начальный период Второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). М., 1992; Он же. Германия и Россия в 1918—1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995; Он же. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999; Он же. Советско-германские отношения в сентябре—декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5, 6 и др.
- ¹⁴ Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3; Он же. Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин // Новое время. 1998. № 1; Он же. Человек, без которого не было бы пакта // Там же. 1999. № 33. Он же. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000 и др.
- ¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. I. М., 1996.

- 16 Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970; В начале войны. М., 1964; Помни войну. Донецк, 1971 и др.
- 17 Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939—1945; Она же. Германо-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999; Случ С.З. Круглый стол «Начало Второй мировой войны (1939 год): Современное состояние проблемы» // Славяноведение. 2000. № 6 и др.
- 18 Wrzesień bez okopów. W-wa, 1979; Pertek J. Marynarze generała Kleeberga. W-wa, 1986; L.Głowacki. Działania wojenne na Lubelszczyźnie w roku 1939. W-wa, 1986 i in.
- 19 Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej. T.I. Cz. 1-4. Londyn, 1951—1986; Armia Krajowa w dokumentach 1939—1945. T. 1-4. Londyn. 1970—1977; Napaść sowiecka i okupacja polskich ziem wschodnich (wrzesień 1939). Londyn, 1985; Lojek J. Agresja 17 września 1939: studium aspektów politycznych. Wyd. 3. W-wa, 1986; Kozłowski E. Końcowy okres wojny obronnej Polski (17.9—6.10.1939 r.) // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1989. № 3; Gygán W.K. Kresy w ogniu: wojna polsko-sowiecka 1939. W-wa, 1990; Agresja na Polskę w świetle dokumentów 17 września 1939 r. T. 1. Geneza i skutki agresji. W-wa, 1994; T. 3. Działania wojsk Frontu Białoruskiego. W-wa, 1995; T. 2. Działania wojsk Frontu Ukraińskiego. W-wa, 1996 i in.
- 20 Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin, 1943.
- 21 Katyń: zamordowani, oskarżyciele. W-wa, 1943; Katyń: zamordowani, mordercy, oskarżyciele. W-wa, 1944.
- 22 Правда о Катыни. М., 1943 (в 1945 г. была издана на польском языке в Кракове, в 1946 — в Познани, в 1984 г. — в Шечине); Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944. Сообщение было опубликовано в 1944 г. в Вашингтоне в качестве приложения к Информационному бюллетеню советского посольства, в «Известиях» (26.I.1944), в изданиях польской эмиграции в СССР — «Wolna Polska», «Zwycięzcy», «Na Zachód», а затем перепечатывалось в нескольких печатных изданиях ПНР в 1952 г. В последний раз публиковалось в Польше в 1990 г.: Zbrodnia katyńska: Dokumenty i publicystyka. W-wa, 1990.
- 23 Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. Londyn, 1948.
- 24 Moszyński A. Lista katyńska: jeńcy obozów Kozielsk — Ostaszów — Starobielsk zaginieli w Rosji Sowieckiej. Londyn, 1949.
- 25 Zawodny J.K. Death in the forest: the story of the Katyn forest massacre. Notre Dame, 1962. Книга выдержала 14 изданий на нескольких языках.
- 26 Madajczyk Cz. Dramat katyński. W-wa, 1989.
- 27 Jezewski L. (Lojek J.) Dzieje sprawy Katynia. W-wa, 1980. Книга выдержала восемь польских изданий и три переводных.
- 28 Zbrodnia katyńska. Z prac polskiej części wspólnej Komisji Partyjnych Historyków Polski i ZSRR. W-wa, 1990; Polityka. 19.08.1989, № 33; Липский А.Е. Эхо трагедии в Катыни // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Об указании на катынскую проблематику в числе задач комиссии на международной научной конференции летом 1989 г. см.: Яжборовская И.С. «Белые пятна» в истории советско-польских отношений и современность // Советские военнопленные в Движении Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. М., 1991; Jazborowska I. Wywabianie płam // Rzeczpospolita, 1990. № 266.
- 29 Harz M. Bibliografia zbrodni katyńskiej: Materiały z lat 1943—1993. W-wa, 1993; eadem. Bibliografia zbrodni katyńskiej: Materiały z lat 1993—1997 //

- Zbrodnia katyńska: Upamiętnienie ofiar i zadośćuczynienie. W-wa, 1998. S. 118—144.
- ³⁰ Tucholski J. Mord w Katyniu: Kozielsk, Ostaszków, Starobielsk. W-wa, 1991; Zbrodnia katyńska. Droga do prawdy. W-wa, 1992; Indeks represjonowanych: T. I. Rozstrzelani w Katyniu. W-wa, T. II. Rozstrzelani w Charkowie. W-wa, 1998 i in.
- ³¹ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; Парсаданова В., Зоря Ю. Катень // Новое время. 1990. № 16; Парсаданова В. К истории Катynского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3; Зоря Ю.Н., Прокопенко А.С. Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал. 1990. № 7; Зоря Ю.Н. Режиссер катынской трагедии // Берия: конец карьеры. М., 1991; Лебедева Н.С. Катynская трагедия // Московские новости, 1990. № 12; она же. И еще раз о Катynи // Там же. № 18; Она же. О трагедии в Катynи // Международная жизнь. 1990. № 5; Она же. Катynские голоса // Новый мир. 1991. № 2 и др. Абаринов В. Катynский лабиринт. М., 1991 и др.
- ³² Катynская драма. Козельск, Старобельск, Осташков. М., 1991.
- ³³ Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997; Maciszewski J. Wydrzeć prawdę. W-wa, 1993.
- ³⁴ Главная военная прокуратура (ГВП). Уголовное дело № 159. Т. 119; Rosja a Katyn. W-wa, 1994.
- ³⁵ Рудинский Ф. Катynская трагедия: расследование должно быть продолжено // Правозащитник. М., 1998. № 1; Он же. «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки участника процесса. М., 1999; С. 306—322; Ларин А. Односторонность и предвзятый отбор фактов не ведут к истине // Правозащитник. 1998. № 3.
- ³⁶ Dokumenty ludobójstwa: dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992. W-wa, 1992; Dokumenty Katynia: decyzja. W-wa, 1992; Секретные документы из особых папок / Подготовка публикации и вступительная статья Семиряги М.И. // Вопросы истории. 1993. № 1.
- ³⁷ Katyn: dokumenty zbrodni. Т. 1. Jeńcy niewypowiedzianej wojny. W-wa, 1995; Т. 2. Zagłada. 1998; Катyn: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997.
- ³⁸ Лебедева Н. Катень: преступление против человечества. М., 1994; Le-biedziwa N. Katyn: zbrodnia przeciwko ludzkości. W-wa, 1998.
- ³⁹ Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944. М., 1997.
- ⁴⁰ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. I. М., 1997.
- ⁴¹ Jazborowska I., Jabłokow A., Zoria J. Katyn: zbrodnia chroniona tajemnicą państwową. W-wa, 1998. Рец.: Оскоцкий В.Д. Преступление, сохраняемое как государственная тайна // Вопросы истории. 2000. № 1; Язборовская И., Яблоков А. Катynское преступление: барометр состояния права в человеческом измерении // Между прошлым и будущим. М., 1999.

Глава 1

ПОЛЬША МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Долой версальские цепи!»

Понятия «Версальский трактат» и «Версальская система» стали ключевыми для крупной полосы новейшей истории, завершившейся Второй мировой войной. Версальское мирное урегулирование после Первой мировой войны и образование плеяды самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе произошли на основе внутреннего разграничения территорий бывших империй — Российской, Австро-Венгерской, Германской и Турецкой (Османской), проведенного в соответствии со сложившейся к моменту окончания боевых действий ситуацией и закрепленного в системе мирных договоров. Реструктуризация Европы проводилась победителями в надежде раз и навсегда разрешить все проблемы за счет побежденных, а также России, и эта идея сопутствовала Версальской системе с момента ее возникновения до крушения.

Две великие державы — Россия и Германия — были отстранены от решения вопросов нового мироустройства. Это привело к разбалансированию политического равновесия в Европе, а затем к их демонстративному сближению, которое вызвало ряд последствий для соседних малых и средних государств в новой конфигурации европейской политики, в которой обе державы оказывались взаимно нейтральным, а может быть, и дружественными государствами. Это создавало новую ситуацию в треугольнике российско-германо-польских отношений. Версальский мир не мог удовлетворить многочисленные претензии и нейтрализовать конфликты, не предотвратил углубление противоречий. Сохранявшиеся очаги напряженности «в конечном счете превратили послевоенный мир в двадцатилетнюю мирную передышку между двумя мировыми войнами»¹. Страны региона молодых государств Центральной и Юго-Восточной Европы, среди которых наиболее крупной была Польша, попали в сферу таких отношений, где проблемы преимущественно и все чаще решались силой, а не при помощи разумных компромиссов, поскольку послеверсальская Европа из послевоенной стала превращаться в предвоенную.

Польша, возродившаяся как государство между двумя противниками Версальской системы, вынужденными вернуть ей отнятые в XVIII в. земли, объективно оказалась между двумя жерновками. Ее будущее зависело от политики соседних государств и взаимоотношений, складывавшихся в этом треугольнике. Она вначале довольно успешно пыталась утвердиться на нейтральной позиции «равной

удаленности» от них, что в первый период казалось возможным после пробы 1919—1920 годов.

Советско-польская война, испытывавшая на прочность недовершенные конструкции послеверсальской Европы, разделила и противопоставила друг другу две страны и их народы в самый трудный для них момент становления новой государственности. Она воспринималась обеими сторонами как реальная угроза их существованию. Это предопределило особо упорное, ожесточенное противостояние. Ю.Пилсудским двигала надежда на монтирование федерации под эгидой Польши. России война обещала реализацию ленинских планов разрушения Версальской системы, развертывания революционного процесса в Польше и — наконец — мировой революции. Это порушило бы всю международную систему империализма, «которая завоевана победами над Германией»², а не только подготовило бы объединение советских республик. Осмысливались и другие внешнеполитические концепции. Например, командующий рейхсвером Г. фон Сект, который в январе 1920 г. высказывался за экономическое и политическое соглашение с Россией, был сторонником ликвидации с ее помощью Польши, существование которой считал «нетерпимым». Германия готовилась к вооруженной интервенции в последнюю в августе того же года. Хотя интервенцию предотвратила Варшавская битва, германскими военными перспектива совместной с РСФСР боевой операции и раздела Польши трактовалась как возможная.

Национальные устремления и идеологические установки пролетариата причудливо переплелись и перемешались друг с другом: призыв «Через Польшу и Германию к мировой революции», написанный на знаменах Коминтерна, превратился в боевые лозунги осеннего наступления 1920 г. «Дашь Варшаву! Дай Берлин!»³. Концепция «экспорта революции», обретшая форму теориеподобной структуры, осела в идейном багаже коммунистов.

Война закончилась победой Польши, но на деле не позволила ни той, ни другой стороне достичь своих целей и намерений. Когда Красная армия двинулась на Варшаву, ее порыв помочь братьям по классу не встретил ожидаемого понимания среди польского населения, что весьма разочаровало друзей и соратников по революционной борьбе. Как справедливо писал известный польский публицист З.Залуский, «термин "белополяки" служил вначале для того, чтобы различить настоящих поляков от польской контрреволюции. Но чем ближе к Висле, тем этих "белополяков" оказывалось все больше... На предполях Варшавы складывалось впечатление, что других просто нет»⁴. Ослепленные перспективой мировой революции, советские руководители и военачальники не сумели верно оценить ситуацию, предвидеть последствия более чем векового угнетения польского народа, недостаточного уважения к его национальным чувствам.

Польский замысел создать объединение государственных образований народов, заселявших в XVIII в. Речь Посполитую, не удался. Польша превратилась в многонациональную слабо интегрированную страну, обремененную напряженными проблемами национальных меньшинств, сложных отношений с соседями.

Закрепленные в 1921 г. Рижским миром отношения, казалось, стабилизировались, что было подкреплено отказом «от всяких прав и притязаний», взаимными гарантиями полного уважения государственного суверенитета другой стороны и воздержания от всякого вмешательства во внутренние дела друг друга. Однако граница пролегла в соответствии со случайной конфигурацией линии фронта осени 1920 г., оставив на польской стороне почти половину белорусских земель и около четверти украинских, образовав непреодолимый барьер между Польшей и СССР. Польская политика, не будучи бескомпромиссно враждебной по отношению к Советскому Союзу, стала политической недоверия и неприязни.

Для Советской России Польша была страной, война с которой не была выиграна, опасность со стороны которой как опоры ненавистного версальского порядка, символа империалистической системы укоренялась в общественном сознании. Польская граница была границей с «капиталистическим окружением», и психологически угроза «Если завтра война, если враг нападет» увязывалась именно с нею. Более того, Польша воспринималась как самый крупный реальный, близкий противник: через фронты войны с ней с обеих сторон прошло более чем по миллиону солдат, значительно больше, чем через фронты Гражданской войны. Это оставило в сознании прочный след — неизгладимую горечь и взаимное неприятие, все более эксплуатируемые идеологически.

Напомним, что историческое сознание и политическая мысль Советской России получили весьма сложное наследство и их развитие оказалось весьма противоречивым. Демократической трактовки польского вопроса в предоктябрьский период и первые революционные годы, в том числе всеобъемлющей и последовательной программы его решения, объединения всех польских земель и воссоздания независимого Польского государства хватило ненадолго. Возобладали новые мифологемы. Восстановление польской государственности, судьбоносное, переломное событие крупнейшего масштаба и огромного значения для польского народа, событие долгожданное и желанное, оказавшее решающее воздействие на все дальнейшее развитие этого народа, для россиян было отодвинуто в тень идеей мировой революции. Иллюзия быстрого преобразования мира, отношение к польскому государству как к препятствию на этом пути очень затруднили налаживание конструктивных отношений между двумя соседями, затормозили преодоление пережитков прошлого и реальное сближение народов в духе демократических деклараций. Уместно отметить, что только в 1989 г. в СССР впервые был торжественно отмечен юбилей воссоздания Польского государства в 1918 г., что явилось заслуженной данью глубокого уважения к вековым освободительным усилиям польского народа, к его свободолюбию и жизнестойкости.

В 20-е же годы опыт военной конфронтации сыграл существенную роль в обновлении и укоренении стереотипов, более свойственных состоянию войны, чем утверждения дружественного мира. Ленин осенью 1920 г. писал о возможности заключения союза с Германией против Польши, которую, впрочем, не считал опасной для Советской

России. Важное значение имело и то обстоятельство, что в сознание Сталина, допустившего досадные стратегические просчеты в качестве члена Реввоенсовета, было заложено жестко негативное восприятие как итогов войны, так и страны-противника. Окрашенные личными мотивами мрачные воспоминания наложили свой деструктивный отпечаток на последующее развитие двусторонних отношений. В итоге, общие контуры советско-польских отношений в межвоенное двадцатилетие были сформированы событиями 1919—1921 гг. и оказали определяющее воздействие на противостояние Польши и России в период растущего напора гитлеровского фашизма и решение коренного вопроса о судьбах Польского государства.

К тому времени сложилась разветвленная сеть международных союзов и соглашений, но все они были в значительной степени формальными, не носили характера эффективных обязательств, которые гарантировали бы немедленное выступление на защиту партнера. Кроме того, насколько эта сеть дипломатических отношений функционировала систематически, все более усложняясь, настолько была слабо проработана и реально подкреплена военная стратегия западных держав, весьма далекая от готовности во всеоружии встретить приближавшуюся мировую войну.

Советско-польские отношения регулировались двусторонним договором о ненападении от 25 июля 1932 г. — на три года с продлением на два года при отсутствии предупреждения о денонсации за шесть месяцев до истечения срока действия. Произошел существенный, хотя и оказавшийся кратковременным, прорыв в деле складывания конструктивных межгосударственных и межнациональных отношений, в культурном и научном сближении обоих народов вопреки тому, что с 20-х годов, как показывает С.М.Фалькович, «под влиянием политического фактора образ Польши и поляков чаще всего предстал в тенденциозном освещении»⁵.

Следует признать, что последние годы жизни Ю.Пилсудского, понявшего важность восстановления рынков на востоке и пошедшего на сближение с СССР, оказались наилучшими для двусторонних отношений за все межвоенное двадцатилетие. Да и сам он все чаще стал переходить на русский язык, постоянно читал советские газеты и книги⁶.

Как справедливо отмечает С.З.Случ, Польша во второй половине 30-х годов объективно начинала играть крайне важную роль, оказывая большое влияние на корректировку и даже расстановку сил на Европейском континенте в 1939 г. Судьбы Польского государства оказались предопределены еще до начала Второй мировой войны развитием событий в силовом треугольнике, две другие стороны которого составляли нацистская Германия и Советский Союз⁷.

Нормализации двусторонних отношений весьма способствовала деятельность советской дипломатии, возглавлявшейся наркомом иностранных дел М.М.Литвиновым, который являлся активным сторонником системы коллективной безопасности на основе многосторонних договоров, подкрепляемых авторитетом Лиги Наций. Он старался поддерживать мирные, добрососедские отношения с госу-

дарствами, имеющими с СССР общую границу, и последовательно выступал на союзных и международных форумах против политики ревизии границ, в частности польских. Дух Рапалло начал развеиваться. Литвинов проявлял себя решительным противником пересмотра Версальского договора, превращенного в официальную догму рейха, критиковал предложенную Германией систему пактов о ненападении, которая сводилась к «проповедуемому г. Гитлером принципу локализации войны. Каждое государство, подписавшее такой пакт с Германией, иммобилизуется в случае нападения Германии на третье государство». Он указывал на пагубность тактики, «гарантировав нападение на одну часть, получать свободу рук для расправы с другой частью Европы»⁸.

Советское руководство внимательно следило за формированием гитлеровского курса внешней политики, направленного на подрыв Версальской системы, компенсацию потерь и дальнейший передел мира.

В числе вариантов пересмотра Версальского мира в Германии рассматривалась агрессия против Польши и возможная роль в этом СССР. В июне 1933 г. советская разведка направила наркому обороны К.Е.Ворошилову документ «Оперативная задача, легшая в основу полевой поездки, проведенной командованием рейхсвера в 1933 г.». В нем шла речь об учениях, на которых проигрывалась подготовка совместной войны России и Литвы против Польши при благожелательном нейтралитете Германии и блокировании участия Чехословакии и Франции на стороне Польши. Одним из исходных пунктов было обязательство России поддерживать Германию всеми находившимися в ее распоряжении средствами, а восточные границы Германии должны были быть восстановлены «в прежнем виде». Прогноз поведения Лиги Наций в такой гипотетической ситуации гласил: «Обычная картина, каждая страна обвиняет другую в агрессии. Общего решения достигнуто быть не может. Англия пытается локализовать конфликт, Франция стремится вмешаться в пользу Польши...» Возможные действия для Германии определялись следующим образом: «Ответом герм[анского] пра[вительства] была общая мобилизация в соответствии с тайным договором, заключенным с Россией...»⁹

Трудно определить, было ли получение этих сведений советской разведкой результатом ее удачной акции или сознательной утечкой информации в целях предоставления советскому командованию материала для размышления о возможном развитии событий. Но в концепции командования рейхсвера уже был заложен ряд элементов, которые будут воспроизведены в августе—сентябре 1939 г., являясь как бы репетицией грядущих событий. Просматривается готовность поставить Германию под ружье, достичь взаимопонимания и тайного сговора с Россией, добиться изоляции Польши и развертывания военных действий против нее и решения за ее счет как своих, так и российских территориальных проблем в довоенном, до 1914 г., варианте.

Вопросы отношений и перспектив их развития в том же треугольнике СССР—Германия—Польша с приходом Гитлера к власти рассматривал тогда и Сталин. По свидетельству перебежчика Орло-

ва, ранее высокого сановника НКВД, на совещании с участием сотрудников внешней разведки он обратился к ответственному за разведку в Польше лицу с вопросом: с кем пойдет эта страна в случае войны, начатой Германией? Ответ гласил, что Польша (с которой СССР имел договор о ненападении) будет бороться против немцев. Он вызвал резкую реакцию вождя, который обозвал разведчика дураком и назидательно поправил: Польша пойдет с Германией, так как иначе будет раздавлена¹⁰. Даже если оставить в стороне указание на необходимость соблюдения бдительности в отношении соседнего государства, очевидно просматривается нежелание признать обоснованность взаимодействия с ним в случае военной угрозы и варианта польского нейтралитета, отнесение Польши к стану прогерманской ориентации.

Польша, со своей стороны, поторопилась ограничить угрозу и обеспечить возможность нейтралитета для себя, заключив 26 января 1934 г. с Германией двустороннее соглашение «О мирном разрешении споров». Этот пакт не содержал гарантий для польских границ и фактически открывал возможности для неограниченного давления на нее.

Пилсудскому представлялось, что польские проблемы оптимально решает политика «равной удаленности» от соседних крупных держав. На совещании политической верхушки страны, как следует из дневниковой записи за 7 марта 1934 г. маршала сейма К.Свитальского, Ю.Пилсудский раскрыл свое видение ситуации и внешней политики Польши, которая являлась «очагом вечного противоборства и потенциальным источником споров». При отсутствии внешних гарантий безопасности она становилась объектом всяческих манипуляций. Как свое важное достижение Пилсудский представил заключение соглашения с Россией, которая «пошла на мирные отношения», а также, в связи с признанием Гитлером Польского государства, преодоление, хотя бы на время, враждебного, а порой и агрессивного отношения немцев. Свитальский записывал: «Польша, — излагал свои взгляды маршал, — на протяжении всей своей истории со времен Екатерины и прусского Фридриха испытывала на собственной шкуре, что бывает, когда два ее самых могущественных соседа смогут договориться между собой. Польшу тогда рвут на куски» (роль Австро-Венгрии в разделах Польши, действительно, была более пассивной).

Наиболее сложным, признался Пилсудский, было добиться того, чтобы оба пакта не были обусловлены какими-либо дополнительными обязательствами. При напряженности советско-германских отношений было очень трудно сохранять позицию свободы рук, не поддерживая ни одной из сторон, используя достигнутые соглашения как противовес. Обеспечив стране относительно устойчивую позицию на международной арене, комендант не питал особых иллюзий относительно ее прочности и прозорливо предсказал хрупкость этой конструкции, призывая сохранять бдительность и не поддаваться иллюзиям, что нынешние мирные отношения между Польшей и ее двумя могучими соседями, которые еще не оправились от урона, на-

несенного им мировой войной, «будут продолжаться вечно». Нормальные отношения с Германией, предполагал он, продлятся не более четырех лет¹¹. За более длительный срок, учитывая динамику настроений немецкого населения, он не ручался. Этот прогноз вполне подтвердился, несмотря на неоднократные усилия его премников сохранить достигнутую им основную тональность отношений, не попадая в зависимость от фашистской Германии, постараться устоять перед ее давлением.

Пилсудский хорошо знал, что Россия слишком великая страна, чтобы можно было ею пренебрегать, и опасался, что «виктория 1920 года» способна приблизить Польшу к краю пропасти. Еще в 1923 г. он говорил Мильерану, что Польша не может позволить себе такую роскошь, как плохо жить с соседями¹². Как известно, он неоднократно повторял, что при огромной протяженности границ с двумя великими державами надо постоянно думать о сохранении мира на них.

На мартовском совещании 1934 г. Пилсудский с большим сожалением констатировал, что его наследникам «трудно будет сохранить статус-кво 1934 года» и что им будет нехватать «умения анализировать и находить новые подходы»¹³. Через месяц с небольшим, 12 апреля, он провел секретное совещание военной элиты страны с участием министра и вице-министра иностранных дел, дабы обсудить ключевую проблему будущего страны: как, достигнув «довольно дружественных отношений» с СССР и Германией, избежать их ухудшения? Считая, что внутреннее положение обоих государств не является устойчивым и чревато неожиданностями, он предложил каждому участнику этой «сшибки мозгов» продумать и написать, какое из них является «наиболее опасным для Польши и может стать опасным в первую очередь», какими средствами они располагают и какие мотивы могут склонить их к наступательным действиям и как в связи с этим следует строить свою политику¹⁴.

Вскоре были предприняты меры по закреплению ситуации нейтральности в отношении обоих соседей как принятых ими правил игры. 5 мая был продлен срок действия договора о ненападении с СССР с соответствующей оговоркой в заключительном протоколе, что обе стороны не связаны никакими заявлениями, которые противоречили бы постановлениям Рижского договора¹⁵.

25 мая были сделаны шаги и для поддержания стабильных отношений с западным соседом. Согласно донесению посла Германии в Польше Г.Мольтке о беседе с польским министром иностранных дел Ю.Беком, они означали, что «Польшу не свернуть с политического курса, принятого ею по отношению к Германии», и в то же время она откажется брать какие-либо новые обязательства по отношению к России. Бек отстаивал польскую внешнеполитическую линию, доказывая, что лучший путь для достижения мирных отношений с соседями и тем самым для содействия миру вообще — это путь прямых договоров и двусторонних договоров, и «эта политика, принятая Польшей, как это следует признать всему миру, полностью оправдала себя»¹⁶.

Соседи, однако, все меньше были склонны одобрять столь независимую политику и подозревали наличие тайных договоренностей за своей спиной, не признавая за Польшей достаточно сильных позиций для «свободного плавания», особенно в условиях постоянной перегруппировки сил и изменения их баланса. Попытки «сохранить лицо», не раскрывая суть тех или иных форм давления, требований уступок, навязывания неравноправного партнерства или ловкого блефа, только подогревали недоверие и оказывались бесполезны. Становилось все труднее поддерживать параллельные отношения с соседями, каждый из которых недоверчиво присматривался к малейшему шагу, который можно было прочесть как движение в сторону другого. Возможностей эффективного применения подобного метода без потерь, без попадания в зависимость и превращения в жертву в условиях предвоенного нагнетания противоречий фактически уже почти не было¹⁷.

Как генеральный инспектор вооруженных сил генерал Э.Рыдз-Смиглы, так и министр иностранных дел Ю.Бек старались реализовать завещанную Ю.Пилсудским стратегию, но это получалось у них по-разному. Рыдз-Смиглы не любил немцев и не верил им, а о переговорах с Россией не хотел и слышать. Пилсудский ценил его как перспективного военного, дисциплинированного и надежного, с сильным характером и могучей волей, выполняющего любые задания и заслуживающего доверия, смелого, не боящегося сложных решений и не пасующего перед неудачами. Он не любил конфликтов, был справедлив к подчиненным и имел на них большое моральное влияние. Но у него был слабо развит политический инстинкт, и старый маршал сомневался, сумеет ли он сладить с капризными и амбициозными генералами, соотнести силы и возможности своего государства и неприятеля¹⁸. Действительно, его оценки мощи и военного потенциала Германии оказались неадекватными, как и способность спрогнозировать ситуацию, созданную секретным протоколом к советско-германскому договору.

Внешнеполитические проблемы ложились в основном на плечи полковника Ю.Бека, который в своих действиях был весьма односторонен, полагая, что опасаться Германии бессмысленно: «Неизвестно, будет ли война, но немцы отдадут себе отчет, что если они займут всю Польшу, то натолкнутся на Советы и будут иметь против себя всю Красную Армию»¹⁹. Его трактовка советско-польского договора о ненападении сама по себе была достаточно наивной, даже если отвлечься от развития событий в августе—сентябре 1939 г. Манера же общения Бека была далека от продуманности и осторожности, превращая его в легкую добычу для опытных и хватких немецких дипломатов. Очень скоро испытал на себе их мощное давление, пытаясь увилывать и давая слабинку, он стал надеяться найти поддержку у Великобритании и Франции.

Английский министр иностранных дел Э.Иден из бесед с Бекем вывел заключение, что представления последнего о политике были бы верны для министра державы, равной по весовой категории какому-либо возможному противнику, или островного государства. Он должен

был лучше осознавать слабость Польши. Кроме того, Бек считал, что билатеральные договоры надежнее и предпочтительнее коллективных, которые на самом деле не так легко нарушать²⁰.

Ситуация на международной арене во второй половине 30-х годов непрестанно трансформировалась и усложнялась, мир приближался к новой войне, а Бек не умел просчитывать столь сложные варианты с изменением правил игры и комбинаций. Польша систематически выполняла деструктивную роль в процессе создания системы коллективной безопасности, которая оказалась неадекватной реалиям разделенного мира.

В двусторонних отношениях Бек вел себя неровно и непоследовательно, легко, по свидетельству французского посла Л.Ноэля, отталкивая от себя людей, портя своей заносчивостью отношения с соседями, проявляя излишнюю самоуверенность и даже фанфаронство. Роковой ошибкой Бека, засвидетельствованной послом В.Гжибовским, был его отказ от встречи со Сталиным во время приезда в Москву для подготовки продления договора о ненападении. Бек, как и Гжибовский, поддерживавший в Варшаве представления о сильной позиции Польши в Москве, слабо ориентировался в советской политической действительности и посчитал, что партийный лидер не занимает достойного его визита поста. Этот сверхвызывающий жест на фоне многочисленных контактов с западными руководителями, и особенно с верхушкой рейха, которая намеревалась сговориться с польскими правящими кругами на антисоветской платформе и превратить Польшу в инструмент своей внешней политики, в своего вассала, был прочитан как явно враждебный и не мог не иметь однозначных последствий, хотя на самом деле, в чем совершенно прав Л.А.Безыменский, было бы примитивным недооценивать сложностей политической игры Ю.Бека и считать его креатурой германской политики²¹.

Польско-германский пакт о ненападении вызвал напряженность в советско-польских отношениях. Партийные органы и советская печать стали раскручивать идеологическое противостояние²². На польское и немецкое национальные меньшинства обрушились притеснения и репрессии с обвинением в национализме и фашизме. Польские коммунисты исключались из Коммунистической партии (большевиков) Украины (КП(б)У), упразднялись польские и немецкие национально-территориальные органы. В августе 1935 г. был ликвидирован Мархлевский национальный район²³.

Н.С.Хрущев в докладе на XIV съезде КП(б)У разоблачал «польско-немецких агентов», буржуазных националистов, которые открыли национальные школы, и под этой маркой «враги создали гнезда для проведения контрреволюционной работы». Было принято решение о депортации польского населения в Казахстан, и в 1936 г. вывезено более 40 тысяч поляков и значительное количество немцев²⁴.

Уже в конце июня 1934 г. значительное ухудшение атмосферы двусторонних отношений как в правительственных, так и в общественных кругах стало темой беседы замнаркома интел Б.С.Стомонякова и польского посла Ю.Лукасевича. По ходу взаимных претензий

посол констатировал, что советская пресса «нападает на польскую политику и систематически воспитывает недоверие к Польше». Стомонаков записал, что Лукасевич «крайне огорчен таким оборотом событий, ибо видит, как растрачивается или уже растрочен целиком "весь капитал, который, — сказал он, — мы с таким трудом накопили здесь упорной работой". Все это является результатом ни на чем не основанного недоверия, существующего у нас по отношению к польской политике»²⁵.

В середине 30-х годов в советской печати еще можно было встретить апеллирование к традициям совместного сотрудничества.

На смерть Ю.Пилсудского, наступившую 12 мая 1935 г., откликнулись в числе нескольких советских газет «Известия», опубликовавшие статью-некролог К.Радека. Она ориентировала на продолжение дружественных взаимоотношений и утверждала, что нет лучших гарантий независимости Польши, чем дружба с Советским Союзом, который не посягает на ее суверенитет: «Дружба СССР и Польши, к которой мы горячо стремимся, может спасти Восточную Европу от больших потрясений и может стать краеугольным камнем мира во всей Европе»²⁶. Однако на уровне лозунговой пропаганды победоносно утверждалось бессодержательное клиширование плакатных формул революционного сотрудничества в духе гипертрофирования классового начала. Одновременно через ущербно однообразную пропаганду, подчиняя себе сферу культуры и искусства — кино, жанр плаката, поэзию и песенное творчество, официальная идеология внедряла антипольские стереотипы, которые предписывали судить о польском народе по его части — по имущим классам, наделенным всеми чертами отвратительного кровопийцы-угнетателя и эксплуататора. В «Окнах РОСТА» образ наглого, усатого и пузатого «пана» с кнутом и кандалами в руках мелькал в одном ряду с заклетыми врагами советской власти — «наемниками» Антанты и «лакеями» Версальской системы. Усилиями сталинистской пропаганды увеличивался заряд негатива в трактовке советско-польских отношений, осуществлялась адаптация отрицательных стереотипов времен царизма для нужд сталинской тоталитарной внешней политики. Польша все более фигурировала в качестве лютого врага советского народа и приспешника Гитлера, на ней (вместе с Румынией) фокусировался клич-призыв к мобилизации на защиту Страны Советов как «осажденной крепости»²⁷.

За этой идеологической обработкой стояла определенная, начавшая приобретать в середине 30-х годов достаточно четкие контуры внешнеполитическая концепция сталинского руководства, касавшаяся идеи совместного советско-германского пересмотра проблемы судьбы Польши. Она проявлялась периодически, и не столько в акциях Литвинова, сколько в нацеленных на налаживание отношений с руководством нацистской Германии планах Сталина. Обе эти линии обнаружались во время «особой» миссии торгпреда Д.Канделаки в Германию в 1934—1936 гг. Хотя Литвинов старался контролировать эту акцию, вопреки ему Сталин вел тайные зондажи и переговоры с гитлеровскими креатурами²⁸.

Определенным индикатором эволюции позиции Сталина в то время можно считать ухудшение его отношения к близкой ему в идейно-политическом отношении группе польских коммунистов в Коминтерне, которая традиционно символизировала сотрудничество российских и польских революционеров и перспективу развертывания революционного процесса на западных границах СССР. Ее руководитель — соратник Сталина по Наркомнацу Ю.Лещинский-Ленский — прошел путь от сектантского курса на форсирование пролетарской революции к «повороту в политике Коминтерна», став одним из его соавторов. Весьма плодовитый публицист, он активно включился в разоблачение планов гитлеровского фашизма, в защиту независимости и суверенности своей страны. Эта линия успешно утверждалась в Коммунистической партии Польши (КПП).

В отношениях руководства делегации ВКП(б) в Коминтерне и его польской секции появилась напряженность. Контакт польских коммунистов со Сталиным разладился.

Вынесение на обсуждение Секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) осенью 1935 г. вопроса о выполнении КПП решений VII конгресса (надо отметить, весьма успешном) приняло неожиданный оборот. Оно сопровождалось обвинением польских коммунистов в шпионаже и провокации, рекомендацией таких мер «по оздоровлению партии», которые ставили ее на грань ликвидации. Речь шла об упразднении польской секции, не помешавшей «проникновению в ВКП(б) шпионов и диверсантов». Было предписано не допускать эмиграции польских коммунистов в СССР. Поляков в это время в стране было много, одних коммунистов насчитывалось более 5 тысяч, к концу 1935 г. согласно постановлению Секретариата ИККИ о переводе членов братских партий в ВКП(б) 2 тысячи из них вошли в местные партийные организации. Было признано, что КПП «засорена» троцкистами и поляки в местных парторганизациях нежелательны, поскольку «сеяли недоверие к правильности и справедливости приговоров советских судов, данных изменникам народа».

Заявка КПП на легальную деятельность в Польше, на укрепление единого и народного фронта встретила противодействие не только Секретариата ИККИ. Раздосадованный Сталин высказал мнение о выселке польских коммунистов из СССР и явке их с повинной к властям с перспективой помещения в тюрьмы или концлагерь Береза Картуска. Узнав об этом, руководители КПП попросили Сталина принять их и пересмотреть это решение. Встреча закончилась тем, что он предложил им в качестве альтернативы массовый выезд в интербригады республиканской Испании. В СССР после первой волны арестов польских коммунистов 1933—1934 г. две основные, большие, пришлось на 1935—1936 гг. и на 1937 г., в их ходе были арестованы 3 тысячи коммунистов и многие члены их семей. Погибли более 69% членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, в основном расстрелянные без суда²⁹.

Во время подготовки постановления о роспуске партии польских коммунистов Сталин сформулировал свое мнение 2 декабря 1937 г.

следующим образом: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовывать в печати, по-моему, не следует». В предъявленных генсеку ИККИ Г.Димитрову показаниях, данных на следствии арестованными руководителями КПП, присутствовали абсурдные вынужденные признания о подчинении партии пилсудчикам, о стремлении в случае войны СССР с Польшей обеспечить его поражение и т.п. В объяснявших роспуск КПП 16 августа 1938 г. коминтерновских документах фигурировали обвинения ее, в частности, в нарушении безопасности Советского Союза, выразившемся, например, в выдвижении лозунга права наций на самоопределение «вплоть до отделения» в отношении Западной Украины и Западной Белоруссии, что грозило ссорой Польши с СССР и разъединением польского народа и национальных меньшинств в борьбе с наступлением фашизма внутри страны³⁰.

Эти внешнеполитические сюжеты, отражавшие рост недоверия к польским коммунистам, ставшим на позиции защиты независимости и суверенитета своей страны, свидетельствовали о негативном восприятии польской политики. Собственно, еще летом 1936 г., при первом посещении В.Гжибовским Наркоминдела, замнаркома Н.Н.Крестинский без лишней дипломатии заявил ему, что политические отношения между СССР и Польшей — хуже не может быть: Польша находится в орбите германской политики³¹. Дальнейшее развитие событий не разубеждало советских дипломатов в этом: вначале сложные ситуации в польско-германских отношениях тщательно сохранялись в тайне; Гитлер решал свои имперские задачи в мирном стиле, последовательно подрывая устои Версальского договора — заняв Рейнскую область, профорсировав Мюнхенское соглашение, присоединив к Германии Австрию, а потом и Чехию. Ю.Бек не удержался при этом от того, чтобы не прихватить Тешинскую Силезию, что выглядело как подтверждение наличия тайного соглашения.

Гитлер увеличивал свой напор, усиливая опасения в Москве, что Польша пойдет в форватере его политики агрессии. Ее конфликты с Литвой и Чехословакией были использованы для усиления давления на нее, а угрозы приобрели весьма специфический оттенок. Так, болгарский посол в Москве Н.Антонов в отчете от 2 февраля 1938 г. сообщал, что известный своими прогерманскими симпатиями (так считалось) В.П.Потемкин заметил в беседе с ним по поводу возможных надежд Польши и Румынии получить Украину, «чего, разумеется, нельзя даже пробовать без войны», «но если будет война, — спокойно добавил собеседник Антонова, — очевидно, что Польша будет побеждена и тогда ее союзник Германия, для которой так ретиво сейчас работает полковник Бек, вместо того, чтобы выступить на ее защиту, придет, чтобы нам предложить возвращение к старой практике XVIII века и вместе совершить четвертый раздел польских земель». О перспективе четвертого раздела Польши Потемкин сказал 4 октября и французскому послу Р.Кулондру: «Я не вижу теперь иного выхода, чем четвертый раздел Польши». Аналогичные фразы он вставлял в беседы и с другими членами дипломатического корпуса. Венгерский посол в Москве М.Юнгер-Арноти докладывал в ра-

порте о беседе с советскими дипломатами в конце ноября 1938 г., во время которой было прямо сказано: «Одной из ближайших жертв мюнхенских соглашений после Чехословакии будет Польша. Они открыто говорили, что политика Бека ведет к четвертому разделу Польши, ибо, когда развернется германская агрессия во имя "мирного решения" проблем Гданьска, коридора, Верхней Силезии, голоса не поднимут ни западные державы, ни Советский Союз»³².

Так в течение 1938 г. в виде пробных шаров вбрасывалась версия соглашения СССР с Германией, если не состоится союз западных демократий с СССР и если Польша не займет позиции на стороне СССР. Советские дипломаты стали эксплуатировать идею раздела этой страны, Генштаб же в своем стратегическом плане видел Польшу в орбите фашистского блока, где «германо-польские силы» якобы соединялись воедино.

Германия, со своей стороны, настойчиво прокладывала пути подчинения Польши, требуя от нее территориальных уступок: включения в третий рейх «вольного города Данцига» (Гданьска), проведения через Поморье—Померанию экстерриториальной автостреды и железнодорожной линии. Гитлеровские дипломаты систематически с 1935 г. внушали польским верхам, что следует укреплять сотрудничество в силу общности интересов в отношении СССР, а Польша имеет шанс получить территориальные приращения за счет Украины (на что и реагировал Народный комиссариат иностранных дел (НКВД)). Польский посол Ю.Липский 11 августа сообщал из Берлина, что Г.Геринг предложил ему в ближайшее время обсудить, «разумеется, как всегда секретно и неофициально, возможность дальнейшего польско-германского сближения». В ходе предварительного обмена мнениями «Геринг вернулся к своей мысли о том, что в случае советско-польского конфликта Германия не может оставаться нейтральной и не оказать помощи Польше», которая, в отличие от Германии, «по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине» (что отклика поляков как правило не получало). При этом он четко обозначал намерение «положить конец большевистской акции»³³.

В октябре 1938 г. Германия перешла к прямому нажиму. 24 октября И. фон Риббентроп предъявил Польше счет за ее участие в разделе Чехословакии, когда Польша с согласия Германии получила в сентябре 1938 г. Тешинскую Силезию. Он потребовал «глобально-го урегулирования» германо-польских отношений ценой продления пакта о ненападении и гарантии общих границ: присоединиться к Антикоминтерновскому пакту (то есть отказаться от обязательств перед СССР), отдать Германии Гданьск с существенным ограничением экономических прав Польши в этом городе и т.д. Предлагаемое включение в фашистский блок означало значительное сужение суверенитета Польши и превращение ее в сателлита Германии, облегчающего той ее восточную экспансию.

Польша сама в известной мере спровоцировала этот ход Риббентропа, когда в сентябре во время конфликта с Чехословакией и поддержки последней со стороны СССР (на польской границе были со-

средоточены советские части и было заявлено, что пакт о неагрессии будет денонсирован без предупреждения) запросила Берлин может ли рассчитывать на его поддержку в случае конфликта с Советским Союзом. Был получен положительный ответ, но последовавшее за ним мощное давление, угрожающие намеки Потемкина с всей очевидностью демонстрировали, какую реальную опасность влекли за собой растущая напряженность отношений между соседями и их притязания.

Польская дипломатия предпринимала шаги по нормализации отношений с СССР. Литвинов поддержал это стремление, и 27 ноября было опубликовано коммюнике, подтверждавшее, что основой взаимоотношений остаются ранее заключенные договоры, а срок действия договора о ненападении 1932 г. продлен до 1945 г. Положительно решался ряд текущих вопросов. Был смягчен тон прессы, советская печать особо подчеркивала антигитлеровское значение коммюнике. Стороны договорились, что в основу торговых отношений будет положен принцип наибольшего благоприятствования. 19 февраля 1939 г. был подписан первый в истории торговый договор, с приглашением о клиринге, о товарообороте (с увеличением его примерно в 10 раз), о морских перевозках и транзите. Однако интерес к Польше как средству нажима на рейх уже падал.

Проанализировав положение Польши и уровень польско-германских противоречий, советские дипломаты в январе 1939 г. пришли к выводу, что «бесперывное стремление Германии к ревизии границ определило ту зигзагообразность внешней политики, которая характерна для Польши...», и что «ни один из спорных вопросов между Польшей и Германией не может быть разрешен мирным путем и что столкновение Польши и Германии неизбежно»³⁴. Исходя из этих предпосылок, линия Литвинова рубежа 1939 года была направлена на перевод советско-польских отношений в союзные даже в ранг возможного военно-политического союза против агрессии Германии. Однако в противоречие с нею вступали как сталинское видение развития советско-германских отношений, вскопившее к отставке Литвинова, так и постоянное усиление давления Гитлера на польское правительство, вынуждавшее последнее продолжать влиять и уходить от однозначных решений.

В январе 1939 г. Гитлер и Риббентроп требовали «глобального урегулирования германо-польских отношений, стремясь не допустить благоприятного развития отношений Польши с СССР. Появилось новое требование предоставления Германии в польской Гдыне того же статуса, что и в Гданьске, было возобновлено требование вступления Польши в Антикоминтерновский пакт с проведением явной антисоветской политики. Бек парировал, что пакт с Россией Польша трактует серьезно.

Духом пересмотра Версаля повеяло от утверждения Германии преследования немецкого меньшинства в Польше. Вместе с тем нелегитимно повторялись те же обещания компенсации³⁵. Бек прикрывался необходимостью «считаться с мнением народа», которое мешает решить вопрос в предлагаемом ключе, но заменял отказ туманом

ным уверением в том, что «польская политика в будущем, пожалуй, сможет развиваться в этом отношении в желаемом нами направлении»³⁶. Его заместитель граф Шембек констатировал в своем дневнике, что боязливый Бек склонялся к уступкам в вопросе автострადы³⁷. В то же время он понимал опасность таких договоренностей, грозящих потерей западной доверсальской, входившей в состав Германии, части Польши. Британскому послу в Варшаве Х.Кеннарду Бек сказал, что 4 января на встрече с Гитлером он понял, что пути Польши и Германии расходятся. В книге «Последний рапорт» он напишет, что счел своей обязанностью предостеречь президента Мощицкого и генерала Рыдза-Смиглого, что дело идет к войне: для Германии разговоры о Гданьске и автострате — лишь предлог. Колебания приведут к утрате независимости и превращению Польши в вассала Германии. Необходимо сохранение принципиальности и спокойствия. «Начинается война нервов»³⁸. Ситуация менялась, страна нуждалась в стабильности, между тем Германия переходила от контактов с Польшей к прямому ее подчинению.

В Польше проходили антигитлеровские демонстрации. В конце января Риббентропа, прибывшего в Варшаву на празднование пятилетия пакта о ненападении, а практически для последнего зондажа перед принятием решения о «польской политике», машинист поезда как бы случайно высадил в привокзальные кучи мусора, а под окнами зданий, куда приезжал посланец Берлина, оказывались возмущенные толпы. Риббентроп должен был признаться Молътке, что Польша заняла твердую позицию и придется изменить очередность принимаемых решений.

В ежегодном выступлении 30 января 1939 г. Гитлер обошелся без атак на СССР. Это был многозначительный ход.

8 марта Гитлер объявил высшим чинам рейха о своих планах. Перед продвижением на Запад он полагал необходимым обеспечить тылы, получить гарантированные источники сырья и продовольствия, лишить Францию союзников, предотвратить «удар в спину». Поэтому за Чехословакией последует Польша, падение которой сделает более сговорчивыми Венгрию и Румынию. В 1940 г. наступит очередь Франции и Англии, а затем СССР, война против которого «остается последней и решающей задачей германской политики»³⁹.

Разрабатывался план завоевания и расчленения Польши путем отделения от нее граничащих с Германией земель и образования западно-украинского государства под немецким протекторатом. Относительно «украинской карты» Гитлер еще не пришел к окончательному мнению. Не было принято решение и об остальных польских территориях. Но переход к силовому решению «польской проблемы» был предрешен.

По прошествии двух дней новую окраску ситуации и перспективам ее развития придало выступление Сталина на XVIII съезде партии, содержавшее заявку на формирование новой конфигурации политических сил на международной арене. Лозунг «Долой версальские цепи!» обретал новую жизнь.

Сговор

Основной сутью событий первой половины 1939 г. были рост агрессивности фашистской Германии и усиление противоречий между нею, с одной стороны, и Великобританией и Францией — с другой. СССР объективно стоял перед выбором партнеров: и та, и другая сторона «дозревали» до готовности вести с ним не только обмен мнениями, но и реальные переговоры, добиваться интенсификации контактов и достижения договоренностей. Сталинское руководство избрало курс на сближение с Берлином, хотя неоднократно изображало это решение как вынужденное.

Несмотря на резкую антагонизацию двусторонних отношений после прихода Гитлера к власти, прагматика экономических интересов возобладала, и обе стороны стали давать сигналы о желательности возобновления экономических отношений: СССР с 1935 г., Германия — с декабря 1938 г., когда немцы предложили возобновить переговоры о продлении торгово-кредитного соглашения. В их ходе стало вызревать стремление уладить и политические отношения, поэтому старт этого процесса датируется январем 1939 г. Постепенно укрепляясь, эта новая тенденция весной—летом 1939 г. становилась определяющей для развития международных отношений в целом⁴⁰.

Смягчение гитлеровских высказываний в адрес СССР отозвалось смещением в ту же сторону оценок в докладе Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. В нем произошел существенный идейно-политический сдвиг, появилась прагматическая двойственность внешнеполитических установок, эклектика, свойственная постидеологическому сознанию в период кризисного развития тоталитарного режима.

Критика Германии, Италии и Японии, фактически развязывавших новую империалистическую войну, оказалась совмещенной с не менее резкими нападками на «неагрессивные, демократические государства» — Англию, Францию и США, которые Сталин обвинил не только в попустительстве фашистской агрессии, но и в стремлении дать Японии и Германии «впутаться в войну», особенно с СССР, «увязнуть» в ней, чтобы все ее участники «могли ослабить и истощить друг друга», а западные державы — «выступить на сцену со свежими силами» и «продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁴¹. Установок противодействия распространению фашистской агрессии сталинское выступление не содержало ни в каком виде. Он повернул свои обвинения против западных держав — указывая на их стремление толкнуть СССР против Германии, «спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований», «втянуть в конфликт нашу страну провокаторами войны привычными загребать жар чужими руками». Германия в этих двусмысленных рассуждениях стала выглядеть такой же жертвой злых помыслов, как и СССР, и попала в число стран, с которыми Советский Союз был готов на «укрепление деловых связей»⁴².

В Берлине эти акценты доклада были поняты не только как приглашение к укреплению экономических, деловых связей, но как намек на смену идейно-политических ориентиров и готовность поддержать его внешнеполитический курс. Это предсказывало возможность сговориться и обеспечить подвижку в расстановке сил на международной арене со всеми вытекающими отсюда последствиями для усиления позиций Германии. Оставалось только продумать условия сделки.

Любимый сталинский прием рассуждений о противниках, которые сцепятся, передрутся, ослабят и истощат друг друга, а «третий радующийся» навязает им свои условия, служил в это время для демонстрации миролюбия и благих намерений, на самом деле скрывая выбор отнюдь не бескорыстного партнера, способного к дележу несправедливой добычи. Вскоре он применил тот же прием, объясняя Г.Димитрову тактику в отношении всего лагеря империалистов, которые должны хорошенько перегрызться.

Многие дипломатические акции по инерции продолжали прежний курс, в то время как подспудно уже рождалось новое кардинальное направление изменений во внешней политике, постепенно приобретая все больший размах. Поскольку стратегическое продвижение Германии на восток, впрочем, как и на запад, в связи с необходимостью обеспечить тылы, было возможно или вместе с Польшей как сателлитом, или «через ее труп», Гитлер остановился на втором варианте, готовя изоляцию, а затем и разгром Польши. Следя за переструктуровкой сил на политической арене, он 3 апреля подписал директиву о подготовке «плана Вайсс» — вторжения 26 августа на польскую территорию, проведения блицкрига с решением важнейших задач уничтожения польской армии и овладения стратегически определяющими экономическими районами. Внимательно наблюдая за инициативами и действиями Наркоминдела, руководителей Великобритании, Франции и Польши, фюрер выбрал оптимальный для себя срок и выступил с внешнеполитической программой в рейхстаге. 28 апреля он обвинил защитников Версальской системы в разжигании войны, одновременно заявив о расторжении германо-польского пакта о ненападении 1934 г. и англо-германского морского соглашения. Кабинетная «война нервов» в одночасье перетекла в открытую атаку средств массовой информации на Польшу, стала достоянием всего мира.

К тому моменту вполне обнаружились ограниченные возможности Наркоминдела в области мобилизации фронта коллективной безопасности. Объявив об отказе признать расчленение Чехословакии 15 марта, СССР не сумел добиться созыва конференции с участием Великобритании, Франции, Румынии, Турции, Польши по вопросу о мерах обеспечения защиты от возможной гитлеровской агрессии. Не было поддержано и предложение опубликовать декларацию о консультациях Великобритании, Франции, Польши и СССР («декларации четырех»).

Советские дипломаты не оставляли надежд вовлечь Польшу в антигитлеровскую коалицию и четко определить взаимные обяза-

тельства. 1, 2 и 4 апреля нарком М.Литвинов беседовал с польским послом В.Гжибовским, предлагая помощь в случае нападения Германии, склоняя к участию в коллективных акциях, доказывая, что равновесие в Европе, которое так упорно стремится сохранить Польша, давно рухнуло. Гжибовский защищал прежнюю концепцию невхождения в многосторонние комбинации, направленные против одного из своих соседей. Литвинов убеждал польского посла, что речь идет не об окружении Германии, не об ущемлении ее интересов, прав германского народа, а о борьбе с агрессией фашистских лидеров.

В неофициальном порядке посол признал, что для отражения агрессии Германии объединенных сил СССР и Польши было бы достаточно, и заверил (скорее от себя лично, заметил Литвинов), что, «когда будет нужно, Польша обратится за помощью к СССР». На это нарком возразил, что может оказаться поздно⁴³.

Польское руководство продолжало метаться в поисках опор и ориентиров, не решаясь изменить принципу двусторонних договоров и равной удаленности от соседей, боясь увеличить опасность.

Между тем сталинская внешняя политика все определеннее меняла свой курс. Советская дипломатия понесла огромный урон за годы сталинских репрессий. В мае произошла значительная «смена караула» в НКВД. 3 мая от дел был удален нарком Литвинов, поборник коллективной безопасности, сотрудничества в Лиге Наций, соглашения с бывшими странами Антанты. Место Литвинова по совместительству с креслом председателя СНК занял В.М.Молотов. В январе 1949 г. на партконференции в МИДе он откомментировал происшедшее следующим образом: «Решение ЦК ВКП(б) от мая 1939 г. было принято, исходя из необходимости приблизить Министерство иностранных дел (тогда НКВД. — *Авт.*) к ЦК и сделать его более непосредственным органом ЦК, чтобы закончить период, когда МИД был убежищем для оппозиции и всякого рода сомнительных полупартийных элементов. Литвинов только случайно жив остался... у нас никакого доверия к нему не было». В частном разговоре Молотов высказался еще яснее: «Все было в кулаке сжато у Сталина, у меня», роль дипломатов и послов была «ограничена сознательно»: «послы были только исполнителями определенных указаний». «Дипломатия у нас была неплохая, но в ней решающую роль, — признался руководитель внешнеполитического ведомства, — сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат»⁴⁴.

Сталин проводил имперский курс при помощи автократических решений, шагов и мер, волюнтаристски деформируя советскую внешнюю политику. Молотов же свою роль видел в том, чтобы последовательно выполнять «очень твердый курс», как можно более «расширяя пределы отечества».

Когда с мая возобновились переговоры с Германией, а польские политики продолжали упорствовать в своем отказе участвовать в многосторонних переговорах и подписании документов, заключить пакт о взаимопомощи с СССР и содействовать англо-франко-советским переговорам, Молотов делал повторные предложения помощи

в рамках зондирования польских позиций в отношении альтернативы нового сближения с Германией и обеспечения алиби («мы же проводили прежнюю дружественную политику, предлагали помощь...»). На самом деле уже был взят курс на урегулирование не только экономических, но и политических отношений с Германией. Прежняя литвиновская политика использовалась лишь для маскировки новой стратегии.

Зондажи показывали, что Польша не выступит на стороне Германии, что она стала заложницей ситуации, будущей жертвой ее развития. Терпела крах политика Бека: принцип «равноудаленности» был нереален, полностью исключая договоренность между великими соседями, а она постепенно реализовывалась; ошибочной оказалась инициированная лично им политика ограниченного, но достаточно интенсивного, особенно в 1938 г., сотрудничества с нацистской Германией⁴⁵. Ставка была сделана на Великобританию и Францию. Несколько лет назад Гитлер говорил Беку, что немецкому народу для благоприятного развития нужны на континенте хорошие отношения с Польшей, в мировом масштабе — хорошие отношения с Англией. Остальное — второстепенные вопросы. Эти устои со всей очевидностью рухнули.

После очередного «данцигского ультиматума» от 24 марта, по сути дела уже сулившего войну, на Замке у президента И.Мощицкого состоялось бурное заседание высших лиц польского государства. Из записи Шембека следует, что ситуация была определена как крайне напряженная, виновником чего признавалась Германия. Было решено, что в случае перехода ею определенного рубежа «это очень просто — будем воевать».

Через день германский посол Г.Мольтке передал в Берлин: для Польши Данциг — это символ. Изменение статуса Вольного города — казус белли.

Стали укрепляться западные границы и разрабатывался план на случай войны, который, правда, не успел принять законченную письменную форму. Военные расходы были увеличены, однако план модернизации армии из-за недостатка средств был сокращен. К сентябрю он оказался выполнен лишь на 35% и не принес качественных изменений в структуре вооруженных сил. Между тем Германия, форсируя подготовку к войне, затратила на нее в 45 раз больше средств, чем Польша.

Считаясь с приближением войны, дальновидные обозреватели и политики относили к неперемнным условиям победы включение в состав сил, противостоявших Германии, Советского Союза.

Крупнейший польский военный теоретик того времени, бывший и будущий премьер-министр польского правительства, генерал В.Сикорский полагал, что грядущая война будет носить тотальный характер и основываться на стратегии блицкрига. Однако эта стратегия не могла быть применена против СССР, который сам способен одержать победу над Германией. Статью-прогноз на 1939 г. в рождественском номере «Курьера Варшавского» генерал Сикорский так и назвал: «Нереальные планы». Он сомневался, впишется ли

сталинский режим в складывающийся блок демократических государств, противостоящий гитлеровской Германии, но надеялся, что в борьбе против фашизма этот режим изменится в сторону демократизации и либерализации.

Обращение за поддержкой к Великобритании, проведение тайных переговоров и получение 31 марта гарантий, с присоединением 13 апреля Франции к британским гарантиям, осуществлялись польским руководством в тех же рамках билатеральных соглашений.

Во время пребывания Бека в Лондоне там проходили англо-французские штабные переговоры. Преимущество Германии на суше и в воздухе не вызывало сомнений. Был избран вариант наращивания военной мощи, сдерживания Германии, стратегии отступления в начальный период, ведения длительной, экономически изнуряющей войны. В приоритетах Польша не значилась. Все это полностью перечеркивало надежды польских политиков и военных на непосредственную военную помощь Запада. 4 мая во время англо-французских штабных переговоров при рассмотрении ситуации, какая могла возникнуть в случае германо-западно-европейского конфликта при участии Польши и Румынии на стороне Англии и Франции, было записано: «Судьба Польши будет зависеть от окончательного итога войны, а он, в свою очередь, будет зависеть от нашей способности добиться возможного поражения Германии, а не от нашей способности уменьшить нажим на Польшу в начале войны»⁴⁶. И Великобритания, и Франция не были готовы к войне, методов эффективного воздействия на Гитлера не имели. Их гарантии были прежде всего моральной поддержкой, что поляки не сумели распознать⁴⁷.

Делая антигитлеровские жесты, обе страны в то же время не исключали варианта «умиротворения» агрессора. Влиятельная «Таймс» писала 1 апреля 1939 г.: «Новые заверения не обязывают Великобританию защищать каждую пядь земли территории Польши в нынешних границах. Ключевым словом является не целостность, а независимость». В конце апреля бескомпромиссность курса Гитлера на войну стала очевидна, но еще и в августе английская миссия Райли в Гданьске заявила, что не убеждена в жизненном значении Вольного города для Польши⁴⁸.

5 мая Ю.Бек выступил в сейме с разъяснением внешнеполитических установок правительства: оно может идти на уступки Германии до пределов, не угрожающих независимости страны, далее же притязаниям должно давать отпор. «Мы в Польше не знаем понятия мира любой ценой». Бек говорил о неизменности курса в отношении СССР.

В мае был ратифицирован торговый договор.

В мае же генерал Сикорский пришел к выводу, что участие СССР в антигитлеровской коалиции необходимо, и записал в дневнике: «Военный союз Италии и Третьего рейха должен ускорить объединение Европы против Германии. Коалиция должна как можно быстрее включить Советскую Россию, без опоры на Россию

мирный блок не победит. Сам факт достижения соглашения с Россией необычайно укрепит шансы сохранения мира»⁴⁹.

10 мая Бек пригласил на беседу проезжавшего через Варшаву В.П.Потемкина и «констатировал необходимость для Польши опереться на СССР в случае нападения на нее Германией»⁵⁰. Советская дипломатия расценила это как доказательство того, что Польше не удастся договориться с Германией. В июне конструктивные беседы с советским полпредом Н.И.Шароновым провели премьер-министр Ф.Славой-Складковский и министр иностранных дел Ю.Бек. Первый констатировал отсутствие взаимных территориальных претензий, второй — вообще каких-либо противоречий⁵¹.

Было очевидно, что Германия не втянула Польшу в совместные действия против СССР. Однако удельный вес Польши в глазах сталинского руководства уменьшался: она не представлялась для СССР существенным партнером на фоне успехов продвижения к расширению советско-германского сотрудничества. Сталин склонялся в пользу не необходимого для подлинной безопасности объединения всех потенциальных противников блока агрессоров, а геополитического решения в имперском стиле. После того как советский посол в Берлине в середине апреля заявил высокому немецкому дипломату, что идеологические различия не должны влиять на характер отношений двух государств, а другой советский дипломат прямо спросил своего собеседника, не мог ли уход Литвинова способствовать изменению отношения Третьего рейха к СССР, В.М.Молотов прямо выступил с инициативой формирования новой политической основы для налаживания экономического сотрудничества. 20 мая в беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом он поставил вопрос ребром: «...Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁵².

Германское руководство откликнулось на эти сигналы предложением о выработке германо-советского политического компромисса, сделанным 30 мая статс-секретарем МИД Германии Э. фон Вайцеккером поверенному в делах СССР в Германии Г.А.Астахову. На долю последнего выпала сложная миссия ведения секретных летних переговоров в Берлине — формально на уровне бесед с заведующим восточно-европейской референтурой отдела экономической политики германского МИДа К.Ю.Шнурре, на самом же деле как Астахов имел прямой выход на Молотова при помощи шифрограмм и дипкурьеров, так и Шнурре — непосредственно на Риббентропа. Через них и обговаривались условия «политического компромисса», который был нужен Гитлеру, чтобы, исключив партнерство СССР с Англией и Францией, срочно задействовать перевооруженную армию в реализации своих экспансионистских планов. На пути его агрессивных стратегических планов оказалась Польша, которая первой сказала им «нет» и была обречена на скорую расправу, становилась «объектом обоюдных интересов» соседей, не впервые превращаясь в разменную монету. Дело было за тем, чтобы соблазнить Сталина планами совместного переустройства Восточной Европы,

разжечь его аппетиты в отношении «жизненно важных интересов России», а для этого, как говорил Вайцеккер, «в германской лавке есть все товары».

На первой стадии прощупывались возможности для политического сближения и намечалась общая плоскость эвентуального соглашения. 26 июля в кабинете берлинского ресторана «Эвест» Шнурре заверил Астахова в готовности Германии пойти «целиком навстречу СССР в этих вопросах» и трактовать Балтийское море как «общее» и «начисто» отказаться от притязаний на Украину, «(исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии, относительно которых положение неясно)». Подведя беседу к польской проблеме, немецкий дипломат готов был предложить основной предмет торга: «Еще легче было бы договориться относительно Польши...»⁵³. Стало ясно, что раздел Польши занимает ключевое место в планах нацистов. Астахов имел инструкцию выяснять конкретные предложения германской стороны, но не отвечать на них. Поэтому он стал выяснять ее трактовку отношений в советско-немецко-польском «треугольнике». Он услышал уверения в «крахе германо-польской "дружбы"»: «Эта "дружба", и ранее бывшая крайне непопулярной в народе, рассыпалась буквально в течение суток. От Данцига мы не откажемся — это можно усмотреть хотя бы из "Майн кампф"». За этим последовал диалог Астахова и Шнурре:

— Ну, а если Польша, скажем, уступит Данциг? Ведь тогда «дружба» может возобновиться и, следовательно, политика в отношении СССР снова изменится в худшую сторону?

— Этого не будет. Восстановиться германо-польские отношения уже не могут. Они расстроились непоправимо⁵⁴.

Получая информацию от Астахова, Москва выжидала, создавая впечатление осмысления альтернатив, перебирания вариантов решений и тем самым подогревая «щедрость» Гитлера, его готовность выкладывать больше «товара». Астахов даже поддакивал Шнурре в отношении известных притязаний Германии, согласно записи последнего, он выразил мнение, что «Данциг так или иначе отойдет к рейху и что вопрос о коридоре как-то должен быть решен в пользу рейха»⁵⁵.

Беседы первой декады августа продолжались на фоне немецких полуофициальных заявлений о начале войны с Польшей после 25 августа, подтверждавших разведанные о готовности Германии силой поставить Польшу на колени и разделить ее территорию, роста нетерпения Гитлера побыстрее «нанести первый удар», ускорив «акцию против Польши», пока Великобритания, Франция и Советский Союз еще не достигли соглашения⁵⁶.

8 августа Астахов сообщил Молотову, что немцы, проверив готовность советской стороны договариваться, хотели бы вовлечь ее «в разговоры более далеко идущего порядка, произведя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими». Он пояснял, что фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с

находящимися в этой зоне странами. В отношении Польши немцы создавали впечатление, что не заинтересованы в судьбе «русской Польши» (с изменениями в пользу немцев), а также стремились «отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывш[ей] германской Польши (быть может, с прибавкой по линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции».

Г.А.Астахов полагал, что немцы видят вероятность такого рода переговоров «лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения». На ближайшем отрезке времени, они пошли бы «на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей». Но нет оснований считать, что «немцы были бы готовы всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства»⁵⁷.

Между тем такого рода соображения не остановили Сталина, который уже к этому времени сделал стратегический выбор, предпочтя широкомасштабные договоренности с нацистским руководством, сотрудничество с ним в условиях начинавшейся Второй мировой войны, когда стал торжествовать силовой подход к решению международных проблем. Как констатировал в Лондоне 5 августа посол И.М.Майский, «сколько попыток ни делает Чемберлен "забыть", "простить", "примириться", "договориться" — всегда что-нибудь фатально случается, и пропасть между Лондоном и Берлином становится все шире»⁵⁸. Его попытки остановить войну путем «мюнхенского варианта» для Польши были обречены на фиаско.

Заранее на неудачу оказались обречены августовские попытки координировать и объединить усилия для противодействия дальнейшей гитлеровской агрессии, прежде всего против восточно-европейских стран, Польши как первой жертвы, принявшие форму переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции. Их целью было заключение трехсторонней военной конвенции, направленной против угрозы германского нападения, в том числе на Польшу. Однако со вступлением советско-германских переговоров в активную стадию работа военных миссий приобретала для Сталина характер «игры на двух столах», удобного маневра для торга с Гитлером в тактических ходах⁵⁹.

Полученные К.Е.Ворошиловым 7 августа инструкции предусматривали использование проблемы полномочий для затягивания переговоров и их секретность, что облегчало нажим на немцев, а также весьма специфическое разыгрывание «польской карты». Было рекомендовано, «если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах», свести дискуссию к обсуждению «отдельных принципиальных вопросов», «главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию»⁶⁰.

Это требование было тщательно проработано накануне переговоров в «Соображениях советской стороны» за подписью маршала

Б.М.Шапошникова от 4 августа. При всех пяти вариантах нападения агрессора на Францию, Великобританию, на Польшу, Румынию, Турцию и СССР (через территории Финляндии, Эстонии и Литвы) оно было обязательным⁶¹, но заведомо неприемлемым для Польши. Это однозначно вытекало из истории и актуального состояния советско-польских отношений, из принципов польской внешней политики. Обратимся к свидетельству маршала Э.Рыдза-Смиглого. Будучи убежден, что проход частей Красной Армии еще не был бы равносителен их активному участию в защите Польши, но следует опасаться последствий их ввода, так как занятой территории они наверняка не покинут, он уточнял: «С Красной Армией шла бы вся администрация, политический, пропагандистский и другой аппарат». Опыт 1920 г. подсказывал ему: «Прход привел бы сразу к оккупации части страны и нашей полной зависимости от Советов... Россия захотела бы компенсации за 1920 год и Польша утратила бы восточные кресы. Советское правительство хорошо знает нашу позицию и если, несмотря на это, выдвигает сейчас требование нашего соглашения как *conditio sine qua non* продолжения переговоров, то оно тем самым доказывает, что серьезно к соглашению не стремится. Заявление Ворошилова не дает нам ничего конкретного, а только указывает, что советское правительство хочет, ставя военные вопросы, контрабандой протаскать вопросы политические и так вести переговоры, чтобы их затянуть или сорвать. Советы не имеют намерения вступать в войну с Германией и включаться в наступление против нее»⁶².

Свидетель событий 1939 г. сталинский переводчик В.Н.Павлов подчеркивал, что Сталин досконально знал польские дела⁶³. Разумеется, он не мог не предвидеть категорического отказа польского правительства на какое бы то ни было предложение ввода или прохода частей Красной Армии через польскую территорию. Это со всей очевидностью нашло свое выражение в ключевом, седьмом пункте инструкции, который гласил: «Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал»⁶⁴.

Немцы старались опередить начало этих переговоров. Согласно записи Шнурре, в беседе с Астаховым 10 августа он сулил СССР гарантии безопасности, «куда более весомые, чем английские», обеспечение «гарантий советских интересов в Польше» и возможности «советско-германского соглашения на этой основе». Это было прямое приглашение к говору за счет Польши, перечеркивающее нормы международного права, не говоря о нормах морали и нравственности⁶⁵. Шнурре говорил советскому собеседнику, что польская проблема интересует Германию более всего и что он хотел бы узнать подробно о позиции советской стороны по этому вопросу.

Видимо, Сталин решил, что время дать его решению официальный ход: предложения и гарантии его устроили. Курс на достижение политической договоренности с Германией рассматривался вечером 11 августа на Политбюро, и вопрос о заключении советско-германского договора был предрешен, с урегулированием «проблемы Польши»⁶⁶. В тот же день Молотов направил Астахову телеграмму: «Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует...»⁶⁷. Последний передал ее содержание Шнурре, перечислив в ряду «объектов» и Польшу, но не сумев дать ответ на дополнительные вопросы относительно нее. Астахову было ясно, что немцы явно стремятся развязать себе руки на случай конфликта с Польшей и заинтересованы скорее перейти к обсуждению территориальных и политических проблем конкретно. Опасаясь успеха переговоров военных миссий, они готовы отказаться от претензий на балтийские государства, Бессарабию, Восточную Польшу, не говоря уже об Украине. И «это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»⁶⁸. В более обширном письме того же 12 августа Астахов информировал, что «конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе», перебрасываются войска и речь идет уже не только о Данциге, но о «всей германской Польше» и «трудно предположить, чтобы немцы удержались от постановки вопроса о Познани, Силезии и Тешинской области», то есть «вопрос, по существу, ставится о довоенной границе (если не больше)». При согласовании этих планов предлагаемым взаимоотношениям предстоит открыть «новую эру советско-германской дружбы», война же будет не мировой, но локальной⁶⁹.

Ю.Шнурре, со своей стороны, фиксировал все нюансы интереса советской стороны к предложениям по разделу польской территории, в частности, судьбы земель, «принадлежавших ранее Австро-Венгрии»⁷⁰. Обе стороны договаривались, а точнее сговаривались о восстановлении и переделе результатов территориальных разделов Польши в XVIII в., обеспечивая возврат к доверсальскому порядку с некоторыми коррективами. Астахов посетил Риббентропа, был на приеме у Гитлера.

В записках Шнурре содержится констатация, что в Политбюро «делается совершенно другая политика, чем в то время, когда Коминтерн был доминирующим», — теперь он «в своем значении отступил далеко назад...»⁷¹. Нынешняя политика гитлеровское руководство вполне устраивала. Что касается Коминтерна, то антифашистские установки были в нем сильны. Германские коммунисты не могли оставаться равнодушными перед лицом мощной кампании в прессе и радио против Польши, аналогичной лживым обвинениям Чехословакии в терроре против немцев, преследовании меньшинств — явно «для провоцирования фашистами войны против Польши». В.Ульбрихт писал 15 июля Д.Мануильскому об этой кампании и предлагал «вместе с польскими товарищами и Наркоминделом» решить вопрос о том, как разоблачать «фашистскую ложь,

призванную сыграть важную роль» для стимулирования войны против Польши⁷². Предложения Ульбрихта не встретили поддержки.

К тому времени проблема национальных меньшинств, столь активно эксплуатируемая изданиями и радио Третьего рейха, стала активно прорабатываться и экспертами Наркоминдела. Это было отнюдь не случайным явлением, если учесть настроения В.Потемкина и приказ М.Литвинова. Специально исследовалась проблема национальных меньшинств в Польше.

29 марта на стол руководства легла первая справка по этому вопросу, в которой излагались претензии к этой стране. Данные сюжеты расцвели пышным цветом в ряде последующих справок на ту же тему и получили наиболее полное завершение в обнародованной накануне 17 сентября в «Правде» и опубликованной без подписи статье секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Жданова о причинах поражения Польши, а затем в приказах командования фронтов РККА, перешедших в тот сентябрьский день польскую границу.

На начавшихся 12 августа переговорах военных миссий без поддержки стала реализовываться сталинская тактика. Уже на второй день Ворошилов жестко заявил, что участие СССР в войне возможно лишь на территории соседних государств, особенно Польши и Румынии. На следующий день он настаивал, что без этого беседы не имели бы смысла, а 16-го назвал проблему пропуска войск кардинальной, без решения которой соглашение вообще не будет возможно. Обращение западных представителей к Польше принесло очевидный негативный ответ, переговоры зашли, как и следовало ожидать, в тупик. Непосредственно к польской стороне не обратились, реализуя замысел Сталина по торпедированию переговоров военных миссий при соблюдении некоего декораума.

В советскую пропаганду и историографию была внедрена версия, согласно которой это произошло по вине западных держав, которые не выполнили основное требование советской стороны о проходе частей Красной Армии через польскую территорию и фактически не хотели договоренности с СССР. Эту версию 27 августа в интервью газете «Известия» дал Ворошилов, и она была затем подробно развернута в «исторической справке» Совинформбюро «Фальсификаторы истории» в феврале 1948 г. Добавилось обвинение в адрес английских и французских представителей в том, что они, манипулируя Польшей, преднамеренно срывали выполнение советского требования, Советский же Союз и позже, в последних числах августа, был готов продолжать переговоры о заключении договора о взаимопомощи. Этот стереотип широко тиражировался в СССР и прочно укоренился в общественном сознании, был введен и в идеологические установки Коминтерна.

Между тем анализ ситуации и хода переговоров, а также принимаемых западными миссиями мер убедительно показывает, что проблема отказа в праве использования польской территории неоправданно раздута: она отнюдь не делала переговоры беспредметными. Западные державы, хотя и относились к СССР весьма сдержанно, в чем не могли не сказываться социальная неприязнь, осуждение ста-

линских деформаций и массовых репрессий, нестабильности сталинской внешней политики, были весьма заинтересованы в советской военной помощи. Они все более вдумчиво и серьезно относились к переговорам, реально надеясь заключить военное соглашение с СССР и остановить нападение Германии на Польшу, вкладывая в это все больше сил. Они отнюдь не тормозили принятие Польшей положительного решения — они ее уговаривали сделать это в какой-либо, даже «молчаливой», форме⁷³. Более того, Франция пошла на беспрецедентный шаг. Э.Даладье прислал по телеграфу 21 (по другим данным — 22) августа указание главе французской военной миссии генералу Ж.Думенку подписать конвенцию, предусматривающую проход Красной Армии через Виленский коридор и, в случае необходимости, юго-восточные территории Польши и Румынию. Но официального ответа ни британского, ни польского и румынского правительств не было. Ситуация приобретала драматический характер на фоне нескольких успешных шагов советского руководства, предпринятых 19—22 августа.

Подписание 19 августа советско-германского экономического соглашения открывало путь решению следующей задачи: в тот же день Сталин спешно провел, профорсировал рассмотрение вопроса о заключении с Германией пакта о ненападении на Политбюро. Фактически не осознавая полностью характера и масштабов угрозы со стороны фашистской Германии и посчитав на каком-то этапе гитлеровское руководство «более удобным и надежным партнером», сулившим за сговор с ним существенные выгоды, советское руководство допустило серьезные, принципиальные просчеты, стало участником силового подхода к решению международных проблем, пошло на сближение с нацистской Германией и начало проводить политику с резко выраженной антипольской направленностью⁷⁴.

Обнаруженный Т.С.Бушуевой текст речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. с его рекомендацией «принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию» вполне логично вписывается в его линию и данные им оценки⁷⁵. Если некоторые аспекты этого документа ставятся под сомнение, то политика в отношении Польши вполне подтверждается дальнейшим развитием событий.

Выбор советской позиции в вопросах мира и войны, договоренности с Великобританией и Францией или с Германией в значительной мере упирался в решение судеб Польши как в ключ к развязыванию войны. Пакт заключался как «вполне осознанный договор о безнаказанном со стороны СССР нападении Германии на Польшу с перспективой раздела Польши между Германией и СССР» и с перспективой войны между Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией — с другой, при ненападении СССР на Германию. В отношении Польши это был очевидный сговор⁷⁶.

Заключение договора о взаимопомощи с Великобританией и Францией было равнозначно отказу Германии от развязывания войны, от завоевания Польши, поиску «модус вивенди» с западны-

ми державами. Но этот вариант Сталин считал для России нежелательным. Зато при заключении пакта о ненападении с Германией, говорил Сталин на Политбюро, она, «конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным». Такая ситуация позволит СССР «остаться в стороне от конфликта» и «надеяться на наше выгодное вступление в войну». «Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию»⁷⁷. Таким образом, захват немцами территории Польши до самых подступов к столице — для нас «преимущество», радикальное ослабление противника перед нашим «выгодным вступлением в войну» и его аннигиляцией. Тактика и принцип раздела польской территории для сведения членов Политбюро обозначены, но со всей очевидностью речь идет не о занятии какой-то территории, а об уничтожении соседней страны, с намеком на приглашение к этому, к продвижению к Варшаве, с другой, уже нашей стороны. А ведь для Советского Союза подобное «преимущество» — не что иное, как установление общей границы с гитлеровской Германией, непосредственная опасность для СССР. Однако она Сталиным как таковая не воспринимается!

Чего стоят в этом контексте рассуждения о том, что СССР не мог и не имел права допустить, чтобы фашистская армия беспрепятственно вышла к границам страны? Разве передвижение границы меняло эту логику? Трудно не признать правоту В.Л.Дорошенко, утверждающего, что существование Польши между СССР и Германией было для СССР фактором безопасности и должно было быть краеугольным камнем оптимальной советской внешней политики, разве что Сталин рассчитывал на проведение не оборонительной, а наступательной политики⁷⁸. Оставить укрепленные рубежи и не обзавестись равноценными новыми перед лицом гитлеровской угрозы? Это был очевидный просчет, вытекающий из неверной оценки перспектив развития германо-советских отношений и т.д.

В мае 1941 г. в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии был подготовлен проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», констатирующий факт растущей опасности образовавшегося непосредственного соседства с Германией «от Нарвика до Черного моря» и концентрации на этой границе войск⁷⁹. Десятилетия советская пропаганда, а за ней и историография утверждали, что, оттягивая начало войны, Советский Союз ценой «умиротворения» Германии получал передышку. Но на самом деле в 1939 г. Гитлер не угрожал СССР. Опять просчет? Или непререкаемый компонент сомнительной идеологической конструкции?

Доступный ныне материал вполне убедительно подтверждает вывод М.М.Наринского: «Просто Сталин счел соглашение с Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку. Он выиграл не время, а территорию»⁸⁰. Он приобретал возможность иметь и увеличивать территориальные приращения. Рассмотрение всего комплекса аргументов, привлеченных Сталиным для обоснования заключе-

ния пакта с Германией, и прогнозирования им дальнейшего развития событий далеко выходит за рамки настоящей работы. Ограничимся указанием на последствия этого шага в практически-политическом документе тех времен — составленном А.С.Щербаковым в начале июня 1941 г. (когда пришло время «собирать камни») новом проекте директивы «О текущих задачах пропаганды». В нем признавалось, что подготовка войны и ее ведение на первом этапе шли под лозунгом освобождения Германии от гнета версальских цепей, нашедшим «известное сочувствие и в других странах, которые считали Версальский договор унижительным и несправедливым». Поскольку обстановка «коренным образом изменилась», Германия перешла к прямому захвату чужих территорий под лозунгом установления «нового порядка», его следует трактовать как завоевательный, а лозунг «Долой версальские цепи!» «отпал»⁸¹. Приходится констатировать, что этот лозунг по-прежнему трактовался Щербаковым не как завоевательный, а как обеспечивающий «свободу рук» в Восточной Европе. Именно на предоставление Германией свободы действий СССР, готовности уступить зону влияния в Восточной Европе и указывал на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. Сталин.

Во взаимоотношениях Москвы и Берлина произошли кардинальные изменения: переговорный процесс перешел в руки сановников высшего ранга, взявших на себя все работы по оформлению как договора, так и секретного приложения к нему⁸². «В МИДе, — как свидетельствует В.Н.Павлов, — такой документ не готовился и не обсуждался. Проект документа обсуждался в Политбюро. Инициатива принадлежала Сталину»⁸³. Следовало бы признать правоту изучившего в деталях процесс рождения пакта Л.А.Безыменского, предложившего считать пакт произведением Сталина—Гитлера, а не Молотова—Риббентропа⁸⁴.

Справедливые, как показала история, критические замечания и предостережения игравшего весьма важную роль в урегулировании советско-германских отношений весной—летом 1939 г. талантливого и ответственного советского дипломата учтены не были. Наоборот, как многие другие «порученцы» Сталина, Астахов был отозван в Москву, уволен из Наркоминдела, а затем и арестован. Его нещадно били и пытали по обвинению в шпионаже, в работе на иностранные разведки, с переквалификацией на работу в пользу польской разведки. Получив срок 15 лет, он через полгода скончался в лагере.

21 августа в советской печати было объявлено о назревшем улучшении не только экономических, но и политических советско-германских отношений, а 22-го — уже о готовности обеих сторон заключить пакт о ненападении и приезде в Москву Риббентропа для соответствующих переговоров. Тогда-то и стали приниматься интенсивные, можно сказать, отчаянные шаги французской и английской дипломатии, чтобы спасти переговоры военных миссий, если не предотвратить, то, по крайней мере, ограничить рамки германо-советского соглашения. Министр иностранных дел Франции

Ж.Бонне пытался через посла в Варшаве Л.Ноэля надавить на маршала Рыдза-Смиглого, дабы получить карт-бланш, «хотя бы молчаливое обещание впустить русские войска в том только случае, если Россия поддержит Польшу против германской агрессии». Французская дипломатия считала это «последним шансом спасти мир», возложить ответственность на Россию, которая будет разделена с Польшей⁸⁵. Эта задача не имела решения. Ограничить рамки соглашения СССР с Германией западные дипломаты были не в состоянии. Это подтвердила и неудачная очередная попытка премьер-министра Великобритании Н.Чемберлена, направившегося в ночь на 22 августа послание Гитлеру с предложением нового Мюнхена за счет Польши. Но Гитлер решал свои задачи несравненно масштабнее, уже практически сговорившись со Сталиным, в том числе и прежде всего о разделе Польши.

Война уже стояла на пороге. Сталин не собирался выбивать стартовый пистолет из рук Гитлера, хотя явно имел такую возможность. Но его планы были другими.

Обрисовывая 19 августа на Политбюро перспективы «большой войны», максимально длительного противостояния рейха и англо-французского блока «в целях изнурения двух сторон», он апеллировал к традиционной программе революционного преобразования мира и к использованию «широкого поля деятельности для развития мировой революции» в военных условиях, поскольку коммунисты мира не были столь сильными, чтобы захватить власть⁸⁶. Казалось, по сталинской логике, «до мировой революции снова рукой подать!»⁸⁷ Но Сталин повел страну не транзитом через войну к революции, что обещал международному коммунистическому движению, но путем сговора, возврата к имперскому дележу Польши, повторного передела мира по схеме прежних феодальных разделов и тоталитарно-автократических решений.

Это не могло не нанести тяжелый удар по всему коммунистическому движению, не внести сумятицу в установки Коминтерна, пытавшегося продолжать ориентироваться на советскую политику.

Компартии выступали за решительное противодействие фашистским агрессорам и их пособникам, в защиту Польши как жертвы германского нападения. Центральный орган компартии Голландии «Фольксдагблад» 22 августа высказывал уверенность, что пакт будет ударом по поджигателям войны, свидетельством временного отказа Германии от войны, центральный орган швейцарской компартии «Фрейхейт» — что он «не помешает Советскому Союзу выполнить свои обязанности союзника по отношению к народам, подвергшимся нападению», а советское правительство сорвало-де Мюнхен для Польши. ЦК КП Великобритании указывал: «Опасность для независимости Польши вытекает из политики Чемберлена, которая всегда заключалась в том, чтобы оказывать на Польшу давление и заставить ее торговаться с Гитлером о Данциге». Предотвращение агрессии он видел в немедленном заключении своим правительством договора с СССР и переговорах с ним польского правительства. Секретарь ЦК КП США 23 августа настаивал на том, что Гитлер в

отношении Польши должен быть поставлен перед «фактом невозможности нападения»⁸⁸.

На заседании Секретариата ИККИ 22 августа рассматривался политически заостренный вопрос «Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией». Традиционно решение руководства Коминтерна нацеливало партии на продолжение борьбы против агрессоров, особенно гитлеровского фашизма. Готовность СССР заключить с Германией пакт расценивалась как помощь малым странам и действие в защиту всеобщего мира, не исключающее «возможности и необходимости соглашения между Великобританией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам», чему явно противоречило конъюнктурное осуждение Польши (и тех же западных держав), которая «под влиянием» английского и французского правительств «отклонила возможную эффективную помощь СССР»⁸⁹.

С усилением изменения прежних оценок увеличивался сумбур в идеологических установках Коминтерна, уменьшалась его способность идейно противостоять гитлеровской агрессии. Верифицировать этот курс было очень трудно, поскольку правда о сталинской внешней политике и ее деформациях была глубоко скрыта в тайниках власти.

Но даже то, что оказалось на поверхности, нанесло по СССР, его престижу и по перспективам одоления гитлеровского фашизма удар огромной силы, дезорганизовало силы прогресса.

Кстати, и нацистские внешнеполитические теоретики весьма критично оценивали решение Гитлера поделить частью польской территории со Сталиным, считая ее хорошим плацдармом для нападения на СССР. Но Гитлер был более дальновидным стратегом, да и Сталин не создал на новой пограничной линии СССР должных препятствий для реализации военных планов фюрера, почти два года осваивая гарантированные нацистской Германией территории.

Подписанный под неустанным давлением Гитлера в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом содержал в своих семи статьях довольно типичный набор юридических формулировок, уравнивающих основные обязательства сторон, которые должны были воздерживаться от всякого насилия, агрессивных действий и нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая не будет ни в какой форме поддерживать эту державу. Статья же о денонсировании договора в случае агрессии одной из сторон отсутствовала.

Правительства СССР и Германии договорились оставаться в будущем в контакте друг с другом для консультаций, информирования друг друга в вопросах, затрагивающих их общие интересы, и не участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно была бы направлена против другой стороны. В случае возникновения споров и конфликтов следовало разрешать их исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или (в нужных случаях) с помощью создания комиссий по урегулированию конфликта. Договор заключался сроком на десять лет

и вступал в силу немедленно после его подписания⁹⁰. Во всех своих элементах это был рекорд сталинского высшего политического пилотажа, который обернулся крупным стратегическим просчетом⁹¹.

Многоактное монтирование Сталиным советско-германской договорной системы, начиная с первого политико-правового акта, договора от 23 августа 1939 г., сопровождалось многими уловками, призванными закамуфлировать наступивший сговор. Так, Молотов 23 августа конфиденциально сообщил французскому послу, а его заместитель Лозовский 26 августа — китайскому послу, что советское правительство по-прежнему готово продолжать переговоры с Англией и Францией о заключении договора о взаимопомощи. Эта версия прочно закрепилась в советской пропаганде, а затем историографии, а между тем данное утверждение находится в полном противоречии с обязательствами, взятыми на себя СССР согласно статьям I, II и IV пакта: они практически целиком исключали договор о взаимопомощи с Англией и Францией⁹².

С.А.Лозовский 26 августа подтвердил, что договор о ненападении с Польшей якобы остается в силе, а К.Е.Ворошилов 27 августа в интервью газете «Известия» заметил, что «помощь сырьем и военными материалами является делом торговли, и для того, чтобы давать Польше сырье и военные материалы, вовсе не требуется заключения пакта взаимопомощи и тем более военной конвенции»⁹³. Между тем оба заявления носили сугубо отвлекающий характер, фактически служили дезинформации, некоему успокоению общественного мнения.

Что касается польской общественности, то в ней усиливались пророссийские настроения. В некоторых кругах существовало предположение о вероятности союза Гитлера со Сталиным против Британской империи, но не против Польши. Первой реакцией отдела печати польского МИДа было заявление о том, что безопасность страны не была ущемлена подписанием пакта, тем более что она имеет с СССР договор о ненападении 1932 г., который был продлен в 1938 г. Как свидетельствовал профессор С.Свяневич, возможность одновременной атаки со стороны обеих соседей отрицали «и высшие армейские чины, и журналисты, и политики, и профессора, то есть люди, хорошо знакомые и с историей Польши, и с историей ее разделов». Всегда находился кто-то, кто говорил: «Россия — огромная страна и новые земли ей не нужны». Все скорее «были расположены ожидать некой помощи от СССР в случае германского нападения»⁹⁴. В обществе пакт вначале вызвал подлинный взрыв. Печать заговорила о четвертом разделе Польши, излагая его условия весьма близко к тексту секретного приложения. Посол Шаронов сообщал 25 августа Молотову: «Пресса в целом пытается представить договор как "измену" СССР "фронту мира" и чуть ли не переход в группу держав "оси", что оказало известное влияние на отношение к нам населения». Появились рассуждения о невозможности для Польши ведения войны на два фронта⁹⁵. В существование подобной договоренности очень трудно было поверить, и пресса повторяла высказывание генерала Сикорского, что пакт, как «двусто-

ронний политический обман», непрочен и недолговечен. Не зная о его подлинной сути, он полагал, что этот «шахматный ход» «не предрешит поведения СССР и Германии в грядущих событиях»⁹⁶.

Это действительно был плутовской прием: договорившиеся о разделе добычи участники обоюдновыгодного сговора (каждый получил весомые территориальные приращения и свободу рук для неблагоприятных дел) считали себя в выигрыше. Сталин после подписания пакта, по свидетельству Хрущева, чуть не плясал от радости: он «надул» Гитлера. Гитлер же, убедившись, что пакт с протоколом «на мази», в свою очередь, в восторге воскликнул: «Они у меня в кармане!», лишь слегка удивившись умеренности советских территориальных требований, не выходивших за пределы давней Российской империи. Риббентроп также пребывал в эйфории: «Было достигнуто соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполнило меня величайшими надеждами»⁹⁷.

Договоренность действительно далеко вышла за рамки пакта о ненападении. Риббентроп даже предложил назвать его договором о дружбе и ненападении. Сталин, по словам Павлова, не согласился, сказав, что нас не поймут с такой формулировкой. Через месяц фарисействовать и особо секретничать не было нужды. Собственно, уже при ратификации 31 августа Молотов говорил о развитии и расцвете дружбы народов СССР и Германии, о договоре как «поворотном пункте в истории Европы, да и не только Европы»⁹⁸. Следующий договор, который уже готовился в МИДе, — от 28 сентября 1939 г. — официально квалифицировал межгосударственные отношения двух тоталитарных государств как «дружбу», что и было вынесено в его название⁹⁹.

За все время действия советско-германских договоренностей 1939 г. всегда осторожный Сталин, привыкший скрывать истинную суть своих поступков, только один раз публично затронул тему «дружбы» с Германией — в телеграмме Гитлеру от 25 декабря 1939 г. в ответ на поздравление к 60-летию: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»¹⁰⁰.

Мировое общественное мнение с самых первых реакций на намерение и факт заключения советско-германского пакта было настроено сугубо негативно, воспринимая это, как сообщал 22 августа полпред И.М.Майский из Лондона, в качестве перехода СССР «на позицию абсолютного нейтралитета с предоставлением Германии свободы действий в Европе»¹⁰¹. Э.Бенеш говорил ему о своем убеждении, что, обеспечив нейтралитет СССР, Гитлер ударит на Польшу, разобьет ее за три недели и двинется на запад¹⁰².

Однако суть сговора была иной: по инициативе Сталина Гитлер получал гарантии в виде секретного дополнительного протокола о значительно более далеко идущем «разграничении сфер обоюдных интересов». Его второй пункт непосредственно касался Польши, закрепляя соучастие сторон в разделе и возможной перекройке польской территории. Он гласил: «В случае территориально-политичес-

кого переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Вислы и Сана». Даже эта первая фраза предвещала раздел Польского государства. Протокол оформлялся в крайней спешке, и разграничение определялось в основных чертах, что отразилось на второй части этого пункта: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимости Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»¹⁰³. Общий план действий в отношении Польши был согласован; за несколько дней до нападения Германии на Польшу, 27 и 29 августа Ф.В.Шуленбург встречался по этому поводу с Молотовым; детали сделки оставались пока не уточненными (кроме корректирования уже 28 августа линии границы по реке Писе), и это давало возможность делать их предметом дальнейшего торга, что вскоре и произошло.

Гитлер в тот момент не разменивался на такие мелочи. Убедившись в успешной реализации своего плана, он накануне подписания пакта говорил на совещании высшего командования рейха, что первейшая задача — уничтожение Польши, и не достижение войсками какой-то определенной линии, рубежа или границы, но «уничтожение врага»¹⁰⁴. Эта задача остается первоочередной, даже если одновременно начнется война на западе. Двусторонние основы для успеха этой акции были заложены, оба участника сговора старались сохранить его в тайне долгие годы, хотя разведки знали свое дело, а американцы познакомились с секретным протоколом уже 24 августа 1939 г.

Гитлеровская армия, согласно плану, готовилась к вторжению в Польшу 26 августа. «Спровоцировать» его должно было польское выступление против гитлеровца Форстера, провозгласившего себя «главой государства» в Гданьске. Будет или нет убедительным пропагандистский предлог как причина начала войны, не имеет значения, говорил Гитлер на совещании командования. Во время войны победителей не судят. Однако Муссолини неожиданно сообщил 25 августа, что Италия не готова к войне и остается нейтральной. В тот же день пришла информация из Лондона: между Великобританией и Польшей заключено соглашение о взаимопомощи в случае агрессии «одной из европейских держав» — в тайном приложении прямо называлась Германия.

Гитлеру пришлось вступить в переговоры с англичанами, пытаясь убедить их в обоснованности претензий к Польше и склонить отказаться от данных Польше гарантий. Э.Даладье попытался поддержать англичан, направив Гитлеру письмо с предложением мирно урегулировать спор, но получил отказ с жестким перечнем «провинностей» Польши. Ж.Бонне и Н.Чемберлен были готовы искать любое мирное решение, вплоть до нового Мюнхена за счет польских территорий. Однако Ноэль развеял их надежды: поляки на уступки не пойдут.

Англо-германские переговоры шли несколько дней, которые были использованы немцами для концентрации армии и обеспечения нейтралитета Венгрии и Румынии, союз которой с Польшей был ограничен случаем нападения со стороны СССР.

Англичане взяли на себя инициативу посредничества, посредничать пытались Ватикан, президент США Рузвельт, от имени блока нейтральных стран Европы королева Голландии Вильгельмина... Все было напрасно, поскольку Гитлер уже принял подкрепленное сталинскими гарантиями решение. Согласие польской дипломатии на непосредственные переговоры подрывалось заведомо невыполнимыми нацистскими требованиями: уполномоченный подписать договор польский дипломат должен был приехать не позднее 30 августа, но диктуемые Польше условия не сообщались. Наконец, Риббентроп упомянул о якобы представленных 16 требованиях, которые предполагали немедленную аннексию Гданьска и такие условия плебисцита, которые обеспечивали занятие немцами польского Поморья.

31 августа Ю.Бек в 12.40 поручил послу в Берлине Ю.Липскому установить прямой контакт с Риббентропом. Именно в это время Гитлер уже подписывал приказ о нападении на Польшу на рассвете следующего дня. Когда ночью Липский зачитал Риббентропу инструкцию о намерении дать формальный ответ в ближайшие часы через правительство Великобритании «в благоприятном смысле», немец дважды жестко спросил, уполномочен ли он вести переговоры, напомнил о невыполненных условиях и о том, что «фюрер прождал целый день». Собственно, говорить было уже не о чем.

К тому времени в Москве закончилась сессия Верховного Совета СССР, начавшаяся с доклада В.М.Молотова о ратификации договора о ненападении с Германией. Молотов заявил: его подписание — результат того, что зашли в тупик англо-франко-советские переговоры, западные державы отказались от принципов взаимности и равных обязательств, а Польша — якобы неблагодарно действующая по указке Англии и Франции — от военной помощи СССР. Молотов характеризовал договор как результат поворота Германии в сторону добрососедских отношений с Советским Союзом и победы курса на устранение угрозы войны. Он скрыл существование секретного приложения, умолчал о подлинном содержанииговора, а при этом предостерег от «всякого рода догадок» и «вычитывания» из текста «больше, чем то, что там написано». Он отметил, ссылаясь на интервью Ворошилова газете «Известия», версию о заключении пакта как причине срыва переговоров военных миссий. Почти половину беседы Ворошилова занимали вопросы о потенциальной помощи Польше — сырьем, военными материалами. Вопрос о размещении Красной Армии на ее границе, а также о возможном занятии польской территории до начала военных действий вызвал гневную отповедь маршала¹⁰⁵.

В докладе Молотова нашел место и ответ на обвинение в отсутствии в договоре пункта о его денонсировании в случае, если одна из договаривающихся сторон «окажется вовлеченной в войну при условиях, которые могут дать кое-кому внешний повод квалифицировать ее нападающей стороной». Без такого пункта СССР не был

обязан делать прямой вывод из нападения на Польшу. Более того, в советской прессе Германия изображалась как невинная «вовлеченная сторона», Польша же — уже в докладе Молотова — как истинная виновница отказа от обеспечения безопасности¹⁰⁶.

Энтузиазм зала был обеспечен императивом Молотова: «Пусть повоюют сами, без СССР». Пакт, который готовился Сталиным и Молотовым, обсуждался с представителями Германии и подписывался вместе с тайными протоколами, которые были изъяты из процедур ратификации, без ведома советского народа, ЦК ВКП(б), Верховного Совета и правительства СССР, был ратифицирован под «бурные продолжительные аплодисменты» внеочередной 4-й сессией Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Это произошло за несколько часов до практической реализации его замысла, до начала войны, до нападения гитлеровского агрессора на Польшу (о чем Риббентроп сообщил в тот же вечер Сталину). Одновременно был принят закон о воинской обязанности, призывавший три возраста для расширения рядов армии. Через полвека, 24 декабря 1989 г., постановлением II съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» будет четко признано, что Молотов не имел полномочий подписывать такой договор, который к тому же «являлся изначально противоправным документом, представляя собой сговор, выражающий намерения подписавших его физических лиц». Это был «акт личной власти», юридически противоречивший суверенитету и независимости ряда стран, в том числе Польши, а секретные протоколы были юридически несостоятельны с момента их подписания, хотя использовались Сталиным и его окружением для силового давления на другие государства, для нарушения взятых перед другими странами правовых обязательств¹⁰⁷.

Ратификация договора стала желанной для Гитлера поддержкой вторжения в Польшу, явным выражением солидарности с завтрашним агрессором, попыткой обелить его. Кстати, осуждения агрессии не последовало с советской стороны ни на следующий день 1 сентября, ни в течение всей германо-польской войны 1939 г. Вина была возложена на Польшу: якобы польский народ в эту войну «был ввергнут его неразумными руководителями»¹⁰⁸.

Сталин никогда не отступал от оценки пакта с Гитлером как пакта о мире, обеспечившего полтора года мирного развития, указывая на его достоинство: ни прямо, ни косвенно он не задевал территориальную целостность СССР¹⁰⁹. Вытекавшие из секретного протокола вооруженные действия в отношении соседей и «приобретения» получили противоречащую фактам, но закрепленную в официальной брошюре «Фальсификаторы истории» форму элементов «Восточного фронта» против «фашистской Германии, вклада в дело безопасности СССР и борьбу миролюбивых государств против гитлеровской агрессии»¹¹⁰. Для идейно-политического оправдания сталинских деформаций советской внешней политики кануна и начала войны там получил применение термин авторства Черчилля.

«Черный» сентябрь 1939 года: раздел Польши и ликвидация ее армии

Согласно задумке Гитлера, начало войне положила нацистская провокация. Вечером 31 августа группа эсэсовцев, переодетых в польские мундиры, вторглась в помещение немецкой радиостанции в Гливицах. Переданный в эфир краткий текст на польском языке призывал к войне с Германией. На полу остался застреленный немецкий уголовник, переодетый в польский мундир. На рассвете 1 сентября без объявления войны линкор «Шлезвиг-Гольштейн», посетивший с «визитом вежливости» Гдыню, начал обстрел Вестерплатте. Первый же выстрел нарушил Женевские конвенции о законах и обычаях войны — запрет обстрела суши с моря. Польша стала жертвой гитлеровской агрессии.

В тот же день польский президент И.Мощицкий назначил генерального инспектора армии маршала Э.Рыдза-Смиглого главнокомандующим и призвал нацию сплотиться на борьбу за свободу, независимость и честь страны, дать достойную отповедь агрессорам.

Соотношение военных и экономических потенциалов двух стран было несоизмеримым: Германия имела почти двукратное преимущество по личному составу, трехкратное — по артиллерии, четырехкратное — по танкам и пятикратное — по воздушным силам. На направлениях главных ударов превосходство в танках было восьмикратное, в артиллерии — четырехкратное. К тому же германское вооружение только что обновилось, было значительно современнее польского.

Развернув наступление с юга, запада и севера на всем протяжении почти полутора тысяч километров границы, немецкое командование планировало блицкриг, массированный удар всеми силами, чтобы сразу взорвать польскую оборону, окружить и уничтожить главные польские силы, сломить сопротивление.

Польское командование рассчитывало, что, приняв на себя первый удар, Польша будет вести войну в коалиции с Францией и Великобританией, которые начнут наступление с 15-го дня после мобилизации. Предполагалось, что соседние государства сохраняют нейтралитет, а это позволит бросить все силы против Германии, что связь с союзниками будет осуществляться через Румынию и, возможно, СССР. В середине 1939 г. на совещании руководства инспектората армии Рыдз-Смиглы поставил вопрос о возможности агрессии со стороны соседей. Было признано, что реальная угроза исходит со стороны гитлеровской Германии и следует укрепить оборону на западной границе. Советский Союз, вероятнее всего, сохранит нейтралитет и будет благоприятствовать Польше и западным державам. Поэтому было решено перебросить части с восточных территорий на западные границы¹¹¹.

Гитлер определил принцип будущих действий против Польши в июне 1939 г. так: «...Если дело дойдет до скрещения германо-польского оружия, то германская армия будет действовать жестоко и

беспощадно. Немцы во всем мире ославлены как гунны, но то, что произойдет в случае войны с Польшей, превзойдет и затмит гуннов. Эта безудержность в германских военных действиях необходима, чтобы продемонстрировать государствам Европы и Юго-Востока на примере уничтожения Польши, что означает в условиях сегодняшнего дня противоречить желаниям немцев и провоцировать Германию на введение военных сил»¹¹².

Немецкие войска в ходе первого наступления достигли значительных успехов, но окружить польскую армию им не удалось. В ходе полутора тысяч боев и столкновений за 36 дней войны с немцами, оказав в ряде мест (Вестерплатте, Мокра, Млава, Визна, Бзура, оборона Варшавы и др.) отчаянное сопротивление, эта армия потеряла около 70 тысяч убитыми и умершими от ран, около 460 тысяч пленными. В декабре 1939 г. Рыдз-Смиглы скажет: «Начиная войну, я хорошо понимал, что она неизбежно будет проиграна на польском фронте, который я считал одним из участков великого антинемецкого фронта; начиная в небывалых условиях борьбу, я чувствовал себя командиром участка, который должен быть принесен в жертву, чтобы дать другим время и возможность организоваться и подготовиться»¹¹³.

Первым жестом поддержки были ультиматумы английского и французского правительств, направленные в Германию с требованием немедленно прекратить военные действия и вывести войска с польской территории. В ответ на отказ они объявили Германии войну, к чему присоединились британские доминионы. Но 15 европейских стран и США объявили о своем нейтралитете.

Политическая и военная элита Британии и Франции вскоре пришли к выводу, что наступательные действия с их стороны нецелесообразны. Французский начальник штаба генерал М.Гамелен уже 5 сентября заявил, что шансов у Польши на продолжение сопротивления нет и «это является основанием для сохранения наших сил», поэтому не следует обращать внимание на всеобщее возмущение и начинать военные действия¹¹⁴; накануне майские решения были подтверждены на «саммите» французского и английского командований. На западном фронте велась «странный война».

Французский посол в Польше Л.Ноэль уже 6 сентября предложил перевести польское правительство во Францию, а 11-го он обсуждал этот вопрос с Беком, одновременно начав переговоры с Румынией, но не о пропуске польского правительства, а об его интернировании. У Ноэля на примете был другой, свой кандидат в премьеры — генерал В.Сикорский.

При обсуждении проблемы перехода границы польское правительство руководствовалось бельгийским прецедентом периода Первой мировой войны. Это позволило бы, во-первых, соблюсти конституционную преемственность польской государственности и, во-вторых, продолжить при поддержке союзных держав сопротивление за рубежами страны, то есть не капитулировать, что могло бы послужить основой прекращения действия международных соглашений.

Польша все ждала помощи. Между тем Высший военный совет в Париже принял 8 сентября решение не высылать в Польшу ни одного самолета, не бомбардировать объекты в Германии. Через несколько часов был отдан приказ прекратить военные действия против нее. 9 сентября была подтверждена стратегия многолетней войны, при глобальной завершении которой только и будет решаться судьба Польши.

Перед заседанием премьер-министров двух стран в Абвиле 12 сентября эксперты пришли к выводу, что Польша проиграла войну. Даладье и Чемберлен решили, что помогать Польше уже бесполезно.

Широкое общественное мнение западных стран было настроено иначе. Коммунистические партии руководствовались установками антифашистской борьбы. Компартия Норвегии 2 сентября в газете «Арбейдерен» определила Гитлера как безусловного агрессора, который «метал громы и молнии по поводу "несправедливости" Версальского мира, "гонений" на национальное меньшинство, по поводу "нарушения границы" поляками и т.п.», а теперь он «еще раз пытается добиться своего: уничтожить другие нации и закабалить другие народы». ЦК компартии США записал в решении, что необходима «широкая моральная, дипломатическая и экономическая помощь польскому народу и всем тем, кто помогает Польше защищать свою национальную независимость»¹¹⁵. ЦК компартии Швеции 4 сентября опубликовал манифест, в котором было записано: «Империалистическая война за новый передел мира между капиталистическими великими державами вступила в новую фазу. Гитлеровская Германия напала на Польшу. [...] История человечества не знает более черного преступления, чем насильственные действия национал-социалистских безумцев против Польши, могущие вызвать всеобщую европейскую войну, всемирную войну...» Отважные коммунисты из берлин-бранденбургского комитета в своем воззвании включили в число лозунгов призыв: «За свободу Австрии, Чехо-Словакии и Польши!»¹¹⁶

Секретариат Исполкома Коминтерна был в полном замешательстве. Он заседал и 1, и 2 сентября, признал «в основном правильной» позицию в отношении советско-германского пакта, но не мог установить, какова должна быть тактическая линия Коминтерна в связи с «начавшейся германо-польской войной и угрозой ее расширения». 5 сентября Г.Димитров обратился к А.Жданову с письмом о необходимости обсудить со Сталиным испытываемые руководством Коминтерна «исключительные трудности»: «для их преодоления, как и для принятия правильного решения, мы нуждаемся больше, чем когда бы ни было, в непосредственной помощи и совете товарища Сталина». Рукою Димитрова было помечено: «Беседа с т. Сталиным в присутствии тт. Молотова и Жданова состоялась 7.9.39—8.9.39»¹¹⁷.

Сталин дал Коминтерну новые установки: война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, — говорил он, — чтобы они

подрались хорошенько и ослабили друг друга. [...] Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». «Мы, — добавил он, — можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Сталин утверждал, что до войны противопоставление фашизма демократическому режиму было совершенно правильно, во время войны деление стран на фашистские и демократические «потеряло прежний смысл». Он потребовал снять лозунг народного фронта. Что же касается Польши, он рассматривал ее отнюдь не как жертву агрессора: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»¹¹⁸. Он предложил Президиуму ИККИ выступить с соответствующими тезисами. Была подготовлена директива секретариата, утвержденная 9 сентября. О германо-польской войне в ней говорилось однозначно: «Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности»¹¹⁹.

Коммунисты разных стран хотели сражаться против фашистской агрессии в «национальных легионах» — как в республиканской Испании. Сталин навязал Коминтерну решительный поворот стратегии и тактики. 15 сентября решение Секретариата ИККИ отрицательно оценило эту инициативу, поколебав намерение многих антифашистов с оружием в руках защищать независимость Польши. Ситуация была изображена как попытка англо-французского империализма в очередной раз использовать национальные интересы малых народов Европы в качестве разменной монеты в борьбе с германским империализмом¹²⁰.

Сталинское руководство на рубеже августа—сентября интенсивно готовилось к реализации своих договоренностей с фюрером, маскируя военные приготовления. Советский посол в Варшаве Шаронов уверял Бека, что СССР по-прежнему готов вести переговоры с Великобританией и Францией и подписать конвенцию. Ссылаясь на интервью Ворошилова «Известиям», он спросил, почему Польша не обращается за помощью. Однако, когда 5 сентября посол В. Гжибовский нанес визит Молотову и просил о снабжении военными материалами и транзите военных грузов через СССР в Польшу, ответом было холодное заявление только о точном исполнении торгового соглашения и отказе в транзите, поскольку в сложившейся международной обстановке Советский Союз не хочет быть втянутым в войну на той или другой стороне и должен обеспечить свою безопасность¹²¹.

В этот день советская печать открыто сообщила, что очередное увольнение из рядов РККА задерживается на месяц. 4 сентября было принято решение о мобилизации четырех возрастов призывников, 10 сентября появилось сообщение, что «произведен частичный призыв запасных, поскольку германо-польская война принимает угрожающий характер и требует мер по обороне страны».

Были созданы два фронта — Белорусский и Украинский, которые быстро пополнялись частями из других округов и оперативными единицами НКВД (их личный состав был доведен с 465 тыс. в середине сентября до 1,5 млн к началу октября¹²²).

Советско-польские договоренности нарушались все более открыто. Отказ от транзита военных материалов в Польшу через территорию СССР был нарушением договора о ненападении от 25 июля 1932 г., вторая статья которого гласила, что в случае агрессии другая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству. Еще более грубым нарушением было использование радиостанции Минска в качестве маяка для самолетов люфтваффе, разрешенное сталинским руководством по просьбе начальника генерального штаба германских ВВС.

Интенсивно продолжалось уточнение условий сговора. Сталин «дорабатывал» территориальные аспекты. Не успел Риббентроп вернуться в Берлин, как Молотов пригласил Шуленбурга и заявил, что линия раздела принята поспешно и требует уточнения: ее необходимо передвинуть к реке Писа, то есть включить район Белостока в советскую сферу. Гитлер немедленно согласился, и 28 августа протокол был подписан.

3 сентября, со вступлением Франции и Великобритании в войну, Риббентроп поручил Шуленбургу подтвердить, что германская армия намеревается разгромить польскую за пару недель, договоренность о сферах — занимаемых территориях — остается в силе, а военные действия будут проводиться в обеих сферах, в связи с чем следует обсудить с Молотовым вопрос о своевременном занятии Советами их сферы, что соответствует договоренности и интересам самих Советов. Советская сторона взяла в соответствии со сталинской установкой курс на проволочку, напомнив о договоренности соблюдать разграничение и отвести германские войска в случае пересечения обговоренных рубежей.

9 сентября Риббентроп проинструктировал посла, что следует подтвердить верность пакту и решимость немецких войск сражаться с поляками на всей территории. Молотов ответил Шуленбургу, что советские вооруженные действия начнутся в течение ближайших дней. Поскольку в немецком коммюнике было упомянуто о возможных переговорах с поляками о перемирии, Молотов на следующий день, 10 сентября, объяснял послу, что такой ход событий перечеркнет план перехода польской границы Красной Армией. Он должен быть обоснован распадом польского государства и необходимостью помощи украинскому и белорусскому населению. Если же Германия заключит перемирие (ввиду разгрома польской армии), «СССР не сможет начать новую войну». Эти беседы продолжались почти ежедневно. 14-го Молотов заявил, что, пока Варшава защищается, советское правительство не может обосновать ввод своих войск «распадом польского государства»¹²³. Кстати, именно так оно намеревалось сделать, когда получило известие о взятии Варшавы, оказавшееся ложным, поскольку немецкие части

были около столицы остановлены. Молотов не преминул поздравить Берлин с победой, и того же 9 сентября была готова директива наркома Ворошилова и начальника генштаба РККА Шапошникова военсовету Белорусского округа о наступлении на Польшу 11 сентября «с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника»¹²⁴. Такая же директива была заготовлена для военсовета Киевского округа. Поскольку польские части под напором немецких войск отступали к румынской границе, где планировались меры по созданию плацдарма для контрнаступления, она предписывала «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, надежно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы...»¹²⁵. Польские части попали бы в ловушку, не был бы допущен и их выход за пределы страны.

Директивы ориентировали на обход противника с флангов и заход в тыл, по возможности избегая фронтальных боев «на укрепленных позициях противника», имея в виду широкомасштабное пленение живой силы одновременно с массированным наступлением под прикрытием сильной истребительной авиации во взаимодействии с бомбардировочной, штурмовой авиацией, а также артиллерией.

Поскольку информация о взятии Варшавы оказалась ложной, директивы пока остались лежать на столе у Шапошникова. Ждал своего исполнения и приказ Берии № 00931, который определял порядок оформления арестов военнопленных, отработанный еще в августе.

В ходе советско-германских переговоров Шуленбург установил, как он доносил Риббентропу 10 сентября, что «советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым "угрожает" Германия». 14 сентября он вновь подтверждал, что «для политической мотивировки советской акции падение Польши и переход под опеку меньшинств были бы вопросом самого большого значения». Красная Армия достигла стадии готовности раньше, чем предполагалось, но не начнет наступления ранее, чем будет взята столица Польши — Варшава¹²⁶.

Риббентроп на следующий день передал Шуленбургу точку зрения правительства: Варшава падет через пару дней; СССР должен освободить Германию от ликвидации польской армии на всем протяжении до советских границ, иначе в советской «сфере интересов» может возникнуть «политический вакуум»; для координации военных операций предлагается встреча делегаций сторон в Белостоке. Посол детально представил аргументацию этой позиции Молотову, подчеркнув, что рейх не собирается разворачивать в советской сфере, восточнее линии Нарев—Буг—Висла—Сан, политической или административной деятельности и «здесь может возникнуть новое государство». Он стимулировал также опубликование общего

коммунике, скорейшее введение войск, точное указание дня и часа начала военных действий, но категорически возражал против формулы защиты белорусского и украинского населения от угрозы со стороны Германии, использование которой Молотов обосновывал необходимостью соответствующей подготовки советского общественного мнения.

Этот обмен мнениями имел место 16 сентября. К тому времени немецкие войска заняли половину польской территории, выйдя на линию Белосток—Буг—Львов. Было очевидно, что Великобритания и Франция воздерживаются от вооруженной помощи Польше, правительство которой и золотой запас следовали вместе с дипломатическим корпусом в направлении румынской границы. Соглашение о переходе его в Румынию было достигнуто.

Было заключено и вступило в силу перемирие СССР с Японией. Ситуация располагала к принятию быстрого решения.

Варшава еще сопротивлялась, хотя в ночь на 7 сентября начальник отдела пропаганды главного командования Войска Польского полковник Р.Умястовский призвал по радио всех способных встать под ружье мужчин оставить город и направиться на восток, где они получают оружие и будут приняты на довольствие в армейские части. Тем не менее Варшава оборонялась до 28 сентября. Но ее судьба в глазах Сталина была предreshена. Значимее становилась немецкая угроза фактического нарушения договоренностей и создания украинского, а может быть, и белорусского государства в советской «сфере интересов». Не был еще закрыт и вопрос о сохранении независимого польского государства в той или иной форме и о границах этого государства, который, согласно секретному дополнительному протоколу, должен был быть «окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

Советская печать уже получила сигнал к подготовке общественного мнения страны. На страницах центральных органов была опубликована серия статей: 14 сентября «Правда» объясняла населению «внутренние причины поражения Польши в войне», с упором на ее многонациональный состав и «эксплуататорский» строй, а «Известия» акцентировали внимание на нарушениях польскими самолетами советских границ.

Вечером 16 сентября Молотов после совещания со Сталиным и Ворошиловым вновь пригласил Шуленбурга и сообщил ему, что Красная Армия выступит в поход 17-го или 18-го. К тому времени, с 16 часов, в частях уже начали читать приказ о выступлении Красной Армии в «освободительный поход», проводя по этому поводу митинги и собрания. Через несколько часов, в 2.00 17 сентября, Сталин, Молотов и Ворошилов еще раз пригласили Шуленбурга, и он был проинформирован, что в 6.00 Красная Армия перейдет польскую границу по всей ее длине.

В 3.00 в Наркоминдел был приглашен посол В.Гжибовский. Ему была зачитана нота, в которой утверждалось: «...Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. [...] Варшава как столица Польши не существует больше.

Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей». Советское правительство заявляло, что, «будучи доселе нейтральным», оно не может теперь нейтрально относиться к возможной угрозе для страны и беззащитности украинского и белорусского населения, проживающего на территории Польши, почему и отдало приказ перейти ее границу и взять под защиту его жизнь и имущество. Одновременно оно «намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность начать мирной жизнью»¹²⁷.

Польский посол отказался принять ноту и решительно опротестовал как оценку состояния польского государства, так и его военную ситуацию как якобы оправданный повод для вторжения, которое является четвертым разделом Польши: «Ни один из аргументов, использованных для оправдания превращения польско-советских договоров в пустые бумажки, не выдерживает критики. По моей информации, глава государства и правительства находятся на польской территории [...]. Суверенность государства существует, пока солдаты регулярной армии сражаются [...]. То, что нота говорит о положении меньшинств, является бессмыслицей. Все меньшинства доказывают действием свою полную солидарность с Польшей в борьбе с германщиной. Вы многократно в наших беседах говорили о славянской солидарности. В настоящий момент не только украинцы и белорусы сражаются рядом с нами против немцев, но и чешские и словацкие легионы. Куда же делась ваша славянская солидарность? [...] Наполеон вошел в Москву, но, пока существовали армии Кутузова, считалось, что Россия также существует»¹²⁸.

Информация посла была точной, юридическая трактовка ноты — безупречной. Советский Союз, участвуя в уничтожении Польского государства по воле сталинского руководства, грубо нарушал международное право — два двусторонних договора (Рижский мир и пакт о ненападении от 1932 г., пролонгированный до 31 декабря 1945 г.) и ряд многосторонних договоров, а также двусторонние торговые соглашения. Нота, которая была разослана в представительства Польши и других государств, создавала лишь видимость снятия договорных обязательств в отношении этой страны и служила прикрытием участия СССР в очевидной агрессии против Польши, в попытке ликвидации Польского государства и его армии с перекладыванием вины за эти действия на их жертву. Пропагандистская машина десятилетиями сохраняла и клишировала этот ложный стереотип.

На рассвете 17 сентября Красная Армия без объявления войны развернула боевые действия, когда польские вооруженные силы продолжали мужественно оказывать сопротивление значительно превосходящим силам гитлеровской армии, а правительство страны находилось на своей территории. И использованные для вторжения

силы (466.516 чел., согласно изданию «Гриф секретности снят») почти равнялись по численности вермахту, а количество танков было почти вдвое большим. Польша, разумеется, не имела никаких шансов в борьбе против двух соседних великих держав, которые сговорились разделить ее как свою добычу. В 1948 г. на юбилейной сессии Верховного Совета УССР в день 30-летия Советской Украины Молотов заявил вполне откровенно: Советский Союз окреп и получил возможность предъявлять свои права¹²⁹.

Сталин действовал очень осторожно: ответив Гитлеру взаимопониманием в деле раздела Восточной Европы, он старался не «засвечиваться», не давать повода для отождествления его политики с политикой Гитлера, избегать, что подметил Шуленбург, обвинения в глазах мирового общественного мнения в агрессии против Польши вместе с фюрером¹³⁰.

Застигнув врасплох польское командование, которое имело на восточной границе только корпус охраны пограничья (на всей протяженности советско-польской границы в 1.400 км на каждый километр в среднем приходилось десять слабовооруженных пограничников), а в восточной части страны — остатки разбитых немцами частей, потери в которых достигли 70%, группы мобилизованных, но пока не обмундированных и слабовооруженных новобранцев (50 тыс. чел. на начало октября на Белорусском и 300 тыс. чел. на конец сентября на Украинском фронтах) — почти половина вообще не была вооружена, советские танковые колонны быстро решали поставленную задачу. Их почти беспрепятственное продвижение по направлению к румынской границе подкреплялось мощной пропагандистской поддержкой: сообщениями о славянской взаимопомощи, о выступлении против немцев, «политикой улыбок» и приветствий, польскими национальными флажками на люках танков и т.п.¹³¹

Первой реакцией польского командования была попытка организовать на новом фронте активное сопротивление. Однако боеспособные части бились с наступающими немецкими войсками и о реальном противодействии советским танкам не могло быть речи. Стало очевидно, что надежды на продолжение вооруженной борьбы на территории страны полностью перечеркнуты: этот «коварный удар в спину окончательно решил судьбу кампании»¹³². Попытка выслать парламентариев ни к чему не привела: они были арестованы. В ставке воцарилось мрачное, подавленное настроение, прерываемое всплесками отчаяния. Начальник Главного штаба генерал В.Стахевич засвидетельствовал в воспоминаниях всеобщее понимание того, что противостоять продвижению Красной Армии невозможно, вооруженная борьба «не могла дать никаких конкретных результатов. Речь могла идти только об одном — о вооруженной демонстрации протеста перед миром против коварной агрессии второго врага. А этим протестом были выстрелы отступающих частей корпуса охраны пограничья...» Главнокомандующий пресек предложения стоять насмерть. «...Что Польша будет иметь от этого? — спросил он. — Будем формировать армию во Франции. Надо сра-

жаться дальше»¹³³. Поскольку первый день прошел, согласно получаемой информации, без особых обострений, был принят план быстрого перемещения воинских частей потерявшего свое значение южного плацдарма на территорию Румынии и, во вторую очередь, Венгрии. Э.Рыдз-Смиглы подписал роковой для сопротивлявшейся армии приказ: «Советы торглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию...»¹³⁴ Это был приказ не атаковать советские войска, если они не будут ввязываться в бой или пытаться разоружать польские части. Одновременно он распорядился, чтобы администрация и полиция, управление железными дорогами и военные власти оставались на своих местах и путем переговоров с советскими командирами обеспечивали перемещение воинских частей, перед которыми по-прежнему стояла задача сопротивления немцам. Руководители шэфов военных миссий Англии и Франции поддерживали этот план.

Вслед за вооруженными столкновениями на границе бои были перенесены на внутренние территории и разворачивались с разной интенсивностью в зависимости от получения приказа командования и позиций командиров обеих сторон.

Вовне эти действия с первого дня были обставлены весьма миролюбивым образом. Послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, была вручена нота от 17 сентября с приложением известной ноты Правительства СССР на имя польского посла В.Гжибовского с той же датой и заверением о намерении СССР проводить политику нейтралитета в отношениях с каждой из этих стран.

18 сентября по предложению Риббентропа было принято совместное германо-советское коммюнике, определившее целью акции «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»¹³⁵. Оно было опубликовано 20 сентября, в обстановке проявления обеспокоенности мирового общественного мнения по поводу советских намерений в отношении Польши, советско-германского взаимодействия и раздела территорий между Германией и СССР, будущности их населения. Определенная конструктивность тональности коммюнике, а также перенесение разделительной линии на контуры намеченной в былые времена линии Керзона авторства политиков Запада оказались весьма результативным, тщательно продуманным ходом, фактором, сдерживавшим давление на СССР. Советский Союз как бы и не покушался на чисто польские этнические территории, что, как заметил Риббентроп, в глазах мирового общественного мнения освобождало Россию от польского вопроса.

А тем временем эффективное взаимодействие в деле ликвидации польской армии, лишения ее возможности продолжать широкомасштабное сопротивление гитлеровской армии позволяло, согласно заявке Риббентропа, освободить последнюю «от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы».

В приказах наркома обороны, командующих фронтами, боевых приказах штабов, а также аналитических документах военных историков из различных советских ведомств боевые действия в «польскую кампанию» именовались «польско-советской войной 1939 года», говорилось о «ходе войны», в которой противник нес потери «убитыми, ранеными и пленными», а разрозненные подразделения польской армии и «мелкие банды» быстро ликвидировались, моторизованные части «уничтожали по пути отдельные очаги сопротивления...»¹³⁶.

В этом деле взаимодействие с немецкими частями в соответствии с секретной договоренностью осуществлялось весьма четко. В частности, в «Военно-историческом описании боевых действий 10-й армии в польскую кампанию» подчеркивалось, что в случаях обращения немецкого командования к командованию частей Красной Армии за помощью в «уничтожении польских банд» выделялись «необходимые силы»¹³⁷ для прикрытия отхода немецких частей.

Из оперативных сводок Генштаба РККА, которые публиковались с 17 по 27 сентября 1939 г., только первая содержала фразу о восторженной встрече советских частей населением. В последующих этого, вмонтированного и в первые кинохроники, сюжета почти не было. Его заменили полосы журналистских репортажей о достигнутых рубежах, занятых городах со средним темпом марша 30—40 км в день, о количестве захваченных пленных.

Приказ Ворошилова от 7 ноября 1939 г. гласил, в частности: «Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, при первом же серьезном военном столкновении разлетелось как старая и сгнившая телега. За какие-нибудь 15 дней войны с Германией панская Польша как государство перестала существовать», «стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска...»¹³⁸ Термин «освободительный поход» возобладал позже — как идеологическое прикрытие в решениях Верховного Совета СССР 1—2 ноября и последующих решениях Верховных Советов УССР и БССР.

Вновь торжествовала «революционная целесообразность».

В соответствии с укоренившейся идеологемой истребления «классового врага» стало действовать и само командование. Согласно опубликованным двенадцати решениям Военсовета Киевского специального военного округа с грифом «совершенно секретно», военный трибунал приговорил к расстрелу несколько десятков полицейских и тюремщиков¹³⁹. Вскоре «революционное возмездие» стало наступать и пленных, расстреливаемых за само оказание сопротивления.

Рисунок боевых действий был весьма нечетким: после противостояния на границе и отступления корпуса охраны пограничья советские части в северо-восточной части страны не имели перед собой подразделений, способных продолжить борьбу. Большинство городов и поселков было сдано без боя. В центре и на юге отдельные сражения, стычки и перестрелки были более частым явлением.

Отступления чередовались с боями то с германскими, то с советскими частями, попытками проскользнуть между ними, выйти за пределы страны в Румынию и Венгрию, Литву и Латвию, от безвыходности распустить рядовой состав и демобилизовать подразделения.

Попавшие в плен в локальных боях небольшие группы полностью зависели от усмотрения любого командира, от его «классового» рвения, и у них было не так много шансов остаться на свободе и выжить, как, впрочем, у учителей и других попавших в проскрипционные списки нескольких тысяч представителей чуть более состоятельных кругов, в том числе интеллигенции (преимущественно поляков), «кулаков» и др.

После окончания боев продолжалось отлавливание всех, кто когда-либо служил в польской армии, для направления их в лагеря и тюрьмы, и «красный террор» принес в это время больше жертв, чем в ходе военных действий. Поведение оперативных групп НКВД не отличалось от практики ГУЛАГа. Конвоиров было значительно меньше, чем их возросшее в обстановке полной безнаказанности рвение. Поэтому для запугивания широко применялись расправы по ходу движения колонн, выборочные расстрелы. Были расстреляны моряки Пинской флотилии, многие пограничники, солдаты и офицеры.

Установка сталинского руководства на полное уничтожение польской армии путем массового пленения живой силы создавала неимоверные организационные трудности. Огромное количество задержанных не только на территории, на какой действовала Красная Армия, невозможно было быстро собрать, отконвоировать в лагеря, которые только создавались и не могли вместить столь многочисленный контингент. Замнаркома обороны Г.И.Кулик рапортовал Сталину, Молотову и Ворошилову уже 21 сентября, что считает необходимым издать распоряжение об отправке домой после регистрации пленных белорусов и украинцев, поскольку их нечем кормить. 23 сентября Ворошилов распорядился так и поступить при предъявлении документов о мобилизации, что позволило отпустить часть военнопленных из числа солдат. Однако после жалобы начальника Политуправления РККА Л.З.Мехлиса Сталину, что его распоряжение об аресте всех военнослужащих не исполняется, командующим обоих фронтов 26 сентября было рекомендовано прекратить освобождать даже солдат-украинцев и белорусов¹⁴⁰.

Военачальники не видели в этом особого смысла. Командарм Ковалев дифференцированно относился к солдатам: предписывал вернувшимся домой и занятых своим обычным трудом только зарегистрировать, а тех, кто перемещался «по городам, деревням и лесам, независимо от того, оказывали ли они сопротивление в борьбе с частями Красной Армии или нет, были взяты в плен с оружием в руках или без оружия, также направлять в лагеря военнопленных»¹⁴¹. Различий в национальной принадлежности он не делал. 27-го директива Военсовета фронта уже предписывала задер-

живать всех польских военнослужащих, как создающих на тылах угрозу возникновения «разного рода диверсионных групп и банд»¹⁴².

По показаниям пленных из архива Ст.Кота, при неконфликтном соприкосновении советских и польских частей взятие поляков «в плен» обставлялось следующим образом. Советские командиры устраивали собрания и митинги, на которых как правило убеждали, что Красная Армия пришла, чтобы помочь Польше, для которой война теперь благополучно закончилась. Затем, отделив солдат от транспорта с оружием и снаряжением, оперативные группы окружали их и объявляли пленными. В других случаях обещали размещение в «нейтральном округе» с последующей организацией возвращения домой по окончании боевых действий — но с перемещением пешим ходом, погрузив оружие на телеги. Дальнейший сценарий был неизменен.

На митинге в Трембове Л.Мехлис закончил свою зажигательную речь проклятиями в адрес польского командования и потребовал от собранных перед ним офицеров, чтобы они хором повторили эти проклятия. Ни один офицер, а затем почти никто из солдат на следующем митинге этого не сделал¹⁴³.

Чтобы решить проблему отправки польских военнослужащих в лагерь, применялась и такая хитрость: в Замощи, Буске и других местах выдавались пропуска на право возвращения домой на подводе. Солдаты и офицеры разбивались на группы и отправлялись искать подводы. Патрули их тут же отлавливали и доставляли на вокзал для погрузки в вагоны, направляя в пересыльный лагерь в Шепетовку. В Луцке и Львове оперативники предлагали садиться в вагоны: тем, кто из Варшавы, — в первый с надписью мелом «Варшава», жителям Лодзи — во второй вагон и т.д. Или желающих ехать в Польшу загружали в поезд на первом пути, по Украине — на втором... Затем всех высаживали в пересыльных лагерях для военнопленных¹⁴⁴.

Окруженные численно превосходящими советскими частями польские части, получив приказ своего главнокомандующего и полагая, что Польша не находится в состоянии войны с Советским Союзом, вступали в переговоры о капитуляции на условиях пропуска к границе и выхода за пределы страны. В ряде случаев были заключены соответствующие соглашения. Однако они никого не обязывали: весьма последовательно выполнялась директива командования о разгроме польской армии и пленении личного состава, не допуская его выхода за границу.

В Люблинском воеводстве генерал М.Сморавиньский, который занимался комплектованием воинских подразделений для пополнения сражавшихся с вермахтом частей, уже 17 сентября распустил по домам мобилизованных на восточных территориях солдат и согласился на капитуляцию при условии выпуска части за Буг, со сдачей оружия. Было подписано соответствующее соглашение. Однако вышедшую за пределы Владимира-Волынского колонну окружили советские танки. Всех взяли в плен.

Небольшая группировка «четырех полковников» сражалась на юге от Хелма поочередно с немецкими и советскими частями, пока не кончились боеприпасы. Она предпочла сдать оружие подразделениям Красной Армии, получив гарантию освобождения личного состава после регистрации. После сдачи оружия все были отправлены в лагерь военнопленных.

То же самое случилось с несколькими другими частями, с той разницей, что рядовой состав из местных вначале иногда распускался по домам.

Старый генерал Е.Волковицкий в северной части Львовского воеводства направлял части так, чтобы попасть в неизбежный плен не к немцам, а к Красной Армии, что объяснил коллегам позже, уже будучи в Козельском лагере, тем, что пребывание в немецком плену не позволило бы полякам участвовать в боях до конца войны: «Тут же у нас есть большие возможности. Конечно, нас могут расстрелять, но у нас все же есть возможность выйти из лагеря и участвовать в войне», продолжить борьбу с немецкими захватчиками¹⁴⁵.

18 сентября по распоряжению генерала Ю.Ольшины-Вильчиньского было без боя сдано Вильно (Вильнюс). В приказе говорилось: «С россиянами мы не находимся в состоянии войны и с ними не воюем»¹⁴⁶. При попытке выехать в Литву Ольшина-Вильчиньский был застрелен.

Временных, пересыльных лагерей было несколько: в Ковеле было сконцентрировано 6 тыс., в Хелме — более 10 тыс., в Луцке — более 11 тыс., во Владимире-Волынском — около 4 тыс., в Шепетовке — около 11 тыс., в Ровно — более 10 тыс. чел.¹⁴⁷

Сдача советскому командованию успешно оборонявшегося от немцев Львова была оформлена подписанием 22 сентября протокола о передаче города на условиях свободного вывода военнослужащих, полиции и жандармерии колоннами со сдачей оружия, неприкосновенности офицеров и их личной собственности, предоставления возможности выхода на территорию третьего государства. Объясняя это решение в приказе по воинским частям и в благодарности жителям города за оказанную помощь, командующий округом генерал В.Лянгнер написал, что Красная Армия — армия «государства, с которым мы не были в состоянии войны», что при соприкосновении с советскими частями «не приказано было бороться с ними, не оставляя ничего другого, кроме переговоров с ними»¹⁴⁸.

Не соблюдая договоренности, советские войска вошли в город на час раньше и начали аресты. Выходившие колонны были окружены и направлены как пленные к Тарнополю. Колонна полицейских за чертой города была расстреляна. Около 2 тыс. офицеров и 8 тыс. рядовых были размещены в лагерях.

Генерал Лянгнер немедленно отправился в Тарнополь к Тимошенко, настаивая на соблюдении протокола. Беседа с ним в присутствии члена Военсовета Украинского фронта и секретаря ЦК ВКП(б)У Хрущева закончилась отсылкой на решающую роль Москвы. Лянгнер сумел добиться вылета в Москву, где его приняли

шеф НКВД Украины И. Серов («генерал Иванов») и начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников. Они заверили, что будут выданы соответствующие приказы об освобождении согласно двустороннему протоколу, утвержденному и маршалом Ворошиловым. Затем обещания повторялись, но почти никто так и не был освобожден. Лянгнер сумел выбраться из Львова и через Румынию выехал на Запад. Он мог считать, что ему повезло: из 49 польских генералов, в том числе отставников, 1939—1940 гг. пережили только десять¹⁴⁹.

Курс на «распространение социализма» на новые территории и их население изначально был заложен в военные приказы всех уровней. Приказ № 01 от 15 сентября по Белорусскому фронту прямо указывал, что армии фронта начинают наступление на рассвете 17-го и будут оказывать помощь «повстанцам» в свержении ярма помещиков и капиталистов, а также в недопущении того, чтобы враги захватили территорию Западной Белоруссии. Установки командующих войсками Белорусского и Украинского фронтов, изложенные в приказах от 16 сентября о целях вступления Красной Армии на польскую территорию, ориентировали на классово-истребительную, гражданскую войну, раскручивание жестокости и террора, разжигание классовой и национальной ненависти, кровавое сведение национальных счетов. Приказ № 005 по тому же Белорусскому фронту, подписанный командующим фронта М. П. Ковалевым, предписывал не только «молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих, крестьян и трудящихся Западной Белоруссии», наказать правителей «панской Польши», которые «бросили теперь наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны», но и поддерживать, а фактически стимулировать «выступления и восстания белорусского и украинского крестьянства в Польше» в их порыве «свернуть шею своим кровавым угнетателям»¹⁵⁰.

Не менее напористым в своих вульгарно-классовых пристрастиях и стремлении уничтожить живую силу противника и «классовых врагов» был командующий Украинским фронтом С. К. Тимошенко. Он призывал трудовой народ уничтожать своих извечных врагов — польских панов — любым оружием, косами, вилами и топорами, приказывал: «Бейте офицеров и генералов!»

Если в советской и российской историографии ни ход военных действий, ни поведение командиров и политсостава Красной Армии, а также рядовых в отношении населения практически почти не исследованы, то польская историография подняла огромные архивные материалы, в том числе из российских архивов, прежде всего ГАРФа, использовала богатейшие коллекции показаний пленных из Института крестьянского движения в Варшаве и опросы многочисленных свидетелей. Судя по показаниям, содержание пропаганды было стереотипным в своей противоречивости: с одной стороны, Красная Армия пришла на помощь Польше, с другой — «Советы и Германия связаны нерушимым союзом», с третьей — возврат СССР «восточных территорий» является реваншем за

1920 год; Польша навсегда перестала существовать, но, когда она станет социалистической республикой, советские войска ей помогут и т.п.¹⁵¹ Подтверждается повсеместная агитация, прямое подстрекательство к «расчету за прошлое», уничтожению «классовых врагов», грабежу имений, натравливание национальностей друг на друга. Особенно активизировались украинские националисты, применявшие такие средневековые методы зверств, как закапывание живьем в землю, вспаривание животов, сбрасывание в колодцы. Ташили волоком за повозкой, топили с грузом на шее, связывали трупы в «связки» и спускали вниз по реке... Были убиты тысячи поляков-беженцев, в том числе, например, в поселке Млынек около двухсот ветеранов-шахтеров из Силезии¹⁵².

Межнациональные антагонизмы были раздуты до такой степени разнузданности и кровопролития, что один из авторов пропагандистской кампании, Мехлис, согласно его рапортам, уже 22 сентября писал о вспыхнувшем глобальном украинском терроре в отношении польских крестьян и о том, что он написал три листовки против взрыва враждебности на национальной почве, с намерением объединить трудящихся разных национальностей против «польских панов»¹⁵³. Однако они не могли притушить разожженное пламя насилия, тем более что в акцию вступили сопровождавшие воинские части оперативные группы НКВД и пограничников, которые в начале октября насчитывали на Белорусском фронте около 90 тыс. чел., а на Украинском — около 105 тыс. чел. и занимались повальными арестами и прочим для «подавления контрреволюции»¹⁵⁴. Внедрялись представления о том, что Польское государство «перестало существовать» и это якобы прекращало действие международного права: пленным можно просто уничтожать, применяя «красный террор». Полная безнаказанность в распоряжении «человеческим материалом», освященная идеологией борьбы с «врагами народа», выливалась в массовые расстрелы и пытки, в добивание раненых и больных пленным, что носило все черты военных преступлений и преступлений против человечности. Партийные органы поощряли эти действия¹⁵⁵.

Свидетельства разных лет, обнаруженные захоронения говорят о тысячах расстрелянных, порубанных шашками, добитых штыками и лопатами, заброшенных гранатами пленным. Наиболее массовые экзекуции имели место в Гродно, Скиdle, Калетах, Мокранах, Мельниках, на Подлясье, в районе Сарн, Шацка, Ковеля. Приведем только два из установленных эпизодов, вполне в традициях ГУЛАГа.

21—22 сентября около 2 тыс. пленным перемещались колонной по шоссе между Сарнами и Ровно. Конвой был небольшой. Около 11 часов утра колонна между Костоподем и Людвиполем была остановлена. Вскоре подъехали полтора десятка грузовиков, притормозили вдоль колонны и расстреляли ее из пулеметов. Только несколько пленным удалось спастись. В их числе и был автор сообщения — известный польский спортсмен Э.Заремба.

В те же дни, когда выход польским частям в Румынию был отрезан, около 4 тыс. пленным семь дней гнали без еды и сна в Каменец-Подольск. По распространенной в системе ГУЛАГа практике

раненых и обессиливших добивали на этом «марше смерти» на ходу. До четверти пленных не дошли до места назначения¹⁵⁶.

«Экспорт революции» и «ликвидация живой силы противника» в таком исполнении не могли не отразиться на статистике потерь. И если советские потери личного состава, согласно приведенным Молотовым на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. данным, составили 2.599 чел., а по другим советским источникам — 3.379 чел. (безвозвратных — 996 чел.), то потери польской стороны потянули на значительно большую цифру — около 20 тыс. военных и гражданских лиц. Это было связано не только с активным участием гражданского населения в ряде мест в оборонительных боях, но в значительной степени с расстрелами как гражданских лиц, так и военнопленных¹⁵⁷.

Военная прокуратура пыталась развернуть в частях борьбу с проявлениями насилий, убийствами, массовым мародерством, наказывая десятки тюремным заключением и даже расстрелом. Однако это оказалось неэффективным, поскольку командование не придавало приговорам должного резонанса. Военный трибунал 6-й армии поступал жестко при поддержке Военсовета, и была предпринята попытка обуздать и его неправовые действия. Вскоре правовая проблема была разрешена весьма просто: Ворошилов и Шапошников ограничили инициативу военных прокуроров, посчитав достаточным принятие административных мер в отношении провинившихся¹⁵⁸.

3 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло касавшееся как польских военнослужащих, так и вообще лиц, арестованных в занятых областях (в том числе из состава Красной Армии), постановление «О порядке утверждения приговоров военных трибуналов в Западной Украине и Западной Белоруссии». Военные советы фронтов получили право утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания «по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих бывшей польской армии»¹⁵⁹. Все же правосудие не было полностью обойдено: до окончания военных действий приговоры выносил и Верховный суд, с утверждением Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Десятки польских военнослужащих получили смертные приговоры и по этой линии.

Однако следует помнить, что польские граждане не подлежали юрисдикции Советского Союза и могли быть судимы на основе польского законодательства. Между тем сталинское руководство считало возможным распоряжаться их жизнями как вне всякого права, так и с некоторым соблюдением видимости правопорядка в стиле «революционной законности». Оно считало, что для этого достаточно договоренностей с Гитлером.

Сопровождая совместную публикацию документов советских спецслужб о тех событиях своими введениями, президенты Л.Кучма и А.Квасьневский в духе совместной декларации «К согласию и единству» от мая 1997 г. оценили прежнюю политику негативно. А.Квасьневский указал на навязанные полякам и украинцам реше-

ния, которые «принесли бездну несчастий, боли и страданий, прежде всего напрасно пролитой крови». Он призвал преодолеть недо-молвки и ложь об общей истории. Л.Кучма ориентировал на осво-бождение от груза прошлого и стереотипов, ведущих к братоубийст-венной борьбе, резко осуждал «сговор двух диктаторов», «плановые массовые репрессии против польских граждан» и примененную к ним после «инкорпорации Западной Украины» «коллективную от-ветственность»¹⁶⁰. Оба президента настаивали на создании атмосфе-ры открытости в изучении сложных проблем общего прошлого двух народов.

Периодически проводя совместные обсуждения, ученые пришли к выводу, что Западная Украина и Западная Белоруссия в сентябре 1939 г. были объектами манипулирования великих соседей. Одной из задач этих манипуляций было создание нестабильности в Поль-ше и обеспечение ее раздела. После 17 сентября ведущие себя лояль-но в отношении Польского государства и армии украинцы дали во-влечь себя в жестокое, вплоть до физического истребления, выдав-ливание и ликвидацию не только элит, но всего польского населе-ния, при том что часть ОУН-мельниковцев, в отличие от ОУН-бен-деровцев, выступала против этнических чисток. Обсуждая подходы к проблеме, ученые дружно пришли к заключению, что не следует искать инициаторов конфликтов среди обычных людей. Вины ваты политические лидеры, и в первую очередь руководство СССР и Германии. Такое освещение получила проблема советско-польских и советско-украинских отношений. К аналогичным выводам приве-ло и белорусско-польское научное сотрудничество¹⁶¹.

Обратимся к истории. Проблема окончательного согласования деталей будущей Польши, недостаточно четко прописанная в пакте и додуманная до логического завершения Гитлером, который до последнего сигнала войскам не оставлял идеи возможного создания протектората в качестве предполья на будущее, в сентябре оказалась в центре постоянного внимания лидеров СССР и Германии. Она стала ключевой.

17 сентября в заявлении Молотова было громогласно повторено содержащееся в ноте польскому правительству утверждение, что якобы польское государство перестало существовать. Гитлер 19-го заявил в Данциге (Гданьске), что «окончательная форма государст-венности» зависит в первую очередь от Германии и России. «Совер-шенно очевидно, — говорил он, — что Польша в том виде, в кото-ром она возникла по Версальскому договору, никогда уже больше не воскреснет. Это гарантирует также Россия»¹⁶².

Сталин готов был гарантировать значительно большее. На сле-дующий день он заявил Шуленбургу о своем негативном отноше-нии к созданию польского «остаточного» государства и желании по-быстрее провести окончательное разграничение польских террито-рий, взяв за основу реки Писа—Нарев—Висла—Сан. Немецкая сто-рона, в свою очередь, заявила о желании получить Виленскую об-ласть с передачей ее Литве, вошедшей в германскую «сферу интере-сов». После некоторых размышлений стратегического характера

Сталин выступил 25 сентября с контрпредложением обменять Литву на польские территории между Вислой и Бугом — Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства. Тем самым он освобождался от хлопот с этническими польскими территориями и претензиями по поводу их захвата. Это был определенный маневр, позволивший смягчить впечатление от германо-советского коммюнике 18 сентября, в котором говорилось о совместной задаче советских и германских войск — «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши перестроить условия своего государственного существования»¹⁶³. Этой формулировкой сталинское руководство прямо идентифицировало свою политику в отношении Польши с политикой Германии, публично декларируя «проведение совместной с "третьим рейхом" политики»¹⁶⁴.

Любопытно отметить, что Муссолини не был сторонником ликвидации Польского государства, полагая, что «создание маленькой, разоруженной и исключительно польской Польши... не может быть угрозой для Германской империи»¹⁶⁵. Для СССР, как и для Германии, она вообще не была угрозой.

«Дружественные» советско-германские акции в ходе продолжавшихся военных операций были оформлены 20 сентября в Москве на секретных военных переговорах по координации военных действий и «уничтожению частей польских войск или банд». Совместный протокол с советской стороны подписали Ворошилов и Шапошников. «Военное сотрудничество» выливалось в весьма тесное взаимодействие, получившее торжественное выражение в совместном параде в Брест-Литовске, который 22 сентября принимали генерал Х.Гудериан и комбриг Кривошеин.

Сталинская элита нередко путала, отождествляла в то время собственные клановые интересы, проблемы своего престижа и национально-государственные интересы страны и народа.

Визит Риббентропа в Москву 27 сентября 1939 г. превратился в торжество по случаю подписания подготовленного в Наркоминделе и припечатавшего створ о разделе Польши «германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией». Был сделан любезный жест — первым русский текст подписывал Молотов, а договор именовался «германо-советским», а не наоборот.

Подписание было предварено обсуждением ряда вопросов, в том числе и проблемы границы, но прежде всего, когда речь пошла о Польше, — естественно, судеб этого государства. По записи Шуленбурга, Риббентроп сообщил Сталину о соображениях фюрера: немецкие военные заслуги столь существенны, что Германия ожидает встречного жеста от СССР — уступок в районе нефтеместорождений на юге, верхнего течения реки Сан и лесов у Августова и Белостока. Риббентроп подтвердил, что советская позиция одобрена — и то, что «Советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши», и то, что настало время «осуществить точное разграничение», и то, что «самостоятельная Польша была бы источни-

ком постоянных беспокойств». Так что «германские и советские намерения и в этом вопросе идут в одинаковом направлении»¹⁶⁶.

Сталин посчитал нужным еще раз повторить, уточнив эти свои предложения так, чтобы инициативы выглядели обоюдными: «Первоначальное намерение состояло в том, чтобы оставить самостоятельную, но урезанную Польшу. Оба правительства отказались от этой идеи...» Причиной того была названа «злокозненность» поляков, которые создадут «постоянный очаг беспокойства в Европе» и «сделают все, чтобы стравить Германию и Советский Союз друг с другом». Неудобствами для обоих государств было обосновано и предложение изменить разграничение между ними. Поскольку оба государства приняли бы различные решения о внутреннем устройстве «попадающих в их распоряжение» территорий — «Германия создала бы вдоль Вислы протекторат или что-либо ему подобное, в то время как Советское правительство пошло бы по пути создания автономной польской советской социалистической республики», это создало бы «перекрещивание различных влияний» и поставило под угрозу дружественное сотрудничество сторон, создавая «большие неудобства». К этим неудобствам было отнесено то, что «поляки, согласно их традиционному стремлению к воссоединению и к восстановлению самостоятельного польского государства, попытались бы сеять вражду между Германией и Советским Союзом». Проблему борьбы за воссоединение можно было бы снять, оставив этнические польские земли «в одних руках, именно в руках немецких». Вопрос стал бы внутренним, и «там Германия могла бы действовать по собственному желанию»¹⁶⁷. Другими словами, Сталин давал добро на гитлеровскую политику экстерминации польского народа и отвергал идею создания автономной польской советской республики, как и всякий вариант восстановления Польши.

Торг об обмене территориями с достаточными компенсациями в людях окончился решением, при котором «Германия сделает хороший гешефт» на польских территориях, получив северную часть августовских лесов, а вместо нефтеносных районов — поставки сырой нефти.

Подписанный на следующий день (а точнее в ночь на 29 сентября) «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией» внес очередной основополагающий элемент в систему двусторонних договоренностей. В преамбулу была вынесена формула из совместного коммюнике от 19 сентября о том, что оба правительства «после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории...», которая перекраивалась по прилагаемой карте (ст. I) — согласно «обоюдных государственных интересов» без всякого вмешательства третьих держав (ст. II). Обе стороны получали право произвести в своей части «необходимое государственное переустройство» (ст. III), что трактовалось ими как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами» (ст. IV)¹⁶⁸.

Провозгласив территорию Польши своей добычей, обе стороны в заявлении правительств распространили урегулирование отношений на всю Восточную Европу, а Риббентроп, улетая из Москвы, сделал заявление корреспонденту ТАСС о том, что обе державы не допустят вмешательства третьих держав в восточно-европейские вопросы. Это заявление не вызвало коррективов советской стороны¹⁶⁹. Таким образом, разрушение обеспечивавшей определенный баланс в интересах мира, хотя весьма противоречивой и далеко не во всем справедливой Версальской системы сопровождалось монтированием (пусть на время, что, видимо, понимали обе стороны) замещающего ее эрзаца, несущего обоюдные выгоды для обоих вступивших в альянс противников.

В ходе конфиденциального общения польские проблемы рассматривались как в стратегическом, так и в тактическом измерении. Риббентроп использовал обмен восторженными комплементарными тостами за ужином, чтобы профорсировать приписывание западным державам как «поджигателям» развязывания войны, «следствием которой было уничтожение Польши», утвердить тезис, что обе договаривавшиеся стороны всего лишь «приняли на себя задачу навести спокойствие и порядок на территории бывшего польского государства». Сталин смягчил соответствующее место в совместном заявлении, сняв прямое указание на империалистические цели западных держав, против чего не стал возражать при консультировании по телефону и Гитлер¹⁷⁰.

Детальному обсуждению границы было отведено значительное время. Она была подробно описана в дополнительном протоколе от 4 октября 1939 г.

Во время телефонного разговора с Риббентропом Гитлер подтвердил свое отрицательное отношение к «традиционному стремлению поляков к воссоединению», но предвидел не серьезное расхождение во мнениях с Советами, а лишь «локальные затруднения». Полное единодушие было достигнуто в деле составления «секретного дополнительного протокола», в котором Германия и СССР констатировали следующее:

«Обе стороны не допустят на своей территории никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях»¹⁷¹. Таким образом, сговор касался прямых организационных мер.

Тем самым заключалось соглашение о взаимодействии при подавлении любого национального самоизъявления польского народа, продолжении применения жестоких, варварских методов, жертвами которых становились тысячи людей — военных и гражданских, раненых, убитых и взятых в плен, для которых будущее было чревато тяжкими, античеловечными последствиями.

Тайный сговор перечеркивал действие защищавших Польшу и польский народ международно-правовых договоренностей и норм. Германия нарушала Версальский договор 1919 г., пакт Бриана—

Келлога 1924 г., договор об арбитраже между Германией и Польшей, подписанный в Локарно 16 октября 1925 г., пакт о ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 г. Советским Союзом были нарушены договор о мире, подписанный в Риге 18 марта 1921 г., протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана—Келлога, запрещавшего использование войны в качестве инструмента национальной политики, договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., подтвердивший мирный договор как основу взаимоотношений между двумя странами и обязывавший стороны воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с третьими державами, протокол 1934 г., протокол, продлевавший действие договора о ненападении до 1945 г.

Оба участника пакта, проводя линию очередного раздела Польши таким образом, чтобы на карте Европы не было даже «остаточного Польского государства», с полной определенностью взяли курс на ликвидацию всех гарантий, какие обеспечивались этой стране международно-правовыми нормами, на совместное противодействие «традиционному стремлению» поляков к восстановлению самостоятельного, независимого государства, от принятой в Версале идеи создания которого «обе стороны отказались». Они обязывались совместно всячески противодействовать возрождению Польши ее собственными силами.

При этом Сталин активно пропагандировал новую внешнеполитическую линию через Коминтерн. Подготовленные в этой организации в конце сентября тезисы еще упоминали о борьбе Польши за национальную независимость, против царизма, хотя акцент уже делался на реакционности и распаде этого государства. Однако авторы не забывали о национальных интересах польского народа, стараясь найти паллиативный выход. Тезисы утверждали, что «польский народ и международный пролетариат не заинтересованы в восстановлении прежнего многонационального буржуазно-помещичьего польского государства... [...] Не путем угнетения других народов польский народ может обеспечить свое будущее, а совместной борьбой с трудящимися других стран за освобождение от капиталистического рабства»¹⁷².

26 сентября тезисы были направлены Сталину, но не получили одобрения. Поскольку судьбы польского народа и государства в те дни решались по-другому, Г.Димитрову было поручено написать статью «Война и рабочий класс капиталистических стран», в которой, как и в воззвании ИККИ к 22-й годовщине Великой Октябрьской революции, откровенно присутствовали, вместо прежних антифашистских лозунгов, союзнические прогерманские и антипольские клише (Сталин правил статью и обсуждал ее со Ждановым)¹⁷³.

Вместе с тем, имея в виду свои стратегические замыслы, Сталин отнюдь не торопился ангажироваться ни в более тесный союз с Германией в ее грядущих боях с западными демократиями, ни в сотрудничество с последними. Он вынудил Риббентропа удовлетвориться декларацией о советских благожелательных намерениях, о

недопущении того, чтобы «Германию задушили», «повергли на землю». Залогом этого становились передача ей польских земель еще и между Вислой и Западным Бугом, а также южнолитовского «сувалкского выступа» и обещание активизировать торговые отношения.

После декретов Президиума Верховного Совета СССР от 1 и 2 октября о включении Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР Гитлер на совещании военного руководства Германии констатировал, что «один из наиболее нездоровых плодов Версаля» — Польша — уничтожен. Декретом от 8 октября отошедшие к Германии польские территории были расчленены. Под предлогом возвращения входивших до Первой мировой войны в состав Германии земель она получила почти в два раза больше: наиболее экономически развитые воеводства стали частью рейха. Краковское, Варшавское, Люблинское, Радомское воеводства (дистрикты) получили статус генерал-губернаторства. Ставя свою подпись вместе с Риббентропом на карте Польши и выражая тем самым свое согласие на передачу этих земель под власть нацистов, Сталин не только включил в название договора предложенный немецкой стороной термин «дружба», но и вынес его в одностороннем порядке на первое место. При этом он руководствовался не государственными внешнеполитическими приоритетами, а чисто тактическими соображениями и, как вскоре выяснилось, ложно понятыми интересами.

Вводя «новый порядок», нацисты положили в основу оккупационной политики следующие принципы: уничтожение этнического облика захваченной территории и национального самосознания поляков, истребление активных политических деятелей и национальной интеллигенции, низведение народного образования до минимального уровня, ассимиляция части местного населения, физическое истребление большого числа «непригодных к германизации» (и, действительно, они успели уничтожить не менее 4,5 млн человек), превращение захваченных земель в резервуар дешевой рабочей силы (для чего вывезли из них 2.357 тыс. человек) и аграрный придаток империи¹⁷⁴. Все это, как достаточно типичные проявления тоталитарного или авторитарного режима, могло не вызывать у Сталина идиосинкразии. Но чем объяснить грубейшие деформации, ошибки и просчеты во внешней политике, неумение сталинской верхушки реалистически оценить перспективы приближающейся угрозы нападения гитлеровской Германии, создающей на польской территории плацдарм для нападения на СССР? Идеологемы, просматривающиеся в конъюнктурном «теоретизировании» В.Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., убедительно показывают, что сталинское руководство само стало жертвой созданных летом—осенью идейно-политических стереотипов. Поражает уверенность в прочности «базы взаимных интересов» с Германией, вера во взаимодействие с «сильной Германией» как «необходимое условие прочного мира в Европе». Кризисная деформация идеологических устоев и эклектизм подходов со всей очевидностью проступают через противоречия в оценках сентябрьской ситуации: с

одной стороны, повторяется утверждение, что якобы «наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось и фактически перестало существовать», а с другой — испытывая явную эйфорию по поводу действий советских войск в Польше, Молотов сообщает уже на второй минуте доклада о военных успехах РККА, об ее участии в разгроме Польши. Он произносит хрестоматийные фразы: «Правящие круги Польши немало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения неполых национальностей». Польша, ассоциировавшаяся с Версальской системой, осуждается за «традиционную политику лавирования между Германией и СССР», которая «полностью обанкротилась», в то время как в действительности ей просто не оставалось места между ликвидаторами Версальской системы, действовавшими силовыми методами, с полным пренебрежением международным правом. Молотов, признавая, что «при боевом продвижении Красной Армии по этим районам у наших воинских частей были местами серьезные стычки с польскими частями...», настаивает на трактовке советской политики как нейтралитета и обещает проводить эту политику и в будущем, одновременно отрицая связь войны с защитой Польши и ее восстановлением. Он обвиняет в агрессивности Англию и Францию, выставляя защитником мира Германию, а также подписывая окончательный приговор Польше: «О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства».

В докладе Молотова «О внешней политике Советского Союза» вся логика рассуждений строилась на этом. Германо-польская война фактически завершалась, и на этом основании Молотов утверждал, что «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира», «ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии». Принятый угол зрения позволил ему сделать вывод, что советская политика является политикой «поддержки Германии в ее стремлении к миру», а договор с нею обязывает «к нейтралитету в случае участия Германии в войне. Мы последовательно проводили эту линию, чему отнюдь не противоречит вступление наших войск на территорию бывшей Польши, начавшееся 17 сентября».

Так обосновывалась трактовка советской позиции как нейтралитета, для поддержания которой был предпринят пересмотр «некоторых старых формул» как неактуальных и «неприменимых». Таковыми были названы понятия «агрессия» и «агрессор», которые якобы «получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл». Изобразив гитлеровскую политику как эталон миролюбия, Вячеслав

Михайлович апеллировал к депутатам: «...Судите сами, изменилось или не изменилось содержание таких понятий, как "агрессия", "агрессор"?» — и внушал им, что употребление этих слов в старом смысле «может порождать только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам»¹⁷⁵.

Является ли эта позиция достаточным основанием, чтобы считать черный сентябрь 1939 г. и ликвидацию Польского государства не агрессией, а «наведением спокойствия и порядка» на «бывшей» польской территории? Для ответа на этот вопрос следует поместить его в конкретные исторические рамки, вспомнить о реакции потерпевшей стороны и мирового общественного мнения.

Военное поражение отнюдь не означало уничтожения Польши, хотя ее власти оказались интернированы в Румынии.

30 сентября польское руководство перестроилось. Президент И.Мощицкий подал в отставку, его функции перешли к бывшему маршалу Сената В.Рачкевичу, который освободил генерала Ф.Славой-Сладковского от обязанностей Председателя Совета министров. На этот пост был назначен главнокомандующий польскими вооруженными силами во Франции генерал дивизии В.Сикорский. Они обратились не в Лигу Наций, а к странам, находившимся в состоянии войны с Германией, и нейтральным государствам. Польские послы представили их руководителям ноту протеста, требуя осуждения советско-германского договора от 28 сентября 1939 г. В ней говорилось: «Перед лицом нарушения священных прав Польского Государства и Польского Народа, о чем свидетельствует соглашение, заключенное 28 сентября 1939 г. между Германией и Россией, в котором стороны договорились о разделе территории Речи Посполитой Польской и владении ею обоими государствами, которые совершили агрессию, я вношу от имени Польского правительства официальный протест против заговора между Берлином и Москвой вопреки всем обязывающим международным нормам и соглашениям, как и вопреки всякой человеческой морали. Польша никогда не признает этого акта насилия, поскольку сила закона на нашей стороне, мы никогда не откажемся от начатой борьбы, которую мы закончим только тогда, когда наша страна будет освобождена от агрессоров, а наши справедливые права будут полностью восстановлены»¹⁷⁶.

Польское правительство заявило о продолжении борьбы вместе с союзными Польше державами за полное восстановление независимости и суверенитета государства. Оно было признано ведущими антигитлеровскую борьбу и нейтральными государствами, продолжало существовать и создавало армию. Вместе с тем Польша оказалась в сложном положении, поскольку 17 сентября официально не заявила об агрессии СССР, не объявила ему войны и не подала жалобу в Лигу Наций. Все ее упования адресовались западным союзникам.

Формулируя в инструкции для руководителей дипломатических представительств от 10 октября принципы польской внешней политики, Сикорский связывал надежды на воссоздание Польского государства со складыванием благоприятной расстановки сил в Евро-

пе и выполнением союзниками обязательств перед поляками, что увеличивало значимость альянса с ними, из которого «нельзя ничего потерять»¹⁷⁷.

Для западных союзников проблема немедленной вооруженной помощи Польше была неактуальна. Важнее было не ухудшить ситуацию на международной арене. Поэтому, как сообщалось в отчете польского посла в Лондоне Э.Рачиньского от 12 октября о беседе с министром иностранных дел А.Залеского, «как Галифакс, так и Чемберлен усиленно подчеркивали, что непосредственная цель, к которой в настоящее время стремятся союзники, — победа над Германией — должна быть также ближайшей целью поляков. В данный момент следует избегать каких-либо действий, направленных против Советской России, поскольку Россия еще не перешла в лагерь Германии и существует надежда удержать ее в состоянии нейтральности. Залескому было заявлено, что поляки должны стоять в шеренге вровень с союзниками и не выбегать из этой шеренги, проводя политику, отвечающую цели союзников — победе над Германией». Решение польских проблем откладывалось до будущей мирной конференции, а «у Залеского были очень слабые аргументы, чтобы противодействовать такой позиции, учитывая, что договор о взаимных гарантиях и помощи между Великобританией и Польшей не был нацелен на обеспечение безопасности последней на случай агрессии другой державы, исключая только Германию. Тайный протокол, приложенный к договору, явно исключал действие договора в случае вторжения Советской России»¹⁷⁸.

Вновь «прошупав Польшу штыком» и без больших усилий получив то, что в тот момент казалось оптимальным, Сталин вел такую политику, которая позволила Западу не видеть в нем союзника Гитлера и не замечать его имперские амбиции, вынуждала выжидать более обещающего развития событий — их взаимного отталкивания¹⁷⁹.

Э.Галифакс заявил в палате лордов, что «надо проводить разницу между действиями Германии и СССР в Польше». Английское правительство рекомендовало польскому МИДу не обострять отношения с Советским Союзом. В Париже также советовали воздержаться от каких-либо официальных шагов в отношении СССР.

Государственный секретарь США К.Хэлл констатировал, что «русское наступление на Польшу могло быть признано военной акцией», но Рузвельт и он не хотели бы рассматривать Россию как «государство, воюющее в равной мере как Германия, ибо, поступая так, мы толкнули бы Россию еще больше в объятия Гитлера». Они надеялись, что эти две страны «полностью не станут союзниками» — «Гитлер не оставит своих претензий к России»¹⁸⁰.

В ходе визита В.Сикорского в Лондон 14—20 ноября представители правительства Великобритании дали ему понять, как сообщал Э.Рачиньский, что «в Лондоне никто не намерен обострять британско-советские отношения в пользу Польши», а проблема безопасности для Восточной Европы, где небольшие государства могут быть побеждены «преобладающими силами или России, или Герма-

ний», могут решаться путем создания из них федерации «при полной поддержке Великобритании и Франции». Таким образом, вопрос все еще обсуждался в контексте опасности со стороны двух мощных соседей — двух противников. Обращаясь 18 декабря к польскому народу, В.Сикорский и правительство Польши в эмиграции подчеркивали важность для освобождения и возрождения страны участия в антигитлеровской борьбе союзников, согласного взаимодействия государств, в том числе славянских, в отражении напора Германии на Восток, «отделения Германии от России» и создания прочного равновесия в Европе¹⁸¹. Таким образом, Сикорский со всей очевидностью принял на вооружение видение проблемы союзниками: не допускать укрепления российско-германского союза, взаимодействия двух традиционных соседей-противников.

Вместе с тем польское правительство не намеревалось отказываться от борьбы за освобождение своей страны.

Примечания

- ¹ Версаль: опыт истории: (Вместо предисловия) // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 11. См. также: Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 34, 176.
- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 324—325.
- ³ Певзнер Я. Мировая революция: великая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. М., 1997, № 10. С. 68, 74.
- ⁴ Залуский З. Пути к достоверности // Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С. 278.
- ⁵ Фалькович С.М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. *Związki kulturalne między Polską a Rosją, XI—XX w.* М., 1998 (далее — Культурные связи). С. 193. См. также: Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
- ⁶ Парсаданова В.С. Образ России в произведениях Пилсудского. Пилсудский и Россия // Культурные связи. С. 167.
- ⁷ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным (далее — Восточная Европа). 1939—1941 гг. М., 1999. С. 77—79 и др.
- ⁸ Литвинов М.М. Против агрессии. М., 1938. С. 15, 16, 31—32; Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. 2. М., 1944. С. 921.
- ⁹ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР // Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 323.
- ¹⁰ См.: *Handbook of Intelligence*. Michigan Press, 1963.
- ¹¹ Наленч Д. и Т. Указ. соч. С. 190, 191.
- ¹² Baranowski W. Rozmowy z Pilsudskim. 1916—1931. W-wa, 1938. S. 9, 12.
- ¹³ Залуский З. Указ. соч. С. 192.
- ¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — Документы и материалы). Т. VI. М., 1969. С. 192—193.
- ¹⁵ Там же. С. 197.
- ¹⁶ Там же. С. 198, 199.
- ¹⁷ См.: *Materski W. Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie 1918—1939*. W-wa, 1994.
- ¹⁸ Żochowski S. *Myszę o Wrześniu 1939*. Londyn, 1993. S. 36, 40.

- 19 Tomaszewski J. Warjanty dyplomacji w Europie Środkowej w latach 1938—1939 // *Acta Universitatis Vratislaviensis*. Wrocław, 1981. S. 416—417.
- 20 Żochowski S. *Op. cit.* S. 30.
- 21 Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 178; Batowski H. Antecedencje 17 września 1939 // 17 września 1939. Materiały z ogólnopolskiej konferencji historyków. Kraków, 25—26 października 1993. Kraków, 1994. S. 22.
- 22 См.: Фалькович С.М. Указ. соч. С. 202.
- 23 См.: Стронський Г. Злет і падіння. Польський національний район в Україні у 20—30-і роки. Тернопіль, 1992.
- 24 Поляки в Україні. Збірник документів. Ч. I. 1917—1939 рр. Т. I. Перемишль, 1998. С. 12; Чирко В.М. Национальные меньшинства на Украине. Киев, 1990. С. 22.
- 25 Документы и материалы. Т. VI. С. 200—202.
- 26 Известия. 14 мая 1935 г.
- 27 См.: Яжборовская И.С. Советская пропаганда 20—30-х гг. Складывание традиций и стереотипов советско-польских отношений и их верификация // Культурные связи России и Польши. С. 208—211.
- 28 Абрамов Н.А., Безыменский Л.А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4—5.
- 29 Яжборовская И.С. Выработка стратегии антифашистской борьбы и репрессирование ее польских участников // Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры. *Polscy zesłańcy w Rosji w XIX—XX stuleciu: ośrodki regionalne*. Казань, 1998. С. 258—260.
- 30 Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988, № 12. С. 52.
- 31 Batowski H. *Op. cit.* S. 22—23.
- 32 Ibid. S. 25.
- 33 Документы и материалы. Т. VII. М., 1973. С. 356—357; Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 177—180.
- 34 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 22. П. 68. Д. 24. Л. 30, 37.
- 35 Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. *Zbiór dokumentów*. W-wa, 1965. S. 11—13.
- 36 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939): Документы и материалы (далее — СССР в борьбе за мир). М., 1971. С. 153.
- 37 Dziennik Szembeka J. Dokument polityki sanacyjnej. W-wa, 1954. S. 58.
- 38 Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 179. Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise 1920—1939. Neuchâtel, 1951. P. 183.
- 39 Подробно см.: Восточная Европа. С. 124—128, 134—138.
- 40 Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 258—271.
- 41 Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 2-е. М., 1953. С. 607—612.
- 42 См.: Гибианский Л.Я. Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточно-европейские проблемы (некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (далее — Политический кризис 1939 г.). М., 1989. С. 75—77.
- 43 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 24. П. 68. Л. 39 и след.; Документы и материалы. Т. VII. С. 71—75.
- 44 Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 98—99.
- 45 Восточная Европа. С. 142—143.
- 46 Wyszczelski L. O czym nie wiedzieli Beck i Rydz-Śmigły. W-wa, 1989. S. 79—80.

- 47 Случ С.З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун Второй мировой войны // Политический кризис 1939 г. С. 97—98.
- 48 Правда. 21 августа 1939.
- 49 Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. W-wa, 1986. S. 16.
- 50 СССР в борьбе за мир. С. 389; Sprawa polska. S. 27.
- 51 См.: Восточная Европа. С. 162.
- 52 Наринский М.М. Как это было: роковой август // Другая война 1939—1945 (далее — Другая война). М., 1996. С. 40; Документы внешней политики: 1939 год (далее — ДВП). Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 386.
- 53 Год кризиса. 1938—1939 (далее — Год кризиса). Т. II. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.: Документы и материалы. М., 1990. С. 137.
- 54 Там же.
- 55 Цит. по: Григорьянц Т.Ю. Гитлеровские планы в отношении Польши и советско-германские переговоры летом 1939 г. // Политический кризис. С. 65.
- 56 Год кризиса. Т. II. С. 178; Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 294—296.
- 57 Там же. С. 180.
- 58 ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 583.
- 59 Подробно см.: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 79.
- 60 ДВП. Т. II. Кн. 1. С. 584.
- 61 Год кризиса. Т. II. С. 168—174.
- 62 Wrzesień w relacjach i wspomnieniach. W-wa, 1989. S. 50.
- 63 «Предыстория 1939 года» // Свободная мысль — XXI. 1994. № 7. С. 111.
- 64 ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 584.
- 65 Цит. по: Григорьянц Т.Ю. Указ. соч. С. 66.
- 66 Розанов Г.Л. Сталин—Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939—1941. М., 1991. С. 83—84; Duraczyński E. Polska w polityce Moskwy latem 1939 // 17 wrzesnia 1939 г. S. 42.
- 67 Год кризиса. Т. II. С. 184.
- 68 Там же. С. 165.
- 69 Там же. С. 186, 187.
- 70 Григорьянц Т.Ю. Указ. соч. С. 65.
- 71 Там же.
- 72 Подробно см.: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 85—87.
- 73 Восточная Европа. С. 163—166.
- 74 Наринский М.М. Указ. соч. С. 34. 36.
- 75 Другая война. С. 73. Poleмику вокруг публикации Т.С.Бушуевой см.: Там же. С. 21—22, 60—63.
- 76 Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // Другая война. С. 64.
- 77 Другая война. С. 73.
- 78 Дорошенко В.Л. Указ. соч. С. 68.
- 79 Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая—июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // Другая война. С. 77.
- 80 Наринский М.М. Указ. соч. С. 41.
- 81 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 84.
- 82 См.: Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 275—279.
- 83 «Предыстория 1939 года». С. 110.

- 84 Безыменский Л.А. Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин: «НВ» получило доступ к личному архиву вождя // Новое время. 1998. № 1. С. 31.
- 85 Год кризиса. Т. II. С. 305, 306.
- 86 Другая война. С. 73—75.
- 87 Певзнер Я. Указ. соч. С. 76.
- 88 Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 77—78, 82—83 и др.
- 89 Там же. С. 69.
- 90 Известия. 24 сентября 1939; Год кризиса. Т. II. С. 319—321.
- 91 Безыменский Л.А. Советско-германские документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3 и др.
- 92 См.: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 81.
- 93 Документы и материалы. Т. VII. С. 177.
- 94 Свяневич С. В тени Катыни. Лондон, 1989. С. 40, 41.
- 95 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 3. П. 183. Л. 32, 33.
- 96 Kurjer Warszawski. 27.08.1939.
- 97 Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. М., 1997. С. 143.
- 98 Год кризиса. Т. II. С. 350.
- 99 «Предыстория 1939 года». С. 111.
- 100 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 166—167.
- 101 Год кризиса. Т. II. С. 312. О фактическом признании Молотовым отнюдь не нейтральной позиции СССР писал С.З.Случ, см.: Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 17, 27—34.
- 102 ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 649.
- 103 Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. С. 58.
- 104 Generaloberst Holder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. Bd. 1. Stuttgart. 1962. S. 25; FRUS. 1939. Vol. I. Washington, 1956. P. 341—342.
- 105 Год кризиса. Кн. II. С. 331—332.
- 106 Там же. С. 351.
- 107 Правда. 24 декабря 1982; 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 490, 491, 497.
- 108 Документы и материалы. Т. VII. С. 178.
- 109 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1947. С. 11—12.
- 110 Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М., 1996. С. 276—277.
- 111 Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej. T. I. Kampania wrześniowa 1939. Cz. I. Londyn, 196. S. 109—110.
- 112 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 555.
- 113 Zmowa. IV rozbiór Polski. W-wa, 1990. S. 11.
- 114 Polska w polityce międzynarodowej. T. I. 1939. W-wa, 1989. S. 548.
- 115 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 104, 106.
- 116 Там же. С. 105—107.
- 117 Там же. С. 88.
- 118 Димитров Г. Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949). София, 1997. С. 181—182.
- 119 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 88—89.

- 120 Там же. С. 95, 96—98.
- 121 Documents on Polish — Soviet Relations 1939—1945. L. 1961. V. 1. 1939—1941.
- 122 Żaroń P. Agresja Związku Radzieckiego na Polskę 17 września 1939 r.: Los jeńców polskich. Toruń, 1998. S. 27—28.
- 123 Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (ADAP). Ser. D. Bd. VII. Baden-Baden. 1961. S. 4, 34—35.
- 124 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 59, 60; Żaron P. Op. cit. S. 46.
- 125 Там же. С. 62.
- 126 ADAP. Ibid. Dok. 46.
- 127 Документы и материалы. Т. VII. С. 178.
- 128 Żaroń P. Op. cit. S. 47. Советскую запись см.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 94—95.
- 129 Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939—1949): Сб. док. и материалов. Киев. 1949. С. 8; Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование (далее — Гриф секретности снят). М., 1998. С. 86.
- 130 ADAP. Bd. VII. S. 450; Bd. VIII. S. 2, 3, 26, 28.
- 131 Żaroń P. Op. cit. S. 30, 32, 37, 42.
- 132 Polskie Siły Zbrojne. T. 1. Cz. 4. Londyn, 1986. S. 516—517.
- 133 Ibid. S. 521, 525—526.
- 134 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 65.
- 135 Известия. 20 сентября 1939.
- 136 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 7. Л. 40, 51 и др.
- 137 Там же. Л. 50; Д. 21. Л. 44.
- 138 Там же. Д. 2; Известия. 7 ноября 1939 г.
- 139 Wojskowy Przegląd Historyczny. 1993. № 1. S. 218—227.
- 140 Agresja sowiecka na Polskę w świetle dokumentów 17 września 1939. T. 2. W-wa, 1995. S. 102.
- 141 Ibid. T. 3. S. 106.
- 142 Ibid. S. 136.
- 143 Żaroń P. Op. cit. S. 121—123.
- 144 Ibid. S. 124—125.
- 145 Agresja sowiecka na Polskę. T. 2. S. 154, 158, 164.
- 146 Свяневич Ст. В тени Катыни. С. 86.
- 147 Polskie Siły zbrojne. T. 1. Cz. 3. S. 548—550.
- 148 Żaroń P. Op. cit. S. 74—75.
- 149 Ibid. S. 77—78; См.: Mierzwiński Z. Generałowie II Rzeczypospolitej. W-wa, 1990.
- 150 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 64.
- 151 Żaroń P. Op. cit. S. 126, 129.
- 152 Ibid. S. 126—127.
- 153 Szawłowski R. («Karol Liszewski»). Wojna polsko-sowiecka 1939. T. 1. Monografia. Pół polityczne, prawnomiędzynarodowe i psychologiczne. W-wa, 1995. S. 411.
- 154 Żaroń P. Op. cit. S. 27, 28; Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. I. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 92—93, 88—90, 96—97.
- 155 Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 49.

- 156 Pelc-Piastowski J. Gdzie sa chłopcy z tamtych dni? // Tygodnik Solidarność. 1995. № 37. S. 14, 15, 17; Szawłowski R. Op. cit. S. 389, 396.
- 157 Гриф секретности снят. С. 89—90; Polski Wrzesień. S. 71.
- 158 См.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1189. Л. 239—261 и др. Grzelak Cz. R. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Radzieckiego na Polskę w 1939 roku. W-wa, 1998. S. 497—500.
- 159 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 129.
- 160 Польша та Україна у тридцятих-сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Польське підпілля 1939—1941. Т. 1. Львів—Коломия—Стрий—Золочів—Варшава—Київ, 1998; Polska i Ukraina w latach trzydziestych-czterdziestych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych. Polskie podziemie 1939—1941. Т. 1. Lwów—Kolomyja—Stryj—Złoczów—Warszawa—Kijów. 1998. S. 11, 14.
- 161 См.: Polska—Ukraina: Trudne problemy. Т. 4. W-wa, 1999; Ibid. Т. 5. Wrocław, 1999; Mironowicz E. Białoruś. W-wa. 1999. S. 130, 131, 131—114 i in; Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999. С. 108—110, 119—121, 126—127 и др.
- 162 Цит. по: Григорьянц Т.Ю. Указ. соч. С. 72.
- 163 Цит. по: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 91—92.
- 164 Там же. С. 92.
- 165 Цит. по: Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski. 1919—1945. Od Warszawy do Jałty. W-wa, 1992. S. 392.
- 166 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 608.
- 167 Там же. С. 610.
- 168 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 99—100.
- 169 Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 93—94.
- 170 ДВП СССР. Т. XII. Кн. 2. С. 614.
- 171 Там же. С. 135—136.
- 172 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 112.
- 173 Там же. С. 121; Димитров Г. Война и рабочий класс капиталистических стран // Коммунистический Интернационал. 1939. № 8—9. С. 27—28; Он же. Дневник. С. 183—184.
- 174 Luczak Cz. Od Bismarka do Hitlera. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze. Poznań, 1988. S. 348, 355, 366.
- 175 Известия. 1 ноября 1939.
- 176 Цит. по: Żaróń P. Op. cit. S. 109—110.
- 177 Polska... S. 592.
- 178 Ibid. S. 593, 594.
- 179 Raack R.G. Polska i Europa w planach Stalina. W-wa, 1997. S. 21, 44, 188.
- 180 Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej w pamiętnikach. W-wa, 1990. S. 76; Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problem granicy polsko-radzieckiej. 1939—1945. W-wa, 1998.
- 181 Polska... S. 618, 619, 625. Подробно см.: Duraczyński E. Polska 1939—1945: Dzieje polityczne. W-wa, 1999.

Глава 2

СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА И СУДЬБЫ ПОЛЬШИ И ПОЛЯКОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Польский аспект

«новой великой победы советской власти»

Еще в разгар лета 1939 г. на высшем партийно-государственном уровне велась интенсивная работа по подготовке важных решений с грифами высокой степени секретности согласно представлявшимся НКВД и НКО проектам постановлений, рассматривавшимся и утвержденным Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, Комитетом обороны при СНК СССР и Генеральным штабом РККА. Политбюро утвердило директивы НКО и НКВД о взаимодействии пограничных войск НКВД и частей РККА в пограничной полосе. Уже в августе органы госбезопасности решали задачу обеспечения кадрами «на случай возникновения войны» и в рамках военно-чекистской учебы проводили, в частности, специальную подготовку оперативных работников из поляков¹.

Содержание мер по помощи населению Польши «в переустройстве условий своего государственного существования» было раскрыто в масштабном представлении перспектив на ближайшее будущее во время беседы Сталина с Димитровым 7—8 сентября 1939 г., на которой присутствовали Молотов и Жданов. Как уже говорилось, Сталин изложил в ней концепцию распространения «социалистической системы на новые территории и население», что должно было стать «результатом разгрома Польши»². Этот замысел был реализован и стал, по молотовскому определению, данному на V Внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября того же года, «новой великой победой советской власти»³.

Занявшись «послевоенным устройством Польши», Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол № 7, решения за 4 сентября — 3 октября 1939 г.) предписало созвать Украинское и Белорусское Народные собрания «из выборных», «утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам», «решить вопрос о характере создаваемой власти» и вхождении «украинских областей в состав УССР, белорусских областей в состав БССР» — т.е. в состав СССР, о национализации банков и крупной промышленности⁴.

Постановлением Политбюро от 1 октября создавались временные областные управления в составе двух представителей от армейских организаций, одного — от НКВД и одного — от временного управления областного города. В комитеты по организации выборов входили по одному представителю от временных областных управлений, по два — от крестьянских комитетов, еще по два — от рабочих

организаций и интеллигенции, а для «помощи» привлекались по три представителя от Президиумов Верховных Советов УССР и БССР. «Организаторскую работу» развертывали продвигавшиеся вместе с передовыми частями Красной Армии группы работников партийного и советского аппарата, направлявшиеся ЦК КП(б)У и КП(б)Б и занятые созданием и утверждением органов новой власти, которые опирались на подразделения НКВД.

Кампания проводилась под лозунгами установления советской власти на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. ЦК КП(б)У (Н.С.Хрушев) и ЦК КП(б)Б (П.К.Пономаренко) исполняли поручение по подготовке деклараций, которые должны были быть приняты Народными собраниями. Было санкционировано создание на присоединенных территориях однопартийной системы: 1 октября Политбюро предписало ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б приступить к созданию организаций коммунистической партии. Вслед за этим были приняты решения о создании комсомольских и партийных организаций.

Выборы в Народные собрания были проведены 22 октября 1939 г. 27 октября Народное собрание Западной Украины приняло декларацию «О государственной власти в Западной Украине», провозгласившую советскую власть, а 29 октября аналогичный документ «О государственной власти» был принят Народным собранием Западной Белоруссии — с одновременным принятием деклараций о вхождении соответственно в состав УССР и БССР. Согласно законам Верховного Совета СССР от 1 и 2 ноября эта просьба была удовлетворена⁵. Правда, не мешает отметить, что Молотов еще накануне, на V Внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября, говорил о воссоединении как о свершившемся факте.

Форсированное партийно-политическое строительство по советской модели осуществляли тысячи мобилизованных для реализации акции партийных и комсомольских активистов из Украины и Белоруссии, а также уволенных в запас кадров РККА. Вскоре была проведена расширенная национализация промышленных и торговых предприятий, коммунальных, культурных, учебных, просветительных и лечебных учреждений и жилищного фонда. А в январе 1940 г. на инкорпорированных территориях утвердилась советская система народнохозяйственного планирования; там создавались МТС и совхозы, и т.д.

Внедряемая на основе утвержденных Политбюро указов Президиума Верховного Совета СССР (3 декабря 1939 г.), эта система принимала все более всеобъемлющие масштабы, подкрепляясь репрессивными мероприятиями.

«Экспорт революции», сопровождаемый масштабными социально-классовыми и национальными «зачистками», был реализован в полном объеме. На присоединенных территориях с огромным размахом отработывалась охватывавшая всю страну политика нового этапа массовых репрессий. Под известным лозунгом «обострения классовой борьбы» по мере продвижения «вперед, к социализму» широко развернулось планомерное истребление социально организованных слоев и групп, воспринимаемых как опасные для режима.

Для обоснования арестов и депортаций населения использовались как традиционные социально-классовые критерии, политические стереотипы, так и методы спекуляции на национальных противоречиях и их дальнейшего разжигания. Изначально создавалась система постоянных и массовых государственных репрессий против общества: обеспечения бесперебойной работы репрессивного конвейера и поддержания непрерывно пополняющего ГУЛАГ новой рабочей силой режима, атмосферы страха как цементирующей силы новой власти⁶. Идеологическим прикрытием служила мощная пропагандистская акция «освободительного похода», а силовым обеспечением — детально проработанный курс ведомства Л.Берии.

Первейшей задачей считалось «изъятие» личного состава вооруженных сил польской армии и других силовых ведомств. В ходе предварительного планирования обеспечивалась готовность на день 11 сентября (в связи с ложной информацией о взятии Варшавы как условия вступления на польскую территорию) «решительного наступления с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника»⁷. В тот же день Берия подписал приказ, определяющий порядок оформления арестов военнопленных. Таким образом, изначально предполагалось не задержание, взятие в плен в соответствии с нормами международного права в условиях ведения военных действий, а массовое проведение арестов. Не приходится отрицать, что на такую акцию вполне распространяются критические оценки издателей документов «Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны» в адрес «карательной части партийно-государственного механизма», выполнявшей «директивные установки руководства страны», способствуя «реализации политики диктатуры и тоталитаризма»⁸.

В рамках непосредственной, организующей исполнение стalinского плана работы директива того же Берии от 15 сентября регламентировала действия оперативно-чекистских групп НКВД: создание временных органов во главе с начальниками групп, выполнение «специальных задач по обеспечению порядка, пресечению подрывной работы и контрреволюции». Было предписано незамедлительно провести аресты политической и экономической элиты, представителей исполнительной власти — функционеров полиции и жандармерии, всего административного аппарата (в связи с работой в «аппарате угнетения»); взяты под контроль государственные и частные архивы; развернуть следственную и агентурную деятельность. В первую очередь предписывалось арестовать деятелей и членов целого круга польских и украинских партий самого разного направления, начиная с социалистов (к тому времени вся палитра политических партий в СССР, кроме коммунистов, уже потерявших немалую часть своего актива, давно была ликвидирована). В перечень было включено несколько белоэмигрантских организаций.

К этому моменту детально были проработаны персоналии, и директива предписывала арестовать по списку 3.435 чел.⁹

15-го же сентября, по данным 12 отдела Генштаба РККА, занимавшегося польскими пленными, между Генштабом и НКВД был

согласован вопрос о создании первых пересыльных лагерей в Путивле и Козельске. Были определены пункты передачи пленных военными в руки конвойных войск НКВД, которые по представлению Берии от 17 сентября постановлением Комитета обороны при СНК СССР (КО) были переведены на военное положение и действовали на территории Белорусского и Киевского особых военных округов (БОВО и КОВО), а также Ленинградского военного округа.

Политбюро срочно, 18 сентября, утвердило постановление КО, а 19 сентября соответствующее распоряжение с изложением приказа наркома обороны о транспортировке и передаче военнопленных органам НКВД было направлено в БОВО и КОВО. Берия издал приказ об организации при НКВД СССР Управления по делам военнопленных (УПВ). Были утверждены штаты УПВ, во главе которого был поставлен майор П.К.Сопруненко. По приказу Берии были немедленно созданы первые восемь лагерей, для чего были кое-как приспособлены бывшие монастыри (Путивльский, Козельщанский, Старобельский, Оранский и др.), в том числе два, превращенные ранее в детские колонии НКВД (Осташковский и Южский), два — в дом отдыха и санаторий (Козельский и Юхновский). Устанавливался жесткий срок начала приема военнопленных — 20 сентября.

Радио передавало бодрые воинственные марши. Популярен был марш Дмитрия Покраса:

С нами Сталин родной,
И железной рукой нас к победе
Ведет Ворошилов.

Подразделения РККА последовательно окружали, не пропуская к границе с Венгрией и Румынией, то есть преимущественно в зоне действий Украинского фронта, «живую силу противника», руководствуясь директивой о ее пленении в особо крупных масштабах. На Белорусском фронте ситуация была спокойнее и выход в Литву был доступнее.

Нельзя не отметить, что и офицеры, и солдаты польской армии шли в плен весьма спокойно. Они были готовы считать Советский Союз своим противником, наоборот, еще весной 1939 г. сформировалось представление, что с этой стороны агрессия Польше не грозит. На совещании высших военных чинов в апреле была принята установка, что «в случае германского нападения на Польшу Советский Союз сохранит нейтралитет и будет расположен в пользу Польши и союзных держав»¹⁰. Во второй половине сентября, по воспоминаниям участника событий — призванного в армию профессора С.Свяневича, польские солдаты, особенно из западной части Польши, весьма благожелательно относились к советским частям, видя в них союзников в борьбе против немцев¹¹. Большинство офицеров воспринимало пленение с доверием, считая его соответствующим международному праву и не пытаясь бежать, что было в зоне действия Белорусского фронта совсем не трудно. Отсутствие правового оформления военных действий, успешное сокрытие подлинных планов, мощное агитационное прикрытие настраивали массу пленных довольно благодушно. Тем более, что на деле части

«пролетарского маршала» чаще всего не стремились «железной рукой» скручивать попавшие в ловушку, но не пытавшиеся во многих случаях оказывать сопротивление массы пленных. Красноармейцы не придерживались жестких правил конвоирования. Поскольку из-за директивы максимально охватить личный состав польской армии организационные задачи становились неразрешимыми, царила неразбериха и безалаберность. Задержанных, не располагая необходимой материальной базой, далеко не каждый день кормили, поили и отнюдь не всегда размещали под крышей, а нередко она оказывалась крышей конюшни, хлева или свинарника¹².

Начальника УПВ П.К.Сопруненко более всего беспокоило то, как он сообщал начальнику Генерального штаба маршалу Б.М.Шапошникову, что частям НКВД пленные как правило передавались без должного количественного учета, а не только без списков, при отсутствии какого-либо плана и ясности в отношении того, куда, в какие пункты их следует направлять. В значительной мере это было результатом огромного масштаба проводимой операции захвата пленных.

Польская армия смещалась на восток. Там же проходили обучение мобилизованные резервисты, из них и из остатков разбитых подразделений формировались новые части, которые после 17 сентября были распушены генералом М.Сморавинским. Возвращающиеся по домам, запрудившие дороги люди в военной форме задерживались, частично отпускались и вновь, особенно в зоне действия Украинского фронта, «изымались». Опергруппы НКВД арестовывали не только их, но всех, кто носил какую-либо форму, как это было принято в Польше, — полицейских, пожарников, железнодорожников, студентов и членов молодежных организаций, почтарей и др.

Приводимые в многочисленных источниках и литературе данные относятся к разным периодам и операциям, к различным этапам задержания, перемещения, фильтрации, обмена и т.д. Они не стыкуются между собой, поскольку единого учета никто не проводил. По Украинскому фронту советские источники дают такие цифры: 341.729, 385.004 и даже 392.334 чел. (как сообщает издание «Гриф секретности снят» на 2 октября 1939 г.)¹³. Для Белорусского фронта сумма на 30 сентября достигает 60.202 чел. Между тем по данным Генштаба основная масса пленных передавалась органам НКВД с 25 сентября по 7 октября, следовательно, эти цифры не могут быть окончательными.

Сводные советские данные на 2 ноября — округленно 300 тысяч, а названная Молотовым на V сессии Верховного Совета 31 октября цифра «примерно 250 тыс.» весьма напоминает сумму текущих данных: по Украинскому фронту 190.584 чел. (по итогам на 30 сентября) и по Белорусскому фронту 57.892 чел. (на 28 сентября). Ряд исследователей склонны принять эту цифру, хотя очевидна ее условность¹⁴. Обнаруженные данные по конвойным войскам охватывают 226.391 чел., а отчетность УПВ — 130.242 чел., включая 5.189, перевезенных в советские лагеря в июле 1940 г. из Литвы и Латвии интернированных¹⁵.

Эти данные приводились в справке Сопруненко в декабре 1941 г. и декабре 1942 г., а также начальника II отдела УПВ М.Денисова

5 декабря 1943 г. как общие сведения ведомства, относящиеся к польским военнопленным. Но вот согласно отчета для Берии, составленного в ноябре 1945 г. курировавшим ГУЛАГ, систему лагерей военнопленных и Главное тюремное управление замнаркома внутренних дел комдивом В.В.Чернышевым, в лагерях и тюрьмах с сентября 1939 г. до июня 1941 г. находились 389 тыс. польских граждан, арестованных в присоединенных землях. Этот документ ставит под сомнение полноту приведенных ведомственных данных и требует дальнейших уточнений. Он однозначно указывает на масштабность социально-политического и национального катаклизма, обрушившегося на интегрированные земли, но и не только на них. Уточним сразу: ликвидация прежнего «аппарата угнетения» всех уровней, снятие целых пластов социальной структуры и расчистка почвы для «социалистических преобразований» и очередного «триумфального шествия советской власти» захватили немалую часть населения западных и центральных польских воеводств, которая сместилась на восток в составе ли армии, или управленческих структур, не говоря уже о беженцах. В армию в тот момент вливался значительный контингент обучавшихся резервистов — прежде всего различные слои интеллигенции со всей территории Польши. На восток эвакуировались министерства и ведомства, полиция получала предписание выехать на восток и перейти в распоряжение советской власти. Полицейские из Силезии были арестованы прямо в этих эшелонах и препровождены «в плен». Польская историография разных лет доводит число репрессированных польских граждан различных категорий до 1—1,6 млн чел. Российская историография насчитала к настоящему времени за период 1936—1956 гг. 670—720 тыс. чел., в том числе после 17 сентября 1939 г. 510—540 тыс. чел.¹⁶

Было решено «откачать» «человеческие ресурсы» армейских и вообще государственных структур, прежде всего силовых, частично в тюрьмы, пропускная способность которых никак не могла соответствовать размерам задуманной акции, с последующим перемещением в систему ГУЛАГа, в места размещения «пленных» в РСФСР, Украине и Белоруссии, где с 1939—1940 гг. действовали специальные производственные главки — железнодорожного строительства, лесной, горнометаллургической промышленности и др., хозяева миллионов бесправных заключенных.

Для этого была создана определенная правовая база. В проекте «Положения о военнопленных» в число этой категории включались в соответствии с международно-правовыми документами «гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях». 20 сентября военнопленными уже считались любые гражданские лица, задержанные во время военных действий, то есть арестованные органами НКВД¹⁷. В проекте под «военными действиями» понималось «состояние войны с СССР», а создание УПВ увязывалось с «объявлением состояния войны». Этот пункт был вычеркнут из проекта. Зато целый ряд последующих актов массовых репрессий в отноше-

нии как военнослужащих, так и гражданских лиц уже не нуждался в оправдании военными действиями, которые завершились в конце «черного» сентября (который пропаганда стремилась переименовать в «золотой», но без особого успеха). По данным, приводимым профессором из Минска А.Хацкевичем, на 7 октября на территории Западной Белоруссии было арестовано 2.708 чел., на 15 октября — 3.535 чел., а на 22 октября — 4.315 чел.¹⁸ На территории Западной Украины масштабы этого процесса были еще большими¹⁹. Всего на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. были заключены в тюрьмы 92.500 чел., из них в украинских землях — 54 тыс. чел.²⁰ Анализ переданных полякам органами безопасности и внутренних дел Украины архивных материалов позволил развернуть издание многотомного указателя репрессированных, из которого следует, что большинство арестованных с осени 1939 г. получало по статье 54 (контрреволюционная деятельность) или статье 56 (преступление против государственной власти) УК УССР сроки от одного года пребывания в исправительно-трудовых лагерях до кары смерти. Расстрелы осуществлялись на месте. Большинство арестованных направлялись в лагеря ГУЛАГа, Главного экономического управления НКВД, Наркомюста, часть, в основном командный состав, — в лагеря военнопленных.

Сугубо засекреченная система учета жертв гигантского катаклизма с ее многоступенчатостью и запутанностью ввиду наложения разных видов репрессий друг на друга, перетекания контингентов из тюрем в лагеря военнопленных и обратно, а также в систему лагерей ГУЛАГа до сего дня остается во многом непрозрачной. Некоторая ясность была внесена освобождением части репрессированных в связи с созданием польской армии. Собранные в 1942—1943 гг. свидетельства нескольких сот человек показали, что приемные пункты и передаточные лагеря военнопленных насчитывали девять десятков, а на территории РСФСР, УССР и БССР было не менее 48 лагерей или их филиалов разного ведомственного подчинения, в которых содержались поляки, что в сумме составило, по данным служб Армии Андерса, 138 лагерей.

Дальнейшие исследования показали, что целый ряд временных лагерей-распределителей на присоединенных территориях превратился в постоянные, обслуживавшие дорожные работы, строительство аэродромов и т.д. В РСФСР с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. было создано 22 трудовых лагеря военнопленных, 19 из них ликвидировано с перемещением контингента, в УССР — 27, затем 19 ликвидировано²¹. Исследователи из «Мемориала» установили существование еще нескольких лагерей, где работали поляки.

Собственно, на Управление по делам военнопленных с самого начала ложилось трудовое использование пленных в промышленности и сельском хозяйстве. «Оприходование» дармовой рабочей силы на стратегических объектах осваиваемых земель было строго засекречено, как и обеспечение добычи сырья и функционирования военно-промышленного комплекса на Северах, на Урале и в Сибири. Пленных бросали на самые тяжелые работы топливно-энергетического

комплекса — на лесоповал, на добычу нефти Ямала, угля Воркуты и т.д.

Сталинское руководство держало под постоянным контролем прохождение акций распределения польских пленных. Уже 11 октября Берия докладывал Молотову, что в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о военнопленных (то есть решение Политбюро было проведено и через ЦК, и через СНК) закончена работа по отбору и с 10-го начата отправка по домам жителей Западной Украины и Западной Белоруссии из рядового состава. В этом сообщении нельзя не отметить термин «работа по отбору»: здоровые и физически сильные солдаты задерживались и направлялись на хозяйственные объекты, в трудовые лагеря²². Берия информировал, что, разобравшись к 18 октября с этим контингентом, его ведомство примется готовить отправку оставшихся около 33 тыс. «жителей территорий бывшей Польши, отошедших к Германии, преимущественно поляков», для чего следует начать переговоры с германским правительством²³. Предлагалось осуществлять передачу непосредственно на границе в пунктах Тересполь и Дорогуск, эшелоны направлять с 23 октября по 3 ноября.

На этот раз прохождение решения, направленного Молотову, было несколько иным: его визирует «За-Молотов». Далее следовали визы Ворошилова и Сталина и секретарская помета «Т. Микоян — за, т. Андреев — за, т. Каганович — за, т. Жданов — за, т. Калинин — за». Оформление собственно решения, традиционно выделяемого из текста докладной, было аналогичным оформлению решений Политбюро. Текст выделялся абзацами, рассматриваемый пункт имел заголовок «Вопрос НКВД», отмечалось его направление в особую папку (ОП). Помета на тексте указывала на прохождение решения через Политбюро, протокол 8/61 от 13 октября. Кроме визирувания этого решения партийно-государственной верхушкой, текст носит следы непосредственного редакционного участия Сталина, его красного карандаша в пункте о передаче пленных германским властям, с сокращением деталей, адресованных НКПС. Сталин укрупняет проблему, видя прежде всего ее международный аспект. Именно так она решалась с самого начала.

Проводившаяся при этом тщательная фильтрация предполагала изначально освобождение немцев из польского плена с предоставлением «возможности и средств» направиться или в германское посольство, или в распоряжение германских частей. Арестовывать немецких колонистов было запрещено.

Обмен пленными с Германией базировался и на доверительном протоколе-приложении к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Оба правительства обязались не препятствовать желающим переселиться в Германию или в «сферу германских интересов» немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, а с другой стороны — желающим переселиться в СССР или в его «сферу» лицам украинского или белорусского происхождения, проживающим в «сфере интересов Германии»²⁴. 16 октября состоялось решение СНК СССР об обмене

военнопленными и интернированными, а 21 октября было подписано соответствующее советско-германское соглашение, в подготовке которого участвовал посол Ф. фон Шуленбург и замнаркома В.П.Потемкин. Во время проведения обмена (24 октября — 23 ноября) создавалась видимость соблюдения международной нормы: эшелоны оплачивали, формировали и доставляли органы НКВД, а передавали пленных представители наркомата обороны, чтобы продемонстрировать, якобы пленные находятся в СССР в ведении армии. Польские офицеры не передавались. Советская сторона отправляла рядовых, унтер-офицеров и офицеров — немцев по национальности, а также тех, за кого ходатайствовало германское посольство.

Количественные показатели были одного порядка (советская сторона поставила 42,5 тыс. чел., немецкая — 38,424). Но судьбы обмененных были различны: отправленные в Германию провели войну в шталагах; жители украинских и белорусских областей были на короткое время распущены по домам, а затем получили сроки по обвинению в шпионаже против СССР и в северных лагерях ГУЛАГа использовались на самых тяжелых работах — в шахтах никеля, на загрузке и разгрузке вагонов, на лесоповале — в самых нечеловеческих условиях²⁵. По строгой инструкции из них сразу выявили офицеров и унтер-офицеров и заключили в спецлагеря.

Проблема «спецконтингента» и «спецлагерей» была в центре внимания как НКВД, так и руководства страны постоянно — в ходе пленения и многократных перевозок, тщательной селекции и фильтрации разных категорий задержанных, причисленных к категории «военнопленных». Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в свое время снабженные целым набором грифов строгой засекреченности и лишь недавно не только открытых, но и изданных в многотомной совместной российско-польской публикации материалов, связанных с Катынским делом. Изначально была взята установка на строжайший учет и просеивание без «какой-либо самостоятельности», с предписанием держать до получения «дальнейших инструкций» и «детальных директив» те категории арестованных-пленных, которые уже при создании Управления по делам военнопленных должны были быть зарегистрированы в картотеке I спецотдела НКВД СССР «для отражения в учете антисоветского элемента». А это требование распространялось «на весь офицерский состав», с детализацией компромата (на «ведущих антисоветскую работу, подозреваемых в шпионской деятельности», на «примыкавших» к политическим партиям и организациям «контрреволюционного направления», которые перечислялись уже 15 сентября в упоминавшейся директиве Берии), а поскольку в польской армии партийно-организационная принадлежность была запрещена, эта рекомендация касалась гражданских лиц и мобилизованных резервистов²⁶. Такой установкой сразу и однозначно были припечатаны ведомственным клеймом дальнейшие судьбы тех, в отношении которых инструкции строго предписывали «не допустить освобождения из лагерей кого-либо из вышеназванных лиц под видом солдата», полностью изолировать от советского

населения и постоянно держать под наблюдением с возможностью применения репрессивных мер²⁷.

При выработке «Положения о военнопленных» и «Правил внутреннего распорядка лагеря НКВД СССР для содержания военнопленных» статус пленных все более ущемлялся. Например, было вычеркнуто международно-правовое запрещение «применять к военнопленным меры принуждения с целью получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях», было изъято упоминание об институте назначаемых администрацией уполномоченных (определялись только старшие групп, комнат, бараков), на военнопленных распространялась уголовная ответственность по законам СССР и союзных республик, а дисциплинарные взыскания налагались в соответствии с Уставом РККА. Контролирующая же функция международных организаций фактически отменялась. Было снято положение о допуске представителей иностранных и международных краснокрестных и иных организаций для ознакомления с условиями содержания пленных. Утвержденное 20 сентября Экономсоветом при СНК СССР «Положение о военнопленных» содержало в пункте 30 абзац о немедленном сообщении в Исполком Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца об осуждении пленного к высшей мере наказания и приведении приговора в исполнение не ранее месяца после такого сообщения. Это положение никогда не соблюдалось, аресты и расстрелы тщательно скрывались, но свидетельства о них есть в реляциях узников ряда лагерей²⁸. Возможность оказания помощи со стороны международных организаций формально признавалась, однако, когда польское правительство в эмиграции предложило ее оказать через посредничество Турции, Молотов в этом отказал. Исчезло положение об обмене списками военнопленных и о создании Центрального адресного бюро. Правда, пленным разрешалось подавать жалобы и заявления начальнику и комиссару лагеря, в УПВ и даже в правительственные органы СССР. Со всей очевидностью не было и речи об их освобождении согласно международному праву после окончания военных действий. Их будущее являлось внутренним делом сталинского руководства, и прежде всего НКВД, производным от курса на ликвидацию социально и политически активного слоя польского общества, устоев Польского государства.

Едва закончился сентябрь и набрало максимальные обороты перемещение пленных на советскую территорию, сопровождающееся их селекцией, как уже 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию во главе с секретарем ЦК А.А.Ждановым для рассмотрения вопроса о военнопленных. На следующий день в нее был внесен подготовленный ее членами Берией (НКВД) и Мехлисом (НКО) проект постановления, который, будучи включен в представление на Политбюро, уже 3 октября был им принят со сталинскими правками.

Представление (докладная записка) поступило с грифом «совершенно секретно» на бланке НКВД с подписями Берии и Мехлиса и указанием, что вносимые предложения предъявлены в комиссию Жданова. Сам же Жданов даже не присутствовал на узком составе

Политбюро. О его согласии информирует лишь скромная секретарская помета: «т. Жданов — за». Завизировали документ лишь четверо ближайших лиц из сталинского окружения, оставивших свои подписи вслед за решительным сталинским росчерком: «За с поправками. Ст.». Это Микоян, Ворошилов, Молотов и Каганович.

Постановление относится и к польским, и к чешским пленным. Обращает на себя внимание то, что сталинский красный карандаш сразу вычеркивает предложение содержать чехов в качестве интернированных до окончания войны Англии и Франции с Германией, возможное место содержания, отделение офицеров от солдат. Чехи — карта в другой игре, и Сталин собственноручно вписывает: «Отпустить, взяв с каждого из них подписку, что не будут воевать против СССР». Это соответствует нормам международного права, выходя в сферу внешней политики (но и чехов не отпустили до 1941 г.). Польские дела рассматриваются в ином, внутреннем ключе.

Решая по пунктам вопросы отпуска по домам жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, строительства дороги Новгород-Волынский—Львов силами 25 тыс. пленных, возвращения «в немецкую часть Польши» и распределения остальных по лагерям, Сталин своим подчеркиванием четко дифференцирует солдат и офицеров, лично определяет, где последние будут размещаться — в Старобельске, где во времена Гражданской войны содержалось белое офицерство²⁹.

Заведомо «контрреволюционный» элемент — «разведчики, контрразведчики, жандармы, полицейские и тюремщики», предмет особых интересов НКВД, приписываются к Осташковскому лагерю Калининской области. И Старобельский, и Осташковский лагеря (как и Козельский лагерь, превращенный в офицерский спецлагерь несколько позже) — уже готовые места изоляции — монастыри. Их легче стеречь, скрывать от лишних глаз. Что этот момент представлялся весьма важным, видно из пакета документов Берии, сопровождавшего решение Политбюро (кстати, делопроизводство тогда грешило промахами, и на основополагающем тексте с правкой Сталина стоит дата «3 октября 1939 г.», а в выписке указано, что решение носит дату «2.X.39 г.», но «оформление» его в СНК, судя по помете на той же выписке, произошло также 3 октября³⁰). Только непосредственные участники рассмотрения вопроса «260. — О военнопленных», да и то не все (лишь Берия, Ворошилов, Мехлис и Молотов), получили полный текст выписки, снабженной грифами «Строго секретно. Из о[собой] п[апки]». Непосредственные исполнители снабженческих поручений по лагерям были ознакомлены только с конкретными заданиями. Приказы и директивы Берии наркомам внутренних дел БССР и УССР, начальникам УНКВД и лагерей снабжались грифами «Совершенно секретно. Вручить немедленно. С изъятием ленты». При перемещении пленных в соответствии с намеченным планом особистам предписывалось «организовать тщательное изучение и проверку личности каждого военнопленного, установление точного места его постоянного жительства до призыва в армию и выявление возможных скрывающихся среди солдат офицеров, государственных чинов-

ников, агентов разведывательных органов и членов зарубежных антисоветских организаций»³¹.

8 октября отдельные поручения отлились в стройную форму директивы по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных в лагерях НКВД. На особые отделы лагерей возлагалась обязанность создания агентурно-осведомительной сети для выявления «контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных».

Первейшей задачей считалось создание такой агентуры, которая проникала бы, «внешне оставаясь на позициях продолжения борьбы за "восстановление" Польши», «во все складывающиеся антисоветские группировки среди военнопленных...». Таким образом, лишь с контрреволюцией и антисоветизмом отождествлялись надежды на восстановление Польского государства и намерения действовать в этом направлении.

Вторым пунктом выделялась задача выявления через однопольчан и по признаку землячества настроений пленных. Детально перечислялись контингенты для «разработки»: в широком диапазоне привычных «контрреволюционных и антисоветских элементов» присутствовали участники зарубежных белогвардейских террористических организаций, русских и украинских, провокаторы царской охраны и лица, служившие в полицейско-тюремных учреждениях дореволюционной России, «кулацкие и антисоветские элементы, бежавшие из СССР в бывшую Польшу». В этот ряд вписывались польские служащие силовых структур: лица, служившие в разведке, полицейских и охранных органах «бывшей Польши» всех уровней и агентура этих органов, работники суда и прокуратуры, тюремные служащие и пограничники, агентура других иностранных разведок, а также члены целого ряда «военно-фашистских и националистических организаций». Таковых было перечислено одиннадцать (Польская военная организация, Польская социалистическая партия, Осадники, Стшелец, Союз офицеров запаса, Союз унтер-офицеров запаса, Союз адвокатов Польши и др.). Отдельно была выделена категория «провокаторов охраны в братских коммунистических партиях Польши, Западной Украины и Белоруссии»³². На самом деле после роспуска этих партий в данную категорию попадали по обвинению их в провокации руководители и члены КПП, КПЗУ и КПЗБ.

Особое внимание обращалось на соблюдение строгой секретности при агентурной разработке, вербовке агентуры и «лиц, могущих быть использованными для заброски за кордон», что предусматривало тщательную проверку и получение санкции наркома. Согласно параграфу 8 директивы, основанием для ареста могли быть материалы о настроениях, факты нарушения правил внутреннего распорядка и «выявленные преступления», «в том числе и контрреволюционные». Повышенная бдительность предписывала «обеспечение агентурным обслуживанием надзирательно-конвойного состава лагеря и окружающих лагерь населенных пунктов во имя выявления и предотвращения «возможных фактов использования военноплен-

ными в преступных целях отдельных лиц из обслуживающего персонала лагеря». К подобным «целям» были отнесены «передача сообщений, писем, подкуп в целях побега»³³.

Распространение информации о лагерях считалось крайне нежелательным явлением. В некоторых лагерях переписка была полностью запрещена, в других с 20 ноября было разрешено высылать одно письмо в месяц, при каких-либо нарушениях это право отбиралось. Руководство Осташковского лагеря 22 февраля 1940 г. докладывало о том, как была организована переписка пленных с родными: строго по инструкции одно письмо в месяц передавалось выделенному для этого пленному, сдающему почту через старшего корпуса ежедневно в канцелярию. В особом отделении почту прочитывал политконтролер, после чего (через 2—3 дня) она передавалась в почтовое отделение. Поступающие письма и открытки сразу шли к политконтролеру, а затем через канцелярию и старшего по корпусу выдавались адресатам³⁴.

Оперативно-чекистских разработчиков весьма интересовали адресанты, циркулировавшая между лагерями и присоединенными территориями информация, помогавшая продолжению максимально возможной зачистки на них.

Правовая основа репрессивной деятельности в отношении населения присоединенных земель, в уточнении которой важнейшую роль играл курировавший польские дела «Корифей советского правопорядка» и «герой политических процессов» А.Я.Вышинский, становилась все более жесткой.

В помещенном в «особую папку» протоколе Политбюро № 7 под номером 270 за то же 3 октября, что и решение о военнопленных (№ 260), хранится и решение «О порядке утверждения приговоров военных трибуналов в Западной Украине и Западной Белоруссии». Этим решением Военным советам Украинского и Белорусского фронтов было предоставлено право утверждать приговоры военных трибуналов к высшей мере наказания за «контрреволюционные» преступления гражданских лиц и военнослужащих. Под текстом стоит факсимильная подпись Сталина³⁵.

Примером был приговор к смерти 22 польских военнослужащих, которые в ходе начатых 17 сентября военных действий атаковали подразделения Красной Армии. В обосновании приговора указывалось: «Банда имела целью подрыв доверия к силе РККА и установление на советской территории бывшей Западной Белоруссии прежнего фашистского правового порядка»³⁶. Таким образом, оказание вооруженного сопротивления было основанием не для взятия в плен, а для якобы юридически оформленного расстрела. Задержанные (арестованные) военнослужащие теперь «на законных основаниях» нередко заключались в тюрьмы и передавались в военные трибуналы, то есть не помещались в лагеря военнопленных, а репрессировались.

Массовые аресты готовились на основе действий созданных по приказу Берии в начале октября оперативной, учетной и следственной групп НКВД, обрабатывавших изъятые польские документы и избирательные списки, охватившие как местное население, так и

прибывших из центральных и западных воеводств. Из числа арестованных более 7.300 чел. были расстреляны (казни проводились прямо в тюрьмах), в том числе немало военнослужащих. Часть была переправлена в лагеря военнопленных, значительная часть содержалась в тюрьмах, вывозилась в лагеря системы ГУЛАГа в рамках освоения ею отдаленных районов Севера³⁷. Максимальная интенсификация «дренажа» поддерживалась периодически повторяющимися приказами Берии, практически ежемесячными.

В октябре—декабре неоднократно проводилась регистрация офицеров всех категорий, в том числе запаса и отставников, служащих силовых структур и т.д. Получив необходимые сведения, органы НКВД в несколько приемов собрали офицеров в определенных пунктах и арестовали. В Белостоке 26 октября около 600 чел. были вывезены в лагеря военнопленных, и в их числе был подполковник З.Берлинг. Во Львове 9—10 декабря были собраны около 2 тыс. офицеров, в областях Западной Украины 10 декабря — 1.057 «бывших офицеров польской армии», из которых 487-ми были инкриминировано участие в различных «контрреволюционных организациях»³⁸. То же имело место в Вильно, Барановичах, Гродно, Станиславове. Часть была вывезена в лагеря военнопленных, большинство попало в тюрьмы и лагеря. По мнению П.Жароня, в результате регистрации ноября—декабря такова была судьба 5—6 тыс. офицеров. Он приводит в качестве типичного примера на основании проведенных опросов начала 40-х годов арест врача Л.Бервальда, работавшего после мобилизации в госпитале, 15 ноября прошедшего регистрацию, а в ночь на 10 декабря арестованного. Врач получил 5 лет лагеря за участие в войне против Красной Армии как «враг народа и контрреволюционер» и прошел через тюрьмы Львова, Херсона, Харькова, Караганды и Петропавловска³⁹.

Особую категорию арестованных составляли «перебежчики», далеко не всегда ориентировавшиеся в военной заварухе, искавшие родственников, приюта и спасения люди. Границу пыталась перейти значительная группа стремившихся продолжить борьбу за освобождение своей страны вне ее пределов. Этот путь прошел известный писатель Г.Герлинг-Грудзинский, детально описавший его в опубликованных в Париже в 1951 г. (первое издание) воспоминаниях «Иной мир: советские записки». Он был арестован как перебежчик при попытке перейти границу СССР и Литвы. Вот фрагмент классической сцены его допроса в гродненской тюрьме.

«А позвольте узнать, зачем? — Чтобы воевать с Германией. — А известно ли мне, что Советский Союз заключил договор о дружбе с Германией? — Да, но мне также известно, что Советский Союз не объявил войны ни Англии, ни Франции. — Это не имеет значения. — Как в конце концов звучит обвинение? — "Намеревался нелегально перейти советско-литовскую границу, чтобы продолжить борьбу против Советского Союза". — А нельзя ли слова "против Советского Союза" заменить словами "против Германии"? — Удар ладонью натыкает меня отрезвил. "Это, в конечном счете, одно и то же", — утешил меня следовательно, когда я подписывал обвинилровку»⁴⁰.

Как свидетельствует другой автор воспоминаний — служащий Министерства социальной опеки Т.Коханович, пытавшийся пересечь советско-венгерскую границу, «чтобы пробраться во Францию и вступить в формировавшуюся там армию», таких как он, не сумевших перейти на ту сторону, именовали «недобежчиками»⁴¹.

Первый из них получил 5 лет и попал в Каргопольлаг Архангельской области, второй с трехлетним сроком был направлен в Печорлаг Коми АССР, на лесоповал за Полярный круг. Оба убедились, что мало кто в лагерях имел судебные приговоры, большинство же получило сроки, данные ОСО, другие были административно высланными как «социально опасный элемент». Среди зеков было немало поляков, особенно коммунистов. Согласно инструкции НКВД их первыми извлекали из толп беженцев и загружали в тюрьмы как «провокаторов», а затем отправляли в эшелонах «осваивать Севера». Следующими по численности были украинцы и нацмены из Средней Азии.

Польские и немецкие коммунисты получали большие сроки (5 или 8 лет) с мотивировкой, что-де бегством из своей страны они нарушают святую обязанность каждого коммуниста вести революционную борьбу, поэтому бегство в СССР трактуется как тяжкое преступление. Во Львове, как подтвердил будущий секретарь ЦК ПОРП З.Клишко, в то время было просто опасно признаваться в принадлежности к польской компартии: это грозило немедленным арестом⁴².

В рамках общего курса Г.Димитров направил в начале октября в НКВД по линии Коминтерна два письма со списками на 500 чел., подозреваемых в «провокациях» в связи с деятельностью распущенных в августе 1938 г. вместе с КПП КПЗУ и КПЗБ. В июле же 1940 г. он уже сетовал, имея в виду проведенную НКВД «зачистку территории», что из тысячи бывших политзаключенных паспорта получили только сто. «Остальные — в своем большинстве б[ывшие] рядовые члены КПП и КСМП, — писал он, — несмотря на наличие справок обкома МОПР, высылаются вместе с подозрительными, спекулянтами и всеми враждебными элементами внутрь СССР, получая паспорта с п[араграфом] 11, по которым они часто не могут получить работу». Пытаясь на сей раз отстоять свой актив, Димитров подчеркивал, что есть немало честных и преданных коммунистов, которые «являются резервом для отбора и подготовки кадров, необходимых для будущей работы»⁴³. Он имел в виду паспорта без права проживания в погранзоне и областных центрах, но, видимо, лукавил, будто не знает, как решалась судьба «всех враждебных элементов» в СССР.

Украинские власти не только относились к бывшим польским коммунистам безо всякого доверия, но не раз проводили против них кампании арестов. В начале 1940 г. во время чтения стихов в клубе интеллигенции во Львове был арестован известный поэт Вл.Бронеvский. Другие представители левой интеллигенции были задержаны дома. В тюрьме, а затем и в лагерях оказались многие. Были репрессированы Л.Левин, В.Скуза, А.Стерн, А.Ват и другие прогрессивные деятели польской культуры.

В северных лагерях скапливались группки коммунистов и левых деятелей со всей Европы. Лучше всего противостояли изничтожающей реальности ГУЛАГа русские, прибалты и финны, великолепные лесорубы. Другие, превращенные в безмысленные, ежедневно теряющие остатки энергии тени, не имевшие необходимой одежды и обуви, в драных лохмотьях, быстро вымиравшие от истощения, холода и болезней, со сведенными судорогой боли и высушенными как пергамент пеллагрическими лицами, с лихорадочно блестящими от голода гноющимися глазами, понимали, что нет никакой перспективы спасения, и не рассчитывали ни на какую снисходительность. Периодически бригады подкреплялись свежими пополнениями из тюрем⁴⁴. Среди них было много поляков, и в том числе военнопленных (военных и гражданских) из спецлагерей, которым во время следствия удавалось «пришить» какие-либо преступления, особенно «контрреволюционные». А к таковым относились освободительные настроения, разговоры о восстановлении Польского государства, о поисках путей вооруженной борьбы с гитлеровской Германией.

Эти намерения переключались с настроениями в среде арестованных советских военных. Так, по рассказу Г.Герлинг-Грудзиньского, в ленинградской тюрьме он оказался в одной камере с репрессированными крупными военными-штабистами, получившими после более чем трехлетнего следствия по 10 лет и убежденными, что будет и победоносно завершится война с Германией: «они ожидали начала войны СССР с Германией, надеясь на освобождение, полную реабилитацию, выплаты жалования за отсиженные годы»⁴⁵.

После следствия, которое для арестованных поляков «ограничивалось лишь принуждением подписать фиктивные обвинения», целью которого «было скорее дать удобный предлог органам, занятым набором дешевой рабской силы и деполонизацией захваченных земель, нежели перевоспитанием будущих граждан Советского Союза», в глухой архангельской тайге они получили великолепный по своей выразительности политический ярлык «антигитлеровских фашистов»⁴⁶, отражавший всю глубину кризиса идейно-политического сознания советского общества, рожденного сталинскими деформациями советской внешней политики в период «советско-германской дружбы».

Северные лагеря ГУЛАГа, Главного экономического управления НКВД, Наркомюста пополнялись и за счет перераспределения трудовых ресурсов из лагерей военнопленных с территорий, отошедших как к СССР, так и к Литве и Германии. Поскольку пленные не соглашались вступать в договорные отношения на длительный срок с дирекциями шахт и рудников, их положение становилось все более подневольным, труд — принудительным. Однако тысячи пленных отказывались подавать заявления о желании остаться в СССР и трудиться в горнодобывающей промышленности, поэтому в соглашении между НКВД и Наркомчерметом от 7 февраля 1940 г. их предписывалось направлять на «массовые работы» в группах не менее ста человек, под конвоем и надзором, а заработок выплачивать НКВД⁴⁷.

Попытки улучшить положение при помощи забастовок, голодовок и т.п. вели к прямым репрессиям и к перемещению в трудовые лагеря отдаленных районов со значительно более жестким «исправительным» режимом, гарантировавшим быстрое превращение в «лагерную пыль», столь знакомое многим поколениям советских зеков.

Далеко не все военнопленные эксплуатировались в системе Управления по делам военнопленных НКВД. В той же «конторе» от этого не отказывались и другие подразделения. Публикуя докладную записку МВД СССР от 24 мая 1950 г. о работе Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР (как в то время уже называлось УПВ) за 1941—1950 гг. за подписью ставшего министром С.Круглова, Н.Сидоров констатировал: «Информация о составе пленных и содержании работы с ними регулярно направлялась высшему руководству СССР, но, по аналогии с гулаговской, она была неполной и необъективной. Сильно преувеличивались результаты пропагандистской и оперативной деятельности органов ГУПВИ, и, напротив, причины и уровень смертности, травматизма, самоубийств, побегов, недовольства лагерников и другая негативная информация не находила места в сводках, подаваемых наверх»⁴⁸. Расхваливая предоставленную пленным возможность приобрести «различные производственные и строительные специальности», Круглов рапортовал, что якобы «на основе ознакомления с передовыми методами социалистического труда военнопленные из года в год улучшали производственные показатели и повышали производительность труда». Этому способствовала многообразная агитационно-политическая работа, направленная на «разъяснение преимуществ советского строя перед капиталистическим, на показ политических, хозяйственных и культурных успехов СССР и роли Советского Союза в борьбе за мир...»⁴⁹.

В многочисленных текущих отчетах из лагерей преобладает информация о сохранении в них напряженной ситуации, о постоянных конфликтах, которые результативно снимались только «изъятием» и пересылкой пленных в отдаленные районы.

Шагреневая кожа спецлагерей, формировавшихся методом длительной селекции в основном из контингента с ограниченным трудовым использованием (кроме служащих государственного аппарата, прежде всего силовых структур в Осташковском лагере), еще имела определенный ресурс времени для выявления тех, кто мог быть полезен с точки зрения владения ценной информацией, контактами и связями для оперативной работы или военно-профессионального использования. Те же, кто для этого не годился, но демонстрировал непримиримую патриотическую позицию, незамедлительно подвергались репрессиям.

Комплектование состава трех спецлагерей (в переписке УПВ они в ряде случаев именуются и концентрационными) интенсивно велось в октябре и в основном закончилось в ноябре. После первоначальной, но весьма обстоятельной фильтрации были отделены особистами представители силовых структур всех уровней, в том числе призванные из запаса и из отставки (кроме негодных к стро-

евой службе солдат, использовавшихся как полицейские для охраны дорог и мостов), чины и рядовые полиции и жандармерии, а также тюремной администрации. К этой категории были причислены другие служащие «аппарата угнетения» и «паразитических слоев», попавшие в число военнопленных по чисто «классовому» признаку, — судьи и прокуроры, разведчики и контрразведчики, чиновники разных уровней администрации, бухгалтеры и писари, подростки-юнаки и т.д. Среди них оказалось всего несколько помещиков.

Они были размещены (на 19 ноября — 6.483 чел.) недалеко от Осташкова на озере Селигер, острове Столбный, в бывшем монастыре Нилова пустынь, за годы советской власти трансформировавшемся сначала в дом отдыха, затем в колонию для малолетних правонарушителей, потом в турбазу⁵⁰.

В Старобельский монастырь и прилегающие городские постройки Старобельска были помещены с 1 по 19 ноября 4.629 чел. Это был основной офицерский лагерь, где большинство составляли военные, взятые или сдавшиеся в плен в ходе военных действий, в том числе оборонявшие Львов от немецких частей. По данным на 29 декабря кадровые военные составили из них 61,5%, а мобилизованные из запаса — 38,4%⁵¹.

В Козельском офицерском лагере, размещенном на территории известного монастыря Оптиной пустынь, функционировавшего как санаторий и получившего имя М.Горького, к 1 декабря поступили 4.727 чел. «офицерского состава». На 29 декабря в нем было 4.543 чел., а пропорция была обратной, по сравнению со Старобельским лагерем, — 30,4% кадровых военных и 69,5% офицеров запаса.

Общая пропорция по двум лагерям на эту дату была такова: из 8.488 пленных офицеров кадровые составляли 44,9%, а офицеры запаса 55%⁵². В результате всеобщей регистрации и задержания всех военных в числе нескольких сотен пожилых отставников оказались три инвалида без руки или без ноги.

Попавшие в спецлагеря офицеры запаса в массе своей еще проходили срочное обучение после мобилизации: они обновляли свои полученные во время учебы в вузах и изрядно устаревшие знания, в области владения материальной частью и в сфере тактического искусства. При обучении многих даже не успели обмундировать.

Это были люди массовых гражданских профессий — многие сотни учителей, инженеров, врачей, юристов, а также священники, представители трудовой интеллигенции различного профиля. Среди них было много журналистов, общественных и политических деятелей. Были писатели и поэты, десятки профессоров и доцентов высших учебных заведений. Были здесь и ученые с мировой славой, оставившие свои кабинеты и лаборатории, чтобы встать под ружье для защиты Отечества.

У руководителей лагерей в ходе фильтрации возникали сомнения, как относиться к гражданским специалистам, заключенным в лагеря военнопленных. В записке по прямому проводу от 20 октября предписывалось «профессоров, журналистов, врачей, художников и других специалистов, призванных в армию как офицеров,

имеющих военное звание, содержать в лагере в соответствии с приказом НКВД № 001177 от 3 октября»⁵³. Распоряжение УПВ начальнику Путивльского лагеря Н.Н.Смирнову дополнительно разъясняло, что и специалисты, служившие в армии как офицеры, и «выявленные среди специалистов разведчики, контрразведчики, жандармы, полицейские, провокаторы, крупные военные и государственные чиновники, секретные агенты полиции и дефензивы, активные деятели антисоветских политпартий и организаций, помещики, князья — жители территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также жители территории, отошедшей к Германии, подлежат содержанию в лагере». «Остальные специалисты», т.е. гражданские лица, не связанные с армией и не вызывающие совершенно никаких подозрений, подлежали отправке на родину «в общем порядке»⁵⁴, войдя в число 42,4 тыс. «отпущенных в западные области УССР и БССР» (сколько таких было?).

Таким образом, освобождению после окончания военных действий, предписываемому международными конвенциями, не подлежало абсолютное большинство арестованных и помещенных в лагерь военнопленных представителей польской интеллигенции. Будучи военнопленными или считаясь таковыми, они не пользовались многими правами пленных.

Более того, они составляли большинство не только мобилизованной на войну интеллигенции Западной Украины и Западной Белоруссии, но интеллигенции всей польской территории, центральных и западных воеводств. На 19 ноября по данным УПВ из 8.512 офицеров последних было 5.800, то есть две трети (в Старобельском лагере — 2.500 чел., в Козельском лагере — 3.300 чел.), в Осташковском лагере из 6.483 чел. было 3.600 жителей территории, отошедшей к Германии, то есть более половины. В лагерях Наркомчермета таких было 3.278 чел., в Ровненском лагере — 10.000 чел. Совершенно очевидно, что часть данных округлена, поэтому и приводимая в сводке сумма 22.673 чел. не может быть точной, да она и не охватывает узников других лагерей. Однако и эти данные достаточно ясно показывают общую политику сталинского руководства: в спецлагерях была сосредоточена и не подлежала передаче по месту жительства, в том числе в занятые Германией польские земли, захваченная основная масса представителей управленческого аппарата, и особенно силовых структур, Польского государства и командного состава армии, а также трудовой интеллигенции и интеллектуальной элиты этой страны. Приведенная статистика соответствует пропорциям раздела ее территории: 51,6% отошло к СССР, 48,4% — к Германии⁵⁵.

Условия в трех спецлагерях мало походили на санаторные. Помещения монастырей отнюдь не были рассчитаны на такую гигантскую нагрузку. Как докладывал в Управление начальник Осташковского лагеря П.Ф.Борисовец, «под жилые помещения приспособлены: а) помещения бывш[его] свиарника на 350 чел., б) подвальное помещение на 120 чел., в) построено 2 деревянных барака на 700 человек...»⁵⁶. Везде срочно сооружались многоярусные нары, трудно

решались проблемы получения соломы для матрасов и подушек, не было необходимых кухонных помещений и оборудования, недостаточного количества доброкачественной питьевой воды, не говоря уже о возможности умыться и помыться. Невозможно было одолеть перебои с продуктами, и прежде всего с хлебом. Еда и сон были разбиты на несколько смен. Скученность, низкий уровень санитарии с отсутствием даже необходимого минимума выгребных ям, устрашающее распространение клопов и вшивости, болезни, охватившие за три месяца половину пленных...

Проверяющие из УПВ весьма нелестно отзывались о деловых и моральных качествах начальников лагерей в Осташкове и Козельске, допустивших «сплошной бедлам и уйму неорганизованности»; «вахтенная команда политически малограмотная» и напоминавшая по внешнему обтрепанному виду «партизан времен гражданской войны». Инспекторы и следователи сами запрашивали новое обмундирование, будучи одеты в грязные летние гимнастерки, в то время как следствие приходилось проводить «исключительно с офицерами, комиссарами полиции.., из чисто оперативных соображений нужно одеться, чтобы иметь приличный вид...». Констатировалось, что «в лагере плохо дело обстоит с дровами, приходится вести допрос в комнате одевши, жутко холодно»⁵⁷.

Пленные вначале терпеливо сносили бытовые невзгоды. Они, по свидетельству обитателя Козельского лагеря И. Кукульского, «внимательно наблюдали и позитивно оценивали отношение работников лагерной охраны к офицерам Войска Польского...»⁵⁸, находя понимание своих повседневных нужд у лагерной администрации, которая старалась обустроить церкви многоярусными нарами, держать включенными радиорепродукторы с 5 ч. утра до полуночи, почаще крутить киноленты «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Чапаев» и другие — по 3—4 сеанса в день, украсить территорию плакатами, обеспечить несколько гармошек и настольные игры, проводить громкие и массовые читки газет, беседы о сталинской конституции и советской демократии, об успехах строительства социализма в СССР и советской внешней политики и т.д.

Высшие чины из числа пленных, а таких было немало (в Козельском лагере было четыре генерала и один контр-адмирал, сотня полковников, две с половиной тысячи подполковников и т.д., а в Старобельском лагере — 8 генералов, 55 полковников, 127 подполковников и т.д.), были устроены сравнительно неплохо: многие имели не только койки, матрасы, подушки с одеялами, но и постельное белье. Почти все должны были заниматься самообслуживанием и уборкой, рубкой дров и пр. В Осташковском же лагере полицейские были заняты на множестве работ как внутри, так и вне лагеря: в столярных, слесарных, сапожной и портновской мастерских, на электростанции, на строительстве бараков, моста и насыпи, соединившей остров с материком, в пекарне, прачечной и сушилке, на заготовке льда для погребов и т.д.

Отношение к полицейским носило наиболее выраженную «классовую» окраску. По свидетельству санитарки госпиталя М.Майер, с ними обходились плохо, их вообще не разрешалось лечить (многие были ранены или больны), и ежедневно в озеро сбрасывалось несколько трупов, чтобы избежать похорон⁵⁹.

Между тем именно в этой среде особенно сильно было брожение. Рядовые полицейские старшего возраста без обиняков критиковали организацию сентябрьской кампании как результат бездарности политики правящих классов, задирали офицеров, кричали им: «Кончилась ваша власть!», протестовали против выдачи им пищи вне очереди. В лагере наметился раскол, подогреваемый беседами особистов. Полицейские стали снимать с фуражек герб, с формы — знаки отличия. Однако вскоре этот процесс прекратился, а главной причиной стали сопровождавшие беседы о преимуществах советского строя и подобные пропагандистские акции оскорблявшие национальные чувства поляков выпады против их страны. 1 ноября раздался призыв почтить память павших в борьбе за свободу Польши, а 11 ноября был отмечен праздник независимости. Уже в конце ноября антагонизмы смягчились и работники полиции вновь стали пришивать знаки отличия и прикреплять на фуражки орлов.

С разрешения руководства лагеря работал кружок резьбы по дереву, хоровой и музыкальный кружки. Однако репертуар был ограничен русскими и советскими песнями. Кружки распались. Зато на популярную мелодию тихо, не для чужих ушей, пелась сочиненная кем-то песня:

[...]

Вдруг враг германский коварно напал

И Родину рвать стал на части.

Из рабства вернемся до дома, вернемся до хат

Чрез реки, озера и горы.

Грудь нашу украсят в ту пору

Простые мундиры солдат.

В первой из приведенных строф «враг германский» чередовался исполнителями с «врагом московским», а беседы о «будущей социалистической Польше» не пользовались популярностью.

Особисты, проводившие по ночам многочасовые допросы, не могли не признать своего поражения. 11 ноября в нескольких помещениях заключенными были проведены коллективные молебны в честь юбилея воссоздания независимого государства.

В тот же день ксендзы провели массовые службы в Козельске и Старобельске. Религиозные обряды были немедленно запрещены и отправлялись тайно, ночью. Вскоре священнослужители разных вероисповеданий были вывезены из лагеря и исчезли бесследно.

Настроения пленных эволюционировали в одном и том же направлении как в фильтрационных лагерях, так и в спецлагерях. Тому есть множество свидетельств с обеих сторон — в воспоминаниях узников и докладных сотрудников НКВД, со всем тщанием следивших за ними. Неверие во взаимодействие СССР с Герма-

нией, непонимание его масштабов и замысла, невозможность осмысления факта раздела Польши постепенно сменялись, по мере вылавливания из потока агитационно-пропагандистских материалов в печати и радиопередачах информации об устоях сталинской политики в отношении Польши, потерей доверия к советской власти и невозможностью смириться со своим положением, с трагедией своей страны.

Для первого этапа показательны оценки профессора С.Свяневича, писавшего в воспоминаниях: «Среди пленных офицеров господствовало чувство солдатского долга, я бы даже сказал, экзальтированное отношение к своему солдатскому долгу. Россия своим ударом с тыла как раз и сделала невозможным выполнение нами своего долга, и уже поэтому отношение к ней не могло быть особенно добрым. [...] Правда, некоторые офицеры, особенно резервисты, с интересом приглядывались к происходящему в России, внимательно слушали речи политруков и смотрели вечерами агитационные фильмы. Они часто говорили политрукам, что хотели бы видеть Россию союзником Польши в борьбе с Германией, и говорили это, как мне казалось, довольно чистосердечно». Это служило ему подтверждением довоенных выводов, что «польская интеллигенция не только настроена крайне антинемецки, но и имеет потенциальную пророссийскую ориентировку»⁶⁰.

В середине ноября руководство УПВ писало в докладе о состоянии лагерей, что, в частности, подполковник Р.Малиновский говорил в беседе: «Настроение офицеров подавленное. 20 лет мы строили Польшу и за 20 дней ее потеряли. В Германию ехать не хочу и буду просить гостеприимства Советского Союза до окончания войны между Германией и Францией»⁶¹.

В Старобельском лагере пленные старались выяснить у политруков: «Какая будет власть в Западной Украине и Западной Белоруссии? Почему Красная Армия не освобождает Польшу от Германии? Зачем установили демаркационную линию? Почему СССР вместе с Польшей не выступил против Германии?» Эти важные свидетельства глубинных настроений в польской армии значимы в силу того, что в Старобельске было сосредоточено ядро кадрового ее состава и они органично сочетались с непониманием отношения к полякам как к пленным (как констатировали Сопруненко и Нехорошев, «многие обижаются, что их называют военнопленными, заявляя: "Какие мы военнопленные, если мы шли навстречу Красной Армии 50—100 км для того, чтобы сдать ей свое оружие"»). Стремление отстоять, восстановить Польское государство было всеобщим, как и вера в то, что «Польша была и будет существовать» и армия продолжит борьбу с Гитлером⁶².

Во всех лагерях пленных зрело и все четче выражалось критичное отношение как к польскому правительству и командованию, так и к не поддерживавшим страну союзникам, а также к политике Советского Союза. Как ни старались авторы доклада собрать в Козельском лагере крупницы позитивных высказываний об СССР, им пришлось откровенно признать: «К вступлению Красной Армии в

Западную Белоруссию и Западную Украину в большинстве своем офицеры относятся враждебно и считают это агрессией». В Козельшанском лагере часть офицерского состава ведет среди рядовых «контрреволюционную агитацию»: «СССР объединился с фашизмом. Польша была и будет, если Англия и Франция выступят против СССР, мы должны будем помогать с тыла...» В Юхновском лагере был зафиксирован такой прогноз: «Англия и Франция наверняка победят Германию. Советский Союз бросит тогда занятую польскую территорию, ибо СССР боится Англии и Франции, и тогда Польша снова возродится». Многие офицеры высказывали мнение, что после возвращения в Польшу следует «вести работу за освобождение Польши от немцев и русских, как это сделал в свое время Пилсудский»⁶³. Поставляемые в НКВД из лагерей отчеты не содержат элементов анализа связи динамики настроений пленных с ознакомлением их с докладами и речами Сталина и Молотова по вопросам внешней политики. Но она очевидна. В начале декабря в «политдонесении о политико-моральном состоянии Старобельского лагеря НКВД за ноябрь месяц 1939 г.» в разделе «Проведено чтот и разъяснений прочитанного материала из газет» преобладали материалы V внеочередной сессии Верховного Совета СССР, в числе которых главное место занял известный доклад Молотова «О внешней политике Советского Союза» от 31 октября 1939 г., а в разделе «Организовано радиообслуживание военнопленных» содержалась информация, что через 32 репродуктора пленные в группах по 200—500 человек слушали тот же доклад и другие выступления и речи главы советского правительства. Результаты можно видеть в аккуратной, осторожно сформулированном итоге: «На события международной обстановки отдельные офицеры говорят: "СССР стал страной красного империализма", данные а[нти]с[оветские] выступления немедленно пресекал[ись]»⁶⁴.

Расставленные в молотовском докладе акценты были вполне очевидно прогерманскими и антипольскими, какими и были восприняты, начиная с характеристики инкорпорированных территорий и их национального состава. Молотов «округлил» данные, записав в украинцы более 7 млн, в белоруссы — более 3 млн, а к полякам и евреям отнес «более чем по 1 млн человек» из общей суммы «около 13 млн человек»⁶⁵. Польский статистический ежегодник давал на 1939 г. иные данные: около 5,6 млн (43%) поляков, 4,3 млн украинцев и русинов (33%), около 1,7 млн (13%) белоруссов и 11% остальных. На Западной Украине количество жителей с материнским украинским и русинским языком составляло более 51%, с польским — 39,5% и т.д. Именно эти данные совместная украинско-польская публикация и приняла за основу⁶⁶. Данные о Западной Белоруссии подверглись уточнению. При другом методе подсчета, использованном польским специалистом по национальным меньшинствам Е.Томашевским и опробованном на совместной белорусско-польской конференции, количество белоруссов в Западной Белоруссии возросло до 2,2 млн (44%), а количество поляков снизилось почти до той же цифры и тех же 44%⁶⁷. Вне зави-

симости от позднейших уточнений данные, приведенные Молотовым, были заведомо неверными, а общая тональность доклада не оставляла сомнений в отношении сговора СССР и Германии за счет Польши и ее «ликвидации». Поэтому ситуация в лагерях пленных резко изменилась, и руководству УПВ пришлось выступить со спецсообщением «Об отрицательных фактах политико-морального состояния и о чрезвычайных происшествиях в лагерях военнопленных за время с 1 по 31 декабря 1939 г.» Теперь уже в отчете первым пунктом по военнопленным обозначены «антисоветские настроения и высказывания», а камертоном звучит «антисоветское высказывание»: «СССР стал страной красного империализма» и задание выявлять лиц, «антисоветски настроенных», проводящих «контрреволюционную деятельность» под видом культпросветработы, на деле направленную против режима в лагере и его администрации (разговаривать только по-польски, на работы не ходить, скомпрометировать администрацию перед международной комиссией, «которая скоро приедет» и т.д.). Организаторы просветительского кружка и кассы взаимопомощи были из Старобельского лагеря «изъяты», молебны, вывешивание икон и крестов — «немедленно предотвращены» и впредь категорически запрещены, особому отделению дано задание выявить организаторов. В Козельском лагере руководство УПВ более всего беспокоили «патриотические чувства к быв[шей] Польше. Например: "Что еще Польша будет существовать в таком виде, в каком она была"» и что офицерский состав «в большинстве своем религиозный» и пытается проводить «групповые молебствия», «сохранить погоны, ордена и чинопочитание». Против этого велся «разъяснительная работа... и антирелигиозная пропаганда»⁶⁸.

По Запорожскому лагерю приводились аналогичные высказывания, в том числе цитировались слова пленного Хенько: «Красная Армия перешла польскую границу с целью захвата, а не освобождения. Если бы не Советский Союз, мы бы выиграли войну с Германией»⁶⁹.

Множилось число замечаний в адрес советской экономики и положения трудящихся в СССР. Собственно, их было полно и раньше, что вынудило проверявших Козельский лагерь еще в середине ноября проинструктировать политаппарат лагеря на предмет усиления бдительности среди личного состава лагеря и запретить «разговоры с военнопленными, особенно на политические темы, лицам, не подготовленным в этом отношении»⁷⁰.

Режим в спецлагерях становился все более жестким. Если вначале беседы с «комбригом» В.М.Зарубиным, руководившим оперативно-чекистскими работами в Козельском лагере, веливались в интеллектуальные диспуты с воинской элитой и профессорами, которые могли пользоваться привезенной им библиотекой на польском, английском и французском языках и рассчитывать на его помощь (одному он помог вернуть квартиру, другому — освободить арестованного сына), то следователи прибывших из Москвы бригад тактом и вежливостью не отличались. Был установлен порядок допросов пленных как политических преступников. Сфотографировав

каждого в фас и профиль, с табличкой на груди, и взяв отпечатки пальцев, следователи по нескольку часов и не один раз, днем и ночью, используя и перекрестные допросы, детальнейшим образом устанавливали политический, профессиональный и социальный облик пленных, фиксировали массу деталей из их прошлого, данные о семье, родных, друзьях, о планах и намерениях на будущее. Принятая модель ведения допроса предполагала провокацию типа: Польша раз и навсегда перестала существовать, и об этом знает каждый советский человек. Это вызывало естественные протесты. По свидетельству прошедших через эту процедуру пленных, всем инкриминировались «служба в буржуазной армии», участие в «мировой контрреволюции», направленной против Советского Союза, и «стремление к отрыву от Советского Союза Белоруссии и Украины». Более всего следователей интересовало отношение к СССР и к Германии. Антинемецкие настроения воспринимались как особо опасные, и почти каждого пленного они дотошно выспрашивали на эту тему, в свою очередь оставляя впечатление о ярко выраженной пронемецкой ориентации лагерной администрации. Ее концепция сводилась к следующей схеме: в развязывании войны виновата Англия, которая использовала Польшу для нападения на Германию⁷¹. Эта концепция со всей неизбежностью входила в неразрешимое противоречие с освободительной установкой поляков и усиливала отторжение советской системы.

В свою очередь, поляки, как активные носители идеи сопротивления гитлеризму, попадали под обвинение в антинемецкой пропаганде и подготовке борьбы против германского союзника вопреки взаимной договоренности, были несговорчивы, хлопотны и обременительны морально-психологически. Энергично разрушая новый миф об «освободительном походе» и обвиняя Советский Союз в реализации имперской политики, они возрождали и укрепляли в головах особистов стереотипы «панской Польши» и «белополяков» как явного и трудноодолимого препятствия в реализации сталинских планов. Это было неизбежным последствием сталинской деформации советской внешней политики, изображения Польши виновником войны, а Германии жертвой.

Почти сразу обитателям лагерей, как свидетельствует С.Свяневич, стало ясно, что спецлагерь сформирован для проведения следствия над каждым и «селекции их по степени пригодности для советского режима»⁷². Козельские наблюдения Свяневича полностью совпадают с выводами, сделанными в Старобельском лагере графом Ю. Чапским: селекция велась методом выделения носителей полезной информации из области разведки, политической или государственной деятельности, тех, кто имел нужную для СССР гражданскую или военную квалификацию, а также тех, кто энергично демонстрировал патриотизм и нежелание иметь дело с СССР, не говоря о сотрудничестве, а тем самым не оставлял для себя возможности быть использованным в планах НКВД⁷³.

Неизбежная констатация приоритета для СССР отношений с Германией и антипольского характера сговора двух диктаторов, ос-

мысление потери уходящих в историю корней славянского братства, а для части интеллигенции — демократических традиций борьбы «за вашу и нашу свободу» в польско-советских отношениях, перспектив сотрудничества в антигитлеровской борьбе вели к драматическим предположениям о собственном будущем. Режим спецлагерей далеко не во всем соответствовал нормам международного права, международным правилам содержания военнопленных. Вопрос об освобождении и репатриации «спецконтингента», несмотря на окончание военных действий, не решался, а система допросов и репрессивных мер противоречила принятым в отношении военнопленных нормам. Было очевидно, что СССР, как констатировали пленные и о чем написал С.Свяневич, «не отличался особым уважением к человеческой личности и руководствовался в отношении пленных единственно своими собственными политическими целями...» Он полагал, что СССР не является членом IV Гаагской конвенции 1907 г. и поэтому не признает Положения и обычаи ведения сухопутной войны и Правила обращения с военнопленными, являющихся приложением к этой конвенции. А Уставом РККА сдача в плен рассматривалась как измена Родине и соответственно наказывалась вплоть до расстрела. Советский Красный Крест не принимал никакой помощи и средств для поддержки военнопленных. Вопреки международному праву и обычаям пленные попадали под действие советского законодательства, отсюда — масса злоупотреблений, жестокостей и беззаконий, которые ежедневно совершались в отношении содержащихся за колючей проволокой представителей силовых структур, также считавшихся военнопленными, но не пользовавшихся даже теми урезанными правами, которые были предоставлены остальным⁷⁴.

Не допуская мысли о том, что превратности судьбы смогут привести их «к общему знаменателю» смирения и покорности, офицерский состав двух спецлагерей предпринимал настойчивые попытки опереться на нормы международного права и вести разговор с лагерной администрацией на его языке. Содержавшийся в Старобельском лагере бригадный генерал, руководитель обороны Львова во время германского наступления, Ф.Сикорский неоднократно обращался к советским руководителям, доказывая противоправность содержания участников обороны Львова в лагере. Командарму С.К.Тимошенко он напоминал, что город был сдан войскам Украинского фронта, несмотря на предложенные немцами в письменном виде выгодные условия капитуляции, поскольку поляки сочли предпочтительным иметь дело «с представителями государства, в котором, в противоречии к Германии, обязуют принципы справедливости по отношению к народам и отдельным лицам», что польские части исполнили приказ Верховного командования не считать Красную Армию воюющей стороной и свой солдатский долг борьбы с германским агрессором. Он просил соблюсти условия капитуляции, подписанной с участием представителей Тимошенко и согласованной генералом В.Лянгнером в Москве, и ускорить возвращение к местам жительства⁷⁵. Маршал Шапошников переговорил с

Ворошиловым и сообщил в НКВД, что Ф.Сикорский для них интереса не представляет и с его просьбами можно не считаться. Генерал писал и Берии, и Молотову, его письма проходили через руки Чернышова, Серова, Мехлиса, постоянно возвращаясь на усмотрение Сопруненко, который ничего иного не придумал как предложить изолировать автора от других военнопленных.

В начале января 1940 г. военный юрист, член Главного военного суда польской армии полковник Э.Ю.Саский и группа полковников обратились к начальнику лагеря с просьбой выяснить позицию советского правительства в отношении статуса задержанных: являются ли они военнопленными, арестованными или интернированными. Они поднимали проблемы соблюдения прав военнопленных — права обращения к посольству того иностранного государства, которое взяло на себя защиту интересов польских граждан, возможности действовать через Красный Крест, опубликования списка пленных, освобождения отставников, офицеров запаса, которые не были призваны и не участвовали в войне, старых и больных и т.д.

Вопрос об уточнении своего правового положения ставили и пленные офицеры Козельского лагеря⁷⁶. Если бытовые вопросы решались на месте, то рассмотрения вопросов с правовой точки зрения не получалось. П.К.Сопруненко раздобыл текст Женевской конвенции, когда содержащиеся в качестве военнопленных врачи поставили вопрос об освобождении в соответствии с ее положениями, но руководство НКВД дало ему разъяснение, которое он передал начальнику Старобельского лагеря: «Женевская конвенция врачей не является документом, которым вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь... директивами Управления по делам военнопленных»⁷⁷. Судьба более чем 700 врачей должна была решаться одновременно с другими пленными на общих основаниях, поскольку они рассматривались как офицеры, а не как врачи. Между тем, подписываясь под международными конвенциями 1918 и 1932 гг., Советское государство официально признало, что персонал санитарных отрядов, транспортов и госпиталей не может рассматриваться в качестве пленных, но должен пользоваться покровительством даже противника и при первой возможности возвращаться на родину или отправляться в нейтральную страну.

Установка сталинского руководства изначально была иной: бригады следователей составляли на каждого пленника учетное дело, уточняли опросные листы, карточки общего и особого учета как на антисоветский элемент, особо обращая внимание на данные о родственниках и местах их проживания. Готовилось искоренение целого социального слоя с указанием на конкретные и быстрее сроки завершения следственных действий в январе 1940 г., начав с Осташковского лагеря.

В то время как администрация лагерей стремилась наладить в них более менее нормальную жизнь, проверяющие УПВ видели возможность избавить их от перегрузки, освободив, например, из Осташковского лагеря штатских лиц, «случайно попавших в число военнопленных» (запас полиции из рабочих и крестьян, ранее не

служивших в полиции, рядовых пограничников, трудовую интеллигенцию, призванную на военную службу, студентов, сотрудников магистратов и т.п.)⁷⁸. Берия по получении таких предложений не принял позитивного решения. Он был озабочен, судя по директивам от 31 декабря, интенсификацией оперативно-чекистских разработок и вербовки агентуры, выявлением внелагерных связей пленных как внутри СССР, так и за границей, «известных им агентов бывшей польской разведки...»⁷⁹.

1 февраля Берии шифровкой было доложено, что следствие окончено и начата отправка 6.050 дел на Особое совещание.

Руководство УПВ 20 февраля выступило с предложением о разгрузке Козельского и Старобельского лагерей, считая целесообразным распустить по домам стариков, больных и инвалидов в количестве около 300 чел., офицеров запаса из присоединенных областей, на которых нет компрометирующего материала, — в мирное время агрономов, врачей, учителей, инженеров и техников, всего около 400—500 чел. Любопытно, что в УПВ полагали, что в результате проведенной селекции для рассмотрения на ОСО следовало бы выделить 400 дел на «контрреволюционный элемент» и провести следствие в НКВД Украины и Белоруссии, в случае невозможности сосредоточить их в Осташковском лагере, где и провести следствие. Однако ведомственная мысль продолжала работать в другом направлении. Еще 20 января в связи с «социальным заказом» председатель военной коллегии Верховного Суда СССР В.В.Ульрих и исполняющий обязанности Главного военного прокурора СССР Н.П.Афанасьев выдали распоряжение, устанавливающее подсудность дел военнопленных Военному трибуналу войск НКВД, поручающее «в полной мере» надзор за следствием военному прокурору войск НКВД, а следствие по этим делам — лагерной администрации. Тем самым устанавливалась еще более упрощенная ведомственная процедура репрессивных действий. Это стимулировало новое ускорение оборотов машины лагерного следствия, циркулирование пленных между лагерями, управлениями НКВД и тюрьмами.

Одновременно НКВД запланировал и реализовал очередную массовую акцию на инкорпорированных территориях⁸⁰.

Ломка социальной и национальной структур на инкорпорированных территориях, «зачистка» городского и сельского населения осуществлялись «единым умыслом» и непрерывно, операция за операцией, этап за этапом. За совершенно секретным, «особым» протоколом с решением Политбюро провести по предложению НКВД арест всех выявленных офицеров от 3 декабря 1939 г. уже 4 декабря последовало решение о депортации на лесоповал Северов, в распоряжение Наркомлеса, части сельского, в основном польского, населения — осадников. Это были демобилизованные после войны 1919—1920 гг. солдаты, получившие по земельной реформе за низкую плату землю на западно-украинских и западно-белорусских территориях. Им было разрешено иметь оружие, и они были опорой власти, почти не интегрируясь в окружающую среду, создавая почву для социально-этнических конфликтов, особенно в Украине.

Нападки на осадников и требование их выселения появились уже в октябре на заседаниях Народных собраний. В Украине их инициировал Н.С.Хрущев, тогда член Политбюро ЦК ВКП(б) и первый секретарь ЦК КП(б)У. За кампанией против осадников как одним из кульминационных мероприятий экспорта революции на западных границах СССР внимательно следил Сталин, дважды, 9 и 25 декабря, дававший Берии указания по этому вопросу, претворившиеся в приказы от 19-го и 25-го.

Во исполнение решения Политбюро от 4 декабря на следующий же день, 5 декабря, было принято соответствующее постановление СНК СССР. Переселение проводилось согласно положению о спецпоселках и трудовом устройстве осадников. Инструкция о порядке переселения была утверждена Берией 29 декабря, то есть после обсуждения проблемы со Сталиным и одновременно с решением об ускорении рассмотрения следственных дел на военнопленных. Срок же окончания выселений был установлен на 15 февраля, когда форсировалось составление «контрольных справок» на пленных, предваряющее окончательное решение их судьбы.

Ссылка и принудительный труд были в СССР карой, предусмотренной Уголовным кодексом. К концу 30-х годов они применялись уже вне уголовного права и носили характер не только политических, классовых репрессий в отношении «социально опасных и нежелательных групп населения», но начали приобретать национальную окраску. Именно национальный оттенок приняло выселение осадников.

Достаточно устоявшиеся, длительные традиции межэтнического сосуществования, чувство общности истории и социального порядка, умение находить способы разрешения конфликтов в условиях совместного функционирования в рамках единого административно-хозяйственного организма были наработаны благодаря устоявшимся локальным связям и исторически обусловленному сожительству этнических групп. Межэтническая интеграция была особенно развита в Западной Белоруссии. На обеих территориях ситуация была осложнена классовыми антагонизмами в специфических условиях: угнетающая нация одновременно была носителем классового угнетения, классовая дифференциация накладывалась на подспудные конфликты, трактуемые в конфессиональных и этнических категориях. Существовала некая социокультурная дистанция между разными группами населения. Однако преобладали позитивные элементы отношений национальных меньшинств, поэтому понадобились весьма энергичные, политически подогреваемые, специально разжигаемые действия, направленные на обострение межнациональных отношений, на достижение большего дисбаланса в контактах нацменьшинств — усиливаемая реактивность населения, целенаправленная антагонизация, ускоряемая дезинтеграция и разрыв вековых связей. Искусственная унификация этнической структуры региона, проводимая жесткими, противозаконными и строго засекреченными методами, несла с собой множество трагедий для населения.

Акция, которая должна была проводиться по БССР и УССР одновременно, намечалась на 10 февраля. До этого момента соблюдалась строжайшая конспирация, под благовидным предлогом (инвентаризации хозяйств и т.п.) составлялся полный список осадников и членов их семей. Подлинные мотивы этого разглашать категорически запрещалось.

О списках, сроках, методах и т.д. сообщалось только первым секретарям обкомов. Руководители республиканского аппарата НКВД получали в помощь партийный и комсомольский актив и представителей местной администрации. В Западной Белоруссии, например, было создано 37 оперативных участков и 4.005 троек, подкрепленных из восточных районов представителями областных инстанций в количестве 2.289 чел., 6.718 красноармейцев и милиционеров, а из западных районов — 4.632 представителями руководства НКВД, милиции и ВКП(б), 15.225 рабочими. Их прибытие на места предписывалось обставить так, чтобы гарантировать полнейшую конспирацию и ничем не обнаружить планируемую акцию, а при проведении инструкции «проявить особую бдительность», дабы не было проявлений сочувствия — для чего более чем 50 тыс. чел. объявлялись «врагами народа» — и случаев бегства, в том числе женщин и детей⁸¹.

Инструкция наркома Л.Цанавы детально прописывала сценарий задержания: приказать всем одеться, затем сообщить, что на основании решения правительства семья переводится в другую область (не указывая, куда), там получит необходимые средства и возможность работать и т.д. Разрешалось брать одежду, обувь, деньги, домашнюю утварь, месячный запас продовольствия — но не более 500 кг на семью. На сборы давался час-другой, а то и полчаса. Предписывалось действовать решительно, жестко, без шума.

Согласно отчету Л.Цанавы первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко, акция началась на рассвете 10 февраля и закончилась в то же день, охватив 50,7 тыс. чел. Но из-за лютого мороза (37—42°) и снежных заносов загрузка 32 эшелонов растянулась на четыре дня. Первыми жертвами стали дети и старики, умершие от переохлаждения уже в эти дни, другие — в ходе недель транспортировки в старых, необорудованных товарных вагонах с зияющими щелями, часто без воды и пищи.

Согласно отчету Цанавы, более трехсот участников проведения этой операции серьезно обморозили конечности. Секретарь Ошмянского райкома КП(б)Б Лебедь отметил и такой факт: конвоировавший осадников младший лейтенант снял меховой жилет, чтобы прикрыть детей, хотя сам отморозил руки⁸². Едва ушли составы, новое указание предписывало «подчистить» остатки и выявить новые семьи для дальнейшей высылки. И это несмотря на то, что ретивые организаторы устроили «социалистическое соревнование» по «уничтожению классового врага»: на Волыни вместо списочных 1.118 семей вывезли 1.670, в Пинской области — вместо 1.045 — 1.702⁸³. В осадники записали и тех поляков, которые перекупили или просто арендовали землю, поэтому в числе депортированных оказалось много крестьян-бедняков. При попытках протестовать

осадников арестовывали по обвинению в «антисоветской деятельности», и путь их дальше лежал в лагеря ГУЛАГа, а семьи выдворяли на Север, в Сибирь и т.д.

По признанию самого Берии, за 1940—1941 гг. в пути умерли 11 тыс. депортированных⁸⁴.

Кампания по выселению осадников и лесников вызвала значительную напряженность среди населения, начался забой скота, появились попытки скрыться. Политбюро ЦК КП(б)У 16 февраля решило организовать разъяснительную работу среди населения, провести собрания по селам, представляя осадников как «кулаков» и «злейших врагов трудового народа»⁸⁵. А тем временем готовилась новая массовая депортация польского населения самых разнообразных социальных категорий — членов семей пленных, принадлежавших к разным слоям и классам, к различным политическим силам общества.

Молюх массовых репрессий, жестокого террора под маркой борьбы с «буржуазно-националистическими» и «враждебными» элементами, нацеленных на разрушение прежних государственных структур, общественно-экономических и политических связей, не щадил никого.

Следующая инициатива по части «зачистки» инкорпорированных территорий исходила от Н.С.Хрущева, была поддержана Берией и приобрела форму рассмотренного и принятого на Политбюро 2 марта 1940 г. решения «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР»⁸⁶. В нем были пункты о создании 800-метровой погранполосы и связанных с этим мероприятиях, об ее «оборудовании», в том числе отселении людей из населенных пунктов, расположенных в пределах той же территории. Материальный ущерб предписывалось компенсировать.

Однако это решение имело секретную подоплеку: предполагалась депортация 22—25 тыс. семей военнопленных. 10 апреля 1940 г. постановление СНК СССР, утверждая принципы проведения и конкретные технические мероприятия по транспортировке и трудоустройству этой категории репрессируемых, добавило к семьям узников лагерей военнопленных семьи «участников контрреволюционных повстанческих организаций» и лиц, содержавшихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии. В итоге Берия довел цифру «искореняемых» членов семей до 76—100 тыс., а самих семей — до 26 тыс.⁸⁷ К этой группе приписали и более 2 тыс. молодых женщин как «проституток».

Вновь были созданы «тройки», в распоряжение которых передавались 3—5 оперативных работников и 15—20 рядовых бойцов из войск НКВД. Еще тщательнее соблюдая «государственную тайну», на рассвете 13 апреля стали «изыматься», доставляться к эшелонам и загружаться в вагоны женщины, дети и старики. Время на сборы было несколько увеличено, конвою рекомендовалось быть менее грубым. Взять с собой или реализовать выселяемые могли до 100 кг на человека. Попытки неподчинения, однако, карались по-прежнему весьма жестко — арестом по обвинению в «антисоветской работе» с передачей дел на ОСО.

Это был очередной акт «экспорта революции», репрессирования по национальному и социально-классовому признаку, ликвидации социального слоя и национальной группы с явными чертами коллективной, круговой ответственности. Как бы на «законных» основаниях «убиралась» значительная часть среднего класса, интеллигенции как носителя польского национального самосознания. На новом месте польское население расселялось, рассредотачивалось на обширных территориях Северного Казахстана, превращаясь в малозначимое, рассеянное, потерявшее социальные связи меньшинство. Его имущество экспроприировалось, передавалось местным властям.

Надо заметить, что в подписываемом К.Е.Ворошиловым как председателем Президиума Верховного Совета СССР в 1958 г. указе об амнистии оставшихся польских депортированных особо оговаривалось, что речь не идет о возврате им собственности или компенсации за нее. Ни советское, ни российское законодательство до сих пор этого не предусматривали.

Как административно высланные, «семьи» не обязаны были жить в спецпоселках под постоянным надзором НКВД, но возможности их передвижения были ограничены пределами выделенной для проживания области и волей местной администрации. Любая перемена места жительства и работы была возможна только с согласия областных управлений НКВД и с разрешения его местных органов. Местные власти нередко относились ко всей этой акции враждебно: она не сопровождалась письменными распоряжениями или приказами во исполнение директив ЦК ВКП(б) и СНК СССР ни ЦК компартии, ни СНК Казахстана. Заброшенные в необжитые или слабо обжитые холодные и голодные степи, часто без средств и необходимого имущества, переселенцы на новом, непривычном месте, в значительно более суровых условиях, к которым были совершенно не приспособлены, лишённые прежних источников существования, сами должны были обеспечить себя каким-либо жильем (хотя бы в загонах для скота или землянках), пропитанием и работой. Не только воспоминания тех из них, кто сумел выжить, но и документы НКВД рисуют весьма скорбную, нередко просто драматичную картину обустройства и жизни высленных «семей», лишённых кормильцев и возможностей трудоустройства. В Павлоградской области, например, работой были обеспечены только 45% трудоспособных женщин, а в ряде мест было значительно хуже и добыть нормальное пропитание было практически невозможно. Не было эффективной медицинской помощи. Воспоминания жертв депортации полны трагических страниц, посвященных отчаянной борьбе за существование, за спасение детей от голода и ранней смертности, обеспечение им надежного укрытия.

От судьбы депортированных мало отличалась судьба беженцев, той их части из полумиллиона, уходившего на восток от гитлеровцев, которая оседала на торфоразработках и строительстве, а затем подпала под решение, запрещавшее в течение пяти лет проживать в 100-километровой погранзоне. Те же 58 тысяч, которые предпочли заявить о возвращении домой, были приравнены к осадникам и тем же принудительным методом отправлены на спецпоселение. Этот

процесс, растянувшийся с конца июня до второй половины июля, на деле захватил 70 с лишним тыс. чел. По суммарным сводкам НКВД численность осадников и беженцев составляла 215.052 чел., «семей» и беженцев — 176 тыс. чел. Они размещались в 14 республиках, 20 краях и областях СССР — в 586 спецпоселках. По их национальному составу имеются следующие дифференцированные данные: среди осадников было 109.233 поляка, 11,7 тыс. украинцев, 10,8 тыс. белоруссов, 1,8 тыс. прочих; из 78 тыс. беженцев было 64,5 тыс. евреев, 8,3 тыс. поляков, 1,7 тыс. украинцев, около 1,8 тыс. прочих⁸⁸. Более половины беженцев были переданы в ведение Наркомлеса — на лесоповал, лесосплав и т.п. в северные районы страны, остальные — на строительные объекты, на предприятия черной и цветной металлургии, на самые примитивные и тяжелые работы, к которым мало кто был приспособлен: по данным НКВД к трудовой интеллигенции из них относились 3.261 чел., был один академик, профессоров и научных работников — 17, инженеров — 310, врачей — 401, зубных врачей и техников — 162, агрономов — 122, преподавателей — 589, архитекторов — 12, экономистов — 28, адвокатов — 188 и т.д.⁸⁹

Их косили непосильный труд, эпидемии и голод, условия жизни в летних временных строениях, отсутствие зимней одежды и обуви, запасов хлеба, соли и мыла — все это констатировали проверяющие из НКВД, продавшие людей за немалые деньги Наркомлесу, Наркомату цветных металлов и другим ведомствам. Далеко не везде их обеспечивали работой, орудиями труда: в Горьковской области лишь на 48%, в Иркутской — на 47% и т.п. В спецпоселке Колос топор приходился на пять человек, в Подосиновском районе вместо 120 необходимых пил было только десять и ни одного заточника. В таких условиях заработать на пропитание было невозможно⁹⁰.

Опубликованные многочисленные воспоминания жертв этого экзодуса раскрывают акт за актом жестокие драмы многих тысяч семей, беспомощных и обреченных, не ждущих ни от кого помощи, лишенных возможности прибегнуть к законным средствам защиты своих интересов и собственной жизни, жизни своих детей, поскольку по отношению к ним грубо попирались основные права человека и гражданина даже в таком виде, как они были записаны в Конституции СССР⁹¹. Карательные мероприятия в рамках «экспорта революции» в инкорпорированные земли выливались в нарушение основного права человека — права на жизнь, в умышленное создание несовместимых с жизнью условий, то есть экоцид, представляя собой преступления против человечности. В них просматриваются и черты геноцида, сознательного и целенаправленного истребления тоталитарным режимом одного из народов — польского народа, польского национального меньшинства, доля представителей которого среди репрессированных была куда более значительной, чем их доля в общей численности населения присоединенных областей. Сталинское руководство, в отличие от нацистского, не декларировало расовых теорий, но масштабы проводимых репрессий, условия депортации, транспортировки, содержания и эксплуатации

сосланных, их принуждение всей мощью режима и силой обмана к подчинению и лишению законных жизненных шансов, сознательное уничтожение целых социальных слоев и национальных групп являлись одним из преступлений сталинского тоталитаризма, которое не случайно столь тщательно и последовательно скрывалось. Судьбы различных категорий населения зависели от прихоти вождя.

Сталинская внешняя политика была многовекторной и не лишённой определенных противоречий. В начале 40-х годов во внутренней военной доктрине происходили изменения. Так, 26 февраля 1940 г. была издана директива по военно-морскому флоту, в которой противниками в будущей войне были названы Германия, Италия, Венгрия и Финляндия⁹². Правительству Сикорского было сообщено, что в СССР существует намерение сформировать польский легион (дивизию). Антигерманская направленность такой задумки была очевидна, а настроения офицерского корпуса, сосредоточенного в спецлагерях, ей вполне соответствовали. Другое дело, в какой степени после сентября 1939 г. и полугодового содержания в концентрационных лагерях можно было рассчитывать на их лояльность. Сталин начал искать решение этой головоломки.

Точной даты передачи в Лондон соответствующей информации не сообщают ни министр иностранных дел Польши, ни посол в Лондоне Э.Рачиньский, который записал в дневнике, что одновременно через посредника — представителя ТАСС в Лондоне, сына ближайшего сотрудника М.М.Литвинова Э.Ротштейна было передано весьма близкому к Сикорскому журналисту С.Литауэру, что СССР — за восстановление независимой Польши в этнографических границах на востоке и Сикорский является тем лицом, с которым советское руководство готово начать принципиальные переговоры⁹³. Это могло быть как благожелательным жестом оппозиционной группы Литвинова, так и проявлением двойной игры Сталина, у которого появились новые внешнеполитические варианты. Возможно было и сочетание того и другого.

В то время в сталинском руководстве существовали разные представления о будущем пленных. Если верить свидетельству С.Берии (Гегечкори), его отец Л.Берия якобы не был сторонником расстрела узников спецлагерей, не без основания (информацией он располагал в большом количестве) видя в польских офицерах антигитлеровский потенциал: «Так или иначе мы войдем в Польшу и очевидно, что польская армия в будущей войне должна оказаться на нашей стороне». С.Берия помнил, что в этом отношении противником его отца выступил идеолог массовых репрессий А.А.Жданов, заявивший к тому же, что готов взять на себя руководство НКВД. В московском издании книги «Мой отец — Лаврентий Берия» достаточно ответственный автор, в годы войны связанный с разведкой, а затем виднейший ученый в области космической техники, утверждает, что «первый серьезный конфликт между отцом, с одной стороны, Сталиным и Политбюро, с другой стороны, произошел уже в сороковом, когда решалась судьба тысяч польских офицеров, расстрелянных впоследствии в Катыни». В этом издании, в отличие от Санкт-Петербург-

ского, утверждается, что оппонентом Берии в этом деле был Молотов. С.Берия склонен преувеличивать меру и значение разногласий по этому вопросу, утверждая, что в тот момент его отец едва не лишился за строптивость своей должности, но якобы даже это не заставило отца подписать смертный приговор полякам. Его спекулятивные попытки в чем-то оправдать Лаврентия Павловича базируются всего лишь на том, что фамилия Берии была вычеркнута из списка исполнителей зловещего приговора — но в документе-представлении, подписанном им самим! Л.Берия сам запустил в действие механизм исполнения преступного приговора.

Б.В.Соколов готов принять соображение Берии об использовании польских офицеров в грядущей войне против фашистской Германии, но дальнейшие его рассуждения о перипетиях вокруг постановления ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. уже неубедительны. Так, принимая точку зрения сына Берии об отказе отца от участия в репрессировании поляков, он высказывает предположение, что представление (за подписью главы НКВД) было составлено не им и задним числом, уже после заседания Политбюро. Далее сомневается: не мог же Берия предложить себя в состав «тройки», чтобы потом самого себя и вычеркнуть из нее (разве что он ставил свою подпись с условием, что его имя тут же будет вычеркнуто из числа тех, от лица которых будут осуществляться смертные приговоры)⁹⁴. Все нагромождение аргументов имеет коренную ложную посылку: фамилия Берии заменена рукой Сталина! Оно рушится как картонный домик. Все хитроумные попытки оправдать Л.Берию совершенно бесполезны. Видимо, Л.Берия капитулировал под давлением и занялся на рубеже февраля—марта 1940 г. окончательными контрольными проверками состава спецлагерей и данных об их родственниках, а также подготовкой для сталинской верхушки проекта постановления с констатирующей и постановляющей частью. Далее этот процесс развивался в русле решения вопросов высшей степени секретности и в соответствии с устоявшейся процедурой, когда вначале узким руководством давалась санкция на порядок рассмотрения и меру наказания, а затем только вопросы соответствующе оформлялись. Все держал в своих руках и всем дирижировал Сталин. Он первым получил и завизировал с резолюцией «за» подготовленный Берией проект с оставленным для проставления точной даты принятия решения местом: «[...] марта 1940 г.» Санкцию на содержащийся в нем приговор к высшей мере наказания 25.700 узников трех спецлагерей, а также тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины — «без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения»⁹⁵, то есть фактически без суда и следствия, в неправовом порядке, — письменно поддержали Ворошилов, Молотов, Микоян, а также по телефонному опросу — Калинин и Каганович. Жданов к этой акции привлечен не был.

Обычно при массовых осуждениях НКВД СССР посылал в ЦК ВКП(б) детальные списки, по которым немедленно приводились в исполнение решение особых «троек». Эта практика, свидетельст-

вующая о причастности Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б) к массовым репрессиям и осужденная пленумом ЦК КПСС от 22—29 июня 1957 г., должна была быть применена 5 марта 1940 г. по отношению к почти 26 тыс. польских пленных и узников тюрем, с той спецификой, что списки осуждаемых не предъявлялись, а сама процедура репрессий становилась внутриведомственным делом НКВД рабочего уровня. Поручение получал не Берия, а его непосредственные подчиненные. Только и всего.

По устоявшейся процедуре постановляющая часть решения была обозначена и выделена абзацем, превратившись в оформлявшийся в выписках текст с номером протокола и вопроса, с подписью секретаря ЦК. Для организации исполнения узкая группа ответственных сотрудников НКВД получила и в обязательном порядке сдала такие выписки. Установлено, что их было не менее 41-й, поскольку известна выписка именно под таким номером. Однако все, что творилось вокруг этого решения, было глубоко засекречено и долгое время составляло строжайшую государственную тайну. Через два дня после решения Политбюро замнаркома внутренних дел Б.З.Кобулов провел совещание высшего руководства центрального аппарата НКВД СССР. Его участники, по свидетельству П.К.Сопруненко, ознакомили с решением Политбюро. 14 марта у Кобулова были руководители областных управлений НКВД (УНКВД), их заместители и некоторые другие лица, которым непосредственно надлежало осуществить «разгрузку» лагерей. Кобулов без обиняков сообщил о директиве высшего руководства страны расстрелять несколько тысяч поляков, захваченных в ходе «освободительного похода». В качестве докладчика выступал Сопруненко.

Срочно стала отлаживаться «техника» реализации решения. Руководители УНКВД отбывали на места и вновь возвращались в Москву. «Конвейер» был запущен: 25 марта из Харькова пришло сообщение, что «все готово»: до начала расстрелов приступили к рытью могил, к лагерям подали тюремные вагоны, к местам расстрелов прибыли команды «комендантов» — палачей, расстрельщиков. В очередной раз были проверены списки, составлены списки-заключения, списки-предписания на отправку, завизированные в Москве.

В системе НКВД были приняты все меры, чтобы никакие сведения о происходящем в спецлагерях Козельска, Старобельска и Осташкова не просочились за лагерные стены. Усилили охрану, запретили увольнять сотрудников, регламентировали их доступ на территорию лагерей. Пленным было запрещено покидать пределы лагеря, их нельзя было даже вывозить на допросы. 16 марта была запрещена переписка с родными, а их письма не передавались адресатам. Всякая связь с миром была оборвана. Запрашиваемые в Москву сведения о пленных нельзя было размножить, запрещалось вносить на типографски отпечатанные схемы и бланки. Заказанные в Старобельске формуляры было приказано немедленно уничтожить.

Замнаркома Кобулов не разрешал сообщать о зловещих приготовлениях даже первым секретарям обкомов ВКП(б). «...Не должно

быть, — инструктировал он подчиненных, — ни одного живого свидетеля»⁹⁶. Прокуроры также не были нужны. Эта далеко выходящая за рамки даже советского законодательства, кодексов РСФСР, а не только международного права, конвенций о законах войны, однозначно преступная акция массового расстрела без суда и следствия, без предъявления обвинений граждан ряда иностранных государств, проводимая не путем единичных расстрелов в тюрьмах УНКВД и не на далеких окраинах, была чревата новым мощным резонансом протестов против сталинских репрессий, могла негативно отозваться за рубежами страны. Наиболее заинтересованными сторонами, следившими за сталинскими начинаниями, были польское и гитлеровское правительства. Вряд ли в тот момент Сталин опасался реакции Гитлера. Скорее наоборот, истребление польского офицерства соответствовало секретным договоренностям 28 сентября 1939 г. Более того, есть свидетельства в пользу взаимодействия в этой области. Например, немцы исполняли приказ направить в Москву списки с адресами семей офицеров, постоянно проживавших на захваченной Германией территории, что могло быть исполнением соглашения с Германией. С другой стороны, документально подтверждено, что она передавала советской стороне адреса семей польских генералов, находившихся в плену в СССР. Это сотрудничество не ограничивалось истреблением кадров польской армии. Развернувшаяся в апреле 1940 г. «разгрузка» советских спецлагерей⁹⁷, уничтожившая значительную часть польской интеллигенции, и гитлеровская «Акция А-В» — погром польской интеллигенции на инкорпорированных Германией территориях — проходили одновременно. Единый замысел был слишком очевиден, чтобы имелись основания усомниться в существовании определенной договоренности и согласовании действий.

Опаснее казалась информация об антигитлеровских настроениях и намерениях содержащихся в лагерях военнопленных, которая при помощи шифров выходила во внешний мир. Специально занимавшийся выяснением настроений в Старобельском лагере замначальника Главного экономического управления НКВД капитан госбезопасности Безруков сообщал руководству 27 марта 1940 г., что, хотя в среде пленных преобладают внешне спокойные проявления, агентура сигнализирует: поляки верят в победу союзников, в то, что «Германия будет поделена и Польша восстановлена», что «кроты» (польское подполье) «работают успешно», «Антон и Франек (Англия и Франция) молотят хорошо, Поля (Польша) скоро поправится», что «доктор Секора (Сикорский) определил, что мать (Польша) скоро выздоровеет»⁹⁸. Видимо, стремление избежать немецких упреков в нелояльности было очень сильным.

Были и другие мотивы, которые стимулировали, ускорили принятие решения о расстреле пленных вопреки защищающему их международному праву, — потребность в помещениях для пленных финской кампании, «отходов» социальной ломки в прибалтийских республиках, материальная обременительность содержания, проблематичность использования узников спецлагерей. Не последнюю, а

может быть, и одну из ведущих ролей играло желание истребления непригодного для воплощения сталинских планов человеческого материала по отработанной репрессивным режимом схеме, бездумно используя методы, которые следует квалифицировать как преступления против человечности.

Когда Сопруненко сообщил Берии, что к 20 мая все содержащиеся в трех спецлагерях пленные вывезены, следы большинства из них, казалось, навсегда затерялись. Лишь 395 чел. встретились с сослуживцами в Грязовецком лагере⁹⁹. По приказу Берии от 22 марта большинство заключенных из тюрем, также приговоренных к расстрелу, были сконцентрированы в тюрьмах Минска, Киева, Харькова, Херсона и казнены.

Так внезапно исчезли 21.857 узников трех спецлагерей и тюрем. Была уничтожена корреспонденция. Прекратилась переписка. Стало невозможно получить сколько-нибудь вразумительную информацию об исчезнувших безвозвратно. Таков был логический финал трагедии ликвидации Польского государства и его армии, запланированной и реализованной в ходе четвертого раздела Польши.

Судя по всему, делалось все возможное и невозможное, чтобы проблему 22 тысяч закрыть окончательно, превратить в совершенное убийство, тщательно спрятать все концы в воду. Однако катынское злодеяние, как вскоре будет названо это преступление по первому открытому из массовых захоронений, было столь масштабным и задевало судьбы стольких людей из числа оставшихся в живых, что это оказалось невозможным. Правда, его раскрытие должно было идти более пяти десятилетий методом обстоятельной, тщательной расчистки и составления элементов мозаики, из которых только в 90-е годы удалось сложить достаточно полную картину происшедшего, контуры которого постепенно прорисовывались сквозь кровь и слезы нескольких поколений.

Собственно, выяснение обстоятельств массовых расстрелов польских военнопленных и узников тюрем сразу приобрело характер движения по многим линиям, чего ни сталинское руководство, ни НКВД не смогли предугадать и чему они не могли эффективно противодействовать.

Остались живые свидетели транспортировки к месту казни приговоренных к смерти, в том числе профессор С.Свяневич, который проделал вместе с ними часть пути, будучи направлен на Лубянку. Хотя были расстреляны многие свидетели разных стадий трагедии — расстрелов и экзгумации, выжили палачи (некоторые не выдержали жуткого груза вины и покончили жизнь самоубийством), открытые могилы видели местные жители, некоторые из них знали о технике расстрелов. В последний момент Кобулов помиловал в Осташкове брата кинорежиссера Михаила Ромма.

Арестованный член польского подполья З.Козлиньский, которого в Катынский лес случайно, в рамках следственного эксперимента, привел сотрудник НКВД и который оказался на краю заполненного окровавленными трупами рва, сумел скрыться и первым сообщил о страшной находке в Варшаву. Его сын продолжил

расследование и постарался передать информацию в Лондон. Одна из жертв расстрела, раненый выбрался ночью из-под горы трупов в катынском рву, нашел помощь и укрытие у местных жителей, а потом давал показания в комиссии Конгресса США (Р.Дж.Мэддена).

По свежим следам многое было замечено в Харькове, где от железнодорожников нельзя было скрыть выгрузку тысяч поляков на окраинной платформе. 25 апреля одна из групп польских узников узнала, что «ваших» дальше везут на машинах, а в харьковской тюрьме полякам сокамерники показали в окно, где «ваших» расстреливали. А накануне войны в Дергачах несведущий командир устроил учения по окапыванию в близлежащем лесочке. Примчавшийся представитель органов немедленно прекратил учения и конфисковал лопаты, но в подразделении нашелся смысленный и знающий польский язык боец... Когда советские войска отступали из Харькова, комендант НКВД лично взорвал помещение, в котором производились расстрелы. Ни он, ни руководство в Москве не могли предположить, что вскоре немецкие гаубицы разворотят польские могилы, а местные мальчишки будут собирать диковинные знаки отличия.

Нет уверенности относительно объема знаний руководства гитлеровской Германии об уничтожении польских военнопленных из трех спецлагерей органами НКВД и полной ясности в отношении контактов органов двух стран, включая их руководство (информация весьма туманна¹⁰⁰).

По дипломатической линии возникала проблема освобождения военнопленных немецкого происхождения. В феврале—марте 1940 г. германское посольство вело поиски военных и гражданских лиц (беженцев). 23 августа замнаркому иностранных дел В.Г.Деканову был передан меморандум с просьбой об освобождении «находящихся в советском плену этнических немцев». Направлялись ноты, списки. Советские организации долго молчали. Только с октября НКВД стал отвечать германскому посольству, что 1200 выявленных и несколько сот еще не распознанных лиц — это «не этнические немцы», что «неизвестно место их нахождения» и т.п. Таким образом, была отработана система отписок, которые с 1941 г. стали получать польские представители в Москве и Куйбышеве. Из запрошенных немцев-военнослужащих только 90 чел. прибыли «в Германию или генерал-губернаторство»¹⁰¹. Война все списала.

Точно известно, что уже к концу 1940 г. польское подполье и правительство в эмиграции располагали достаточно обоснованными фактами об офицерских лагерях и событиях в Катынском лесу¹⁰², собирали данные о взаимодействии НКВД и гестапо¹⁰³.

Расстрелы польских военнопленных, офицеров и работников государственного аппарата, других категорий репрессированного польского населения — апогей сталинской политики геноцида и экоцида в отношении иностранцев — отяготили урегулирование советско-польских отношений в 1941—1942 гг., предопределили развитие и характер взаимоотношений сталинского руководства и польского правительства в эмиграции.

Трудный путь к возрождению Польского государства и его армии

Поскольку угроза крупномасштабной войны оставалась неизменной, не столько польский вопрос, который Сталин считал на тот момент решенным, сколько воссоздание и использование польской армии были вполне актуальными проблемами.

Поляки надеялись на помощь союзников в воссоздании государства и армии во Франции, что сталинское руководство отнюдь не устраивало. Об этом свидетельствуют слова, сказанные на совещании писателей еще 10 ноября 1939 г. начальником Управления политической пропаганды Красной Армии Л.З.Мехлисом: «Выпускать их <польских офицеров> нельзя, иначе это будут кадры легионов, формируемых на Западе. Поляки могут развернуть во Франции до 100 тысяч...»¹⁰⁴. Чтобы этого не случилось и не возникли проблемы для «дружественной Германии» и с нею, обитатели спецлагерей почти полностью были уничтожены, «перебежчики» получали сроки и обновляли «кадры» ГУЛАГа.

Пока польское правительство об этом ничего определенного не знало, постоянно возвращаясь только к осмыслению сталинской политики в отношении Польши как неспровоцированной агрессии, к оценке наличия или отсутствия состояния войны с СССР.

16 апреля 1940 г. на заседании польского совещательного органа высшего уровня — Рады Народовой во французском Анжере по этому вопросу шла весьма оживленная и длительная дискуссия. Экспозе представил министр иностранных дел А.Залеский, который констатировал, что Польша если не де-юре, то де-факто находится в состоянии войны с Россией и что все польское общество оценило агрессию СССР как очередной раздел Польши и поставило знак равенства между 1 и 17 сентября. Замминистра З.Гралинский в ответ на вопросы пояснил, что дело решает не формальное объявление войны: «Во всех наших заявлениях мы стоим на позициях, что состояние войны между Польшей и СССР существует», хотя приходится учитывать, что Великобритания и Франция находятся в состоянии нейтралитета с ним¹⁰⁵.

Большинство участников дискуссии настаивали на констатации состояния войны с обоими соседями, разделившими страну. Наиболее осторожную, взвешенную линию, с оглядкой на позицию союзников, которые не скрывали, что стремятся урегулировать отношения со Сталиным во имя антигитлеровского фронта и против СССР помогать Польше не будут, занимал премьер-министр генерал В.Сикорский.

Нельзя не отметить, что польские политики в эмиграции формулировали свои оценки в отношении сталинской внешней политики, не имея никакого представления о том, что в разгаре была массовая экстерминация узников трех спецлагерей и в тот самый день, 16 апреля, по наряду из Осташковского лагеря на расстрел было отправлено 346 чел., из Козельского лагеря в тех же целях поступило

439 чел., а в Старобельском лагере были получены списки на отправку 406 чел., отправлено — 260 чел.¹⁰⁶ Польское руководство не знало, что желающие вступить в польскую армию на Западе получали за это сроки как за враждебную, антисоветскую деятельность.

Сталин ожидал, что, начав 10 мая наступление на западном фронте, Германия завяжет на французской линии Мажино, а это создаст принципиально новую ситуацию — в тот момент оперативного плана войны выработано не было¹⁰⁷. Однако события пошли неожиданным как для Сталина, так и для польского народа и правительства образом.

22 июня 1940 г. пал Париж. «В это невозможно было поверить, но и для самых простых людей, таких, что и в глаза не видели Францию, падение Парижа означало гибель последней надежды, поражение более окончательное, чем капитуляция Варшавы»¹⁰⁸, — записал в воспоминаниях Г.Герлинг-Грудзиньский.

С поражением Франции перед польским правительством в эмиграции остро встал вопрос формирования политического курса, который обеспечивал бы будущее страны. Все достигнутое погибло, оно лишилось и армии. Армия же должна была обеспечить участие Польши в войне и ее соответствующее место в послевоенном мире. Она была единственной реальной силой, на которую могло опереться правительство и его премьер-министр генерал В.Сикорский.

У.Черчилль сделал все, чтобы в момент капитуляции Франции переправить польское правительство и остатки его военных сил — около 23 тыс. человек — на Британские острова. Создать из них полноценные линейные части было трудно. Пополнение можно было получить из США, Канады, а также СССР, где проживали или находились миллионы поляков. Из Америки в польскую армию прибыло всего около тысячи человек, из Великобритании и ее колоний удалось получить еще пару тысяч, в чем немалую роль сыграло негативное отношение к воссозданию Польши руководства Коминтерна, основывавшегося на политической линии Сталина¹⁰⁹. Оставалось надеяться на Советский Союз, располагавший не только огромной польской диаспорой, но и практически почти готовой армией — плененными польскими военнослужащими.

К модификации позиции Сикорского и налаживанию отношений с СССР толкал и Черчилль, искавший союзников перед лицом укреплявшей свои позиции гитлеровской Германией. Напряженность в советско-английских отношениях ослабела. Черчилль написал личное послание Сталину, а тот, в свою очередь, принимал прибывшего в Москву английского посла С.Криппса. Его появление в Москве весьма не понравилось Гитлеру, но, признавая статус нейтралитета СССР в войне, Германия вынуждена была согласиться, что у нее нет оснований для выражения протеста. Сталин же заявил послу его величества, что «у нас нет блока с Германией на предмет войны против Англии. У нас есть только пакт о ненападении»¹¹⁰. Договор о «дружбе» Сталин «забыл», а Молотов 7 августа заявил, что у СССР есть желание возобновить переговоры с Великобританией¹¹¹.

Польское правительство объективно попадало в систему этих отношений. Сразу после прибытия в Британию Сикорский нанес визит Черчиллю, представив ряд положений, которые были изложены в меморандумах от 3 и 19 июня 1940 г. Проект последнего меморандума и его окончательный текст известны. Воссоздание армии было поставлено во главу угла, стало основополагающим. В проекте заявлялось о намерении отказаться от проведения недружественной в отношении СССР политики. Сикорский соглашался на сотрудничество в создании на его территории польской армии для борьбы с Германией как общим врагом, на проход советских войск через оккупированную Германией часть Польши, на определенные территориальные изменения¹¹².

Под давлением посла Польши в Лондоне Э.Рачиньского меморандум был существенно переработан. Правительство заявляло, что «считает разгром Германии главной целью войны и не имеет намерения создавать трудности, которые могли бы осложнить переговоры между Великобританией и СССР. Правительство исполнено решимости не жалеть усилий ввиду трагического положения польского населения, пребывающего на территории, подвергшейся советской оккупации. Оно полагает, что, как только позволят условия, можно будет использовать ценные элементы из числа офицеров и имеющего соответствующую подготовку резерва, находящегося на этой территории, как и за ее пределами, с тем, чтобы создать с согласия советских властей польскую армию численностью примерно 300.000 человек, которую можно было бы использовать в войне против Германии»¹¹³.

Даже столь урезанный меморандум, ограничивающийся двумя идеями относительно восстановления отношений с СССР, вызвал сопротивление санационных кругов. Правые силы польской эмиграции во главе с генералом К.Соснковским вынудили Сикорского отозвать его. Но идея создания польской армии в СССР, инспирированная представителем ТАСС в Великобритании Э.Ротштейном, не умерла. Сын ближайшего сотрудника М.М.Литвинова, Ротштейн, стал посредником и на советско-польских переговорах в июне—июле 1941 г.

Июньский меморандум 1940 г. вызвал правительственный кризис. Не без давления английского правительства президент В.Рачкевич отозвал декрет об отставке Сикорского. Сикорский же все чаще напоминал, что он еще в 1935, 1938 и 1939 гг. говорил, что невозможно победить Германию без союза СССР и Запада.

На позицию Сикорского повлиял и президент Чехословакии Э.Бенеш — в ходе переговоров о польско-чехословацкой конфедерации. Возможность этого объединения Бенеш видел при условии опоры на Советский Союз и Запад. Как следовало из его переписки с поляками, Сикорский в принципе соглашался на союз с СССР, но считал, что на него можно пойти, имея сильные козыри. Бенеш советовал ради налаживания советско-польских отношений восстанавливать Польшу только в этнических границах, чтобы избежать в будущем возможных осложнений. Он получал в ходе переговоров

консультации у советского посла И.М.Майского и информировал его о ходе переговоров.

После подписания 5 августа 1940 г. польско-английского военного соглашения, в ноябре того же года были оформлены первые польско-чехословацкие документы. Везде так или иначе фигурировал вопрос об армии. Источником рекрутов могли быть только проживавшие и оказавшиеся в СССР поляки. Попытки привлечь поляков из США и Канады провалились. Это обстоятельство подтверждало необходимость поддержания в той или иной форме советско-польских отношений. Отдавала себе в этом отчет и британская сторона. Поэтому в команде прибывшего в середине 1940 г. в Москву нового посла Великобритании С.Криппса появился представлявший польские интересы дипломат, в обязанности которого входило изучение возможности осуществления этого проекта.

Руководствуясь мыслью об использовании профессиональных навыков имевшихся в его распоряжении пленных поляков и чехов, Сталин осенью 1940 г. поручил Берии проработать вопрос о создании в СССР в составе Красной Армии соответствующих воинских частей. Вновь была проведена очередная, более тщательная фильтрация на основе ознакомления с учетными и следственными делами, а также личных бесед.

2 ноября Сталину были представлены статистические выкладки: из находившихся в обследованных лагерях НКВД 18.297 чел. почти 12 тыс. были жителями земель, отошедших к Германии, офицеры составляли около 5 тыс. чел., рядовые в основном были заняты на строительстве шоссейной и железной дорог. Из числа офицеров была отобрана группа из трех генералов, полковника и восьми подполковников, шести майоров и капитанов, шести поручиков и подпоручиков, в сумме — 24 чел., которые произвели «впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей». На этот раз к числу их достоинств было отнесено то, что все они крайне враждебно относились к немцам, видели перспективу близкого военного противостояния СССР и Германии и выражали желание участвовать в нем на стороне Советского Союза.

Часть из них, выражая надежду на воссоздание Польского государства, видела его будущее в руках СССР, другая — Великобритании. Весьма показательно, что в это время руководство НКВД уже не смущало ни стремление пленных бороться за восстановление Польши, ни возможная роль в этом Великобритании, не говоря о концепции участия в такой акции СССР.

Некие расхождения возникали по вопросу верности присяге: большинство считало себя связанными обязательствами перед правительством Сикорского, часть хотела бы иметь с его стороны соответствующие санкции, а младшие офицеры довольствовались подчинением любому польскому генералу. Прозондировав позиции генералов Янушайтиса, Бороты-Спеховича и Пшедецкого, Берия пришел к выводу о возможности их использования, но основную работу по организации дивизии, переговорам в конспиративной форме в лагерях и отбору кадрового состава предлагал поручить группе пол-

ковников и подполковников, персональные данные на которых он представлял Сталину в виде справок. Вербовка рядового состава и младших командиров в лагерях выпадала на долю органов НКВД. Организация и подготовка дивизии должна была проводиться Генштабом РККА, с неременным участием Особого отделения НКВД для «внутреннего освещения личного состава дивизии».

Решив вопрос о характере дивизии (танковая, моторизованная, стрелковая), следовало разместить подобранный состав в одном из совхозов на юго-востоке СССР¹¹⁴.

Делу был дан ход. Руководителем был утвержден подполковник З.Берлинг. При обговаривании состава с неизбежностью встал вопрос об обеспечении дивизии офицерским корпусом: во время беседы с Берией и Меркуловым прозвучала знаменитая загадочная фраза, не получившая расшифровки: в отношении польских пленных была совершена большая ошибка...

Довольно быстро обнаружился ряд трудностей: советские руководители опасались огласки и не хотели раздражать Германию; члены группы не могли придти к единому мнению относительно соблюдения присяги, а получение согласия Сикорского после июньского кризиса было маловероятно; кураторы из НКВД пытались преодолеть препятствия силовыми приемами. Одни пленные были отправлены в Малаховку, другие в тюрьму Бутырок, третьи — в лагерь. Очередная попытка завершилась неудачей. На время.

Мировая пресса и подпольная печать в Польше все громче говорили о возможности германо-советского столкновения. Спорили лишь о сроках начала войны. Проблема обсуждалась и на заседаниях польского правительства. 6 мая генерал Соснковский информировал его членов о том, что данные разведки говорят о германских приготовлениях в Польше. Но сам Соснковский не верил в скорую войну. Такого же мнения придерживался и Сикорский. Прибывший в июне 1941 г. в Лондон из Москвы С.Криппс придерживался иных взглядов и убедил Сикорского в неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни.

К тому моменту ситуация изменилась настолько, что 4 июня Политбюро приняло решение утвердить постановление СНК СССР (по представлению НКО) о создании в составе Красной Армии стрелковой дивизии, «укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык», для чего приказывалось переукомплектовать к 1 июля 238 дивизию Средне-Азиатского военного округа — со штатом в 10.298 чел. и использованием знающих язык из числа служащих в Красной Армии¹¹⁵.

Правда, это отнюдь не означало изменения курса в отношении населения присоединенных земель, отказа от политики классовых и национальных чисток, принятой на всех уровнях власти в 1940 г. Приведем один из многочисленных примеров. Состоявшийся 13—17 мая 1940 г. XV съезд КП(б)У традиционно счел политическую линию партии правильной, а практическую работу удовлетворительной. Н.С.Хрущев и «товарищи с мест», осуществлявшие депортации и репрессии в отношении местного населения, осыпали угрозами

«врагов трудового народа» и утверждали, что борьба с «враждебными элементами» стоит и будет стоять остро¹¹⁶.

Соответствующий духу съезда характер был придан четвертой, предвоенной депортации 19—20 июня 1941 г. Антагонизация ситуации, аресты, расстрелы, высылки и депортации не притормозили, но усилили противодействие общества. Пошел бурный процесс возникновения подпольных организаций под лозунгом воссоздания Польского государства. Состоящие не только из поляков, но и белорусов, русских, евреев, украинцев, литовцев, они во всех присоединенных областях собирали оружие, слушали радиоприемники, разбрасывали листовки. В отчете НКВД БССР от 27 июля 1940 г. на имя Пономаренко приводились данные лишь о 109 раскрытых и ликвидированных организациях с 3.231 участниками молодого возраста и самого пестрого социального состава: 1.164 крестьянина, 439 учащихся, 401 чиновник, 279 помещиков и осадников, 244 офицера и т.д. Кроме того, только за принадлежность к политическим партиям были арестованы 5.584 чел. Аресты, сопровождавшиеся расстрелами и направлением в ГУЛАГ, продолжались до 20 июня 1941 г. По подсчетам минского профессора А.Хашкевича, только в Западной Белоруссии, не считая военнопленных, было репрессировано более 125 тыс., по украинским данным — всего 480 тыс. чел.¹¹⁷

В ночь с 19 на 20 июня 1941 г., за два дня до начала Великой Отечественной войны, была проведена очередная одновременная секретная операция во всех областях присоединенных территорий: были арестованы и помещены в тюрьмы представители различных партий и организаций, чиновники польского аппарата управления разного уровня, «паразитический элемент» — представители имущих классов — и выселены различные категории населения, в том числе члены семей (семьи) арестованных, расстрелянных, подследственных руководителей и деятелей «повстанческих» организаций, членов подпольных организаций, репрессированных чиновников и офицеров польской армии, жандармов, полицейских и др. Из 40 тыс. 22,5 тыс. приходилось на Западную Белоруссию («с направления главного удара»)¹¹⁸. Таким образом, на этот раз аресты с последующим осуждением по ст. 58 за политические и государственные преступления прямо совпадали с депортированием семей как органической составной частью репрессий в направлении искоренения имущих слоев и классов, а также политически активной части общества.

На этот раз депортируемые еще более приравнялись к осужденным, получая статус ссыльнопоселенцев на 20 лет с периодической явкой в органы НКВД. Они вывозились в Новосибирскую область, Краснодарский и Семипалатинский края, в Казахстан и на Колыму. Часть из них не была доведена до места назначения, потому что их застала в пути амнистия 12 августа 1941 г., которая многим спасла жизнь.

Проводимые в 1939 г. — первой половине 1941 гг. античеловечные и противозаконные акции в западных областях Украины и Белоруссии Президент Украины Л.Кучма и Президент РП А.Квасневский осудили как «плановые массовые репрессии против поль-

ских граждан» (в первую очередь), как недопустимое применение к польскому населению принципа «коллективной ответственности», подписав в мае 1997 г. совместную декларацию «К согласию и единству» в духе полной открытости и преодоления недомолвок и лжи об общей истории¹⁹.

Политики 1940-х гг. не имели и доли уже известной ныне информации о многовекторном развитии событий, о «совершенно секретных» сценариях и тайных, скрытых от народов массовых убийствах и зачистках.

Сикорский 19 июня 1941 г. информировал правительство, что, по мнению Криппса, грядущая война сразу упростит польско-советские отношения, территориальные проблемы и другие вопросы и что заключение союза двух стран назрело. Поляки могли бы в силу географического фактора и своей воли к борьбе в значительно большей мере помочь России в войне с Германией, чем Англия, но Польша в будущей германо-советской войне сохранит нейтралитет. Германия же для Польши была и всегда останется врагом номер один²⁰.

В тот же день он написал Рачкевичу, что последствия немецкой кампании против России трудно определить, но, очевидно, они будут гигантскими и явятся поворотным пунктом в войне. Мнение Сикорского на этот раз совпало со взглядами Соснковского, который считал, что польско-советское сотрудничество против Германии возможно и даже желательно при условии признания границы на 1 сентября 1939 г., гарантии соглашения со стороны Англии и США, а также немедленного урегулирования положения польского населения в СССР. Соснковский видел возможность создания польской армии в СССР, но исключал действия поляков в тылу немецких войск, опасаясь больших потерь.

Вечером 22 июня 1941 г. Черчилль заявил о германской агрессии против СССР, о всемерной поддержке его страной борьбы советского народа против начавшегося германского нашествия. О Польше и разграничительной линии, установленной согласно пакту Риббентропа—Молотова, ничего не было сказано, что вызвало немедленный протест польского министра иностранных дел А.Залеского, хотя было очевидно, что Великобритания считает СССР более важным союзником, чем Польшу.

Английские эксперты и сотрудники Форин Оффис высокого ранга (У.Стронг и др.) уже давно возвратились к идее линии Керзона как основы будущей советско-польской границы. В октябре 1940 г. С.Криппс представил советскому правительству меморандум, содержащий заявление его правительства о готовности признать де-факто суверенитет СССР над новыми областями, республиками «и теми частями бывшего Польского государства, которые находятся под советским контролем». Форин Оффис имел замечание только к слову «бывшего».

Разделившие Польшу державы оказались в состоянии войны друг с другом. Это открывало реальные перспективы воссоздания Польского государства. В речи по радио 23 июня 1941 г. Сикорский предложил советскому правительству сотрудничество, выразив на-

дежду, что Россия признает несуществующим пакт с Германией 1939 г. и можно будет вернуться на почву Рижского договора. Он призывал освободить заключенных в лагеря военнопленных и депортированных соотечественников, чему придавал очень важное значение. Информировав правительство об изменениях, которые он внес по настоянию английской стороны в текст своего выступления, Сикорский сообщил, что возвращающийся в Москву британский посол займется выяснением «ситуации между Польшей и Советами».

В эти же дни Сикорский имел беседу с министром труда Э.Бевином, будущим министром иностранных дел. По записи Бевина, Сикорский видел возможность изменения отношений с СССР при соблюдении следующих неперемennых условий: восстановления дипломатических отношений; освобождения пленных и депортированных; признания их польскими гражданами и права польского правительства на опеку над ними; создания в СССР польской армии. Не отзывая требование правительства о возврате к довоенным польским границам, Сикорский признавал возможность того, что они могут явиться предметом обсуждения, поисков компромиссного решения их послевоенной линии при условии компенсации за счет Германии¹²¹.

Правительство СССР сообщило, что оно не возражает против заключения советско-польского соглашения о совместной борьбе против гитлеровской Германии по образцу советско-английского соглашения, что оно — за воссоздание независимого польского государства, включающего некоторые недавно отошедшие к СССР города и области, причем вопрос о характере внутреннего устройства Польши оно считает делом самих поляков. В общей форме выдвигался принцип национальной консолидации польского народа в границах этнической Польши. Было заявлено, якобы «в СССР нет и не было триста тысяч военнопленных поляков, а имеется всего двадцать тысяч военнопленных»¹²². Советский Союз предлагал конкретную помощь в создании польских вооруженных сил на его территории, исходя, как надо было понимать, из названной цифры.

Переговоры происходили с 5 по 30 июля 1941 г. в Лондоне при посредничестве Э.-Р.Идена, а в Москве — в ходе бесед Молотова с Криппсом. По коренному вопросу о воссоздании Польского государства было достигнуто полное взаимопонимание. Трудности вызывал вопрос о его границах. Сикорский стремился найти пути к компромиссу. И.М.Майский делал упор на том, что тогда являлось главным, — на заключении военного соглашения и достижении взаимодействия в борьбе против германского фашизма. В качестве компромиссного выхода он предложил рассмотрение вопроса о границах отложить на будущее. Сикорский был согласен на восстановление дипломатических отношений, готов был с оговорками отложить обсуждение проблемы границ.

Выступая за создание армии, польский премьер воспротивился подчинению ее какому-либо создаваемому в СССР национальному комитету, что предлагало сталинское руководство. Польские фор-

мирования, подчеркивал он, могут подчиняться только правительству в эмиграции и представлять собой самостоятельную единицу. В оперативном отношении армия будет находиться в распоряжении командования Красной Армии, то есть должна формироваться на условиях, аналогичных тем, которые существовали для польских частей в Англии. Если советское правительство почему-либо считает нежелательным участие польской армии в борьбе против гитлеровцев на своей территории, то Сикорский просил обеспечить ей возможность эвакуироваться на Ближний Восток или в Англию. Сам Сикорский полагал желательным выступление польской армии вместе с советскими войсками против Германии именно на советско-германском фронте. При достижении единства мнений по указанным вопросам он согласен был заключить с советским правительством договор о совместной борьбе против германской агрессии.

Советская сторона ориентировала поляков на то, чтобы пока оставить в стороне вопрос о границах будущего Польского государства, полностью приняла польские постулаты о создании армии и сняла предложение о национальном комитете для ее формирования.

Несмотря на давление сторонников «твердой» линии в вопросе о границах, Сикорский настаивал на заключении соглашения, аргументируя свою точку зрения на заседаниях правительства и совещаниях с представителями партий возможностью решить первоочередные задачи — создания армии и помощи польским гражданам, находившимся в СССР. На заседаниях правительства он мотивировал свое решение международными интересами Польши, тем, что отказ привел бы к подрыву англо-польского союза. Сикорский опасался также, что при срыве переговоров создание армии перейдет в другие руки. Давление Великобритании и более трезвый взгляд центральной части правительства помогли преодолеть очередной кризис и сопротивление санационных элементов, которые практически покинули его состав.

30 июля 1941 г. соглашение было подписано. Первый его пункт содержал констатацию отказа СССР от договоров с Германией. Он гласил: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза». Во втором пункте говорилось о восстановлении дипломатических отношений и немедленном обмене послами. Третья статья гласила: «Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии». Она конкретизировалась в статье четвертой согласием правительства СССР создать на советской территории польскую армию. Детали формирования, «организации командования и применения этой силы» предполагалось оформить военным соглашением. Пятый пункт говорил о том, что соглашение вступает в силу немедленно, без ратификации¹²³.

Во исполнение приложенного протокола Президиум Верховного Совета СССР 12 августа принял указ об амнистии польских граждан. Они формально освобождались из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и с мест ссылки и высылки. Юридически на многих из них вообще не могло распространяться понятие «амнистия» — прощение лиц, совершивших преступление. О многих категориях вообще нельзя было говорить, будто бы им вчинили дело, находилось ли оно на стадии следствия и еще не было передано в суд, что они совершили правонарушение, осуждены или еще нет. Нет оснований утверждать, что государство признало их преступниками, хотя не оформило этого как положено. Точнее, это делали по идеологически-классовым, неправовым мотивам органы насилия, репрессируя людей, которые не совершали уголовные преступления и не были юридически признаны преступниками. Тем самым ни в какой степени нельзя говорить об адекватности меры наказания и о прощении, то есть амнистии. Для военных защита отечества никогда не была преступна.

Теперь им разрешалось то, чего они были незаконно лишены: они освобождались из мест заключения, лагерей, ссылки, высылки, спецпоселков и получали право свободно проживать на территории СССР, кроме мест с ограничениями, в том числе погранрайонов (откуда были «изъяты» многие из них). На этот раз освобождаемым, в первую очередь женщинам с детьми, советские и партийные органы были обязаны предоставлять работу и жилье, а по договоренности Наркоминдела с польским правительством им и их семьям за счет последнего оказывалась материальная помощь. Порядок «освобождения и направления» устанавливался НКВД. Были определены порядок и пункты формирования частей общей численностью 36 тыс. чел. в Сталинградской, Чкаловской и Саратовской областях и Башкирской АССР¹²⁴.

Польский кабинет в новом составе принял официальную программу деятельности — «Идейно-политическую декларацию». «Главной целью национального единства, — говорилось в ней, — является освобождение Польши и установление после войны демократического строя». Политические задачи определялись следующим образом: «Путем активного участия в войне и в мирных конференциях обеспечить непосредственный и широкий доступ к морю, а также границы, дающие гарантию прочной безопасности Польской Республики». Далее заявлялось, что, «не предпреляя будущего политического и экономического устройства государства, правительство не допустит установления правления личности, клика, а также правления различных олигархических групп, к какому бы классу населения они ни принадлежали»¹²⁵.

Переход к конкретным мерам по выполнению указа об амнистии и постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) об освобождении польских граждан из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и мест ссылки и высылки вызвал первые проблемы. Подлежали освобождению все оставшиеся в живых военнопленные и интернированные, лица, осужденные

на разные сроки тюрьмы и ИТЛ, а также находящиеся под следствием, числившиеся за органами НКВД, судами и прокуратурой. Вольными от надзора НКВД становились осадники, лесники, члены семей репрессированных.

Однако советское правительство стремилось встать на точку зрения определения гражданства по национальному признаку. Польскими гражданами среди жителей Западных Украины и Белоруссии оно хотело признавать только поляков по национальности. Эта позиция была сформулирована в ноте НКВД от 1 декабря 1941 г., которая не была принята польской стороной, продолжавшей считать своими гражданами всех депортированных.

В рубриках учета НКВД после июля 1941 г. вместо старых появилась новая — «бывшие польские граждане». Таких к 1 августа 1941 г. насчитали 389.382 чел., в том числе в тюрьмах, лагерях и местах ссылки находилось 120.962 чел., спецпереселенцев было 243.106 чел., пленных — 25.314 чел. Эти данные отличались от сообщенных 14 октября А.Я.Вышинским польскому послу С.Коту: первая и вторая категории исчислялись соответственно в 71.481 и 291.137 чел., общее число составляло 387.932 чел.¹²⁶ Количество военнопленных оставалось неизменным. Это были те, кого перевозили по трудовым лагерям, и 395 «оставшихся» от трех лагерей, а также те, кого после присоединения республик Прибалтики интернировали. Офицерский состав в основном заключили в лагерь (Козельск-3 снова стал лагерем для офицеров и рядовых). На переломе августа и сентября они были сосредоточены главным образом, как говорилось, в Суздальском и Грязовецком (офицерский состав) лагерях. Пополнить ряды призываемых могло и подросшее поколение сосланных и спецпереселенцев. Недаром Берия планировал в начале 1941 г. формировать польскую дивизию в Казахстане.

Всем сосланным, высланным и находившимся в спецпоселках объявлялось, что от них более не требуется обязательная регистрация в органах НКВД. Им выдавались удостоверения, которые надлежало заменить на польские паспорта. Если было желание выехать из СССР, предписывалось снабжать их билетами и выдавать на дорожку суточные. Однако уже 26 августа НКВД поставил этому преграду, отменив выдачу билетов и денег. Выдача денег и билетов формально сохранялась только для едущих в польскую армию мужчин 16—50 лет, но на практике она осуществлялась далеко не всегда.

14 октября польской стороне было сообщено, что на 1 октября всего было амнистировано 345.511 чел., не получили свободу 42.421 чел. (или расчет велся от 387 тыс.)¹²⁷. Причиной задержки освобождения было стремление руководителей предприятий и лагерей подольше использовать или вообще не отпустить почти даровую рабочую силу, а причинами затягивания его реализации — фактическая невозможность получить билеты, суточные, выехать из отдаленных мест в осеннюю и зимнюю пору.

Вопрос об амнистии был связан и с политическими проблемами. НКВД пытался представить дело так, что признание польскими гражданами поляков «свидетельствует о доброй воле и уступчивости

советского правительства» и не распространяется на лиц других национальностей, «поскольку вопрос о границах между СССР и Польшей не решен и подлежит рассмотрению в будущем»¹²⁸. Польское посольство не признало ноты НКВД юридически состоятельной¹²⁹.

Произвол с определением гражданства привел к тому, что то освобождались из лагерей и тюрем, то вновь лишались свободы украинцы, белорусы и евреи, до 1939 г. бывшие гражданами Польши. Стремление хозяйственных руководителей и НКВД задержать рабочую силу, вызванная этим напряженность и постоянные требования польского посольства влекли за собой новые разъяснения и «уточнения». На практике всевластные представители местной администрации ставили под сомнение национальность депортированных и беженцев, отказывали под предлогом «единственного кормильца» и т.д.

НКВД и НКВД пришлось как-то реагировать и на запросы посольства относительно лиц, к которым была применена высшая мера наказания, прежде всего из контингента военнопленных лагерей в Козельске, Старобельске, Осташкове, а также тюрем. По предложению Вышинского к январю 1942 г. представитель НКВД занял следующую позицию: «В настоящее время нецелесообразно сообщать посольству о действительном положении вещей этого рода, и, учитывая, что все осужденные находились в свое время на территории, оккупированной немцами, считая, что посольству следует отвечать, что значительная часть осужденных осталась на этой территории и судьба их нам неизвестна. О частных [запросах] — что умерли от тех или иных болезней, часть же не разыскана». О евреях, украинцах и белорусах предписывалось давать «обычный ответ»: они-де не польские граждане — или просто тянуть с ответом¹³⁰.

Личная свобода, наконец-то предоставленная депортированным, не обязательно влекла за собой улучшение их положения. Для многих оно просто ухудшилось: не было материальных возможностей покинуть Север, а НКВД снял с себя всякие, даже самые мизерные, обязательства и заботы об их пропитании и снабжении в голодную зиму 1941/1942 гг. Попытка посольства способствовать решению проблемы депортированных путем организованного переселения их на территорию бывшей республики немцев Поволжья, население которой было изгнано в Казахстан и Сибирь, не увенчалась успехом. Вышинский 2 ноября 1941 г. заявил посольству, «что советское правительство в настоящее время не считает возможным в связи с транспортными затруднениями и нуждами военного времени проведение переселения польских граждан из одних районов Союза в другие». Отдельным лицам разрешалось переезжать в выделенные для этого районы Казахской ССР¹³¹. Польское население, однако, предпринимая в поисках спасения самые отчаянные шаги, хлынуло к местам дислокации армии Андерса — сначала в Поволжье, а затем в Узбекистан. Правда, многие оказались не в состоянии сняться с мест.

Амнистия, по уверениям НКВД, принесла свободу 389 тыс. польских граждан, не освобождено было 341 чел. Эти данные дале-

ки от точности. По сведениям НКВД на май 1941 г. в спецпоселках оставалось еще 2240 осадников и беженцев, в иной сводке указывалось, что не было освобождено 195 военнопленных.

Советские власти по указанию Молотова приняли меры к прекращению переселений. Из застрявших в пути эшелонов людей расселили в тех местах, где они в этот момент оказались. В 1944 г. было установлено, что на севере европейской части России осталось не менее 23 тыс. чел. В результате многие поляки, юридически получив свободу перемещения, остались в местах принудительного поселения или оказались не там, куда рассчитывали попасть.

Медлительность в деле выполнения указа об освобождении депортированных и связанные с ней национальные вопросы породили трудности в наборе кадров в армию.

Формирование армии началось в соответствии с советско-польским военным соглашением от 14 августа 1941 г.¹³², которое предусматривало создание в кратчайшие сроки на территории СССР польской армии, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии». Образцом документа послужило польско-французское военное соглашение от января 1940 г., практической основой — опыт создания польских частей во Франции и Великобритании¹³³. Соглашение оговаривало национальный суверенитет формируемых соединений как составной части вооруженных сил суверенной Польши, единство их структуры вне зависимости от того, в Англии или СССР находились части, идентичность обмундирования, званий, знаков отличия. Предусматривались польская юрисдикция и возвращение армии после войны в Польшу. Армию надлежало создавать в призывном и добровольческом порядке из находившихся в СССР польских граждан.

Польская армия на время совместных действий в оперативном отношении должна была подчиняться Верховному командованию СССР, в делах же личного состава и организации — польскому командованию. Выход польских частей на фронт оговаривал пункт седьмой соглашения: «Польские армейские части будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности. Они будут выступать, как правило, соединениями не менее дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР»¹³⁴. Советская сторона стремилась обеспечить суверенность прав Верховного командования СССР в боевом использовании польской армии¹³⁵.

Генерал Сикорский назначил командующим армией генерала Владислава Андерса, выпускника Пажеского корпуса, офицера царской, затем германской и, наконец, польской армии, а начальником штаба — полковника Леопольда Окулицкого, хотя тот признался Андерсу, что давал согласие на сотруничество с НКВД.

Было решено, что первоначальная численность армии составит 30 тыс. чел. и она будет формироваться по штатам Красной Армии в Саратовской и Оренбургской (Чкаловской) областях. При полках и дивизиях назначались офицеры связи от Красной Армии и орга-

нов НКВД. В польской армии находились также офицеры связи от США и Великобритании¹³⁶.

По договоренности обеспечение армии и ее вооружение брали на себя СССР и западные союзники. Организация и содержание финансировались правительством СССР.

Источников пополнения армии было три. Наиболее многочисленным оказались депортированные, обеспечившие почти две трети кадров. Прибывавшие в армию, они были истощены, для начала их надо было откормить, обмундировать и обучить.

1 октября 1941 г., когда Берия сообщал Сталину и Молотову о прибытии из «мест отдаленных» к пунктам формирования польских частей толп оборванных и изможденных, пребывающих на грани голодной смерти польских добровольцев, он прямо и достаточно объективно констатировал, что они «не имеют никаких средств к существованию, плохо одеты и находятся в антисанитарном состоянии, в связи с чем среди них имеют место простудные, цыготные и желудочно-кишечные заболевания». Он докладывал, что НКВД ограничивает масштабное освобождение польских граждан, предупреждая массовое неорганизованное их переселение и стараясь задержать и трудоустроить их на местах, по маршрутам их следования огромной протяженности, а из режимных городов, объявленных на военном положении местностей и спецпоселков северных районов рекомендует временно перемещать в Узбекистан. Туда же следовало направлять и тех, кто зачислен в польскую армию «сверх штатной положенности сформированных польских частей» — общим количеством в 100 тыс. чел., за счет польского правительства, предоставив ему заем¹³⁷.

Кадрами для армии, уже профессионально подготовленными, могли стать поляки, призванные в Красную Армию из западных областей, тем более, что в соответствии с протоколом заседания советско-польской комиссии по формированию польской армии в СССР командование РККА согласилось на передачу этих красноармейцев. Вышинский встал на эту же точку зрения и предложил Молотову не задерживать поляков, если они изъявят желание вступить в польскую армию. Молотов же наложил иную резолюцию: «Отказаться, так как ими дана присяга». Правда, после визита Сикорского в Москву и усиленных настояний Андерса некоторое количество из них все же было передано польской армии. Дело было в том, что им предстояло стать опорой не польской, а советской армии и власти в присоединенных землях. Инструкторами по овладению техникой и оружием стали советские специалисты.

Важнейшим источником профессионально обученных кадров и костяком армии должны были стать, как надеялось польское командование, офицеры и солдаты польской армии, плененные в 1939 г.

Смешанные комиссии начали работу по набору личного состава в Грязовецком, Южском, Суздальском и Старобельском лагерях. На 25 октября было принято и зачислено в польскую армию 41,5 тыс.

чел. — установленные лимиты были значительно превышены. Однако среди них оказалось всего 1.859 офицеров.

Посетивший лагеря генерал Андерс лично убедился, что офицеров не хватает катастрофически. Начались лихорадочные поиски и выяснение причин этого непонятного явления. Андерс запросил у советской стороны публиковавшиеся до 1939 г. списки офицерского состава польской армии¹³⁸, а комиссии под началом избежавшего расстрела узника Старобельского лагеря Ю. Чапского было поручено подготовить списки, восстановив состав пленных офицеров по лагерям. Все уцелевшие пленные были опрошены относительно их соседей по нарам. Составленные и сведенные воедино списки были сверены с опубликованным перечнем и сопоставлены с наличием пленных в немецких офлагах. Первый список на три с лишним тысячи был готов к декабрю 1941 г., а к марту следующего года уже составили список восьми с лишним тысяч офицеров, находившихся в 1939 г. в Советском Союзе, но не появившихся в расположении армии. Первый список был передан 3 декабря Сикорским Сталину лично с настоятельной просьбой выяснить, почему эти офицеры не освобождены. Польское правительство имело информацию о расстрелах в Катыни, но не знало подлинных размеров трагедии и ее возможных последствий.

Нехватку командных кадров командование польской армии стремилось компенсировать присылкой костяка офицерского состава из Англии и обучением младших офицеров собственными силами. Численность офицерского корпуса к марту 1942 г. была доведена до 3 тыс. чел.

Советская сторона приняла свои меры для обеспечения контроля над польской армией. В нее была направлена группа подполковника З. Берлинга, в 1940—1941 гг. разрабатывавшая планы создания польской дивизии в СССР. Берлинг стал начальником штаба одной из дивизий. Через Исполком Коминтерна было проведено решение о направлении в части под видом рекрутов представителей ИККИ. Инструкция предписывала им служить примером дисциплины и отличной боевой подготовки, вести борьбу за «антифашистский дух частей», агитировать за совместную борьбу против нацистских оккупантов, за демократическую Польшу. Однако этим задачи агентов Коминтерна, соответствующие духу советско-польского соглашения, не ограничивались. По свидетельству Л. Касмана, тогда одного из руководителей по кадрам в Коминтерне, они должны были вести активную пропаганду в пользу СССР, разъяснять его политику и, в частности, давать советскую трактовку событий сентября 1939 г. Перед ними ставились и прямые задачи: выслеживать «антисоветские элементы» в армии, выявлять, разоблачать и при возможности уничтожать «диверсантов»¹³⁹.

Прошедшие через горнило лагерей и ад поселков люди критически воспринимали «официальную» действительность, отторгали идеологическую обработку. Поэтому вскоре через ИККИ стали передаваться в НКВД и Сталину отчеты об «антисоветской и анти-

семитской работе в армии», о ее враждебной настроенности, ненадежности.

Средством регулирования состава армии и насаждения советского влияния было право представителей РККА и НКВД в смешанных комиссиях отводить новобранцев «по особым соображениям». Для контроля над армией этого оказалось недостаточно. Прошедший выучку в «стране ГУЛАГа» личный состав, особенно офицерский корпус, сделался польской армией, готовой положить жизнь за воссоздание свободного и независимого государства.

Узлом противоречий и трудностей оказались проблемы вооружения для польской армии. Это были труднейшие для советского народа месяцы. СССР терял территории, миллионы людей, технику, оружие. Его не хватало для обеспечения воюющих частей. Советское правительство заявило 8 сентября польскому послу С.Коту, что берет на себя вооружение одной польской дивизии (в которой был Берлинг). Вооружение для нее стало поступать со второй половины сентября¹⁴⁰. Для второй дивизии было рекомендовано в соответствии с соглашением затребовать вооружение от США и Англии, которая не спешила с обеспечением польской армии оружием и обмундированием. Вопрос о снабжении польской армии, а вскоре и о ее дислокации стал не только организационной, но и политической проблемой. Нагромождались трудности с амнистией, и все явственнее и острее вырисовывался вопрос об офицерах.

Посол Кот в беседе с Молотовым сообщил о желании Сикорского продолжать формировать новые дивизии, поставил вопрос о визите премьера в Москву для решения наболевших вопросов. Сразу был получен ответ: препятствием являются отсутствие вооружения и большие продовольственные затруднения. Кот сообщил в Лондон и послам США и Англии, что Советский Союз не хочет на самом деле, чтобы на его территории была создана крупная польская армия¹⁴¹.

Угроза английским колониальным и военным интересам на Ближнем Востоке со стороны держав «оси», затруднения в доставке туда новых контингентов английских войск усилили стремление Черчилля заполучить из СССР польские войска для охраны нефтяных районов. В штабе Андерса считали, что Москва может пасть в любой момент и польские части надо отводить на юг — в Иран, Афганистан, даже Индию. В осуществлении эвакуации активную роль играла дипломатия западных союзников. 13 октября 1941 г. Иден в беседе с Майским предложил обеспечить польские дивизии при условии перевода их на Кавказ. Черчилль 24 октября рекомендовал Сикорскому перевести польскую армию в Иран, где она поступила бы под английское командование. Сикорский, поколебавшись, согласился.

1 ноября Кот направил Молотову ноту по поводу визита Сикорского в Советский Союз. Проинформировав его, что цель и программа поездки согласованы с правительством Великобритании, посол сообщил, что польский премьер ожидает согласия советского правительства на обсуждение следующих вопросов: об ускорении

выполнения положений Указа об амнистии и предоставлении польским гражданам, не призванным в армию, работы или средств к существованию, о призыве в армию всех польских граждан, годных к военной службе, о сосредоточении польской армии, в связи с заявлениями наркома о трудностях с вооружением и продовольствием, на территории, где имеется возможность для обеспечения ее Великобританией, например, на Кавказе или в Иране, об эвакуации 15—20 тыс. солдат для пополнения польских частей в Великобритании и Египте¹⁴². НКВД ответил, что советское правительство готово обсудить предложенные вопросы.

Получив такие заверения, Сикорский прибыл в Москву для урегулирования наболевших проблем. Однако сразу появилась еще одна причина для трений. На Сикорского попытались оказать давление, «размягчить» его позицию, показав, что есть и иные польские силы, которые Советский Союз может использовать. В день приезда премьера центральные советские газеты опубликовали «Воззвание к польскому народу» и материалы митинга в Саратове, организованного при помощи польских коммунистов, на что Сикорский отреагировал выражением намерения немедленно покинуть Москву¹⁴³.

Вечером 3 декабря за столом переговоров два с половиной часа сидели два премьера, которых разделял не только стол, но и война 1919—1920 гг., и сентябрь 1939 г. Обмен любезностями, похвала в адрес вышедшей в Москве в 1936 г. книги Сикорского «Будущая война» сменились труднейшим обсуждением назревших проблем. Конечно, Сталин не забыл, что он был членом военного совета Юго-западного фронта, а Сикорский командовал той армией, которая ударила в тыл подходившим к Варшаве частям Красной Армии, и это во многом предопределило «чудо над Вислой» — стремительное отступление и поражение «красных» частей. Сталин прекрасно помнил и о своей подписи под зловещим постановлением Политбюро от 5 марта 1940 г. о расстреле польских военнопленных. Следует особо подчеркнуть, что именно в тот день, 3 декабря, для него и была составлена первая итоговая справка ГУПВИ, как теперь именовалось УПВ, о прошедших по подведомственным ему лагерям 132 тыс. военнопленных, в том числе 15.131 расстрелянном в УНКВД (о расстрелах в тюрьмах ни в этой, ни в последующих справках не говорилось). Но когда Сикорский предъявил Сталину первый список на 3,5 тыс. чел. не освобожденных по амнистии польских офицеров, тот сделал вид полного неведения и разыграл сцену телефонного запроса в «компетентные органы». Он несомненно ожидал прямого вопроса о судьбе пленных и подготовил совершенно обескураживающий и одновременно фарисейский ответ: «Говорят, что все освобождены». А многих нет: «бежали в Маньчжурию»¹⁴⁴.

Исходя из сиюминутной острой ситуации — гитлеровские дивизии стояли у стен Москвы — Сикорский полагал, что заинтересованность советской стороны в участии поляков в военных действиях понудит сталинское руководство сделать шаги навстречу. Генерал

не представлял себе, что до советского наступления под Москвой оставались считанные часы.

С другой же стороны, определенных опасений Сталина не могла не вызвать подготовленная для него 30 ноября справка Берии о состоянии и настроениях польской армии, которая уже насчитывала две дивизии и запасной полк, численностью 40,9 тыс. человек. В справке подчеркивалось стремление Андерса сотрудничать с СССР в борьбе с гитлеровской Германией, в уничтожении «гнезда пруссачества», что отнюдь не должно было вызывать прежнего отталкивания. Только благосклонность могло породить обещание наказывать тех, кто нелояльно отзывался об СССР, и терпимо воспринимать создание советской Польши. Однако Андерс, как и ранее, требовал увеличить число польских соединений, освободить из мест заключения офицеров, урегулировать вопросы расквартирования, снабжения и т.д.

Берия указывал и на распространение в среде поляков антисоветских настроений, в связи с чем НКВД полагал целесообразным получить курировавшим польскую армию уполномоченному Генштаба по польским формированиям в СССР генералу А.П.Панфилову и майору госбезопасности Г.С.Жукову поставить в известность Андреса «для принятия мер». К подобным настроениям были отнесены проявления возмущения по поводу лишения свободы, содержания в тюрьмах и лагерях, унижений и оскорблений, каторжного труда и невероятных усилий по освобождению уцелевших родных... Первым цитировался генерал Волковицкий, выражавший общее восприятие происшедшего: «...Мы хотели забыть неприятности, причиненные советской властью, но это не так просто». В других высказываниях содержались констатация того факта, что СССР и Германия «нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагеря», стремление отомстить и восстановить страну «как раньше было», повернуть для этого после разгрома немцев оружие против СССР. Это находило сочувственный отклик и среди солдат, «главным образом освобожденных из лагерей и тюрем»¹⁴⁵.

Такое состояние настроений в польской армии было естественным следствием сталинской политики, и с ним нельзя было не считаться. Но особенно тяжелыми последствиями грозило раскрытие фактов массовых расстрелов военнопленных из спецлагерей.

Сталин на переговорах исходил из необходимости решения стратегических проблем будущей послевоенной ситуации. Он демонстрировал подчеркнуто корректный подход, принял предложение об организации представительств польского посольства на местах, предоставил заем в 100 млн руб. для оказания помощи польскому гражданскому населению.

При обсуждении вопроса об армии Сикорский повел речь не о переводе летчиков, моряков и 20 тыс. солдат для пополнения польских частей на Ближнем Востоке и в Англии, а о выводе всей армии в Иран. Сталин остро прореагировал на это заявление: «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут: да или нет... в Иран, так в Иран. Хотите воевать в колониях? Я знаю: где

войско формируется, там оно и останется. Обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут?» Сталин знал, что вывод армии — это предложение Великобритании, которая, оказавшись в трудных условиях, хотела польскими руками обеспечить свои интересы на Востоке и в любом пункте, где возникла бы необходимость.

Переговоры шли туго. Стороны забывали правила дипломатического этикета, теряли терпение. Понимая, что только в СССР имеются резервы для польской армии, Сикорский снял вопрос об ее выводе и выдвинул предложение об увеличении ее численности до 96 тыс. и установлении районов формирования на юге Союза. Советская сторона согласилась на требуемое увеличение численности польских войск и на вооружение второй дивизии (остальных — за счет союзников), на предоставление беспроцентного займа в 300 млн руб. для содержания армии.

Под это Сталин форсировал решение вопросов о взаимных отношениях в послевоенный период, в частности о будущей границе в момент, когда польские войска пойдут на фронт. Правда, предложение Сталина можно было понять и как существенную корректировку новой линии границы в пользу Польши.

Сталин взял тональность благоприятствования, подчеркивал общность государственных интересов обеих стран в борьбе с политической «дранг нах остен»: утверждал, что одним из средств пресечения подобной политики будет восстановление сильной, независимой, суверенной, союзной Польши. Он обещал содействие в создании мощной польской армии, предоставление ей права первой войти в Польшу, возвращение Польше пястовских земель от границы Польши 1939 г. до реки Одер (Одра), некогда захваченных Пруссией (Германией).

В Декларации о дружбе и взаимной помощи от 4 декабря 1941 г. СССР и Польша заявляли, что будут вместе с Великобританией и другими союзниками вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков, оказывать друг другу полную военную помощь. Расположенные на территории Советского Союза войска Польской Республики будут вести войну с Германией рука об руку с советскими войсками. Основой взаимоотношений между обеими странами в мирное время «станет доброе сотрудничество, дружба и обоюдное честное выполнение принятых на себя обязательств»¹⁴⁶.

Последняя часть касалась предложений по организации послевоенной безопасности демократических стран. Это была декларация о намерениях. Но наследие давнего и недавнего трудного прошлого, в том числе катынское преступление, не сулило ей больших шансов быть последовательно реализованной.

В письме к Черчиллю от 17 декабря 1941 г. Сикорский просил ускорить обещанные поставки оружия польским частям в СССР. Британский премьер, твердо решив получить дополнительные силы для охраны нефтяных районов, продолжал тактику проволочек. За

год нахождения армии в СССР ни одного транспорта оружия от Великобритании не поступило.

В марте 1942 г. численность польской армии достигла 73,4 тыс. солдат и офицеров. Через пять месяцев после начала ее формирования советская сторона поинтересовалась, когда польские части собираются выступить на фронт. Андерс повторил мнение о нецелесообразности вводить в бой отдельные соединения до готовности всей армии, срок же готовности из-за недопоставок вооружения и снаряжения определить было невозможно. Он напомнил о необходимых кадрах — поляках, призванных в РККА, об обещаниях Сталина выяснить вопрос об офицерах из Козельска и Старобельска, заявив, что без этого польские военные и политические цели не будут достигнуты. Очевидно, сталинскому видению судеб Польши это не соответствовало.

Мнение польского командования в Генеральный штаб передал уполномоченный Ставки Верховного главнокомандования Красной Армии по формированию польских военных частей на территории СССР Г.С.Жуков. Это был тот представитель органов, уроженец Смоленска, который, как считается, позже, весной 1943 г., предложил версию «археологических раскопок» под Катынью, чтобы замести следы преступления.

Сикорский не подверг сомнению заявленную Андерсом дату возможного выхода армии на фронт — 1 июня 1942 г., при условии, что СССР вооружит все дивизии. Если ориентироваться на поставки США и Англии, то установить какой-либо срок невозможно, считал премьер-министр.

Для начала Андерс активизировал деятельность в направлении выполнения достигнутого в Москве соглашения о выводе 20—25 тыс. военнослужащих на Ближний Восток. В связи с этим он просил создать эвакуационную базу в Красноводске: ожидалось наступление войск генерала Роммеля в Африке.

Война на Тихом океане после нападения Японии на США привела к сокращению экспорта зерна из-за океана (Япония не пропускала американские суда в Охотское море, а своих у СССР было недостаточно). Усилилась напряженность в снабжении советских войск и населения ввиду потери Украины. На польские части, как тыловые, было распространено решение ГКО об уменьшении продовольственных пайков для невоюющих соединений. Для польских частей этот шаг был очень болезненным: при армии, кроме семей военнослужащих, кормились еще значительные группы депортированных. Назревало дальнейшее обострение отношений.

С согласия Сикорского Андерс обратился к Сталину, однако премьер запретил ему обсуждать какие-либо политические вопросы, предписав ограничиться только военными и продовольственными, рекомендовал подчеркивать желание польской стороны установить боевое содружество и в будущем жить в мире и дружбе.

Готовясь к переговорам с Андерсом и сопровождавшим его Окулицким, предусмотрительный Сталин затребовал справку о ходе формирования армии и ее морально-политическом состоянии.

Справка Берии от 14 марта содержала данные на 1 марта, когда в польской армии вовсю шло формирование очередных трех дивизий и армейских частей усиления (танкового полка, артиллерийской бригады и т.д.), а личный состав насчитывал 60 тыс. человек.

Проделанный Берией анализ был достаточно сбалансированным: в нем отмечались позитивы расширения польских формирований в СССР — желание поляков «показать себя в борьбе с немецкими оккупантами», выступление Андерса и части старших офицеров «за честное военное сотрудничество с Советским Союзом, за добросовестное и лояльное выполнение принятых на себя обязательств и за установление прочных союзных отношений будущей Польши с СССР». Вместе с тем передислокация на юг и поступление новых контингентов из тюрем и лагерей, как и воссоединение семей, привели к новому резкому ухудшению настроений — к «напоминанию о жизни в лагерях», о «многих еще не освобожденных поляках», о жутких условиях, в которых находилось репрессированное польское гражданское население. Берия доносил Сталину: в Бузулуке во время выступления «Польского кукольного театра» в «политическом обзоре» был продемонстрирован номер, «тенденциозно освещающий пребывание польских граждан в лагерях». До тех пор лояльный генерал Борута-Спехович высказывал мнение: «...Поддачки Советами нескольких миллионов рублей польскому правительству — пустяк и отнюдь не снимает с советского правительства обязанности заботиться о польских гражданах. Советское правительство должно беспокоиться о судьбе польских граждан до тех пор, пока они находятся на его территории. Если бы они находились в Польше, они не испытывали бы того, что они испытывают в Советском Союзе...» Оппозиционно настроенное по отношению к Андерсу офицерство рассматривало сотрудничество со сталинским руководством как «вынужденный шаг на пути к восстановлению Польши», подчеркивая, что «рано или поздно польский народ должен предъявить свой счет к СССР», а армия нужна для «решения вопроса о судьбах Польши в будущем» — для восстановления Польского государства. «Антисоветские реваншистские настроения», как определил их Берия, имели место «также среди солдат», особенно прибывавших в армию из тюрем и лагерей¹⁴⁷.

После того как Андерс получил соответствующее представление от советских кураторов, он, по признанию посла С.Кота, «неоднократно выступал с речами и все время призывал людей забыть прошлое». На совещании руководящего состава штаба армии он в резкой форме требовал прекращения антисоветских разговоров, издал два приказа о привлечении к ответственности за антисоветскую агитацию, дал указание привлекать виновных к суду, но признавал, что не может приказать людям забыть то, что они два года провели в тюрьмах и лагерях. На упомянутом совещании он внушал собравшимся, что польское правительство и он сам «проникнуты искренним желанием вместе с Красной Армией освободить Родину». Андерс говорил следующее: «Никакое другое государство не сделало бы для нас то, что сделало для нас Советское государство. Мы

должны забыть о всех своих обидах и личных переживаниях...» И еще: «...Большевики помогают нам в очень трудных условиях. Вы знаете, какие они несли и несут потери в связи с войной, и не наше дело критиковать и обсуждать существующие в их стране порядки. Мы должны быть благодарны им за то, что они договорились с нашим правительством и освободили нас, в том числе, как вы знаете, и меня самого, из тюрем и лагерей, вооружили нас и дают нам возможность создавать свою армию...»¹⁴⁸.

Однако накладываемые сталинским руководством ограничения на расширение польской армии, слухи о связях Андерса с НКВД осложняли ситуацию, ухудшали отношение кадров армии к штабу и командующему. Берия сообщал Сталину, что в ней усилились оппозиционные по отношению к Сикорскому элементы, по мнению которых и Андерс «продал Польшу большевикам и НКВД». Берия якобы нашел даже пронемецкую группу, которая-де считает, что восстановление Польши возможно только с помощью Германии. Он доказывал, что как в частях, так и в лондонских польских кругах ширится желание сохранить армию для решения вопроса о судьбах Польши в будущем, когда наступит «время расплатиться за все обиды». Глава НКВД сообщал о борьбе против советских агентов и их изоляцию, в частности Берлинг и его группа получили анонимки с приговорами к смертной казни за просоветскую деятельность¹⁴⁹.

Не был снят вопрос о пропавших офицерах. В начале 1942 г. он стал звучать из Лондона. 28 января Э.Рачиньский, теперь и и.о. министра иностранных дел, направил послу при его правительстве А.Е.Богомолу ноту с требованием найти их и освободить. Через полтора месяца пришел ответ. Он оказался стандартным, таким, какой неоднократно давали в Москве Сикорскому, Коту и Андерсу: «всех освободили». Андерс 18 марта предъявил Сталину список на восемь тысяч «убывших» офицеров. Комиссия Ю.Чапского достаточно точно выявила и состав лагеря в Осташкове.

К неприятному для советского руководства очередному требованию решения проблемы об исчезнувших офицерах добавилось заключение о ненадежности армии — в немалой мере рожденной сталинской политикой, о том, что она не пойдет на фронт, пока не закончит формировать и обучать все шесть дивизий. На такую армию Сталин, очевидно, не собирался делать ставку.

Существование реальных трудностей с вооружением и продовольственным снабжением давало аргументы в защиту принимаемых жестких решений. Одновременно было необходимо соблюдать договоренности, сохранять престиж, «лицо» перед западными союзниками. Да просто был ценен каждый солдат на фронте, когда миллионы красноармейцев оказались в плену и перевес в войне все еще был на стороне гитлеровской Германии.

Сталину в очередной раз надо было искать решение головоломки, которую он сам сконструировал для советской политики недальновидными антипольскими акциями.

В соответствии с указаниями Сикорского Андерс затрагивал только военно-экономические вопросы. Сталин оправдывал сокращение пайков объективными трудностями. Андерс, со своей стороны, настаивал на эвакуации армии, отвергнув предложенный «выход» — временно отправить часть солдат на работу в колхозы. В итоге был достигнут компромисс. До конца марта сохранялось прежнее снабжение. Одновременно Сталин дал согласие на выход в Иран контингентов сверх установленной численности армии в 44 тыс. человек. Он не настаивал на немедленном выходе дивизии или армии на фронт, откладывая его до того момента, когда Красная Армия будет подходить к границам Польши, и повторяя, что оставшиеся в СССР польские части завоюют себе право первыми ступить на землю Польши. Об этом было сообщено в Лондон Майнскому, чтобы дать жизнь благоприятной трактовке советских начинаний в отношении армии Андерса в глазах общественного мнения, в то время как на деле Сталин спешил освободиться от осложнений, которыми грозило явно близившееся разоблачение массового убийства военнопленных: информационное поле со всей очевидностью расширялось.

В ответ на посланную в Лондон депешу Андерса, с которой Сикорский ознакомил Черчилля, вновь последовало предложение последнего о выводе всей армии в Иран. Уже 19 марта Андерс издал первые приказы об эвакуации. К концу месяца из СССР через базу в Красноводске прошли 32,5 тыс. польских солдат и офицеров, то есть примерно на 7 тыс. больше, чем было согласовано с Сикорским в декабре. Вместе с ними выехали 12,5 тыс. членов их семей и других гражданских лиц, в том числе много детей.

В СССР были оставлены наиболее подготовленные и боеспособные единицы: штаб, три дивизии, вспомогательные подразделения.

В соответствии с принятым решением об ограничении численности армии до 44 тыс. военнотружущих очередное заседание смешанной советско-польской комиссии по формированию армии отменило право на набор призывников непосредственно частями и соединениями без направления советскими военкоматами. Фактически был ликвидирован институт польских офицеров связи и т.д.

Советское правительство заявило, что эвакуацию из СССР польских военнотружущих следует считать полностью законченной, и предложило свернуть эвакуационные базы. Польская сторона ответила отказом, надеясь на поступление ожидаемых кадров.

Почти сразу же появились новые трудности. Ноты посольств в Москве и Лондоне требовали продолжения призыва в польскую армию и вывода новобранцев в Иран. Переписка польского правительства в изгнании с Андерсом касалась дальнейшего выяснения вопроса об офицерах и амнистированных. Сикорский убеждал Сталина в письме от 9 апреля 1942 г. в выгоде создания вблизи южных границ СССР сильной группировки польских войск. Для Сикорского теория создания трех центров польских войск была возможностью обеспечить их ввод в Польшу с трех направлений — из СССР, с запада и через Балканы с востока. Ответ Сталина от

13 мая был жестким, отрицательным: положение не изменилось, армия не принимает участия в боях, не может быть изменений и в ее численности. Жуков пригрозил Андерсу арестами всех поляков, самочинно перемещающихся в места дислокации частей.

Советской стороне стало известно и об активном противодействии Сикорского включению вопроса о границах в подготавливаемый англо-советский союзный договор, который был подписан в конце мая во время визита Молотова в Лондон. Во имя обещания открыть второй фронт СССР пошел на отказ от упоминания в договоре проблемы границ. Сталин заявил, что у Советского Союза будут свободными руки и вопрос о границе будем решать силой¹⁵⁰.

В конце мая под большей частью надуманными предложениями началась кампания по свертыванию системы опеки над депортированными и ликвидации института доверенных лиц и представительств посольства в местах компактного проживания польских граждан.

У.Черчилль и британское ведомство иностранных дел продолжали оказывать давление на СССР и Сикорского. Речь об этом шла и с Молотовым. Андерс, как он пишет в своих мемуарах, также добивался от советского руководства вывода всей армии. Нараставшую напряженность не уменьшила смена польского посла. Встреча в Лондоне Молотова и Богомолова с Иденом, Сикорским и Рачинским свелась к разговорам о необходимости сотрудничества.

Противоречия между Андерсом и Сикорским (правительством) по вопросу о том, оставлять армию во имя высших польских политических целей в СССР и воевать вместе с Красной Армией или выводить ее на Ближний Восток и поступать под британское командование, были использованы и английской, и советской стороной. Черчилль в условиях разгоравшейся Сталинградской битвы продолжал связывать вывод польских войск с важным для СССР в то время вопросом о втором фронте и позиций Турции, что отразилось в его переписке со Сталиным¹⁵¹. 3 июля 1942 г. советское правительство согласилось на вывод всей армии. Из Советского Союза в два этапа выехало в общей сложности около 80 тыс. военнослужащих и 37 тыс. членов их семей и др.¹⁵² Предварительно из армии «изъяли» коммунистов, засланных ИККИ.

З.Берлинг вместе с небольшой группой офицеров остался в СССР. По некоторым данным, он сотрудничал с НКВД, а в воспоминаниях пропагандировал советскую официальную версию «немецкого следа» в Катыни. Он помог в создании новых польских частей.

Вопрос о боевом сотрудничестве Красной Армии с частями правительства Сикорского был снят с повестки дня. С их уходом НКВД по приказу Молотова вернул отношения с поляками в традиционное русло выискивания шпионов. НКВД окончательно ликвидировал структуры, организованные польским посольством. Обошлись отношения по вопросам гражданства, выезда отставших от армии чинов и членов семей.

Сикорский запретил сотрудничество Армии Крайовой (АК) с разведорганами Красной Армии, но задумался, как должна реагиро-

вать АК на предполагавшееся вступление советских войск в Польшу. Поколебавшись, к ноябрю 1942 г. он пришел к выводу, что вооруженное противостояние Красной Армии было бы безумием, и отдал приказ частям АК при появлении советских войск выходить из подполья, заявляя о своей и Польши суверенности и позитивном отношении к Советскому Союзу.

В начале 1943 г. Сикорский, заручившись поддержкой Запада, начал готовить свой визит в СССР для снятия наросших противоречий.

Формирование на советской территории польской армии и меры по организации взаимодействия были первой серьезной попыткой наладить советско-польские отношения ради высшей цели — разгрома гитлеризма. Но они закончились уходом армии из СССР. Польская армия не пошла на советско-германский фронт по целому ряду причин, объективных и субъективных. Одной из основных было сокрытие сталинским руководством правды о судьбах военнопленных офицеров, а также постоянные попытки распространить на суверенное национальное формирование порядки, культивируемые в собственной стране, что было неприемлемо для польской стороны и подрывало наметившееся хрупкое взаимодействие. Польское правительство и командование армии преследовали очевидные военные и политические цели. Сталину стало ясно, что правительство Сикорского вряд ли сможет стать исполнителем его планов в отношении Польши, а сформированная польская армия ни в коей мере не поможет в их реализации. Будучи вынужден считаться с союзниками, он избавился от армии Андерса, передав ее им, а сам исподволь стал готовить преданные ему кадры с перспективой воссоздания Польского государства и его армии на иной основе. Их политическим ядром становились Польская рабочая партия в стране и Центральное бюро коммунистов Польши в Москве. Первая, естественно, была подпольной, второе — засекреченным. Был создан Союз польских патриотов. Началось создание иных, отвечающих сталинским планам вооруженных сил — формирование дивизии имени Т.Костюшко, строительство Войска Польского.

За 2.078 дней, в течение которых Польша участвовала в вооруженной борьбе против гитлеровского фашизма, она потеряла более 6 млн человек, в том числе в результате террора оккупантов 5384 тыс. человек, в непосредственных военных действиях — 644 тыс. На завершающем этапе Второй мировой войны — в апреле—мае 1945 г. — в польских частях сражались 595 тыс. человек, из них в Войске Польском — 400 тыс., в Польских вооруженных силах на Западе — 195 тыс. В движении Сопротивления в стране уже в 1943 г. участвовали около 500 тыс. человек¹⁵³.

Борьба польского народа, преодолевавшего последствия сговора и сентябрьского разгрома, проходила в чрезвычайно трудных условиях и на многих фронтах, он заплатил огромную дань кровью за освобождение и воссоздание своей страны, собирая для этого все сохранившиеся силы.

«Катынская бомба» взорвалась...

Близился коренной перелом в ходе войны, когда под Смоленском летом 1942 г. местная полька указала на катынские могилы полякам из организации Тодта, привезенным туда на строительные работы. Первый крест, первая фотография места массового захоронения польских военнопленных в Катынском лесу стали одним из свидетельств обнаружения как следов многих преступлений НКВД, в том числе и в Виннице, Одессе, Харькове, так и одновременно свежих и явных погребений жертв эсэсовских расправ.

Советский простой человек ежедневно слышал по радио, читал в газетах, видел в кинохронике материалы о зверствах гитлеровцев. Польское население жадно выискивало на страницах выходивших иногда тиражами в десятки тысяч экземпляров газет скудную информацию о пленных и депортированных, рассеянных на огромных территориях Советского Союза. Следы многих из них затерялись, а слухи навевали тревогу.

Сталинградская победа, действия союзников в Северной Африке, начавшееся продвижение Красной Армии на запад создавали новую военно-политическую обстановку в мире. В Польше росло национально-освободительное движение, укоренялись идеи единства в борьбе против гитлеровского фашизма, начались переговоры между двумя течениями движения Сопротивления. Оккупационные власти усилили террор для обеспечения «спокойствия» в тылу, провели аресты вдохновителей и участников переговоров. Фюрера беспокоили укрепление антигитлеровской коалиции, угроза открытия новых фронтов, взаимодействие советского и польского народов и их правительств.

В апреле 1943 г. германский министр пропаганды и просвещения Й.Геббельс отметил в дневнике, что после Сталинграда Германия должна на востоке не только вести войну, но и заниматься политикой. К тому времени он обратил внимание на редкостный подарок судьбы, гарантировавший небывалую эффективность пропагандистской акции многопланового использования, — страшное многотысячное захоронение польских пленных в Катынском лесу под Смоленском. Информация о нем позволяла нанести болезненный удар не только по настроениям польского населения в пользу антифашистской коалиции, но и по ее слабому звену — отношениям между советским и польским правительствами. Имея в руках неоспоримые улики злодеяния НКВД, раскрыв перед мировым общественным мнением тщательно маскируемое преступление в отношении военнопленных, рейхсминистр не без основания надеялся, что если и не удастся путем острого советско-польского столкновения расколоть антигитлеровскую коалицию, то, по крайней мере, можно будет рассчитывать на возникновение серьезных трений между ее основными членами — СССР, США и Великобританией. «Катынская карта» явно была козырной, и Геббельс решил не распыляться на несколько захоронений жертв сталинского террора, но сосредоточился на одном объекте¹⁵⁴. Он имел немалые основания

полагать, что катынский расстрел может навсегда поссорить поляков с русскими, а такую перспективу приветствовал с огромной радостью. Это можно было прогнозировать с установлением масштабов экзекуции: с 29 марта проводилось предварительное раскрытие могил, за вознаграждение собирались показания местного населения о курсировании автотранспорта, о свидетелях, слышавших выстрелы, об очевидцах.

13 апреля германское радио сообщило, что в Катынском лесу обнаружены останки 10 тыс. расстрелянных польских офицеров. Эксгумационная бригада называла и большую цифру — 12 тыс., усиливая давление на общественное мнение. Нацисты ухватились за великолепный шанс организовать сенсационную шумную кампанию с использованием кино, радио и печати, с доставкой на место многочисленных групп свидетелей из Польши, военнопленных из лагерей — польских, английских, французских, американских. Первая польская группа была доставлена еще до объявления по радио, сделанного по личному указанию Гитлера.

В Катынский лес возили жителей Смоленска, журналистов из «нейтральных» стран, рабочих с предприятий Западной Польши. Там побывал бывший польский премьер-министр Л.Козловский.

17 апреля Геббельс записал в своем дневнике: «Катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях вызовет не одну "взрывную" волну. И мы используем его по всем правилам искусства. Те 10—12 тысяч польских офицеров, которые уже раз заплатили своей жизнью за истинный, может быть, грех — ибо они были поджигателями войны (Геббельс вновь эксплуатировал свою же провокацию 1 сентября 1939 г. — нападение на радиостанцию в Гливицах, использованное как повод развернуть военные действия против Польши. — *Авт.*), еще послужат нам для того, чтобы открыть народам Европы глаза на большевизм».

Спускающаяся в направлении русла Днепра поляна, на которой были выложены тысячи трупов в мундирах офицеров польской армии, производила ужасающее впечатление. Отснятые весной и летом фотокадры и сейчас потрясают воображение, не позволяют никому остаться равнодушным. Но мир настолько успел привыкнуть к сообщениям о терроре, зверствах и расправах гитлеровцев, что не сразу поверил сообщению Геббельса о катынском злодеянии как преступлении НКВД. Иностранные корреспонденты в Берлине отказывались давать сообщения в свои газеты до появления публикаций в немецкой прессе. Именно поэтому нацистам было необходимо абсолютное доказательство вины НКВД в содеянном. Они могли позволить себе выдвинуть лозунг «Нам нужна правда!» и добиваться полной гласности, будучи заинтересованными в том, чтобы идентификация была проведена. Материалы ее — списки опознанных — стали систематически печататься в пропагандистских целях в выходивших под немецким контролем изданиях.

Когда представители польской интеллигенции, подполья, организаций опеки, весьма недоверчиво воспринявшие немецкие пояс-

нения как пропаганду, заметили гильзы и пули германского производства, это не на шутку встревожило рейхсминистра, опасавшегося, что этот факт может поставить под сомнение всю антисоветскую акцию. Между тем находка объяснялась просто: коменданты из НКВД использовали импортное оружие и боеприпасы. Берлинское радио немедленно напомнило о поставках боеприпасов в СССР, Польшу и Прибалтику 1935—1936 гг. Между тем даже Муссолини не спешил запачкать легковерию репутацию Италии: Министерство народной культуры советовало журналистам не затрагивать катынскую тему и не откликаться на новые разоблачения.

Стремясь убедить мир в своей объективности и всемерно распространять утверждение, что «для поляков победа союзников является совершенно бесполезным делом» и «их существование в таком случае бесспорно ставится под сомнение»¹⁵⁵, лидеры Третьего рейха через нейтральные страны предложили польскому правительству указать эксперта, который мог бы контролировать работу международной комиссии экспертов. Гиммлер даже предлагал пригласить в Катынь через Испанию Сикорского, обеспечив ему все гарантии безопасности. Однако этому категорически воспротивился Риббентроп, отвергая любые контакты с польским правительством и поставив этот принцип выше интересов пропаганды¹⁵⁶. Геббельс и без этого видел огромные пропагандистские возможности катынской трагедии и требовал, чтобы любое комментирование документов и событий, связанных с Катынью, согласовывалось с ним. Он считал, что «дело протекает чрезвычайно счастливо для нас и может при случае повлечь за собой последствия, которые сейчас совершенно нельзя себе представить. Все это дело является не просто делом так называемой пропаганды ужасов, но оно развилось в государственную акцию высокой политики». Поэтому он настаивал: «Мы должны действовать с величайшим постоянством и, как репей, не отставать от противника»¹⁵⁷.

Проводимые с немецкой дотошностью эксгумационные работы были обставлены привлечением компетентных комиссий — немецкой во главе с известным специалистом профессором Г.Бутцем из Бреслау (Вроцлава) и международной комиссии представителей институтов судебной медицины и криминалистики. Последняя была составлена из видных ученых двенадцати стран: оккупированных или зависимых от Германии Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Италии, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии (из Праги и из Братиславы), Югославии (Хорватии), а также из Швейцарии. Значительную часть работ, в том числе по идентификации, проводила так называемая Техническая комиссия Польского Красного Креста, действия которой контролировали немцы.

Основным результатом эксгумационных работ стала публикация «Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни»¹⁵⁸, вскоре изданная практически на всех европейских языках и распространенная во всех оккупированных и союзных Германии странах.

Экспертиза первой польской делегации, установившей истину, но не сформулировавшей удобного немцам вывода о том, что пала-

чами жертв Катыни были русские¹⁵⁹, в эту публикацию не вошла. Члены международной комиссии, которую советская пропаганда, в свою очередь, пыталась дискредитировать как якобы исполнявшую заказ гитлеровцев, на деле отнюдь не были к этому склонны. Вынужденный подчиниться приказу Лавалля представитель Франции отказывался выезжать в Россию, в Берлине объявил себя только наблюдателем, в Катынском лесу сказался больным и не принял участия в экспертизе. Запрошенного Берлином итальянского представителя Муссолини, боясь подвоха или предвзятости, заменил на профессора Пальмиери из Неаполя. После войны его травили студенты-коммунисты и пресса Итальянской компартии. Профессор Невилль из нейтральной Швейцарии заявил, что не примет никакой оплаты за свои труды или компенсации расходов. После войны ему пришлось оправдываться в исполнении своего профессионального долга, а правительству кантона Женева — поручиться за его объективность и честность. Возбудивший дело против Невилля депутат того же кантона, представитель Партии труда Винсент приводил аргументы о коллаборации этого эксперта, очень похожие на советские. Сам напросился на поездку в Катынь только представитель Хорватии Милославич из Загреба. После 1945 г. под давлением из Москвы отказались от своих подписей под экспертизой Марков из Болгарии и Гайек из Праги. По сообщению В.К.Абаринова, венгерский эксперт профессор Ф.Оршош в 1947 г. явно под прессингом возложил вину за убийство польских офицеров на немцев, хотя именно он доказывал ранее обратное. Во всяком случае, в апреле 1952 г. во Франкфурте на вопрос представителя комиссии Конгресса США по исследованию фактов, доказательств и обстоятельств массового убийства в Катынском лесу (так называемой комиссией Р.Мэддена) Фуда Оршош ответил, что и «сегодня» он подписал бы протокол 1943 г. того же содержания. Однако он просил Фуда, чтобы его фамилия не появлялась в газетах, ибо это «могло бы повлиять на его нынешнюю ситуацию»¹⁶⁰.

Международная комиссия экспертов работала с 28 по 30 апреля 1943 г., поставив своей целью выяснение причин смерти, установление даты погребения и идентификацию останков, а условием работы — исключение какого-либо участия немцев. Бутц принял это условие. Не было официальных контактов и с комиссией Польского Красного Креста, прибывшей в Катынь почти одновременно, 29 апреля.

Международная комиссия осмотрела и изучила вынутые из захоронений 982 трупа, провела полное вскрытие девяти по своему выбору. Были допрошены свидетели, что облегчалось свободным владением русским языком двумя ее членами. Комиссия определила все существенные моменты: констатировала, что польские офицеры были убиты тем же способом, что и советские граждане из найденных там же советских могил (в Катынском лесу существует масса захоронений жертв сталинских репрессий). Смерть происходила как правило в результате одиночного выстрела из короткоствольного оружия в затылок пулей калибром менее 8 мм с близкого расстоя-

ния, о чем свидетельствовали следы пороха. Руки некоторых жертв были связаны. Имелись следы борьбы, ранений четырехгранным штыком русского типа. Жертвы были как в зимней, так и в летней одежде, уложены методично, штабелями. Только в могиле № 1 на 2500 жертв в верхнем слое был «беспорядок».

Датировка преступления проводилась главным образом с помощью найденных предметов, писем, фрагментов газет и т.п., относившихся ко времени с сентября 1939 г. по март—апрель 1940 г. Последняя установленная комиссией дата — 22 апреля. На основании состояния трупов временем расстрела были признаны март—апрель 1940 г. Особенно внимательно доказательства этого исследования профессор Оршош, изучая известковые отложения на черепе.

Г.Бутц считал корректнее более общую датировку — «весна 1940 г.». Впоследствии польская комиссия нашла в могиле № 8 фрагмент с датой «6 мая 1940 г.».

Разложение трупов привело к тому, что весь штабель был как бы облит сальной массой — жировоском, что препятствовало, наряду с особенностями почвы, проникновению воды (в могиле № 5 она была). В результате сохранились многие находившиеся в карманах убитых предметы, бумага и т.п. Комиссия констатировала достоверность находок, поскольку тела были «спаяны» друг с другом, так слипшись, что их трудно было отделять друг от друга, что-либо подложить в эту массу было невозможно. Заключение комиссии было сдержанным и вошло в официальную публикацию.

Польская техническая комиссия также пришла к выводу, что трупы ранее не переносились и их не трогали. Данная комиссия была создана после обращения властей генерал-губернаторства в Польский Красный Крест (ПКК) — одну из немногих польских организаций, сохранившихся с довоенного времени. Обнаружение жертв входило в его прямые обязанности. После консультаций с руководством подполья и была создана техническая комиссия из пяти человек во главе с членом Главного правления ПКК К.Скаржиньским. Они руководствовались необходимостью польского контроля за эксгумацией и получения информации из первых рук. Чтобы избежать обвинения в сотрудничестве с гитлеровцами, права и круг задач комиссии были ограничены эксгумацией, опознанием останков и их перезахоронением. Было решено подчеркнуто дистанцироваться от немцев, не садиться с ними за один стол, при фотографировании стоять обособленной группой.

Комиссия работала с 29 апреля по 3 июня 1943 г. Она эксгумировала полностью семь из восьми могил, восьмую — частично, обнаружила большинство вещественных доказательств. Один из ее членов, доктор Е.Водзиновский, проработавший от первого до последнего дня и ставший ее председателем, утверждал, что была обнаружена и девятая могила¹⁶¹. Письма и документы М.Водзиньского и отчет К.Скаржиньского проливают яркий свет на тяжкий, физически и особенно морально-психологически, труд, выпавший на долю комиссии, которой помогали в извлечении трупов около 160 советских военнопленных и нанятых местных жителей.

Польская комиссия опровергла утверждение гитлеровцев, якобы в Катыни было захоронено 12 тыс. жертв: из могил было извлечено 4143 трупа (по другим сведениям — 4241) из 4403, как теперь известно, там погребенных. Опознано из найденных с 29 марта по 3 июня останков 2815, из них 2730 — с полным обоснованием. Опознание велось по сохранившимся удостоверениям личности, разным справкам, в том числе о прививках, знакам различия, сберегательным книжкам, письмам, визиткам, фотографиям, медальонам. Было обнаружено 3184 различных предмета, в том числе имевшие особую ценность 22 дневника (копии 19-ти сохранились). Один из них — дневник майора А.Сольского — доведен до последних минут жизни автора¹⁶².

Вещественные доказательства помещались в отдельный конверт с тем же номером, что и на одеваемой на каждый труп бирке. Бдительно следившая за работой поляков немецкая охрана не давала им возможности тщательно изучить на месте добытые материалы. Только в Кракове, куда были доставлены девять больших ящиков с «вещдоками», удалось скопировать дневники и переслать их тексты в июне 1944 г. в Лондон.

Перед наступлением Красной Армии четырнадцать контейнеров с материалами увозили все дальше на запад и довозили до Бреслау, затем почти до Дрездена, где на небольшой железнодорожной станции сожгли, опасаясь захвата ценных улик приближавшимися советскими частями. Однако не все исчезло бесследно. В Кракове сохранились две копии протоколов с описанием вещественных доказательств (так называемый архив доктора Я.З.Робея и Ст.Соболевского). Были обнаружены и другие следы. Е.Водзиновский увез с собой образцы гильз, патронов, веревок, которыми связывались руки, тканевые препараты органов трупов и фотографии, хотя охрана пыталась их конфисковать. Некоторое количество вещественных доказательств (личные вещи расстрелянных, фотографии и письма, удостоверения и награды) оказались в краковской митрополичьей курии и были в 1952 г. конфискованы службой безопасности (в 90-е гг. эти материалы были переданы краковскому епископу и выставлены в Институте Иоанна Павла II).

Исследованные трупы были перезахоронены в шести новых могилах, отдельно — генералы Б.Бохатеревич и М.Сморавинский. Работы были прекращены по двум причинам: начиналась жара, и возникла опасность эпидемии, фронт же находился уже в 40—50 километрах. Оставляя нетронутой небольшую могилу, польская техническая комиссия надеялась к тому же, что в недалеком будущем она станет объектом исследования независимой международной комиссии.

Техническая комиссия отказалась указать в протоколах цифру 12.000, несмотря на угрозу физической расправы над Водзиновским. Польские эксперты настаивали на том, что в катынских могилах лежат узники только Козельского лагеря. Теперь данными эксгумаций, документами архивов и расстрельными списками доказано, что это именно так, что именно в Катынском лесу лежит зна-

чительная часть цвета польской интеллигенции: двадцать профессоров, триста врачей, по несколько сотен учителей и инженеров, более ста литераторов и журналистов и многие другие специалисты высокой квалификации, одевшие в минуту войны шинели и мундиры.

Это было первое обнаруженное место массового уничтожения военнопленных органами НКВД. Другие их захоронения в то время еще не были открыты, общие масштабы истребления польских пленнх определены не были. Командование Армии Крайовой и делегатура правительства в стране, узнавшие о расстрелах в Катынском лесу еще на рубеже 1941—1942 гг., приняли новую информацию без каких-либо сомнений; расценили результаты работы комиссий как достоверные: «Их отчет не позволяет сомневаться в подлинности этого массового убийства». Вместе с тем для них была очевидна политическая подоплека начатой гитлеровцами кампании, и они констатировали, что нацистская пропаганда стремится настроить поляков «против Советов, союзников и польского правительства». Сообщение о катынском злодеянии, отмечало подполье, не должно заставить польское население забыть о терроре гитлеровцев: «Оно одновременно указывает на аналогичные немецкие убийства»¹⁶³.

Хотя подпольная печать и расширила публикацию разоблачительных статей о преступлении НКВД, определяющий политический акцент был введен «Заявлением» главы делегатуры — представителя правительства в стране. В нем указывалось, что большинство народа считает врагом № 1 гитлеровскую Германию — «врагом самы грозным, самым близким и непосредственным», и именно с ней поляки должны были остаться «в состоянии бескомпромиссной борьбы вплоть до победы»¹⁶⁴.

Геббельсу пришлось признать отсутствие столь желаемого антисоветского резонанса катынского преступления в Польше: «Очевидно, что наша пропаганда там провалилась, так как польскому движению сопротивления в конце концов удалось его использовать против нас»¹⁶⁵.

Основная политическая и дипломатическая борьба вокруг Катыни разгорелась за пределами Польши.

Поступление в Лондон информации о впечатлениях от посещения катынских могил группы с участием писателя Ф.Гетеля совпало по техническим причинам с выступлением Геббельса по радио, а 14 апреля в офицозе «Новый курьер варшавский» началась публикация списка жертв с соответствующими комментариями. Это вызвало полный шок и всеобщее возмущение.

15 апреля Сикорский был у Черчилля. Стремясь ослабить охватившее польского премьера отчаяние и рационализировать восприятие невосполнимой потери друзей и соратников, надежды страны на освобождение, Черчилль внушал ему: «Если их нет в живых, то вы уже не можете вернуть их к жизни; не поддавайтесь на провокацию — немецкая пропаганда пытается посеять рознь между союзниками». Он требовал не провоцировать Москву, признавая, что «большевики могут быть очень жестоки, однако в этом их сила, а

она служит делу союзников, уничтожая немецкую силу». Британский премьер утверждал: не в интересах союзников, чтобы поляки заходили в претензиях к Сталину очень далеко. Он обещал поддержку в борьбе за независимость, пересмотр польских границ на востоке и западе с компенсацией за счет Германии¹⁶⁶.

Для Сталина Катынское дело стало чрезвычайно неприятной неожиданностью. Коварный замысел сохранить в тайне «ликвидацию» командных кадров польской армии не удался. Позднее разоблачение состоялось, хотя было предпринято все возможное, чтобы не допустить этого.

Уже 15 апреля начали применяться интенсивные меры по созданию мощной дымовой завесы дезинформации. Московское радио, сообщая о страшной находке под Смоленском, перекладывало вину на гитлеровцев. Эта же версия была опубликована в «Известиях» 16 апреля. Советское информбюро назвало выступление Геббельса «гнусной клеветой», «чудовищной выдумкой» и «подлой ложью», формулируя основные положения мифа, который на длинный ряд лет взяла на вооружение сталинская пропаганда. Виновниками расстрела были объявлены немцы, в руки которых летом 1941 г. после отхода советских войск из района Смоленска якобы попали «бывшие польские военнопленные», будто бы занятые на строительных работах. Заявлялось, что теперь именно «гитлеровские сих дел мастера пускаются на самую грубую подделку и подтасовку фактов, распространяя клеветнические вымыслы о каких-то советских зверствах весной 1940 г. и стараясь таким образом отвести от себя ответственность за совершенные гитлеровцами зверские преступления». Апеллируя к чувствам справедливого возмущения советских людей, сообщение сулило, что «гитлеровские убийцы не уйдут от справедливого и неминуемого возмездия за свои кровавые преступления»¹⁶⁷. Наряду с версией о мифических лагерях и строительных работах, создавая пелену информационного шума, появилась нелепая версия об идентификации катынских могил 1940 г. с археологическими раскопками могильников в районе станции Гнездово, на которую приходили эшелоны с пленными. Эти «утки» немедленно обыграла в свою пользу геббельсовская пропаганда, со знанием дела препарируя их в своих целях.

Представитель советского посольства в Лондоне в соответствии с инструкцией Кремля обратился к бывшему послу, а ныне министру информации профессору С.Коту с настоятельным пожеланием, чтобы польское правительство опубликовало заявление, что катынское злодеяние — дело рук гитлеровцев¹⁶⁸. Реакцией на вполне понятный и ожидаемый в Кремле отказ стала яростная кампания советской прессы под лозунгом «Польские сотрудники Гитлера», энергично внедрявшая в сознание советских людей стереотип польско-германского сговора. В качестве одного из главных аргументов использовалось якобы совместное обращение Польши и Германии в Международный комитет Красного Креста (МККК). Это позволяло закамуфлировать идеологический отказ СССР от обращения в эту международную организацию, за которым естественно последо-

вало бы желание установить истину при помощи названной организации.

Собственно, решение обратиться с этой целью в МККК было принято на заседании польского правительства 17 апреля. В его заявлении говорилось, что гитлеровцы ежедневно совершают кровавые расправы над польским населением, «поэтому польское правительство от имени польского народа отказывает Германии в праве черпать аргументы для собственной защиты из преступления, которое они сваливают на других»¹⁶⁹. Вместе с тем кабинет Сикорского, вопреки советам Черчилля, поручал своему представителю обратиться в МККК в Швейцарии с просьбой выслать в Катынь комиссию, которая провела бы расследование.

Узнав из сообщения Би-Би-Си об этом намерении польского правительства, гитлеровские власти поторопились опередить поляков и представить в МККК такую же просьбу. Получилось нечто вроде польско-немецкого демарша.

Вручение польской ноты советскому послу А.Е.Богомолу 20 апреля задержалось по техническим причинам на три дня, из-за чего получилось, что Польша сначала вместе с Германией обратилась в МККК, а только затем к СССР. В ноте говорилось: «Польское правительство... совершенно независимо от недавних разоблачений, сделанных Германией, никогда не считало дело пропавших без вести офицеров закрытым. [...] Несмотря на многократные просьбы, польское правительство никогда не получало ни списков пленных, ни разъяснений, где находятся пропавшие офицеры и другие пленные, вывезенные из других лагерей... Общественное мнение в Польше и во всем мире было потрясено, и не без основания, тем, что лишь малозначительные факты были противопоставлены многочисленным и подробным заявлениям Германии в отношении обнаружения тел многих тысяч польских офицеров, казненных недалеко от Смоленска весной 1940 г.». Польское правительство требовало «предоставить подробные и точные данные о судьбе военнопленных и гражданских лиц»¹⁷⁰. Перед лицом такой перспективы — раскрытия всей подноготной преступления — Сталин в послании Черчиллю 21 апреля заявил о якобы имевшем место сговоре Гитлера и Сикорского и прекращении последним союзных отношений с СССР, из чего делал вывод о «перерыве отношений с этим правительством»¹⁷¹. Тем самым использовался испытанный прием перекалывания своей вины на другого и делалась попытка обезопасить себя от грозящего разоблачения, воспользовавшись военной конъюнктурой. Польское правительство оказывалось в ловушке.

В тот же день состоялось его заседание.

Красный Крест не взялся за организацию расследования катынского преступления, поскольку по этому вопросу не было согласия всех заинтересованных сторон. Об отказе СССР ему стало известно из конфиденциального разговора с советским представителем в Швейцарии. Статус МККК был таков, что в вопросах, имеющих политическую подоплеку, он не мог начать расследование по собст-

венной инициативе, но самое большое мог участвовать в комиссии по расследованию, если бы все заинтересованные стороны обратились к нему с соответствующей просьбой. В таком случае МККК отбирал — не из своего состава — квалифицированных специалистов, которые бы вошли в такую комиссию. Но он не мог выступать в качестве организации, производящей подобное расследование, поскольку такое действие является первой стадией судебного разбирательства, которое не входит в его компетенцию.

Подобных дел в практике МККК было три: итало-абиссинский конфликт 1936 г., в 1943 г. — катынское злодеяние, а в 1952 г. — применение бактериологического оружия в Корейской войне. В двух последних случаях не было согласия всех сторон, в первом — война закончилась раньше, чем эксперты приступили к расследованию¹⁷². Позиция Красного Креста, собственно, и подвигла Гитлера и Геббельса на созыв международной комиссии экспертов-криминалистов.

Английское руководство не находило лучшего выхода, чем склонять генерала Сикорского выполнить предъявленные советским правительством требования. Э.-Р.Иден, подобно Черчиллю, сделал вид, что поверил советским декларациям, и заявил в палате общин, что британское правительство не верит немцам. Он рассуждал о цинизме, с каким нацистские убийцы используют историю о массовом преступлении в Катыни для того, чтобы нарушить единство союзников. Министр уверял, что правительство его величества делает все возможное, чтобы убедить как поляков, так и русских не позволять этим германским маневрам достичь хотя бы видимости успеха. Оно не может оттолкнуть такого сильного союзника, как СССР.

Аналогично поступил и Госдепартамент США. Президент Ф.-Д.Рузвельт также считал, что следует скрыть истину, запретив публиковать разоблачавший документ, «чтобы не подорвать престижа союзного государства во время войны»¹⁷³. Продолжала занимать осторожную позицию Италия, правительство которой не очень интересовала суть проблемы. Когда ситуация прояснилась, агентство «Стефани» опубликовало коммюнике антисоветской направленности. В дальнейшем итальянское руководство было занято лишь проблемой раскола единства противников.

Союзники усилили давление на польское правительство, стараясь затушевать Катынское дело. После писем Сталина к Черчиллю и Рузвельту с обвинением в «ненормальности» поведения этого правительства и угрозой разрыва отношений с ним, 24 апреля Иден по поручению премьера просил Сикорского во имя «добра общего дела» и блага польского населения в СССР отозвать обращение в МККК, а также сделать заявление, что это всего лишь вымысел гитлеровской пропаганды. Иначе плохо будет самой Польше, которая оказалась в тупике.

Сикорский не принимал это требование и стоял на своем, полагая и доказывая, что в тупике оказалась Россия и если на ее стороне — сила, то на польской — правота. Это не снимало проблемы.

Союзники оберегали свои отношения с Советским Союзом и предпочитали продемонстрировать хорошую мину при плохой игре.

В тот же день, 24 апреля, Черчилль направил Сталину послание, в котором писал: «Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо "расследованию" Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания»¹⁷⁴. Одновременно он защищал польского премьера и настаивал на сохранении советско-польских отношений, призывая отказаться от их разрыва. Однако Сталин уже решил прекратить разыгрывать партию с польским правительством в эмиграции и «дожимал» в этом направлении союзников.

Под натиском Черчилля и Рузвельта Сикорский согласился не форсировать давление на МККК и наложить узду на польскую прессу — при условии, что союзники помогут эвакуировать из СССР отставших от армии Андерса бесспорных польских граждан, членов семей, детей и сирот, а также осуществлять опеку над остающимися. Однако даже подобная уступка не гарантировала от возврата к проблеме разоблачений в дальнейшем: сосуд Пандоры открылся. Поэтому Сталин был неумолим.

В 0 часов 15 минут 26 апреля послу Т.Ромеру была вручена советская нота с датой 25 апреля 1943 г. Она была расширенным вариантом сообщения Совинформбюро и послания Сталина Черчиллю от 21 апреля. Виновником разрыва объявлялось польское правительство, «поведение» которого «нарушает все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств». В ноте причиной разрыва называлась разнервнутая вокруг расстрела польских пленных (в котором советские представители продолжали обвинять Германию) якобы «враждебная СССР клеветническая кампания», в которой усматривался сговор польского правительства с гитлеровским руководством. Побочными факторами разрыва объявлялись «нежелание обратиться за разъяснениями к СССР» (а ведь в Москву уже поступили 42 обращения: меморандумы, записки и ноты относительно пропажи пленных офицеров и депортаций) и запрос в МККК.

Обозначая переход в дальнейшее наступление и углубление разрыва, нота задевала и другой коренной узел противоречий: польское правительство обвинялось в преднамеренном использовании «гитлеровской фальшивки» для «нажима на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов» Украины, Белоруссии и Литвы¹⁷⁵.

В.Сикорский на заседании правительства 28 апреля признал, что министр Л.Гроссфельд был прав, считая обращение в Красный Крест «большой ошибкой». Он поставил на голосование отредактированный Черчиллем и Иденом текст ответа на советскую ноту, в котором самое острое выражение звучало как оправдание от имени польского народа и правительства, которым «нет надобности защи-

щаться от обвинения в контакте или соглашении с Гитлером». Нота польского правительства заканчивалась требованием сохранения территориального статус-кво (спровоцированным советской нотой), а также защиты польского населения и верности общему делу объединенных наций¹⁷⁶. Главы посольств и миссий были проинформированы, что заявление до последней буквы было согласовано с Черчиллем и Иденом и на его основе составлено послание Черчилля Сталину от 30 апреля (в шифровке МИД Польши была указана дата 28 апреля). Послы ставились в известность, что правительство, последовательно отстаивая польские права и позиции, не намерено совершать какие-либо шаги, которые можно было бы интерпретировать как угрозу солидарности союзных держав, а также и впредь согласовывать все действия с британскими союзниками.

Под давлением посла США при польском правительстве Э.Дрексл-Биддла Сикорский был вынужден опубликовать заявление об отзыве польского обращения в МККК. Союзники принимали все меры, чтобы ограничить политический резонанс раскрытия мрачной тайны катынского злодеяния, способного подорвать антигитлеровскую коалицию. Черчилль писал Рузвельту: «Нам нужно выступать сообща, чтобы уладить это разногласие. До сих пор Геббельс делал из него шоу». Посылая Рузвельту польские материалы, он старался уверить президента, что ему наконец удалось убедить поляков «перенести спор с мертвых на живых и с прошлого на будущее»¹⁷⁷.

Раскрытое злодеяние в отношении польских пленных не могло не нанести ущерб делу антигитлеровской борьбы, дав в руки нацистов важные козыри и породив трения между союзниками, осложнив взаимоотношения. Черчилль выразил Сталину свое «разочарование» по поводу разрыва отношений с поляками. Он подчеркнул, что «это дело было триумфом Геббельса», и предостерег от каких-либо шагов в сторону создания альтернативных польских властей, как неприемлемых для Запада, — они не будут признаны. Таким образом, он прозорливо предвидел логику дальнейших шагов Сталина. Последний с особым пристрастием контролировал переписку по польскому вопросу (в отношениях с союзниками польский вопрос был вторым по чувствительности после вопроса второго фронта). Западные союзники не стремились к обнародованию истины. После победы под Курском позиции Сталина еще более укрепились, сила и мощь советской армии были нужны союзникам. Американское руководство, как и британское, и даже в большей степени, не было склонно доводить до конца Катынское дело. Сталин ловко использовал это, а конфликт вокруг Катыни лег несмываемым пятном на польское правительство. Сталин предложил Рузвельту такую интерпретацию событий: «Следовательно, здесь нет почвы для соглашения, ибо точка зрения нынешнего Польского правительства, как видно, исключает возможность соглашения»¹⁷⁸.

Возникшим в межсоюзнических отношениях «польским вопросом» занимались все конференции глав великих держав, а Сталину пришлось постоянно прилагать немалые усилия, чтобы добиваться

решений в пользу осуществления своих замыслов. Он неуклонно продолжал делать задуманное, хотя соблюдал видимость учета пожеланий союзников. В Москве появился Союз польских патриотов, тайно действовало Центральное бюро коммунистов Польши, прокладывались пути реализации концепции Польского национального комитета. Началось формирование еще одной, на этот раз состоящей из «правильно политически мыслящих» и воспитанных в Красной Армии людей, — польской дивизии с неизменным З.Берлингом во главе.

Осенью 1943 г. ситуация осложнилась: Катынь вновь становилась взрывоопасной. 25 сентября был освобожден Смоленск, и Катынь неминуемо должна привлечь внимание «своих» поляков, которые приняли на веру сталинскую версию истории гибели польских военнопленных. Одной из наступающих частей было приказано соблюдать осторожность при подходе к Катынскому лесу и немедленно взять регион под контроль и «охрану».

Вскоре немецкая авиаразведка засняла земляные работы в прифронтовом Катынском лесу. На кадрах аэрофотосъемки было видно, что уничтожались шесть перезахоронений и создавались два новых. Видимо, их информативное содержимое «стерилизовалось». Предвидя это, Геббельс написал: «...после освобождения Смоленска Советы несомненно будут стремиться... свалить на нас свою вину»¹⁷⁹.

Судьбы вольных или невольных свидетелей катынского злодеяния и эксгумации в 1943 г. складывались хотя и по-разному, но как правило с трагическим уклоном. Из членов технической комиссии ПКК трое погибли, не дожив до освобождения, Г.Бутц попал под бомбежку. Спасаясь от преследования НКВД и органов польской государственной безопасности, эмигрировали Ф.Гетель, К.Скаржиньский, Е.Водзиновский и другие, не изменившие показаний русские свидетели расстрелов умерли в Великобритании при невыясненных обстоятельствах. Сотрудники Краковского института судебной медицины и криминалистики, соприкасавшиеся с катынскими документами, были после изгнания из Польши оккупантов арестованы. Поток репрессий не иссяк и позже, стирая память о Катыни нередко вместе с жизнями. Об этом будет речь в следующих главах.

Здесь же нельзя обойти вопрос о судьбе генерала В.Сикорского, сотрудничество с которым Черчилль весьма ценил и считал очень полезным. Он писал Сталину, передавая просьбу польского правительства о переводе в Иран оставшихся военнослужащих и их иждивенцев: «...мы продолжили бы наши отношения с Сикорским, который является самым полезным человеком, которого Вы или мы могли найти для целей нашего общего дела. Я рассчитываю, что такой же будет и американская точка зрения»¹⁸⁰. Однако Сталин понимал тесную связь имени Сикорского со значимым для поляков Катынским делом и то, что полностью изъять его из памяти большого социального слоя не удастся. Если продолжать задуманную социалистическую перестройку Польши, то эту память можно про-

должить вырубать вместе с этим слоем, одновременно освобождаясь от него естественным путем в ходе ожесточенных боев и искусственным — задержав остатки частей поляков в эмиграции.

Гибель Сикорского в авиакатастрофе во многом остается загадкой до сих пор, хотя она традиционно увязывается с решением судеб Польши и Катынским делом.

Очевидно, что самостоятельное, непокорное польское правительство было Сталину не нужно. Еще 4 мая 1943 г. он жестко заявил Черчиллю, что «нынешнее польское правительство не имеет шансов вернуться в Польшу и стать у власти»¹⁸¹.

Летом Сикорский предпринимал решительные шаги, чтобы преодолеть возникший в армии конфликт, и, посетив Ближний Восток, добился в этом значительных успехов. Возвращаясь из поездки, он намеревался затем лететь в Москву, ибо Польша входила в сферу операций советских войск и он хотел достичь соглашения со сталинским руководством. Более того, он открыто заявил о согласии на переговоры с Польской рабочей партией (ППР) и включение ее в состав правительства. В свою очередь, ППР заявляла о намерении предоставить Сикорскому пост премьер-министра в будущем правительстве Польши. Это создало бы совершенно новую расстановку сил, чем та, которая вырисовывалась по мере реализации сталинских планов. К 5 июля формируемая первая польская дивизия имени Т.Костюшки уже насчитывала почти 14,5 тыс. человек, хотя по-прежнему испытывала самые большие трудности с офицерскими кадрами. Прошел съезд Союза польских патриотов в СССР. Как этот Союз, так и Центральное бюро коммунистов Польши в Москве беспрекословно приняли сталинскую «польскую концепцию», в том числе «официальную версию» катынского преступления и резкую критику правительства Сикорского. Генерал же, по сообщению журналиста К.Прушиньского, 2 июля говорил о необходимости осуществить принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши. Это было очевидным результатом давления союзников.

Именно в этой ситуации, чреватой существенным изменением перспектив в развитии советско-польских отношений, 4 июля самолет, на котором польский премьер возвращался в Лондон, через минуту после взлета с аэродрома в Гибралтаре, не набирая высоты, упал в море. Среди различных версий аварии — диверсии, перемещения незакрепленного багажа и других — одна из расследовавших катастрофу комиссий назвала заклинивание руля высоты. Это представлялось маловероятным. Строились различные догадки. Во время предшествующего расследования неудачного покушения на жизнь Сикорского англо-американская комиссия возложила ответственность на германскую разведку. На этот раз немцы приписывали диверсию англичанам, громко звучали предположения, что его убрали по указке Сталина из-за скандала вокруг Катыни. Сталин же поддерживал контрверсию, отводящую от него подозрения: Черчиллю-де надоела несговорчивость поляков, осложнявшая регулирова-

ние отношений в антигитлеровской коалиции в желательном для него направлении. В тот момент просматривалось скорее обратное. К тому же Черчилль зарыдал, услышав о гибели Сикорского. Организация покушения могла быть результатом и конфликтной ситуации в польской армии (которую он только что разрядил) и открытых противоречий в правительстве. Все эти факторы могли сыграть свою роль, и вполне возможно, что так и было. Пока никакие спецслужбы не открывали полностью материалы, относящиеся к катастрофе в Гибралтаре, поэтому точно установить, кто был инициатором, как диверсия была организована, кто был дирижером, а кто исполнителем, не представляется возможным.

Однако все очевиднее становятся как общий международный политический контекст гибели Сикорского, так и ее существенные детали. Установлено, что, кроме пилота, спасся кто-то из пассажиров, успевший пробежать по крылу после приводнения самолета. Не найдены пять человек. Известно, что самолет плохо и нерегулярно охранялся. В тот же день на том же аэродроме приземлялся самолет советского посла И.М.Майского. Аэродром же входил в сферу ведения К.Филби, о котором стало известно, что он тщательно следил за перемещениями польского премьер-министра и передавал в Москву детальные сведения¹⁸².

Относительно недавно в связи с продолжением расследования — на этот раз журналистского — было установлено, что английские архивы по-прежнему изымают соответствующую информацию о гибели Сикорского. Но в Великобритании был найден один из бывших польских военнослужащих, который рассказал, что в предсмертной исповеди его коллега, сторонник противника Сикорского генерала К.Сосновского, признался, что он приложил руку к гибели премьера¹⁸³. Известно, что он конкретно сделал. Теоретически возможно, что во время двухчасовой безнадзорности самолета он включил автопилот и заблокировал рули высоты, не позволив тем самым самолету подняться. Установить подлинную причину катастрофы, возможно, помогут налаживающие сейчас сотрудничество польские и британские архивные службы.

Тело Сикорского было доставлено в Англию и предано земле на кладбище польских летчиков в Ньюарке. Ныне оно покоится в Польше, на королевском Вавеле в Кракове.

В польском правительстве в Лондоне не было другого столь же авторитетного деятеля, какой был бы способен продолжить конструктивную линию генерала Сикорского, смягчить нагромоздившиеся противоречия, ставшие, что сразу подметил де Голль, после гибели символа единства нации острыми и открытыми конфликтами в советско-польских отношениях. На международной арене Сикорский был одним из главных актеров, ценимых за верность принципам парламентской демократии и преданность антигитлеровской коалиции. Выдающийся политик и военный в одном лице, он очень высоко оценивал роль СССР в войне. Гарриман считал Сикорского единственным польским лидером, способным вести переговоры со Сталиным (и полагавшим, что при помощи Черчилля и Рузвельта

удастся прийти к соглашению с советским вождем даже после Катыни). Сталину же, в чем историки согласны с современниками событий, было бы значительно труднее разыгрывать с ним в своем ключе польскую карту на финише Второй мировой войны и старте послевоенного мира¹⁸⁴.

Сталина подстегивала угроза разоблачения всей авантюры со сговором с Гитлером в отношении раздела Польши, с секретными и доверительными протоколами, положенными в основу попытки ликвидировать Польское государство и его армию, тягчайшим наследием чего и стало уничтожение более 22 тыс. узников тюрем и лагерей Козельска, Старобельска и Осташкова, и не только... Это поставило бы Советский Союз в весьма двусмысленное положение пособника и соучастника развертывания Второй мировой войны, виновника актов геноцида, резко понижая его статус в антигитлеровской коалиции. Правда, союзники этого отнюдь не желали.

Резюмируя итоги Катынского дела, У.Черчилль вполне откровенно написал в мемуарах: «Заинтересованные правительства-победители решили, что этот вопрос должен быть обойден, и катынское преступление никогда не было тщательно изучено»¹⁸⁵. Это помогло Сталину создать видимость официального расследования захоронений в Катынском лесу на основании подготовленных НКВД материалов в присутствии авторитетных общественных деятелей, введенных в «Специальную комиссию по расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». Ей было не рекомендовано искать следы прошлой экзгумации и полемизировать с ее результатами. Комиссия исследовала всего 925 уже извлеченных из захоронения трупов, заявила о некомпетентности предшественников, опросила около 60 подготовленных свидетелей, якобы обнаружила несколько документов, опровергавших вывод о вине НКВД в расстреле польских военнопленных, а количество жертв завысила.

Собственно, уже освобождение Смоленска 25 августа 1943 г. было для советского руководства сигналом для срочного принятия мер по сокрытию любых доказательств факта убийства польских военнопленных в Катынском лесу, по заметанию следов действий НКВД и в Катыни, и в других местах массовых расстрелов поляков, по организации масштабной фальсификации обстоятельств преступления, подтасовывания вещественных доказательств и придания правдоподобия представленной мировому общественному мнению в апреле 1943 г. версии расстрела польских пленных немцами.

«Органами» была принята целая серия мер, чтобы немедленно уничтожить в Катынском лесу любые свидетельства акций НКВД, которые продолжали будоражить польское общественное мнение и неминуемо стали бы объектом внимания нового польского руководства. Место захоронения не только было вновь изолировано, но скоро стало фронтом интенсивных земляных работ с участием зачисленных в органы по комсомольскому призыву молодежных активистов. Хранящиеся в американском архивохранилище трофей-

ные материалы аэрофотосъемки, проводимой облетающими прифронтовую полосу немецкими самолетами, достаточно четко свидетельствуют о вскрытии могил и перенесении захоронений по другую сторону дороги и т.д.

В последние месяцы 1943 г. и первую декаду 1944 г. информации об этом практически не просачивалось, хотя некоторые операции за пределами Козьих гор не оказались не замеченными. Так, например, дежурившая в Институте судебной медицины в январе 1944 г. Г.И.Ильина (урожденная Малянтович) рассказала А.Антонову-Овсенко, как из прибывших колонной крытых грузовиков в Институт занесли странные, отнюдь не напоминавшие гробы, квадратные, треугольные и ромбовидные ящики. Однако в них оказались тела расстрелянных польских военных. Через день, после тайных манипуляций с ними, машины со зловещим грузом отправились дальше¹⁸⁶.

Не были ли эти трупы из числа тех, которые к моменту прибытия членов комиссии Бурденко уже лежали по краям могил, а во время приезда иностранных журналистов привлекли их внимание, в частности, тем, что были одеты в солдатскую форму (в материалах предыдущей эксгумации отмечалось, что солдат среди расстрелянных было очень мало), а также хорошей сохранностью обуви, что исключало версию о якобы использовании военнопленных немцами на тяжелых дорожно-строительных работах? Кстати, само предъявление членам комиссии раскрытых, ранее подготовленных могил противоречило элементарным нормам проведения эксгумации. Нельзя не обратить внимание и на то, что проводить широкие земляные работы в морозном январе 1943 г. было практически невозможно.

26 января в «Известиях» внезапно появилась публикация с информацией о работе и общих выводах Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров¹⁸⁷. Через некоторое время в виде брошюры было опубликовано обширное сообщение этой комиссии¹⁸⁸, которое было призвано придать делу вид законного и объективного расследования, нейтрализовать обвинение в адрес НКВД.

В «Известиях» отсутствовали данные о времени создания и работы этой комиссии, выводы соотносились с материалами, «находившимися в ее распоряжении». Сообщение же утверждало, якобы Н.Бурденко, его сотрудники и судебно-медицинские эксперты провели предварительное расследование в Катынском лесу сразу после освобождения Смоленска. Была создана легенда о расстреле польских военнопленных гитлеровцами в 1941 г., которую позже заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М.Фалин в записке в Политбюро от 6 марта 1989 г. назвал «нашей официальной версией»¹⁸⁹.

«С неопровержимой ясностью» в сообщении утверждалось, будто бы польские военнопленные до прихода немцев находились в трех лагерях западнее Смоленска, использовались на дорожно-стро-

ительных работах и были расстреляны осенью 1941 г. «по директиве германского верховного командования» «штабом 537 строительного батальона», во главе которого якобы стоял «обер-лейтенант Арнес». Утверждалось, что немецкие власти в провокационных целях старались приписать свои злодеяния органам советской власти, выбивая ложные показания из свидетелей или уничтожая их, запугивая население. Видимо, с целью создания правдоподобной версии появления в месте эксгумации более «свежих», относящихся к периоду после 1940 г. солдатских трупов, а также впечатления о больших масштабах захоронения в «общие выводы» был вписан пункт, гласивший, что немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили и складывали в могилы трупы военнопленных из других мест с расчетом «скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число жертв большевистских зверств» в Катынском лесу¹⁹⁰.

За подписью членов комиссии сообщалось, что судебно-медицинская экспертиза «с несомненностью» установила время расстрела, который якобы имел место осенью 1941 г. (в сообщении и во время Нюрнбергского процесса по этому поводу возникли, а точнее, обнаружились разночтения). Способ расстрела методом выстрела в затылок был приписан исключительно гитлеровцам. Утверждалось, что якобы свидетельские показания и данные судебно-медицинской экспертизы полностью подтверждались вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил. Однако результаты работы комиссии вскоре, в Нюрнберге, были поставлены под сомнение, не выдержав первой же проверки.

На деле отнюдь не в сентябре 1943 г., а 12 января 1944 г. постановлением Чрезвычайной государственной комиссии под руководством ее члена Н.Н.Бурденко была создана «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». Для престижности в нее были введены известный писатель академик А.Н.Толстой, митрополит Киевский и Галицкий Николай, председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А.Гундоров, председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С.А.Колесников, нарком просвещения РСФСР академик В.П.Потемкин и др. Таким образом, комиссия не имела достаточной квалификации для проведения следственных действий и вынесения правового вердикта. 13 января, на первом заседании, с информационным, а на деле инструктивным докладом выступил замнаркома внутренних дел С.Н.Круглов. В частности, он не только назвал свидетелей, но и изложил содержание их «показаний». Задавая тональность работе комиссии, Круглов утверждал, что все собранные в ходе предварительного следствия материалы «с неопровержимой ясностью» подтверждают (якобы таково мнение Чрезвычайной государственной комиссии), что Катынское дело — «одно из многочисленных зверств, совершенных немцами в Смоленске», что польские военнопленные расстреляны немцами и «это безусловно так». Эта директива предопределила результаты работы комиссии, характер и содержание ее итоговых до-

кументов. Все было организовано так, чтобы действия комиссии остались формальными, поверхностными, сохраняя лишь правдоподобие обстоятельного расследования. На это явно нацеливало однозначное указание Круглова: «...четыре дня, примерно, хватит комиссии для того, чтобы в Смоленске заслушать достаточное число свидетелей, изучить собранные материалы, несколько раз побывать на могиле, посмотреть трупы, заслушать предварительный итог судебно-медицинских экспертов»¹⁹¹.

16 января Бурденко со товарищи в сопровождении съемочной группы вслед за медиками выехали в Смоленск. По прибытии на место 18-го комиссия заседала, на этот раз не только с участием Круглова, но и наркома госбезопасности В.Н.Меркулова, которые «докладывали» об уже проведенных мероприятиях. Они оба подписали в тот день совершенно секретную справку «о предварительном расследовании так называемого "Катынского дела"» (а затем поставили свои подписи под «Дополнением» к ней). На эту справку и опирались в работе с пребывающими в полном неведении членами комиссии, которым предстояло лишь проштамповать уже отработанную версию событий. Однако они собирались «получить подробную карту окрестностей Катынского леса для нанесения на ней могил, дачи, пионерлагеря, места работ польских офицеров, их лагерей и т.д.» Толстой считал главным найти подтверждение того, что поляки были живы еще в 1941 г. Академик Потемкин был настроен вскрывать могилы до последнего трупа. Члены комиссии отдавали себе отчет а том, что надо определить количество жертв¹⁹². Но все это не входило в планы организаторов, так как поставило бы под сомнение предлагаемую версию использования военнопленных на дорожных работах до прихода немцев (или дольше) и их размещения в трех лагерях «особого назначения» (ОН), которая снимала вину с органов НКВД. Члены комиссии намеревались продолжать и опознания жертв. Естественно, НКВД списками расстрелянных располагал, а обнародование новых данных подтвердило бы, что в Катынском лесу захоронены лишь узники Козельского лагеря. Интерес был в том, чтобы «увеличить» число жертв в этом месте, отведя подозрение в наличии других захоронений пленных (тем более, что в Осташкове немцев вообще не было). Поэтому находившиеся на трупах жетоны с номерами — результат предыдущей идентификации во время эксгумации весной 1943 г. — были полностью проигнорированы. Бурденко получил располагающую к этому директиву от Н.М.Шверника: «Николай Нилович! Посылаю Вам для ознакомления документ Германская фальшивка о "Катынских убийствах" (так в тексте. — *Авт.*).

При составлении акта полемизировать по поводу этого документа не надо»¹⁹³.

Но в то же время предложенная логика расследования явно диктовалась стремлением опровергать положения «Официального материала». Бурденко посчитал наиболее важным заняться исследованием способа убийства, распиливанием черепов и вскрытием внутренних полостей трупов, составлением коллекции черепов, которая

затем была упакована в четыре фанерных ящика и отправлена в его институт. Способ расстрела изображался как чисто немецкий. Но, собственно, выстрел в упор, в затылок, таковым никогда не был.

Если в «Официальном материале» говорилось, что руки жертв связаны таким же образом, как у советских граждан, ранее похороненных в Катынском лесу, то в ответ утверждалось, что веревки были немецкие. Были проигнорированы травмы, нанесенные советским четырехгранным штыком. Особый упор был сделан на калибр пуль — на использование немецкого огнестрельного оружия. А между тем, как известно, оно закупалось у немцев и использовалось в СССР.

Если в 1943 г. эксгумация велась 67 дней, то на этот раз строго соблюдалась установка на ускорение работ. Увеличилось число экспертов, был повышен темп за счет дополнительного привлечения фронтовых хирургов, чтобы довести количество осмотренных трупов до возможного максимума. Согласно акту, работы велись с 16 по 23 января. Была зафиксирована цифра вскрытий — 925, а после отъезда комиссии доведена до 1.380. Оснований для подтверждения нахождения в могилах 11 тыс. человек не было. Новые могилы не вскрывались. Была дана лишь общая локализация участка захоронения. Уже 20 января Н.Н.Бурденко предложил систематизировать свидетельские показания, обработать вещественные доказательства и обобщить материал. Большинство свидетелей (а их «допрашивали», то есть заслушивали, коллективно) давали косвенные показания, ссылались на слухи. Убедительного подтверждения пребывания поляков в этой местности после прихода немцев не получалось. Тем не менее для обеспечения необходимого международного резонанса решено было посчитать, что комиссия сделала свое дело.

Между Бурденко и Меркуловым произошел накануне пресс-конференции весьма знаменательный обмен записками. Бурденко советовался, кто из членов комиссии способен давать «наиболее удовлетворительные ответы» на вопросы западных корреспондентов, «на которые ввиду незаконченности работ трудно отвечать». Сам он полагал, что наиболее подходящей кандидатурой был бы председатель Исполкома Совета обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников, как человек, который «имеет опыт в сдержанной информации корреспондентов».

Меркулов включил Колесникова в число тех, кому это было поручено в первую очередь, но в разговоре с Колесниковым уловил какие-то нотки сомнения. Это повлекло за собой дополнительный обмен письмами между Бурденко и Меркуловым, касающимися настроения членов комиссии и их готовности поддержать предложенные выводы. Бурденко успокаивал Меркулова, что «сверхопасения» Колесникова касались недостаточной убедительности улики (некоего документа от мая—июня 1940 г.) для «будущего международного трибунала». Нужны были документы с более поздней датой — «таковые, к счастью, и нашлись. Ни у одного из членов комиссии не получилось ложного впечатления»¹⁹⁴.

Уже из этого небольшого эпизода вполне очевидно, насколько хорошо Бурденко ориентировался в характере данного ему поручения и как старался играть вместе с Колесниковым (который потом не избежал ГУЛАГа) по предложенным руководством силовых структур нотам, отрабатывая «официальную версию», которая освобождала бы советские органы от выдвинутого против них в 1943 г. обвинения. Для этого была осуществлена подмена якобы «недостаточно убедительных», по причине их датирования периодом до начала Отечественной войны, документов, обнаруженных как при предыдущей, немецко-польской, 1943 г., так и при теперешней, 1944 г., эксгумациях. Неубедительными они являлись для доказательства вины немцев на «будущем международном трибунале», замысел которого уже вынашивался. Осуществление подлога «к счастью» не было замечено другими членами комиссии: проведенная фальсификация не произвела «ложного впечатления».

В результате коронным аргументом датировки расстрела стали девять документов, якобы найденных на шести трупах и относившихся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г. Им придавалось особое значение, поэтому их подробное описание составило отдельную главу сообщения Специальной комиссии.

Это были два запроса из Польши (письмо С.Зигонь от 12 сентября 1940 г. и почтовая открытка из Тарнополя с датой 12.II.1940 г., что было прочтено как 12 ноября 1940 г.), пять квитанций о приеме золотых часов и денег, на которых можно было найти даты 1941 года, бумажная иконка с пометой «апрель 1941 г.» и неотправленная почтовая открытка Станислава Кучинского от 20 июня 1941 г. Криминалистической экспертизе эти документы не подвергались и нигде обнародованы или предъявлены не были.

На место эксгумации были приглашены иностранные корреспонденты, в присутствии которых были вскрыты три трупа.

Академик Потемкин 22 января на пресс-конференции повторил изначально сформулированную версию, подводя к выводу: «Можно считать установленным, что осенью — в августе—сентябре 1941 г. немцами на "Козьих горах" были расстреляны польские военнопленные», при этом из всех трех лагерей; немцы же изошренно сфальсифицировали доказательство. Но простейшие вопросы корреспондентов ставили Потемкина в тупик, он демонстрировал полную беспомощность. Оказалось невозможным получить ответы на целый ряд вопросов: сколько было военнопленных в Смоленской области, где они располагались, где работали, почему одежда (зимняя) не соответствует сезону, о чем свидетельствуют прикрепленные к останкам жетончики и т.д., почему эксгумация не проводилась сразу после освобождения (когда еще не было трескучих морозов), почему поляки якобы оставались на дорожных работах после прихода немцев.

Комическое впечатление производил ответ на вопрос, почему поляки не разбежались после прихода немцев. Потемкин утверждал, что «они как работали, так и остались работать по инерции». А.Толстой несколько корректировал: «...часть поляков разбежалась из ла-

герей, а наиболее инертная часть их не хотела бежать и осталась. Что же им было делать? Они продолжали работать»¹⁹⁵.

После отъезда корреспондентов работа была свернута. Чтобы усилить свои выводы, комиссия допросила «майора Ветошникова», якобы начальника лагеря ОН-1, чтобы дать какие-то сведения о «локализации лагерей западнее Смоленска». После вопросов и сомнений корреспондентов В.И.Прозоровский внес в акт поправку датировки на «между сентябрем—декабром». В показаниях свидетелей остались прежние «август» и «сентябрь».

После редактирования выводов комиссии наркомом госбезопасности В.Н.Меркуловым появилась небольшая брошюра в 55 страниц, 3,5 печатных листа — «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров», а в печати была опубликована краткая информация¹⁹⁶, о чем уже говорилось выше. Упомянутые в «Сообщении...» документы, как и взятые на исследование анализы никто никогда не увидел. Но оно было распубликовано, распространялось за пределами СССР, в том числе на польском языке. Вместе с лживым «документальным» фильмом из зимнего Катынского леса «Сообщение...» стало основой пропаганды «советской официальной версии», заложенной в несущую конструкцию отстраиваемых Сталиным советско-польских отношений. Затем сведения о катынском злодеянии даже в этой версии были в СССР засекречены на целые полвека.

Примечания

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов (далее — Органы государственной безопасности). Т. I. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. XI, 52—54, 60—62 и др.

² Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 11.

³ Известия. 1 ноября 1939 г.

⁴ Документы внешней политики. 1939 год (далее — ДВП). Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 19—20.

⁵ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941. М., 1999. С. 191—193; Пронин А.А. Советско-германские соглашения 1939 г.: Истоки и последствия. Екатеринбург, 1998. С. 108—111.

⁶ Подробно см.: Попов В. Война с народом: этапы государственного террора в России // Независимая газета. 27 апреля 2000 г. С. 8; Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939—1941 гг. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

⁷ Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 59—63.

⁸ Органы государственной безопасности. С. II.

⁹ Там же. С. 79—81; Польша та Україна у тридцятих-сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб: Польське

- підпілля 1939—1941. Т. І. Львів—Коломия—Стрий—Золочів. Варшава—Київ. 1998. С. 11.
- 10 Żaróń P. Agresja Związku Radzieckiego na Polskę 17 września 1939 r.: Los jeńców polskich. Toruń, 1998. S. 109.
 - 11 Свяневич Ст. В тени Катыни. Лондон, 1989. С. 88.
 - 12 Jaczynski St. Obozy jenieckie NKWD na Białorusi (17 września — 15 listopada 1939 r.) // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939—1941. W-wa, 1995. S. 96.
 - 13 Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 86; РГВА. Ф. 40443. Оп. 1. Д. 175.
 - 14 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 15.
 - 15 Документы, копии которых были переданы Президентом СССР М.С.Горбачевым Президенту Республики Польша В.Ярузельскому 13 апреля 1990 года // Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991.
 - 16 См.: Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR. Przegląd piśmiennictwa. W-wa, 1989; Karpus Z. Straty ludności na Ukrainie Zachodniej w latach 1939—1941 // Polska — Ukraina: trudne pytania. T. 5. Materiały V Międzynarodowego seminarium historycznego "Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej". Łuck, 27—29 kwietnia 1999. W-wa, 1999; Гурьянов А.Э. Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 199—207.
 - 17 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 78.
 - 18 Chackiewicz A. Aresztowania i deportacje społeczeństwa zachodnich obwodów Białorusi (1939—1941) // Społeczeństwo białoruskie. S. 120.
 - 19 См.: Indeks represjonowanych. T. VI: Aresztowani w rejonie Lwowa i Drohobycza. W-wa, 1998; Polska—Ukraina: Trudne pytania. T. 5.
 - 20 Исторические сборники «Мемориала». С. 88.
 - 21 Żaróń P. Op. cit. S. 174, 176.
 - 22 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 145 и др.
 - 23 Там же. С. 141—142.
 - 24 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 135.
 - 25 Есть округленные данные — 43 тыс. (Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 209) и уточненные в сторону увеличения — 44,5 тыс. (Dębski S. «Niech swoich Żydów Niemcy trzymają u siebie» (Żydzi w stosunkach sowiecko-niemieckich IX 1939—III 1940) // Arcana. 1994, № 4. S. 56, 61, № 28. S. 61). См. также: Żaróń P. Op. cit. S. 157—161.
 - 26 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 75—76.
 - 27 Там же. С. 89, 123.
 - 28 Там же. С. 82; Żaróń P. Op. cit. S. 78, 81.
 - 29 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 114—118.
 - 30 Там же. С. 118—119.
 - 31 Там же. С. 129.
 - 32 Там же. С. 135—136.
 - 33 Там же. С. 137.
 - 34 Там же. С. 214, 353.
 - 35 Там же. С. 129.
 - 36 Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939—1941). W-wa, 1994. S. 66.
 - 37 Chackiewicz A. Op. cit. S. 136.

- 38 Żaróń P. Op. cit. S. 136, 138; Органы государственной безопасности. С. 168.
- 39 Żaróń P. Op. cit. S. 139.
- 40 Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: советские записки. М., 1991. С. 13—14.
- 41 Kochanowicz T. W Komi i gdzie indziej. Wspomnienia z pobytu w ZSRR (1939—1942). W-wa, 1989. S. 19.
- 42 Ibid. S. 30; Герлинг-Грудзинский Г. Указ. соч. С. 30.
- 43 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 398—400.
- 44 См.: Герлинг-Грудзинский Г. Указ. соч. С. 34—35, 46, 63, 73, 146—147.
- 45 Там же. С. 23—24.
- 46 Там же. С. 64, 73, 173, 175. См. также: Петрус К. Узники коммунизма. М., 1996. С. 160—161.
- 47 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 329—330.
- 48 «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства» / Публ. Н.Сидорова // Источник. 1999. № 1. С. 83.
- 49 Там же. С. 84, 85.
- 50 Главная военная прокуратура (далее — ГВП). Д. 159. Т. 3/39. Л. 167; Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 210.
- 51 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 271.
- 52 Там же. С. 231. 271.
- 53 Там же. С. 412.
- 54 Там же. С. 162.
- 55 ГВП. Д. 159. Т. 3/39. Л. 167; Polska—Ukraina. T. 5. S. 148.
- 56 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 351—352.
- 57 Там же. С. 274.
- 58 Парсаданова В.С. К истории Катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 22.
- 59 Żaróń P. Op. cit. S. 264—265.
- 60 Свяневич Ст. Указ. соч. С. 100.
- 61 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 206.
- 62 Там же. С. 202—203, 205—206.
- 63 Там же. С. 205.
- 64 Там же. С. 239, 240, 243.
- 65 Известия. 1 ноября 1939.
- 66 Польша та Україна. С. 145.
- 67 Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S. 116.
- 68 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 286, 287, 288.
- 69 Там же. С. 288.
- 70 Там же. С. 214.
- 71 Żaróń P. Op. cit. S. 269, 270.
- 72 Свяневич Ст. Указ. соч. С. 104.
- 73 Czapski J. Wspomnienia starobielskie: w 50 rocznicę Katynia. Wrocław, 1990. S. 22.
- 74 Свяневич С. Указ. соч. С. 377, 378.
- 75 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 155—156.
- 76 Там же. С. 297—299, 334, 426.
- 77 Там же. С. 167, 178, 189.
- 78 Там же. С. 253, 254, 259.
- 79 Там же. С. 275, 277.
- 80 Там же. С. 237.
- 81 Chackiewicz A. Op. cit. S. 121—124.

- 82 Ibid. S. 130.
- 83 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3021. Л. 33; Gizejowska M. Deportacje obywateli polskich z ziem północnowschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939—1941 // *Studia okupacji sowieckiej (1939—1941)*. W-wa, 1998. S. 92.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3024. Л. 157.
- 85 Там же.
- 86 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 375—378.
- 87 Там же. С. 526, 542—543.
- 88 *Z dziejów okupacji sowieckiej (1939—1941)* // *Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939—1941*. W-wa, 1998. S. 96.
- 89 Максимова Л.А. Условия жизни спецпереселенцев-поляков в Коми АССР в 40-е годы // *Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры*. Казань. 1998. С. 246—251. См. также: Там же. С. 268—271.
- 90 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 48; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 122. Оп. 25. Д. 3. П. 73. Л. 95. См. также: Народное хозяйство СССР 1922—1972. М., 1972; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992.
- 91 *Centralny katalog relacji i wspomnień z lat 1939—1945*. T. I—III. Wrocław—W-wa—Kraków—Gdańsk. 1970, 1974, 1976; Kołpak E. Piętnaście lat tułaczki: 1940—1955, Mielżyńska J. Syberyjskie notatki. Kraków, 1990; Niezgoda-Górska W. Dosyć nam Sybiru, dosyć Kazachstanu. Wrocław, 1994; Woronowicz W. Przypadki XX wieku: 20 lat na Wyspach Sołowieckich i Kołymie 1935—1955. W-wa, 1994; Iwanicki E. Wróg towarzysza Stalina. Wspomnienia z Kazachstanu. 1940—1946. Łódź. 1990 i inne.
- 92 Кузнецов Н. Крутые повороты. М., 1995. С. 209.
- 93 Raczyński E. W sojusznicy Londynie. Dziennik ambasadora. 1939—1945. L. 1960. S. 70 i nast.
- 94 Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 52, 58 и др.; Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск. 2000. С. 420—421.
- 95 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 389.
- 96 Катынь: Dokumenty zbrodni. T. 2. Zagłada. Marzec-czerwiec 1940. W-wa, 1998. S. 446.
- 97 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 343.
- 98 ГВП. Д. 159. Т. 3/39. Л. 109—110.
- 99 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 597.
- 100 См.: *Armia Krajowa w dokumentach*. T. I. Londyn, 1970. S. XVII, 11.
- 101 Катынь: Dokumenty zbrodni. T. 2. S. 76.
- 102 Siedlecki J. Losy Polaków w ZSSR. 1939—1987. L., 1987. S. 163—164.
- 103 *Armia Krajowa w dokumentach*. T. I. S. 195, 251, 252, 283 i in.
- 104 Цит. по: Соколов Б.В. Похвальное слово Виктору Суворову и эпитафия катынским полякам // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сборник материалов*. М., 1995. С. 27.
- 105 Batowski H. *Z dziejów dyplomacji polskiej na obczyźnie*. Wrzesień 1939 — lipiec 1941. Kraków-Wrocław. 1984. S. 82—85.
- 106 Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 575, 580, 583, 590.
- 107 См.: *Готовил ли Сталин наступательную войну...* С. 21, 299.
- 108 Герлинг-Грудзинский Г. Указ. соч. С. 234.

- 109 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 132, 146, 159; Żaroń P. Armia Polska w Związku Radzieckim w czasie drugiej wojny światowej. W-wa, 1990. S. 60—69.
- 110 ДВП. Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. М., 1995. С. 395.
- 111 Там же. С. 487.
- 112 Sprawa polska w drugiej wojnie światowej na arenie międzynarodowej. W-wa, 1965. S. 169—170.
- 113 Raczyński E. Op. cit. S. 71.
- 114 Сталин, Берия и судьбы армии Андерса в 1941—1942 гг. (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60—61.
- 115 Там же. С. 62.
- 116 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2961. Л. 6, 18, 38.
- 117 Chackiewicz A. Op. cit. S. 134, 135, 137; Polska—Ukraina. Т. 5. S. 113 i in.
- 118 Ibid. S. 135.
- 119 Польша та Україна. С. 11, 20—23.
- 120 Układ Sikorski-Majski. Wybór dokumentów. W-wa, 1990. S. 6, 93—94.
- 121 Ibid. S. 94.
- 122 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — Документы и материалы). Т. VII. М., 1993. С. 202—204; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 532.
- 123 Документы и материалы. С. 208, 218.
- 124 Сталин, Берия... С. 64. См. также: Русский архив. 14. Великая Отечественная. 3(1). Нереализованные возможности военного союза: (Армия Андерса на территории СССР в 1941—1942 гг.) (далее — Русский архив). С. 25.
- 125 Armia Krajowa w dokumentach. Т. 2. Londyn. 1971. S. 173, 316—318.
- 126 Kot St. Listy z Rosji i do generała Sikorskiego. Londyn, 1956. S. 87.
- 127 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 30. Л. 47.
- 128 Документы и материалы. С. 256.
- 129 АВП. Ф. 07. Оп. 2. П. 17в. Д. 25. Л. 6.
- 130 Там же. Л. 1—2.
- 131 Там же. П. 10. Д. 30. Л. 36, 48.
- 132 Там же. Л. 48; Документы и материалы. С. 217—218.
- 133 Sprawa polska... S. 128, 131, 173, 176.
- 134 Документы и материалы. С. 217.
- 135 Русский архив. С. 22.
- 136 Żaroń P. Armia polska w ZSRR, na Bliskim i Środkowym Wschodzie. W-wa, 1981. S. 68, 69.
- 137 Сталин, Берия... С. 65—67.
- 138 Anders Wł. Bez ostatniego rozdziału. Wspomnienia z lat 1939—1946. Wyd. 2. Newton. 1950. S. 76; Русский архив... С. 70.
- 139 Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах советских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 188.
- 140 Żaroń P. Armia polska. S. 68.
- 141 Documents on Polish-Soviet Relations. 1939—1945. V. I. 1939—1943. London, 1961. P. 156—161; Kot S. Op. cit. S. 90—92.
- 142 Документы и материалы. С. 237—238, 240—241.
- 143 Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1982. С. 63.
- 144 Советская запись беседы: Международная жизнь. 1990. № 12; польская: Kot S. Op. cit.; Anders Wł. Op. cit.
- 145 Сталин, Берия... С. 70—71.

- 146 Duraczyński E. Wizyta Sikorskiego w ZSRR // *Dzieje Najnowsze*. 1994. № 4.
- 147 Сталин, Берия... С. 77—78, 80, 81,
- 148 Там же. С. 82.
- 149 Русский архив. С. 71—77.
- 150 Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 164, 178.
- 151 Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка). Т. 1. М., 1957. С. 53.
- 152 АВП РФ. Ф. 0.17в. Д. 21. Л. 19. Подробнее см.: Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941—1942) // *Новая и новейшая история*. 1988. № 5; Она же. Владислав Сикорский // *Вопросы истории*. 1994. № 9.
- 153 Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах российских архивов; Szuszkowski J.K. Wojsko polskie w 2. wojnie światowej // *Dziś*. 1999. № 9. S. 57.
- 154 Бабий Яр под Катынью? // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 12. С. 35.
- 155 Там же. С. 3, 34.
- 156 Madajczyk Cz. *Dramat Katyński*. W-wa, 1989. S. 144.
- 157 *Военно-исторический журнал*. 1990. № 9. С. 34.
- 158 Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin. 1943.
- 159 Goetel F. *Czasy wojny*. London. 1955. S. 122—139.
- 160 Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1990. С. 121—122; *Biuletyn Katyński*. Kraków. № 1/33. S. 37.
- 161 Zbrodnia Katyńska. Z prac polskiej części wspólnej komisji partyjnych historyków Polski i ZSRR. W-wa, 1990. S. 100.
- 162 Pamiętniki znalezione w Katyniu. Paryż. 1990; Amtliches Material. S.W.
- 163 Archiwum Akt Nowych (AAN). Dz. 6.203/1/k.10. Armia Krajowa w dokumentach. Przez walkę do zwycięstwa. 20.V.1943. *Biuletyn Informacyjny*. Kwiecień—maj 1943.
- 164 Przez walkę do zwycięstwa. 10.V.1943.
- 165 Bramsted E. Goebbels and Nacional Socialist Propaganda 1925—1945. Michigan. 1965. P. 330.
- 166 Записи бесед Черчилля и Идена с Сикорским, Рачкевичем и Рачиньским см.: Documents on Polish-Soviet relations. V. 2. London, 1968.
- 167 Документы и материалы. С. 354.
- 168 Zawodny J.-K. Katyń. Lublin—Paryż, 1989. S. 36, 38. Pyzel M. Pierwszy świadek zbrodni w Katyniu // *Dziennik Polski*. 21.06.1991.
- 169 Sprawa polska. S. 342.
- 170 Цит. по: Лебедева Н.С. Катынь — преступление против человечества. М., 1993. С. 297—298.
- 171 Переписка. С. 119—120.
- 172 См.: Действия Международного Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права. МККК. 1994.
- 173 ГВП. Д. 159. Т. 11. Л. 367; Arcana. 1999. № 28(4). S. 64, 65, 71, 77.
- 174 Документы и материалы. С. 355—357; Zawodny J.-K. Op. cit. S. 36, 38.
- 175 Документы и материалы. С. 357.
- 176 Duraczyński E. *Rząd polski na uchodźstwie 1939—1945*. W-wa, 1993. S. 233—227.
- 177 Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 378.
- 178 Переписка. С. 123—124.
- 179 Цит. по: Bramsted E. Op. cit. P. 454.
- 180 Переписка. С. 123—124.

- ¹⁸¹ Там же. С. 126—127.
- ¹⁸² См.: Гришин Я.Я. Гибралтарская трагедия. Казань, 1998; Brown A.C. Philby. H.St.John Philby. Kim Philby. Szpiegowska afera stulecia. W-wa. 1997. S. 618—619.
- ¹⁸³ Nowak-Jeziorański J. Katastrofa w Gibraltarze: Bielszy odcień bieli // Polityka. № 17. 25.04.1998. S. 67, 68, 70.
- ¹⁸⁴ Ciechanowski J. Polityk przy szabli // Polityka. 1993. № 27. S. 24.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Катынская драма. С. 70.
- ¹⁸⁶ Антонов-Овсеенко А. Путь наверх // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 120.
- ¹⁸⁷ Известия. 26 января 1944 г.; Документы и материалы. Т. VII. С. 354.
- ¹⁸⁸ Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944.
- ¹⁸⁹ Центр хранения современной документации (далее — ЦХСД). Ф. 89. Оп. 14. Док. 1—20. Л. 41; Катынское дело: Можно ли ставить точку? // Военные архивы России. 1 вып. М., 1993. С. 152.
- ¹⁹⁰ Известия. 26 января 1944 г.
- ¹⁹¹ ГВП. Д. 159. Т. 3/55. Л. 104—105, 110.
- ¹⁹² Там же. Л. 57, 61, 105, 109, 322.
- ¹⁹³ Там же. Л. 1.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 254—259.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 283.
- ¹⁹⁶ Публикацию выводов комиссии см. в: Документы и материалы. С. 354—355.

Глава 3

ПОСЛЕВОЕННОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ПОЛЬШЕЙ. ТЯЖКИЙ ГРУЗ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Включение Польши в советский блок. Фальшивка комиссии Н.Бурденко и провал блефа в Нюрнберге

Польша — наиболее крупное из соседних западных государств, отношения с которым, вдобавок, на старте войны складывались до предела конфликтно — заняла особое место в сталинских планах послевоенного урегулирования и их реализации. Ее никак нельзя было обойти в процессе сотрудничества внутри антигитлеровской коалиции, поскольку она была ее членом, польские вооруженные силы сражались на многих фронтах и тем самым укрепляли престиж страны на международной арене. Без нее трудно было себе представить переход от противостояния под флагом концепции «капиталистического окружения» к реализации идеи строительства «социалистического лагеря», монтированию «советского блока». Между тем взаимное восприятие было обременено прежними негативными наслоениями.

В глазах советского населения Польша после войны 1919—1920 гг. усилиями пропаганды стала олицетворением «капиталистического окружения», стратегическим «вероятным противником», язык которого изучался в вооруженных силах СССР как язык непосредственного врага, носителя угрозы агрессии. Участие СССР в разделе Польши в 1939 г. и последующие события 1940 г., инициатива в деле отказа от сохранения даже «остаточного» Польского государства, ликвидация польских военнопленных — как кадровых военных, так и поставленных под ружье интеллигенции и государственных чиновников, — то есть попытка уничтожить Польское государство и его армию, носителей идеи их воссоздания, а также сотрудничество с гитлеровцами в борьбе с польским освободительным движением, как казалось Сталину, решали ряд стратегических и державных проблем¹. Однако, будучи одной из уродливых сталинских деформаций советской внешней политики, советско-германские договоры 23 августа и 28 сентября 1939 г. и «освободительный поход» Красной Армии в сентябре того же года заложили на долгие десятилетия целый ряд почти неразрешимых проблем, которые стали «минами замедленного действия». С точки зрения создания желанного советского блока это был чреватый множеством осложнений «фальстарт». И если в жизни советского общества он не имел

существенного значения, то во внешнеполитической области он создавал множество разноплановых трудностей. К Польше было привлечено внимание союзников, взаимодействующих с правительствами в изгнании, польский вопрос сыграл важную, а ряд исследователей считает, что главную роль в развитии международных отношений в направлении «холодной войны». Польша была первой после части Румынии освобождаемой от фашистских захватчиков страной, и ее опыт в области мирного урегулирования имел важное значение, равно как и тесно увязанное с этой проблемой формирование внутреннего режима. Между тем внутренние политические потрясения в этой стране, авторство которых принадлежало не только санационному режиму, но и лично Сталину, включая роспуск компартии Польши и репрессирование ее членов, резко усилили антисталинские, а следовательно, антисоветские настроения, охватившие за малым исключением все польское общество. Если бы Сталин обратился к решению комплекса связанных со столь сложной ситуацией проблем лишь на грани войны и мира, его геополитическим задумкам вряд ли было бы суждено осуществиться. Только в ходе длительного военно-политического взаимодействия и многоходовых дипломатических комбинаций ему удавалось корректировать международные обстоятельства развития польского вопроса в нужном ему направлении, при помощи настойчивых и целеустремленных усилий моделировать внутривнутриполитические условия, которые в сумме привели к формированию модели послевоенного развития на базе политических режимов типа «партия-государство» и их объединения в тоталитарную блоковую систему.

Как указывалось выше, глава польского правительства в эмиграции генерал В.Сикорский уже 23 июня 1941 г. по радио предложил советскому правительству сотрудничество. Сталин 3 июля заявил о том, что цель войны советского народа — помощь стонущим под игом германского фашизма народам Европы. Конкретизация этого курса в телеграмме послу в Лондоне И.Майскому дифференцировала Чехословакию и Югославию (восстановление государств) и Польшу (создание «независимого государства в границах национальной Польши»²). Контуры будущих планов просматривались в «разрешении» создать в СССР «национальные комитеты» и формировать «национальные части» «для совместной с СССР борьбы против гитлеровского фашизма». Отношения с правительством Сикорского регулировало заявление, что советское правительство «не возражает против заключения с ним соглашения о совместной борьбе против гитлеровской Германии», а вопрос о будущем режиме Польши назывался «внутренним делом самих поляков»³. Кроме этого любопытного заверения, предваряющего и камуфлирующего принятые вскоре шаги по оказанию влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в оккупированной Польше, обращает на себя внимание инструкция Майскому по поводу вопроса о расстреле польских военнопленных. Катынская проблема возникла ввиду становления военнополитического сотрудничества, тем более что Сикорский в меморандуме британскому правительству от 19 июня 1940 г. упоми-

нал о нахождении в СССР 300 тыс. военнопленных. Раскрытие сталинских «особых папок» бросает свет на новый аспект предпринятой им весной 1940 г. акции — селекции узников специальных лагерей НКВД и уничтожения основной части офицерского корпуса как неподходящей для использования при создании «польской дивизии»⁴. Уже здесь просматриваются намерения использования с очевидными кадровыми ограничениями польского военного потенциала — зачатки будущего военного сотрудничества. Этот замысел получил развитие позже, а в начале июля 1941 г. Сталин спешил оговорить претензии: «...в СССР не было и нет триста тысяч (так в тексте. — *Авт.*) военнопленных поляков, а имеется всего двадцать тысяч военнопленных поляков, которые будут переданы в распоряжение Польского Национального Комитета, когда будет организован этот Комитет»⁵. Дипломатические и военные проблемы изначально тесно переплетались.

Вопрос о кадрах для сражающейся против гитлеровцев польской армии в дальнейшем вставал постоянно, с того дня, как было подписано советско-польское соглашение от 30 июля 1941 г.

Обнаружение катынского захоронения стало вполне реальной причиной, а не только поводом для разрыва двусторонних отношений. Добротной основы для сотрудничества на принципах доверия не оставалось, и Сталин не только отмахнулся от обвинения, но переложил вину за разрыв отношений на польское правительство, приписав ему формально полностью компрометирующее в глазах союзников пособничество гитлеровским фашистам (на самом деле, как известно, союзники знали о подлинных виновниках убийства).

Сталин начал не столько искать, сколько формировать такие польские внутрисполитические силы, которые были бы его опорой в будущей Польше и поддержкой в геополитических притязаниях. Катынское же дело, правда о котором установлена при помощи материалов «особого пакета № 1», позволяет теперь по-новому взглянуть на игру, которую Сталин вел по отношению к польскому правительству, толкая его на обострение противостояния, когда обстоятельства дела дали возможным возобновление дипломатических отношений. Например, в мае—июне 1944 г. посол В. Лебедев выдвинул условие, в частности, осуждения поляками прежней позиции по катынскому вопросу, а комиссия Н. Бурденко представила фальсифицированное сообщение, нужное Сталину для торпедирования польской инициативы. В результате поляки неоднократно попадали на глазах союзников в положение вздорных и недальновидных партнеров.

Отношение к польскому правительству в изгнании и к Катынскому делу вошло в число определяющих критериев и при выдаче авансов левым силам. Последовательно осуществлялось «отсечение» всех, кто отвергал или хотя бы критиковал сталинскую политику в отношении Польши, пакт Молотова—Риббентропа и особенно катынское преступление. В то же время на международной арене польский вопрос трактовался довольно либерально, с постоянной оглядкой на союзников и сообразно развитию ситуации: на Мос-

ковской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. советская сторона отвергла федеративно-конфедеративную концепцию обустройства послевоенной Центральной и Юго-Восточной Европы, отстаивая идею независимости и суверенности стран этого региона.

Весьма жестко формулировались требования к внешнеполитическим установкам сил, которые рассматривались как основа советского блока. В первую очередь это касалось коммунистов.

Когда немцы только еще двигались к Москве, Сталин нашел время для отбора лидеров, кадрового ядра будущего руководства нового, ориентированного на СССР Польского государства. Ключевым моментом в реализации сталинских внешнеполитических планов было умение строить хитроумные многоходовые комбинации, учитывающие многофакторность исторического процесса, его дипломатические, военные, внутривнутриполитические аспекты. Как правило решающую роль играли личные качества Сталина как выдающегося мастера по части кадрового обеспечения реализации его обыкновенно скрытых целей и осуществления разнообразных акций в области постоянного политического манипулирования формируемыми им кликами и кланами послушных исполнителей его воли.

Документы РГАСПИ и польского Архива новых актов достаточно ясно показывают, как и кого, с какой ориентацией Сталин отбирал с самого начала Отечественной войны из остатков кадров польских коммунистов, оставшихся в живых после роспуска КПП. При создании ППР через его руки прошли программные документы и списки будущих руководителей. После гибели М.Новотко в оккупированную Польшу из Москвы были направлены Б.Цукер («В.Кольский»), который погиб в момент приземления на польскую территорию, и Л.Касман, отряду которого не было дозволено выходить на контакт с коммунистами в стране и рекомендовалось оставаться дублирующей руководство структурой⁶. В первый состав ППР не была принята группа Л.Липского, осуждавшего сталинскую позицию в отношении Польши, в том числе договоры 1939 г. с Германией, и намеревавшегося воссоздать самостоятельную компартию в будущем независимом государстве. По поручению Отдела международной информации ЦК (ОМИ) силами агентов НКВД и при участии руководителя ППР П.Финдера Липский был застрелен в Варшаве, о чем было доложено сталинскому руководству⁷. Наконец, на рубеже 1943—1944 гг. были предприняты шаги по формированию в Москве Польского Национального Комитета, временно отложенному ввиду неблагоприятной международной ситуации. Затем был создан тайный, сокрытый от глаз даже небольшой группы польских коммунистов в Москве орган — Центральное бюро коммунистов Польши (ЦБКП). Блок документов этого органа — убедительное свидетельство методов реализации концепции «создания Польши» нужного Сталину облика с применением арсенала средств сталинщины, с подгонкой под модель «партии-государства», закладыванием основ однотипной тоталитарной системы. Это гарантировало оформление структур будущего советского блока при помощи

диспозиционности ядра подготовленных в Москве в духе традиционных коминтерновских иерархических отношений кадров. В ЦБКП, программный документ и списочный состав которого прошли через руки Сталина, были отобраны те, кто продекларировал верность сталинским идеологическим и политическим установкам⁸. Они обеспечивали проведение этих установок через своих засекреченных представителей в Союзе польских патриотов и польских воинских частях в СССР⁹.

Однако в Польше в конце 1943 г. у руля ППР и во главе Крайовой Рады Народной утвердились руководители, далеко не все из которых были готовы принять иерархические отношения подчинения Кремлю и сталинскую репрессивную политику, в том числе сталинскую трактовку вопроса о судьбах польских военнопленных. Вл.Гомулка был избран лидером ППР вопреки принятому порядку согласования с Москвой и директивам, предписывавшим не проводить выборов. Отношения с ним складывались сложно. Обнародование сюжетов «четвертого раздела Польши» и репрессирования военнопленных могло вызвать серьезные осложнения в реализации планов монтирования «советского блока».

Почему, при каких обстоятельствах и с какими целями была создана Специальная комиссия? Почему неожиданно понадобилось поднимать вопрос о расследовании через три с половиной месяца после взятия Смоленска? Зачем велась срочная подтасовка? Почему совершенно однозначно были сформулированы ее задачи, работа проводилась в спешке в лютую январскую стужу, а выводы, сделанные без соблюдения необходимых требований и не подтвержденные серьезными доказательствами, были немедленно опубликованы, доложены на международной пресс-конференции?

Главные причины лежат в сфере международных отношений, ситуации внутри антигитлеровской коалиции и в области советско-польских отношений.

В начале января 1944 г. Красная Армия перешла бывшую границу Польского государства. На первый план среди проблем послевоенного урегулирования вышел польский вопрос, в том числе определение условий, на которых Красная Армия могла продвигаться по территории страны, входившей в состав антигитлеровской коалиции. В любой момент могло вновь громко заявить о себе Катынское дело.

Как известно, после разрыва советско-польских отношений в апреле 1943 г., предлогом для которого стали события, связанные с раскрытием катынских могил и обращением польского правительства в Международный Красный Крест, что было демонстративно оценено советским правительством как пособничество гитлеровской Германии и участие в геббельсовской провокации, польский вопрос решался не в рамках двусторонних отношений, а на пути выработки общей позиции великих держав.

5 января 1944 г. польское правительство сделало заявление, текст которого был одобрен министром иностранных дел Великобритании Э.Иденом и заместителем госсекретаря США О.Серджен-

том. Оно изъявляло готовность восстановить нормальные отношения с СССР, желание заключить польско-советское соглашение и наладить взаимодействие Армии Крайовой с Красной Армией.

Однако польское правительство настаивало на сохранении границы, установленной Рижским миром 1921 г., подчеркнув, что польский народ «не признавал и не признает решений, навязанных силой»¹⁰.

11 января советское правительство в ответном заявлении декларировало стремление восстановить прочные добрососедские отношения, приветствовало открывшуюся «возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства». Конструктивность захода перетекала в позицию по вопросу о советско-польской границе как восстанавливающей историческую справедливость вопреки навязанному СССР Рижскому договору. Заканчивалось заявление резкой оценкой действий польского правительства: «Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом. Оно оказалось также неспособным организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше. Более того, своей неправильной политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам»¹¹. Категорично и непримиримо.

Именно в этом контексте после занятия жесткой позиции в отношении польского правительства Сталин и создает Специальную комиссию во главе с Бурденко, прибегнув к катынской карте для повторного обвинения неугодного ему правительства в пособничестве немцам. Эта линия наглядно прослеживается в обмене заявлениями в последующие дни.

Декларация польского правительства от 15 января, обсужденная с Э.Иденом и его сотрудниками, вновь подтверждала стремление достичь соглашения «на условиях, которые были бы справедливыми и приемлемыми для обеих сторон». Она подчеркивала, что «польское правительство не может признать односторонних решений и свершившихся фактов», но «считает более целесообразным в настоящее время воздержаться от дальнейших публичных дискуссий» и обращается к британскому и американскому правительствам за посредничеством в переговорах «по всем основным вопросам, разрешение которых должно привести к дружественному и прочному сотрудничеству между Польшей и Советским Союзом»¹².

В ответ последовало сообщение ТАСС от 17 января. В нем содержалось утверждение, что поскольку польское правительство в своем заявлении обходит вопрос о линии Керзона и игнорирует его, а следовательно, отклоняет, то «по мнению советских кругов», «нынешнее польское правительство не желает установить добрососедские отношения с Советским Союзом». ТАСС заявляло: «...Советское правительство полагает, что это предложение рассчитано на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, так как нетрудно понять, что советское правительство не может вступить в официальные переговоры с правительством, с которым прерваны дип-

ломатические отношения». Далее приводился главный аргумент: «Советские круги напоминают, что дипломатические отношения с польским правительством были прерваны по вине этого правительства из-за его активного участия во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу "убийства в Катыни"»¹³.

Таким образом, при помощи катынской карты подчеркивалось, что дипломатические отношения были разорваны не по вине СССР, а по вине польского правительства, и не могут быть восстановлены по его же вине.

Союзники искали форму достижения советско-польского соглашения, однако позиции обеих сторон стали столь жесткими, что им не приходилось рассчитывать на успех. Какую роль играла в этом позиция советского правительства, а в ее аргументации — вопрос о Катыни, можно судить на основании текста ноты наркома иностранных дел В.М.Молотова госсекретарю США К.Хэллу от 23 января. Молотов настаивал на прежней версии: «Советское правительство порвало с польским правительством в Лондоне из-за его участия во враждебной клеветнической кампании гитлеровцев по поводу "убийств в Катыни". Это было в то время, когда во главе польского правительства стоял генерал Сикорский. А правительство Миколайчика вместо того, чтобы отмежеваться от этого фашистского акта правительства Сикорского, объявило, что оно будет продолжать политику Сикорского... Мне кажется, что коренное улучшение состава польского правительства, с исключением из него профашистских империалистических элементов и включением в него демократических элементов, о чем я уже говорил устно г. Гарриману, могло бы создать благоприятную почву как для восстановления советско-польских отношений и разрешения вопроса о границе, так и для плодотворного посредничества»¹⁴.

Таким образом, в то время как союзники склоняли Сталина к урегулированию советско-польских отношений, налаживанию дипломатических контактов с польским правительством, он, еще раз переадресовав обвинения в катынском злодеянии нацистам, делал ударение на инкриминировании польскому правительству сотрудничества с фашистской Германией, совершения «фашистского акта». Это весьма усиливало его позицию в выборе польского партнера и продвижении по пути устранения польского правительства. В это время Сталин начал реализовывать план опоры на те польские левые силы в СССР, которые приняли на веру его версию событий в Катыни.

Сообщение Специальной комиссии и пресс-конференция для иностранных журналистов призваны были воздействовать на общественное мнение в рамках антигитлеровской коалиции, подкрепить расчеты Сталина.

Союзники протестовали против односторонних действий советского правительства и вмешательства по внутренние дела Польши,

заявляя, что это ляжет бременем на будущее международного сотрудничества, нарушит согласие великих держав.

Следует еще раз подчеркнуть, что конструктивное развитие советско-польских отношений было прервано, соглашение между двумя странами от 30 июля 1941 г. практически разорвано (что польские юристы отрицали, считая его сохранявшим дееспособность) именно в связи с обнаружением в Катынском лесу польских могил. Именно советская сторона «прервала» эти отношения. Катынское дело и акция советского правительства вызвали резкий рост антисоветизма в польских политических кругах, поправление и сплочение их на этой платформе. Попытка наладить отношения также кончилась новым обострением, при этом вновь было использовано Катынское дело.

Сталин, перекалывая вину за это на польское правительство, писал 3 марта 1944 г. Рузвельту, что «решение вопроса о советско-польских отношениях еще не назрело»¹⁵. Черчиллю он внушал, что конфликт с поляками — «какое-то недоразумение», что «Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. Поэтому было бы странно говорить о перемирии между СССР и Польшей. Но у советского правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний»¹⁶.

В связи с осложнением отношений с союзниками Сталин перестал требовать создания нового польского правительства, смещения министров и послов, включившихся в кампанию вокруг Катынского дела. Ограничился требованием удалить из польского руководства ряд деятелей, особенно активных во время этой кампании — сочинивших и подписавших обращение к МККК генерала К.Соснковского, министров М.Кукеля и С.Кота. Это требование выставилось как условие начала любых переговоров.

Катынское дело стало одной из основных «болевых точек» в советско-польских отношениях.

Сталин решил разрубить катынский узел, вынеся это дело на Нюрнбергский процесс и обеспечив снятие с СССР обвинения при помощи его вердикта, поскольку согласно статье 21 Устава Международного военного трибунала (МВТ) официальные правительственные заключения, как и общеизвестные факты, не требовали дополнительных доказательств для приобщения к постановлению.

Уже при подготовке проекта обвинительного акта, составленного в Лондоне и согласованного главными обвинителями от США, Великобритании, Франции и СССР в августе 1945 г., в него вошел пункт, трактующий заключение пакта 23 августа 1939 г. как заговор нацистов для подготовки нападения на Польшу и нанесения удара при первой возможности по СССР¹⁷. Советские представители по указанию Молотова, предварительно согласованному со Сталиным, получили поручение соглашаться с включением в Устав понятия

«агрессия» только в случае, если при нем будет уточняющее определение «фашистская»¹⁸.

В проект был включен пункт, вменявший в вину гитлеровской Германии убийство в Катыни 925 польских офицеров, поскольку именно эта цифра фигурировала в материалах комиссии Бурденко как количество обследованных останков. Это убийство квалифицировалось как геноцид.

Сталин старательно укрывал подноготную своих отношений с Гитлером накануне и в начальный период Второй мировой войны, рассчитывая на сделку с союзниками по антигитлеровской коалиции, которые также не хотели привлекать внимание к своим просчетам и слабым местам, касающимся «умиротворения» агрессора, мюнхенского сговора, проблемы «смешанной ответственности» за развязывание Второй мировой войны и т.д.

11 марта 1946 г. руководитель советской делегации, главный советский обвинитель генерал Р.А.Руденко письменно довел до сведения руководителей западных делегаций предложение взамен встречного «понимания» вывести из-под обсуждения в Нюрнберге перечень «трудных» проблем¹⁹. В их числе из области внешней политики значились советско-германский пакт о ненападении и вопросы, имеющие к нему отношение, посещение Молотовым Берлина и Риббентропом Москвы, а также весь комплекс проблем советско-польских отношений, вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии²⁰.

По неофициальному согласованию было решено подобные вопросы отводить, а документы к делу не приобщать.

Хотя, как сообщил В.К.Абаринову один из американских обвинителей У.Харрис, главный обвинитель от США Р.Джексон советовал Р.Руденко отказаться от включения в обвинение Катынского дела, полагая, что огромное число других преступлений, «против которых у немцев не было защиты», делает их вину достаточно доказуемой, советская сторона настояла на своем²¹. Сталин не считал возможным отказаться от этого, будучи уверен, что, проштампованное в Нюрнберге, Катынское дело подкрепит его внешнеполитическую линию, усилит позиции СССР в Польше и подстрахует курс на создание «советского блока».

Более того, Руденко, срочно отозванный в Москву, после возвращения переправил накануне опубликования обвинительного акта цифру жертв с 925 чел. на 11 тыс. чел., дабы переложить на гитлеровцев вину за смерть всех польских военнопленных-офицеров, взяв за основу объявленную в 1943 г. цифру²². Это не могло не привлечь внимания защиты. Собственно, изменение включенных в обвинительный акт данных повлекло за собой принятие на организационном заседании решения о вызове немецких свидетелей защиты для верификации сообщения комиссии Бурденко.

После окончания войны в руки союзников попали трофейные немецкие архивы и, соответственно, много новой информации, распространение которой слабо поддавалось контролю. Сохранять в

тайне многие события 1939 г. становилось практически невозможно.

Весной 1946 г., с середины марта до последней декады мая, защитник Р.Гесса А.Зейдель собрал несколько документов, касавшихся подписания секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. (аффидевит начальника юридического отдела МИД Германии Ф.Гауса с описанием хода переговоров в Москве и подробным изложением протокола, копию самого протокола и др.). Зейделю удалось добиться вынесения этого аффидевита на обсуждение, а затем и приобщения к делу, хотя советские представители старались предотвратить это, в частности пытались склонить Риббентропа не упоминать в суде советско-германский пакт о ненападении. Однако он не согласился и в последнем слове заявил, что Сталин обсуждал с ним в Москве не возможность урегулирования германо-польского конфликта, а раздел Польши и дал понять, что «если он не получит половины Польши», то представитель Берлина может «сразу же вылетать назад»²³.

21 мая во время допроса в качестве свидетеля бывшего статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцзеккера Зейдель, несмотря на попытку Руденко отвести вопрос о подписании 23 августа 1939 г. еще и документа, «не входящего в текст пакта о ненападении», добился положительного ответа на этот вопрос. Он пытался предъявить свидетелю копию протокола для опознания, однако Руденко настаивал на том, чтобы квалифицировать ее как фальшивку, не имеющую силы документа. Копия действительно не была оформлена надлежащим образом²⁴. Она не была приобщена к делу, однако немедленно была опубликована в США. Начался длительный процесс поисков, приведший к 1995 г. к окончательному установлению истины при предъявлении Госархивом РФ подлинников приложенных к советско-германскому пакту.

Что же касалось обстоятельств Катынского дела, вопреки блефу Сталина союзники уже в то время располагали достаточной информацией, в частности, в результате посещения военнопленными Катынского леса весной 1943 г., сбора данных поляками-эмигрантами и т.д. Однако они не сочли для себя возможным открывать в тот момент, будучи связанными доверительной договоренностью, правду о расстреле польских военнопленных.

Доцент Е.Е.Щемелева-Стенина, выступавшая на процессе в качестве переводчика, располагает текстом письма Ф.Рузвельта, предостерегавшего одного из посвященных в тайну Катынского дела от ее обнародования²⁵.

В ходе Нюрнбергского процесса 13 февраля 1946 г. заместитель главного советского обвинителя, полковник Ю.В.Покровский, предъявил подробное обвинение по Катынскому делу, основанное на изложении материалов комиссии Бурденко. Советские представители стремились легализовать «советскую официальную версию» истории гибели польских военнопленных, но надежды на быстрый успех стали развеиваться.

Несмотря на договоренности, связывающие обвинителей-союзников, весьма активной, юридически грамотной и располагавшей вескими доказательствами защите удалось добиться согласия трибунала на вызов свидетелей по Катынскому делу. Она не имела возможностей добиваться рассмотрения своей версии, но тщательно использовала слабые места обвинения, чтобы подорвать доверие к советской версии. Сделать это оказалось не столь трудно. Советское руководство было вынуждено признать, как засвидетельствовал специальный уполномоченный по польским делам генерал КГБ Г.С.Жуков, что комиссия Бурденко «не принесла ожидаемых результатов, неумело "прикрыла" дело»²⁶.

Сталину пришлось срочно собирать созданную в сентябре 1945 г. решениями Совмина и ЦК ВКП(б) правительственную комиссию по руководству советскими представителями на Нюрнбергском процессе во главе с А.Я.Вышинским. Руководство этой комиссией Сталин осуществлял через Молотова. Неожиданный поворот Катынского дела вынудил готовить дополнительные материалы и свидетелей, чтобы подкрепить «советскую официальную версию».

21 марта 1946 г. комиссия наметила целый перечень мер для этого: направить представителей в Болгарию для подготовки болгарских свидетелей, «подготовить польских свидетелей и их показания», троих-пятерых советских свидетелей и двух медицинских экспертов, свидетеля-немца, который был в Катыни, и т.д. Эти операции поручались крупнейшим фигурам силовых ведомств — В.С.Абакумову, А.Я.Вышинскому, В.Н.Меркулову, П.И.Горшенину, а также генеральному прокурору Польши Е.Савицкому²⁷.

Неожиданная проблема возникла и в самой советской делегации в Нюрнберге, когда подготовка Катынского дела была поручена помощнику советского главного обвинителя Р.А.Руденко Н.Д.Зоре. Этот энергичный, инициативный молодой прокурор, способный на нестандартные поступки (и, в частности, разжалованный до рядового в 1939 г., когда во время проверки ряда дел доказал, что в основе приговоров были фальсифицированные данные), менее всего был пригоден для реализации замысла хитроумного блефа. Тем более, что он слышал о роли НКВД в Катынском деле раньше и наверняка пополнял эту информацию от поляков, будучи до конца 1945 г. при Н.А.Булганине как представителе СССР при Польском Комитете Национального Освобождения советником по юридическим вопросам.

Знакомство с материалами, с которыми Н.Д.Зоря должен был выступать перед Нюрнбергским трибуналом, заставило его обратиться к непосредственному начальнику — Генеральному прокурору СССР Горшенину с просьбой немедленно откомандировать его в Москву для доклада Вышинскому о своих сомнениях. Он получил отказ, а на следующее утро, 23 мая 1946 г., был найден мертвым в своей комнате. Существуют разные версии о его смерти, в том числе официальная — результат неосторожной чистки личного оружия. Многократные попытки установить истину, объективно судить о причинах и обстоятельствах смерти Зори пока не удались.

Вспоминая смерть Зори как одно из самых страшных потрясений в Нюрнберге, советская синхронная переводчица Т.С.Ступникова сообщает, что его «убрали» аккуратно, без шума, не привлекая внимания мировой общественности и не прерывая заседаний трибунала, что было воспринято как намек «нашим юристам, что в таких делах оступаться не полагается». Она задается вопросами, на которые пока нет ответа: «Сам ли он покончил счеты с жизнью, когда почувствовал, что у него нет другого выхода? Или ему было предложено навсегда уйти из жизни, оставив жену и детей? А может быть, его просто застрелили советские специалисты по меткой стрельбе, работавшие в Нюрнберге, brave бериевские мальчишки...» Для запугивания ли персонала, или в самом деле так было, распустили слух, якобы Сталин изрек: «Похоронить, как собаку!»²⁸

Бесспорно то, что роковой порог был переступлен в момент попытки выбрать путь установления истины по Катынскому делу²⁹.

Вопрос о Катыни рассматривался трибуналом 1—3 июля 1946 г. Было установлено, что каждая сторона представит по три свидетеля. Защитник Геринга О.Штамер и защитник Деница Кранцбюлер повели допросы в высшей мере профессионально, располагая такими свидетелями, которые могли бесспорно доказать, что в Катыни располагалась другая часть, а не та, которой приписывалось выполнение некоего приказа о расстреле поляков, что ее возглавляло упомянутое в материалах комиссии Бурденко лицо (правда, с искажением: Аренс, а не Арнес), но в другое время и в другом чине. Четкие и ясные показания Ф.Аренса, опровергавшие утверждение о причастности штаба связи к расстрелам, были убедительно подкреплены показаниями его непосредственного руководителя — начальника связи группы армий «Центр» генерал-лейтенанта Оберхойзера и еще одного военного — представившего нотариально заверенный affidavit, а затем приглашенного в Нюрнберг для перекрестного допроса Р. фон Эйхборна. Защитникам удалось поставить под сомнение утверждения о получении приказа о расстреле польских военнопленных, о проведении экзекуции данной частью и в указанные сроки. Попытки советского обвинителя Л.Н.Смирнова подловить Аренса на вопросе о посещении места захоронений, об их глубине или виде оружия, каким располагал штаб 537-го полка, результатов не принесли³⁰.

Советские свидетели (а это были использовавшийся в этом качестве профессор астрономии Б.В.Базилевский, заместитель бургомистра Смоленска; главный судебно-медицинский эксперт Минздрава СССР, руководивший этой стороной деятельности комиссии Бурденко, профессор В.И.Прозоровский; профессор Софийского университета М.А.Марков) не смогли быть столь же убедительными. Показания Базилевского были путанными, не только производили впечатление заученных, но и зачитывались по бумажке, что было немедленно подмечено защитой. Свои утверждения о вине немцев он обосновывал, ссылаясь на реплики бургомистра Смоленска Б.Г.Меньшагина, которые невозможно было проверить. Базилевский не знал расположения могил, не мог назвать ни одного свидетеля, который присутствовал бы на расстрелах. Ему пришлось при-

знать, что он не был репрессирован за сотрудничество с немцами, а это полностью подорвало доверие к его показаниям.

Профессор Прозоровский строил свои показания по прежней схеме, указывая на недобросовестность при эксгумации 1943 г. на фоне методов, применяемых комиссией Бурденко, и стараясь обосновать принятую ею датировку расстрела. Правда, он признал, что применение метода наличия псевдокаллоса на внутренней стороне черепа стало ему известно, но, несмотря на это, был готов опровергнуть данный метод, поскольку он был применен для обоснования срока расстрела в 1940 г. После корректирования его научных рассуждений помощником главного обвинителя от СССР Л.Н.Смирновым он на вопрос-утверждение последнего: «Таким образом, ни одного черепа с явлениями псевдокаллоса не было», — поспешно и категорично ответил: «Нет». Прозоровский перечислил вещественные доказательства, призванные служить подтверждением срока расстрела после весны 1940 г., и в итоге последовал диалог: «Смирнов: Таким образом, 1940 год исключается? — Прозоровский: Таким образом 1940 год исключается полностью».

По наводке Смирнова Прозоровский подтвердил наличие пуль и гильз немецкого производства. Однако он растерялся и не смог ответить ничего вразумительного на вопрос о том, военнопленные из каких лагерей были расстреляны в Катынском лесу, вспомнил о лагере ОН-1, но не проявил информированности о лагере в Козельске, о том, что там находились польские офицеры, и об их судьбе (как известно, именно они были расстреляны в Козьих горах Катынского леса). «Я о них ничего не могу сказать, так как следствия не вел...», — признавался он, не будучи в состоянии назвать ни цифры жертв, ни пропорции офицеров и солдат, ограничившись определением «очень много»³¹.

Третий свидетель советской стороны, болгарин М.А.Марков, использовал советским обвинением, чтобы поставить под сомнение результаты экспертизы международной комиссии. Работа с ним велась еще с начала 1945 г., когда он в Софии проходил по процессу на основании декрета-закона о народном суде над виновниками вовлечения Болгарии в мировую войну против союзных народов и за злодеяния, связанные с нею. Ему инкриминировалось участие в работе международной комиссии в Катыни и в содействии несовместимой с обязательствами Болгарии в отношении Советского Союза политике тогдашнего болгарского правительства. «Подельниками» была группа священнослужителей, участвовавших в осмотре могил в Виннице. Они были наказаны штрафами, поражением в правах, получили различные сроки.

Катынское дело играло особую роль в софийском процессе. В состав приговора был включен документ «Мотивы», в котором, в частности, была дана оценка политики Польши накануне и в начале Второй мировой войны. Она была насыщена сталинистскими стереотипами пропаганды того времени — рассуждениями об отсталости шляхетской Польши, о «предпочтении германского господства» и отказе от помощи «великого соседа, подавшего руку...». Утвержда-

лось, что массовый расстрел польских военнопленных осуществили немцы, а международная комиссия медицинских экспертов якобы сознательно их обеляла и т.п.

Признав Катынское дело «немецкой инсценировкой», развернув критику как немцев, так и международной комиссии, Марков добился оправдания. Правда, в его «собственноручных показаниях» было подчеркнуто, что медицинская датировка захоронения невозможна, а анализ документов — не дело медиков. Выводы в духе «советской официальной версии» о времени захоронения, как и о тождественности захоронений в Катынском лесу и в Виннице сделал председатель суда Лозанов.

Будучи доставлен в Нюрнберг, Марков принес не много пользы для подтверждения выводов комиссии Бурденко. Он не взял на себя, как и раньше, датировку документов, даже извлеченных из одежды обработанного им единственного трупа, подтвердил, что на нем была зимняя одежда³². Марков привел заключение члена международной комиссии итальянца В.Пальмиери, затрагивающее проблему датировки.

Поскольку становилось очевидно, что нейтрализовать действия немецкой защиты не удастся, Л.Смирнов готов был привлечь новых свидетелей, добавить подготовленные affidavits. Однако председатель трибунала Д.Лоренс не дал делу такого хода. Было вынесено решение не включать Катынь в окончательный вариант приговора за недостаточностью доказательств.

Свою немалую роль в этом сыграла позиция поляков.

Уже в ходе освобождения Польши органы безопасности — польские под патронатом советских — осуществляли широкую «зачистку» возможных и реальных противников нового режима. К их числу были отнесены и свидетели катынского преступления, в том числе участники эксгумации 1943 г. Их арестовывали, допрашивали, изолировали или ликвидировали. Проверка госпиталей Польского Красного Креста (ПКК) сопровождалась арестами врачей. Их включали в «черные списки», они долго не могли найти работу. Как свидетельствует член Технической комиссии ПКК доктор Х.Бартошевский, после освобождения за ним пришел советский военный и препроводил на допрос. «Их только одно интересовало, — пишет через полвека после событий того времени доктор, — мое мнение, кто убил польских офицеров в Катыни. Я ответил согласно с правдой, что ПКК занимался идентификацией останков и извещением семей, а не решал, кто убивал. Я просидел два месяца под арестом в Величке. Меня спасли коллеги из больницы. Их тоже допрашивали и интересовались, что я говорил на тему Катыни. Они засвидетельствовали, что я не говорил, что это сделали русские. Я никогда не говорил и того, что это сделали немцы»³³.

В Польше было весьма широко известно о катынском преступлении. По мере эксгумации и идентификации останков жертв Техническая комиссия ПКК с курьером еженедельно направляла в Варшаву списки опознанных и фотопленки. Они публиковались в газетах. Были сохранены многие вещественные доказательства,

копии собранных немцами материалов (архивы С.Соболевского и Я.Робеля). Было ясно, но открыто не утверждалось, чтобы не подыгрывать немцам, что Катынь — дело рук НКВД.

Террор органов безопасности вынудил глубоко запрятать документы и материалы, отчеты и фотографии. Доктор Х.Бартошевский никому и никогда не показывал то, что сумел сохранить, — даже своей семье.

Планируемая комиссией Вышинского «подготовка польских свидетелей и их показаний» встретила на своем пути значительные затруднения. Прокурору специального уголовного суда в Кракове Р.Мартини было поручено соответствующее задание. В ответ на его запрос в декабре 1945 г. он получил письменную экспертизу немецкого заключения, подписанную судебно-медицинскими экспертами профессорами Я.С.Ольбрахтом и С.Сегалевичем. Тщательно рассмотрев текст, они указали на его пробелы, ошибки и неточности, некоторые выводы назвали недостаточно доказанными. С одной стороны, они посчитали излишней немецкую обстоятельность (химический анализ под микроскопом, фотографирование в инфракрасных лучах и т.п.), а с другой — слишком кратким срок в 67 дней. Выводы членов международной комиссии были оценены как неполные и расходящиеся друг с другом. И уж совсем невыигрышным для использования в целях подкрепления выводов комиссии Бурденко было утверждение, что датировка убийства невозможна ни на основании данных судебно-медицинской экспертизы, ни при помощи анализа документов, которые легко подделать³⁴. Дальнейшие действия Р.Мартини невозможно предугадать, как и установить результаты его расследования. Однако точно известно, что через пять дней после заседания комиссии Вышинского и поручения готовить польских свидетелей и показания для Нюрнберга Р.Мартини был убит в своей квартире. Показания с членов Технической комиссии ПКС стал снимать генеральный прокурор Е.Савицкий. Эта его работа не привела к решению поставленной задачи. Инициатива польского вмешательства в рассмотрение Катынского дела появилась с другой стороны. По решению польского правительства в изгнании от 21 декабря 1944 г. был создан комитет из министров иностранных дел, национальной обороны, информации и документации. Его эксперты — выдающийся юрист В.Сукенницкий и активный участник поиска поляков в СССР М.Хейтцман подготовили в начале 1946 г. содержащий обширнейшую информацию по Катынскому делу (более 450 страниц) материал. На этой основе в апреле 1946 г. в Лондоне был издан краткий «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы», а затем был опубликован и полный текст. В материале доказывалась вина СССР. Английский обвинитель Х.Шоукросс вручил его всем обвинителям, включая советского³⁵. Адвокат Деница Кранцбюлер настаивал на его проверке и приобщении к делу как документа польской делегации. Р.А.Руденко, хотя дело уже было закрыто, несмотря на его настояние включить катынское преступление в число злодеяний гитлеровцев, на этот раз должен был застраховаться от

развития дела в другую сторону. Он просил согласия «сделать только одно замечание». Вот оно: «...Замечание защитника о том, что этот документ получен от польской делегации, по меньшей мере, у меня вызывает удивление. Меня интересует, от какой польской делегации, собственно, получен этот документ, ибо польская делегация, представленная здесь, не могла представить подобного рода фашистской пропагандистской листовки?»³⁶ Развития этот эпизод не получил. Сталину пришлось смириться с неудачей в признании Международным трибуналом «советской официальной версии» катынского злодеяния.

Но для большинства членов советской делегации в Нюрнберге Катынское дело стало, по свидетельству Т.Р.Ступниковой, поистине тяжелым испытанием: «Каждый воспринял это печальное событие по-своему, исходя из собственного жизненного опыта, но тяжело было, бесспорно, всем советским. И судьям, внезапно утратившим свою самоуверенную окаменелость, и обвинителям, которым суждено было на примере Катыни еще раз убедиться, что Нюрнбергский трибунал — это не суд Союза Советских Социалистических Республик. Наконец, тяжело было рядовым членам делегации, переживавшим все, что происходило в зале суда, и делавшим свои выводы... Многие из этих статистов молча думали о своем, скрывая эти мысли, так как официальное право на существование имела лишь одна кремлевская версия»³⁷.

1 июля 1946 г. именно Ступникова вела синхронный перевод допроса немецкого свидетеля, командира стоявшего осенью 1941 г. в районе Катынского леса 537-го полка связи Ф.Аренса. Слабость советского обвинения была ей очевидна. Хотя защита не имела права ставить вопрос о том, кто виноват, страшный вывод напрашивался сам собой: «это чудовищное преступление XX века останется на совести сталинского руководства (если у него есть совесть!), и тень его падет на нашу Родину». Не сговариваясь, советские граждане, присутствовавшие в тот день в зале суда, назвали 1 июля 1946 г. «черным днем Нюрнбергского процесса». В своих воспоминаниях Ступникова пишет: «Для меня это был действительно черный день, хотя я была всего лишь переводчиком в зале суда. Слушать и переводить показания свидетелей мне было несказанно тяжело, и не из-за сложности перевода, а на сей раз из-за непреодолимого чувства стыда за мое единственное многострадальное Отечество, которое не без основания можно было подозревать в совершении тягчайшего преступления.

В этом, к моему великому ужасу, и заключалась Правда, ничег кроме Правды!»³⁸

Разгром фашизма, суд над главными военными преступниками подвели основные итоги Второй мировой войны. Утверждался новый международный правопорядок. Катынское дело с официальной принятой Международным военным трибуналом (МВТ) квалификацией «геноцид» на несколько десятилетий осталось «белым пятном». Его дальнейшее рассмотрение вписывалось в условия начала и окончания «холодной войны».

В 1953 г. издательство «Большая Советская энциклопедия», фабрика официальной информации, выпустило в свет 20-й том второго издания одноименной энциклопедии, дополненного и актуализированного. На букву «К» в нем был опубликован новый текст статьи «Катынский расстрел». Апробированный на высшем идейно-политическом уровне, он содержал полный набор обязывающих долгие десятилетия формулировок.

Краткая канва основных событий и их хронология приводились и интерпретировались в духе сталинистской катынской мифологии 1943—1944 гг.: поляки были взяты в плен в ходе «освободительного похода» 1939 г. в Западную Украину и Западную Белоруссию; они были захвачены гитлеровцами в августе 1941 г. и осенью расстреляны в Катынском лесу штабом 537 строительного батальона и т.д. Эта заведомая дезинформация, поставленная под сомнение во время Нюрнбергского процесса, в очередной раз «подкреплялась» ссылкой на материалы комиссии Бурденко. Для пушей убедительности ей на ноте высокого пафоса приписывалось «раскрытие перед всем миром подлинной картины злодейского умерщвления гитлеровцами польских офицеров». Эта тональность бескомпромиссного разоблачения геноцида польского народа была призвана усилить по контрасту восприятие действий сталинского руководства как подлинно гуманных и дружественных, отвечающих высшим ценностям мирового сообщества. Для усиления этого эффекта утверждалось, что Специальная комиссия Бурденко начала свою деятельность «тотчас же после изгнания гитлеровцев из Смоленска (25 сентября 1943)...». Это мифотворчество не было совместимо с реальностью, но на этот раз оно было призвано закамуфлировать подготовительные работы для увеличения неопровержимости «правоты» советской позиции апреля 1943. Этой же цели служила ссылка на высокий международный авторитет: «В 1945—1946 Международный военный трибунал в Нюрнберге признал Геринга и других главных военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу». Этой очередной официальной ложью подкреплялись фальсифицированные сведения о том, что якобы «по подсчету судебно-медицинских экспертов общее количество трупов достигало 11 тысяч». На деле эти эксперты участвовали во вскрытии всего 925 трупов и никак не могли вести счет на тысячи. Подобная псевдоинформация служила ведомственным целям НКВД/КГБ, заметая другие следы преступления.

К анализу истории комиссии Бурденко и ее наследия авторы вернутся в другом месте, опираясь на изучение ее материалов. Здесь же важно выделить другой момент — причину появления статьи «Катынский расстрел» в «Большой Советской энциклопедии» (БСЭ) в 1953 г. и ее идеологическую «сверхзадачу».

С нагнетением атмосферы «холодной войны» перестала действовать договоренность союзников о сокрытии трудных моментов в недавней истории советско-польских отношений. В Конгрессе США была создана специальная комиссия Р.Дж.Мэддена по Катыни, ко-

торая обнаружила многие доказательства совершения катынского преступления сталинским режимом и НКВД: устно 81 свидетель и письменно сотня свидетелей подтвердили его подлинные обстоятельства и указали на истинных виновников. Возбуждение американцами этого дела стимулировало стремление советских правящих кругов и редколлегии БСЭ в очередной раз подтвердить неопровержимость сталинской версии и убедительность ее идеологического обоснования. Со ссылкой на ноту советского правительства от 29 февраля 1952 г. «империалисты США» были обвинены в преступной политике разжигания новой мировой войны, в стремлении «оклеветать Советский Союз и реабилитировать, таким образом, общепризнанных гитлеровских преступников». В примененном методе парирования обвинения «органов советской власти» просматривается прямая аналогия со стилем претензий к правительству В.Сикорского по поводу «пособничества геббельсовской пропаганде». Правда, на этот раз разоблачительный пафос звучал еще сильнее, поскольку он включал указание на нарушение вердикта Международного военного трибунала. На самом же деле это была сознательная фальсификация.

Повторная констатация вины немцев была использована для актуализации идеологических клише: указание на расчет «поссорить русских с поляками» имело в подтексте укоренившийся в сознании советского общества стереотип советско-польской дружбы и сотрудничества; этот стереотип трансформировался в новое качество «все-славянской общности». Тезис, гласящий, что «немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов», использовался для придания убедительности ложной версии при помощи антигитлеровских идеологических стереотипов того момента, демократического международного звучания.

Мощное идеологическое обоснование «официальной версии» катынского преступления завершалось для «абсолютной» убедительности гневным осуждением самого «желания получить какие-то "доказательства" относительно убийства военнопленных польских офицеров»³⁹.

У читателя, наверное, не осталось сомнений в отношении того, что опубликованная в «Большой Советской энциклопедии» статья — типичный образчик официозной «авторитетной» информации со всеми ее атрибутами: строгой обязательностью предписываемой «истины в последней инстанции», которая на деле является изготовленной по случаю дезинформацией, прикрытой мифотворчеством; строжайшим запретом любых сомнений и поисков правды.

Нет оснований не верить рассказу опытного аппаратчика — ведущего польским сектором международного отдела ЦК КПСС в 60—70-е гг. П.К.Костикова, который не без большого внутреннего смущения попытался уяснить для себя тайну Катынского дела. Весьма существенно, что он, услышав об этом деле случайно, ощутил, что оно тяжким грузом лежит на советско-польских отношениях

Лично для Костикова это была прежде всего проблема судьбы отца его польского коллеги Р.Фрелека, с которым его связывали дружеские отношения. Сквозь призму частного случая, судьбы одного польского офицера, который «вероятно» погиб в Катыни, влиятельный партийный функционер пытался выяснить у опытных коллег следы Катынского дела. Даже на таком высоком аппаратном уровне всевластного ЦК КПСС ему всего лишь «дали понять», что его любопытство «не будет удовлетворено, так как в ЦК КПСС ничего на эту тему нет. Если и есть какие-либо следы польских офицеров, которые не попали в армию Андерса или Берлинга, то в совершенно иной организации, но и там тоже ничего не скажут»⁴⁰. Практика отношений между госбезопасностью и аппаратом ЦК была именно такой: бразды управления государственными тайнами держала в своих руках государственная безопасность, а партийное руководство с полным респектом относилось к прерогативам «соседей» с Лубянки. Те, в свою очередь, руководствовались в этом деле лишь собственными секретными инструкциями, создавая сложные, многоярусные внутренние заслоны утке сверхсекретной, раскрывающей чинимый ими произвол информацией.

Обстановка строгой секретности способствовала укоренению и расширению применения противоправных методов и действий. Предпринимаемые время от времени внутриведомственные попытки пресечь крайние формы злоупотреблений и убрать свидетелей противозаконных действий стимулировали повышение степени внутренней засекреченности всякой информации, и в том числе в самих карательных органах, — возникновение «секретности в секретности».

Важнейшее значение для понимания отношения чиновников этого ведомства к любым запросам по Катынскому делу имеет и информация П.К.Костикова о беседе с генералом КГБ Г.С.Жуковым, во время войны уполномоченным по созданию иностранных формирований в СССР и, в частности, личным представителем Сталина по польским делам. Хлопоча о своем восстановлении в правах (получении пенсии) и стараясь быть максимально убедительным в глазах компетентного партийного функционера, Жуков признал роль НКВД в ликвидации польских военнопленных. Ведомственному, клановому интересу он, однако, не изменил, ограничившись полуправдами о сроке, мотивах и обстоятельствах катынского расстрела. «Никаких документов по Катынскому делу нет, и нет никакого смысла их искать»⁴¹, — заявил он со всей решительностью человека осведомленного. Оставив на его совести эту профессиональную ложь, приведем другое его признание, имеющее для истории Катынского дела весьма важное значение. Так вот, по его словам, он впервые заговорил об этом деле с кем-либо вне службы безопасности. И далее: «...Равно в НКВД, как и в КГБ было строго запрещено вести какие-либо разговоры о Катыни, даже как о немецком преступлении»⁴².

Советско-польские отношения под бременем «официальной версии» катынского преступления в годы «оттепели» и десятилетия «застоя»

Смерть Сталина и наступление хрущевской «оттепели» открыли новую эпоху, которую с нетерпением ожидали народы «социалистического содружества». Крах авторитарного сталинского режима, XX съезд КПСС создавали новый климат в СССР, открывали путь конструированию новых международных отношений. Динамика советско-польских отношений являлась показателем их развития.

Еще недавно сам Хрущев нередко ставил свою подпись вместе с другими членами сталинского руководства по сталинской воле под расстрельными документами, деля ответственность за массовые репрессии, за депортации и расстрелы в УССР и Западной Украине, за чудовищное избиение своих бывших друзей и соратников. Впрочем, он и не скрывал, что при жизни Сталина находился полностью по его влиянию. Однако, как не без основания утверждает Ф.Бурлацкий, «его роль несравнима с ролью ближайших соратников Сталина»⁴³. Он был мало информирован в тайных, закулисных делах и решениях Политбюро, оставался фигурой противоречивой, сохраняя в себе потенциал человечности, искренности и чувства вины. Это и подвигло его выступить инициатором разоблачения сталинщины. Правда, он делал упор на разоблачение культа личности Сталина, не будучи в состоянии глубоко переосмыслить порочные свойства авторитарного режима, да и сознательно не желая сказать всю правду о репрессиях.

Для польской общественности, напряженно следившей о развертывании событий в Советском Союзе, мерой его демократизации было отношение к мрачным страницам исторического прошлого двусторонних отношений, к сталинским злодеяниям, жертвами которых неоднократно становились поляки.

К катынской теме Хрущев подошел не сразу.

Новации во внешней политике, трансформация ее принципов и норм начались на XX съезде КПСС с их определенным переосмыслением и смягчением. Выравшись, как ему казалось, из цепких оков воспитанного сталинско-бериевским режимом клана, новый лидер партии-государства позволил себе действовать на внешнеполитической арене более раскованно, а временами и весьма радикально. В «социалистическом лагере» большой резонанс вызвала содержавшаяся в его докладе на съезде мысль о «возможности новых форм перехода к социализму», отличных от советских. Она была воспринята как свежее веяние, как многообещающая декларация равноправности отношений.

Однако сталинская пуповина держала Хрущева крепко, поэтому не следует преувеличивать масштабы переосмысления им деформированной Сталиным внешней политики СССР. «Отпускать» Центральную и Юго-Восточную Европу он не собирался. Наоборот, ее реакция на XX съезд, быстрый рост свободолобивых настроений,

которые он воспринял как всплеск антисоветизма (а среди получаемых в Москве информационных сообщений из Польши были упоминания и о Катини, о требованиях со стороны организаций ПОРП, интеллигенции — например, в Щечине, Торуні — пересмотреть принятую версию Катынского дела, изменить отношение к Варшавскому восстанию, к событиям 17 сентября 1939 г. и т.д.⁴⁴ вызвали прежний рефлекс немедленного воздействия на польское руководство.

Хрущев продолжал руководствоваться сталинскими догмами — для обеспечения «единства и сплоченности социалистического лагеря» по-прежнему применялись прежде всего методы прямого давления.

После смерти Б.Берута Хрущев пытался продолжать прямой нажим на руководство ПОРП, старался поставить его под непосредственный контроль.

Накануне VIII пленума, на котором польские руководители предполагали выдвинуть Вл.Гомулку на пост первого секретаря партии, из Москвы через посла в Варшаве П.К.Пономаренко была передана «настойчивая просьба» Хрущева. Он полагал, что вопрос о кадровом составе верхнего эшелона ПОРП должен решаться в Москве согласно установленному Сталиным коминтерновскому ритуалу. Для этого он приглашал прибыть в СССР весь состав Политбюро вместе с Гомулкой.

Гомулка однажды уже поломал эту традицию, заняв пост секретаря партии 23 ноября 1943 г. без требуемого согласования, на основе выборов в ЦК ППР, вопреки рекомендации запретить такую акцию «на ближайшие 2—3 месяца»⁴⁵. Это имело последствием длительное осложнение отношений.

И на этот раз поляки твердо и решительно (Хрущев беседовал по телефону с Охабом) отклонили «приглашение». В ответ приказом от 18 октября министра обороны СССР Г.К.Жукова советские войска, находившиеся на польской территории, а также Балтийский военный флот были приведены в боевую готовность. Пономаренко поставил первого секретаря ЦК Э.Охаба в известность, что в день открытия пленума ЦК в Варшаву намерена прибыть делегация КПСС во главе с Хрущевым. В связи с этим было рекомендовано отложить пленум. Срочно собранное Политбюро ЦК ПОРП подтвердило намерение пленум проводить, не уступая давлению.

Утром 19 октября пленум был открыт, а Гомулка кооптирован в состав Центрального Комитета. Его позиция в руководстве была легитимизирована. После этого был сделан перерыв в связи с прилетом самолета с Молотовым, Микояном и Кагановичем на борту, а вслед за ним личного самолета Хрущева. Польские руководители напряженно следили за тем, как он, спустившись на бетон аэродрома вблизи польской столицы, в ярости грозил им кулаком и демонстративно двинулся в сторону встречавших его советских генералов. Только после обмена приветствиями с ними Хрущев, как рассказывал Т.Тораньской Э.Охаб, «подошел к нам и снова начал махать у меня перед носом кулаком». Охаб подчеркивал: «Разумеется, это был афронт не только по отношению ко мне, но по отношению ко всей польской партии. [...] Я сказал ему: в польской столице мы хо-

заява и нет нужды устраивать спектакль на аэродроме, поехали в Бельведер, где мы нормально принимаем наших гостей. В Бельведере я заявил ему: мы не отменим пленум, я много лет просидел в тюрьмах, не боюсь никакой тюрьмы и вообще меня ничем не запугают. Мы отвечаем за свою страну и делаем то, что считаем нужным, потому что это наши внутренние дела. Мы не делаем ничего, что бы угрожало интересам наших союзников, и особенно интересам Советского Союза»⁴⁶.

Конфликт был острым. По словам самого Хрущева, «разговор шел грубый, без дипломатии». Он требовал объяснений, грозил вооруженной интервенцией, кричал: «Мы разберемся, кто враг Советского Союза», клеймил за измену. Позже, в воспоминаниях, Хрущев включил в изложение канвы визита оговорку: «хотя мы и считали, что это все-таки накипь, которая образовалась в результате прежней неправильной политики Сталина». Но на аэродроме он демонстративно спросил посла, указывая на Гомулку: «А это кто такой?» Советские дивизии уже были на марше, часть членов ЦК не ночевали дома, боясь арестов.

Гомулка проявил выдержку и характер. Он тонко уловил ноту демократизма в противоречивом облике ниспровергателя сталинщины и опередил посла с ответом по-польски: «Я — Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме». В ходе горячей ночной беседы советской стороной высказывались претензии по поводу того, что кандидатура Гомулки и другие кадровые решения не были согласованы с Москвой, что польские руководители терпимо относятся к «антисоветской агитации». Хрущев, видимо не посвященный в детали событий 1947—1948 гг., отрицал роль советской стороны в репрессировании Гомулки. Тон непримиримой конфронтации удалось преодолеть с трудом. Польские лидеры добились прекращения движения танков на Варшаву. Долго велись переговоры — «трудные, горькие, очень детальные»⁴⁷.

Для понимания тональности и содержания этого резкого и принципиального выяснения отношений важен подтвержденный Ю.Циранкевичем эпизод. Когда Молотов пытался вставить в дискуссию свою реплику, Гомулка оборвал его словами: «А Вам, товарищ Молотов, нечего здесь говорить. Польский народ помнит Ваше выступление на Верховном Совете Советского Союза о том, что "уродливое дитя (детище. — *Авт.*) Версальской системы перестало существовать"». После этого Молотов оставил попытки участвовать в споре. Хрущев посчитал должным указать в воспоминаниях на сложности в отношении поляков к СССР с 1939 г., когда Сталин разделил с Гитлером Польское государство, а советские пропагандисты попали в «трагическую ситуацию», не имея возможности поддержать освободительную борьбу польского народа. Подчеркивая, что на низовом уровне «никаких польско-русских коллизий национального порядка... не возникало», и камуфлируя собственную роль в преследовании польского национального меньшинства на Украине, он кивал только на Сталина: в 1936—1938 гг. велась «настоящая "погоня за ведьмами"», какому-либо поляку трудно было

где-то удержаться. [...] Все поляки были взяты в СССР под подозрение»; еще до Второй мировой войны «в украинской партийной среде поляков почти не осталось, всех их уже уничтожил Сталин», который «вообще сохранял самое острое недоверие к Польше», но после войны, встречаясь с польскими руководителями, как в другом месте подметил Хрущев, «умел их приласкать, занимая позицию ухаживания, чтобы они забыли о 1939 году». Подчеркивая, что давление на переговорах было неуместно, но все же признав, что он прибегнул к этому традиционному методу общения, Хрущев в итоге осознал следующее: «...необходимо время, чтобы у людей создалось доверие к нам и те, кто заблуждается, убедились на деле, что мы являемся друзьями польского народа, что наша дружба обеспечивает Польше безопасность и неприкосновенность западных земель»⁴⁸.

Внезапно наступивший перелом в поведении Хрущева, отказ от вооруженного вмешательства советских войск в события в Польше были связаны, как выяснилось позже, и с позицией китайского руководства. Лидеры КПСС, направляясь в Варшаву, поставили в известность о своих намерениях руководителей Чехословакии, ГДР и Китая. Последние опротестовали правильность подобной акции как излишнего вмешательства в дела партнеров по Варшавскому Договору. Хрущеву пришлось вернуть войска на базы. Однако Венгрию вооруженная интервенция не миновала.

Попытки продолжать в Центрально-Восточном регионе прежнюю линию, когда уже наступили радикальные перемены, оказывались неэффективными и диктовали пересмотр отношений. Было заявлено об их вступлении в новую, более высокую фазу. Датированная 30 октября 1956 г. «Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» констатировала, что их взаимоотношения будут строиться на базе равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга. Впервые в документе такого ранга подчеркивалась необходимость учета уроков исторического прошлого и национальных особенностей каждой страны.

Хрущев, который с большой политической прямоотой старался — и умел — завоевывать приверженцев, интуитивно почувствовал в Гомулке лидера большого формата и близких ему установок. Он принял Гомулку, проникшись к нему уважением и стараясь поддерживать добрые и близкие товарищеские, в своей излюбленной манере — компанейские отношения. В международном отделе ЦК КПСС, по сведениям П.К.Костикова, считали, что Хрущев видел в Гомулке сторонника перемен, который «будет его полезным союзником в Москве в борьбе с противниками оттепели»⁴⁹. Однако это были люди очень разного склада, согласование позиций давалось им не без труда.

Процесс избавления от наследства сталинщины оставался сложным и противоречивым. Существовали опасения усиления антисоветизма, антикоммунизма. Политика в значительной степени была прагматичной.

Сухой, суровый до жесткости Гомулка, принимавший решения по здравому размышлению и взвешенному учету обстоятельств, последовательный и бескомпромиссный, периодически посещал Москву по случаю ритуальных празднований годовщины Октябрьской революции, совещания коммунистических и рабочих партий, XXI съезда КПСС. Каждая такая поездка сопровождалась близким контактом с Хрущевым, который в раскованной полуофициальной обстановке, за рюмкой водки — и не одной — раскрывался во всем богатстве своей невожатанной, импульсивной натуры, слабо представляющей, что такое тактичность. Московский хозяин часто действовал по наитию, не додумывая до конца свои шаги и позволяя себе быть непоследовательным в оценках, полагаться на интуицию.

Вставал ли во время этих визитов вопрос о Катыни? Прямых свидетелей этого нет. Но косвенные существуют.

Проблема расстрела польских пленнх на территории СССР в течение многих лет была в поле зрения Гомулки. В его «Воспоминаниях», даже в сокращенной версии, она занимает объем более печатного листа. Автор берет на себя определение позиций руководства ППР и собственных взглядов по этому вопросу. Он открыто признает, что в заявлении от 23 апреля 1943 г. в газете «Трыбуна вольнощи», в статьях и заметках на ее страницах в мае того же года и в специальном обращении к обществу, как и в послевоенных изданиях: материалов периода оккупации позиция ППР соответствовала официальной позиции советских властей. В начале мая 1943 г. Гомулка и сам опубликовал в газете «Глос Варшавы» подобную статью. Зато в издании своих произведений 1947 г. он ее уже не публиковал, «имея совершенно другую точку зрения на катынское преступление».

В «Воспоминаниях» Гомулка осмысливает политический контекст катынского вопроса, позицию союзников и возможные последствия подрыва их единства, к чему вела в годы оккупации поддержка идеи «советского следа». Позже он публично не поддерживал «немецкий след», а с октября 1956 г. рекомендовал пропаганде молчание по этому вопросу — или, как это формулирует А.Верблян, «неангажирование в принятии какой-либо версии». «Большая всеобщая энциклопедия» Польского научного издательства должна была отказаться от публикации статьи «Катынь». Было распоряжение не помещать на кресте в Катынской долине Повонзковского кладбища в Варшаве никакой даты. Ведутся споры вокруг проблемы отношения Гомулки к вопросу о предложении Хрущева довести до общественного мнения, что катынское убийство было совершено по предложению Сталина, а Гомулка якобы воспрепятствовал этому. Споры явно носят черты политической борьбы. Гомулка высказался по этому вопросу в своих «Воспоминаниях» в контексте публикации в израильском издании «Курьер и Новины» в апреле—июле 1973 г. апокрифа «Мои сорок лет — откровения Владислава Гомулки» (во фрагментах этот текст передавало и радио «Свободная Европа»).

Гомулка называет эту публикацию «клеветой, сконструированной со злым умыслом», одновременно указывая, что эта публика-

ция была результатом ведшихся против него интриг «партийной верхушки», «руководящих партийных верхов».

А.Вербан считает, что нет никаких достоверных свидетельств, подтверждающих предложение Хрущева и такого рода информация создает впечатление «конъюнктурного вымысла»⁵⁰. Более того, он убежден: из решения от марта 1959 г. (практически из записки Шелепина) вытекает, что Хрущев знал о преступлении и не хотел его обнародовать. В действительности решения Политбюро не было: была только записка Шелепина и не оформленный как заключительный документ проект решения. Даты возможной беседы Хрущева с Гомулкой и записки не совпадают. Но это не убеждает.

Можно ли полностью отрицать объективность информации о том, что Хрущев во время одного из приездов Гомулки в Москву в неофициальной атмосфере предложил ему при благоприятных обстоятельствах публично сказать о Катыни?

Представляется, что целиком отрицать это нельзя.

По свидетельству В.М.Фалина, Хрущев, как человек настроения, «идеологические вольности» и сам практиковал, и от других терпел. Он к XXII съезду КПСС «собирался докопаться до нижних кругов сталинского ада и передать гласности сводные данные о совершенных под водительством Сталина» преступлениях. Собирался и отказался. Главная причина: «Хрущев не был человеком, готовым сводить счеты с самим собой. Отводя правду от себя, ему не оставалось иного, как приглаживать Сталина». Он не сумел перешагнуть через сталинизм и оказался мастером «шлюзования информационных потоков»⁵¹.

Информация о том, что Хрущев поставил перед Гомулкой вопрос об обнародовании правды о Катыни во время одного из визитов последнего в Москву, появилась в книге записанных Б.Ролинским воспоминаний сотрудника ЦК КПСС П.К.Костикова «Увиденное из Кремля. Москва—Варшава. Игра за Польшу». У авторов появилась возможность не только проанализировать эти воспоминания, просто обойти которые они не в праве, но и провести беседу с Костиковым, уточнив ряд существенных моментов.

П.К.Костиков ничего не слышал об израильской публикации. Его источник — непосредственный участник, в большей мере свидетель разговора двух крупнейших деятелей, присутствовавший при встрече по долгу службы сотрудник ЦК КПСС Я.Ф.Дзержинский. Это делает факт разговора вполне правдоподобным. Однако, в какой мере можно принять на веру свободный пересказ с его слов, с включением фрагментов прямой речи, записанный Ролинским на кассету, расшифрованный и отредактированный без авторизации со стороны хотя бы Костикова? Получившееся в результате усилий нескольких человек обширное живописание с существенными элементами реконструкции трудно считать имеющим подлинно документальное звучание.

В ходе разговора с Костиковым удалось уточнить, что беседа, собственно, не была, видимо, даже полуофициальной. Это был сделанный мимоходом, необязывающий, доверительный зондаж, общий смысл которого Дзержинский понял, можно надеяться, так,

как он изложен в книге Костикова. А в ней говорится, что разговор произошел во время официального визита Гомулки в Москву, накануне выступления на митинге дружбы на одном из предприятий. Хрущев был основательно под хмельком, рассуждал в привычном ключе о Сталине и его преступлениях и неожиданно предложил сказать на митинге о Катыни как злодеянии Сталина, с тем чтобы Гомулка поддержал это выступление заявлением, что польский народ осуждает это деяние. Оба руководителя отдают почести убитым и (в духе принятых идеологией) завершают митинг констатацией, что общие несчастья, порождение политики Сталина, сплочают народы, укрепляют дружбу и братство.

Вот как эта сцена завершается в книге Костикова:

«Гомулка слушал это в огромном напряжении. Через минуту он отозвался сдавленным голосом:

— Вы не отдаете себе отчета, какое эхо это может вызвать в нашем народе, какие реакции и настроения, как это может повлиять на польско-советские отношения. Это для нас очень трагичное дело, серьезное, оно не годится для того, чтобы о нем говорить на митингах. Это могло бы вызвать цепную реакцию. А документы у вас есть? А где лежат офицеры? Все в Катыни? Или еще где-то? Вы готовы ответить на все вопросы семей? Нет? Этого дела, Никита Сергеевич, так решить не удастся. Если вопрос созрел для выяснения, надо это сделать, но серьезно, и знать, как повести себя по отношению к последствиям, которые вызовет публичное обнародование дела. Нет, на митинге не будем это начинать.

Хрущев еще пробовал уговаривать Гомулку завершить Катынское дело на завтрашнем митинге, но Веслав не уступил»⁵².

Таков ли был внезапно возникший, краткий обмен мнениями или даже только репликами? Не преувеличен ли его ранг, его значение? Вообще, возможен ли он был?

Предлагаемая логика обращения Хрущева к Гомулке и хода рассуждений вполне типична для этого весьма прагматичного, но спонтанно действовавшего деятеля. Современный читатель, разумеется, не может не припомнить Хрущеву участие в сталинских репрессиях, расстрелы на территории Украины узников Старобельского лагеря и тюрем Западной Украины, безжалостные депортации населения. Однако, зная менталитет, состояние правового сознания и морали сталинского окружения, а также их трансформацию в период XX съезда КПСС, трудно усомниться в правдоподобии именно такого поведения Хрущева.

Факт этой беседы, с передачей основного смысла аргументации Гомулки, подтвердила в доверительном разговоре со своей приятельницей и московской соседкой В.Гостыньской, некогда обучавшейся в Институте красной профессуры и возглавившей в Варшаве Отдел польско-советских отношений, Н.П.Хрущева. Об этом были проинформированы авторы этой книги как редакторы томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений». По воспоминаниям С.Н.Хрущева, его отец не имел особых тайн от семьи, которая всегда была достаточно хорошо информирована о

его действиях. Нельзя сбрасывать со счетов масштабность личности и политическую зрелость, zaangażированность жены Хрущева, с которой он познакомился в Промышленной академии, где она преподавала ему политическую экономию.

Соответствующие запросы делались издателями документов и по официальной линии — через международное ведомство ЦК КПСС.

Хотя Никита Хрущев не был в составе узкого руководства Политбюро, рассматривавшего 5 марта 1940 г. «вопрос № 144» — а такова была оперативная практика тех времен, это не ставит под сомнение его осведомленность в данном деле, а также готовность почти через два десятилетия признать «советский след» в Катынском лесу, чтобы при поддержке Гомулки усилить антисталинский резонанс своих выступлений. Он любил делать «жесты благоволения» для завоевания расположения своих партнеров.

Когда мог иметь место такой жест в адрес Гомулки? В книге Костиков не называет даты, но в личной беседе он высказал мнение, что на начальной стадии урегулирования отношений двух руководителей, уже при первой встрече в Москве, то есть 15—19 ноября 1956 г. Именно тогда детально обсуждались принципы двусторонних отношений, которые были записаны в совместной декларации, — полное равноправие, уважение территориальной неприкосновенности, независимости и суверенности, невмешательства во внутренние дела.

Можно предположить, что обмен репликами о Катыни происходил неоднократно: например, мог состояться на рубеже 1958—1959 гг., когда Гомулка во время визита 24 октября — 10 ноября 1958 г. выступал на фабрике «Красный пролетарий», возможно, и 27 января — 5 февраля 1959 г., когда Гомулка находился в Москве для участия в работе XXI съезда КПСС, или 15 февраля 1959 г., когда наведывался к Хрущеву с рабочим визитом. Именно в этот период в поле зрения последнего была катынская проблема. Результатом этого стала записка председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР А.Шелепина, датированная 3 марта 1959 г. и служившая обоснованием для предложенного проекта постановления ЦК КПСС о ликвидации дел «по операции, проведенной в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года...»⁵³.

Из записки Шелепина однозначно следует, что Хрущев, который не входил в состав узкого руководства Политбюро, рассматривавшего «Вопрос НКВД СССР» (п. 144) 5 марта 1940 г., и не привлекался к оформлению соответствовавшего решения, получил достаточно полную информацию о времени и обстоятельствах преступления, о характере принятого политического решения — постановления Политбюро ЦК КПСС о порядке расстрела — на основании учетных дел, заведенных на поляков как военнопленных и интернированных, без суда — они были «осуждены» лишь на основании решения «тройки». Готовя записку, Шелепин затребовал и получил — с датой 27 февраля 1959 г. — выписку из протокола Политбюро ЦК

ВКП(б) с решением от 5 марта 1940 г. Вероятно, он познакомил с нею Хрущева, тем более что его подписи на документе не нашел.

Шелепин настаивал на сохранении дела в строгой секретности. Этот принцип строго соблюдался и должен был обязывать и впредь, поскольку «для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями».

Председатель КГБ считал допустимым и возможным вернуть Хрущева к «нашей версии» (хотя вполне откровенно делится данными об истинном положении вещей) и указывал на обоснованность и безопасность ее поддержания. Он писал: «Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именовавшейся "Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров"».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки **считаются** (Шелепин выделяет это слово. — *Авт.*) уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении»⁵⁴.

Обращение к Хрущеву с предложением уничтожить основной массив материалов Катынского дела, спрятав несколько документов, которые могут понадобиться верховному руководству страны, отражало тот зигзаг, через который проходил столь напористый вначале реформатор. На самом деле он также был продуктом сталинщины и его сковывала боязнь перед полной гласностью и суровым судом народа. Он был легок и неосмотрителен в принятии решений, легко и отказывался от них, когда в нем говорил прежний опит и срабатывали принятые стереотипы поведения.

Уже осенью 1956 г. и особенно после событий в Польше и Венгрии была вновь запущена в ход машина политических репрессий, хотя она никогда уже не набирала прежних оборотов. Реабилитирование стало приобретать все более ограниченный характер. Круг лиц, привлекаемых к ответственности за незаконное репрессирование и применение противозаконных мер во время следствия, сужался, рассмотрение дел затягивалось... Ни одно преступление не квалифицировалось как геноцид. Суд не шел дальше применения статьи о злоупотреблении властью, служебным положением.

Хрущевские реформаторские импульсы, как всякое послабление «сверху», быстро заглохли. Расклад сил в верхних эшелонах власти не способствовал их поддержанию даже в рамках сформулированной Хрущевым ограниченной задачи десталинизации.

Попытка Гомулки вернуться к разговору о проблемах трудного прошлого двусторонних отношений успеха не имела. По сведениям Костикова, Хрущев его «иронически оборвал:

— Вы хотели документов. Нет документов. Нужно было народу сказать попросту. Я предлагал... Не будем возвращаться к этому делу».

Даже если этот пересказ неточен и не имеет подтверждения в других источниках, а участников разговора давно нет в живых и мы располагаем только мнением Гомулки, нельзя полностью проигнорировать эти факты, тем более факт обращения польского руководителя к советскому по этому столь важному для развития двусторонних отношений вопросу. Продолжения, сколько-нибудь серьезного обсуждения это дело не получило. Это достаточно очевидно, и Гомулке нечего было подтверждать, нечем было хвалиться. Нельзя не учитывать и серьезности, обстоятельности и ответственности Гомулки, а также его сдержанности и даже скрытности. Трудно представить себе, чтобы он высказался по трудным проблемам, не взвешивая политических результатов, а тем более по деталям необязательных разговоров, которые не приобрели сколько-нибудь значимых масштабов, чтобы прочно отложиться, например, в памяти... Разумеется, с этим можно спорить и не соглашаться.

Для авторов данной книги свидетельства Костикова важны тем, что в аппарате ЦК КПСС эта информация подспудно функционировала, жила в сознании аппаратчиков, подталкивала П.К.Костикова и Г.Х.Шахназарова заняться поисками истины. По рассказу Костикова, усилия оказывались тщетными: им ясно дали понять, что в эту проблему не стоит входить, путь к ней заказан. У них возникло предположение, что материалов в ЦК нет, что они глубоко запрятаны на Лубянке.

И еще раз предоставим слово Костикову: «Начали даже замечать следы хрущевской инициативы. Да, он там что-то нес о Катыни, но только потому, что по-звериному ненавидел Сталина и был готов приписать ему весь ад на земле. Ведь известно, что Катынь — это дело рук гитлеровцев... Эта версия, как тяжелая каменная плита, прикрыла тайну могил»⁵⁵.

Однако ростки правды, хотя и заглушаемые чрезвычайной секретностью и страхом, все же понемногу пробивали себе дорогу и в аппарате КПСС. Свидетельство этому приводит В.А.Светлов, которому по долгу службы в польском секторе ЦК доводилось соприккасаться с проблемой катынских захоронений, которую периодически поднимали польские руководители. Сопровождая в начале 60-х годов при поездке в Катынь польского посла Б.Яшука на открытие памятника, он впервые услышал, что надпись на нем, в духе советской официальной версии, составленная по поручению секретаря смоленского обкома КПСС П.Абрасимова, бывшего посла в Варшаве, не соответствует истине. Один из секретарей этого обкома во время церемонии доверительно шепнул Светлову, что на самом деле поляков расстреляли люди из советских органов безопасности. Затем Светлов нашел подтверждение этому в беседах с поляками, в

публикациях, увидевших свет на Западе. Но не в СССР. Десятилетиями он должен был хранить страшную тайну в себе⁵⁶.

XX съезд не сумел реализовать до конца свой потенциал. Партия оказалась неспособна, «подобно барону Мюнхгаузену, вытащившему себя за волосы из болота, выкарабкаться из кровавой трясины, из вязкой лжи»⁵⁷.

Идеологические установки послевоенных отношений «дружбы, сотрудничества и взаимопомощи» дополнялись жестким набором трафаретов, стереотипов и клише, прославляющих сталинскую внешнюю политику. Трудные проблемы истории советско-польских отношений практически отсутствовали в сознании советского общества. В нем жила черно-белая картинка прошлого с его конфронтационностью, с антагонистической трактовкой межвоенного периода, в которой Польша отводилась роль символа угрозы со стороны «капиталистического окружения». Всякое упоминание о межвоенной Польше снабжалось эпитетами «буржуазно-помещичья», «белопанская», а поляки чаще всего именовались «белополяками». Эти концепции воспроизводились преимущественно в исторической науке, но в ней они отошли на второй план, поскольку официальная идеология диктовала первостепенную важность пропаганды революционно-пролетарского сотрудничества и боевого соратничества в годы Второй мировой войны. На уровне лозунговой пропаганды победоносно утверждался классово-интернационалистский подход, масштабно закладывались декларативные, плакатные формулы дружбы. Однако корректный научный анализ событий кануна и начала Второй мировой войны, проблемы советской политики в отношении Польши, судеб Польского государства и его армии, в том числе пленных 1939 года, который позволил бы верифицировать негативные клише прошлого и по-настоящему провести критическую переоценку совместной истории, в том числе деформированной Сталиным советской внешней политики, не был возможен.

В официальной идеологии живы были стереотипы межвоенного периода, когда Польша, не оправдавшая надежд на помощь в распространении мирового революционного процесса, при мобилизации пропагандистских средств кино, плакатов, стихов и песен была опробована на иную роль — внешнего врага, «агента мирового империализма». На бесконечных театрализованных митингах и в «Окнах РОСТА» тогда постоянно мелькал, западая в массовое сознание, образ наглого, пузатого и усатого «пана» в конфедератке, с кнутом и кандалами — семиотическими знаками угнетения украинского и белорусского народов. Он как правило фигурировал в одном ряду с Врангелем и другими заклятыми врагами советской власти, «лакеями» и «наемниками» Антанты. Затем пропаганда добавила к этому образ Польши как якобы главного врага СССР, ведущей силы «борьбы за ликвидацию Советского Союза», его раскола на составные части, а также как приспешника Гитлера — в зависимости от меандров текущей политики.

Поскольку апологетика сталинизма была имманентной составной частью общественного сознания и обязывала в исторической науке, восприятие межвоенного Польского государства как препятствия развитию мировой революции исключала подлинно научную верификацию событий 1939—1940 гг.

Воздействие бурного 1956 года на историческую науку, на ее освобождение от пут и ограничений тоталитарной идеологизации было мощным — и прежде всего в Польше. В Институте истории Польской академии наук (ПАН) родилась, в частности, идея вернуться к источникам, чтобы восстановить правду о трудных страницах двусторонних отношений — и сделать это обстоятельно и тщательно. В 1957 г. началось издание серии «Архивных материалов по истории польско-советских отношений».

Выход первого же тома вызвал болезненную реакцию советских идеологических партийно-государственных служб. Тревогу забил один из ведущих сотрудников «Большой Советской энциклопедии» и издателей энциклопедических «Ежегодников», занимавшийся в 1939 г. возвеличиванием сталинской внешней политики и ее акций в отношении Польши, явившийся автором определения этой страны как «уродливого детища Версальской системы», — А.Я.Манусевич.

Вопрос решался на уровне переговоров аппарата ЦК КПСС и ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), которые завершились созданием совместной двусторонней редколлегии с участием высоких представителей науки обеих стран, а также ответственных сановников из партийных, государственных и ведомственных архивов. На них возлагался тщательный отбор и продуманное комментирование комплекса документов с учетом «государственных интересов». В Варшаве в системе ПАН было создано специальное научное подразделение — Отдел польско-советских отношений во главе с профессором В.Гостыньской. Польскую часть редколлегии возглавила профессор Н.Гонсеровска-Грабовска, а особо влиятельным членом редколлегии был член ЦК ПОРП директор Института истории партии Т.Данишевский. Он приложил немало усилий, чтобы не допустить включения в советскую часть редколлегии Манусевича, справедливо полагая, что участие последнего не добавит изданию ни объективности, ни авторитета в польской научной среде.

Советская часть редколлегии в первом составе была сформирована в период либерализации аппарата управления, и вначале в ней преобладали сторонники хрущевских реформ. Они весьма щедро делились новыми материалами подведомственных архивов и были настроены вполне конструктивно.

Подлинное противостояние возникло при издании шестого тома, который должен был включать весь узел проблем 1939 года. Тут-то и обнаружилось, что коренные просчеты сталинской внешней политики критике и пересмотру не подлежат, несмотря на многочисленные деформации.

Когда издание документов только начиналось, военные историки сумели издать на излете хрущевской эпохи первый том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» и сказать в нем

немало правды о тех трудных годах. В этот том вошла и проблематика 1939 года. Она была представлена непоследовательно и противоречиво, весьма эклектично соединяла прежние железобетонные оценки вроде «польской реакции, действовавшей в угоду фашизму», «бегства польского правительства из страны» и перехода Красной Армией границы после этого и т.д., с новыми важными моментами. Было признано, что польский народ с первого дня вел «освободительную, справедливую, антифашистскую войну за свою свободу и независимость», что Сталин ошибался в понимании военно-политической обстановки, а оценка Молотовым Польского государства и причин его распада «находилась в противоречии с исторической правдой: советский народ никогда не считал Польшу "уродливым детищем Версальского договора"». Позиция Молотова, сформулированная в докладе на сессии Верховного Совета СССР, была поименована «антиленинской», могущей возникнуть «только в условиях культа личности»⁵⁸.

Наконец, в этом томе оказалась оценка советско-германского договора от 23 августа 1939 г. как вынужденного шага и была названа «демаркационная линия Писа—Нарев—Буг—Висла—Сан» (карта с разграничительной линией публиковалась в 1939 г.). В такой форме в печать впервые попало содержание секретного протокола, хотя о его существовании не было сказано ни слова, а факт определения демаркационной линии квалифицировался как «дальновидный и мудрый шаг советской внешней политики, являвшийся необходимым в создавшейся тогда обстановке», как успех СССР, добившегося от Германии «обязательства не переступать линию»⁵⁹.

По тем временам это была вершина возможного, на которую ученые не смогли подняться вновь в течение четверти века. Не удалось это сделать и совместному советско-польскому документальному изданию, хотя ссылку на существование секретных протоколов на Западе и краткое изложение их содержания возглавлявший польскую часть редколлегии директор Института истории профессор Т.Чесляк включил в публикацию «Польский вопрос во время Второй мировой войны на международной арене»⁶⁰, представив их тексты на обсуждение состава шестого тома. «Дезавуировав» представленные копии, МИД СССР решительно отверг саму возможность существования тайных протоколов, а к польскому изданию были выдвинуты претензии по поводу их несогласованной публикации. Позиция была столь жесткой, что стало ясно: ее невозможно преодолеть. Компромиссом стал выход тома с ничем не оправданной конечной датой — декабрь 1938 г. — и с опозданием на один год. Длительная борьба вокруг документов 1939 г., несогласие польской стороны обойти вопрос в очередном томе и попытка перейти сразу к изданию следующего, восьмого, тома показали безрезультатность стараний. Седьмой том вышел через четыре года без спорных документов, под угрозой прекращения издания.

Проблема Катыни, которую нельзя было обойти, поскольку она была поводом (точнее — предлогом) «приостановления» отношений

Москвы с правительством В.Сикорского, решалась очень трудно даже в традиционном варианте. Советская часть редколлегии стремилась свести информацию к минимуму, сосредоточить ее в одном томе, чтобы не возвращаться к ней в связи с Нюрнбергом. Петитом, в подстрочнике, только по официальным материалам печати были приведены краткие данные о работе комиссии Н.Н.Бурденко: в аппарате ЦК КПСС И.А.Хренов как руководитель советской части редколлегии узнал об откровениях Хрущева и опасениях Гомулки, якобы боявшегося всплеска антисоветских настроений, и проинформировал коллег. Обязывающая официальная версия была аккуратно сохранена и даже как бы подкреплялась сведениями о проведении в СССР кампании протеста «против гитлеровских убийств в Катыни» и о сборе средств на танк «Мститель за Катынь»...⁶¹

«Компетентные» органы изымали документы советской стороны, ограничивали их выявление и представление, особенно по сложным проблемам военного (был изъят комплекс «трудных» документов 1939 г., Армии В.Андерса и др.) и послевоенного периодов двусторонних отношений. Убирались даже документы о дивизии им. Т.Костюшко и I Польской Армии.

Как признал тогда секретарь ЦК КПСС В.А.Медведев, «та же по существу линия продолжалась в годы брежневского застоя. На исследование ряда событий нашей общей истории сохранялся строгий запрет, особенно в СССР»⁶².

По свидетельству В.М.Фалина, работавшего в 3-м Европейском отделе МИДа, вопрос о секретных протоколах встал в 1968 г., когда готовился сборник документов «Советский Союз в борьбе за мир накануне Второй мировой войны» и он вошел в редакционный коллектив. Обращение к А.А.Громыко с предложением передать гласности секретные приложения к советско-германским договорам повлекло за собой ответ, что этот вопрос лежит вне компетенции министра и должен быть согласован в Политбюро. Затем было передано сообщение, что предложение признано «несвоевременным».

При переиздании документально обогащенного сборника Громыко, теперь уже и член Политбюро (дело было накануне очередного юбилея, в 1978 г.), решительно и коротко сказал: «Нет». Без протоколов издание теряло смысл⁶³.

Обострение ситуации в Прибалтике и приближение 50-летия критически важных событий привели к инициированию в 1986 г. рассмотрения вопроса на Политбюро, которое действительно на этот раз состоялось. Теперь выступавшие, в том числе и Громыко, с разной степенью определенности высказывались в пользу подтверждения существования секретных протоколов. Только М.С.Горбачев занял иную позицию, поставив условием признания предъявление оригиналов.

Вместе с Е.К.Лигачевым он не видел необходимости и возможности сочетать движение вперед со снятием проблем прошлого: «Невозможно одновременно делать будущее и заниматься прошлым»⁶⁴.

История становилась полем постоянного идеологического «взаимодействия», а на деле — усиленной индоктринации.

Систематически собиралась комиссия историков двух стран, вводившая научное сотрудничество в рамки «укрепления дружбы и сотрудничества», изучения рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения и распространения революционных традиций. Значительную идеологическую нагрузку стала нести возглавляемая действительным членом АН СССР А.Л. Нарочницким советская часть двусторонней комиссии по учебникам. Она была занята проверкой и попытками корректирования в сторону унификации и единомыслия трактовки в школьных учебниках истории двух стран и отношений между ними.

Если с польской стороны совместные обсуждения происходили с привлечением широкой научно-педагогической общественности, то в СССР такого не случалось. Общие установки идеологического характера давались в ЦК, небольшая группа доверенных экспертов привлекалась для анализа текстов и представления письменных заключений. Рекомендации носили обязательный характер, поэтому достижение консенсуса по наиболее острым вопросам было чрезвычайно затруднено, несмотря на огромные усилия. Обсуждение учебника Анджея Л. Щенсяка, предоставлявшего школьникам свободный выбор трактовки исторических событий, закончилось рекомендацией изъять его из обращения. Почти целый день продолжалось сопоставление позиций двух сторон при обсуждении проблематики судеб польских военнопленных 1939 г. Советская сторона, постоянно контролируемая отделом науки ЦК КПСС, занимала неслышаемую позицию, отвергая как неприемлемую с точки зрения «советской официальной версии» польскую позицию по проблемам 1939 года и Катыни.

Никакой идеологический прессинг не был в состоянии нейтрализовать подпитываемый такой политикой рост недоверия к советской власти, скрытую конфронтационность ситуации «двойного дна».

Развилка, обозначенная XX съездом, была пройдена далеко не оптимальным образом. Наступило время, когда демократическая фразеология перестала тщательно маскировать антигуманную, антидемократическую сущность не подавшегося реформаторскому натиску «сверху» левототалитарного режима. Как переход самого режима к демократии, так и преодоление в общественном сознании последствий его существования оказались гораздо более трудными и продолжительными по времени. Отрицание обезчеловеченных мифов стало бичеваться как «оплевывание истории», «глумление над святынями» и т.д.

Содержание мировосприятия вновь стало подгоняться под идеологемы. Эйфория избавления от суеверного страха перед сталинщиной иссякла. Советское общество вернулось к функционированию в рамках модели «авторитарной личности» со свойственным ей «конвенционализмом», «авторитарным подчинением», упрощенным стилем мышления и клишированным сознанием. Че-

ловек вновь должен был жить согласно официальной идеологии, а партия сосредоточивала в своих руках монополию контроля за каждым. Восстанавливалась неспособность жить вне рамок привычных мифологем.

Через два десятилетия, выделяя из оставивших тяжелый след в сознании народов событий межвоенного периода войну 1920 г. и поход Красной Армии на Варшаву, сталинскую расправу с КПП, советско-германский договор 23 августа 1939 г. и секретные приложения к нему, сложный клубок отношений с польским правительством в изгнании «и, конечно же, Катынское дело», бывший секретарь ЦК КПСС В.А.Медведев признал: «Во времена Сталина всем этим вопросам в нашей исторической литературе давалось в большинстве случаев одностороннее, тенденциозное объяснение в духе шовинизма, неприязни к Польскому государству. В дальнейшем, когда возникло новое Польское государство, руководимое коммунистами, акценты изменились — тяжелые моменты умалчивались, отодвигались на задний план, как будто их не существовало или они не играли значительной роли.

Все внимание было перенесено на те факты из истории, которые служили укреплению чувств дружбы польского и советского народов... Та же, по существу, линия продолжалась и в годы брежневского "застоя". На исследование ряда событий нашей общей истории сохранялся строгий запрет, особенно в СССР.

Так, по сути дела искусственно, была создана проблема "белых пятен" во взаимоотношениях наших стран»⁶⁵.

В советском посольстве в Варшаве было принято не замечать связанные с этим проблемы, создавать видимость благополучия, изображать двусторонние отношения в идиллическом свете, как этого ожидало московское руководство. При этом каждое ведомство блюло свои интересы. Дипломаты стремились смягчать тон рапортов, поставлять такую информацию, какой ожидал центр, игнорировать усложненные ситуации и кризисные процессы, рост претензий к «старшему брату» и к фальсификации содержания прошлого и настоящего советско-польских отношений. По оценке представителя КГБ в Польше в 1973—1984 гг. генерала В.Павлова, стремившегося стимулировать более активное вмешательство в польские дела, деятельность советских послов (бывших партийных работников) разворачивалась в традиционном идеологическом, партийно-государственном духе. Это соответствовало настроениям Брежнева, его нежеланию разбираться в ситуации и «драматизировать» ее. Советско-польские отношения в то время, по мнению Павлова, в значительной степени «основывались на иллюзиях»⁶⁶.

В то время как в советском общественном мнении проблема 1939 года и Катыни, вычеркнутая со страниц истории, не существовала, она обрастала новыми данными, публикациями, общественными инициативами полонии на Западе. В начале 70-х годов в советский МИД стала поступать информация из Англии о том, что это явление приняло существенные масштабы, и правда грозит просочиться в СССР⁶⁷.

Ведомство А.А.Громыки попробовало пресечь развитие событий в этом направлении, заручившись поддержкой Политбюро. Аргументация утвержденного им представления в адрес МИД Великобритании от 15 апреля 1971 г. строилась на «нашей официальной версии», с приведением якобы «хорошо известных английской стороне» фальсифицированных сведений, будто бы начавшая расследование сразу после освобождения Смоленска Специальная комиссия Бурденко «неопровержимо доказала» виновность гитлеровцев в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу, а Международный военный трибунал признал ее.

Заседанию Политбюро предшествовала «голосовка» — предварительная рассылка материалов 12 апреля 1971 г. его членам для голосования до заседания с краткой аргументацией, что практиковалось для обеспечения желаемых результатов⁶⁸. Одновременно стали предприниматься шаги для оказания давления на польское руководство. Как вспоминал Костиков, «Варшава была информирована по каналам нашего посольства, что нужно вместе противодействовать клеветнической кампании»⁶⁹. В разосланном 12 апреля 1971 г. членам Политбюро документе вносилось такое предложение: «О нашем шаге следовало бы информировать польских друзей, которые также рассматривают вопрос о представлении англичанам»⁷⁰. Показательно, что остро реагируя на события в Великобритании, связанные, в частности, с рассекречиванием рапорта ее посла при польском правительстве в изгнании от мая 1943 г., советские власти не допускали в печать содержавшиеся в этом рапорте свидетельства о виновниках геноцида.

Попытки вынудить англичан принять меры пресечения в отношении акции средств массовой информации, сбора средств на памятники жертвам Катыни, стремление вмешаться в содержание траурных надписей, что было элементарно реализовать в СССР, но невозможно в Англии, эффекта не приносили. В Польше же работа комиссии Мэддена отзывалась громким эхом. Важно обратить внимание на то, что все демарши в адрес англичан сопровождались постоянным обращением к польскому партийно-государственному руководству, пока наконец оно не приняло решение не просто принимать к сведению советскую позицию по Катынскому делу, но начать проводить совместные консультации по нему, указать на негативные последствия развернувшейся вокруг него пропагандистской войны.

В то же время постоянное увеличение резонанса Катынского дела на Западе заставляло советское руководство обстоятельнее вникать в него, опасаясь расширения «провокационной антисоветской кампании». Были мобилизованы все сведения по делу, которые помещались в рамки «официальной версии», привлечен КГБ — чтобы «по неофициальным каналам дать понять лицам из правительственных кругов соответствующих западных стран, что новое использование различных антисоветских фальшивок рассматривается советским правительством как специально задуманная провокация, направленная на ухудшение международной обстановки», и

МИД — чтобы «в тесном контакте с дипломатическими представителями ПНР давать решительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое "Катынское дело" для нанесения ущерба советско-польской дружбе...»

Обращает на себя внимание факт, что пакет материалов, подготовленных для рассмотрения на Политбюро вопроса «О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому "Катынскому делу"», и принятое на нем 5 апреля 1976 г. решение, которые цитировались выше, не стали основой для какой-то новой, аргументированной позиции. Наоборот, советское правительство, впервые столь обстоятельно проинформированное о размахе, какой приняло Катынское дело, отказалось ее сформулировать, явно опасаясь вновь «подставиться». Это нашло выражение в постановляющей части решения: «Считать нецелесообразными выступления с какими-либо официальными заявлениями с нашей стороны, чтобы не дать повода враждебным силам воспользоваться полемикой по этому вопросу в антисоветских целях»⁷¹.

Со своей стороны, советское руководство начало подумывать о встречных жестах, поручив смоленскому обкому КПСС и облисполкому поддерживать памятник в Катыни в надлежащем порядке.

Зашло в тупик и выяснение Катынского дела в двусторонних советско-польских отношениях. Вот как это оценил Костиков: «Я думаю, что мы неслыханно многого требовали от польских коммунистов — чтобы они забыли об ущербе, который наше государство нанесло полякам и их государству. Мы вместе осуждали царскую политику разделов, но закрывали глаза на то, что произошло в новейшей истории. Тайны, навязанные полякам, делали невозможным выяснение вопросов, которые причиняли боль...» Его свидетельство звучит вполне правдоподобно и убедительно: «Не оставалось никаких сомнений — обязывала одна-единственная версия — убили немцы. [...]»

Между нами, то есть между теми, которые непосредственно сотрудничали в обоих Центральном комитете партий, образовалась своеобразная связь. Никто ничего не объяснял, ни о чем не спрашивал, мы знали, что поляки знают свое, они знали, что у нас обязывает версия Бурденко, и обе стороны делали что могли, чтобы по крайней мере почтить память убитых. Делать это можно было, однако, в условиях, которые тогда обязывали в Советском Союзе. К давящей тяжести присоединялась ложь, которую было трудно вынести, но которую заслонял высший интерес неразглашения того, что могло бы разделить». Закончим цитирование Костинова еще одной, ключевой, цитатой, содержащей наиболее важную информацию о том, что происходило с Катынским делом на самом высшем уровне и какова была причина этого. Итак: «Зато Катынское дело никто никогда на уровне наших руководств не затронул в официальных и даже неофициальных беседах таким образом, который указывал бы на постановку под сомнение версии Бурденко. При мне этого никогда не случалось. И я не слышал, чтобы кто-то когда-то пробовал при другом случае». Далее следует объяснение этому: «Делая что

можно и сознательно играя двойную роль в этом страшном деле, видимо одновременно с обеих сторон, и в Москве, и в Варшаве, в кругу людей, близко сотрудничающих друг с другом, мы были убеждены, что в это время не могут предприниматься никакие попытки выяснения трагедии, которые могли бы завершиться обвинением наших органов насилия. Это было время быстро растущего влияния структур безопасности и других специальных служб в Советском Союзе и союзнических странах. Никто в этих органах не был заинтересован в выявлении кровавого преступления, очерняющего традиции этих органов. Сваливание вины на Сталина или Берию уже не производило такого впечатления. Люди могли спросить о механизмах, а это уже был вопрос о фундаментальных механизмах деятельности таких служб. Шансов на публичное обнародование правды о Катыни не было»⁷².

Лукавил ли Костиков, утверждая, что никто из польских руководителей проблемы Катыни не поднимал? По крайней мере, до его перевода в 1980 г. в Комитет по делам кинематографии? Ведь это не так: Политбюро рекомендовало провести консультации с поляками по этому вопросу. Да и начальник Костикова, заместитель заведующего занимавшимся соцстранами Отделом ЦК Г.Х.Шахназаров свидетельствует, что и до Ярузельского польские руководители пытались восстановить истину: «Эдвард Герек просил об этом Л.И.Брежнев. Много раз с тем же обращались к нам секретари ЦК Анджей Верблян и Ричард Фрелек. Мы с Петром Кузьмичем Костиковым, возглавлявшим польский сектор в Отделе ЦК, приложили немало усилий, чтобы дознаться до истины, но наткнулись на глухую стену. На все обращения Отдела из КГБ приходил ответ, что никаких иных документов, кроме опубликованных в печати, не имеется, полякам надо успокоиться и не бередить себе душу.

Дело тянулось годами»⁷³.

Остается предположить, что подобные обращения носили неофициальный характер и никто не хотел предавать их огласке и ставить под сомнение позицию руководства КГБ.

В апреле 1980 г. лишь со страниц «Континента» отозвались 32 российских правозащитника, в заявлении «Оглянись в раскаянии» заверивших поляков, что никто из них «никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни». Они выражали уверенность, что «уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества»⁷⁴.

Председатель КГБ Ю.В.Андропов вплотную занялся польскими делами в связи с развитием в Польше кризисных событий 1980—1981 гг., войдя в состав Комиссии ЦК КПСС по Польше под председательством М.А.Суслова и возглавив ее после смерти последнего в 1982 г. По свидетельству генерала Павлова, он внес «реалистическое начало» в советско-польские отношения, был прагматичен и

очень конкретен, пытаясь уточнить, в чем состоят претензии польской стороны, когда она поднимает вопрос о своей специфике и об оказываемом на нее давлении. Правда, в русском варианте воспоминаний оказывание какого-либо давления Андроповым на польское руководство, в том числе в связи с введением военного положения, отрицается. Павлов, констатируя обострение двусторонних отношений и указывая на свое стремление вникнуть в суть вопроса, для чего он постарался расположить к себе генерала Ярузельского и наладить с ним прямой контакт, ни словом не обмолвился о Катынском деле. Действительно ли этот сюжет не возникал в его беседах? Или он в своей книге воспоминаний продолжил тактику умолчаний и полуправд?

Единственный след, на который указывает Павлов, — это позиция посла Б.И.Аристова, который тоже входил в Комиссию ЦК КПСС по Польше. Аристов был решительнее своих предшественников в оценках ситуации, ортодоксальных и острых. Он был нацелен на преодоление проблем в советско-польских отношениях и не чужд исторической проблематике. Сам Павлов подмечал использование оппозицией черных дат польской истории, в том числе 1 и 17 сентября 1939 г., для «антисоветских кампаний», но интерес посла А.Н.Аксенова «не к тому, что происходило в стране в настоящее время, а к ее прошлому», поиск архивных документов никак не одобрял, полагая, что это — концентрация «никак не на том, что помогло бы лучше понять действительность»⁷⁵. Между тем именно история последних десятилетий с ее фальсифицированными и замалчивавшимися мрачными страницами неизменно оставалась дрожжами, стимулировавшими брожение в обществе и напряжение в двусторонних отношениях, которые подрывали взаимодействие и сотрудничество двух стран.

Средства массовой информации в Польше изобиловали новыми сведениями, в том числе о так называемых «белых пятнах» в этих отношениях. Однако их поток был весьма быстро и решительно остановлен на советской границе. В сентябре—октябре 1980 г. отделы пропаганды, внешнеполитической пропаганды и по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран подготовили для Секретариата ЦК КПСС материалы, легшие в основу постановлений о мерах по организации пропаганды и контрпропаганды в связи с событиями в Польше, с «идеологической неразберихой» и публикацией «дискуссионных и просто сомнительных материалов», необходимостью «раскрывать на фактах» достоинства советско-польских отношений и «разоблачать происки враждебной пропаганды». Главлит (цензура) получил право «осуществлять ограничения по списку», расширил свой штат и количество операций по контролю за польскими изданиями. 22 декабря постановлением Секретариата ЦК КПСС по прилагаемому списку изымалась часть прессы, ограничивалась подписка, книги и журналы отправлялись в спецхран. Вначале ограничения касались 13 газет (в их числе были «Штандар млодых», «Глос працы», «Денник людовы», «Культура», «Политика» и др.) и 18 журналов (в том числе

«Кино», «Фильм», «Шпильки», «Месенчник литератки», «За вольношь и люд» и др.). Под контроль цензуры были поставлены «Жиче Варшавы», «Свят млодых», «Трыбуна людю», «Жолнеж вольнощи» и «Жыче господарче», а также 21 журнал, в том числе «Нове дроги», «Жиче партии», «Право и жиче», «Наука польска» и журналы, специально посвященные исторической тематике — «Вядомоши хисторычне» и «Пшегленд хисторычны». Сначала польские издания стали транспортироваться на Международный почтамт в Москве, который получил средства для закупки на Западе специальных машин для упаковки корреспонденции и создания механизированных картотек. Затем пришло время машин для измельчения макулатуры, в которую превращалось абсолютное большинство польских изданий, что вскоре стали делать прямо на аэродроме. Было резко сокращено количество не только туристских, но и служебных, в том числе научных, поездок в Польшу. По этому каналу издания почти не проходили. Воцарился информационный голод. Советский читатель был отрезан от процесса освоения новых данных, новых сведений о судьбах расстрелянных польских пленных, которые бы разорвали покров тайны над ними, если были бы доступны в СССР.

Между тем в Москве пришло время вновь заглянуть в сугубо засекреченный материал, который, судя по штампу на записке Шелепина от 3 марта 1959 г. с датой 9 марта 1965 г., с брежневских первых месяцев, никого потом не интересовал. Возглавивший КГБ в 1967 г. секретарь ЦК, вошедший в новом качестве — впервые после Берии — в Политбюро Ю.В.Андропов получил и сдал «особый пакет № 1» 15 апреля 1981 г. Какие обстоятельства заставили его сделать это?

Судя по рабочим записям заседаний Политбюро ЦК КПСС, в начале апреля его члены лихорадочно искали средства пресечения развития событий в Польше, выяснения намерений польского руководства и оказания давления на него. А.А.Громыко на заседании 2 апреля 1981 г. предложил «частичное введение чрезвычайных мер», Ю.В.Андропов — «как-то оказать большее влияние, больший нажим на руководство друзей» (как тогда именовались социалистические страны). Он подхватил предложение Л.И.Брежнева «им сказать, что значит введение военного положения, и разъяснить все толком»⁷⁶. Было решено провести встречу с польским руководством в вагоне в Бресте.

9 апреля на заседании Политбюро Андропов докладывал об итогах своей и министра обороны СССР Д.Ф.Устинова поездки: «Задача, которая была поставлена перед нами, состояла в том, чтобы выслушать польских товарищей и дать им соответствующие разъяснения...» В ходе обсуждения результатов он искал такие средства и методы, которые позволили бы сплотить польский народ вокруг руководства. Например, использовать идею германской опасности, претензий ФРГ на Силезию и Гданьск⁷⁷. Напомним, Андропов создал в КГБ Пятое управление — идеологическую разведку.

На 15 апреля была назначена беседа Брежнева с первым секретарем ЦК ПОРП Станиславом Каней. Именно в этот день Андро-

пов заглянул в «особый пакет» в надежде, видимо, найти еще какой-то возможный выигрышный вариант для польских руководителей и улучшения отношений с ними. На следующий день Брежнев докладывал на заседании Политбюро о беседе и явно был доволен сменой настроения Кани к лучшему. Он рекомендовал «выдерживать правильный тон в отношениях с друзьями», с одной стороны, «не тормозить их без нужды, не нагнетать нервозности, чтобы у них не опускались руки, а с другой — «осуществлять постоянный нажим, в тактичной форме обращать внимание на просчеты и слабости в их политике, по-товарищески советовать, что следовало бы сделать»⁷⁸. Постановление от 5 марта 1940 г. такой гармонии не гарантировало. Для нажима — не годилось.

Катынское дело постоянно беспокоило Андропова, генсека КПСС с 1982 г. В коридорах здания ЦК на Старой площади доверительно шептались, что он складывает в специальную папку материалы по этому делу, надеясь как-то их использовать. По свидетельству В.Фалина в документальном фильме «Выстрел в Нюрнберге», возникшее однажды побуждение Андропова рассекретить Катынское дело обернулось для Фалина, с 1978 г. первого заместителя заведующего отделом в ЦК КПСС, его удалением в 1982 г. с занимаемого поста и переводом на должность политического обозревателя газеты «Известия». Причина этого кадрового перемещения держалась в строгой тайне.

Работая с Андроповым, Фалин обратился — и это раскрыл только через годы в своих воспоминаниях — к «деликатному вопросу» близившегося 40-летия превращения Катыни в нарицательное понятие. Он предложил выяснить по архивам, что Сталин и Берия заявляли полякам в 1941—1943 гг.; что обсуждал Хрущев с Гомулкой; что из архивов смоленского и харьковского, а также других управлений внутренних дел попало в руки немцев и дальше на Запад и дает основание не принимать советскую версию случившегося; что нового установили сами поляки и что не может быть опровергнуто повторением аргументов 1943 года. «Конечно, — сообщал Фалин свои соображения, — правильное всего было бы поднять наши первичные документы. Если верить молве, Хрущев предлагал Гомулке воздать Сталину должное за Катынь. Вряд ли такое предложение делалось, если оно вносилось, беспричинно». Через несколько дней после этой беседы М.В.Зимянин передал Фалину личное поручение Андропова «подготовить соображения, как дальше вести эту проблему и, в частности, реагировать на возможные польские обращения». Рекомендовалось связаться с Генштабом (Н.В.Огарков) и КГБ (Ф.Д.Бобков) «на предмет мобилизации данных, которые при необходимости могут быть обнаружены»⁷⁹.

Из КГБ отвечающий за соответствующий участок В.М.Пирожков принес немецкую «белую книгу» по Катыни и текст сообщения комиссии Бурденко, а на просьбу раскрыть, чем еще владеет КГБ, извлек публикации из печати и материалы Нюрнбергского процесса, то есть все, что не имело высокой степени засекреченности. Настойчивость Фалина вызвала у Пирожкова вопрос-признание: «В

КГБ хранится совершенно секретное досье. Оно запечатано с резолюцией "Вскрытию не подлежит". Вы предлагаете обратиться к его содержанию?» Фалин облек свою просьбу в форму пожелания заняться этим делом «в пределах полномочий», которые имелись у Пирожкова или могли быть ему даны. Это обернулось через несколько дней окриком Зимянина: «Не слышком ли ты глубоко хватил по Катини? Держись в рамках». Андропов, как рассказывал Г.А.Арбатов,отреагировал на его инициативу гневно, полагая, что Фалин задумал ему подставить ножку: «...пользуясь служебным положением, Фалин открыл собственное расследование Катини. Эта проклятая история бьет по мне, как бывшему председателю КГБ, хотя, когда все случилось, я сам был мальчишкой. Нет, этого я ему не спущу»⁸⁰.

Фалину пришлось немедленно уничтожить черновики и наброски по Катини и в январе 1983 г. переместиться на три года и три месяца из аппарата ЦК КПСС в редакционный корпус «Известий». Он дал себе зарок «Катыню и советско-польским чуждососедством не заниматься» и от этого зарок не отступал до 1989 г. Он хорошо понимал: «Где политика и отношения с Советским Союзом, там для поляка — Катень». Разрешения этой ключевой для двусторонних отношений проблемы ожидать не приходилось, поскольку власть Ю.В.Андропова, как и выдвинутого затем на высший пост именно в силу недееспособности К.У.Черненко на деле была «безвластием»⁸¹.

Позиция Ю.В.Андропова в Комиссии ЦК КПСС по Польше была однозначной: он брал реванш за хрущевскую «оттепель». Он был тем человеком, который практически реализовал советскую политику по «усмирению» стремившихся вырваться из сковывавших объятий кремлевской бюрократии, поочередно бунтовавших социалистических стран: в 1956 г. Венгрии, в 1968 г. Чехословакии (а в 1979—1980 гг. Афганистана). Всюду он был сторонником экстренных, насильственных мер, введения войск. На этот раз, по свидетельству Г.Х.Шахназарова, «руководители, как теперь принято называть, "силовых министерств" высказывались достаточно жестко. С ними почти всегда солидаризировался министр иностранных дел. Робкие попытки удержат от крайних решений предпринимались секретарем ЦК К.В.Русаковым, тогдашним послом в Польше Б.И.Аристовым». К тому моменту, как пишет Шахназаров, уже было много «имевших отношение к "польскому вопросу" людей, считавших, что интересам страны не отвечает грубое вмешательство в польские дела. Следовало категорически исключить мысль о возможности военной интервенции. Польша — не Чехословакия и не Венгрия, тут можно заварить такую кровавую кашу, в которой захлебнешься сам. Придется смириться с результатами классовой борьбы в Польше, с тем режимом, который поляки для себя изберут, и людьми, которых они над собой поставят»⁸². Андропов был вынужден смириться с формированием решения политическими средствами, хотя его власть была сильнее (КГБ имел мощные позиции в различных партийных и государственных структурах); развитие кризиса было приторможено.

На посту генсека его преследовали болезнь и обилие других проблем, на которые не было достаточного времени.

У К.У.Черненко, следующего генерального секретаря, много лет отвечавшего за хранение в режиме особой секретности, в заклеенном виде «особого пакета № 1», не было ни здоровья, ни желания выходить за рамки традиционной политики.

Проводя 26 апреля 1984 г. заседание Политбюро с обсуждением итогов беседы Громыко и Устинова с Ярузельским, он демонстрировал прежний подход — догматически-патерналистский, позицию «интернационального долга», «помощи» польскому руководству «сдвинуть дело». Выдвинутый на первые роли Громыко в традиционно-фундаменталистском ключе осуждал недостаточную идеологическую работу, нежелание Ярузельского форсировать «перевод деревни на социалистические рельсы», его уход от «решительной борьбы с происками костела». Выводы Громыко сводились к тому, что «линия Ярузельского состояла прежде всего в оправдании того, что сейчас делается в Польше», — он «сейчас не созрел для крутого поворота в политике. С ним надо много работать, надо постоянно оказывать на него наше влияние»⁸³.

Приведем еще два высказывания по протоколу, характерные для той тональности обсуждения, которую вносил весьма далекий от понимания происходившего в Польше престарелый генсек КПСС.

«*Русаков*. Надо учитывать, что Польша, называясь социалистической страной, никогда не была социалистической в полном смысле этого слова. [...]

Черненко. [...] Нас действительно не могут не волновать события в Польше. Они выходят далеко за национальные рамки и затрагивают судьбы всего социалистического содружества, имеют самое непосредственное отношение к нашей безопасности».

Он высказывал тревогу по поводу того, что «контрреволюционные силы продолжают действовать», Польская объединенная рабочая партия «не выполняет своей руководящей роли». Предлагая поддерживать Ярузельского, Черненко призывал «продолжать воздействовать на него, помогать находить наиболее правильные решения, направленные на упрочение социализма на польской земле»⁸⁴.

Обращение к трудным проблемам совместной истории не входило в то время в число «наиболее правильных решений».

Тем более, что еще 4 марта 1970 г. по указанию Черненко из протоколов Политбюро были изъяты и переложены в «особый пакет» для повышения степени засекречивания две страницы с ранее зачеркнутым, то есть использованным при составлении выписки, текстом постановления от 5 марта 1940 г. Это произошло по истечении 30 лет с момента составления и принятия документа.

В интервью директора Архива Президента Российской Федерации А.В.Короткова для журнала «Новое время» есть упоминание о том, что о существовании этого постановления «имелись и раньше сведения» — то есть, вероятно, по крайней мере со времен Хрущева. В 1991 г. «пытались искать это решение в протоколах, но не

нашли» — именно потому, что «особый пакет» находился в распоряжении Черненко, заведующего общим отделом в 70-е годы, который и решал вопросы сохранности и утаивания документов⁸⁵.

На фоне развития кризиса в экономической, политической, идеологической и культурной сферах соседней Польши наступал паралич в советско-польских межгосударственно-межпартийных отношениях, обусловленный в значительной степени их неравноправным характером, сохранением иерархического подчинения и идеологического давления. Все более обостренное восприятие бремени наследия сталинщины сделало Катынское дело знаковым событием для этих отношений, символом, продолжение сокрытия правды о котором лишь усиливало негативное отношение к советскому руководству, к СССР.

Советское партийно-государственное руководство прагматически выдвигало на первое место обеспечение союзниками по Варшавскому договору выполнения обязательств, гарантирующих сохранение и укрепление позиций СССР в регионе и его места в мире. Оно весьма поверхностно воспринимало нарастание в странах «социалистического содружества» кризисных явлений, ориентируя их на погашение, замазывание становившихся все более острыми многочисленных проблем, которые вытекали из деформации тоталитарными режимами общественного развития.

Примечания

- ¹ Безыменский Л. Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин: «НВ» получило доступ к личному архиву вождя // Новое время. 1998. № 1. С. 30—33.
- ² Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — Документы и материалы). Т. VII. М., 1973. С. 198—199.
- ³ Там же. С. 198.
- ⁴ См.: Соколов Б.В. Похвальное слово Виктору Суворову и эпитафия катынским полякам // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. М., 1995. С. 24—29.
- ⁵ Документы и материалы. Т. VII. С. 199.
- ⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 75. Д. 434. Л. 37; Ф. 17. Оп. 128. Д. 1161. Л. 84, 87 и др.
- ⁷ См.: Gomułka Władysław. Pamiętniki. Т. II. W-wa, 1994. S. 293—302; Яжборовская И.С. «Согласовать со Сталиным»: (Советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943 — начале 1945 г.) // У истоков «социалистического содружества». М., 1995. С. 37, 73.
- ⁸ Там же. С. 40—41.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 440. Л. 1 и др.
- ¹⁰ Документы и материалы. Т. VIII. М., 1974. С. 15.
- ¹¹ Там же. С. 21—22.
- ¹² Там же. С. 23.
- ¹³ Там же. С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 27.

- 15 Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. 2. М., 1957. С. 127.
- 16 Там же. Т. 1. М., 1957. С. 214.
- 17 Архив внешней политики (далее — АВП). Фонд секретариата Вышинского. Оп. 13. Д. 10. Л. 63. Материалы из этого фонда предоставлены Ю.Н.Зорей.
- 18 Там же. Л. 20. См. также: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 томах. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1987; Т. 3. М., 1988; Т. 4. М., 1990.
- 19 Лебедева Н. Сталин на Нюрнбергском процессе // Московские новости. 1995. № 19. С. 15.
- 20 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 43—46.
- 21 Цит. по: Абаринов В. Катинский лабиринт. М., 1991. С. 164.
- 22 Плутник А. Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя // Известия. 13 октября 1995 г.
- 23 Seidl A. Der Fall Rudolf Gess. 1941—1987. München, 1988. S. 170.
- 24 Лебедева Н. Указ. соч.
- 25 Плутник А. Указ. соч.
- 26 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. Moskwa—Warszawa. Gra o Polskę. W-wa, 1992. S. 196.
- 27 См.: Зоря Ю. Режиссер катынской трагедии // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 183.
- 28 Ступникова Т.С. «...Ничего, кроме правды...» Нюрнберг — Москва: Воспоминания. М., 1998. С. 103, 104.
- 29 Kurczab-Redlich K. Prokurator, którego nie było // Sztandar Młodych. W-wa, 27—29, 30 czerwca, 1 lipca 1997; Eadem. Raport Zorii // +Plus—Minus. 2000. № 30. S. 1, 6; Курчаб-Редлих К. Доклад Зори // Новая Польша. 2000. № 9. С. 73—82.
- 30 ГА РФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 64. Материалы обсуждения Катинского дела (по стенограмме) обстоятельно цитирует и анализирует В.Абаринов в книге «Катинский лабиринт».
- 31 Главная военная прокуратура (далее — ГВП). Д. 159. Т. 8/60; Т. 10/62.
- 32 Там же. Т. 10/62.
- 33 Byłem w Katyniu. Rozmowa z dr. Hieronimem Bartoszewskim, lekarzem, członkiem Komisji Technicznej PCK w 1943 r. // Przegląd Tygodniowy. 1989, № 18. S. 15.
- 34 ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 18. Л. 1—36.
- 35 Report of the massacre of Polish Officers in the Katyn wood: facts and documents. London, 1946; IV Facts and documents concerning the Polish prisoners of war captured by the U.S.S.R. during the 1939 campaign. London. 1946 XII; Biliński P. Marian Heitzman — badacz zbrodni katyńskiej // Arkana. 2000. № 2; Nowak-Jeziorański J. Rozmowy o Polsce. W-wa, 1995. S. 182.
- 36 ГВП. Т. 8/60. Л. 64.
- 37 Ступникова Т.С. Указ. соч. С. 104.
- 38 Там же. С. 109—111.
- 39 Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 20. М., 1952. С. 389—390.
- 40 Kostikow P., Roliński B. Op. cit. S. 192.
- 41 Ibid. S. 196.
- 42 Ibid. S. 197.
- 43 Бурлацкий Ф. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 81.

- 44 Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985): Новое прочтение. М., 1995. С. 223.
- 45 Яжборовская И.С. «Согласовать со Сталиным». С. 39.
- 46 Tożańska T. *Oni. W-wa.*, 1989. S. 227—228.
- 47 Ibid. S. 228. Подробно о ходе переговоров см.: Орехов А.М. К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) (далее — К истории польско-советских переговоров) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- 48 Орехов А.М. К истории польско-советских переговоров. С. 147.
- 49 Kostikow P., Roliński B. *Op. cit.* S. 56.
- 50 См.: Gomułka Władysław. *Pamiętniki. T. II. W-wa.*, 1994. S. 281—294; См. также: *Publicystyka konspiracyjna PPR. 1942—1945. Wybór artykułów. T. II. W-wa.*, 1964. S. 141, 142, 156, 163—166, 167—168 и др.
- 51 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания (далее — Без скидок). М., 1999. С. 384, 391, 428; Он же. Конфликты в Кремле: сумерки богов по-русски (далее — Конфликты в Кремле). М., 1999. С. 98.
- 52 Kostikow P., Roliński B. *Op. cit.* S. 158—159.
- 53 Секретные документы из особых папок / Подготовка публикации и вступительная статья к ней М.И.Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 22; Катынское дело: Можно ли ставить точку? // Военные архивы России. I вып. М., 1993. С. 129.
- 54 Секретные документы из особых папок. С. 20—21; Военные архивы России. С. 127—128; Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. С. 601—603.
- 55 Kostikow P., Rolinski B. *Op. cit.* S. 59.
- 56 Mirosław Rogulski w rozmowie z Witalijem Swietłowem. *Tajemna współpraca: jak upadała PRL. W-wa.*, 1993. S. 79.
- 57 Шейнис В.Л. Историческое место XX съезда КПСС и современность // Полис. М., 1996. № 3. С. 129.
- 58 История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. М., 1963. С. XX, XII, 247, 249.
- 59 Там же. С. 176—177.
- 60 Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. *Zbiór dokumentów. W.*, 1965. S. 3.
- 61 Документы и материалы. Т. VII. С. 354—355 и др.
- 62 Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 96.
- 63 Фалин В.М. Без скидок. С. 401, 402.
- 64 Там же. С. 383.
- 65 Медведев В.А. Указ. соч. С. 96.
- 66 Павлов В. Руководители Польши глазами разведчика: (Кризисные 1973—1984 годы). М., 1998. С. 358, 360, 365, 373; General Pawłow. *Byłem rezydentem KGB w Polsce. W.*, 1994. S. 252—253.
- 67 Центр хранения современной документации (далее — ЦХСД). Ф. 89. Оп. 14. Д. 711, 712, 741, 742, 751, 752, 885, 892.
- 68 Катынское дело: Можно ли ставить точку? С. 132.
- 69 Kostikow P., Roliński B. *Op. cit.* S. 193.
- 70 Катынское дело: Можно ли ставить точку? С. 135.
- 71 Там же. С. 140—142, 143—144 и др.
- 72 Kostikow P., Roliński B. *Op. cit.* S. 194, 197.

- ⁷³ Шахназаров Г. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 117.
- ⁷⁴ Континент. Париж, 1980. № 24. С. 142.
- ⁷⁵ Павлов В. Указ. соч. С. 25, 89—91, 375—376; General Pawlow. Op. cit. S. 252.
- ⁷⁶ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 46. Д. 81. Л. 2, 8—10, 25; Д. 59. Л. 4—7.
- ⁷⁷ Там же. Д. 40. Л. 2, 4.
- ⁷⁸ Там же. Д. 41. Л. 2.
- ⁷⁹ Фалин В.М. Без скидок. С. 371—372.
- ⁸⁰ Там же. С. 371—375.
- ⁸¹ Там же. С. 391, 406; Он же. Конфликты в Кремле. С. 115, 116.
- ⁸² Шахназаров Г. Указ. соч. С. 115; См. также: Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 360—363.
- ⁸³ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 42. Д. 57. Л. 2, 4.
- ⁸⁴ Там же. Л. 5, 7.
- ⁸⁵ Секреты пакета № 1: Интервью директора Архива Президента РФ А.В.Короткова // Новое время. 1994. № 39. С. 38.

Глава 4

«ГЛАСНОСТЬ» И ПРОБЛЕМА «БЕЛЫХ ПЯТЕН» В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Попытка идеологической нейтрализации прошлого

1985 год открыл шлюзы для духовного обновления страны; 1987 год уже был ознаменован изменением психологического климата, развитием творческой атмосферы дискуссий и обсуждения спорных, требующих подлинной гласности проблем. Общественное сознание осваивало вновь открывавшиеся факты, разоблачавшие господство обмана, идеологических фальсификаций и умолчаний. Ученые стали требовать, чтобы наука была освобождена от роли служанки партаппарата. Развернулось концептуальное осмысление сталинизма как специфического типа духовной деятельности, идеологической догматизации и деформирования теории, а также сталинщины. Последняя определялась как превращенная форма социальной практики, развивающейся по законам отчуждения, по логике классовой борьбы, которая была превращена в единственно возможный способ социалистического строительства¹.

Начиная реформы, Михаил Горбачев сам в известной степени становился их производным.

В новой обстановке происходило идеологическое размывание тоталитарного мышления. Необходимыми компонентами этого процесса были крушение прежних ценностей, демифологизация, освоение новых понятий — «перестройка», «новое мышление», «гласность» — и постепенное исчезновение одномерного, линейного восприятия действительности. Издавая свои избранные труды, Горбачев предварил их вводной статьей под названием «Я не знаю счастливых реформаторов...». В ней он констатировал: «Я менялся вместе с перестройкой в стране, в чем-то, естественно, обгоняя ее. С глаз спали идеологические шторы, мешавшие видеть реальную действительность во всей ее многогранности и противоречивости. Многое дало мне участие в мировой политике, сотрудничество с крупнейшими государственными деятелями нашего времени...»²

В числе этих деятелей были и польские лидеры. Контакт между советским и польским руководством начал принимать в период перестройки качественно новый характер. Отношения становились партнерскими, равноправными, опирались на проводившиеся в унисон преобразования. Вот свидетельство секретаря ЦК КПСС В.А.Медведева: «В этой обстановке между руководством Польши и

горбачевским руководством с самого начала установилось хорошее взаимопонимание. Я убежден — лучшее, чем со всеми другими, в том числе более благополучными, странами, которые клялись в верности КПСС и Советскому Союзу. Сложилось и тесное личное общение между двумя руководителями». Войцех Ярузельский приехал на XXVII съезд в Москву, а М.С.Горбачев участвовал в работе X съезда ПОРП в Варшаве. Таким образом, была заложена основа для восстановления прерванных на ряд лет полнокровных двусторонних отношений.

Этот процесс начался после XXVII съезда, когда стали преодолевать препятствия общению со странами, именовавшимися «братскими», но как бы подвергшимися наказанию согласно доктрине Ю.А.Квецинского, заместителя министра иностранных дел СССР. Считалось, что связи будут поддерживаться лишь с верными друзьями и единомышленниками. Отношения же с Польшей, как источником «идеологической заразы», были сильно урезаны.

Весной 1986 г. отдел ЦК, который отвечал за связи с социалистическими странами, поставил перед Политбюро вопрос о восстановлении отношений с Польшей в полном объеме.

Ситуация стала меняться к лучшему, и уже отнюдь не на том уровне, когда национальные механизмы тоталитарной бюрократии дополнялись интернациональной системой бюрократической солидарности и взаимоподдержки. Это была взаимоподдержка другого качества — в деле оптимального развертывания реформ.

Структуры тоталитарной политической системы сохраняли свою целостность, в них трудно было найти союзников. Более того, как отметил Горбачев на пленуме ЦК в январе 1987 г., попытки начать преобразования в политической сфере вызвали саботаж номенклатуры. «Каждый день реформ преподносил сюрпризы, они требовали конкретных решений и рациональной реакции, но тут всегда вступала в силу разрушительная одномерная идеология, — вспоминает о той ситуации А.Н.Яковлев. — Разумные намерения и меры она губила, иррациональные — одобряла, будучи сама иррациональной»³.

Много разъезжавший по зарубежным странам Горбачев находил там понимание. Его реформаторские акции поддерживал, в частности, Войцех Ярузельский. Об этом не так много было известно в Москве. По свидетельству В.И.Болдина, со сталинских времен даже в Политбюро и правительстве знали, что международная политика является прерогативой генсека и еще пары человек. МИД и КГБ должны были направлять наиболее важные шифротелеграммы только по одному адресу — Горбачеву. «Никто, повторяю, никто, — пишет Болдин, — не смел вторгаться в сферу международных отношений, если Горбачев не просил или не поручал кому-то специально заняться тем или иным вопросом.

К этому следует добавить и тот факт, что М.С.Горбачев и министр иностранных дел имели, по существу, монополию на информацию о процессах, происходящих в мире, и прежде всего в социалистических странах, руководстве партий, настроении народа»⁴.

По свидетельству помощника генерального секретаря Г.Х.Шахназарова, Горбачев и Ярузельский «понравились друг другу. Беседы между ними всегда были предельно откровенными. Генерал приветствовал перестройку, одобрял намерения нашего генсека и, в свою очередь, делился планами преобразований в своей стране»⁵.

Двусторонние отношения развивались конструктивно, и генерал Ярузельский, казалось, мог рассчитывать на снятие с них негативных наслоений прошлого. Его прежние неоднократные попытки прозондировать отношение к Катынскому делу крупных советских военачальников — маршалов Ф.И.Голикова, А.А.Гречко, И.И.Якубовского, Д.Ф.Устинова и В.Г.Куликова, проверить их реакцию на сомнения по поводу выводов комиссии Бурденко и соображения о необходимости их перепроверки показывали, как он пишет во вступительном слове к книге Яремы Мачишевского, что они или ничего не знали об этом преступлении, или считали такой подход к проблеме плодом «постгеббельсовской, империалистической пропаганды, стремящейся вбить клин между Польшей и СССР»⁶. Теперь открывалась возможность обмена мнениями по этому вопросу на высшем партийно-государственном уровне.

Из первых рук, и именно из рук генерала Ярузельского, стало известно о том, что он поставил перед Горбачевым комплекс трудных вопросов двусторонних отношений уже через несколько недель после избрания последнего генсеком ЦК КПСС — в конце 1985 г., во время работы Консультативного совета Варшавского договора. «Горбачев принял это с большим вниманием и пониманием. Он признал, что мы должны поднять эти трудные темы. Декларировал свою добрую волю. Однако предлагал понять его: он только недавно приступил к новым обязанностям, затронутую мною проблематику он должен основательно изучить, анализ отдельных проблем поручить разным людям. Легким и простым это не будет», — вспоминает Ярузельский. Подчеркивая, что Горбачев демонстрировал понимание существа вопросов, включая секретные протоколы договора 23 августа 1939 г. и выдвигаемую на первое место проблему гибели военнопленных, Ярузельский зафиксировал его первую реакцию: «Я тут же почувствовал, что для Горбачева это были очень трудные проблемы. Особо соглашаясь с тем, что катынское преступление требует отвечающего правде освещения, он одновременно констатировал, что правда в этом вопросе не очевидна, что нельзя выносить приговор без необходимых доказательств. Так что нужны дальнейшие исследования и доказательства»⁷.

В ходе одной из бесед с советскими руководителями во время совещания секретарей ЦК партий соцстран по идеологическим и международным вопросам в Варшаве в январе 1987 г. Ярузельский вновь затронул этот вопрос, что рассказавший об этом событии В.А.Медведев счел очень важным: «Как всегда осторожно, но четко Ярузельский коснулся проблем преодоления недоверия между нашими народами и необходимости обсуждения и прояснения тех

страниц истории, которые порождают это недоверие. Он не скрывал, что польское руководство испытывает по этим вопросам огромное давление со стороны общественности своей страны, и прежде всего интеллигенции. Ярузельский подчеркнул, что они не настаивают на какой-то определенной интерпретации событий, но нужен диалог, постепенно, шаг за шагом приближающий нас к истине. Ничего при этом не упрощать, не мазать одним цветом». Эта беседа велась с участием Медведева, Яковлева и Добрынина, ориентировала на сбалансированное, но обстоятельное рассмотрение трудных проблем совместной истории. Свою личную заинтересованность в этом генерал подчеркнул специально, для убедительности сославшись на свою собственную судьбу депортированного.

Вскоре Медведев понял, что предмет особого интереса — Катынское дело. Он свидетельствует: «Руководители Польши деликатно, без какого-то драматизирования и нажима, но все же довольно твердо ставили вопрос о получении дополнительных материалов по Катынскому делу. Они говорили нам, что не настаивают на изменении нашей позиции, но убедительно просят представить какие-то документы, подтверждающие нашу версию, и контраргументы, опровергающие утверждения о ее несостоятельности.

Мое первое же соприкосновение с Катынским делом, ознакомление с уже имевшимися материалами не оставили сомнения в том, что вопрос не закрыт, в нем остается много неясностей, загадок, противоречий, которые все равно придется прояснять и давать на них ответ. От этого никуда не уйти. Для меня это стало особенно очевидно после того, как начались регулярные контакты с Ярузельским, Чиреком, Ожеховским и другими польскими партнерами»⁸.

Польские лидеры действительно сумели придать Катынскому делу особый ранг в глазах советского руководства, а точнее — группы соратников Горбачева. Это подтверждает и Шахназаров в уже цитировавшейся книге «Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника»: «Одним из первых моих действий в качестве помощника Горбачева было обращение к нему с просьбой использовать свою власть, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос»⁹.

Закончим необходимое для понимания климата первых лет перестройки цитирование свидетельств лиц из окружения Горбачева трезво-реалистичной констатацией А.Н.Яковлева: «Контекст времени был совершенно иным»¹⁰. Секретарей горбачевского ЦК заботила трудная и неприятная, мешавшая сглаживанию советско-польских отношений проблема, перед которой их постоянно ставили поляки. Но время-то было, говоря словами Анны Ахматовой, еще далеко не «вегетарианское». Еще не было всеобщего «облучения» гласностью. Царила инфантильная вера в слова и лозунги прошлого, типа «Сталин — это победа». За два года до этого Горбачев воздавал Сталину «должное» за великие заслуги в годы войны. Шла борьба вокруг доклада Горбачева в связи с 60-летием Великой Октябрьской революции. О сталинских репрессиях только начинали

писать, и партийно-государственное руководство боялось сказать то, что в 1956 году уже произнес Н.С.Хрущев.

Поэтому сектор истории отдела науки ЦК КПСС взялся за реализацию задачи поисков подтверждения старой версии Катынского дела и «контраргументов, опровергающих утверждение о ее несостоятельности». Для этого полонисты из Института славяноведения и балканистики АН СССР А.Ф.Носкова и Ф.В.Зуев должны были изучить материалы комиссии Н.Н.Бурденко. Сколько-нибудь значимых результатов эта акция не принесла.

Поверхностный характер десталинизации не позволял преодолеть сложившийся дуализм восприятия наследия Сталина, сталинской внешней политики. Осуждение политической практики сталинщины вплоть до проклятий в адрес Сталина за миллионы жертв сочеталось с признанием его марксистом, руководившим движением страны к «светлому будущему коммунизма», великим вождем и защитником Отечества. Самое же главное — сохранялась идеализация сталинского тоталитарного режима, отнюдь не сводящегося к феномену «культы личности Сталина», но по-прежнему обладавшего безусловной монополией власти и являвшегося по своей сути диктатурой партийно-государственного аппарата. До декабря 1988 г., созыва Съезда народных депутатов СССР, дело ограничивалось косметическим ремонтом политической системы, преобразования оставались непоследовательными, а во многом иллюзорными.

Горбачев надеялся, сохранив «руководящую роль КПСС», модель партии-государства, придать ей демократическую форму. Это была безнадежная затея. Перед лицом начавшейся политической трансформации КПСС переходила к обороне. Ситуация стала еще радикальнее меняться в обстановке антитоталитарных процессов в Центрально-Восточной Европе. К весне 1990 г. позиции КПСС оказались уже сильно подорваны.

Целый ряд конкретных мер был предпринят в области развития экономического сотрудничества в двусторонних советско-польских отношениях. От польской стороны последовало предложение отработать основы взаимоотношений в других областях — политической и идеологической. Был подготовлен совместный документ, подписание которого было приурочено к очередной (42-й) годовщине заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. По этому поводу состоялся визит в Москву Первого секретаря ЦК ПОРП, Председателя Государственного Совета ПНР В.Ярузельского. М.С.Горбачев и он подписали совместную «Декларацию о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры». Этот документ, что бы теперь ни говорили о его чрезмерной идеологизированности, впрочем вполне откровенной и характерной для того времени, декларировал принципиально новые основы, новое качество отношений — демократизацию взаимодействия, его равноправный, партнерский характер.

Напомним пассаж декларации, непосредственно относящийся к нашей теме, — результат польской инициативы.

«КПСС и ПОРП придают большое значение совместному исследованию истории отношений между нашими странами, партиями и народами. В ней не может быть "белых пятен". Вековые связи Польши и России требуют глубокой оценки. Все эпизоды, в том числе драматические, должны получить объективное и четкое истолкование с позиций марксизма-ленинизма, соответствующее нынешнему состоянию знаний. Необходимо прежде всего воздать должное тому, что укрепляло дружбу между нашими партиями и народами, и осудить то, что нанесло ей вред.

История не должна быть предметом идеологических спекуляций и поводом для разжигания националистических страстей. Ставя вопрос так, мы руководствуемся общей ответственностью за будущее, за дальнейшее развитие братских советско-польских отношений.

Ничто не должно омрачать сотрудничества и дружбы будущих поколений поляков и советских людей. Не будем оставлять нашим детям и внукам неразрешенных проблем»¹¹.

Комментируя в своей речи при подписании декларации этот фрагмент, Войцех Ярузельский в первую очередь делал акцент на раскрытии правды о «белых пятнах». «Наше общее стремление, — говорил он, — состоит в том, чтобы страницы совместной истории всегда звучали открыто и искренне. Мы будем укреплять все, что нас объединяет, и преодолевать, устранять все то, что может осложнить достижение совместных целей». В речи Горбачева звучало несколько иное понимание проблемы «белых пятен» и задач ее решения, адресованных историкам. «Надо видеть всю правду, чтобы в летописи отношений двух наших стран не было места для домыслов и недомолвок, для так называемых белых пятен. История — это не только свод фактов. Это прежде всего опыт, из которого следует извлекать уроки, школа, призванная учить взаимопониманию и доверию между народами.

Именно так мы понимаем главную задачу советских и польских ученых, которые работают на историческом поприще»¹², — так Горбачев интерпретировал историю и ее идеологическую функцию, исполнить которую предстояло создаваемой совместной Комиссии по истории отношений между двумя странами.

Что до рекомендуемого «современного уровня» знаний и идеологической традиции, призванных играть решающую роль в трактовке истории двусторонних отношений, то их содержание изначально было весьма различным, как и смысл работы самой комиссии.

По замыслу польского руководства, о котором пишет в своей книге Ярема Мачишевский, а в предисловии к ней — Войцех Ярузельский¹³, следовало наконец «вырвать правду» о фактах военных преступлений и геноцида в отношении польского народа, имевших место в годы сталинщины. Замалчиваемые и фальсифицированные, после XX съезда они все более обременяли морально и подрывали политически позиции польской правящей элиты, ее внутри- и внешнеполитический курс.

Примечательно, что на этот раз инициатива исходила от генерала Ярузельского, для которого горе польского народа, связанное с

событиями 1939—1940 гг., было и глубоко личным горем, а жизненный опыт особенно сильно подталкивал к расчистке исторического наследия и восстановлению справедливости.

Генерал и близкие ему члены польского руководства были весьма последовательны в этом и постоянно подталкивали Горбачева и его окружение к конкретным действиям в этом направлении. Казалось, возникло взаимопонимание, но решение все затягивалось, откладывалось.

По прошествии двух лет настала очередь практической реализации этого намерения. Была создана и 19—20 мая 1987 г. провела в Москве свое первое пленарное заседание двусторонняя комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношения между двумя странами.

Польская сторона представила свои пожелания в памятке от 6 мая 1987 г., перечислив требующие рассмотрения события, которые замалчивались, излагались неполно или тенденциозно. Это были война 1920 г., роспуск коммунистической партии Польши, секретный протокол к советско-германскому договору 23 августа 1939 г., советская кампания 17 сентября 1939 г. и последовавшая депортация поляков с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Катынское дело, Варшавское восстание и др.

Советское партийное руководство — Э.А.Шеварднадзе, А.Н.Яковлев и В.А.Медведев — в этой связи было озабочено подготовкой серии организационно-пропагандистских мер, ожидая от советских членов комиссии разработки и внесения в ЦК КПСС конкретных рекомендаций по всему комплексу сложных проблем. Формулируя общие установки, Политбюро в решении от 23 апреля предусмотрело мероприятия по идеологическому укреплению дружбы и сотрудничества, начиная с передачи архивных материалов по истории польского рабочего движения и кончая увековечением памяти видных деятелей. Что касается трудных вопросов двусторонних отношений, то было рекомендовано подготовить соображения о целесообразности публикации секретных советско-германских договоренностей, касавшихся Польши.

В первой половине мая при рассмотрении на секретариате предварительных рекомендаций и пожеланий для советской части комиссии возникли предложения в отношении издания печатной продукции, соответствующей идейно-политическим задачам совместной подготовки документальных фильмов и празднования юбилеев КПП и ПОРП.

В отношении «белых пятен» предлагалось «поддержать просьбу польских товарищей» о более полном освещении в трудах ученых СССР национально-освободительной борьбы польского народа против фашистских захватчиков, включая Варшавское восстание, а также войны 1920 г. Катынское же дело трактовалось как требующее дополнительной глубокой проработки и внесения предложений в ЦК КПСС.

В конце обширного перечня рекомендуемых пропагандистских мер нашел свое место пункт о внесении предложений по ознакомлению польской общественности с мемориалом в Катыни.

Деятельность комиссии в течение трех лет, зигзаги, достижения и отнюдь не меньшие неудачи раскрыты в книге ее сопредседателя с польской стороны профессора Яремы Мачишевского весьма обстоятельно и объективно. Эта его горячая и искренняя исповедь участника и важного действующего лица полосы очередных драматических событий вокруг катынского преступления не могла не вызывать серьезных рефлексий, особенно другой стороны — участников советской части комиссии, которые получили возможность познакомиться с новыми фактами. Итоги работы комиссии подвел и советский сопредседатель — Г.Л.Смирнов¹⁴.

В настоящее время очевидно, что обе стороны подходили к задачам комиссии по-разному. Как сообщает Мачишевский, «важной, может быть, наиважнейшей частью подготавливаемой декларации должна была быть история», а следствием ее принятия — доступ к советским архивам, введение в оборот новых фактов, прежде всего периода 1939—1945 гг., и их соответствующая исторической действительности интерпретация¹⁵. Приведенный выше относящийся к этому сюжету краткий фрагмент декларации и выступления лидеров партий по поводу ее принятия достаточно ясно указывали, что стремление не оставлять детям и внукам нерешенных проблем предполагало с советской стороны применение прежде всего идеологических форм и методов снятия противоречий. В тот момент горбачевская гласность была еще в значительной степени заявлением о намерениях, а ее реальное наполнение ограничивалось призывами к «объективности», «конструктивности», «взвешенности» критики прошлого. Информационный прорыв оставался делом будущего. По истечении почти десятка лет совершенно очевидно, что менее всего советское общество, партийно-государственный аппарат готовы были пойти на то, чтобы сделать знаменем этого прорыва Катынское дело.

Комиссия историков, создаваемая для заполнения «белых пятен», изначально была сориентирована на решение неоднозначных задач, среди которых важное место занимали задачи политические, а для ее советской части — прежде всего идеологические. Именно в этом ключе рассматривались спорные и конфликтные проблемы и именно этому подчинялось извлечение на свет божий всевозможных неизвестных или малоисследованных фактов, могущих служить укреплению традиций «пролетарского сотрудничества», «боевого сратничества», «социалистического интернационализма» и т.п. Смещение пропорций в эту сторону трактовалось как явно предпочтительное, оптимально сохраняющее прежнюю тождественность отношений и помогающее самортизировать, растянуть во времени давление польской стороны, обременительное для горбачевского руководства признание сталинских деформаций внешней политики, вины сталинского руководства и спецслужб СССР в геноциде польских граждан. Постановка этих проблем по-прежнему трактовалась большинством советских руководителей в традиционном духе «антисоциалистического подрыва» имиджа Советской дер-

жавы как «светоча социализма и интернационализма», ее «всемирно-исторической роли» и престижа.

Для специалистов, приглашенных к участию в работе комиссии через отдел науки ЦК КПСС, обращение к ряду ключевых проблем двусторонних отношений в очищающей атмосфере гласности, появления спроса на науку и возможности избавиться от застарелых идеологем, от предубежденного взгляда на действительность, догматизированного и искаженного, представлялось в высшей степени своевременным и весьма почетным. Администраторы от исторической науки, также введенные в комиссию вне зависимости от ориентации в проблематике советско-польских отношений и истории Польши, имели меньше иллюзий и были готовы к аппаратным играм.

Возглавивший комиссию академик Г.Л.Смирнов, в то время директор официозного Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, был человеком многоопытным, дважды работавшим в аппарате ЦК и дважды получившим «пас в сторону» на очень высокие посты в околупартийной науке. Второй раз в ЦК он работал при Горбачеве и занимал весьма высокий пост наиболее доверенного советника — помощника. А.Н.Яковлев в то время возглавлял как секретарь ЦК агитпроп, а Смирнов стал помощником по идеологическим вопросам и должен был помогать генсеку думать, излагать мысли, отвечать за рост имиджа советского руководителя. Со временем у супругов Горбачевых появилось представление, что он недостаточно маневренен, не в нужной степени держит под контролем средства массовой информации, освещение ими визитов и поездок первых лиц в стране. После этого Смирнов и перешел в Институт марксизма-ленинизма. На предыдущем академическом посту директора Института философии он некоторое время был сопредседателем советско-польской комиссии по общественным наукам. Близость к ЦК и наличие контактов с польскими учеными говорили в пользу назначения Смирнова в руководители новой двусторонней комиссии ученых. Он был прекрасно «подкован» идеологически, ориентировался в тайнах коридоров власти при новом генсеке, умел разговаривать с учеными. При этом Смирнов был человеком неординарным, весьма прогрессивных взглядов и редкого умения вести переговоры. Ему были свойственны удивительная проницательность, способность с лета схватить суть аргументации оппонента и с точностью шахматиста просчитать несколько шагов вперед. Вместе с тем он был до мозга костей политиком и аппаратчиком, в чем был схож с Горбачевым, не сумевшим порвать с аппаратными навыками, правилами и приемами. М.С.Горбачев использовал его привычку действовать по этим правилам в своих целях.

Функции обеих частей комиссии, характер и ход их работы изначально складывались по-разному. Если польская часть реализовала свое научное амплуа в условиях большой самостоятельности, объясняющейся полным единомыслием с политическим руководством в деле трактовки «белых пятен», и выходила на прямые контакты с сек-

ретариатом ЦК ПОРП — В.Ярузельским и Ю.Чиреком — по мере надобности, всегда могла рассчитывать на их поддержку, то советская часть комиссии создавалась и функционировала по другим принципам, в рамках двустороннего межпартийного сотрудничества и по аппаратным схемам. Само ее создание и деятельность находились в поле пристального внимания партийного аппарата. Она должна была только принимать звонки и поручения сверху и выполнять их. Никакой содержательной инициативы с ее стороны не предполагалось, как и обратной связи с высшим руководством.

Если председатель польской части комиссии Ярема Мачишевский уже на первом заседании поставил вопрос о том, что комиссия должна именоваться партийной, поскольку представляет не всю профессиональную среду историков и связана с партийным руководством, то у Смирнова это вызвало большое недоумение. Он не рассматривал проблему в категориях полномочий профессиональной среды, ее представительства. Что касается партии, то ее директивы должна была выполнять любая комиссия. По мнению Смирнова, непосредственно партийное учреждение — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — представлял только он, его заместитель по институту и комиссии В.В.Журавлев и секретарь комиссии Т.В.Порфирьева, а другие научные эксперты на такой ранг претендовать не могли и не должны были. В конце концов Г.Л.Смирнов уступил полякам, согласившись, что польская часть комиссии получит наименование комиссии партийных историков, если этого требует менталитет другой стороны. По сути же дела, именно советская часть комиссии была орудием партийно-аппаратных манипуляций, хотя и в ней большинство ученых рассчитывало на очищение истории от идеологических догм и клише прежних времен. Реальность оказалась далеко не такой однозначной.

После завершения деятельности комиссии Смирнов признался, что все основные вопросы работы: повестка дня заседаний, темы встреч, суть занимаемых позиций, передача документов и т.д. — обсуждались в предварительном порядке в отделах ЦК, докладывались в ЦК устно и в форме служебных записок. Изначально было установлено, что комиссия призвана вести не непосредственные исследования, а дискуссии с целью выработки оценок и позиций, обсуждения итогов тех или иных разработок, а также формулировать установочные рекомендации. Как определялось в записке Э.А.Шеварднадзе, В.М.Фалина и В.А.Крючкова — ответственно и точно, комиссия была создана «для нахождения развязок по "белым пятнам"» (речь идет о записке «К вопросу о Катynи» от 22 марта 1989 г.)¹⁶.

Знакомясь с книгой Я.Мачишевского «Вырвать правду» и обдумывая характер и итоги работы двусторонней комиссии, Г.Л.Смирнов вынужден был признать: «При чем тут была наука? Наука была ни при чем с самого начала». Это касалось узловой проблемы — судеб польских военнопленных. Она оказалась чрезмерно политизированной, а предложенные условия работы — «великолепным ре-

шением» для реализации целей Горбачева, как Смирнов констатировал по прошествии лет, в апреле 1997 г. в беседе с Яжборовской. Далеко не сразу поняв специфику и противоречивость задач и целей работы комиссии, он указывал на подлинные причины длительного бессилия комиссии: «В архив нас не пускали, материалы были закрыты для нас, всего мы знать не могли».

У партийного руководства не было ни малейшего желания включать катынский вопрос в повестку дня работы комиссии. Это со всей очевидностью отразилось в констатации помощника Горбачева А.С. Черняева в его дневниковых записях «Шесть лет с Горбачевым». Он писал: «В ходе совместной работы по закрытию "белых пятен" нам не удастся отговориться от этой проблемы»¹⁷.

На первом же заседании комиссии при согласной констатации, что количество проблем, требующих совместного рассмотрения, весьма велико и потребует значительных усилий, проблема судеб польских военнопленных 1939 г. встала со всей остротой. Еще до начала заседания обнаружилось, что польская сторона придает ей особое значение, советская же резко отмежевывается от ее рассмотрения. Эту функцию «адвоката дьявола» выполнял специализирующийся в борьбе с западными концепциями Второй мировой войны и идеологическом противоборстве в условиях двухполюсного мира (что считалось в годы «холодной войны» особо значимым и престижным) завсектором Института всеобщей истории АН СССР О.А.Ржешевский. Однако многократные попытки довести до сведения польских ученых, что советская сторона не разделяет интереса к этой проблеме, что объем репрессий в отношении поляков был не столь велик по сравнению с ущербом, нанесенным Красной Армией сталинскими чистками, и что пострадал «классово чуждый элемент», успеха не имели. Наоборот, на содержательном уровне постановка вопроса о необходимости рассмотрения Катынского дела приобрела максимальную обстоятельность и аргументированность, а на эмоциональном уровне в убеждение советских ученых включилась почти вся польская делегация. Попытка противопоставить этому версию Бурденко была ею отвергнута. Выступивший с советской стороны Ржешевский призывал учитывать позицию советского руководства, прессу того времени и т.п., утверждал, что в западных публикациях отсутствуют какие-либо весомые, обоснованные аргументы по этому вопросу, и заявлял о необходимости объединить усилия по разоблачению «антисоветских и антипольских версий историографии и пропаганды».

Советская часть комиссии не была сориентирована на обсуждение этой проблемы, руководитель подтверждал официальную версию и отказывался ее пересматривать, как если это было бы подыгрывание антисоветской пропаганде. Высказывалась уверенность: польские историки должны понять, что обращение к подобным вопросам разожжет антисоветизм, чему надо всячески препятствовать.

Не только польская, но и советская часть комиссии тогда не знала, да и впоследствии О.А.Ржешевский не афишировал того

факта, что не пройдет и двух недель, как будет подписан к печати идеологический боевик крупного калибра — подготовленная в «Воениздате» книга Е.Н.Кулькова, О.А.Ржешевского и И.А.Челышева «Правда и ложь о Второй мировой войне»¹⁸. Ее выход в свет знаменовал выстраивание фронта противодействия процессу пересмотра устаревших сталинистских стереотипов, который набирал силу в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К традиционной критике западной историографии как «псевдонаучной» добавлялась атака на «идейных вдохновителей польской контрреволюции», «засевшую в КОС-КОР и руководстве «пресловутой "Солидарности"» «агентуру империалистических разведок»¹⁹. Одним из ключевых сюжетов итогового раздела «Фальсификаторы истории на службе реакции и агрессии», заканчивавшегося тезисом о «совпадении стереотипов американской реакционной пропаганды с гитлеровской» в разжигании новой войны, была тема Катыни, якобы много лет используемая для фальсификации итогов и уроков Второй мировой войны, реабилитации гитлеровского фашизма, пропаганды реваншизма и антисоветизма. «Советская официальная версия» не только вновь воссоздавалась с прежними подтасовками, но актуализировалась, вписывалась в более широкий идеологический контекст и подкреплялась цитатами из переписки глав великих держав, в основном Сталина, из «Правды» и «Сообщения» комиссии Н.Бурденко, из публицистики того времени. Ссылке на дневник Геббельса, озабоченного наличием в Катыни пуль немецкого производства, было придано звучание, позволявшее поставить под сомнение обвинение в адрес НКВД. Наконец, внушалось, якобы в Нюрнберге была доказана вина немцев: «Полностью выводы комиссии и другие материалы, связанные с "Катынским делом", широко публиковались в печати и были приняты в качестве официальных документов процесса над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге...» В финальных идеологических заклинаниях говорилось и о «гнусных спекуляциях на трагической судьбе польских офицеров», и об усилиях Государственного департамента США и различных диверсионных антисоветских центров по пропаганде «ядовитой геббельсовской лжи», о том, что она взята на вооружение контрреволюционерами из «Солидарности» «для провоцирования антисоветских и антиправительственных настроений среди неосведомленных в истории поляков». Более того, авторы смело брали на свою совесть утверждение, якобы в Польше «сам факт совершения гитлеровцами преступного злодеяния в Катынском лесу полностью замалчивался»²⁰.

В такой сгустившейся атмосфере фальши, когда катынское преступление становилось основой идеологической конструкции доказательств вины гитлеризма, его расправ с военнопленными, необходимости продолжать суд над военными преступниками и т.д., и начинала работу двусторонняя комиссия.

Польская сторона максимально использовала пребывание в Москве, пленарные, секционные заседания и разговоры в кулуарах, чтобы постараться убедительно изложить доказательства порочности

версии Бурденко, обговорить все возможные вопросы и сомнения, избегая прямой конфронтации, которую вызвало бы однозначное дезавуирование сообщения комиссии. Были предприняты значительные усилия, чтобы перейти от идеологических споров к строго научному исследованию проблем.

Академик Смирнов очень внимательно выслушал все соображения, проверяя намерения другой стороны, корректность ее позиций, возможные последствия раскрытия засекреченного дела. Проведя словесную разведку, он сделал ход назад — еще раз напомнил, что стоит на официальных позициях выводов комиссии Бурденко. Его явно интересовали возможные материальные претензии и юридическая ответственность виновников преступления. Вместе с тем Смирнов пообещал, что материалы комиссии Бурденко будут проанализированы, а в архивах проведены дополнительные поиски. По логике вещей, он не мог этого не обещать, другое дело, какое развитие событий могло последовать за этим. Абсолютное большинство членов комиссии не подозревало, какая игра начиналась...

Как бы компенсируя жесткую позицию по наиболее трудному вопросу, Смирнов пошел навстречу по другим пунктам обсуждения. В сфере его компетенции как директора института, в состав которого входил Центральный партийный архив с огромным корпусом польских документов, он сделал гигантский по тем временам шаг. Речь не только о передаче значительной части этих документов, но и о предоставлении очень значимого в политическом отношении решения Президиума Исполкома Коминтерна о роспуске компартии Польши (1938 г.). К тому времени прошло почти полвека с момента этого события и тридцать лет после реабилитации партии. А документа, на котором, как тут же выяснилось, стоял гриф секретности «Никому и никогда», действительно никому и никогда не показывали из-за его разоблачающего сталинщину содержания. По своей тональности и политическому значению этот документ не слишком отличается от постановления ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

Комиссия ученых двух стран не была политическим органом и никаких политических решений принимать не могла, но для передачи такого документа нужны были его рассекречивание и политическое решение. Смирнов их добился, предварительно заручившись обещанием Мачищевского не делать из документа скандальной сенсации и спустить факт передачи и опубликования на тормозах «предварительной научной обработки».

Значение факта передачи документа такого ранга члены комиссии в полной мере осознали лишь тогда, когда к дверям зала заседаний приблизился заместитель директора Центрального партийного архива В.В.Аникеев, держа в трясущихся руках невзрачную папку с несколькими тронутыми временем листочками. Бледный, он до последней минуты боялся выпустить их из рук. Аникеев не чинил исследователям дополнительных препятствий, за что слыл либералом. Однако момент передачи заветной папки высшей сек-

ретности в руки профессора Мачишевского потряс его до глубины души.

Создание комиссии было воспринято учеными как открытие широкого поля исследований, возникновение перспективы целостного творческого изучения, научной верификации истории двусторонних отношений. Для науки это было время повышенной поисковой активности, роста стремления критически переосмыслить, корректно и глубоко оценить эти проблемы, сформулировать свое отношение к ним с позиций нового мышления. Дух перестройки, не без определенной наивности и иллюзий, рождал новый моральный научный климат: с одной стороны, в прошлое уходили запрет на разработку многих крупных тем, жесткая регламентация творческой активности ученых, подавление их начинаний и инициатив, другие пагубные для общественного прогресса явления эры застоя; с другой стороны, открывалась возможность соответствующего потребностям творческой самореализации ученых, их активного включения в решение обретших острую актуальность научных, а также и политических задач.

Представлялось, что стало реально разорвать порочный круг ущербных стереотипов декларативной, чрезмерно идеологизированной, нередко бессодержательной пропаганды казенной дружбы и приглаженных революционных традиций, искоренить чисто лозунговый подход к двусторонним отношениям. Ведь за этим камуфляжем часто скрывались ложь и фальсификация, а многие страницы подлинно добрососедских отношений по различным идеологическим мотивам замалчивались. Становилось очевидно, что сталинские деформации, поразившие многие стороны внутренней жизни СССР, не обошли стороной и область внешней политики. Со всей очевидностью они проявились в сфере советско-польских отношений, наложив мрачный отпечаток на различные аспекты и эпизоды этих отношений.

Очень интересны оказались результаты социологических обследований польского Центра по изучению общественного мнения, касавшихся представлений поляков об СССР и советско-польских отношениях. Эти данные подтвердили информацию прибывшего в Москву для подготовки очередного заседания Я.Мачишевского о позитивной реакции польской общественности на работу комиссии, в том числе на оценку высказываний В.М.Молотова о Польше как несовместимых с международным правом. Они убедительно показывали, как органично переплетаются в общественном сознании история и современность. Когда в двусторонних отношениях стали проявляться искренность и партнерство, они стали значительно выше оцениваться поляками. Число позитивных оценок в октябре 1986 г. достигло 62,7% и выросло к октябрю 1987 г. до 75,3%. При этом две трети обследованных, отмечая как плюсы, так и минусы современных им советско-польских отношений, видели необходимость их дальнейшего изменения в духе гласности и партнерства. Главным плюсом 30% опрошенных считали обращение к «белым пятнам», рост открытости, повышение степени правдивости инфор-

мации об истории и текущем дне обоих народов. Внимание ученых — членов комиссии привлекли указания в анкетах на изменения в советско-польских отношениях, формулируемые, например, следующим образом: «Увеличивается гласность, правдивость информации. Есть намерение раскрыть "белые пятна"»; «начинают говорить о многих вещах, которые были запретной темой»; «больше говорят правды о войне, жизни поляков, депортированных в России во времена Сталина»; «открытие тайн новейшей истории, напоминание о том, что было нечто такое, как Катынь, и об этом говорится громко». Столь же очевидны и убедительны были рекомендации: «полное выяснение так называемых стыдливых, до сих пор замалчиваемых вопросов»; «нужно объяснить обществу, какие отношения существовали между Польшей и СССР с момента возникновения II Речи Посполитой»; «нужна последовательность в выяснении вопросов новейшей истории (союзнический пакт СССР с Третьим рейхом, Катынь, депортации)»; «все вопросы нужно выяснить до конца — о деятельности Сталина, его действиях в отношении поляков нужно сказать все» и т.п.

Отслеживание социологических показателей доказывало, что колебания в политике открытости сразу отражаются в худшую сторону на оценке отношений. Так, в феврале 1988 г. был отмечен спад до 58,6%, а в октябре 1988 г., после визита Горбачева в Польшу, — новый подъем до 63,9%. Такие данные были дополнительным стимулом для участия в придирчивом пересмотре «белых пятен», для отказа от сталинского наследства и для восстановления исторической правды и о трудных полосах в двусторонних отношениях, и об игнорировавшихся по разным причинам их светлых страницах.

Выработка тематики заседаний комиссии была непростым делом. Наметив вначале не вызывавшие сомнений с обеих сторон 7—10 тем, комиссия шла по пути научного поиска и постепенного расширения тематики. Так в поле зрения попала как бы маргинальная, а на деле очень важная для всей проблематики периода войны проблема депортаций населения; произошел переход от вступительной экспертизы и составления библиографии к тщательному архивному поиску и подготовке к печати исследования по этой проблеме. Данная разработка доктора исторических наук В.С.Парсадановой повлекла за собой дальнейшие поиски в архивных фондах ключевых для проблематики судебных польских военнопленных материалов.

Аналогичным образом при помощи изучения недоступных ранее материалов удалось достичь существенных результатов в выяснении обстоятельств роспуска компартии Польши в 1938 г.

В других случаях происходила корректировка односторонней трактовки идеологически деформированных проблем. Например, значительно более серьезной и взвешенной стала советская оценка восстановления государственной независимости Польши в 1918 г. Была отдана дань глубокого уважения вековым освободительным усилиям польского народа, его свободолюбию и жизнестойкости. Комиссия обратилась к совместному выяснению сложных вопросов

войны 1920 г., стараясь при этом отойти от односторонности и найти объективный, сбалансированный подход к проблеме. Так шло выявление «болевых точек» в истории советско-польских отношений, происходила совместная выработка последовательно научных, открытых и честных позиций по трудным, замалчивавшимся или фальсифицировавшимся аспектам этих отношений. В большинстве случаев источники по этим проблемам были мало доступны в течение многих десятилетий, а освещение их было избирательным, неполным, а то и не проводилось вообще, находясь под негласным запретом.

Развернулось, например, изучение слабо разработанных аспектов боевого взаимодействия и соработничества в годы Второй мировой войны, в том числе совместных действий советских и польских партизан, вопросов участия советских людей в польском движении Сопротивления, помощи польского населения советским военнопленным, оказавшимся на территории Польши. В этой проблематике многое замалчивалось из-за внедрявшегося в годы сталинщины негативного отношения как к значительной по численности некоммунистической части польского движения Сопротивления, так и ко всем «находившимся на оккупированной территории» и к военнопленным, подвергавшимся разного рода репрессиям. Польские ученые весьма преуспели в изучении этой области и выступили с инициативой помощи, которая была принята с благодарностью. Эта и другие подобные инициативы польской стороны способствовали росту взаимопонимания, стимулировали углубление анализа представлений о прошлом, высвобождение от примитивных устаревших клише, сохранившихся с тех времен, когда Польша воспринималась как стратегически главный противник СССР, вошедший в блок с Гитлером, и т.п.

Число вынесенных на рассмотрение комиссии проблем превысило два десятка. Самыми острыми, порождающими постоянные недоговоренности и напряженность оставались сохранявшие актуально-политическое звучание проблемы кануна и начала Второй мировой войны, включая, естественно, их производное, органическую составную часть — судьбы польских военнопленных (что, впрочем, советская часть комиссии отнюдь не намеревалась ставить в такой плоскости). К ним комиссия возвращалась постоянно в ходе полноценной научной дискуссии по другим вопросам.

Нельзя отрицать, что разрешение этих проблем к тому времени незрело.

Оценка советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г., вопрос о существовании секретных приложений к ним и их содержании постоянно дебатировались в мировой историографии.

Эти проблемы находились под пристальным вниманием международного отдела ЦК, отдела ЦК, занимающегося соцстранами, и МИД. Всем было очевидно, что двусторонняя комиссия не сможет их обойти. Поэтому уже в постановление Политбюро по итогам встречи Горбачева с Ярузельским в апреле 1987 г., перед созданием

комиссии, было вписано поручение для МИД и двух отделов ЦК изучить этот вопрос и подготовить предложения. По свидетельству В.А.Медведева, отдел ЦК и МИД подобрали материалы в досье еще до начала работы комиссии.

Первый шаг обеим сторонам было сделать нетрудно. Советским историкам для этого надо было вернуться к положениям сформулированной в первом томе многотомной «Истории Великой Отечественной войны» оценки войны Польши против Германии как носившей с самого начала справедливый, оборонительный, освободительный характер. Встал вопрос о неправомерности утверждения советской ноты от 17 сентября 1939 г. о том, что Польское государство перестало существовать, об ошибочности констатации, якобы к тому моменту польское правительство покинуло территорию своей страны.

Польские ученые мобилизовали новые документы и исследования, подкрепляя эту концепцию и предлагая отказаться от идеологической антагонизации отношений, признать, что планы польского правительства были только оборонительными, что Польша была первой страной, не капитулировавшей перед гитлеровской агрессией, давшей ей отпор и ускорившей создание Антигитлеровской коалиции.

Советская часть комиссии поддержала вывод о том, что война Польши против Германии с самого начала была оборонительной, справедливой.

Естественно, встал вопрос об оценке выступлений осенью 1939 г. тогдашнего члена Политбюро, премьера и наркома иностранных дел В.М.Молотова и ряда статей о Польше в советской печати того времени.

Здесь имелась очевидная возможность для демонстрации конструктивной позиции: уничижительные оценки соседней страны требовали коррективов. Одиозный характер носили характеристика Польши как «уродливого детища Версальского договора», издевка в отношении прочности Польского государства, которое «рассыпалось» под ударами гитлеровских войск, а затем Красной Армии, и др.

Г.Л.Смирнов принял положение о справедливом характере войны в защиту национальной независимости, которую вел польский народ, решил поставить вопрос о признании оскорбительными для этого народа ряда несовместимых с международным правом заявлений Молотова. После доклада Медведеву последний написал Горбачеву докладную записку и 28 июля передал ее лично генсеку. Тот согласился с предложением дезавуировать в печати оскорбительные для Польши высказывания Молотова сентября—октября 1939 г.²¹ Смирнов выступил в «Новом времени» со статьей «Возвращение к урокам» с соответствующими оценками²². Это был важный шаг вперед, хотя в отношении событий 17 сентября 1939 г. имели место и давние формулировки. Он выводил в область советско-германских договоренностей, рассмотрение которых было делом будущего.

Завеса умолчания вокруг секретных протоколов, имевших большое значение в трактовке проблем начала Второй мировой войны, имела идейно-политический характер. В новой ситуации она привлекала внимание многих партийных и государственных функционеров, особенно в связи с процессами в Прибалтике. Это дополнительное обстоятельство вносило свои коррективы.

Секретные протоколы были переданы в архив Политбюро из сейфа Молотова в октябре 1952 г., после его ухода с политической арены. 21 февраля 1974 г. Секретариат ЦК КПСС согласился с предложением общего отдела ЦК не допускать работников МИД в архивы ЦК и выдавать им материалы только по его письменной просьбе и с согласия ЦК. Копии советско-германских документов, в том числе секретных протоколов, находившихся на совершенно секретном хранении, передавались в 1975 г. и 1979 г. И.Земскову для А.Громыко, после чего каждый раз через несколько месяцев возвращались и уничтожались²³.

Вступивший в должность заведующего общим отделом ЦК КПСС в начале 1987 г. В.И.Болдин выяснил все это, убедился, что глубоко спрятанные от ученых и общественного мнения документы на самом деле даже не конвертированы (то есть не заложены в особые конверты), не имеют особых грифов и штампов и доступны многим сотрудникам ЦК. В своих воспоминаниях «Крушение пьедестала» он детально описал свои встречи с Горбачевым по этому вопросу, сцену доклада, знакомства генсека с документами и картой Польши с разграничительной линией и автографом Сталина: «...он комментировал свои наблюдения, изредка задавая мне вопросы. Он не удивился наличию этих документов, скорее в его интонации было раздражение, что пришлось прикоснуться к прошлому.

— Убери подальше! — сказал он в заключение.

А между тем интерес к секретным протоколам в стране и за рубежом возрастал²⁴.

Позднее Болдин дал более подробную информацию о судьбе секретных протоколов. Когда смерть Сталина сняла ограничения на доступ членов Президиума ЦК к документам его архива и они немедленно вскрыли его личный сейф, разобрав бумаги, имевшие отношение лично к ним, Молотов изъясил среди прочего и «подлинники секретного протокола». Когда на Западе появилась публикация копии, советские мидовские работники и государственные деятели «напрочь отказались признать эти копии соответствующими оригиналам». Основной аргумент — подпись Молотова, сделанная латиницей, — выглядел убедительно, поскольку Молотов, как предполагалось, никогда так не подписывался. Ходили различные версии, но интерес затухал.

Болдин сообщает, что пакет с этими документами находился в МИДе не два раза: мидовские работники еще раз достаточно долго держали его у себя, да и в дальнейшем он был доступен для доверенных лиц. Громыко, правда, отказывая в их публикации, убежденно изрек: «Нас никто уличить не сможет».

Признавая, что Молотов действительно подписался латинскими буквами, Болдин высказывает предположение, что это было сделано не случайно: «скорее всего, он рассчитывал на то, что достоверность документа может быть поставлена под сомнение». Любопытен эпизод и с поручением Л.Ф.Ильичеву, заместителю А.А.Громыко, искать секретные протоколы: Громыко хорошо знал их содержание и адрес, по которому сам их отправил, но создал даже комиссию по их поиску. Вот что об этом поручении — «выяснить, нет ли секретных протоколов в архивах ЦК КПСС и где их можно искать» — и его выполнении рассказывает Болдин: «Я сразу понял, что Громыко решил сыграть беспроигрышно: во-первых, дал понять, что в МИДе документов нет, во-вторых, визитом Ильичева намекнул, где надо искать, и, в-третьих, рассчитывал получить информацию, что руководство ЦК КПСС не считает своевременным обнародовать эти документы, несмотря ни на какую гласность.

Я не был уверен, что Ильичев, работавший секретарем ЦК, ничего не знает о документах. Поэтому, пользуясь теми же правилами, в которых так силен был Громыко, я спросил:

— А разве такого рода документы хранятся не в архивах МИДа?

Мне очень не хотелось говорить неправду Ильичеву, уважая его опыт, возраст и наши добрые отношения»²⁵.

В начале октября 1987 г. проявил озабоченность по поводу работы комиссии курировавший в ЦК идеологическую работу Е.К.Лигачев. Г.Л.Смирнов отчитался перед ним о состоянии обсуждения острых проблем советско-польских отношений, указав, что они не представляют тайны для польской общественности. Наоборот, она давно и широко информирована о существовании и содержании секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., а сведения о нем есть даже в польских школьных учебниках. Они базируются как на немецких источниках, так и на первом томе «Истории Великой Отечественной войны», где имеется указание на установление демаркационной линии между Германией и СССР по карте Польши. Из отчета можно было сделать вывод, что подлинная информация не повлияет на ухудшение двусторонних отношений, чего традиционно опасались наши идеологи. Польский сопредседатель комиссии, настроенный вполне миролюбиво, уверял, что признание существования секретного протокола пойдет этим отношениям на пользу, поскольку будет еще одним свидетельством полной, а не выборочной гласности. Именно гласность была важнейшим фактором процесса улучшения советско-польских отношений.

Я.Мачишевский ставил также вопрос о поиске сведений о депортации поляков и новых документах по Катынскому делу.

В своих записках Смирнов не скрывал, что может встать вопрос о сговоре с Гитлером и корыстном разделе Восточной Европы (на что может отреагировать Прибалтика), подчеркивая необходимость выработки четкой линии по этому вопросу. Было сформулировано вполне обоснованное предположение, что Катынское дело будет

подниматься бесконечно, поэтому к нему необходимо еще раз вернуться.

В комиссии по истории отношений между двумя странами начались длительные переговоры со многими неизвестными по широкому кругу проблем. Тематика кануна и начала Второй мировой войны была передана в особую рабочую группу, куда вошли В.К.Волков, В.С.Парсаданова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), А.А.Чубарьян, О.А.Ржешевский (Институт всеобщей истории АН СССР), В.Я.Сиполс (Институт истории СССР АН СССР) и их польские коллеги. Пошел процесс выяснения расхождений и постепенного сближения позиций.

В этом составе рабочая группа стала действовать после двух разнонаправленных акций в верхних эшелонах власти. В.А.Медведев старался посодействовать комиссии, даже обратился к Горбачеву в начале октября с просьбой о поисках секретных протоколов. И услышал в ответ, что якобы «никаких новых документов к этому времени ему не было представлено»²⁶. В журнале «Новое время» (№ 34—41) появилась серия статей В.М.Фалина, председателя правления Агентства печати «Новости», которое специализировалось на контрпропаганде. Он трактовал о генезисе Второй мировой войны, воспроизводя густо приправленные идеологическими стереотипами тезисы о враждебной СССР политике «буржуазной Польши» в том же ключе, что и публикация «Правда и ложь о Второй мировой войне». При помощи изощренной словестной эквилибристики автор фактически оправдывал деформированную Сталиным советскую внешнюю политику. Широко и вольно были привлечены немецкие материалы, а искомые советские отсутствовали. О существовании секретных протоколов можно было лишь догадываться по некоторым намекам. Вся эта серия статей была весьма далека от научной корректности и фактически продолжала фальсификацию освещения проблем, в частности вопроса об обстоятельствах, причинах и мотивах катынского преступления.

После интерpellации польских ученых у руководства страны и обращения последнего к лидерам СССР Фалин прибыл в Варшаву, чтобы обсудить комплекс проблем 1939 г. Дискуссия не привела к принятию его версии, которую Мачишевский назвал пропагандистской и не способной противостоять силе польской научной аргументации²⁷. Характерно, что Смирнов, по его словам, вообще не был информирован об этой акции, о публикациях и поездке Фалина.

Комиссия проводила заседание в Варшаве в начале 1988 г. после того, как в докладе по случаю 70-летия Октябрьской революции было указано на положительное значение пакта Риббентропа—Молотова как вынужденной меры. Трудный ход переговоров, который Смирнов пробовал скрасить как мог, обстоятельно описан Мачишевским в его книге «Вырвать правду». Было достигнуто определенное продвижение в выработке взаимоприемлемой позиции, которая затем была зафиксирована в специальном документе для печати²⁸. Но историко-правовая оценка событий 17 сентября 1939 г., отраженная в подготовленном польской стороной материа-

ле, не вылилась в какую-либо согласованную концепцию. Так же дело обстояло и с вопросом о протоколах. Были ли в то время шансы для этого? Из того, что сообщает Медведев, очевидно: их не было.

5 мая 1988 г. в связи с подготовкой визита Горбачева в Польшу вопрос о секретных протоколах был вынесен на Политбюро. Заседание предварялось рассылкой записки Шеварднадзе, Добрынина и Медведева. В ней предлагалось рассмотреть три варианта: жесткое непризнание существования протоколов и объявление копий фальшивками; признание их существования по имеющимся копиям и другим косвенным свидетельствам; уход от юридического признания и одновременно от отрицания существования протоколов с предоставлением историкам права (возможности) продолжать обсуждение и изучение проблемы.

Медведев опубликовал текст своего выступления, содержащий тщательно подобранные аргументы в пользу положительного решения вопроса. Он доказывал реальность существования протоколов, их практическое использование в «Истории Великой Отечественной войны», ссылаясь на публикации в Польше и других странах и приводил высказывания иностранных ученых. «Умолчание — не выход, — говорил Медведев, — потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку». И далее: «Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовом, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности внешнего и внутреннего порядка. Но зато это расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз...»²⁹. Любопытно следующее: аргументы Медведева, что такой шаг повысил бы авторитет страны и ее нынешнего руководства, встретили понимание со стороны дипломатов. Заместитель Шеварднадзе Л.Ф.Ильичев припомнил, что есть свидетель существования «подлинника», А.А.Громыко вспомнил о беседах с Молотовым и Хрущевым, которые не отрицали его существования, и высказался за признание с точки зрения перспективных интересов СССР. Категорическим противником проявил себя председатель КГБ В.М.Чебриков, доказывавший, что «признание и публикации протоколов дадут больше минусов, чем плюсов», что в Польше «активизируются антисоветские настроения», «возрастут претензии по пересмотру границ» и т.д. По соображениям Медведева, «при таком разбросе мнений девять десятых в решении этого вопроса зависело от Горбачева. Но он подтвердил свою прежнюю точку зрения: по копиям, как бы достоверно они ни выглядели, юридическое признание документов неправомерно. Надо продолжить поиски документальных подтверждений, тем более что опубликованные копии порождают ряд сомнений. Как Молотов мог подписать документ латинскими буквами? И вообще, слишком велика ответственность, которую мы возьмем на себя, совершив насилие над юридическими процедурами и нормами». Более того, не было принято предложение Медведева

всего лишь «снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе»³⁰.

М.С.Горбачев жестко пресек попытку Смирнова вести обсуждение проблем комиссии в личных или телефонных беседах, аргументировать необходимость признания существования секретных протоколов. Он и в дальнейшем не допускал никакого непосредственного обмена мнениями, изредка «спуская» свои поручения. Таким образом, комиссия не получила не только свободы рук, но даже контакта с руководством и возможности как-то влиять на его позиции.

Любые попытки в этом направлении оказывались весьма мало эффективными. Об этом свидетельствует помощник Горбачева А.С.Черняев, имеющий солидное университетское историческое образование, последовательный в отрицательной оценке советско-германских договоров и в требовании обнародования протоколов.

Не кто иной, как Черняев раскрыл кухню борьбы различных мнений в руководстве КПСС по этому вопросу, обильно цитируя свои записки Горбачеву. Из них мы узнаем, что во время подготовки доклада к 70-летию Октября в текст по этому сюжету была включена не формула Черняева, а «предложенное А.Н.Яковлевым, который, в свою очередь, воспользовался выкладками т. Фалина». Черняев пишет: «При всем моем уважении к Валентину Михайловичу, в данном случае мне не верится в его объективность, поскольку он повязан своими диссертациями и статьями...» В 1988 г., когда готовилась (и была опубликована) коллективная статья «Знать и помнить уроки истории», Черняев по поручению Горбачева подготовил ее предварительный разбор. Его мнение по поводу такой публикации, и особенно в «Правде», было сугубо отрицательным. Он был противником стремления доказывать неизбежность договора 23 августа. Вот выдержка, определявшая суть его подхода к проблеме: «...Можно было бы понять уместность статьи в рамках нашей линии на разоблачение ошибок и просчетов Сталина, если бы эта тема получила развитие. Но кроме осуждения договора 28 сентября, о чем уже было в нашей печати и о чем Вы собираетесь сказать в своем послесловии к советско-польской книге, ничего серьезного по существу в статье нет. Нет ответа на главные вопросы, которых действительно ждут и которые могли бы действительно продвинуть изучение проблемы»³¹. Анализу Черняева подвергались утверждения, якобы Гитлер мог сразу и беспрепятственно захватить Польшу и двинуться на восток, что надо было «упредить» события и пойти на компромисс с Германией и т.д. По его мнению, они были необоснованны; Сталин заигрывал с Гитлером задолго до 1939 г., когда снял с поста способного решительно добиваться компромисса с «западными демократиями» наркома иностранных дел М.М.Литвинова. Наконец, Черняев прямо указывал на факты, подтверждающие существование секретного протокола, в частности, о разделе Польши, свидетельства мидовских сотрудников, один из которых оставил такую запись: «Риббентроп уже

пошел к выходу. Сталин его вдруг остановил и предложил такой протокол. Тот был ошарашен и попросил сначала связаться с Берлином». Предлагаемое Черняевым резюме по этому вопросу было следующим: «Понятно, что на официальном уровне нам нельзя признавать существование ненайденного документа. Но нам не надо так уж открыто лицемерить, заявляя, что документа не было и вроде быть не могло. Думаю, лучший вариант — тот, который Вы хотите высказать в Предисловии»³².

Горбачев согласился с этим, позвонил отвечавшему за идеологию (параллельно с А.Н.Яковлевым) секретарю ЦК Е.К.Лигачеву и сказал, что статья «откладывается». Но 1 августа чуть подправленная статья все же вышла из печати. Горбачев выбрал компромиссный вариант, в чем, видимо, сыграли роль и соперничество секретарей по идеологии, и давление догматика Лигачева, и научные амбиции Фалина. Последний, заслуживший большой авторитет на посту советского посла в Бонне, получил высокое назначение в ЦК вместе с огромным объемом разнообразных международных проблем, что отражалось на его высказываниях. Он долго настаивал на разделении оценок договора 23 августа как положительного и необходимого и приложений к нему (когда их существование было признано) как заслуживающих негативного отношения. В переговорах с поляками он уклонился от осуждения договора 28 сентября, чтобы, надо полагать, не ослаблять свои позиции, которые, по дипломатической привычке, отождествлял с государственными.

Обратимся еще раз к позиции Горбачева. Еще до написания Послесловия он прочитал в записке помощника и такое заключение: «Убежден: если гласность у нас сохранится, а Вы, кажется, не собираетесь ее отменять, то ученые докопаются до существа дела и наверняка придут к выводу, что и договор 23 августа порочен в принципе и абсолютно вреден по своим практическим последствиям. Он не дал нам отсрочку войны хотя бы потому, что Гитлер физически не мог на нас напасть в 1939 году — был к этому не готов и не собирался этого делать. А мы этим договором дали ему лучше подготовиться. Я уже не говорю, что этим договором мы сразу же поставили себя в морально-политическую изоляцию на мировой арене по всей, как говорят, окружности — справа налево»³³.

После визита в Варшаву генсек решил опереться на носителей более, скажем, официальной позиции — заведующего международным отделом В.М.Фалина и заведующего идеологическим отделом А.С.Капто. Он устроил трехстороннее селекторное совещание с ними по домашним аппаратам и поручил им заняться проблемой секретных протоколов. О содержании этой беседы мы узнаем из политических мемуаров Капто: «...Горбачев сказал..., что нам двоим с привлечением специалистов надо рассмотреть весь комплекс вопросов в связи с секретными протоколами и внести официальные предложения в ЦК. Это требовалось не в последнюю очередь и потому, что на запрос польской стороны по этому во-

просу предстояло готовить официальный ответ. Разговор с генсеком происходил в мажорной с его стороны форме...» В разговоре назывался и Лигачев, возможно, по мнению Капто, как «вектор» противостояния, то есть Горбачев как бы отмежевывался от догматической линии.

На деле Капто был отстранен от подготовки материала. Официальные документы составил и отправил «наверх» Фалин. Капто же продолжал отслеживать связанные с этим сюжетом события в Прибалтике, считая, что они требуют срочных действий именно в этой области. Вновь предоставим ему слово: «...события развивались стремительно, а подготовленные документы бродили где-то по дебрям цеховских кабинетов. Вначале я полагал, что это очередная организационная проволочка. Но вскоре убедился, что причины более серьезные: в политическом руководстве по ключевому вопросу о "секретных протоколах" к договору не было единства. Большая часть членов ПБ вместе с генсеком считали: коль нет оригинала протоколов, с правовой точки зрения не может быть и речи о его пересмотре, так как в чисто юридическом плане нельзя отменять то, чего нет в руках. Другой точки зрения придерживался А.Н.Яковлев: для изменения оценки протоколов достаточно копий, о которых так много говорилось, начиная еще с 1948 года, когда Госдепартамент США опубликовал сборник документов "Советско-нацистские отношения 1939—1941", среди них и так называемый секретный протокол к советско-германскому договору 1939 года (ранее, в 1946 году, он был представлен немецкой защитой на Нюрнбергском процессе).

Вот в этих условиях проблема протоколов и оказалась "замкнутой" непосредственно на Яковлева...» Капто имеет здесь в виду его функцию в комиссии ЦК КПСС по международным делам, которая имела совещательный статус и не располагала собственным штатом. Очень важна констатация А.Капто: «...трагизм ситуации состоял в том, что до Первого съезда народных депутатов, где так остро был поставлен вопрос о "секретных протоколах", ПБ проявляло просто поразительную политическую несостоятельность. Получая постоянные, начиная с 1987 года, просьбы от В.Ярузельского прояснить проблему "секретных протоколов", как и "дело Катыни", имея в распоряжении факты обострения ситуации вокруг "секретных протоколов" не только внутри страны, но и в мировом сообществе, оно <Политбюро> "утопило" эту проблему в различных "поручениях", "комиссиях", "согласованиях", "обмене мнениями". Поражала потрясающая неадекватность между бурным напором политического вулкана в обществе и расплывчато-неопределенными, замедленными как на киноплёнке действиями партийного руководства»³⁴. Капто не склонен выяснять причины этого, он лишь сожалеет об упущенном времени, когда от позиции Политбюро еще многое зависело. Об этом же, кстати, сожалеет и первый заместитель председателя КГБ Ф.Д.Бобков, опубликовавший книгу «КГБ и власть». Он полагает, задним числом, что «наша извечная секретность привела в данном случае к тяжелым последствиям», что можно было своевре-

менно снять напряженность, опубликовав протоколы, и обсудить их в печати «хотя бы в шестидесятых годах», убедив в их «определенной положительной роли». Бобков сокрушается, что этого не сделал Андропов — видимо, «ничего о них не ведал». Он предлагает паллиативную оценку протокола: это «очень тяжелое соглашение, которое пришлось подписать в условиях надвигавшейся войны», — отодвинувшее границы³⁵.

Горбачев был осторожнее. При публикации материалов встречи с представителями польской интеллигенции он написал в Послесловии, что пакт 23 августа «был неизбежен» и требует совместного изучения вопрос, «все ли было сделано в наших странах для того, чтобы противостоять надвигающейся угрозе...». Договор 28 сентября, как и заявления Молотова в связи с его подписанием, он назвал не только «политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для нас, и для других стран, для коммунистического движения, но прямым и вызывающим отступлением от ленинизма, попранием ленинских принципов». Горбачев заверял, что поиски оригинала секретного протокола до сих пор ничего не дали, а признание «на уровне советского руководства» адекватности копий «было бы с нашей стороны несерьезно и создавало бы очень опасный прецедент»³⁶.

Даже взявший на веру последнее утверждение Горбачева его помощник отметил: в этой позиции отразился «результат перемен в нем самом», чреватых «новыми выбросами непоследовательности и просто оплошностями, пусть в частных вопросах, но — при его прикосновении — "частности" вытягиваются в одну из нитей политики»³⁷.

В конце 1988 г. В.М.Фалин был приглашен в ЦК КПСС и стал заведующим нового международного отдела, созданного на базе прежнего одноименного отдела и отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. После очередного съезда он стал и секретарем ЦК КПСС. В.А.Медведев, имевший ранг секретаря, был отстранен от «польских дел» и перемещен на другой участок работы — «в пропаганду». Дела двусторонней комиссии историков повел Фалин. В аппарате он имел репутацию человека ищущего, неконформиста. Однако в его отделе проблемы секретных протоколов и особенно катынского преступления длительное время оставались строго секретными. Фалин не собирал совещаний, не делился информацией. К ней не допускались даже его заместители. На заседаниях советской части комиссии обычно присутствовал молчаливый сотрудник польского сектора В.И.Воронков. Ее руководство — Г.Л.Смирнов и секретарь Т.В.Порфирьева — должно было систематически письменно отчитываться о встречах с поляками, а личных встреч с Фалиным Смирнову нередко приходилось, по свидетельству сотрудников отдела, добиваться и ждать долго. Со слов самого Смирнова, беседы с ним были обставлены большой таинственностью, велись в стиле доверительного «нашептывания». Человек не робкого десятка, Смирнов был втиснут в прокрустово ложе аппаратных обычаев,

прекрасно понимая, что апеллировать больше и «выше» не к кому. А.Н.Яковлев курировал работу комиссии по линии Политбюро (куда Фалин не входил). После 2—3 бесед, просьб Смирнова помочь с документами и обращений к Горбачеву и Болдину (Горбачев, по свидетельству Яковлева, отвечал одним словом: «Ищите!», а Болдин «с легкой усмешкой» уверял его, что таких документов нет) он стал «держателем дистанции» и по отношению к комиссии³⁸. Даже в апреле 1997 г. Смирнов в беседе с одним из авторов этой книги признался, что до сих пор до конца не понимает всех подлинных мотивов такого поведения Горбачева в отношении комиссии ученых, как и осторожничания Яковлева.

Горбачевская перестройка вступила в фазу трансформации политической системы. В области международных отношений она обретала черты «нового мышления», ориентировала на разрушение прежних — державных, имперских — стереотипов, в перспективе — на необходимое обстоятельное и глубинное критическое переосмысление сталинских деформаций советской политики. Однако это был сложный и противоречивый процесс. Нельзя не учитывать, что «архитектор перестройки» всегда со своими идеями был в Политбюро в меньшинстве и должен был постоянно лавировать. В партии сложились демократическая и консервативная оппозиции, а он не мог отказаться от вечной идеи «монолитного единства» и порвать с консерваторами.

Когда был избран Первый съезд народных депутатов, по настоянию депутатов-прибалтов в апреле—мае 1989 г. была создана комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г. Ее возглавили А.Н.Яковлев и В.М.Фалин как один из трех его заместителей (наряду с Э.Липмаа и Ю.Н.Афанасьевым), а также в качестве секретаря В.А.Александров. К этому моменту дискуссия приобрела острый внутривнутриполитический характер, и обе комиссии — партийная и государственная (народных депутатов, которая также собиралась в здании ЦК КПСС на Старой площади) — ориентировались на приближавшуюся годовщину начала Второй мировой войны.

Депутаты-прибалты требовали безусловного политико-правового осуждения договоров 1939 г. и опубликования секретных протоколов, приложений к договорам. Стремление республик Прибалтики выйти из состава Советского Союза все более усиливалось. Хотя внешнеполитические аспекты договоров (польский, украинско-белорусский, молдавско-румынский и финляндский) были отнесены на второй план, возник мощный стимул для выяснения истины, верификации договоров с одновременным их введением в общий контекст европейской и мировой политики и поиском оптимальных решений. На это можно было надеяться, поскольку в состав комиссии вошли представители республик Прибалтики и российские депутаты — демократы во главе с Ю.Афанасьевым.

Как пишет в воспоминаниях Болдин, Яковлев и Фалин интенсифицировали поиски секретных протоколов в архивах ЦК. Когда Болдин доложил об этом М.С.Горбачеву, тот «коротко бросил:

— Никому ничего показывать не надо. Кому следует — скажу сам»³⁹.

Тем временем Яковлев поручил Александрову использовать любые возможности обеих комиссий для выявления документов 1939 г. Были доставлены горы материалов. Группе из четырех специалистов-международников (Л.А.Безыменского, А.С.Орлова, О.А.Ржешевского и В.Я.Сиполса) было поручено готовить доклад к очередной годовщине начала Второй мировой войны. 14 августа комиссия народных депутатов закончила написание заключения. Горбачев получил его в запечатанном конверте с предложением опубликовать перед очередным съездом для разрядки ситуации. Однако Горбачев не согласился — решение вопроса переносилось на декабрь, и давалась установка признать договор правомерным и соответствовавшим международному праву, а секретные протоколы — самостоятельными документами (поскольку в тексте договора они не упоминались), неправомерными, ничтожными с самого начала.

При обсуждении этого вопроса на съезде Горбачев, который сам перекрыл доступ к подлинникам, а доказательство по вторичным признакам категорически отвергал, вновь заявил, что подлинники не найдены. Фактически он продолжал ориентироваться на сохранение неопределенности и сомнений в отношении пакета приложений, что позволяло смягчить, если не поставить под сомнение само их существование, восприятие ряда «неудобных» аспектов секретных протоколов (проблемы сталинской внешней политики, начала войны, границ и предела территорий, взаимодействия с немцами в борьбе с польским освободительным движением) и обезопаситься от хлопотных политико-правовых выводов.

Вновь приведем показания единственного свидетеля знакомства Горбачева с подлинниками секретных протоколов и его дальнейшего поведения в этой связи — Болдина: «...на съезде народных депутатов, где обсуждался вопрос о секретных советско-германских протоколах и положении в Прибалтийских республиках, М.С.Горбачев неожиданно для меня сказал, что все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом. Зачем понадобилось ему говорить неправду на весь мир, сказать достоверно не могу. Либо он в ту пору считал, что преподнесенные коммунистам, всему народу уроки правды лично его не касаются, либо он был еще связан пуповиной с прошлым, либо опасался последствий откровенности. А некоторые его защитники не нашли ничего лучшего, как сказать, что общий отдел знал о документах той поры, но утаил от генсека. Это утверждал и Горбачев. Он не захотел сказать правду и взять на себя ответственность за то, что ввел в заблуждение общественное мнение. [...]

Спустя некоторое время после своего выступления на съезде народных депутатов М.С.Горбачев спросил меня как бы между прочим, уничтожил ли я протоколы. Я ответил, что сделать это без специального решения не могу.

— Ты представляешь, что представляют сейчас эти документы?!

После того как на весь мир М.С.Горбачев заявил, что не видел секретных протоколов, я догадывался, сколь взрывоопасна эта тема. Ему хотелось бы навсегда забыть о ней, но уничтожать подобные документы не так-то просто. Особенно когда к ним присоединилась еще довоенная информация по Катыни. Все это было миной замедленного действия, способной взорваться в любой момент и обречь Горбачева на моральную и политическую смерть»⁴⁰. В итоге, он надумал разрубить Гордиев узел путем ликвидации документов. Однако в хранилищах Политбюро существовал столь строгий учет, что это было просто невозможно: документы были многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках. Если какой-либо документ задерживался даже у генсека, немедленно следовали напоминания. Этот порядок наглядно просматривается в оформлении расписок представителей верхнего эшелона власти, получавших для ознакомления материалы «особого пакета № 1». Система свято хранила свои тайны. И было что хранить и скрывать.

Болдин полностью исключал для себя возможность уничтожения документов: «Чтобы замести следы, требовалось уничтожить эти книги, ибо переписать регистрационные книги довоенных лет заново — нереально. Да об этом узнал бы широкий круг людей, которые никогда бы не пошли на такую авантюру»⁴¹. Р.Г.Пихоя утверждает, что твердую позицию заняли архивисты. Кстати, в своей книге Пихоя обращает внимание на проблему катынского преступления и подчеркивает, что в Польше «кровоточили раны Катыни и "четвертого раздела Польши", как определим последствия заключения пакта Риббентропа—Молотова для Польши»⁴².

Горбачев попал в весьма двусмысленную морально-политическую ситуацию, достигнув взаимопонимания с польским руководством и пообещав покончить с самыми трудными «белыми пятнами», но столкнувшись с невозможностью получить поддержку большинства Политбюро в критике сталинских деформаций советской внешней политики. Он не мог не понимать, что принять решение об уничтожении секретных протоколов и оставить необходимый в таком случае документ с собственноручной подписью о направлении протоколов на перемалывание — значит полностью скомпрометировать себя. Он, однако, не ставил подписи даже при просмотре «особого пакета № 1», переложив эту обязательную операцию на Болдина. Поэтому секретные протоколы уничтожены не были. Он утаивал их последним из советских руководителей, но побоялся в этом расписаться; не смог ни уничтожить их, ни обнародовать.

Еще раз задумаемся над вопросом: что заставляло Горбачева поступать таким образом? Несомненно, пуповина тоталитарного режима, которую он надорвал, была еще столь прочной, что он не мог порвать ее совсем. Секретные договоренности Советского Союза и Германии, связанная с ними трагедия польского народа, в том числе одно из самых страшных преступлений сталинщины, оказались для него неподъемной проблемой.

Однако проблема секретных протоколов близилась к разрешению. Когда Г.Коль во время встречи с М.С.Горбачевым предположил, что их оригиналы хранятся в архивах ФРГ, помощник Горбачева А.С.Черняев воспользовался случаем, чтобы направить в Бонн с полудипломатической-полунаучной миссией Л.А.Безыменского. Ему удалось выяснить, что существуют 20 негативных микрофильмов из личного бюро Й.Риббентропа, полученных в 1945 г. в Тюрингии англо-американской розыскной группой (так называемая «Коллекция фон Лёша»). С них сделаны фотокопии советско-германских договоров 1939 г. и приложений к ним (подлинники погибли в марте 1944 г. во время бомбежки). Справка Безыменского содержит описание и анализ этих материалов, доказывающий их подлинность. Она проясняет и вопрос о достоверности подписи Молотова, сделанной латиницей: все подписи под русскими текстами сделаны им русскими буквами, под немецкими — латинскими⁴³.

Когда комиссия съезда народных депутатов выработала проект заявления съезда «От комиссии съезда народных депутатов о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года» и проект сообщения для печати «В комиссии съезда народных депутатов», они были, по старой традиции, направлены вместе с сопроводительной запиской от 22 июля 1989 г., подписанной А.Н.Яковлевым и завизированной В.М.Фалиным (и сразу засекреченной общим отделом ЦК КПСС), членом Политбюро, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК. Благодаря политическим мемуарам заведующего идеологическим отделом ЦК Капто, мы можем тщательно проследить новый виток игры вокруг секретных протоколов, теперь уже между Политбюро и съездом народных депутатов. Капто обильно цитирует в своей книге (с детальными комментариями) записку от 22 июля, содержащую разбор позиций членов комиссии, аргументацию предлагаемой руководством комиссии тактики, обоснование его предложения признать, осудить и аннулировать секретные протоколы (без формулирования четкой и однозначной оценки двух советско-германских договоров). Из записки следует, что демократы (Ю.Н.Афанасьев, В.М.Кулиш и другие) решительно требовали размежевания со «сталинско-брежневскими методами», полностью отрицали «рациональные начала во внешней политике СССР в послевоенное время», поднимали вопрос об осуждении советского «сговора с фашизмом», нарушения норм международного и внутреннего права, политики Советского Союза в Восточной Европе. Партийно-государственное руководство информировалось о том, что секретные протоколы назывались в комиссии «преступно несправедливыми», квалифицировались не иначе как «основа последующих аннексий, изменения статуса и границ государств», что «открыто или в подтексте проводилась мысль, что Сталин "акцептировал" ставку Гитлера на войну и сделал Советский Союз соучастником нацизма в развязывании мирового конфликта, что у СССР не было причин заключать с Германией договор о ненападении, что имелись якобы другие альтернативные ва-

рианты». На этом основании договоры и приложения предлагалось осудить и признать «недействительными с самого начала», а «присоединение к СССР трех Балтийских государств — к настоящему времени незаконным».

Ради доказательства того, что сделано все возможное для смягчения столь резкой позиции большинства комиссии, в записке подчеркивалось, что удалось не допустить включения в сводный проект заявления съезда объявляющего Советского Союза «соучастником развязывания Второй мировой войны, ответственным за изменение соотношения сил в Европе в пользу нацистской Германии»⁴⁴. Это положение предлагалось в проекте эстонских депутатов от 9 июля и в двух проектах Афанасьева.

Руководители комиссии старались быть максимально убедительными, стремясь скорее завершить ее работу. Указывая на рост напряженности в Прибалтике и предлагая варианты решения вопроса, Яковлев и Фалин настаивали на принятии не заявления о том, что члены комиссии не пришли к согласованным оценкам и председатель не в состоянии предложить съезду подготовленные рекомендации (что привело бы к перенесению обсуждения на съезд и усилению конфронтации), а варианта с опубликованием компромиссного заявления от имени всех или большинства членов комиссии (чтобы «сохранить контроль над развитием событий»).

Однако подготовленный вариант заявления вызвал подлинную идеологическую баталию и на Политбюро 31 июля одобрен не был. Дальнейшее продвижение работы над документом было трудным. Члены комиссии старались ускорить ее работу, оказывали давление на председателя со своей стороны, чтобы добиться опубликования хотя бы промежуточного варианта. Яковлев не получил на это согласия Горбачева. Даже выступление на съезде стало возможным только под угрозой отказа от поста председателя комиссии. Наконец Ю.Афанасьев и группа членов комиссии выступили против ее председателя и предали огласке предварительный текст заключения⁴⁵.

Яковлев сумел сохранить комиссию. Было решено дать ему выступить с «личным докладом», который не требовал согласования в комиссии и одобрения Политбюро. 4 ноября были подготовлены проект предлагаемой съезду резолюции и краткая объяснительная записка⁴⁶. 23 декабря на Второй съезд народных депутатов был вынесен, уже без апробирования на Политбюро, но с учетом замечаний, текст проекта постановления «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». По свидетельству секретаря комиссии В.А.Александрова, Горбачев дал Яковлеву карт-бланш. Несмотря на все усилия Яковлева как докладчика (без предъявления советской копии, полученной из МИДа, которая лежала в папке Александрова), проект встретил резкое противодействие консервативного большинства и при первом голосовании не прошел. Рассмотрение проблемы секретных протоколов было полностью отвергнуто.

Комиссия после заседания собралась в зале. Яковлев, лукаво усмехаясь, поручил Александрову подготовить на следующий день аргументацию с учетом того, что копия существует. К восьми часам утра текст лежал на столе. Яковлев его подправил и произнес в виде краткой речи, сообщив, к изумлению членов комиссии, о наличии копии. В подтверждении ее подлинности сыграл свою роль владелец коллекции подписей В.М.Молотова, сделанных как кириллицей, так и латиницей на различных документах, — Э.Липмаа. Возражение против подлинности документов, где подпись Молотова проставлена латиницей было снято. Важнейшим аргументом было представление акта от апреля 1946 г. о передаче и приемке документов Особого архива МИД СССР, который был подписан сотрудниками секретариата Молотова Д.В.Смирновым и Б.Ф.Подцеробом. В перечне указывались не только копии, но и подлинники секретных протоколов на русском и немецком языках к советско-германским договорам 1939 г. и другие связанные с ними материалы⁴⁷.

На втором заседании после дополнительной доработки и новых аргументов в пользу существования секретных протоколов постановление было принято. Было признано, что содержание договора «не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств», но «секретный дополнительный протокол», подписание и существование которого доказывают различные свидетельства и подтверждает соответствие последующих событий его содержанию (а эти факты скрывались как при заключении договора, так и в процессе его ратификации), а также другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939—1941 гг., «находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Отмечалось нарушение обязательств перед Прибалтикой, Польшей и Финляндией.

Съезд народных депутатов, осуждая секретные договоренности с фашистской Германией, признал секретные протоколы «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Указав, что переговоры велись Сталиным и Молотовым «в тайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР», что «эти протоколы были изъяты из процедур ратификации», съезд констатировал: «Решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор»⁴⁸.

Представленный В.А.Александровым авторам книги рабочий текст проекта постановления носит следы борьбы, в том числе по вопросам расширения мандата комиссии (далее договора от 23 августа 1939 г. это постановление практически не пошло), оценок договора и приложений к нему. Были усилены некоторые формулировки: «иллюзии, порожденные наличием обязательств Германии перед СССР» превратились в «просчеты». Была преодолена попытка снять формулу «этот сговор». Вместе с тем определение «предвоенное сталинское руководство» было заменено на дефиницию «Сталин и его

окружение». С предъявлением копии секретного протокола о разделе «сфер интересов» были сняты указание на то, что якобы подлинники, «по всем имеющимся данным, были сознательно уничтожены», а также ссылки на фотокопии из МИДа Германии и наличие отсылок к документам.

Голосование на съезде было открытым. Горбачев психологически устранился, не признался, что в его власти было сделать тайное явным, не торопился с поднятием руки, не диктуя никакого решения, не занимая позиции — на трудных страницах истории капитала не заработаешь. Он лишь присоединился к утверждению постановления съезда народных депутатов «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Однако все-таки нельзя не признавать, что Горбачев принял участие в решительном выходе на пересмотр устоев сталинской внешней политики, предпринятом его соратником А.Н.Яковлевым, которому он так и не раскрыл тайну секретного хранения подлинных документов, но который сумел под давлением общественного мнения разрубить этот Гордиев узел сталинщины. Необходимые политическая и правовая оценки секретных протоколов были даны кратко, но четко.

Горбачеву славы за это на досталось. Лишь перспектива изобличения во лжи.

В.М.Фалин получил результаты проведенной по его просьбе в историко-дипломатическом управлении МИДа криминалистической экспертизы соответствия шрифта пишущей машинки, на которой был напечатан текст договора от 23 августа, с шрифтом известных фотокопий секретных протоколов. Лабораторное исследование подтвердило наличие этого соответствия. Он доложил о результатах генсеку и услышал в ответ: «Думаешь, ты сказал мне что-то новое...» После этого разговора, при котором присутствовал Яковлев, Фалин сказал ему: «Протоколы существуют, и Горбачев их видел. Непонятно, для чего генеральный разыгрывает этот спектакль». По данным Капто, после августа 1991 г. и ухода Горбачева с поста Президента СССР стало известно, что в документации есть запись о предъявлении Болдиным подлинников протоколов ему лично. Но Горбачев не нашел иного выхода, как отрицать это⁴⁹.

Надо признать, что уже была в основном морально-этическая проблема, а не один из многочисленных политических ребусов последних месяцев существования КПСС или вопрос той или иной степени секретности. Рассекречивание протоколов становилось делом времени и техники. Но прежде всего — политической воли. В тот момент ее не доставало. Прибалты ожидали, что деятельность комиссии будет продолжена, что будут рассмотрены и переоценены последствия договора. Но комиссия прекратила работу. На съезде высказывалось мнение о нерасширении ее мандата. Яковлев ссылался на усталость. Фалин уехал в Пекин, сказав: «без меня». Инициатива доведения дела до конца была утеряна.

В этой связи несправедливо было бы не вспомнить замечание Б.Н.Ельцина по этому поводу в вышедшей в свет в 1990 г. «Исповеди

на заданную тему». Критикуя позицию верхушки КПСС и партпарата, он написал: «Сколько слов было сказано по поводу лживости буржуазной пропаганды, сочинившей секретные протоколы пакта Молотова—Риббентропа?! Сколько раз приходилось пропагандистскому аппарату говорить, что это все происки и фальшивки?! Хотя любому здравомыслящему человеку было ясно, что уже нельзя отнекиваться от того, что давно известно всем. Прошло время, и вот мы признали, да, секретные протоколы существуют, но сколько же уважения и авторитета мы потеряли из-за такой твердолобости». Процесс признания завершился 27 октября 1992 г. обнародованием на специальной пресс-конференции материалов «закрытого пакета № 34» из президентского архива, в том числе оригиналов секретных протоколов⁵⁰.

На завершающей стадии эры Горбачева ситуация становилась все более трудной и для него, и для партии. Когда развернулись события 1989 г., открытость сменили «охранительные» мотивы. 28 сентября Политбюро ЦК КПСС приняло решение «Об обстановке в Польше, возможных вариантах ее развития, перспективах советско-польских отношений». Оно было подготовлено запиской руководителей ведомств иностранных дел, обороны и безопасности (Э.А.Шеварднадзе, Д.Т.Язова и В.А.Крючкова) и секретаря ЦК А.Н.Яковлева. Констатируя, что «многолетний кризис в Польше вступил в новую фазу» и она «втягивается в длительный, чрезвычайный серьезными социальными и политическими потрясениями период, характеризующийся борьбой за выбор дальнейшего пути развития страны», они искали пути сохранения дружественных, добрососедских отношений, учитывая новые реалии. Строились прогнозы, в частности следующие: «На межгосударственном уровне по ряду внешнеполитических проблем могут теперь возникнуть существенные различия в оценках. [...] Вопросы, связанные с пребыванием наших войск на территории Польши, "белыми пятнами", особенно Катынью, и другими сложными проблемами советско-польских отношений, будут, очевидно, ставиться новым правительством более остро, чем это делалось ранее руководством ПОРП». Предполагалось, что по многим вопросам должны быть разработаны принципиально новые подходы, что будет иметь место нарастание «конфронтационных моментов» во взаимоотношениях, и не только с Польшей, но и со всеми европейскими соседями, на которые оказывает большое влияние ход событий в Польше⁵¹.

Обширное постановление из 21 пункта предписывало оптимизовать двусторонние отношения, которые теперь будут строиться в основном на межгосударственной основе, «сотрудничать со всеми конструктивными политическими силами в ПНР, выступающими за развитие советско-польских связей и соблюдение союзнических обязательств Польши в Варшавском Договоре». Всем государственным, партийным, общественным организациям и ведомствам рекомендовалось «неукоснительно выполнять все соглашения и договоры, подписанные с польскими партнерами, не допуская снижения

уровня сотрудничества с Польшей». Планировалось совершенствовать сотрудничество по всем линиям: «оказывать помощь друзьям» (так в кремлевской лексике обозначались руководители коммунистических и рабочих партий) в укреплении их «боевитости» и авторитета; встречаться с руководством «Солидарности», с Валенсой, установить парламентские контакты, расширить отношения с епископатом и т.д.⁵²

Новая, вышедшая из-под контроля и во многом непредсказуемая ситуация в странах бывшего «социалистического содружества», чреватая серьезными политическими осложнениями, требовала большей осторожности и сбалансированности отношений. Как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический лабиринты, с их давними и недавними неурегулированными проблемами, становились все более запутанными.

Комиссия ученых интенсивно включала в круг экспертизы все новые «белые пятна». Однако из поведения председателя Г.Л.Смирнова трудно было сделать вывод, собирается ли советская сторона действительно решать тему Катыни: оно было каким-то неуверенным, загадочным.

Фалин признается, что, будучи куратором комиссии, просил его избавить от «черных пятен», но Смирнов пришел к нему, когда работа забуксовала. Фалин так описывает их разговор и его последствия: «Смирнов снова у меня:

— Что порекомендуешь делать?

— Доложить Генеральному с предложением сказать правду.

— А в чем правда состоит?

— В том, что мы до сих пор говорили неправду. Дальше слово должно быть предоставлено документам.

Записка Смирновым отправлена. Реакции на нее нет»⁵³.

Оставалась плотная завеса закрытости, засекреченности этой темы, сохранялось нежелание продолжить разоблачение преступлений сталинщины в еще более сложном международном контексте. Была применена тактика проволочек при помощи обещания искать необходимые архивные материалы, без которых любой разговор объявлялся беспредметным. Эту функцию взял на себя О.А.Ржешевский, чтобы по прошествии немалого времени объявить, что материалы комиссии Бурденко не дают оснований для новых выводов.

На втором пленарном заседании в Варшаве (1—3 марта 1988 г.) польская сторона отказалась принять эту искусственно созданную патовую ситуацию, при которой советская сторона по-прежнему уклонялась от того, чтобы занять какую-либо содержательную позицию (проблема оставалась вне дискуссии) и не предъявляла никаких документов. Более того, без ответа остался переданный осенью 1987 г. Г.Л.Смирнову официальный рапорт бывшего генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скаржиньского об эксгумации в Катыни. Согласно принятой системе связи между ИМЛ при ЦК КПСС и самим Центральным Комитетом он сразу был запечатан и отослан с фельдьегерем. Ответа со Старой

площади не последовало. Члены комиссии об этом факте даже не узнали.

Правда, во время встречи Мачишевского со Смирновым в Москве гость почувствовал большее понимание проблемы. Председатель советской части комиссии «призывал к терпению, проявлял понимание» настойчивости польской стороны «в стремлении обнародовать всю правду о Катыни и т.д. Констатировал, однако, что к самым важным документам они все еще не имеют доступа, а между строк давал понять, что решение зависит не от него». В просьбе присылать дополнительную информацию Мачишевский прочитал доказательство того, что Смирнов, вероятно, уже достаточно убедился в вине НКВД и хочет иметь аргументы для «разных товарищей» в пользу того, что «нужно и просто-таки необходимо заниматься этим делом»⁵⁴.

В Варшаве события развивались в обратную сторону. Катынская проблема не включалась советской стороной в повестку дня под предлогом неготовности к ее обсуждению. Когда усилиями профессора М.Войчеховского она была внесена на рассмотрение как условие обсуждения других вопросов, действительный член АН СССР А.Л.Нарочницкий выступил с обширной речью в защиту выводов комиссии Бурденко. На этот раз аргументы касались внешнеполитических аспектов: в духе эпохи «холодной войны» подчеркивался антисоветизм западной пропаганды при отсутствии официальной позиции стран Запада и якобы признании в Нюрнберге вины Германии в катынском злодеянии, принятии аргументов советских свидетелей. Тем самым Нарочницкий просто воспроизвел принятую советскую мифологию. Польские ученые не преминули тут же противопоставить ей реальные факты из истории Нюрнбергского процесса.

Фактически было положено начало совместной верификации официальной советской версии катынского преступления.

Обсуждение достигло высшей степени накала после выступлений польских профессоров Ч.Мадайчика и М.Войчеховского. Поездки Смирнова в посольство для контактов с Москвой однозначно разрешающего решения не приносили. Между тем польская сторона поставила под сомнение целесообразность самого существования комиссии, если она столь недееспособна. В такой атмосфере критического противостояния, напора одной стороны и полной беспомощности другой, парализованной политической волей своего руководства, профессор Ржешевский предложил очередной, теперь уже парадоксальный ход в надежде переломить ситуацию в свою пользу. В тональности как бы интеллектуальной игры он предложил польским ученым проштудировать еще раз официальное сообщение комиссии Бурденко — теперь под углом зрения, например, его логики и доказательств. Ему представлялось, что это будет очередная проволочка с возможным смягчением противостояния, если не с отказом от него.

После первого шока от этого предложения, который вполне мог взорваться бурей негодования, в комиссии внезапно наступило уми-

ростворение. Как ни абсурдна была инициатива Ржешевского, она давала реальный шанс к продвижению в сторону решения проблемы. Можно было отказаться от научной дипломатии и перейти к систематической, глубоко аргументированной критике основ лживой официальной советской версии, опираясь на обширный документальный материал, которым располагала польская сторона. Советское руководство ни в какой степени не планировало и не предполагало такого развития событий.

В Варшаве, где с созданием комиссии была прорвана плотина молчания, перекрывавшая десятилетиями доступ к правдивой информации о лагерях и судьбах их узников, теперь на каждой улице продавались многочисленные и разнообразные издания о Катыни. Сенсация за сенсацией появлялись в средствах массовой информации. Но не в СССР.

Совместно подготовленное коммюнике, содержавшее упоминание об обсуждении катынского злодеяния, повергло председателя советской стороны в состояние тяжелого стресса. Он собственноручно вычеркнул из текста весь соответствующий фрагмент. На пути в Москву в самолете мы не обнаружили в «Правде» обычной оперативной информации о пленарной встрече комиссии. Она была опубликована позже, и председатель польской стороны констатировал отсутствие в тексте его выступления фразы: «Увы, мы еще не отметили прогресса в выяснении обстоятельств катынской трагедии. Мы, однако, не отказываемся от поисков дополнительных документов»⁵⁵.

Польская экспертиза сообщения комиссии Бурденко была подготовлена Чеславом Мадайчиком, Рышардом Назаревичем и Марианом Войчеховским, сведена и отредактирована Яремой Мачишевским в течение двух месяцев. Она была без промедления доставлена секретарем комиссии Марексом Кучиньским в Москву с сообщением, что если советская сторона и впредь будет основываться на выводах Бурденко, то польская сторона считает себя от этого свободной. На следующий день, 12 мая 1988 г., отдел ЦК, как это водилось, получил соответствующую записку. Смирнов просил довести до руководства оба документа и помочь с ориентацией, не беря на себя самостоятельное изменение позиций по Катынскому делу.

Польская экспертиза (заказ на которую не планировался и не был отражен в протоколах комиссии, а возник спонтанно) имела шанс прояснить ситуацию. Она переводила дело в плоскость конкретного рассмотрения сообщения комиссии Бурденко советской стороной, обнажала перед последней всю слабость, противоречивость, бездоказательность его положений и выводов. Официальная версия неминуемо должна была затрещать по всем швам, на что уже нельзя было не обращать внимания, тем более, что поляки заняли жесткую позицию. Г.Л.Смирнов надеялся при помощи экспертизы поставить руководство перед фактом, простимулировать развертывание дискуссии вокруг нее и тем самым поднять наконец Катынское дело на уровень принятия решений. Но не тут-то было.

Не только Смирнову казалось, что «процесс пошел» и можно выходить на радикальное решение проблемы. В декабре 1987 г. в польском секторе ЦК на основе работы комиссии была подготовлена «записка четырех» о необходимости обнародовать правду о Катыни, о судьбах польских военнопленных, признать вину сталинского режима. Ее подписали секретари ЦК, члены Политбюро А.Н.Яковлев, В.А.Медведев, министр иностранных дел Э.А.Шеварднадзе и министр обороны маршал С.Л.Соколов. В.А.Светлов припоминает, что председатель КГБ В.М.Чебриков отказался поставить под этим документом свою подпись. В.А.Александров же полагает, что, зная негативную позицию Чебрикова по этим вопросам, его просто не пригласили подписать записку.

В письме в Конституционный суд «К рассмотрению в Конституционном суде документов об убийстве польских офицеров весной 1940 г. (Катынь и другие лагеря)» Александров 19 октября 1992 г. писал: «Записка была внесена в расчете обсудить ее на Политбюро 17 декабря 1987 г., когда обсуждался вопрос о подготовке к визиту Горбачева в Польшу летом 1988 г. Однако записка по Катыни в повестку дня включена не была и на Политбюро не рассматривалась. Медведев, который был моим непосредственным начальником, спрашивал неоднократно у Болдина, когда будет рассматриваться записка, но не получал ответа. [...] ...как мне стало известно, примерно в феврале Горбачев снял этот документ с рассмотрения в ЦК КПСС и текст записки был вскоре отозван от нас в общий отдел»⁵⁶. А это означало погребение документа в недрах архива ЦК, и все попытки извлечь его вновь на свет, по свидетельству В.А.Светлова, оказывались безрезультатными⁵⁷.

В.А.Медведев понял, что записка не получила хода по причине «отсутствия каких-либо новых материалов и свидетельств»⁵⁸.

По этой же причине, а вернее под тем же предлогом Союзу кинематографистов в ЦК было рекомендовано уговорить Анджея Вайду — режиссера с мировой славой, стремившегося сделать правдивый документальный фильм о Катыни — месте гибели своего отца, повременить со съемками.

В записках комиссии историков, которые систематически составляла и посылала в ЦК секретарь советской части комиссии Т.В.Порфирьева, сообщалось о настойчивой постановке поляками катынской проблемы и приводились аргументы в пользу ее скорейшего решения. Однако вопрос так и не был переведен в плоскость принципиального разрешения. Отдел Медведева стал предпринимать «возможные малые шаги» — меры по обустройству польских захоронений в Катыни, учитывая неоднократные пожелания польских руководителей — В.Ярузельского, Ю.Барылы, М.Ожеховского, М.Раковского и других. Был предложен «упрощенный порядок» посещения для родственников, коллективные «туристические поездки» поездом и на автобусах. Индивидуальные поездки допускались лишь «в порядке исключения» и с оформлением виз. Безвизовый въезд предполагалось ввести только «после установления фамилий погребенных». Естественно, остро встала и требовала немедленного реше-

ния проблема смены надписи на установленном в 1983 г. памятнике: «Жертвам гитлеровского фашизма» с датой «1941 год». В марте 1988 г. группа работников международного отдела ЦК и МИД заменила на месте надпись на неопределенное «павшим на катынской земле» без указания даты⁵⁹.

Накануне получения польской экспертизы, 5 мая 1988 г. на Политбюро в связи с предстоящей встречей на высшем уровне рассматривались вопросы об устройстве мемориала, приведении в порядок прилегающей местности и дорог, создании условий для массового посещения Катыни польскими гражданами, что раньше просто не разрешалось. На этот раз была обозначена перспектива создания «в следующей пятилетке» совместного мемориала, упрощения и расширения посещения места захоронений польскими и иными гражданами. Однако при этом были внесены идеологические акценты: заявлено о необходимости «пропагандистского обеспечения комплекса мероприятий» и сооружении памятника «советским военнопленным, уничтоженным гитлеровцами в Катыни»⁶⁰.

Следует отметить, что по отдельности люди из близкой Горбачеву группы реформаторов сдвигались в рамках принятого двоемыслия в сторону большей открытости, демократизации воззрений. Но дело было не столько в их личных убеждениях и настроениях, сколько в господствующих и так и не изменившихся во времена Горбачева принципах функционирования партийно-бюрократического аппарата. Новые умонастроения, новая информация растекались по коридорам власти и бесследно исчезали. Аппарат не допускал их кумулирования, не давал ходу инициативам небольших групп руководителей. Его инертная часть гасила все, что могло бы нанести удар по его прежним основам.

В рамках подготовки визита М.С.Горбачева в Польшу В.А.Медведев в начале июля переслал ему текст польской экспертизы с запиской, обращающей внимание на основные пункты польской аргументации. Он подсказывал, что сообщение комиссии Бурденко действительно содержит в себе «много пробелов и недоговоренностей» (о натяжках и фальсификациях он не упоминал) и что «все это требует уяснения, хотя бы для самих себя». Его записка завершалась предложением, в рамках дозволенного в партийной иерархии, поручить «соответствующим органам» дать для нужд политического руководства «фактическую справку»⁶¹.

В ходе взаимодействия рабочей группы комиссии по периоду Второй мировой войны в Варшаву были направлены связанные с международным отделом ЦК О.А.Ржешевский и А.А.Чубарьян. Обратимся к свидетельству Я.Мачишевского об обсуждении на группе в июне вопроса о Катыни. В отличие от других советских членов комиссии, гости знали содержание экспертизы, хвалили ее за обстоятельность, но в то же время не нашли в ней достаточных доказательств вины НКВД. Зато они подчеркнуто обращали внимание на доказательства того, что в Катынском лесу захоронены советские военнопленные. Ржешевский, как расценили его поведе-

ние поляки, пытаясь вновь оттянуть рассмотрение существа дела, «прямо обвинил» их в том, что «экспертиза — тенденциозный документ, написанный с заведомо принятой установкой, не учитывающий ценных — по его мнению — линий и констатаций комиссии Бурденко, концентрирующий внимание только на действительных слабостях, противоречиях или же явных ошибках сообщения»⁶². Он настаивал на продолжении исследований о судьбах советских пленных. Содержательной дискуссии не получилось. Но создавался фон для визита.

По линии отдела Медведева было обеспечено «добро» на рассылку с согласия ЦК копий польской экспертизы по пяти адресам, в том числе в Генеральную прокуратуру, МИД, КГБ и МВД. Однако надежды на раскрытие дела и содержательную дискуссию по нему, равно как на получение соответствующих документов, совершенно не оправдались. Только через год, 7 июня 1989 г., Смирнов смог сообщить в ЦК, что все эти инстанции отписали, что материалами не располагают.

Встреча Горбачева с Ярузельским, от которой в Польше ждали многого, и прежде всего выяснения правды о Катыни, на деле принесла несравненно меньше, чем могла принести. Мнения в ближайшем окружении Горбачева были разные, но возобладало более консервативное, видимо более отвечающее его склонности к таинственности, к «фигурам умолчания»⁶³.

Устроенный Горбачеву теплый прием создал у него настроение триумфа, впечатление ненужности дополнительных шагов, которые бы расположили поляков в его пользу, бессмысленности опасений, что негативы прошлого сломают взаимопонимание, оттолкнут польский народ... Вновь возобладала наивность, нерешительность, стремление не брать на себя тяжкую ответственность за грехи прошлого, только обозначив такое намерение, но не реализовав его.

Присутствие среди гостей и участников встречи председателей обеих частей совместной комиссии по истории отношений между двумя странами служило демонстрации стремления урегулировать проблемы прошлого. На самом же деле, как пишет Ярема Мачишевский, «во время пребывания Горбачева в Польше ни на одной из официальных встреч тема катынского преступления не была затронута. Она не была поднята на встрече Горбачева и Ярузельского с польскими интеллектуалами в Варшавском замке. Только в результате стараний, настояний и прямо-таки требований польского руководства в публикации, документирующей визит генерального секретаря ЦК КПСС в Польше, появилось короткое заявление Горбачева...»⁶⁴.

Мачишевский цитирует его первую половину: «Теперь о гибели польских офицеров в Катыни. Многие в Польше убеждены, что это дело рук Сталина и Берии. История этой трагедии сейчас тщательно исследуется. По результатам исследования можно будет судить, насколько оправданны те или иные суждения, оценки. В Катыни сейчас рядом два памятника — погибшим полякам и погибшим со-

ветским военнопленным, расстрелянным там фашистами. Это также и символ общей беды, постигшей оба наши народа»⁶⁵. Этот текст появился в послесловии Горбачева, которым он снабдил публикацию «Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М.С.Горбачева с представителями польской интеллигенции».

Через неделю, 21 июля, итоги визита обсуждались на Политбюро. Толчок продвижению дела был дан. Отдел ЦК активизировал практическую работу на территории мемориала, международный отдел разработал решение по всем аспектам «белых пятен». Все это казалось обычной «текучкой», но на самом деле ситуация качественно изменилась. «Официальная версия» уходила в прошлое.

Изменилась по существу позиция советского сопредседателя двусторонней комиссии. Еще в начале весны в Варшаве, формально не отступая от принятой линии и сохраняя дискрецию, Г.Л.Смирнов с пристрастием допытывался у И.С.Яжборовской о сути проблемы, о мотивах, которыми мог руководствоваться Сталин, отдавая приказ о расстреле польских пленных, если это должно было быть правдой, о возможных причинах глухого засекречивания дела. Он попросил подготовить соответствующую справку.

Участие в визите в Варшаве превратило Смирнова в публичного политика. Ему пришлось участвовать в пресс-конференции по итогам визита, и Мачишевский бескомпромиссно переадресовал все вопросы по поводу выяснения правды о Катыни к нему. А сказать-то фактически было нечего. Поэтому к немалому огорчению польского руководства и посла в Москве председатель советской части комиссии вынужден был отказаться от приглашения выступить в годовщину двустороннего договора с лекциями на курсах Общества польско-советской дружбы.

Готовя очередное заседание совместной комиссии, Г.Л.Смирнов в середине ноября 1988 г. вновь поставил перед ответственными лицами — международниками из аппарата ЦК КПСС — проблему возможной реакции на польские предложения о признании существования секретных протоколов и их оценки — хотя бы на основании копий. Он предлагал исходить из того, что они в Польше известны, да и часть советских историков считает нецелесообразным продолжать молчать по этому поводу. Почему бы не разрешить ученым вести между собой дискуссию хотя бы в самой общей форме, готовя совместный документ комиссии «Канун и начало Второй мировой войны»? (Работа над ним затягивалась и завершилась опубликованием его в «Правде» 25 мая 1989 г.)

Смирнов поднимал вопрос и о необходимых подвижках по Катынскому делу, указывая, что польские ученые постоянно и настойчиво возобновляют разговор о нем и о признании вины НКВД. Да и в советской печати стали появляться такие признания. Поэтому крайне трудно отстаивать прежнюю позицию. Исходя из этого он поднимал вопрос хотя бы о допуске поляков к изучению хранящих-

ся в ЦГАОР рабочих документов комиссии Бурденко или опубликования части этих документов своими силами.

Искусственное ограничение действий советских ученых, сковывание инициативы комиссии ставили ее в трудное и просто ложное положение, наносившее ей моральный урон, противоречащее самому профессионализму ученых. Климат работы становился все более тягостным, общественный резонанс — двойственным. Смирнов решил попытаться исправить положение, обратив внимание руководства на ненормальность «некоторого неравенства» в освещении хода и результатов работы комиссии в СССР и Польше: там она широко освещается по радио и телевидению, в печати, систематически организуются встречи с секретарями ЦК. Он считал, что было бы желательно использовать этот опыт, принять аналогичный порядок в КПСС.

Настало время подлинного экзамена гласности для советских реформаторов. Однако им не хватало политической воли, чтобы сдать его успешно. Призыв Смирнова был гласом вопиющего в пустыне.

9 января — 6 февраля 1989 г. произошел обмен письмами между руководителями комиссии. В Польше назревали большие перемены, и отсутствие видимых результатов работы комиссии вызывало большое раздражение и недоумение. В Москве также происходили значительные сдвиги: ускорился процесс демократизации, прошли выборы...

КПСС переходила в оборону. Были видны результаты внедрения в жизнь постановления ЦК КПСС «О дополнительных средствах, имеющих своей целью восстановление справедливости по отношению к жертвам репрессий, имевших место в 30—40-х и в начале 50-х годов», в прессе полосой пошли статьи о преступлениях Сталина, Ежова, Берии. Мачишевский писал, что многочисленные публикации и выступления советских ученых, литераторов и кинематографистов о различных драматических аспектах польско-советских отношений в прошлом способствуют распространению представлений о том, что «перестройка и расчеты с прошлым в СССР идут значительно дальше», чем действия в Польше, что сами поляки являются «причиной задержки в выявлении всей правды о прошлом в соответствии с декларацией Ярузельский—Горбачев». В этой ситуации он предлагал срочно опубликовать в Польше рапорт К.Скаржиньского, текст польской экспертизы сообщения комиссии Бурденко и список убитых польских пленных, недавно вновь изданный на Западе.

Советский сопредседатель вынужден был ограничиться указанием на необходимость продолжать изучение проблемы (с напоминанием о послесловии Горбачева к брошюре о его визите в Варшаву), декларацией о намерении довести дело до конца и просьбой не публиковать текст экспертизы в одностороннем порядке, что могло бы быть воспринято как показатель неполадок внутри комиссии.

Смирнов мобилизовал все силы в партийно-государственном аппарате, способные продолжить рассмотрение Катынского дела, невзирая на принятые обычаи и условности. Он привлек к этому В.М.Фалина, которому Мачишевский говорил о своей решимости не отступать.

В аргументации Смирнова появилось подтверждение правоты Мачишевского, констатировавшего на московской встрече, что историки исчерпали свои возможности и время обратиться к юристам.

Поставленные вокруг комиссии политические ограничители переставали быть тайной для ее членов и стали весьма тягостны для председателя. Началась борьба за расширение прав комиссии, за зеленую улицу для поисков правды о Катыни и ее обнародования. Смирнов изучил и передал в ЦК материал И.С.Яжборовской «К вопросу о судьбах польских офицеров, интернированных в СССР в 1939 году». Эта справка завершалась выводом: «Ввиду далеко продвинутого вперед состояния исследований и чрезвычайно широкого освещения вопроса о судьбах польских офицеров, интернированных в СССР, вынесенного на политическую арену в ПНР и получившего четкую, хотя и одностороннюю оценку (особенно в решении Всепольской конференции делегатов ПОРП), перед Комиссией советских и польских ученых по истории отношений между двумя странами встает задача не пытаться затянуть решение вопроса или увести его в сторону, не обыгрывать альтернативные варианты. Ввиду очевидности для поляков правды, подкрепляемой значительным объемом новых доказательств и показаний свидетелей вскрытия могил в Катыни, а также вывоза офицеров в Катынский лес, это со всей очевидностью чревато резким обострением советско-польских отношений (и подрывом результатов работы комиссии и самого ее существования, торпедированием ее политических задач). Стоит задача формулирования четкой и ясной морально-политической оценки, осуждения злодеяния сталинских времен в отношении соседнего польского народа, античеловеческого акта в отношении польских интернированных, выяснения вопроса о списочном составе всех трех лагерей (передача списков сама по себе не предпринимает ответа, кто несет вину), ибо поляки заняты сейчас прежде всего этим, предоставления и обнародования приказа, распоряжения, на основании которого этот акт был совершен... выяснения места и времени всех трех экзекуций...» Так вопрос ставился впервые.

Пользуясь своими возможностями в ЦК и ссылаясь на данные Горбачевым в Варшаве обещания, Смирнов пригласил руководителей архивов и настоятельно предлагал им открыть для членов комиссии соответствующие материалы. В ЦК была передана записка Парсадановой от 18 мая о найденных ею документах по Катынскому делу. Пауза вновь затягивалась...

Прорыв завесы тайны

Отчет Г.Л.Смирнова о рабочей встрече на рубеже февраля—марта показал, что Катынское дело стало одним из важных условий нормализации внутривосточной ситуации в Польше, что польские члены комиссии, обороняясь против нападок, заняли активную позицию и выступают в печати. Смирнов отмечал: члены комиссии не могут тянуть с решением этого вопроса и он должен быть снят до очередного заседания комиссии в мае—июне.

В.М.Фалин подготовил записку (с датой 6 марта 1989 г.), в которой доводил до сведения руководства, что советской официальной версии Катини противопоставлена доказательная версия польских ученых, подрывающая аргументацию комиссии Бурденко, что вопрос не снят, но явно обостряется. Поляки уверены, что гибель польских пленных «есть дело рук Сталина и Берии, а само преступление совершено весной 1940 г.». «Польские товарищи», не дождавшись официальной реакции на присланный в Москву доклад К.Скаржиньского об участии Польского Красного Креста в эксгумациях весной 1943 г., подводящий к выводу о роли НКВД в расстреле военнопленных, опубликовали его в печати.

В этой связи Фалин недвусмысленно указывал на порочность избранной тактики, на неэффективность работы комиссии ученых в рамках определенных для нее функций по этому вопросу. Созданная «для развязки такого рода болезненных узлов» комиссия оказалась «не в состоянии приступить даже к обсуждению этой темы, поскольку советская часть комиссии не имеет ни полномочий ставить под сомнение нашу официальную версию, ни новых материалов, подкрепляющих ее состоятельность». Согласно этому итогу, советские установки и задачи комиссии себя исчерпали. Более того, поляками поднимается вопрос о локализации других захоронений военнопленных, о которой есть предварительная информация (Дергачи близ Харькова и Бологое)⁶⁶.

Наступил момент, когда информация обрела критическую массу и была воспринята в верхнем эшелоне власти как основание для верификации прежней линии. Уже 22 марта на основе записки Фалина была написана записка Шеварднадзе—Фалина—Крючкова, в которой еще более подробно рисовалось состояние польского общественного мнения и указывалось на фактическое признание уполномоченным польского правительства по печати, легализованное как официальная позиция польских властей, вины «сталинского НКВД». Отмечалось, что вина возлагалась именно на последний, а не на советское государство.

В записке трех чиновников высшего ранга практически содержалось принятие этого вывода. Вначале в форме повторения пассажа Фалина о роли, функциях и итогах деятельности комиссии историков в этой области (без «полномочий рассматривать по существу веские аргументы польской стороны»), затем в виде вывода: «Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого. Время в данном

случае не выступает нашим союзником. Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос. Издержки такого образа действий в конечном счете были бы меньшими в сравнении с ущербом от нынешнего бездействия»⁶⁷.

Заседание Политбюро 31 марта было ознаменовано качественно новыми акцентами в рассмотрении пункта повестки дня «К вопросу о Катыни». Не было обычных гладких, обкатанных фраз об облегчении доступа поляков к катынскому захоронению, подменявших дружественными жестами решение проблемы. Новая позиция руководства КПСС базировалась на изменении политического климата в Польше по отношению к жертвам, на учете того, что память о них становится делом не только родных и близких, но самого государства. Советские руководители выражали уважительное согласие на торжественный перенос в Варшаву их символического праха.

Наконец, просто сенсационным было поручение ряду государственных и партийных инстанций, в том числе государственно-правовому, международному и идеологическому отделам ЦК, в месячный срок представить на рассмотрение ЦК КПСС «предложения о дальнейшей советской линии по Катынскому делу»⁶⁸.

Тем самым со всей очевидностью ставилась под сомнение целесообразность продолжать отстаивать прежнюю официальную версию. Деятельность комиссии ученых больше не представляла интереса. Главную роль в решении проблемы должны были теперь играть Прокуратура СССР и КГБ СССР.

Настало время поисков нового политического решения.

Уже 22 апреля перечисленные в решении Политбюро инстанции направили руководству коллективную записку, в которой не пошли дальше констатации возможного наличия других захоронений и рекомендации поручить Прокуратуре СССР и КГБ СССР провести тщательную проверку «всех обстоятельств случившегося». Об этом, исходя из текущих политических задач, ожидавшегося 27—28 апреля рабочего визита Ярузельского в Москву, предлагалось информировать через Гостелерадио, газеты «Правда» и «Известия»⁶⁹. Не решаясь выступить по существу дела, партийно-государственные чиновники должны были принять к сведению высказанные по нему соображения и начать ориентироваться в нем. С потерей полной секретности, в обстановке принятой в то время гласности предлагалось привлечь в помощь Прокуратуре и КГБ Главное архивное управление при Совете министров СССР, Министерство внутренних дел, Министерство обороны и Министерство иностранных дел СССР. Это расширяло и пути поступления возможной информации, и число осведомленных и ответственных лиц.

Записку поддержал секретарь ЦК по идеологии Александр Яковлев — на документе проставлена его виза: «За А.Яковлев».

Хотя конкретных решений и оценок «нашей официальной версии» за этим еще не стояло, партийно-государственная элита, а за ней и широкая общественность могли догадываться, что советский

«след», советская вина в деле о расстреле польских военнопленных отнюдь не исключаются.

Однако реальное изменение подхода к Катынскому делу было длительным, противоречивым и мучительным процессом.

Не только двусторонняя комиссия в целом, официально именуемая комиссией ученых двух стран по изучению отношений между ними, а в просторечьи — комиссией по «белым пятнам», не имела информации о позициях Политбюро ЦК КПСС по этому делу и их изменении. Не имела такой информации и ее советская часть. События развивались в ней по своей, отнюдь не безинтересной логике.

5 мая 1989 г. состоялось последнее полномасштабное заседание советской части комиссии. Через две недели должен был приехать в Москву председатель польской части комиссии и предстояло нелегкое объяснение в связи с постоянным торможением дела Катыни. Еще в письме Г.Л.Смирнову от 9 января Я.Мачишевский ставил вопрос о существовании каких-то высших политических соображений советской стороны, мешающих продвижению в печать новых польских материалов и завершению совместной работы. Заверяя его в том, что советское руководство и советские ученые предпринимают усилия «в интересах объективного прочтения нашего собственного прошлого», Смирнов в письме от 6 февраля обмолвился: «...не позволяем ли мы загонять себя в круг, именуемый обыкновенно порочным?»

Майское заседание было первым, на котором открыто и откровенно обсуждался вопрос о пленных. Председатель подвел итоги визита в Варшаву, проявив хорошее знание проблемы и сочувствие польским коллегам, которые по нашей вине были загнаны в угол. Он взволнованно рассказывал, как настойчиво и эмоционально Ярузельский предлагал ускорить продвижение Катынского дела, а Горбачев уводил в сторону, выпячивая вопрос о захоронениях советских пленнх. Смирнов чувствовал ситуацию явно лучше, чем Яковлев, который предложил подождать до выборов, высказав традиционное опасение «осложнить ситуацию» в Польше.

Впервые Смирнов сказал со всей откровенностью прозрения и горечью бессилия: «Мы играли роль буфера». Он говорил о многократных поручениях, которые не выполнялись, о постоянных отказах в предоставлении необходимых документов, о трудностях, чинимых в «каналах компетентных органов», о многих трудных и безрезультатных выходах на руководство как через международный отдел, так и непосредственно. Сохранять некоторую надежду на расследование позволяло то, что вопрос еще находился в секретариате на голосовании. В целом, это был бесславный конец попыток раскрыть Катынское дело, который председатель определил так: «Мы не можем ничего сказать, не можем ни на кого свалить, не знаем, что предпринять». В Лондоне появилась лживая книжечка Р.Хорыня-Свентека, отсидевшего срок в сталинских лагерях и сотрудничавшего с НКВД, который сначала обосновался в Ленинграде, а затем перебрался на Запад. Поляки дали ей решительный

отпор, а мы не располагаем документами и вновь беспомощны, по-прежнему прикрывая старую версию.

Обсуждение обнаружило подспудное до того времени размежевание позиций внутри комиссии. Работавшая в Особом архиве, куда ее не без труда определил Смирнов, В.С.Парсаданова, которая должна была делиться с ним информацией только конфиденциально, на этот раз так и сыпала фактами о лагерях, их заполнении и «разгрузке», называла даты, документы, говорила о существовании списков военнопленных. Основная информация касалась Козельского лагеря. О.А.Ржешевский тут же противопоставил этому материалу, в подкрепление сообщения комиссии Бурденко, известную справку-дезинформацию Меркулова—Круглова «о предварительном расследовании так называемого "Катынского дела"» с «дополнением», предложив, не давая оценки польской экспертизе, передать эту справку полякам и обещать поставить в известность, когда появятся новые материалы. Он настаивал на подготовке на совместное заседание доклада, в основе которого будет лежать сообщение комиссии Бурденко. Ржешевский старался ослабить впечатление от реферата Парсадановой, ссылаясь на какие-то сведения о поляках в Катыни перед началом войны и прочую ложь подставных свидетелей. Однако секретарь комиссии Т.В.Порфирьева вернула обсуждение к фактам из польской экспертизы, И.С.Яжбровская же — к новым польским публикациям, к недопустимости сокрытия правды и нагнетании ситуации как его следствия.

В этот момент исчерпания предоставленных комиссии возможностей возникли новые предложения, которые могли бы продвинуть дело вперед. Многоопытный правовед Е.А.Скрипилев справедливо видел альтернативный выход в расширении круга поисков за счет введения в комиссию представителей КГБ и МИД с перераспределением части реальной ответственности, возложения на них функции допроса свидетелей — сотрудников лагерей, обнаружения новой документации — учетного материала, списков, дел, а также привлечения для доверительного консультирования компетентных юристов. Однако это не входило в планы кураторов.

Председатель комиссии решился на новый, принципиально важный шаг — перестать играть в прятки и создать по Катынскому делу подкомиссию, включив в нее Парсаданову, Скрипилева и Яжборовскую, а затем и Ржешевского. После минутного раздумья он назвал и свою кандидатуру. Было решено разослать текст польской экспертизы в МИД, КГБ и Генеральную прокуратуру, рассмотреть вопрос об ее публикации в печати.

Между участниками подкомиссии были распределены обязанности. Ржешевский напоследок вновь пытался остановить публикацию польских документов при помощи запугивания угрозой раскручивания антисоветизма в Польше, внушения того, что польских участников эксгумации якобы дискредитировало выполнение этой скорбной миссии в присутствии немцев и вместе с ними и что поэтому будто бы недопустимо обращаться к подобным материалам.

А между тем было очевидно, что материалы комиссии Бурденко скомпрометированы, их трудно защищать, если вообще возможно.

Долгий месяц ожидания не принес откликов ответственных учреждений на польскую экспертизу. Между тем в повестке дня назначенного на 27 июня очередного заседания комиссии стоял вопрос об обмене информацией по раскрытию катынского преступления. Не проработав его с «компетентными органами», собирать комиссию было нельзя.

К тому времени стало вполне очевидно, что внутривосточная обстановка в Польше все более накаляется и именно вопрос о Катыни является катализатором такого развития событий, что поездка в Польшу обернется настойчивыми требованиями всей польской общественности дать четкий и правдивый ответ. Отказ от такого ответа, любое увильвание от него будут чреваты мощным нажимом на комиссию, внутренней конфронтацией и срывом ее работы, что неминуемо повлечет за собой новое осложнение двусторонних отношений.

Выходом могло быть обращение к польской части комиссии с предложением тщательной проработки и сведения всех материалов для подготовки обоснованного, доказательного заключения. Для этого следовало обговорить дополнительное время и отложить очередное пленарное заседание до готовности вопроса. Комиссию могло сохранить только продвижение в этом направлении. А поддержание ее авторитета могло позитивно повлиять на состояние советско-польских отношений.

Завершив основные поиски в архивах, В.С.Парсаданова на рубеже августа—сентября 1989 г. представила тщательно аргументированную сенсационную статью, написанную на материалах фондов Управления военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Эта статья впервые раскрывала основные контуры организации преступления и поднимала проблему необходимости передачи дела о расстреле польских военнопленных в прокуратуру, на страницы печати. Представив архивные документы о подлинных виновниках злодеяния, она придавала расследованию дела совершенно новое направление. Председатель советской части комиссии немедленно направил статью Парсадановой в ЦК КПСС. Однако отклика не было долгие шесть месяцев.

Подготовка статьи о катынском преступлении и ее отправка в ЦК были для комиссии историков важным рубежом. Это был, как пишет в своей книге Г.Л.Смирнов, «значительный результат, успех», но «без согласия ЦК мы не могли ничего: ни сообщить полякам о наших сдвигах, ни запустить в каком-то виде этот материал в научный оборот»⁷⁰. Было очевидно, что продвижение статьи в печать полностью зависело от политической конъюнктуры, от ее оценки Горбачевым, от его планов.

Наконец Г.Л.Смирнов направил в ЦК предложение перепоручить вопрос о гибели польских военнопленных Генеральной прокуратуре СССР. На этот раз довольно быстро, в сентябре, лично от Горбачева было получено поручение — но не об обращении в Ге-

неральную прокуратуру, а о встрече с Я.Мачишевским и обсуждении возможности совместного заявления руководителей двусторонней комиссии, обращенного к гражданам, организациям, учреждениям и архивам ПНР, СССР и третьих стран с просьбой представить свидетельства и документы «в целях установления правды о Катыни».

Это внезапное нелепое истолкование предложения о совместном расследовании, возникшее в момент обнаружения ряда достаточно убедительных доказательств по делу, невозможно было воспринять иначе, чем как отражение стремления отложить завершение этого дела «до греческих календ».

Проект заявления был конструктивен в той части, где перечислял заслуги комиссии в расшифровке целого ряда «белых пятен». Более того, он впервые содержал откровенную констатацию того, что Катынское дело играло особую роль в ее работе и не было ни одного заседания либо встречи ученых, на которых не затрагивался бы этот вопрос. Признавалось, что с самого начала своей деятельности комиссия отдавала себе отчет в особой важности этого дела, что усилиями польской части комиссии обоснованно были поставлены под сомнение действия и заключение комиссии Бурденко.

До сведения общественности доводилось, что польские ученые — члены комиссии обнаружили и опубликовали новые, проливающие свет на дело документы, а в своих статьях, интервью и комментариях публично доказывают, что гибель польских военнопленных произошла весной 1940 г. и является бериевско-сталинским злодеянием. В проекте указывалось, что в этой ситуации советская часть комиссии, не располагающая однозначными доказательствами подлинного хода событий, остро нуждается в убедительных фактах и материалах.

Этот важный объективный вывод требовал четкой постановляющей части. Однако далее следовало иное — признание того, что советские компетентные организации утверждают (в очередной раз): они не располагают никакими материалами. Вместо шагов по преодолению секретности и ясных, содержательных поручений по расследованию дела проект заявления венчала рекомендация искать по свету новые данные и свидетельства, сопоставлять их, анализировать... Но не ждать слова правды от советского руководства.

Когда на встрече сопредседателей комиссии 27 сентября 1989 г. этот документ был предложен Я.Мачишевскому, он его решительно отверг. Поляки к тому времени уже провели ту работу, которую предлагалось организовать, определили дату гибели и составили списки погибших. Отказываться от проделанного и становиться на позиции советской официальной версии они просто не могли. Такой шаг не только перечеркнул бы деятельность комиссии в глазах польского общественного мнения, но со всей очевидностью осложнил бы ситуацию в Польше и обострил польско-советские отношения. Обращение же к третьим странам, призванное якобы расширить ареал поисков и продемонстрировать добрую волю, на деле позволило бы Западу раздуть и без того крайне болезненную в тот

период проблему этих отношений. Таким образом, это было не только заведомо тупиковое, но и порочное, противоречащее интересам СССР предложение. Его оценка могла быть только однозначно негативной.

Исходя из юридически значимых результатов предварительного расследования, Я.Мачишевский выдвинул как непосредственные задачи предоставление документов, однозначно указывающих на виновников преступления, и обнаружение мест гибели и захоронения военнопленных из Старобельского и Осташковского лагерей. Более того, был прямо поставлен вопрос о поименовании лиц, ответственных за преступление. Без этого польская сторона не видела возможности проведения пленарного заседания комиссии. Польская часть комиссии даже готовилась самораспуститься, если в вопросе о Катыни не будет реального продвижения... Лимит терпения и политических возможностей был для нее исчерпан.

Советская часть комиссии ощутила, что находится в ловушке: обращаясь с подобным заявлением, она была по-прежнему полностью отрезана от каких-либо советских материалов и могла лишь ограничиваться польскими материалами, уже проанализированными учеными ПНР. Был виден только один-единственный вполне разумный путь, какой в октябре и предложил аппарату ЦК Г.Л.Смирнов: чтобы обеспечить продолжение работы комиссии, следует открыть архивы для ученых обеих стран и открыто верифицировать «советскую официальную версию» катынского преступления.

В последние месяцы 1989 г. назрело обращение в международный отдел ЦК КПСС для окончательного выяснения перспектив работы комиссии. Она провела огромную работу по широкому кругу трудных проблем в истории двусторонних отношений, организовала многие заседания, конференции, «круглые столы», передачи по радио и телевидению, развернула основательные научные поиски и подготовила многочисленные разработки, десятки публикаций в научных и общественно-политических изданиях. Но достичь взаимного согласия в трактовке катынской трагедии ей не было дано, и она оказалась на грани распада.

Для специалистов советской части комиссии стала очевидна необоснованность выводов комиссии Бурденко. Эта оценка просочилась на страницы советских изданий, где начала цитироваться. А затем была опубликована польская экспертиза, о чем Г.Л.Смирнов поставил в известность партийное руководство. Однако оно не предоставило советской части комиссии права на окончательное суждение, на проверку достоверности заключения Бурденко, а тем самым на продолжение диалога с польскими коллегами.

Пытаясь помочь снять паралич деятельности комиссии ученых двух стран и как-то обеспечить продолжение конструктивной работы, советский сопредседатель предлагал пойти хотя бы путем промежуточных решений — передать уже обнаруженные списки узников трех спецлагерей для завершения многолетней работы поляков по реконструкции аналогичных списков, составленных на основе воспоминаний, свидетельств и других косвенных данных. Такой

шаг еще не предопределял окончательного выявления виновников преступления. Предлагалось опубликовать целиком или частично польскую экспертизу с комментарием или вступительной статьей какого-либо советского специалиста. Важным положительным сдвигом, который позволил бы активизировать деятельность комиссии, виделось предоставление ученым для нормальной исследовательской работы хотя бы части тщательно засекреченных архивных материалов.

Наконец, указывалось на целесообразность замены надписи на памятнике в Катыни, возлагающей вину на немецко-фашистских захватчиков, на лаконичную, но предотвращающую эксцессы при посещении могил родственниками, — «жертвам Катынской трагедии».

Даже такая урезанная, дозированная правда облегчила бы взаимопонимание, помогла бы начать избавление от официальной лжи, которая прикрывала насилие (а оно почти полвека держалось подобной ложью).

В подтверждение достижений двусторонней комиссии предлагалось осуществить закрывавшее «белые пятна» издание дополнительных томов по истории советско-польских отношений, в особенности по испытавшим множественные конъюнктурные деформации периодам 1939—1945, 1948—1953 гг. и другим.

Однако и эти предложения не встретили поддержки «сверху».

Проводимый специалистами — советскими учеными анализ ситуации в Польше со всей очевидностью показывал, что одним из компонентов кризиса в этой стране является снижение популярности СССР и лично М.С.Горбачева, обещавшего откровенно прояснить Катынское дело, но затягивавшего его расследование. Это не только дискредитировало результаты работы комиссии по «белым пятнам», добивавшейся нормализации советско-польских отношений, но явно способствовало нагнетанию антисоветских настроений. Аппарат международного отдела ЦК старательно противопоставлял уже обнаруженной и широко известной в Польше правде позицию «незнания», которая однозначно воспринималась как сокрытие. Для внутрипартийного употребления, освобождения от занятии позиции по трудным вопросам прошлого, от признания грехов сталинской внешней политики и ответственности за них — по инерционной логике идеологических стереотипов — как и прежде применялась формула опасений «как бы не навредить отношениям СССР с соседними странами». На деле же было как раз наоборот: эта позиция наносила вред имиджу СССР на международной арене и была фактором ухудшения отношений с соседней Польшей.

Между тем раскрытие дела также имело свою логику и неуклонно продвигалось вперед, несмотря на попытки уйти от ответственности за преступление и его сокрытие, спрятаться за «советскую официальную версию», ограничившись лишь видимостью гласности. Обоснованно ли это заключение? Познакомим читателя с дальнейшими исследованиями, с событиями, сведения о ходе которых были недоступны тогда членам комиссии.

Информация о настойчивой постановке поляками вопроса о выяснении правды о расстреле военнопленных, о результатах поисковой работы, ставящих под сомнение советскую официальную версию, постоянно, с самого начала работы двусторонней комиссии ученых, поступала в верхние эшелоны аппарата ЦК КПСС. Постепенно стали открываться и другие источники информации.

Понемногу начали просачиваться сведения из польской печати, из изданий «вторичного [подпольного] обращения» («самиздата»). Летом 1987 г. в связи с развертыванием работы комиссии историков, вызвавшей значительный резонанс за рубежами СССР, на имя Горбачева из Великобритании и скандинавских стран стали приходить письма с указанием на возможные источники новых данных — на захваченные немцами документы смоленского обкома КПСС, на беседу Хрущева с Гомулкой, содержащую признание, что Катынь — «дело рук Берии». По мнению помощника Горбачева А.С.Черняева, они были инспирированы деятелями «Солидарности».

Далее предоставим слово самому Черняеву: «Мы с В.Гусенковым, референтом Горбачева, написали ему записку, обобщив все письма, в которых:

- на СССР возлагается вина за расстрел польских офицеров;
- выдвинуто требование наказать виновных;
- разрешить полякам посещать места захоронения.

Наши предложения (цитирую из записки):

"Дело это очень непростое. Наша официальная позиция состоит в том, что расстрел — дело рук немцев, которые, отступая, уничтожили поляков осенью 1943 г. Эта позиция была обнародована в 1944 г. специальной комиссией (руководитель — академик Н.Н.Бурденко, писатель А.Толстой и др.). Во время Нюрнбергского процесса советским обвинителям не удалось добиться включения катынского расстрела в обвинительный приговор суда.

В ходе совместной работы по закрытию «белых пятен» нам не удастся отговориться от этой проблемы.

Во всяком случае, хотя бы для самих себя надо бы внести ясность.

В отделе ЦК говорят, что даже что-то сохранилось в архивах Смоленска. Очевидно, что-то должно быть в архивах КГБ, Центрального Комитета.

Нельзя ли поручить т.т. Чебрикову, Лукьянову, Болдину заняться этим вопросом?"

Мне Горбачев на эту записку не ответил. Но, видимо, какие-то поручения сделал»⁷¹.

Да, действительно, поручения Горбачев делал, откликнувшись на рекомендацию «внести ясность хотя бы для самих себя».

В.А.Медведев свидетельствует, что в его присутствии он связался с председателем КГБ Чебриковым и в очередной раз поручил ему «вернуться к вопросу о Катыни, несмотря на уверения председателя КГБ, что комитет не располагает материалами на этот счет»⁷². Сам этот факт весьма примечателен тем, что отражает то положение, что в богатейших ведомственных архивохранилищах ма-

териалы имеют различную степень секретности, дозированную степень доступности или недоступности.

Катынские материалы, хранившиеся до 1987 г., в частности, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, были по требованию органов безопасности снабжены грифом «совершенно секретно» (соответствующие функционеры этого ведомства систематически и тщательно проверяли выполнение этого предписания) и переданы в архив КГБ СССР⁷³.

КГБ не торопился предпринимать реальные усилия. Всякую информацию руководство комитета строго дозирует. Материалы «первой разметки» оно высылало Горбачеву и его ближайшему окружению в форме записки за подписью председателя. Причем, он мог направить, а мог и не направить Горбачеву какую-то информацию. Информация «второй разметки» рассылалась чиновникам рангом ниже в виде телеграмм, что было в компетенции замов или начальников управлений комитета.

Руководитель польского сектора в ЦК КПСС В.А.Светлов объясняет непредоставление данных о судьбах польских военнопленных ведомственными интересами КГБ: «Тогдашнее руководство КГБ не хотело раскрытия существа событий в Катыни, чтобы обвинение о расстреле польских офицеров не легло тяжестью дополнительной ответственности на эти органы за применение ими необоснованных репрессий»⁷⁴.

По другому предложенному Черняевым адресу — в ведающий архивами ЦК общий отдел, где в начале 1987 г. на посту заведующего А.И.Лукьянова сменил помощник генсека В.И.Болдин, — М.С.Горбачев обратился далеко не сразу.

Общий отдел занимался обеспечением документами Политбюро, Секретариата, пленумов ЦК, всех отделов его аппарата. Он контролировал движение всех исходящих материалов, подготовленных для рассмотрения в высших органах партии, ее местных комитетах и организациях, и исполнение решений. Все документы, поступающие в ЦК или подготовленные в его аппарате, обязательно оседали в архивах.

До июня 1988 г., то есть до XXVIII съезда КПСС, на территории Кремля было два архива: Секретариата и Политбюро, являвшиеся 6-м и 7-м секторами общего отдела ЦК. В документации высшего руководства, ведшейся 6-м сектором общего отдела, существовала система «особых папок», материалы хранились в запечатанных, закрытых еще в 30-е годы пакетах. В разделе «Разное» были пакеты лишь с номерами документов⁷⁵.

В своей книге «Крушение пьедестала», снабженной подзаголовком «Штрихи к портрету М.С.Горбачева», Болдин рассказал, что он докладывал Горбачеву о наличии такого рода секретных документов. Однако генсек отмолчался. «Возможно, — предполагает Болдин, — он лучше меня знал об этом массиве документов и просто не ведал, что с ним делать». Позже, стараясь отвести подозрение, что общий отдел ЦК КПСС и лично он утаивали от генсека эти

важные документы, Болдин опубликовал подписанный Лукьяновым документ — справку от 1 декабря 1986 г., содержащую информацию по вопросу о «белых пятнах» в советско-польских отношениях. Она была составлена согласно зашифрованному поручению М.С.Горбачева в связи с обращением «экспертов ПНР» и касалась имевшихся в Архиве Политбюро ЦК КПСС групп документов о роспуске компартии Польши в 1938 г. и признании решения ИККИ об этом необоснованным, о советско-германских секретных соглашениях 1939 и 1941 гг., «по так называемому "Катынскому делу"», «о некоторых негативных проявлениях, связанных с пребыванием советских войск в Западной Украине (1939 г.) и на территории Польши (1944—1945 гг.)» и др.⁷⁶

Мартовское заседание Политбюро (1989 г.), поставившее вопрос «о дальнейшей советской линии по Катынскому делу», в действительности оказалось перед дилеммой: продолжать отказываться от решения этого вопроса или искать какой-то казавшийся оптимальным выход. В поисках возможного варианта Горбачев надумал ознакомиться с содержанием «особого пакета», о существовании которого явно знал.

В.И.Болдин вспоминает: «Как-то перед одной из встреч с В.Ярузельским М.С.Горбачев дал срочное поручение:

— Где-то в архиве должна быть информация по Катынскому делу. Быстро разыщи ее и заходи ко мне.

Я попросил срочно найти такой документ в архиве. Документ действительно разыскали довольно скоро. Часа через два мне принесли два закрытых пакета с грифом «совершенно секретно» и припиской, что вскрыть их можно только с разрешения заведующего отделом. Разумеется, и генсека или доверенного его лица.

— Нашел? — спросил Михаил Сергеевич, когда я появился в его кабинете.

— Не знаю, то ли это, — ответил я, подавая ему конверты.

Он вскрыл их, быстро пробежал несколько страничек текста, сам запечатал пакеты, проклеив липкой лентой. Возвращая документы, сказал:

— В одном речь идет об истинных фактах расстрела поляков в Катыни, а во втором — о выводах комиссии, работавшей после освобождения Смоленской области в годы войны. Храните получше и без меня никого не знакомьте. Слишком все это горячо»⁷⁷.

Судя по визе Болдина на «особом пакете № 1», этот пакет (а также материалы по комиссии Бурденко) побывал в руках Горбачева 18 апреля 1989 г., накануне визита Ярузельского (27—28 апреля). Теперь генсек получил в руки комплекс совершенно секретных документов по делу расстрелянных поляков и сравнил их с подборкой документов «советской официальной версии». Если эта папка была той самой, какую 20 мая 1992 г. покойному полковнику С.С.Радевичу, тогда старшему военному прокурору Главной военной прокуратуры СССР, предъявил в Кремле директор Архива Президента РФ Р.Е.Усиков, то Горбачев увидел в ней и текст польской экспертизы заключения комиссии Бурденко. В сумме полученные до-

кументы именно тогда привели его к произнесенному вслух выводу, что он узнал, каковы «истинные факты расстрела поляков»⁷⁸.

Побывав руководителем аппарата Президента СССР, Болдин писал в воспоминаниях: «Знаю, что позже о необходимости предать гласности все материалы катынской трагедии в ЦК КПСС лично к М.С.Горбачеву не раз обращалась польская сторона. В.Ярузельский, специально созданная совместная советско-польская комиссия. Предлагали это сделать и В.А.Крючков (который, видимо, хотел получить политическое решение от генсека, прежде чем способствовать обнаружению каких-либо материалов по Катынскому делу и его раскрытию. — *Авт.*), В.М.Фалин, но генсек-президент не реагировал на просьбы, записки на его имя остались без ответа, а общему отделу он запретил что-либо выдавать из документов по этому вопросу. Более того, говорил сам и поручил сообщить польской стороне, что достоверных фактов о расстреле, кроме тех, что были обнародованы еще во время войны, не найдено. Теперь М.С.Горбачев был серьезно повязан этой ложью». В.И.Болдин недоумевал, «почему генсек-президент, продолживший вслед за Н.С.Хрущевым разоблачение необоснованных репрессий сталинского периода, вдруг останавливался и начинал юлить и лгать. Ну что может быть страшнее для КПСС признания того, что с благословения некоторых ее лидеров гибли тысячи соотечественников, коммунистов и беспартийных, граждан многих зарубежных стран, о чем мир уже знал. Зачем же теперь архитектору перестройки и обновления вдруг понадобилось утаивать это преступное убийство? Думаю об этом и не нахожу ответа»⁷⁹. А ответ, видимо, следует искать как в тогдашней ситуации в СССР, так и в характере принятого тайного решения, в его идейно-политическом и моральном наполнении, а также в юридической квалификации действия его авторов, особенно с точки зрения международного права.

Декларируя готовность ввести на обломках тоталитарной системы гласность и раскрыть «белые пятна», Горбачев вряд ли ожидал увидеть то, что открылось его взору в «особом пакете», а затем в материалах комиссии Бурденко: столь масштабное и мерзкое преступление, ответственность за которое несут не отдельные личности из органов насилия, а руководство партии и государства. Вдобавок, партии и государства, долгое время претендовавших на роль светоча прогресса для человечества, а теперь претендующих на звание авангарда перестройки и обновления.

Решение Политбюро по «вопросу НКВД» от 5 марта 1940 г., всевластное постановление Сталина и советской партийно-государственной верхушки о не сообразующемся ни с каким правом, полностью незаконном массовом расстреле содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах польских граждан и положенное в его основу представление (записка) наркома внутренних дел Лаврентия Берии, которое в его постановляющей части было полностью, один к одному, как бы автоматически воспроизведено в решении Политбюро, — эти документы с устрашающей доподлинностью отражали истинную суть достигшего апогея сталинского «правопо-

рядка» и практику сталинщины, а также функционирование главных механизмов автократического режима «отца народов».

Отчеркнутая после приговора «за» подпись Сталина, выносящая вне какой-либо юридической основы страшный вердикт, как бы подводила итог эволюции права в Стране Советов — со времени Гражданской войны, через переход к тоталитарной системе на рубеже 20-х и 30-х годов, до победы Сталина и его группы во внутрипартийной борьбе и выбора курса «большого скачка», в ходе становления механизмов правовой системы партии-государства. Так называемая революционная законность изначально перечеркнула основополагающие правовые нормы. Уже Конституция 1918 г. лишала отдельные лица и социальные группы прав, которые, говоря словами основного закона, «используются ими в ущерб интересам социалистической революции»⁸⁰. Это открыло простор для любого нарушения прав граждан. За фасадом «пролетарских» Конституций 1918 и 1924 гг., Уголовного кодекса РСФСР с его печально известной 58-й статьей проходили процессы превращения советского общества в тоталитарное, неправовое. В результате возобладало нормотворчество РКП/ВКП(б)/КПСС, подкрепляемое действиями руководившихся лишь секретными инструкциями карательных органов.

Обещанная демократизация политической системы — расширение представительства различных политических сил, повышение уровня политической активности населения и обогащение политической жизни — заменялась все большим усилением ее автократического и репрессивного характера. В ореоле парадной демократии, декларируемого всевластия Советов народных депутатов (слово «Советы» обязательно писалось с заглавной буквы) утверждалась тоталитарная система с подчинением государства организационному ядру партии — партийной бюрократии, элитарной, по Джорджу Оруэллу, «внутренней партии», основной ячейки тоталитарной власти. Эта «внутренняя партия», «партия власти», коренным образом отличалась от «внешней партии», призванной осуществлять массовую поддержку режима, состоящей из рядовых членов, «сереньких».

Во «внутренней партии» в ходе борьбы между ее лидерами строилась жесткая иерархия и власть сосредоточилась в руках ставшего практически всевластным вождя — И.В.Сталина. Именно он персонифицировал собой высший уровень принятия политических и правовых решений, что и было зафиксировано, в частности, визой на решении 5 марта 1940 г.

Что означали расположенные на нем вслед за автографом «великого вождя» подписи К.Ворошилова, В.Молотова и А.Микояна, а также помета на полях «т. Калинин — за, Каганович — за»? Это была введенная Сталиным форма одобрения и возложения ответственности за принятое без какого-либо публичного обсуждения и голосования решение. Особую смысловую нагрузку нес и подбор визировавших документы лиц. Узкий состав сталинского окружения получал документы для «голосовки» (визирования), некоторые оп-

рашивались по телефону (отсюда помета секретаря на полях — «за»). При такой практике принятия остававшихся тайной даже для других членов сталинской верхушки решений непосредственную опору вождя составляли и обеспечивали осуществление его политики, в том числе «грязных дел», именно эти «верные сталинцы». Они постепенно подбирались по принципам формирования клана, авторитарической клики — личной преданности и угодливости, безоговорочного подчинения и постоянного страха внезапного ошельмования и физической расправы, опасения за судьбы родственников, содержащихся Сталиным в тюрьме или лагере как заложники. Таковы были сломленные и достаточно запутавшиеся, чтобы стать послушными исполнителями его воли «всесоюзный староста», Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинин, нарком обороны К.Е.Ворошилов и в то время премьер, нарком иностранных дел В.М.Молотов. В вершении тайных дел вождя поддерживали его наиболее верные и обласканные (одновременно с репрессированием их родных) любимчики — В.М.Молотов и Л.М.Каганович. Сталин удерживал всех их в плену неведения, догматических идеологических заблуждений и жестких директив. Активно поддерживавшая его часть руководящего ядра партии и государства не видела возможностей для проведения иной политики. Именно так объяснял свою позицию один из подписавших решение от 5 марта 1940 г. заместитель Председателя Совнаркома А.И.Микоян⁸¹.

В заложенной в решение аргументации просматривались типичные для того круга руководителей идеологические установки. Помещенные в лагеря и тюрьмы люди квалифицировались как классово чуждые, «закоренелые, неисправимые враги советской власти». «Внутренняя партия» хорошо усвоила, что «кто не с нами, тот против нас», и охотно пользовалась крылатым выражением Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Советское общество развивалось трудно, жло напряженно. Виновников этого партийно-государственной верхушка искала во всех непролетарских слоях и политических силах. Впрочем, в политическом представительстве трудящихся тоже.

Борьба классов между собой отождествлялась с насилием одного класса над всеми другими классами и социальными группами общества. Сталинищина развивалась по так понимаемой логике классовой борьбы как единственной формы общественной жизни. Объявляла теориюподобная концепция постоянного «обострения классовой борьбы». Была объявлена классовая война всем. В отношении целого ряда различных слоев и групп населения была отработана система идейно-политических ярлыков, предполагающих их отнесение к категории врагов советской «рабоче-крестьянской» власти. Правда, в этом клише в число опор власти зачислялась только беднота. Эти ярлыки функционировали в течение десятилетий и предусматривали политическое и уголовное репрессирование социальных чужаков, уничтожение их в качестве «врагов народа». Этот стереотип времен Великой Французской революции начал распространяться в России после Февральской революции, но абсолютную

конфронтационную наполненность обрел и период разгула кровавых репрессий в 30-е годы.

Многopатийность существовала в Советской России формально и очень недолго. Любые другие партии и организации, кроме компартии, были зачислены в разряд контрреволюционных. Создав репрессивно-карательные органы и напpямую подчинив их своей политической воле, большевики развернули методичное уничтожение всех политических оппонентов: и так называемых белогвардейских, и социалистических (анархистов, эсеров, меньшевиков, трудовиков и прочих). В роли субъекта «революционной практики» выступил большевистский бюрократический партийно-государственный аппарат, который исполнял свои функции исключительно посредством диктатуры институционально-фетишизированной власти.

Уже в январе—феврале 1918 г. циркуляры ВЧК предписывали «ликвидировать» эсеров, парализовать деятельность и дискредитировать меньшевиков путем предъявления им обвинений в должностных преступлениях. 26 мая 1921 г. Ленин рекомендовал Молотову как секретарю ЦК поручить ВЧК выработать план мер по «ликвидации» меньшевиков и эсеров, чистке самой партии от «нестойких коммунистов», аппарата власти в деревне и т.д. План был сверстан и направлен Ленину. Он предполагал массовые операции по «выкачиванию» эсеров из деревни, а меньшевиков — из рабочих районов в деревню. Партия эсеров прекратила свое существование в России в 1925 г., а последние небольшие группки меньшевиков исчезли к началу 30-х годов⁸². В оперативном приказе наркома внутренних дел Н.И.Ежова от 30 июля 1937 г. предписывалось после рассмотрения на «тройке» расстреливать или помещать в заключение сроком на 8—10 лет представителей бывших политических партий, членов «фашистских, террористических и шпионско-диверсионных формирований», осевших в деревне после отбытия заключения, уже содержавшихся в лагерях, трудовых поселениях и других подобных местах лиц.

Аналогичным образом в 30-е годы было репрессировано польское население Украины и Белоруссии, нередко на основании сфабрикованного обвинения в принадлежности к различным «контрреволюционным» центрам и организациям, в том числе к давно уже не существовавшей ПОВ — Польской организации войсковой.

Действия ВЧК/ГПУ/НКВД, «вооруженных частей партии», говоря словами Сталина (1926 г.), способствовали созданию в стране того климата истребления любых политических образований как «контрреволюционных», который в полной мере проявился в духе и лексике решения от 5 марта 1940 г.

Особо следует остановиться на роли ведомства Берии в подготовке и использовании Политбюро этого решения.

Карательные, репрессивные органы, или органы насилия, были наиболее отлаженными, считались наиболее надежными и эффективными структурами режима. В качестве органов политического контроля они снабжали руководство страны информацией, которая

воспринималась как наиболее достоверная и адекватная. Однако не следует забывать, что у них были свои собственные, ведомственные интересы. Поэтому, оправдывая свое существование в форме все более громоздкой и всеохватывающей организации, они при конструировании идеологических стереотипов ретиво выискивали (нередко выдумывая) политических противников власти, утрировали в своих клановых интересах негативные стороны общественной жизни, выпячивали деструктивные стороны различных ее процессов. Под формируемые ими стереотипы подгонялось общественное сознание.

«Капиталистическое окружение» как одна из основополагающих идеологем постоянно поставляло «шпионов» и «диверсантов», «агентов международного империализма» и «фашизма» (нередко мнимых), а также деятелей часто давно уже не существовавших или вымышленных «контрреволюционных организаций». Именно это мифологизированное мировосприятие и та же классово-вулгаризированная лексика пронизывают «записку» Берии, аргументирование предлагаемой расправы.

Карательные органы в СССР практически подменяли судебные инстанции и поэтому имели все возможности заниматься противоправной репрессивной деятельностью, искоренением любых форм политической активности и инакомыслия. Политический плюрализм и инакомыслие (или разномыслие) воспринимались сталинской партийно-государственной бюрократией как абсолютное зло, поскольку были реальной угрозой ее безраздельной власти. В процедуре продвижения «вопроса НКВД» 5 марта 1940 г. и принятии по нему решения весьма четко прослеживается тесное взаимодействие «органов правопорядка» и ближайшего окружения Сталина в реализации его установок.

В любом цивилизованном государстве плюрализм мыслей и мнений — элементарный, общепринятый демократический принцип, юридически неподсудный. Но при сталинском режиме (да и позже, хотя в несколько иной, более мягкой форме и в меньшей степени) к «контрреволюционным проявлениям» относились не только действия, но и настроения недовольства своим положением и политикой властей. Они и инкриминировались как преступление. Для такого стиля мышления вполне типично отнесение к преступным акциям «антисоветской агитации» в лагерях в собственной среде или будущих, предполагаемых намерений «борьбы против советской власти».

Что стояло за беззвучным, послушным одобрением Политбюро этого решения и ему подобных? Прежде всего то, что Сталин занимал к тому времени высшую ступеньку в иерархии власти, будучи неподвластным никакому контролю, и проводил во всех сферах и по каждому вопросу нужные ему решения, неуклонно укрепляя свою единоличную власть. Коллегиальность в руководстве партии была разрушена, общепартийный контроль подорван. Репрессивные органы были превращены в мощнейшее орудие сталинского деспотизма и беззакония. Эту роль они и сыграли при чисто формальном

проведении через Политбюро этого «вопроса НКВД: как установленный Сталиным порядок прохождения определенных категорий дел, так и статус наркома Берии позволили автоматически проштамповать надправовое, незаконное, по сути дела носящее черты преступления деяние.

Являвшиеся непосредственной и прочной опорой Сталина члены Политбюро стали его соучастниками. Анализируя социальную функцию сталинского окружения и определяя меру его исторической ответственности за злодеяния Сталина, российский философ А.П.Бутенко констатирует, что эти люди не противостояли присвоению Сталиным полноты власти и способствовали ее достижению, позволив подобрать в руководство клан лично преданных ему людей. Не препятствуя продвижению Сталина к неограниченной власти, они потеряли прежнюю известную самостоятельность и стали выполнять декоративную функцию придания сталинскому режиму видимости коллегиальной власти, якобы сохраняющей качества демократизма политической системы. Это легитимизировало Сталина как вождя трудящихся, а не как «узурпатора власти, деспота, единоличного диктатора», каким он в действительности стал. Члены этого клана проложили и освятили его путь к авторитарной власти, к культу его личности, к беззаконию и массовым репрессиям.

Несмотря на личные заслуги, на наличие объясняющих их поведение моментов, таких как недальновидность, безвыходность ситуации, безволие, трусость или наличие сомнений, ничто не может оправдать сталинских сподвижников, принявших участие в проведении подобных политических решений. Они ответственны как за непосредственные, так и за отдаленные последствия участия в преступных политических акциях Сталина, за принесение в жертву жизней сотен тысяч и даже миллионов людей. И ничто не может снять с них этот морально-политический груз⁸³.

Приведенная выше пересказанная Болдыным реплика Горбачева: «Слишком все это горячо» не оставляет сомнений, что он отдавал себе отчет в том, насколько решение Политбюро от 5 марта 1940 г. отразило в себе весь комплекс проблем ответственности и Сталина, и Политбюро, и всей партии-государства за злодеяния вождя как за акции всего авторитарного режима. Слишком наглядно оно раскрывало порочный механизм функционирования режима, показывало истинную роль сталинского окружения в этом процессе и место в нем органов безопасности. Решение Политбюро давало позорное свидетельство правового нигилизма и правовой безграмотности сталинского руководства, не имевшего понятия или не желавшего знать, что военнопленные находятся под защитой международного права и могут рассчитывать на скорое освобождение, что они не обязаны быть друзьями советской власти. Оно наконец, свидетельствовало, что был достигнут и оставлен позади предел беззакония — высшим властным органом страны (а Политбюро являлось им) было принято решение о массовом расстреле признаваемых военнопленными граждан другого государства, тем

более без соблюдения элементарной судебной процедуры — без вызова арестованных и предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — на основании только ведомственных справок и их рассмотрения всего лишь ведомственной «тройкой» руководителей НКВД. Ведь из этого однозначно вытекало, что они обрекаются на тайную преступную расправу, на преднамеренное убийство.

Совершенно ясно, что такой документ не мог не вызвать шока. Он обременял (и обременяет) неподъемной ответственностью, предъявлял (и предъявляет) чрезвычайно высокие нравственные и политические требования к каждому представителю высшего эшелона советской и российской власти.

Документ, обнажающий сталинские методы защиты его интересов или осуществления его зловещих капризов любой ценой, вплоть до преступного произвола, до утаивавшихся массовых убийств, а также методы сокрытия мрачных тайн тоталитарной системы в течение почти полувека, бросал тень не только на Сталина. Он ставил под удар не только высший эшелон руководимой Горбачевым партии, но и самую эту партию. Поэтому требовались значительно более глубокий и обстоятельный анализ сталинских деформаций и более точное определение их масштаба, чем это делалось при Хрущеве.

Не без сопротивления в руководстве КПСС был дан ход материалам комиссии Н.М.Шверника по расследованию политических процессов 30-х годов. Эта комиссия была создана при Хрущеве и закончила свою работу в 1962 г. Ее выводы были представлены в ЦК КПСС. Однако Хрущев, проинформировав членов Президиума ЦК, дальнейших действий по этому делу не предпринимал.

О содержании материалов комиссии Шверника знал Брежнев, они докладывались его преемникам — Андропову и Черненко. Но никакого движения не было. По инициативе Горбачева 28 сентября 1989 г. была создана комиссия по пересмотру дел 30—50-х годов. Ее возглавлял вначале Н.Н.Соломенцев, а затем А.Н.Яковлев, секретари ЦК КПСС. В состав комиссии был включен и Г.Л.Смирнов, что, как представлялось членам комиссии ученых, расширяло его возможности и в отношении продвижения дела о расстреле польских военнопленных. Хотелось надеяться и на более активную роль в этом Яковлева.

В подавляющем большинстве рассматриваемые комиссией дела были сфабрикованными. Реабилитация проводилась по мере обработки материалов и результаты докладывались на Политбюро далеко не без осложнений (в основном она была завершена в конце 1989 г.). Как признается В.А.Медведев, «в конце пришлось все-таки принять и общее решение об отмене незаконных решений "двоек", "троек" и особых совещаний»⁸⁴.

Обнародование решения Политбюро от 5 марта 1940 г. в разгар этого процесса неминуемо придало бы трактовке сталинских репрессий новую внутри- и внешнеполитическую окраску, а реабилитации — иные темпы и масштабы. Мог ли Горбачев рассчитывать,

что Политбюро способно будет принять тягостную, ужасающую правду о Катынском деле и что его опубликование не обернется против него самого? Против КПСС, которая находилась в состоянии разброда и шатаний и оказалась бы еще более дискредитированной? В обществе уже начинала вызревать и складываться многопартийность. «Многопартийной», с различными внутренними платформами, становилась и сама КПСС. Появлялись новые, оппозиционные органы печати и группы влияния. Ситуация становилась все более сложной и непросчитываемой. Социально-политическая стабильность всегда была в СССР непререкаемой основой режима, и ей подчинялось многое. Забота об этой основе замыкала порочный круг власти партии-государства, обеспечения ее «руководящей роли».

Раскрытие всей подноготной Катынского дела поднимало комплекс проблем на очистившейся от сталинских деформаций, переживавшей значительные трудности, но свято хранившей свои устои и традиции советской внешней политики.

Руководство КПСС становилось все более осторожным. Горбачев постоянно лавировал между демократической оппозицией, с центром тяжести в самой партии, и по-прежнему имевшей за собой большинство консервативной партийной оппозицией реформам.

Гласность декларировалась по-прежнему, но информация все более дозировалась. Партийное большинство постепенно отступало, Горбачеву же не было свойственно действовать быстро и решительно. Он не был способен взять на себя трудный шаг обнародования правды о виновниках катынского преступления, о котором уже все узнал. Тем более, что это не обещало роста популярности ни ему в собственном партийном окружении, ни партии — в обществе.

Появившиеся, казалось бы, возможности движения дела к полному раскрытию и окончательному завершению оказались иллюзорными. В прежнем, партийном, русле это движение оставалось перекрытым, а по крайней мере искусственно резко зауженным, хотя весной 1989 г. и было принято решение ЦК КПСС об интенсификации поисков архивных документов о расстреле польских военнопленных.

Между тем объективно открывалось еще одно направление исследований. Летом 1989 г. во все архивные службы были направлены письма за подписью А.Н.Яковлева с просьбой выявить и представить Комиссии народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г. материалы, связанные с секретными протоколами и их последствиями. Естественной производной изысканий комиссии стало выявление документов и по польским военнопленным. В МИД было подготовлено поручение для Главархива, которое было направлено туда по линии Совета министров СССР. Согласно информации В.А.Александрова — секретаря международной комиссии ЦК и комиссии народных депутатов, возглавлявшихся Яковлевым, их работа соприкасалась с работой сектора Польши, а «позиции формировались фактически параллельно»⁸⁵.

Однако на страже «советской официальной версии» катынского преступления стояла официальная наука. В ответ на запрос за подписью Яковлева в научные учреждения была получена, по свидетельству секретаря комиссии Александрова, краткая записка директора Института всеобщей истории РАН А.А.Чубарьяна с прилагаемой справкой (докладом) примерно на 20 страниц сотрудницы его института из отдела О.А.Ржешевского — кандидата наук Н.С.Лебедевой. В ней «доказывалась» правомерность выводов комиссии Бурденко. Примерно в это же время в Москве вышла в свет подписанная к печати в издательстве «Наука» в начале марта ее книжка «Безоговорочная капитуляция агрессоров: Из истории Второй мировой войны». В ней, ссылаясь на запись Й.Геббельса в дневнике от 30 апреля 1943 г. о «раздувании катынского инцидента», Лебедева специально поясняла, продублировав в подстрочнике «советскую официальную версию» с ее подтасовками: «В апреле 1943 г. геббельсовская пропаганда сфабриковала "доказательства" осуществленного якобы органами НКВД в районе Катыни вблизи г. Смоленска расстрела 10 тыс. польских офицеров. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний после освобождения Смоленска установила, что расстрел имел место, но был проведен в сентябре 1941 г. оккупантами»⁸⁶.

В ситуации активной идеологической защиты прежней версии Горбачев позволил себе якобы «демократический» жест обращения к советской и международной общественности для «поиска» свидетелей катынского преступления, который в очередной раз лишь создавал видимость действий, а на деле служил далеко не первой, неограниченной во времени затяжкой признания правды.

Между тем страна быстро менялась. Исчезал страх, раскрепощалось сознание. Люди начинали жить в другой системе координат. Однако публично обнажить контуры зловещей катынской тайны в 1987 г. еще означало получить обвинение в напаках на Советское государство и его строй, прослыть диссидентом. Это не останавливало людей такого формата, как А.Д.Сахаров и А.И.Солженицын, который откликнулся на трагедию Катыни в «Архипелаге ГУЛАГ». Во все времена общество выделяло из своей среды людей высокой нравственности, подлинных гуманистов, способных дорого заплатить за свои убеждения, пойти на конфликт с тоталитарной системой. Таков был удел членов общества «Мемориал», из которого сильно и требовательно звучал голос ученого-астронома Алексея Памятных. Польское направление в деятельности «Мемориала» сформировалось начиная с первой конференции общества осенью 1988 г.

В 1988 г. пошедший процесс обновления и гласности, подкрепленный отменой цензуры, выдвинул галерею глашатаев общественной совести. В их числе достойное место заняли историки и литературоведы, обратившиеся к проблемам катынского злодеяния. Прогрели имена Натана Эйдельмана и Юрия Афанасьева, известного историка, депутата-демократа Съезда народных депутатов СССР. Отец Н.Эйдельмана — писатель Яков Эйдельман — прошел

через ГУЛАГ и собственными ушами слышал угрозы «краснолицего охранника» в адрес заключенных-поляков, каких он, по его словам, немало пострелял в Катыни. Эйдельман был знаком и с медиками из комиссии Бурденко и знал от них, что в ответ на их попытки отказать от подписи под ее материалами им было сказано, что подписи все равно при публикации будут проставлены.

Сам известный историк и писатель, Эйдельман-младший не мог обойти молчанием эти факты. Он ездил в Варшаву, собирал литературу и материалы о расстреле польских военнопленных, а затем использовал их, проводя в Доме литераторов в Москве семинары, в которых участвовали по его приглашению, в частности, журналист В.К.Абаринов и ученый Ю.Н.Зоря. Именно от Эйдельмана Зоря получил изданные в Париже воспоминания бургомистра Смоленска Б.Г.Меньшагина и книгу о Катынском деле Ю.Лойека, которую впоследствии передал для ознакомления с исторической правдой Н.С.Лебедевой.

Большой общественный резонанс вызвал двусторонний симпозиум историков и кинематографистов «История кино: от табу к гласности», открывший серию проходивших в обстановке высокого нравственного накала встреч. Эту инициативу подхватили начавшие журналистское расследование В.Абаринов и Г.Жаворонков, Н.Ермолович и Л.Почивалов, А.Латышев и другие, которым предоставили свои страницы «Литературная газета», «Московские новости», «Известия» и другие демократические издания.

Начался сдвиг в сознании научного сообщества, получавшего информацию о пересмотре трактовок «белых пятен» двусторонней комиссией историков. Г.Л.Смирнов настаивал на передаче изучения Катынского дела непосредственно в руки исследователей из различных советских научных центров.

В январе 1989 г. на всесоюзном совещании историков-полонистов «Актуальные задачи изучения истории Польши, русско-польских и советско-польских отношений» И.С.Яжборовская, руководившая работой секции «белых пятен», заявила о необходимости пересмотра «советской официальной версии» по Катынскому делу. В сентябре на «круглом столе» советских и польских военных историков в Институте военной истории в Москве в связи с 50-летием начала Второй мировой войны был поставлен вопрос о пересмотре традиционных оценок сталинской внешней политики в отношении Польши, о верификации устаревших идеологических клише, игнорировавших деформации и искажавших реальность, перекладывавших вину в развязывании войны на западного соседа. Впервые был поднят вопрос о порочности стремления неизменно стоять на сталинских позициях пятидесятилетней давности, видеть мир глазами той эпохи, полагать, что верность линии сталинского руководства 1939 г. означает преданность своей стране. Речь шла о необходимости откровенного взгляда на проблему секретных приложений к советско-германским договорам, корректной научной разработки событий второй половины сентября 1939 г. и проблемы судеб польских военнопленных. Увы, вскоре «за очернение истории» профес-

сор Д.А.Волкогонов был смещен с поста директора Института военной истории.

В то же время преодолеть препятствия и открыто представить события 1939—1940 гг. смогла польская комиссия «Мемориала». С 23 августа 1989 г. в московском Клубе им. Русакова в течение двух недель, а затем в течение недели — в Исторической библиотеке экспонировалась выставка по поводу 50-летия пакта Молотова—Риббентропа. На ней впервые были представлены фотографии Катыни, открыто прозвучало само слово «Катынь». Выставка сопровождалась лекциями и демонстрацией хроникальных фильмов, проведением научной конференции.

К тому времени тверские мемориальцы уже предприняли попытки отыскать захоронения пленных из Осташковского лагеря.

Наконец эта проблема зазвучала в стенах «святилища официальной дружбы» — в Обществе советско-польской дружбы. Первым ее сформулировал с парадной трибуны, вызвав недоверие и ошеломление, военный прокурор из ГВП А.В.Третьцкий. Вскоре, в марте 1989 г., в лектории общества лекцию о «белых пятнах», с указанием на виновников катынских злодеяний и формулированием задачи искать другие захоронения, прочла Яжборовская. В зале уже нашлись такие, кто поверил и откликнулся.

«Гласность вырвалась из рамок»⁸⁷, — пишет теперь М.С.Горбачев.

К тому времени в связи с работой комиссии Второго съезда народных депутатов по политической и правовой оценке советско-германского договора 23 августа 1939 г. вопрос о катынском злодеянии встал на уровне законодательной власти. Инициатором постановки этого вопроса выступил В.М.Фалин как заместитель председателя комиссии. Его активно поддержал председатель комиссии А.Н.Яковлев. Хотя принято было вести обсуждение катынского вопроса только по линии ЦК КПСС, на этот раз запрос Особому архиву, его директору А.С.Прокопенко, о катынских материалах был направлен и по депутатской линии. По линии же ЦК КПСС Фалин звонил хранителям архива Сталина — в общий отдел (традиционно получая ответ об отсутствии такого рода материалов) — и в архивы КГБ. В последних он пытался разыскать решения Особого совещания при НКВД СССР, но там всегда отвечали, что материалов Особого совещания по польским военнопленным не сохранилось.

По мнению В.А.Александрова, консультанта международного отдела и помощника секретаря ЦК Фалина, в свое время судьба поляков была предрешена органами «по сложившемуся стереотипу уничтожения «ненужных» людей», а их руководство позже «излишне боролось за честь мундира, хотя мундир этот им не принадлежал»⁸⁸.

В этих делах сотрудники аппарата ЦК КПСС и даже его секретари проигрывали соревнование с руководством КГБ. Как сказал журналисту М.Рогускому заведующий польским сектором В.А.Светлов, «видимо, руководство КГБ, используя свое достаточно серьезное влияние на самые высшие органы партийной власти, сумело за-

щитить свою точку зрения и свою позицию по этому вопросу и получить поддержку со стороны Михаила Горбачева»⁸⁹.

Обращения В.М.Фалина в общий отдел к В.И.Болдину и в КГБ ничего не давали. В отделе говорили, что никаких документов нет, в КГБ уверяли, что протоколы «троек» уничтожены⁹⁰.

Однако времена менялись, и открывались определенные возможности расширения использования исследователями архивных документов. К этому времени к поискам материалов Нюрнбергского военного трибунала подключился преподаватель Военно-дипломатической академии Советской армии доцент Ю.Н.Зоря, сын помощника государственного обвинителя от СССР на процессе, который имел отношение к рассмотрению Катынского дела и скончался во время процесса при загадочных обстоятельствах. Имея допуск к секретным материалам и благодаря исключительной настойчивости, а также везению, он сумел добиться доступа к фондам закрытого Особого архива. Там уже работала, получив наконец необходимую поддержку в ЦК КПСС как член двусторонней комиссии, В.С.Парсаданова. Она пользовалась материалами на основе строгого режима секретности и обрабатывала фонд Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУВПИ). К этому же фонду директор архива А.С.Прокопенко в мае 1989 г. допустил и Ю.Н.Зоря, а в конце года там начала работать и Н.С.Лебедева.

Уже в первых числах июня Зоря сообщил о найденных документах, касающихся судеб польских военнопленных, начальнику Глав-архива СССР Ф.М.Ваганову. И был со скандалом выдворен из архива, а его тетради с выписками были конфискованы. Это не остановило Зоря. Он стал настойчиво продвигать свое открытие. Встреча с Г.Л.Смирновым, передавшим информацию В.М.Фалину, привела к беседе с последним и его попытке добиться разрешения для Зори продолжить работу над документами Особого архива. От Ваганова был получен категорический отказ.

По рассказу В.А.Александрова, Фалин, воспользовавшись авторитетом всевластного ЦК, нажал на архивистов. Ему были доставлены фельдъегерской связью затребованные по названным Зорей номерам материалы, каждое дело в особом брезентовом мешке. Фалин отобрал и спрятал в сейф три дела, чтобы показать Горбачеву. В письме в Конституционный суд от 19 октября 1992 г. Александров сообщает, что Фалин брал с собой документы каждый раз, когда, по его мнению, «возникла возможность обсудить с Горбачевым этот вопрос. Однако принципиального согласия Горбачев не давал». Александров уточняет: «Ссылки, о которых нам говорил Фалин, состояли в том, что все материалы, которые найдены, являются вторичными, а первичных нет. При этом говорилось: ищите убедительные доказательства».

Зоря добился возможности работать над документами в отделе Фалина и через десять дней составил справку о польских военнопленных с выборочным сравнением фамилий из списков-предписаний на отправку пленных из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области и эксгумационных списков из Катыни в немецкой

«Белой книге». Их очередность совпадала, что было весомым доказательством роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.

Фалин доложил об этом Яковлеву. Вскоре Зорю вновь допустили к документам Особого архива, где с помощью архивистов — заведующей сектором О.С.Киселевой и научного сотрудника О.А.Зайцевой он закончил исследование и к концу октября составил «Документальную хронику Катynи» (с подробным докладом на имя Яковлева). На документальной основе были описаны содержание военнопленных в лагерях и их отправка в апреле—мае 1940 г. в распоряжение управлений НКВД Харьковской, Смоленской и Калининской областей. Эти данные подкреплялись опубликованными воспоминаниями избежавших расстрела Ю.Чапского и С.Свяневича. Были проанализированы материалы немецкого расследования 1943 г. в Катynи и сравнены с материалами НКВД. Наконец, был представлен ход рассмотрения дела в Нюрнберге. Справка завершалась выводом о причастности органов НКВД к расстрелу около 15 тыс. польских военнопленных в апреле—мае 1940 г.

Проведенное по договоренности с Фалиным сопоставление списков узников, отправлявшихся из Козельского лагеря, и опознавательных списков из катынских могил, полученные «потрясающие совпадения» стали для последнего основанием (а кадры с его рассказом об этом включены в фильм «Выстрел в Нюрнберге») для направления Горбачеву очередной записки. Как пишет Александров, вначале он вместе с Зорей сделали из его доклада «краткую записку (так как длинную бумагу могли не прочесть). Эту записку Фалин отправил Яковлеву со своим сопроводительным письмом для доклада Горбачеву». В письме, судя по фонограмме фильма, Фалин подчеркивал, что после получения таких данных никаких дополнительных доказательств уже не требуется — массовое убийство поляков является преступлением Берии и его подручных. И это нужно сообщить полякам без обиняков.

Генсек был ознакомлен с этими материалами. «Механика окончательного принятия решения мне неизвестна, — пишет Александров, — но именно после этого сжатого изложения, почти анатомического анализа, произведенного Зорей, создалось ощущение, что план передачи документов Ярузельскому будет реализован. Хотя, честно говоря, до последнего дня не было твердой уверенности на этот счет»⁹¹.

Почти одновременно с передачей текста доклада Яковлеву аналогичный текст был передан на имя председателя КГБ СССР Крючкова. Наступило затишье.

28 ноября 1989 г. в Особом архиве прошла конференция архивистов и историков по проблеме использования документов, поступающих в научный оборот в результате открытия некоторой части фондов. В материалы конференции вошла и справка «Документальная хроника Катynи», что, по существу, явилось ее публикацией, хотя и весьма ограниченной по тиражу.

С сообщением по катынским материалам архива выступила и Парсаданова.

Контакты с международным отделом ЦК КПСС Зоря поддерживал через консультанта Александра (с Фалиным встреч больше не было), который заангажировался в решение проблемы о судьбах польских военнопленных и держал на контроле прохождение информации по ней. Через него 26 октября 1989 г. Зоря передал на имя Яковлева заявление о рассмотрении выявленных документов на комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному расследованию репрессий.

Отсутствие явных признаков продвижения дела вынудило Зорю предложить передать текст доклада еще одному члену Политбюро — министру иностранных дел Э.А.Шеварднадзе. Александров этого не одобрил, разъяснив, что в ЦК принято действовать по какому-то одному направлению. Зоря посчитал это правило для себя не обязательным и передал копию направленных Яковлеву материалов начальнику историко-дипломатического управления МИД СССР Ф.Н.Ковалеву, который немедленно доложил их Шеварднадзе. Министр дал указание затребовать копии документов из Особого архива и в дальнейшем играл важную стимулирующую роль в продвижении дела.

В течение января 1990 г. в Особом архиве Прокопенко и Зорей было проведено копирование документов ГУПВИ по польским военнопленным. ЦК КПСС и МИД СССР получили по комплекту копий документов. Отправка документов из МИД на рассекречивание в Главархив привела к их изъятию. Отбор и передачу документов В.Ярузельскому пришлось готовить по единственному комплекту, находившемуся в ЦК. Однако это уже не могло изменить того факта, что информационная блокада вокруг проблемы судеб польских военнопленных была прорвана на высоком уровне, на уровне принятия решений. В основе этой подвижки фактически лежало соединение усилий нескольких энтузиастов, и прежде всего двоих ученых — Зори и Парсадановой. В ЦК Г.Л.Смирнову позже подтвердили, что В.Ярузельскому передавалось «в основном то, что нашла Парсаданова»⁹². Надо сказать, Светлов предупреждал ее: можно «не сносить головы», если вдруг «все не так обернется».

Собственно, проработка вопроса о передаче корпуса катынских документов В.Ярузельскому во время его визита в СССР весной 1990 г. и о признании виновности органов НКВД началась на Старой площади после того, как примерно в ноябре—декабре 1989 г. с материалом Зори был ознакомлен М.Горбачев⁹³. А 22 февраля 1990 г. Фалин изложил в письме на его имя итоги поисковых работ в архивохранилищах. Он сообщил, что «рядом советских историков (Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.)... выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939—1940 годы, имеющие отношение к т.н. Катынскому делу», что эти материалы доказательны и на этой базе уже подготовлены соответствующие публикации. Фалин формулировал выводы следующим образом: «Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргу-

мент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, — стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в соответствии с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволят нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты. С учетом предстоящего 50-летия Катыни надо было бы так или иначе определиться в нашей позиции»⁹⁴.

Показательно, как по-разному восприняли и представили процесс обнаружения секретных документов и их характер соприкасавшиеся с делом высокие чиновники из ЦК КПСС. Секретарь ЦК и член Политбюро В.А.Медведев точен: это было сделано «не усилиями Комитета госбезопасности, руководителей Главархива СССР, а скорее вопреки им группой историков при поддержке международного отдела ЦК КПСС». Он называет ГУПВИ, найденные там списки военнопленных, совпадение фамилий в этих списках с фамилиями эксгумированных в 1943 г.⁹⁵ В.Светлов перечисляет в той же последовательности, что и Фалин, троих специалистов, работавших с документами⁹⁶.

Вот как представляет дело А.Яковлев, на стол которого уже несколько месяцев ложились материалы об изысканиях Зори, но не получали хода. Яковлев отреагировал тогда, когда (на рубеже 1989—1990 гг.) к нему пришел С.Б.Станкевич с сообщением о неожиданной находке коллеги по институту Лебедевой — документах конвойных войск. Такая ситуация требовала какого-то действия. Во введении к русскоязычной публикации документального сборника «Катынь: Пленники необъявленной войны» Яковлев рассказывает, что на прямой вопрос Станкевича, как лучше распорядиться документами, он попросил передать их ему. Документы, которые принес А.А.Чубарьян, произвели сильное впечатление, были подлинными и убедительными. Встал вопрос о возможности их опубликования.

Принципиальным оставался вопрос получения разрешения на это. Яковлев решил не докладывать сразу Горбачеву, размножил документы в пяти экземплярах и разослал по пяти адресам, в том числе в международный отдел ЦК, КГБ, МВД. Заметим, что это был типичный прием в высших эшелонах партийного аппарата того времени, если возникало желание все же решить какой-либо вопрос: следовало распространить информацию в узком кругу, не беря на себя ответственность за ее представление и оценку. Постепенно накапливался «критический объем» информированности, игнорировать которую становилось невозможно.

Разослав документы, Яковлев сообщил о находке Болдину, но просьбу выслать их немедленно курьером не выполнил, послал «обычным путем — через канцелярию, рассчитывая на то, что на документах появятся, как и положено, красные печати и номера, что сделало бы их "бюрократически защищенными"». Только после этого он проинформировал Горбачева, который «встретил информацию без эмоций», «без особого интереса»⁹⁷.

А вот что пишет о реакции Горбачева на обнаружение этого корпуса документов его помощник Г.Х.Шахназаров: «Я передал Горбачеву материалы в связи с визитом Ярузельского и он сказал:

— А ведь мы генералу в некотором роде преподнесем подарок. Только что мне дали донесение о найденных документах. Что любопытно — все дело было подчистую уничтожено, никаких следов не оставалось. И вот теперь нашлись списки где-то в архиве караула. История — коварная вещь, ее не обманешь.

Честно говоря, я усомнился, что архиважную бумагу случайно нашли в последнюю минуту. Скорее, не искали или не хотели искать»⁹⁸.

Версия Шахназарова сводилась к утверждению: «Михаил Сергеевич заставил-таки комитетчиков, покопавшись в архивах, извлечь на свет божий истину о случившейся трагедии»⁹⁹.

Разумеется, это было не совсем так. Или, точнее, совсем не так. В.А.Медведев в своих оценках был ближе к истине.

В письме от 22 февраля 1990 г. Фалин предлагал принять следующую модель поведения в отношениях с Ярузельским, сопряженную, по его мнению, «с наименьшими издержками»: сообщить, что прямых свидетельств (приказов и распоряжений), точно определяющих время и виновников трагедии, не найдено, но обнаружены материалы, «которые подвергают сомнению достоверность "доклада Н.Бурденко"». На основании означенных индий можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова». В какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод — «здесь нужен совет Президента РП, имея в виду необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций»¹⁰⁰.

К тому моменту ПОРП уже самораспустилась и перестала существовать имевшая от нее полномочия польская часть двусторонней комиссии по истории отношений между двумя странами.

Как следует из рассказа Фалина, включенного в документальный фильм «Выстрел в Нюрнберге», его линия была линией признания вины без основополагающего документа Политбюро, с указанием только на Берию и его подручных на основании представленных Зорей материалов. Он намеревался «аннулировать» документ высшего уровня принятия решений, не затрагивая «особого досье» с грифом «Вскрытию не подлежит», а просто «обойдя» его.

Ответа от М.С.Горбачева не было. Лишь в начале апреля его намерения определились. Было принято предложение В.М.Фалина положить в основу передаваемых документов списки узников трех лагерей (идея исходила от членов комиссии историков).

В.С.Парсаданова и Ю.Н.Зоря вместе с В.А.Светловым начали готовить материалы для передачи. Окончательного решения все еще не было. Г.Л.Смирнов, по его свидетельству, в эту акцию не посвящался до завершающей стадии. В международном отделе было проведено узкое рабочее совещание. Трое подготовивших материалы о польских военнопленных авторов были сориентированы на их пуб-

ликацию сразу после передачи документов Ярузельскому, в подкрепление, и в различных изданиях. План поломал главный редактор «Московских новостей» Е.В.Яковлев, выведший на эту тему Г.Жаворонкова. Узнав от Станкевича, что его коллега по Институту всеобщей истории Лебедева вышла (по наводке В.Абаринова) на материалы конвойных войск, он при помощи Жаворонкова организовал к середине февраля ее публикацию для еженедельника. Обстоятельная же научная статья В.С.Парсадановой, принятая журналом «Новая и новейшая история» еще в январе, ждала сигнала сверху. Репортажи Жаворонкова уже вызывали неудовольствие Горбачева: он по телефону укорял руководство АПН за «недостаточно аргументированные» катынские сюжеты¹⁰¹. На этот раз публикация едва не сорвала передачу документов и официальное признание вины. По свидетельству Александрова, Горбачев потерял интерес к этому, поскольку был поставлен в ложное положение, будто его вынудили, а ему и деться некуда. Он посчитал, что проще передать дело в руки ученых — «пусть копаются». С трудом удалось отвести его от этой мысли.

Подготовленные для передачи материалы Особого архива с их перечнем были вручены В.М.Фалину, который доложил их руководству КПСС. В Политбюро перечень передаваемых документов был урезан, объем соответственно сокращен.

Наиболее демократичную и последовательную позицию занял тогдашний министр иностранных дел и член Политбюро Э.А.Шеварднадзе. Он не только помог с раскрытием материалов, но и стимулировал издание ожидавшей публикации несколько месяцев статьи В.С.Парсадановой о гибели польских военнопленных в СССР в 1940 г. — первой научной работы по этой проблематике с привлечением широкого круга архивных материалов.

Не случайно именно Парсадановой была поручена подготовка сообщения ТАСС с признанием вины в этом массовом убийстве органов советской госбезопасности. Светлов принес от руководства записанные на клочке бумаги рекомендации в отношении содержания этого документа с формулировками, которые должны были быть в нем употреблены. В ходе совместного обсуждения Парсаданова составила требуемый текст, который затем был отнесен в аппарат Политбюро, откуда вышел в подредактированном и сокращенном виде.

Такой порядок подготовки так называемого «Сообщения ТАСС» свидетельствует о его фактическом высоком политическом ранге, о том, что ему придавалось огромное значение.

Правда, передача документов столь сложного характера до последнего момента вызывала определенные сомнения и колебания, появлялись различные варианты смягчения ее эффекта и последствий.

13 апреля 1990 г., в день встречи Горбачева с Ярузельским, Политбюро рассмотрело вопрос «О консультациях с В.Ярузельским по вопросу Катыни» и утвердило следующий установочный текст:

Сказать В.Ярузельскому следующее:

"В результате длительных поисков обнаружены косвенные, но достаточно убедительные доказательства того, что расправа с польскими офицерами в Катини была осуществлена тогдашними руководителями НКВД.

Найденные материалы обнаружены вне пределов ведомственных архивов. В последних, к сожалению, никаких документов не сохранилось.

Хотел бы посоветоваться с Вами, Войцех Владиславович, как лучше сделать, чтобы внесение окончательной ясности в катынскую трагедию не пошло во вред польским друзьям, а сам факт объявления об этом сейчас не был бы представлен как результат давления.

Возможен, например, обмен письмами между нами, опубликовав которые в советской и польской печати, мы могли бы, как представляется, политически закрыть эту проблему, хотя, разумеется, исследование этого вопроса на базе обнаруженных новых документов продолжается"¹⁰².

В этом документе борются между собой желание окончательно закрыть политически одну из самых трудных проблем советско-польских отношений и стремление одновременно сохранить лицо, смягчить эффект разоблачения виновных и взрыв естественного негодования польского народа. Все это искусственное дипломатничанье, сомнения и опасения были несоизмеримы с эффектом обнаружения и передачи документов, несущих подлинную информацию о погибших, с удовлетворением, испытанным поляками и их Президентом. Любые хитрости и уловки были не к месту.

В.А.Александров пронумеровал документы в двух темно-синих папках, похожих на картонные коробки, по специальному пропуску пронес их в Кремль. Они были положены Вагановым на стол перед Г.Л.Смирновым, «который их передал Горбачеву непосредственно в момент вручения затем Горбачевым Ярузельскому»¹⁰³. Собственно, предполагалось, по рассказу Смирнова, что первый том вручит Горбачев, а второй — Смирнов. Но это создало бы определенную заминку, искусственно осложнило бы ситуацию. Поэтому на деле вышло по-иному.

Задуманный порядок передачи должен был продемонстрировать успешное завершение работы двусторонней комиссии историков. Нельзя не признать, что в итоге преодоления многих трудностей и мучительных усилий именно комиссия проложила дорогу обнародованию правды, в том числе передаче документов и подготовке всех подкрепленных материалами Особого архива публикаций.

В составе официальной польской делегации, принимавшей документы, был и Я.Мачишевский, формально уже переставший быть председателем самораспустившейся польской части комиссии. Теперь можно с полным основанием сказать: хотя все окончательно

решала политическая воля, какая в тот момент оказалась возможной, важнейший вклад в выявление правды внесли поддержанные советскими исследователями польские ученые с их экспертизой сообщения комиссии Бурденко.

На следующий день было опубликовано заявление ТАСС, гласившее, что «выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяние в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма»¹⁰⁴. Это заявление трактовалось как политическое решение советского руководства. Лидер КПСС не принимал на себя и партию ответственности за происшедшее в 1940 г. А Президент СССР?

В Декларации двух Президентов от 13 апреля говорилось лишь о том, что «важно довести до конца работу по восстановлению исторической правды о трудных моментах в русско-польских и советско-польских отношениях, всемерно способствовать развертыванию конструктивного советско-польского диалога на всех уровнях, с широким участием представителей обществственности, науки и культуры»¹⁰⁵.

В то время Горбачев пропагандировал идею создания двустороннего научного института, который продолжил бы изучение истории отношений между СССР и Польшей. Однако в дальнейшем она не получила развития.

В аппарате ЦК КПСС в тот период нарастали критические настроения. Весьма показательны в этой связи и мнения о том, кто был виновником катынской трагедии, имевшиеся по крайней мере у его части. Например, у В.А.Александрова «сложилось убеждение, что решение по поводу расстрела польских военнопленных не могло приниматься на партийном уровне. Во-первых, главным оружием Сталина была не партия, а карательные органы в лице руководства НКВД, во-вторых, партия как идеологический инструмент всегда отодвигалась в сторону с некоторым недоверием Сталина к своим же партийным соратникам. Практически Сталин был не руководителем партии и государства, а единоличным диктатором». Берия же, по мнению Александрова, «наверняка сыграл зловещую роль в катынской истории, скорее всего, в вопросе о судьбе польских военнопленных опирался на благословение и согласие Сталина»¹⁰⁶.

Во время визита В.Ярузельского Александров в рабочем порядке передал гостям данные об общем числе польских военнопленных в СССР, о количестве расстрелянных. Он также сообщил фамилии архивистов и ученых, принимавших участие в установлении истины на основании материалов Особого архива. В перечне ученых, как и в докладной записке Фалина Горбачеву от 22 февраля 1990 г. и в книге-беседе М.Рогуского с В.Светловым по вполне понятным причинам первую строку занял Ю.Зоря. Одержимо добываясь решения проблемы, изучение которой оборвало жизнь его отца, как говорит-

ся, не ради славы, а ради правды, Зоря прорвался сквозь все препоны строго стерегущего свои секреты режима и сумел поставить верхний эшелон власти перед фактом убедительного раскрытия зловещего преступления, полвека тщательно окутанного пеленой государственной тайны. Он так громко и настойчиво бил в набат у дверей партийно-государственных руководителей, что тайна перестала быть собственностью одного ведомства или одной персоны и уже никто не мог «спрятать концы в воду»¹⁰⁷.

Когда В.Парсаданова закончила свою работу, а Ю.Зоря добился доступа к материалам и сумел передать свои разработки нескольким высшим чиновникам, эти разработки, в кратком виде, легли на стол Горбачеву. Используемые дела вернулись от В.Фалина в Особый архив и перешли в ранг более доступных, хотя и с существенными ограничениями. Но в целом конъюнктура стала более благоприятной для исследователей. Именно тогда, по следам Парсадановой и Зори, в архив пришла Лебедева.

Она шла по следам коллег, которые, не без основания видя в ней одного из плодovitых защитников «официальной версии», всячески старались ее переубедить и щедро делились информацией, указаниями на архивы и литературой. В ее скоропалительной публикации не имели большого значения ошибки и неточности, проистекавшие от спешки и непрофессионализма, которые автору пришлось исправлять в следующих статьях. Важна была правда.

Через неделю в «Новом времени» были опубликованы соединенные в один текст из фрагментов написанные ранее и более компетентные статьи В.Парсадановой и Ю.Зори¹⁰⁸. Однако все эти долгожданные публикации, знаменующие реальные демократические сдвиги в стране, все еще с трудом освобождавшейся от тоталитарного наследия, получили несколько искаженный резонанс. Вне подлинной гласности падкие на сенсации журналисты построили свои материалы на первых впечатлениях и особенно на интервью Лебедевой, которая сочла возможным не только умолчать о вкладе коллег, но публично приписать себе открытие материалов о польских военнопленных — те заслуги, которых она не имела. Затем в ущерб другим исследователям она любыми средствами старалась отстоять эту версию. Такие публикации, как интервью в еженедельнике «Солидарность» в 1994 г.¹⁰⁹, продемонстрировавшие ее нездоровые амбиции и фантазии, стремление к самовосхвалению, к тому, чтобы раздуть свое значение в исторической науке и принизить роль коллег, вызывают только печальное недоумение. Среди специалистов и прежних работников партаппарата, занимавшихся этим вопросом, широко известно, что приводимые в ее интервью сведения, мягко говоря, не соответствуют действительности.

В дальнейшем Лебедева действительно нашла в этой проблематике свою нишу, приобщившись к двустороннему изданию «Катынь: Документы преступления». Участие в этом издании других российских специалистов было невозможным ввиду их привлечения как экспертов в Главную военную прокуратуру, что автоматически накладывало обязательство неразглашения тайны следствия и его

материалов. Расширенный доступ к корпусу документов публикации помог Лебедевой издать монографию «Катынь: преступление против человечества», в которой была последовательно воспроизведена история лагерей польских военнопленных и их уничтожения. Ее рецензирование не входит в намерения авторов. Следует только отметить, что книга написана на материалах НКВД, но без знания польских источников и историографии, что было отмечено польскими рецензентами. Вопрос о деятельности комиссии Бурденко не нашел в ней должного решения, а «официальная версия» до конца не преодолена¹¹⁰.

К сожалению, погоня за приоритетами и монополией не обошла и эту, требующую нравственной чистоты проблематику, внесла вредящий интересам дела дух нездорового соперничества и антагонизм, выходящие по своим последствиям далеко за рамки личных амбиций. Поэтому ответственный секретарь советской части комиссии по «белым пятнам» Т.В.Порфирьева сделала в прокуратуре официальное заявление о том, что пальма первенства в открытии новых документов о судьбах польских военнопленных принадлежит не Лебедевой, а Парсадановой. Лебедева шла по ее стопам, но в силу определенного стечения обстоятельств «сумела быстрее опубликоваться, и тем самым сложилось впечатление, что это открытие сделано вне или даже вопреки комиссии»¹¹¹.

Наверное, не сложно понять тех немногих отважных людей и подлинных энтузиастов, которые, делая свое многотрудное дело один на один с тоталитарным режимом, смело противостоя не только глухой враждебности системы, но и подстергавшей их на каждом шагу опасности — ломки избранного пути, лишения свободы и даже жизни, негативно воспринимают стремление других «сорвать по случаю куш» на раскрытии тайны страшного преступления. Вклад этих исследователей действительно огромен, их борьба за защиту доброго имени невинноубиенных, за неотвратимость возмездия виновным достойна всяческого уважения, а окрыляющее ощущение первопроходца на этом полном препятствий пути вполне естественно. Понятна их ревность в отношении каждого вновь открытого факта, каждой детали и каждого нюанса, добытых столь дорогой ценой. Пусть читатель не думает, что сдергивание завесы секретности, государственной тайны было таким легким делом, доступным одному исследователю, как следует из некоторых публикаций.

Иллюзией оказалось представление, будто достаточно одной высокой декларации (что уж говорить о нескольких публикациях в печати), чтобы секретные фонды, да еще такой степени секретности, открыли свои тайны перед исследователями, как свидетельствует в письме в Конституционный суд В.А.Александров¹¹².

Однако торможение перестало быть всеохватывающим.

Весной 1990 г. «Мемориал» отметил 50-летие катынской трагедии и провел в Киноцентре Москвы одновременно с научной конференцией выставку «Катынь 1940—1990». Устроители отправились в Смоленск, откуда прошли вместе со смолянами к захоронению

польских пленных в Катынском лесу с лозунгом: «Поляки, простите нас за Катынь!» К тому времени члены харьковского «Мемориала» обнаружили место захоронения пленных из Старобельского лагеря, а члены тверского — из Осташковского лагеря¹¹³.

Московские мемориальцы А.М.Гришина, А.Э.Гурьянов, Н.В.Петров, А.Б.Рогинский и другие энтузиасты в центре и на местах с открытием архивов подкрепляли свою гражданственную позицию все более обстоятельными поисками и профессиональными научными разработками.

А.С.Прокопенко и Ю.Н.Зоря написали статью «Нюрнбергский бумеранг» и приложили к ней подборку документов о польских пленных из Особого архива. Было профорсировано ее издание в «Военно-историческом журнале»¹¹⁴, главный редактор которого, генерал В.И.Филатов потом старался исправить свой «недосмотр» при помощи популяризации прежней «официальной версии». Он не поддержал предложение опубликовать в этом журнале после конференции в Особом архиве доклад-статью В.С.Парсадановой о катынских материалах. Но инерция сокрытия и фальсификации правды об этом преступлении в условиях роста гласности с неизбежностью стала иссякать. И как ни было трудно распространить гласность на наиболее тайное из тайных преступлений сталинского режима, запрятавшего зверское насилие под многослойным покровом лжи, освященной государственной тайной, история сделала его явным. Когда 10 мая 1990 г., в связи с официальной передачей польской стороне корпуса архивных материалов по Катыни, признанием со стороны Горбачева роли НКВД в убийстве польских военнопленных, а также уходом с поста сопредседателя Мачишевского и ликвидацией польской части комиссии, Г.Л.Смирнов попросил освободить его от обязанностей руководителя ее советской части, итог работы был очевиден. Он мог с чистой совестью констатировать, что наряду с разрешением других трудных проблем русско-польских и советско-польских отношений и восстановлением исторической правды советские члены комиссии приложили немало усилий для поиска документальных свидетельств об обстоятельствах гибели польских военнопленных и ее виновниках.

Смирнов справедливо полагал, что полученные результаты сохраняют открытыми перспективы дальнейшего развития отношений и последующую тщательную работу должны вести сами ученые, в частности по линии межакадемического сотрудничества. Он предлагал создать рабочую группу по выяснению обстоятельств гибели узников Старобельского и Осташковского лагерей.

Летом 1990 г. продумывались соответствующие предложения, готовились поручения Главархиву и Президиуму АН СССР обеспечить поиск и извлечение необходимых материалов.

Остановить начавшееся в условиях обновления расширения информационного потока было уже невозможно. На страницах печати читатель находил все новые публикации, новые подробности о судьбах польских военнопленных. В «Московских новостях» Г.Жаворонков продолжал серию статей на материалах допроса свиде-

лей и участников преступления, сообщал об обнаружении мест захоронения у села Медное и в квартале № 6 лесопарковой зоны Харькова¹¹⁵. «Литературная газета» печатала материалы В.Абарина, которые постепенно выстраивались в книгу-расследование «Катынский лабиринт». Вскоре после заключения договора с Агентством печати «Новости», в январе 1991 г., она вышла из печати большим тиражом и объемом более 21 печатного листа. Успех ей был гарантирован: захватывающая тема была подана в великолепном стиле¹¹⁶.

Впервые на русский язык была переведена монография «Катынская драма» польского профессора Ч.Мадайчика, которая вошла в коллективный труд под тем же названием. В него включены были статьи ученых (Парсадановой, Лебедевой и Зори) и нескольких журналистов, а также основополагающие на тот момент документы: польская экспертиза материалов комиссии Бурденко, 17 документов, переданных Горбачевым Ярузельскому вместе со списками узников трех лагерей и 4 новых документа того же происхождения. Составителем и ответственным редактором выступил В.А.Светлов, тогда еще скрывавшийся под псевдонимом «О.В.Яснов». Сборник был сдан в печать в марте, а вышел из печати уже в апреле¹¹⁷. С публикацией текста польской экспертизы его обогнал, сделав перевод по польскому еженедельнику «Политика», ученый и публицист А.Е.Липский¹¹⁸. В том же сборнике «Историки отвечают на вопросы» В.И.Дашичев¹¹⁹, а в книге «Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941» М.И.Семиряга¹²⁰ выступили с разоблачением сталинских деформаций в советской внешней политике, в том числе катынского преступления.

В советском руководстве наконец возобладаало подкрепленное обращениями польской стороны и Г.Л.Смирнова, а также давлением общественности мнение, гласящее, что решающее и окончательное слово в этом деле должно принадлежать праву. Пора было окончательно снять с прошлого завесу лжи и строить советско-польские отношения на правде и доверии.

Примечания

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989; Бутенко А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; Тоталитаризм как исторический феномен: Тоталитаризм и анти тоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20—80-е годы XX века). Харьков, Т. 1. 1994; Т. 2. 1995 и др.

² Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 6. М., 1989. С. 24.

³ Яковлев А. К социальной демократии. М., 1996. С. 17.

⁴ Болдин В.И. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М.С.Горбачева (далее — Крушение пьедестала). М., 1995. С. 184—185.

⁵ Шахназаров Г. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 116—117.

- 6 Maciszewski J. Wydrzeć prawdę. W-wa, 1993. S. 8, 10.
- 7 Ibid. S. 9, 10.
- 8 Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 94—95, 111.
- 9 Шахназаров Г. Указ. соч. С. 117.
- 10 Яковлев А. Указ. соч. С. 15.
- 11 Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. М., 1987. С. 9—10.
- 12 Там же. С. 24.
- 13 Сокращенный перевод см.: Ярузельский В. Вырвать истину: Из предисловия к книге Я.Мачишевского // Новая Польша. 2000. № 3. С. 11—13.
- 14 Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 196, 220—229.
- 15 Maciszewski J. S. 17.
- 16 Katyń. Dokumenty ludobójstwa: Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r. W-wa, 1992. (dalej Katyń) S. 102, 103. Чтобы контролировать и корректировать работу комиссии, с первого заседания за ней, по свидетельству Г.Л.Смирнова, велось «скрытое наблюдение»: «Информируя ежедневно отдел соцстран ЦК о работе комиссии, я обнаружил, что там уже все знают и на столах в отделе уже лежат документы комиссии. Мы работали в тесном контакте с отделом, и его работники могли располагать любой информацией и в любое время. Но путем тайного доноса? Я спросил Медведева, бывшего моего коллегу по отделу пропаганды и возглавлявшего этот отдел, зачем им нужна эта самостоятельность. В ответ я услышал: "А ты хотел, чтобы отдел узнавал позже других?"» (Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. С. 205.)
- 17 Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 173.
- 18 Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., Воениздат, 1988. С. 61, 275, 289.
- 19 Там же. С. 61.
- 20 Там же. С. 272—275.
- 21 Медведев В.А. Указ. соч. С. 99—101.
- 22 Смирнов Г.Л. Возвращение к урокам // Новое время. 1987. № 35. С. 18—22.
- 23 Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 23, 26.
- 24 Болдин В.И. Крушение пьедестала. С. 261.
- 25 Он же. Над пропастью во лжи: Политический театр Горбачева. Воспоминания Валерия Болдина, бывшего помощника Генерального секретаря ЦК КПСС // Совершенно секретно. 1999. № 3. С. 8—9.
- 26 Медведев В.А. Указ. соч. С. 101.
- 27 Фалин В. Почему в 1939-м? Размышления о начале Второй мировой войны // Новое время. 1987. № 38—41; Maciszewski J. Op. cit. S. 76.
- 28 Канун и начало Второй мировой войны. Тезисы, подготовленные Комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами // Правда. 25 мая 1989; 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 461—468.
- 29 Медведев В.А. Указ. соч. С. 102—104.
- 30 Там же. С. 104—105.
- 31 Черняев А.С. Указ. соч. С. 224.
- 32 Там же. С. 224—225.
- 33 Там же. С. 227.

- 34 Капто А. На перекрестках жизни: Политические мемуары. М., 1996. С. 291—292, 295.
- 35 Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 225.
- 36 Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма: Встреча М.С.Горбачева с представителями польской интеллигенции. М., 1988. С. 74—75.
- 37 Черняев А.С. Указ. соч. С. 227.
- 38 Яковлев А.Н. К читателю // Катынь: Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 5.
- 39 Болдин В.И. Крушение пьедестала. С. 261—262.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 261.
- 42 Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 155—156.
- 43 Безыменский Л. Указ. соч. С. 18—20.
- 44 Капто А. Указ. соч. С. 292—293.
- 45 Медведев В.А. Указ. соч. С. 107.
- 46 Безыменский Л. Указ. соч. С. 20—21.
- 47 Там же. С. 22.
- 48 Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» // Правда, 26 декабря 1989.
- 49 Капто А. Указ. соч. С. 301—302.
- 50 Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 339; Безыменский Л. Указ. соч. С. 23, 26.
- 51 Центр хранения современной документации (далее — ЦХСД). Ф. 89. Оп. 9. Д. 33. Л. 6—10.
- 52 Там же. Л. 1—5.
- 53 Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 405.
- 54 Maciszewski J. Op. cit. S. 61.
- 55 Ibid. S. 92.
- 56 Александров В.А. К рассмотрению в Конституционном суде документов об убийстве польских офицеров весной 1940 г. Письмо в Конституционный суд от 19 октября 1992 г. С. 3. Копия в архиве И.Яжборовской.
- 57 Mirosław Roguski w rozmowie z Witalijem Światłowem. Tajemna współpraca: jak upadała PRL. W-wa, 1993. S. 80.
- 58 Медведев В.А. Указ. соч. С. 112.
- 59 Mirosław Roguski w rozmowie z Witalijem Światłowem. S. 81.
- 60 Kатыń. S. 82—85.
- 61 Медведев В.А. Указ. соч. С. 114—115.
- 62 Maciszewski J. Op. cit. S. 99.
- 63 См.: Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М., 1992.
- 64 Maciszewski J. Op. cit. S. 104.
- 65 Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. С. 75.
- 66 Kатыń. S. 110—111.
- 67 Ibid. S. 104—107.
- 68 Ibid. S. 98—99.
- 69 Ibid. S. 112—115.
- 70 Смирнов Г.Л. Указ. соч. С. 225—226.
- 71 Черняев А.С. Указ. соч. С. 173.

- 72 Медведев В.А. Указ. соч. С. 111 и др.
- 73 Rosja a Katyń. Biuletyn HAI. Wydanie specjalne. W-wa, 1994. S. 76.
- 74 Mirosław Roguski w rozmowie z Witalijem Światłowem. S. 8.
- 75 Подробно см.: Секреты пакета № 1: Интервью директора Архива Президента РФ А.В.Короткова // Новое время. 1994. № 39. С. 38; а также раздел «Документы партии» в кн.: Болдин В.И. Крушение пьедестала.
- 76 Болдин В.И. Крушение пьедестала. С. 257; Он же. Над пропастью во лжи: Политический театр Горбачева. С. 9.
- 77 Он же. Крушение пьедестала. С. 257—258.
- 78 Там же. С. 258; Rosja a Katyń. S. 88.
- 79 Болдин В.И. Крушение пьедестала. С. 258.
- 80 История Советской конституции: Сб. документов. 1917—1957. М., 1957. С. 79.
- 81 См.: Микоян С. Покаяние и искупление // Советская культура. 13 августа 1988.
- 82 Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 11, 360, 450.
- 83 Бутенко А.П. Указ. соч. С. 177—192.
- 84 Медведев В.А. Указ. соч. С. 58.
- 85 Александров В.А. Указ. соч. С. 4.
- 86 Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров. М., 1989. С. 108, 344.
- 87 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. I. М., 1995. С. 327, 328.
- 88 Главная военная прокуратура (далее — ГВП). Уголовное дело № 159. Т. 110. Л. 222—223, 234—235.
- 89 Mirosław Roguski w rozmowie z Witalijem Światłowem. S. 80.
- 90 Александров В.А. Указ. соч. С. 5—6.
- 91 Там же. С. 6.
- 92 Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. С. 227—228.
- 93 ГВП. Т. 110. Л. 225.
- 94 Katyń. S. 118—119, 122—123.
- 95 Медведев В.А. Указ. соч. С. 116.
- 96 Mirosław Roguski w rozmowie z Witalijem Światłowem. S. 82.
- 97 Яковлев А.Н. К читателю. С. 6.
- 98 Шахназаров Г. Указ. соч. С. 118—119.
- 99 Там же. С. 117—118.
- 100 Katyń. S. 122—125.
- 101 Дементьева И. На тайне Катыни поставлен крест. Но не на нашей вине перед поляками // Общая газета. 3—9 августа 2000. С. 15.
- 102 ЦХСД. Ф. 89. Оп. 9. Д. 115. Л. 1—2.
- 103 ГВП. Т. 110. Л. 228.
- 104 Правда. 14 апреля 1990.
- 105 Там же. 15 апреля 1990.
- 106 ГВП. Т. 110. Л. 232—233.
- 107 Там же. Л. 223.
- 108 Парсаданова В., Зоря Ю. Катынь // Новое время. 1990. № 16; Парсаданова В. К истории Катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3.
- 109 Zdzieranie zasłony. Z Natalią, Lebieciem, historykiem moskiewskim, rozmawia Antoni Zambrowski // Tygodnik Solidarność. № 17. 22 kwietnia 1994. S. 10.
- 110 Лебедева Н. Катынь: преступление против человечества. М., 1994.
- 111 ГВП. Т. 115.

- ¹¹² Александров В.А. Указ. соч. С. 7.
- ¹¹³ Гришина А. «Мемориал» не дает забыть о поляках // Новая Польша. 2000. № 9. С. 63—69; Глушков С. Тайны захоронения под Медным // Там же. С. 70—72.
- ¹¹⁴ Прокопенко А., Зоря Ю. Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.
- ¹¹⁵ Жаворонков Г. Тайны Катынского леса: о расстреле польских офицеров и тысяч советских граждан // Московские новости. 1989. № 12; Он же. О чем молчит Катынский лес? // Там же. 1990. № 3; Он же. Тайна черной дороги // Там же. № 24 и др.
- ¹¹⁶ Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1991.
- ¹¹⁷ Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: судьбы интернированных польских военнослужащих. М., 1991.
- ¹¹⁸ Липский А.Е. Эхо трагедии в Катыни // Историки отвечают на вопросы. М., 1990.
- ¹¹⁹ Дашичев В.И. Пакт Гитлера—Сталина: мифы и реальность // Там же.
- ¹²⁰ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992.

Глава 5

ПЕРЕДАЧА ЗАСЕКРЕЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОМПЕТЕНЦИЮ ПРАВА

Возбуждение уголовного дела по факту расстрела польских пленных

Первый заместитель Генерального прокурора Польши А.Херцог еще в октябре 1989 г. обратился к Генеральному прокурору СССР А.Я.Сухареву с письмом, в котором, в числе прочих вопросов, просил его возбудить уголовное дело «об убийстве польских офицеров в Катыни и других пока не установленных местах». В ответном письме от 11 января 1990 г. Сухарев сообщал Херцогу, что «Прокуратура Союза ССР не располагает какими-либо доказательствами, опровергающими выводы Специальной комиссии под руководством академика Н.Н.Бурденко»¹, и таким образом подтвердил официальную советскую позицию: польских офицеров в Катыни расстреляли немецко-фашистские захватчики. Херцог не согласился с этим доводом и впоследствии продолжал настаивать на своем. При этом он ссылаясь на то, что в апреле 1990 г. на переговорах в Москве между Президентами СССР и Польши было объявлено об обнаружении документов, «которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берии и его подручных», а также приводил многочисленные публикации в советской печати, подтверждающие роль НКВД в расстрелах поляков.

22 марта 1990 г. прокуратурой Харьковской области по собственной инициативе было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения на территории лесопарковой зоны отдыха Управления КГБ по Харьковской области массовых захоронений советских граждан. В ходе расследования дела были выявлены свидетели, находившие в могилах отдельные предметы польской военной атрибутики, что приводило к мысли о захоронении там же польских военнопленных. После сообщений в печати о признании Президентом СССР вины в гибели польских офицеров Берии и его подручных из НКВД этой же прокуратурой в рамках того же уголовного дела 20 августа 1990 г. было возбуждено уголовное дело в отношении Берии, Меркулова, Сопруненко, Бережкова и других сотрудников НКВД.

6 июня 1990 г. прокуратура Калининской (ныне Тверской) области также по собственной инициативе возбудила уголовное дело о судьбе польских военнопленных, содержавшихся с октября—но-

ября 1939 г. в Осташковском лагере НКВД СССР и бесследно исчезнувших в мае 1940 г. Эти факты невозможно было игнорировать, и Генеральная прокуратура СССР была вынуждена вернуться к этому вопросу. В этой ситуации А.Я.Сухарев поручил провести проверку Главному военному прокурору А.Ф.Катусеву совместно с КГБ и Министерством обороны. По поручению Катусева этот вопрос изучал начальник Управления Главной военной прокуратуры (ГВП) генерал-майор юстиции А.Е.Борискин. Уже 19 сентября 1990 г. он докладывал Катусеву о проведении следствия территориальными прокуратурами областей и, используя этот формальный повод, предложил отказаться от задания по проверке собранных материалов. Борискин также сослался на поступившие ответы из КГБ и Министерства обороны, из которых следовало, что у них не сохранилось документов об этих событиях. В действительности попытка Борискина уклониться от расследования была безосновательной, поскольку Берия, Сопруненко и другие названные к этому времени сотрудники НКВД, причастные к расстрелам поляков, имели воинские звания и поэтому все дело по закону переходило в подследственность ГВП. Виза Катусева от 26 сентября 1990 г. гласила: «Истребуйте дела и поручите расследование». На следующий день Борискин поручил начальнику отдела Управления ГВП полковнику юстиции Н.Л.Анисимову создать следственную группу под руководством подполковника юстиции А.В.Третьяцкого и включить в нее подполковника юстиции А.Ю.Яблокова и майора юстиции С.В.Шаламаева, истребовать все дела, проработать все публикации, составить план и приступить к расследованию дела, которое получило порядковый номер 159.

В принципе, Генеральная прокуратура СССР могла поручить расследование этого дела любой прокуратуре, как военной, так и территориальной. Передача дела в ГВП, видимо, вызывалась не только требованиями закона о подследственности, но и стремлением поручить расследование наиболее послушному, дисциплинированному, закрытому и умеющему хранить тайны структурному подразделению Прокуратуры СССР, со стабильным кадровым составом прокуроров и следователей.

По указанию руководства Генеральной прокуратуры СССР оба эти дела были переданы в Главную военную прокуратуру, и 27 сентября 1990 г. соединенное уголовное дело было принято к производству группой военных прокуроров для его дальнейшего расследования.

В соответствии с распоряжением Президента СССР от 3 ноября 1990 г. по итогам визита в СССР министра иностранных дел Польши К.Скубишевского, Генеральной прокуратуре СССР было предложено с учетом складывавшихся в тот момент советско-польских отношений «ускорить следствие по делу о судьбе польских офицеров, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях». Генеральная прокуратура должна была «совместно с Комитетом государственной безопасности СССР и Министерством

внутренних дел СССР обеспечить поиск и изучение архивных материалов, связанных с репрессиями в отношении польского населения, оказавшегося на территории СССР в 1939 году, и представить соответствующее заключение»².

Оглядываясь назад, следует отметить, что, если бы не было положительного решения властей о расследовании дела, их требования оказывать помощь следствию, успешная работа была бы попросту невозможна. Однако поддержка властей ощущалась только на первоначальном этапе расследования, когда шло процессуальное оформление общеизвестных фактов, а затем, когда выяснилось, что следователи копнули глубже, поддержка сменилась настороженным выжидательным безразличием. Когда же следственная группа на основании собранных доказательств пришла к выводу о том, что польские граждане были уничтожены по решению Политбюро ЦК ВКП(б), какого-либо явного отрицательного давления со стороны властей она не ощутила, но у них наступил полный паралич воли к действию. В этих условиях только целеустремленность и профессионализм молодых прокуроров, их привычка не останавливаться на полпути, доводить начатое дело до конца, а также высокие нравственные установки позволили провести расследование надлежащим образом.

Распоряжение Горбачева о необходимости оказания помощи имело в значительной мере декларативный характер, поскольку оно не предусматривало выделения специальных финансовых средств для этого весьма трудоемкого, требующего огромных материальных затрат расследования. В результате на него было затрачено не больше средств, чем на рядовое уголовное дело.

Следователям постоянно приходилось всячески изворачиваться, изыскивать и использовать любую возможность, проявлять недюжинную находчивость, чтобы обеспечить выполнение дорогостоящих следственных действий. Не исключено, что одна из причин поручения дела ГВП кроется в том, что эта прокуратура обслуживает армейские подразделения с большой массой дармовой рабочей силы, за которую не принято платить.

Специалисты-военнослужащие привлекались для проведения многочисленных экспертиз, для перевода польских материалов на русский язык, для выполнения многих других технических заданий. Такие масштабные следственные действия, как проведенные в Харькове, Медном, Катыни и Томске эксгумации, стали возможными благодаря самоотверженному солдатскому труду, помноженному на бесценную помощь, знания и опыт лучших специалистов Польши с мировым именем в областях судебной медицины, фалеристики, палеонтологии, истории, юриспруденции и других и применение ими высококачественной экспертной техники и материалов. Длительная работа как польских специалистов, так и российских военнослужащих не была должным образом оплачена. Комплексная экспертиза, проведенная по делу авторитетными российскими учеными, на которую ими было затрачено более 2-х лет, также проводилась на общественных началах, без оплаты.

В состав следственной группы вошли военные прокуроры Главной военной прокуратуры: А.В.Третьцкий, С.С.Радевич, А.Ю.Яблов, С.В.Шаламаев и В.М.Граненов. Прокурорский надзор за расследованием дела осуществлял Н.Л.Анисимов, который на первоначальном этапе следствия был не только непременным участником практически всех следственных действий, но и направлял всю работу следственной группы. С последующей потерей интереса к катынской проблеме у влиятельных политиков страны он отошел от этого дела и фактически стал препятствовать его тщательному расследованию.

В связи с высоким поручением дело постоянно находилось на контроле Главного военного прокурора, был ли это генерал-полковник юстиции А.Ф.Катусев или сменивший его на этом посту генерал-полковник В.Н.Паничев, первый заместитель Главного военного прокурора генерал-лейтенант юстиции Л.М.Заика или сменивший его генерал-лейтенант юстиции Г.Н.Носов. Непосредственный контроль за расследованием осуществлял заместитель Главного военного прокурора генерал-майор юстиции В.С.Фролов, а затем генерал-майор юстиции В.А.Смирнов. Отношение руководства ГВП к делу менялось в соответствии с изменением интереса к нему политического руководства. Вначале была дана установка не обращать внимания на привходящие факторы, различные заявления и публикации, расследование проводить тщательно и объективно, найти места захоронений расстрелянных поляков, провести эксгумации для подтверждения факта захоронения, все это оформить процессуально с соблюдением юридической процедуры. В духе объявленного ранее политическим руководством страны предварительного заключения предполагалось, как в принятой процедуре реабилитации, принять отвечающее праву решение о виновности руководства НКВД в расстрелах, а затем прекратить дело за смертью виновных.

О расследовании Катынского дела знали практически все сотрудники ГВП. Отношение к нему было неоднозначным. Многие считали его чисто политическим и к расследованию отнеслись отрицательно. Были и такие, которые считали, что движение к демократии иссякнет, сменится на обратный курс и тогда участники следственной группы сами могут быть подвергнуты репрессиям. В связи с этим некоторые прокуроры, которым первоначально было предложено работать в группе, от этого предложения отказались.

Следственная группа была сформирована из прокуроров, которые до службы в ГВП длительное время работали следователями и имели большой практический опыт расследования всех категорий уголовных дел. В то же время они не менее года отработали в ГВП в отделе по реабилитации жертв сталинских репрессий и на огромном количестве пересмотренных уголовных дел непосредственно убедились в преступности и исключительной жестокости сталинского режима. Поэтому с моральной точки зрения все члены группы считали своим почетным долгом добросовестно расследовать одно из наиболее тяжких преступлений сталинщины.

Члены следственной группы в то время мало интересовались политической подоплекой дела. Хотя это дело было необычным, уникальным, их стремление было единым — максимально добросовестно и профессионально расследовать его с применением методики, характерной для расследования убийств, и выяснением всех соответствующих вопросов предмета доказывания.

Уголовное дело принял к своему производству и был руководителем следственной группы А.В.Третьцкий (на тот момент подполковник, впоследствии генерал-майор юстиции). Его энергичность, большой организаторский талант и целеустремленность, в сочетании с высокой юридической квалификацией, огромным трудолюбием и человеческим обаянием обеспечили как успешное выполнение наиболее важных следственных действий (таких как эксгумации в Харькове и Медном), так и слаженную и эффективную работу следственной группы в целом.

В августе 1992 г., в разгар следствия, Третьцкий перешел на работу в аппарат вице-президента РФ А.В.Руцкого, и дело было передано А.Ю.Яблокову, который вел его уже практически один до середины июля 1994 г. Затем, после вывода Яблокова на пенсию, оно было передано в производство С.В.Шаламаеву, одному из самых молодых и перспективных, ценимых руководством офицеров ГВП.

Огромный вклад в расследование внес полковник юстиции С.С.Радевич, даже когда основными для него стали другие занятия. Благодаря прекрасной ориентировке в польской тематике и таланту исследователя, зрелости и жизненной мудрости в сочетании с острым чувством справедливости, исключительным трудолюбием, то есть синтезу наилучших человеческих качеств, он стал самым непримиримым и последовательным борцом за раскрытие катынского преступления, которое считал наиболее бесчеловечным проявлением тоталитаризма. Его убежденность, неконъюнктурность его позиции, умение быть самим собой как с подчиненными, так и с самыми высокими начальниками, бескомпромиссность в отстаивании своего мнения вызывали искреннее уважение всех, с кем он общался. Внешне неторопливый и добродушный, честный и отзывчивый, он был готов прийти на помощь любому, кто в ней нуждался. Все эти качества сделали его моральным лидером всей следственной группы. Радевича не надо было уговаривать включаться в нередко тягостные, нелегкие следственные действия по делу или переводить польские материалы. Он взял на себя тяжелейший труд достучаться в двери кабинетов руководителей государственной администрации и убеждать их в необходимости выдать следствию документы самого высокого уровня принятия решений — Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД. Благодаря ему голос прокуратуры был слышен в верхах и звучал настойчиво, что было значительным успехом.

В декабре 1992 г. Радевич по достижении пенсионного возраста уволился с военной службы и перешел в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Свой шаг он объяснил коллегам тем, что возможности Главной военной прокуратуры в расследовании Ка-

тынского дела исчерпаны, ее уровень недостаточен для успешного его завершения. Без оказания внешней, обязательной для руководства ГВП политической помощи дальнейшее поступательное движение дела было затруднительным. Он надеялся такую посильную помощь оказывать, находясь на новом месте.

Однако уже через полгода после перехода в Генеральную прокуратуру в возрасте всего лишь 50-ти лет С.С.Радевич скончался от сердечного приступа. Перенапряжение сил, неизбежные стрессы и связанные с этим моральные потрясения подорвали его здоровье.

Нельзя не отметить самое активное участие в выполнении следственных действий военного прокурора В.Н.Граненова, который дополнял следственный коллектив единомышленников, отвечая за применение компьютерной и криминалистической техники, что позволило переработать значительный по объему следственный материал.

18—20 декабря 1990 г. участники следственной группы познакомились со своими польскими коллегами — заместителем Генерального прокурора Польши С.Снежко, прокурором департамента Министрства юстиции Х.Ставрилло и начальником отдела Главной военной прокуратуры Польши С.Приемским — и совместно работали в Главной военной прокуратуре. В дальнейшем регулярные встречи проводились каждые 3—4 месяца как в ГВП, так и в правоохранительных органах Польши. Оглядываясь назад и подытоживая проделанную совместно работу, можно смело утверждать, что без активного участия Снежко и его коллег просто невозможно было бы достичь таких положительных результатов в расследовании дела. В значительной степени это было обусловлено ролью и усилиями С.Снежко — не только высокопрофессионального юриста, но и умного, опытного, контактного человека, в котором органично сочетаются, с одной стороны, твердость и настойчивость, а с другой — необходимая гибкость. Он не только отлично владеет русским языком, что позволило ему принимать самое активное участие в наиболее ответственных следственных действиях — таких как эксгумации в Харькове, Медном, Катынском лесу, в допросах свидетелей Сопруненко, Сыромятникова и других, в обсуждениях на совместных рабочих встречах хода работ и перспектив дальнейшего расследования дела, но и удивительно хорошо знает советско-российскую действительность, особенности русского характера и стиля работы российских чиновников. Эти качества помогали оперативно решать появлявшиеся проблемы, преодолевать возникавшие периодически трудности. Кроме того, статус Снежко позволял ему сразу после встреч со следователями российской стороны непосредственно обращаться в Генеральную прокуратуру РФ и Правительство РФ и устранять возникавшие затруднения.

Важнейшую роль сыграло великолепное знание Снежко предмета доказывания по уголовному делу, что было особенно ценно на первоначальном этапе следствия. В простой, неформальной обстановке он ознакомил следователей с основными проблемами дела,

передал для приобщения к его материалам практически недоступные тогда в СССР книги польских авторов — «Смерть в лесу» Я.Заводного, «Катынь» Ю.Мацкевича, опубликованные свидетельства бывших военнопленных — «В тени Катыни» С.Свяневича, «На бесчеловечной земле» Ю.Чапского, а также исследования польских ученых — «Катынская драма» Ч.Мадайчика, «Убийство в Катыни» Е.Тухольского и другие издания из этого ряда публикаций. Они позволили развернуть и проводить расследование с более глубоким пониманием существа дела.

Кроме работников ГВП, в состав следственной группы во исполнение распоряжения Президента СССР были включены представители территориальных органов прокуратуры и ведомства безопасности. От управлений Комитета государственной безопасности (УКГБ) по Смоленской, Харьковской и Тверской областям были включены В.Я.Тюкавин, А.Б.Туркевич, Н.Н.Мурзин, В.Я.Ершик и другие. Они оказали определенное содействие при проведении эксгумаций на территории этих областей и по поручениям ГВП выполняли отдельные следственные действия.

К следственной группе были прикомандированы «в помощь» представители центрального аппарата КГБ СССР — полковники Ю.И.Скобелев, Л.А.Капитанов и другие, которые в отличие от следователей УКГБ областного звена не столько помогали ходу следствия, сколько держали его под контролем. Было очевидно, что органы госбезопасности не оставят без внимания это дело, так как они явно, несмотря на распоряжение Президента СССР, не были заинтересованы в установлении истины, поскольку расследование касалось темного прошлого организации, в которой, как и прежде, культивируется гордость чекистскими традициями и где сильна преемственность поколений, основанная на кастовости и элитарности положения в обществе.

В то же время эта организация была вынуждена выполнять волю политического руководства страны, которая обязывала их оказывать содействие в расследовании. Вот мнение по этому вопросу старшего военного прокурора А.Ю.Яблокова: «Оценивая в целом всю проведенную совместно с органами безопасности работу, следует признать, что она протекала в диапазоне от добросовестного выполнения наших поручений до прямого противостояния и неприятия проводимого расследования».

Эта ситуация как в зеркале отразилась в событиях августа 1991 г., имевших место при проведении эксгумации на территории Тверской области. Индифферентное отношение к следственному действию, проводимому военными прокурорами на территории дачных участков УКГБ по Тверской области, начальник этого управления генерал-майор госбезопасности В.Лаконцев сменил на открытую неприязнь и требование остановить работы, когда 19 августа пришло известие о попытке ГКЧП совершить государственный переворот. По требованию Лаконцева члены следственной группы были доставлены в УКГБ, где он потребовал прекратить раскопки и освободить подведомственную ему территорию. В его голосе зазвуч-

чала угроза, когда он заявил, что не может обеспечить безопасность военных прокуроров, представителей польских правоохранительных органов и экспертов. Однако они не подчинились. Уже через несколько дней, когда стало ясно, что путч провалился, тот же Лаконцев явился собственной персоной на место раскопок и долго разглагольствовал о важности проводимой работы. Несмотря на то что об этом казусе широко сообщалось в центральных средствах массовой информации, Лаконцев не только сохранил свои позиции, но и был впоследствии повышен по службе.

Во всяком случае, для «совместной работы» с центральными органами госбезопасности на всем протяжении следствия были характерны два момента.

Во-первых, отсутствие с их стороны всякой инициативы в предоставлении нужных следствию документов, сведений о свидетелях. Следователям приходилось сначала доказать существование тех или иных документов и только после этого их запрашивать.

Во-вторых, постоянное стремление контролировать расследование, чтобы оно не выходило за узко трактуемые рамки, обозначенные поручением политического руководства страны. Даже после обнаружения и отбора документов в архивах органов безопасности для их получения требовались развернутые письменные справки с анализом собранных доказательств и обоснованием необходимости их передачи в руки следствия, вдобавок за подписями руководителей ГВП или даже Генпрокуратуры.

Именно поэтому многие запросы документов в КГБ СССР, а затем в Федеральной службе контрразведки (ФСК) РФ, невзирая на отрицательные ответы, неоднократно дублировались, дополнялись вновь собранными доказательствами.

Перестал существовать Советский Союз, сменилось политическое руководство, М.С.Горбачева заменил Б.Н.Ельцин, трансформировались ориентиры и настроения в обществе. Почти что ежегодно менялись Генпрокуроры страны, руководители ГВП и органов безопасности. Дело дошло до того, что едва не была ликвидирована сама Главная военная прокуратура, но все ограничилось ее временным переименованием. Расследование дела № 159 по факту расстрела польских военнопленных шло своим ходом. Настойчивость следователей в истребовании документов и сборе вещественных доказательств поддерживалась уверенностью в правоте своих действий, основанной на знании законов, уже добытых сведениях и их логическом анализе.

Длительная предварительная переписка с органами госбезопасности с целью выяснения мест захоронения поляков долго ничего не давала. Ответы были стандартными: сведений об этом не сохранилось. Когда на основании локальных данных было решено начать эксгумацию в Харькове, военные прокуроры сначала откопали захоронения советских граждан, а уже потом, по ненавязчивым и как бы случайным подсказкам местных сотрудников госбезопасности «наткнулись» на захоронения польских офицеров. При проведении второй эксгумации, в Медном, сотрудники госбез-

опасности Тверской области сразу показали места, где следовало копать и где действительно были обнаружены массовые захоронения поляков.

Разумеется, дело было в сугубой засекреченности этих территорий. Элементарная логика подсказывала, что за давностью и ненужностью могли быть уничтожены уголовные и личные дела на военнопленных, постановления особых совещаний, картотека военнопленных и завербованной агентуры, но только не списки-реестры мест массовых захоронений, и особенно захоронений иностранцев, любые сведения о которых учитывались особо. Ведь эти захоронения остались недвижимыми. Поскольку спрятать их было невозможно и нельзя было исключить, что они могут быть случайно (как в Харькове) обнаружены, их следовало как-то учитывать, отличать от других и охранять. Поэтому, как правило, они находятся на спецтерриториях органов безопасности и их локализация в самом ведомстве хорошо известна. Другое дело, что она глубоко засекречена, поскольку ее обнаружение может повлечь за собой раскрытие других расположенных на тех же территориях захоронений жертв массовых репрессий, крайне нежелательное для карательных органов. Тем не менее факт расстрела польских военнопленных был установлен и локализация захоронений на местности обнаружена.

То же самое можно сказать и о многочисленных просьбах представить в распоряжение следствия документальное воплощение главного политического решения, на основании которого были расстреляны польские военнопленные. Несмотря на неоднократные отказы, отрицание самого факта его существования, когда прокурами было бесспорно доказано, что такое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) имело место в действительности и что для объективного вывода следствие могло бы обойтись и без самого документа, постановление было выслано из Архива Президента Российской Федерации в ГВП.

Сходная ситуация сложилась и с поиском документов о расстрелянных польских гражданах в Украине. Из Министерства безопасности (МБ) России на запросы следствия отвечали, что такие документы не сохранились. А впоследствии выяснилось, что по политическим мотивам МБ РФ провело розыск двух человек из этого списка — отцов министра внутренних дел Республики Польша А.Мильтановского и Маршала Сейма А.Стедьмаховского — и установило, что в Украине сохранились списки расстрелянных там польских граждан. Однако, даже зная, что эти списки ищут следователи ГВП, их в известность никто не поставил. Об этих фактах стало известно из случайного источника, после чего по новым конкретным запросам прокуратуры эти списки были представлены. Аналогично складывалась работа с поиском свидетелей из центрального аппарата НКВД СССР, причастных к работе особого совещания, свидетелей уничтожения документов о расстреле поляков и в других случаях.

Опираясь на полученные полномочия, военные прокуроры добились доступа в ранее закрытые для исследования катынской темы архивные хранилища страны. Это были несвойственные для ГВП по своему характеру и масштабам изыскания. На протяжении всего периода расследования факты и обстоятельства дела собирались по крупицам всем составом следственной группы в Центральном государственном архиве, Особом архиве, Архиве Советской Армии, Подольском военном архиве, Ленинградском военно-медицинском архиве, Архиве КГБ СССР/ФСБ РФ, Архиве Правительства РФ, Архиве Президента РФ, многих областных архивах РФ. Неоднократно делались запросы в архивы Украины и Белоруссии. По этим следам затем пошли издатели двусторонней публикации «Катынь: Документы преступления», получили доступ к материалам названных архивов.

Участие ученых на этом этапе следствия было невелико. После первых публикаций Н.С.Лебедевой прокуроры пытались привлечь ее к поисковым работам в архивах, обеспечить ей более широкий доступ к документам. Взаимодействие оказалось односторонним. Юристы помогли ей сориентироваться в правовой стороне дела. Однако она была озабочена прежде всего подкреплением своего «приоритета» и отнюдь не торопилась способствовать комплектованию корпуса необходимых следствию документов, более того, не остановилась даже перед торможением расследования, поставив на первое место свои личные планы. От помощи Лебедевой пришлось отказаться.

Получаемые документы позволили строить обоснованные версии происшедшего, проводить целенаправленный поиск мест захоронений, свидетелей и различных документов о событиях того времени. Это дало возможность, несмотря на активное уничтожение органами госбезопасности документов, обнаружить такую их совокупность, которая в итоге воссоздала полную и объективную картину происшедшего в 1939—1940 гг.

Реконструкция событий, выявление обстоятельств велись с опорой на правовую, а не идеологически-деформированную трактовку основ советско-польских отношений перед Второй мировой войной, которые юридически регулировались Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г., Договором о ненападении от 25 июля 1932 г., Конвенцией об определении агрессии, подписанной в июле 1933 г., — документами, гарантировавшими суверенитет, неприкосновенность границ и невмешательство в дела друг друга. Возникли сложные проблемы.

Как же рассматривать обстоятельства массового убийства польских военнопленных и были ли они военнопленными? Была ли война между СССР и Польшей в сентябре 1939 г.? Что привело к сентябрьским событиям? С неизбежностью встал вопрос о содержании подписанного 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Его составной частью являлся тщательно скрываемый, но 24 декабря 1989 г. постановлением Второго съезда народных депутатов СССР осужденный и объявленный недействитель-

ным секретный дополнительный протокол, которым фактически, в нарушение вышеназванных советско-польских соглашений, был оформлен сговор с фашистской Германией, направленный на раздел территории Польского государства и уничтожение польской государственности. Создавали ли секретные приложения новую правовую базу для трехсторонних советско-германо-польских отношений? Нарушали ли они международное право? Были ли тайным надправовым, неправовым сговором, использованным Сталиным против Польши и других стран? Если есть основания ответить на первые два вопроса положительно, то генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин совместно с членами Политбюро ЦК ВКП(б) — председателем СНК СССР и наркомом иностранных дел СССР Молотовым, заместителем председателя СНК СССР и наркомом обороны СССР Ворошиловым, заместителем председателя СНК СССР и наркомом внешней торговли СССР Микояном, председателем Президиума Верховного Совета СССР Калинин, заместителем председателя СНК СССР, наркомом путей сообщения, топливной промышленности и нефтяной промышленности СССР Кагановичем, кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), наркомом внутренних дел СССР Берией, представлявшими высшую государственную власть в стране — при определении позиции СССР по одному из узловых вопросов его внешней политики перед началом Второй мировой войны грубо нарушили названные нормы международного права и обязательства СССР по отношению к Польше (уважение ее суверенитета, территориальной целостности, соблюдение взаимной неприкосновенности). Сталинское стремление действовать вне права несомненно, как и стремление найти обоснование и оправдание в «ликвидации» Польского государства Германией. Найденные в архивах военными прокурорами документы привели к однозначному позитивному ответу на эти вопросы и позволили воссоздать целостную картину происшедшего в эти годы. Она оказалась такова.

После нападения 1 сентября 1939 г. Германии на Польшу, потропившись с объявлением о выходе польского правительства со своей территории и даже «ликвидации» Польского государства, СССР в соответствии с тайной договоренностью с Германией без объявления войны 17 сентября 1939 г. развернул на всем протяжении советско-польской границы боевые действия против польских пограничников и польской армии. За две недели боев советские войска продвинулись по территории Польши навстречу германской армии к заранее согласованному рубежу. Хотя формально война не объявлялась, были не просто задержаны, но взяты в плен более 230 (по данным военных — до 400) тыс. польских граждан.

28 сентября 1939 г. был заключен Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, к которому прилагались один конфиденциальный и два секретных протокола. Он закрепил раздел территории Польши, ликвидацию ее государственности и армии, что имело соответствующие последствия для военнопленных. Да и кем,

собственно, они могли считаться? Военнопленными или интернированными? Просто арестованными?

Все правовое регулирование осуществлялось подзаконными актами. Прежде всего, «Положением о военнопленных», принятым Экономсоветом при Совете народных комиссаров СССР 20 сентября 1939 г. По приказу наркома внутренних дел Берии от 19 сентября 1939 г. было организовано Управление по делам военнопленных НКВД СССР (УПВ НКВД СССР), которое возглавил П.К.Сопруненко. Действия в отношении Польши были определены как «состояние войны», а захваченные при этом польские граждане — как военнопленные.

Что это должно было означать в правовом отношении? Фактически это было не оформленное юридически, но признанное советской стороной состояние войны, что влекло за собой разнообразные нарушения международного права.

Советское правительство в 1918 г. обязалось соблюдать Женевскую конвенцию 1864 г. во всех ее позднейших редакциях, а также все другие международные конвенции, касающиеся Красного Креста и признанные Россией до октября 1917 г. Поэтому советское правительство было обязано соблюдать и требования Гагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. Однако были грубо нарушены и эти обязательства.

В частности, вопреки названным международным договорам «Положение о военнопленных» позволяло распоряжением Главного военного командования признавать пленными любых гражданских лиц, захваченных в ходе военных действий. Вводились весьма суровый режим содержания в лагерях для военнопленных, система допросов и репрессивных мер к нарушителям этого режима. Ограничивались суммы наличных денег, которые мог иметь при себе военнопленный, предусматривалось привлечение к работам офицеров, устанавливалась уголовная ответственность за все воинские и общеуголовные преступления. Предусматривалась и исключительная мера наказания — смертная казнь. Как эти положения воплощались в жизнь? Почему с самого начала содержания военнопленных в лагерях директивой Берии от 8 октября 1939 г. определялось, что эти лица не подлежали освобождению ни при каких обстоятельствах? Это грубо противоречило нормам Гагской конвенции, предписывающим освобождать военнопленных после окончания военных действий. Не могло не привлечь внимания то обстоятельство, что, выполняя приказы Берии, П.К.Сопруненко и И.Б.Маклярский давали прямые указания подчиненным ориентироваться не на нормы международного права о содержании военнопленных, а только на директивы УПВ НКВД СССР³. Становилось очевидным, что на всех этапах раздела и уничтожения Польского государства непосредственно определяли дальнейшую судьбу военнопленных и других польских граждан Сталин и его ближайшее окружение в Политбюро ЦК ВКП(б), а также НКВД. 2 октября 1939 г. по представлению Л.П.Берии и Л.З.Мехлиса Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О военнопленных». Органам НКВД СССР предписыва-

лось сосредоточить офицеров, крупных военных и государственных чиновников в Старобельском лагере НКВД Ворошиловградской (Харьковской) области. Других служащих аппарата управления, в том числе полицейских, жандармов, тюремщиков, разведчиков, контрразведчиков и прочих, следовало содержать в Осташковском лагере НКВД Калининской (Тверской) области. Рядовых и младший командный состав с отошедшей к Германии части Польши содержали до последовавшего обмена военнопленными с немцами в Козельском и Путивльском лагерях; 25 тыс. поляков этой категории оставалось для строительства дороги Новгород-Волынский—Львов до декабря 1939 г. Солдат, призванных с территории Западной Белоруссии и Западной Украины, было предписано отпустить по домам.

Следователи собрали и проанализировали корпус документов о движении потоков военнопленных, в том числе приказы Берии от 3 октября 1939 г.⁴, в которых он конкретизировал поставленные перед Осташковским и Старобельским лагерями задачи. Он предписывал разделить военнопленных по категориям, организовать среди них оперативную работу с целью выявления разведчиков, а также членов «антисоветских организаций».

Надлежало установить количество военнослужащих и других польских граждан, захваченных в плен. В разных советских источниках оно определялось не одинаково. По данным газеты «Красная звезда», в плен было взято более 230 тыс. поляков. Молотов в своем выступлении 31 октября 1939 г. назвал цифру около 250 тыс. человек. По данным конвойных войск, число перевезенных составляло 226397 человек. После проведенной регистрации в Западной Украине и Западной Белоруссии было арестовано более 20 тыс. человек аналогичных пленным категорий — более 1,2 тыс. офицеров, более 5 тыс. работников аппарата управления и т.д.

В конечном счете, по польским данным, приводимым Ч.Мадайчиком, в советском плену осталось 180 тыс. солдат и офицеров. По данным Сопруненко, которые он изложил в справке от 3 декабря 1941 г., в лагерях НКВД СССР содержалось 130.242 военнопленных и доставленных из Прибалтики интернированных. В 1939 г. было отпущено по домам 42.400 жителей западных областей Украины и Белоруссии и отправлено в Германию 42.492 человека жителей территории Польши, отошедшей к Германии. Из этого количества 15.131 человек содержались в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД. Весной 1940 г. военнопленные из этих лагерей были отправлены в распоряжение УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей⁵.

Были ли это, как принято считать, только пленные польские офицеры? По данным на 29 декабря 1939 г. УПВ НКВД СССР из общего числа военнопленных 56,2%, т.е. несколько более половины, составляли офицеры. Из этого количества кадровые армейские офицеры составляли 44,9%, а офицеры запаса — 55% (остальные 650 человек — офицеры в отставке и инвалиды)⁶. Эти данные удалось окончательно уточнить с получением «особого пакета № 1».

Таким образом, большинство офицеров в лагерях состояло из офицеров запаса, которые после объявления мобилизации проходили срочное обучение в лагерях, имея гражданские массовые профессии учителей, инженеров, врачей, юристов, священников, журналистов. Среди них были писатели и поэты, общественные и политические деятели, профессора и доценты высших учебных заведений, в том числе и ученые с мировым именем.

Среди гражданских лиц, также содержавшихся в лагерях для военнопленных, преобладали государственные служащие и чиновники всех уровней управления, полицейские, местная администрация, осадники, члены различных политических партий и др.

В это же время, на занятых территориях в соответствии с приказом замнаркома внутренних дел СССР В.Н.Меркулова от 5 ноября 1939 г. силами НКВД БССР и УССР «в целях быстреего очищения от враждебных элементов» продолжались выявление и аресты представителей польского государственного аппарата — чиновников местных органов управления, полиции, суда, прокуратуры, офицеров, а также работников образования, священнослужителей и других. Они квалифицировались как агенты, провокаторы, диверсанты, резиденты, участники контрреволюционных организаций, содержатели конспиративных квартир, контрабандисты, разведчики, контрразведчики и арестовывались с единой формулировкой за «совершение контрреволюционных преступлений»⁷.

В связи с огромным размахом развернутых репрессий и переполнением арестованными тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины в конце 1939 г. их стали направлять в лагеря для военнопленных. Эти лагеря были нужны и для размещения интернированных из Литвы, и для пленных советско-финской войны. 16 апреля 1940 г. Берия в письме Сталину № 1379/б сообщал, что Германия желает передать свыше 50 тыс., Венгрия — 4 тыс. и Словакия — 107 военнопленных поляков из числа жителей западных областей Белоруссии и Украины⁸. Нежелание распускать их по домам вело к крайней переполненности лагерей.

Следствие установило, как НКВД пытался решить эту задачу.

Предлагались частичные решения, не снимавшие проблемы в целом, и поэтому, как недостаточно радикальные, эти предложения не были приняты. Так, П.К.Сопруненко и С.В.Нехорошев в письме Берии от 20 февраля 1940 г.⁹ предлагали в целях разгрузки Старобельского и Козельского лагерей отпустить 300 тяжелобольных, полных инвалидов, туберкулезников и лиц старше 60 лет из числа офицерского состава, 400—500 человек из числа офицеров запаса, жителей западных областей УССР и БССР — агрономов, врачей, инженеров и техников, учителей, на которых не было компрометирующих материалов. Но и в этом письме «социально опасные лица» подлежали ликвидации. Предлагалось примерно на 400 человек — офицеров Корпуса охраны пограничья, судейско-прокурорских работников, помещиков, активистов организаций ПОВ (Польска организация войскова; под традиционным названием было создано новое формирование) и «Стшелец», офицеров 2-го отдела Польско-

го Главного штаба, офицеров информации — оформить дела для рассмотрения на Особом совещании при НКВД СССР.

А вот вопрос об освобождении основной массы военнопленных, содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях, вообще не ставился. Решение их судьбы было только делом времени. Ситуация была тупиковая: отпускать не хотели в силу классовых установок (на советской территории такие категории населения уничтожались), а содержать было слишком тяжело. В лагерях временно проводилась оперативная и учетная работа — вербовались внешняя и внутренняя агентура и т.д.

В СССР в то время активно использовался принудительный труд и аксиомой считался тезис о доходности труда заключенных лагерей. Однако, как видно из доклада руководителей Осташковского лагеря П.Ф.Борисовца и И.А.Юрасова Сопруненко, содержание польских военнопленных было убыточным и в сутки составляло 2 руб. 58 коп. на одного человека¹⁰. Переполненность лагерей и их убыточность, необходимость размещения новых контингентов военнопленных подталкивали к ускоренному решению судьбы польских пленных. Однако главным было другое: из донесений, рапортов, докладов и других документов однозначно следует, что польские военнопленные с самого начала воспринимались сотрудниками НКВД как «классово чуждый и враждебный элемент». Предпринимались попытки хотя бы часть из них «перековать» в принятом в то время в советском тоталитарном государстве стиле. В Осташковском, Старобельском, Козельском лагерях НКВД был создан мощный партийно-политический аппарат, снабженный необходимой техникой, наглядной агитацией и кинофильмами, прославлявшими советский образ жизни. Не только сотрудники лагерей, но и партийные деятели областного масштаба систематически читали военнопленным лекции. Однако усиленная пропагандистская работа, естественно, не приносила ожидаемых результатов. Так, в докладных записках начальников лагерей Сопруненко отмечалось, что офицеры в большинстве своем настроены патриотически, к вступлению Красной Армии на территорию Польши относятся враждебно и считают это агрессией, заявляют, что «Польша еще не погибла». Менталитет охранников не позволял воспринимать подобные настроения как естественные. Наоборот, они полностью отторгались с ультрассловесных позиций. Так, считалось, что в этом лагере находилась «опора польской шляхты, заклятые враги советской власти», поскольку они заявляли: «от одних врагов бежали, к другим попали», «советское правительство проводит такую же агрессивную политику, как и Германия». Необходимость выполнения секретных обязательств перед Германией, в частности противодействия польскому освободительному движению, стимулировала усиление негативного отношения к настроениям поляков, даже таким, о которых Б.П.Трофимов докладывал Берии 20 октября 1939 г. по Старобельскому лагерю: «Подавляющее большинство военнопленных офицеров открыто резко

враждебно настроено по адресу Германии и скрыто враждебно по отношению к СССР».

Советское руководство не признавало существования Польского государства и рассматривало содержащихся в лагерях польских пленных как тех лиц, на которых держалась чуждая в классовом отношении польская государственность. А на советской территории, какой считались «освобожденные» украинско-белорусские земли, для «классовых врагов» места не было.

С ноября 1939 г. к работе с военнопленными активно подключились секретные службы — особые отделения лагерей и особые отделы армий и военных округов. Следствие установило, каковы были их цели. Они выявляли через арестованных военнопленных бывших представителей государственного аппарата на местах и с этой целью переводили военнопленных из лагерей в тюрьмы и наоборот. Дела на отдельных военнопленных направлялись в военные трибуналы армий, правда, в исключительном порядке. Уже с начала декабря 1939 г. в Осташковском лагере, где сосредоточили представители аппарата «буржуазно-помещичьего государства», интенсивно проводилась подготовка по крайне упрощенной процедуре дел для передачи на особое совещание. На 30 декабря 1939 г. группа следователей из 14 человек сумела оформить две тысячи дел и пятьсот из них отправила на особое совещание¹¹. Для рассмотрения дел была выработана процедура, которая наглядно просматривается, в частности, в оформлении дела № 649 в отношении полицейского С.Олейника. На стандартном бланке обвинительного заключения было зафиксировано, что ему вменяется в вину совершение преступления, предусмотренного статьей 58-13 УК РСФСР — «за активную борьбу против революционного движения», без конкретизации состава преступления. Дело было рассмотрено начальником особого отдела НКВД 7-й армии РККА 29 декабря 1939 г. с постановлением направить на Особое совещание при НКВД СССР и утверждено начальником Осташковского лагеря 6 января 1940 г. Олейник получил срок. Но когда было принято единое решение о всех польских военнопленных, он был расстрелян в УНКВД по Калининской области и захоронен в пос. Медное.

Был еще один, сугубо ведомственный мотив. Из плана агентурно-оперативных мероприятий по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям военнопленных, утвержденного Берией 27 октября 1939 г. с резолюцией: «Не разбрасываться. За многими не гнаться», следует, что, проводя вербовку агентуры, следовало «обставлять дело таким образом, чтобы исключить расшифровку проводимой работы. В случае срыва вербовки военнопленного в общежитие не допускать, изолировав его под благовидным предлогом...»¹² Для сохранения секретности завербованной агентуры и ее защиты желательно было исключить выход на свободу оставшихся в лагерях пленных. Такова была логика этой службы.

По аналогичной с военнопленными схеме оформлялись уголовные дела с передачей на особое совещание в отношении арестованных поляков в Западной Украине и Западной Белоруссии. Так, в

марте 1940 г. был арестован за службу в польской полиции и в октябре того же года направлен особым совещанием НКВД СССР на основании статьи 54-13 УК УССР (аналогична статье 58-13 УК РСФСР) на 8 лет в исправительно-трудовые лагеря Юзеф Пясецкий, сын Винцента. Таким же образом по статье 54-13 УК УССР был привлечен к уголовной ответственности и Ю.Чурек¹³. К некоторым военнопленным применялись и другие статьи, предусматривающие ответственность за «контрреволюционные преступления». В частности, известному ученому Станиславу Свяневичу инкриминировалась статья 58-6 УК РСФСР (шпионаж).

В ходе следствия в ГВП было установлено, что в феврале 1940 г. Берия решил запустить в действие в отношении основной массы военнопленных и других поляков, содержащихся в тюрьмах и лагерях, опробованную систему особых совещаний НКВД СССР. В письме заместителя наркома внутренних дел В.Н.Меркулова от 22 февраля 1940 г., адресованном Сопруненко и начальникам УНКВД, на территории которых находились эти тюрьмы и лагеря для военнопленных, говорилось: «По распоряжению наркома внутренних дел Берии всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за органами НКВД. Все имеющиеся на них материалы передать в следственные части УНКВД для ведения следствия»¹⁴. Это распоряжение Сопруненко и Нехорошев продублировали для начальников лагерей в своем письме от 23 февраля 1940 г. Принятое Берией решение еще не касалось основной массы военнопленных — офицеров и полицейских. Кроме того, даже упрощенная процедура особого совещания требовала проведения предварительного следствия, предъявления обвинения, составления обвинительного заключения, слушания дела на особом совещании, где кроме представителя НКВД должен был присутствовать прокурор и представитель милиции. Вскоре был придуман более радикальный и быстрый метод, ускоривший сроки «разгрузки» лагерей и обеспечивший сохранение тайны. Дело в том, что вынесенное особым совещанием решение могло быть опротестовано, что ставило под сомнение секретность проводимой акции, которая была, по существу, преступной. Поэтому вскоре путь, формально создававший видимость законности, был отвергнут как не обеспечивавший решение задачи срочной и тайной разгрузки лагерей. Сталинская верхушка встала на открыто противозаконный путь.

Преступное решение дозрело и обрело завершенную утрированную-обвинительную форму. В записке с проектом решения Сталину от марта 1940 г. за подписью Берии констатирующая часть обосновывала разрешение на расстрел 25.700 поляков. Предлагалось оформить это в абсолютно незаконном, то есть так называемом «особом порядке». Существо этого порядка состояло в придании видимости законности акции по уничтожению поляков в глазах исполнителей расстрелов (поскольку никто другой об этом не должен был знать,

так как акция проводилась в строжайшей тайне) и предусматривало провести рассмотрение дел на поляков «тройкой» в составе руководителей НКВД СССР В.Н.Меркулова, Б.З.Кобулова и Л.Ф.Баштакова, без вызова арестованных и предъявления обвинения, без постановления об окончании следствия и обвинительного заключения, а только на основании справок из их учетных дел.

5 марта 1940 года, вслед за Сталиным, деля с ним ответственность за тайное массовое убийство польских пленных, члены Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилов, Молотов и Микоян завизировали документ, превратив постановляющую часть (проект) в постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (помета гласила: «Калинин — за, Каганович — за»). Этим постановлением предписывалось НКВД СССР выполнить все то, что предлагалось в записке.

На основании этого постановления в марте—апреле 1940 г. особая «тройка» в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова рассмотрела дела на поляков, содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД, а также в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, и вынесла решение о применении к ним расстрела. Получая решения «тройки» о расстрелах поляков, Сопруненко формировал из них команды по 100—150 человек и включал в списки-предписания с приказами начальникам лагерей отправлять их в УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей.

С 1 апреля и по конец мая 1940 г. на основании списков, составленных П.К.Сопруненко и его заместителем И.И.Хохловым, из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей железнодорожным транспортом команды поляков отправлялись под охраной конвоиров 236-го полка конвойных войск НКВД СССР во внутренние тюрьмы УНКВД в Смоленск, Харьков и Калинин. По ночам их расстреливали. Часть военнопленных из Козельского лагеря была направлена непосредственно в Катынский лес, где их расстреливали на месте и группами захоранивали. Трупы расстрелянных в тюрьмах по ночам вывозили на грузовых автомобилях на территорию дачных участков УНКВД этих областей — в Катынский лес, 6-й квартал лесного парка г. Харькова и пос. Медное Калининской области. Там их хоронили в массовых могилах. Расстрелами и захоронениями поляков занимались сотрудники комендантской службы, тюремные надзиратели и водители УНКВД названных областей при участии коменданта НКВД СССР В.М.Блохина и его подчиненных. Все это полностью подтверждено следствием¹⁵.

Сводками о движении тюремных вагонов, подписанными начальником Главного транспортного управления НКВД СССР комиссаром государственной безопасности 3 ранга С.Р.Мильштейном, подтверждается перевозка военнопленных из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Харьковской, Смоленской и Калининской областям в апреле—мае 1940 г. Подтверждается также то, что общее руководство этой операцией осуществлял заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н.Меркулов¹⁶.

Вся непосредственная работа по отправке военнопленных на расстрел контролировалась Управлением по делам военнопленных НКВД и непосредственно Сопруненко и Хохловым. Они неоднократно требовали строгого соблюдения порядка при отправке военнопленных в соответствии со списками-предписаниями, а также систематических докладов о ходе разгрузки лагерей. Сопруненко, в свою очередь, для отчета перед руководством НКВД о проведении операции составлял еженедельные сводки о движении военнопленных и справки о прохождении дел. Этими документами было подтверждено направление в УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей 14.700 военнопленных. Установлено, что после проведения операции по указанию Сопруненко и Нехоросева многие учетные документы о военнопленных были сожжены с целью сокрытия факта расстрела поляков. В связи с тем что в Старобельский, Козельский и Осташковский лагеря продолжали поступать запросы и письма от родственников расстрелянных, Сопруненко запретил давать на них ответы, а посылки и переводы предписал возвращать за ненахождением адресата. Это доказывает истинную роль руководства УПВ в убийстве польских военнопленных¹⁷.

В ходе следствия тщательно исследовались версии о расстреле и захоронении польских военнопленных как в Катыни, Медном и Харькове, так и в других местах. В частности, необходимо отметить, что впервые о предполагаемом захоронении польских граждан в Медном военные прокуроры узнали из публикации В.К.Абаринова¹⁸. Из сообщений польских прокуроров стало известно, что в г. Глубокое Витебской области также расстреливали польских офицеров. Непосредственная проверка с выездом на место подтвердила факты расстрелов в глубокской тюрьме. В ходе поиска был найден и допрошен бывший сотрудник НКВД Белоруссии П.Н.Майоров. Он еще до обнаружения постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., в котором содержалось решение о расстрелах поляков в Западной Белоруссии, рассказал о механизме применения репрессий к польским гражданам. Майоров пояснил, что уже в августе 1939 г. были созданы пограничные батальоны особого назначения, предназначавшиеся для сопровождения советских войск во время «освободительного похода в Западную Белоруссию» и оказания силовой поддержки органам НКВД в арестах «антисоветски настроенных» местных жителей, полицейских, осадников, провокаторов, разведчиков и представителей польской администрации. 17 сентября 1939 г. в составе подразделения этого батальона вместе с частями Красной Армии он вошел в г. Глубокое и участвовал в выявлении подозреваемых и их арестах. Непосредственно с арестованными «работали» сотрудники УНКВД, прикомандированные для проведения следствия. В тех случаях, когда по этим делам выносились постановления особого совещания или приговоры судов о расстрелах, для исполнения этих решений приезжали коменданты УНКВД областей. Расстрелы проводились в глубокской тюрьме и других местах¹⁹.

После обнаружения документов из «особой папки» ЦК КПСС о расстреле польских граждан в 1940 г. встал вопрос о местах расстрелов и захоронений 7.305 человек из лагерей Западной Украины и Западной Белоруссии. Было обнаружено письмо Берии Кагановичу от 21 марта 1940 г., в котором шла речь о подготовке вагонов для выполнения срочного оперативного задания по перевозке в десятидневный срок 3 тыс. заключенных из тюрем западных областей БССР в г. Минск, 3 тыс. — из тюрем западных областей в центральные области УССР и 8 тыс. заключенных из тюрем НКВД УССР в Россию, и его приказ от 22 марта за № 00350 аналогичного содержания²⁰. Необходимо было выяснить все обстоятельства, а также устранить противоречия между цифрами в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. (расстрел 11000 чел.) и количеством поляков, расстрелянных в тюрьмах и лагерях Западной Украины и Западной Белоруссии, указанном в докладной записке Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. (7305 чел.). Для этого в ходе следствия выдвигалась и проверялась версия об отправке 8 тыс. поляков с территории Украины в Россию и уничтожений их не только методом расстрела, но и иными способами, похожими на несчастный случай (утопление, обморожение и т.д.). Основанием для выдвижения такой версии послужили письмо одного сотрудника НКВД, Тихонова, другому, Ивашутину, от 12 марта 1956 г., в котором говорилось об отправке тех же 8 тыс. заключенных с Украины в Россию, а также сообщение бывшего сотрудника НКВД А.И.Рыжего о массовом захоронении в Томске обмороженных польских офицеров. Кроме того, в периодической печати сообщалось о существовании в 1940-е гг. при НКВД СССР специальных (особых) террористических групп. Необходимо было выяснить, не занимались ли они поляками.

Проверка книг учета архивно-следственных дел 1-го спецотдела НКВД СССР показала, что в 1939—1940 гг. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины было арестовано более 22 тыс. поляков. Однако провести расследование уголовных дел в отношении всех этих арестованных к апрелю 1940 г. органы НКВД не успели. Изучение документов показало, что хотя часть из 8 тыс. заключенных была из Западной Украины, но они могли относиться к другим национальностям. Удалось установить, что среди этих заключенных была значительная группа «украинских националистов», которые явно не могли быть поляками²¹.

Запрошенные в ходе следствия управления Федеральной службы контрразведки (ФСК) по Ярославской, Томской, Кемеровской и Свердловской областям, по Приморскому краю, Мордовской ССР ответили, что им ничего не известно о прибытии и содержании в 1940 г. в лагерях на их территории польских граждан, якобы отправленных в их адрес с Украины.

Допросы свидетелей А.И.Рыжего, В.А.Ханевича и других, а также протоколы следственных экспериментов и эксгумации, проведенные в г. Томске, подтвердили, что в этом городе нет массовых захоронений поляков.

Проходивший по делу как свидетель П.А.Судоплатов утверждал, что ни он, ни спецгруппы НКВД СССР, организовывавшие тайные операции по ликвидации людей, с их маскировкой под несчастные случаи, в 1940 г. не занимались массовым уничтожением поляков. Это подтверждают и материалы заведенного на него архивного уголовного дела²². Поэтому версия о направлении в 1940 г. 8 тыс. поляков или из числа 8 тыс. заключенных 3695 поляков ($11000 - 7305 = 3695$) из Украины для расстрела или уничтожения другим способом в Россию в ходе расследования дела в ГВП не нашла подтверждения. Следствием было установлено, что, хотя по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. рассмотрение дел 11 тыс. поляков «тройками» должно было проводиться на основе справок из дел, такие дела не успели завести на всех арестованных. В соответствии с актом о передаче дел от 30 августа 1943 г. насчитывалось всего 21365 польских дел. Примерно такое же количество дел (21353) указано в справке спецотдела НКВД СССР от августа 1943 г. и в записке Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. (21857 дел), где отмечено, что число расстрелянных поляков соответствует этому количеству дел. Из всего этого следует, что число расстрелянных в западных областях Белоруссии и Украины поляков составляло отнюдь не 11 тыс. Видимо, надо принять цифру 7305 человек, основываясь на наиболее авторитетном источнике — записке Шелепина²³.

В письме сотрудника НКВД Цветухина Баштакову от 25 ноября 1940 г. есть сведения о том, что имелись списки-предписания 1-го спецотдела на 3435 поляков, составленные на основании присланных в отдел личных тюремных дел²⁴.

В заключении от 7 июня 1956 г. и письме сотрудников НКВД Тихонова Ивашутину от 12 марта 1956 г. говорится о направлении этих поляков и дел на них в 1940 г. в НКВД СССР. Там же сказано об уничтожении в 1952 г. по распоряжению МГБ СССР всех учетных документов о содержании поляков в тюрьмах УССР. Поскольку именно таков был механизм работы органов НКВД во время расстрелов польских военнопленных в 1940 г. (расстрелянные официально значились отправленными в НКВД СССР), следует признать, что на территории Западной Украины было расстреляно 3435 польских граждан, а на территории Белоруссии 3870 оставшихся из числа 7305 поляков²⁵.

Этот вывод подтверждается списком на 3435 польских граждан, полученным в правоохранительных органах Украины и переданным для приобщения к уголовному делу заместителем Генерального прокурора Республики Польша С.Снежко²⁶.

Документы следствия позволили сделать вывод, что практически одновременные крупномасштабные переброски заключенных в порядке выполнения «срочного оперативного задания» из тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины в Минск и другие населенные пункты, переполненные своими заключенными, не могли не быть связаны с исполнением постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле поляков. В Белоруссии

3870 заключенных-поляков могли быть расстреляны в тюрьме УНКВД г. Минска, в других белорусских тюрьмах и погребены в одном из мест массовых захоронений, таких как Куропаты под Минском, а в Украине 3435 польских граждан расстреляли и захоронили в центральных и западных областях.

Следствие ГВП охватило и проблему депортаций польского населения. Оказалось, они были хронологически самым тесным образом связаны с репрессированием военнопленных и проводились в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлением СНК СССР от 2 марта 1940 г. Согласно последнему и постановлению СНК от 10 апреля 1940 г., а также инструкциям к ним, с территории Западной Белоруссии и Западной Украины органами НКВД в отдаленные районы Казахской ССР сроком на 10 лет предполагалось выселить «22—25 тысяч семейств репрессированных бывших польских офицеров, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, участников контрреволюционных, повстанческих организаций и чиновников бывшего польского государственного аппарата»²⁷. На деле было выселено около 27 тыс. человек.

Распоряжение о вывозе членов семей репрессированных военнопленных нашло детализацию в письмах Берии Бурдакову, Берии Сопруненко, Берии Серову и Цанаву (все от марта 1940 г.). В обнаруженном приказе по НКВД СССР от 7 марта 1940 г., то есть всего через два дня после принятия рокового решения, говорится: «Для проведения выселения членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах западных областей УССР и БССР б[ывших] польских офицеров, полицейских, жандармов и других приказано организовать оперативные тройки»²⁸.

Как было установлено в ходе дальнейшего расследования, расстрел польских граждан и последовавшие затем массовые депортации в отдаленные районы СССР более 100 тыс. членов их семей, где они, в свою очередь, подвергались дополнительным суровым репрессиям, находились в непосредственной причинной связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и с последующими решениями Политбюро и НКВД СССР. Эти акции охватывались единым преступным умыслом и составляли единое преступление.

Наиболее сложными и ответственными следственными действиями, которые потребовали длительной и непростой организации, привлечения экспертов и специалистов высшей квалификации, а также различной техники, были частичные эксгумации из мест массовых захоронений. Огромная заслуга в организации и проведении этих следственных действий принадлежала А.В.Третьекому и старшему эксперту Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны РФ Л.В.Беляеву. Эти столь трудные в морально-психологическом отношении, но совершенно необходимые для установления истины работы в то время во многом определяли ответы на вопросы о судьбе польских военнопленных, причине и дате их смерти, местах расстрелов и локализации их за-

хоронений, и в целом — ответ на вопрос о виновниках преступлений. В 1991 г. было проведено 3 эксгумации — в Харькове, Медном, Катynie, а затем, в 1994 г., и в Томске. Ход первых трех эксгумаций широко освещался в печати и по телевидению. Напомним основные факты.

С 25 июля по 7 августа 1991 г. в районе 6-го квартала лесопарковой зоны г. Харькова, на территории дач УКГБ по Харьковской области, расположенной на расстоянии 73 м восточнее Белгородского шоссе, с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов было проведено извлечение останков не менее чем 180 людей из 49 мест захоронения. Многочисленные предметы польской военной формы и другой польской военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940 г., отдельные предметы с записями о Старобельском лагере, а также офицерские удостоверения и жетоны шести военнопленных Старобельского лагеря, найденные в ямах, бесспорно свидетельствовали о массовом захоронении расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Старобельском лагере НКВД СССР. По заключению комиссии судебно-медицинских экспертов, смерть этих военнопленных наступила от огнестрельных повреждений — выстрелов в затылок и верхний отдел задней поверхности шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 5,6 до 9 мм²⁹.

С 15 по 29 августа 1991 г. в дачном поселке УКГБ по Тверской области, в 2 км от поселка Медное, также с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов, была проведена вторая эксгумация.

В 30 откопанных ямах были обнаружены костные останки, принадлежащие не менее чем 243 трупам людей. Многочисленные найденные в ямах предметы (части польской полицейской формы и различной полицейской и военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940 г., отдельные предметы, списки военнопленных Осташковского лагеря, полицейские удостоверения и жетоны) позволили идентифицировать 16 польских полицейских и пограничников. Они служили доказательством наличия массового захоронения расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Осташковском лагере НКВД СССР. Комиссия судебно-медицинских экспертов записала в своем заключении, что смерть наступила также от огнестрельных повреждений — выстрелов в затылок и верхний отдел шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 7 до 8 мм. Обнаруженные в отдельных черепках пули калибра 7,65 мм подтверждают, что огнестрельные ранения головы могли быть причинены выстрелом из пистолета системы «Вальтер»³⁰.

С 20 по 21 ноября 1991 г. в лесном массиве Козьи горы Катynского района Смоленской области проводился следственный эксперимент с участием местных жителей И.Ф.Киселева и В.В.Фроленкова. Эти свидетели указали места, где они видели захоронения по-

ляков. С целью проверки их показаний и проводилась частичная эксгумация. Было сделано 19 раскопов. В ямах были найдены костные человеческие останки и предметы одежды, позволившие сделать вывод о массовом захоронении польских военнопленных. При выполнении эксгумаций проводились судебно-медицинские, криминалистические, баллистические и другие экспертизы. Они подтвердили выводы следствия о механизме расстрелов и причине смерти — выстреле в затылок из огнестрельного оружия, в большинстве случаев имеющего калибр от 7 до 8 мм. В анализ всех материалов эксгумаций неоценимый вклад внесли польские специалисты.

Не прерывались и другие виды аналитической работы.

Следователь ГВП получил на свой запрос ответ из Центрального архива МО РФ о том, что во время Великой Отечественной войны г. Осташков и пос. Медное Тверской области оккупации немецко-фашистскими войсками не подвергались, чем подтверждалось, что немцы не имели отношения к расстрелам польских военнопленных в Медном³¹.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона военные прокуроры стремились проводить расследование всесторонне, полно и объективно, устанавливать мотивы совершения тяжчайших преступлений и причинно-следственные связи, чтобы воссоздать объективную картину происшедшего. Во всяком случае, они были убеждены в следующем: главное, что необходимо было сделать, — это дать юридическую оценку катынскому преступлению в целом, установить все места захоронений и увековечить память погибших, дать юридическую и нравственную оценку действиям виновных, выработать и принять систему правовых мер, исключаящих подобные преступления впредь.

Проведение расследования осложняли объективные трудности. В течение полувека для сокрытия истины целенаправленно уничтожались доказательства, проводились фальсификации и подлоги. По-прежнему сохранялась политическая нестабильность в стране, неоднократно возникали колебания в отношении расследования Катынского дела. Не способствовала последовательности в реализации принятой установки давность совершения преступления, приведшая к смерти большинства свидетелей и утрате многих материалов, что создавало нередко непреодолимые препятствия. Как и ранее, сохранялась засекреченность всех документов.

Сокрытие преступления имело полувековую историю. Практически сразу по запросам военных прокуроров в их распоряжение были представлены документы так называемого предварительного расследования, проведенного органами НКВД в 1943 г. в Катыни, материалы комиссии Бурденко, документы, представлявшие советской стороной в Международный военный трибунал в Нюрнберге, и другие, подтверждавшие советскую официальную версию катынского преступления. Прокуроры следственной группы отдавали себе отчет в том, что без «царицы доказательств» — в данном случае

постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и других подлинных документов об обстоятельствах преступления официальная версия катынских событий останется незыблемой. Полной уверенности в том, что следствию удастся заполучить эти документы, у прокуроров не было. Поэтому в ходе следствия была проведена тщательная и кропотливая работа по перепроверке всех доказательств, положенных в основу официальной версии. Она позволила в итоге доказать: версия базировалась на сфальсифицированных документах и свидетельских показаниях. Было установлено, что сразу после того, как 13 апреля 1943 г. радиостанции германского рейха передали сообщение об «обнаружении в окрестностях Смоленска могил польских офицеров, убитых ГПУ», машина фальсификации и дезинформации начала работать в полную силу. 16 апреля 1943 г. Совинформбюро опубликовало опровержение. Более двух лет на все запросы польского правительства давался ответ об отсутствии сведений о местонахождении поляков. Затем этих людей якобы нашли. Было объявлено, что польские военнопленные находились на строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в плен к немцам и были ими расстреляны. С целью установления истины польское правительство в изгнании, правительство Германии 17 апреля 1943 г. обратились к Международному Комитету Красного Креста (МККК) с просьбой о посылке делегации под Смоленск для эксгумации захоронений. МККК согласился, но при условии обращения с такой же просьбой и со стороны СССР. Поскольку сталинское руководство не было заинтересовано в раскрытии собственного преступления, оно отказалось участвовать в этом. Более того, оно обвинило Польшу в пособничестве Германии и расторгло дипломатические отношения с польским правительством³².

Скрывая преступления, совершенные в отношении польских граждан и государства, сохраняя и поддерживая свою версию в качестве официальной позиции СССР, сотрудники органов безопасности СССР с момента освобождения Смоленска и практически до весны 1990 г. применяли для этого различные способы. Только передача Катынского дела в руки органов правосудия, в Главную военную прокуратуру, и профессиональное, беспристрастное проведение расследования — то есть правовая верификация официальной версии преступления, носившей выраженный характер идеологической фальсификации, — обеспечили отвечающее правде выяснение всего комплекса обстоятельств, причин и мотивов этого преступления.

Официально считалось, что Специальная комиссия академика Н.Н.Бурденко якобы начала работу в Катыни с момента освобождения Смоленска. На деле это была прямая фальсификация. С 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г. в Смоленске и Катынском лесу работала большая группа оперативных работников и следователей НКВД СССР, а также УНКВД по Смоленской области, которая в совершенно секретном порядке занималась так называемым предварительным расследованием Катынского дела, а по существу,

как показала работа военных прокуроров, уничтожением доказательств вины НКВД СССР и подготовкой фальсифицированных доказательств вины немцев в этом преступлении.

Были предприняты усилия по изготовлению поддельных (следователи ГВП доказали это), с более поздними датами, вещественных доказательств, которые были подложены в заранее извлеченные из могил останки. Основной упор делался на массовую подготовку лжесвидетелей. В работе со свидетелями НКВД применялась жесткая, изощренная и избирательная практика запугивания и принуждения к даче ложных показаний, направленная на получение нужных показаний как от тех свидетелей, которые знали истинных виновников смерти поляков, так и от людей, которые об этом ничего не слышали. Результаты предварительной работы органов были оформлены в виде совершенно секретной «Справки о результатах предварительного расследования так называемого "Катынского дела"» от 18 января 1944 г., подписанной наркомом госбезопасности СССР В.Н.Меркуловым и заместителем наркома внутренних дел С.Н.Кругловым, с их же дополнением к этой справке от января 1944 г.³³

Комиссия Бурденко на самом деле была создана 14 января 1944 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства в целях легализации подготовленной системы ложных доказательств и придания ей видимости законного и объективного расследования. Она априори получила диктующее однозначную трактовку название — «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». В состав этой комиссии были введены авторитетные, уважаемые деятели, члены Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: академик Н.Н.Бурденко, известный писатель академик А.Н.Толстой, митрополит Николай, а также председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А.С.Гундоров, председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С.А.Колесников, нарком просвещения РСФСР академик В.П.Потемкин, начальник главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Е.И.Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р.Е.Мельников. Для работы в Комиссии были привлечены в качестве экспертов крупные специалисты в своей области: главный судебно-медицинский эксперт Наркомата здравоохранения СССР, директор НИИ судебной медицины В.И.Прозоровский, заведующий кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктор медицинских наук В.М.Смолянинов, старший научный сотрудник Государственного НИИ судебной медицины Наркомата здравоохранения СССР П.С.Семеновский, старший научный сотрудник того же института доцент М.Д.Швайкова, главный патолог фронта, майор медицинской службы профессор Д.Н.Выропаев.

Инструктируя членов комиссии в духе выводов «предварительного расследования», С.Н.Круглов ориентировал их всего на четыре дня работы (предыдущая эксгумация проводилась более двух месяцев). Члены комиссии, осмотрев раскрытые могилы, в основном занимались заслушиванием подготовленных свидетелей. Пожелания осмотреть лагерь отзвука, естественно, не получили, поскольку лагерей ОН-1, ОН-2, ОН-3 просто не существовало.

Результаты работы комиссии были опубликованы под названием «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»³⁴. Ее выводам была придана политическая сила, они были внедрены в сознание миллионов советских людей как основа «советской официальной версии событий». Следствие не приняло их на веру, без проверки.

Сравнение справок «предварительного расследования», подготовленных НКВД и НКГБ СССР, с текстом сообщения комиссии Бурденко выявило совпадение структуры этих документов и их выводов. Это позволило сделать вывод, что справки, подписанные высшими должностными лицами этих всемогущих в то время организаций, носили для членов комиссии инструктивный характер и подлежали безусловному исполнению. И комиссия действительно послушно им следовала, поскольку практически никаких изменений по сравнению с текстом справок ею внесено не было. Изучение стенограмм подтвердило поверхностный характер действий комиссии и чисто формальную роль, которую осуществляли ее члены, так как они не выявили и не исправили многочисленные неточности в написании фамилий, имен и отчеств свидетелей, допущенные в упомянутых справках. Эти ошибки были воспроизведены и в сообщении.

Основные положения сфальсифицированной НКВД и НКГБ СССР версии катынского расстрела, которую послушно легализовали представители Специальной комиссии Бурденко, сводились к следующему:

— Катынский лес издавна был излюбленным местом праздничного отдыха и гуляний местных жителей и поэтому был открыт для всех желающих, но с приходом немцев и размещением в Катынском лесу, в бывшей даче НКВД, штаба 537-го строительного батальона во главе со старшим оберст-лейтенантом Арнесом (правильно — Аренсом) был наложен запрет на посещение леса. Невыполнение этого требования каралось расстрелом.

— Находившиеся в районе Смоленска три лагеря особого назначения (ОН-1, ОН-2, ОН-3), в которых содержались польские военнопленные, были захвачены немцами в связи с тем, что их не удалось своевременно эвакуировать.

— В августе—сентябре 1941 г. на дачу почти ежедневно приезжали грузовые машины, после чего из леса слышались частые одиночные выстрелы. Туда же немцы гнали польских военно-

пленных в колоннах, после чего в лесу также слышались одиночные выстрелы.

— По ночам на грузовиках в Катынский лес перевозили трупы польских военнопленных из других мест.

— В 1943 г. в связи с тем, что обстановка на фронте резко изменилась в пользу СССР, немцы, для того чтобы посорить русских с поляками и замести следы своего преступления, затеяли катынскую провокацию. С этой целью они провели раскопки мест захоронений польских военнопленных в присутствии представителей других стран. Для подтасовки даты расстрела был осуществлен подлог документов. Для большей убедительности они заставили путем запугиваний и побоев группу местных жителей дать ложные показания о том, что поляков расстреляли органы НКВД СССР.

— Во время эксгумации в Катынском лесу в 1944 г. советскими судебными медиками и другими членами Специальной комиссии Бурденко было установлено, что всего было захоронено около 11 тыс. польских военнопленных, смерть большинства из которых наступила от выстрела в упор в затылок из автоматических пистолетов, в основном калибра 7,65 мм.

— Немцы при проведении своей эксгумации провели обыск одежды трупов недостаточно тщательно и извлекли из карманов не все документы. Это позволило советским экспертам найти документы, подтверждавшие смерть поляков в сентябре—декабре 1941 г.

Однако фальсификация судебно-медицинскими экспертами вместе с сотрудниками НКВД и НКГБ СССР документов состояла не только в подлоге ряда документов, но и в сокрытии и уничтожении многочисленных подлинных документов, которые бесспорно подтверждали дату расстрела — апрель—май 1940 г. Это было равносильно признанию и определению виновников расстрела. Так, из секретной «описи документов и предметов, обнаруженных экспертами судебно-медицинской экспертизы при вскрытии могил и исследовании трупов в Катынском лесу с 16 января по 21 января 1944 г.» следует, что всеми работавшими в Катыни экспертами было найдено на трупах 36 документов, датированных 1939 г., и 41 документ за январь—май 1940 г. Исключительная важность этих документов для следствия требует их подробного описания.

Советскими экспертами во время эксгумации в 1944 г. на трупах было найдено восемь обрывков конвертов, марок, газет и писем, датированных январем 1940 г.

Февралем 1940 г. были датированы 13 найденных документов: обрывки газет, писем, купонов со штампом г. Вильнюса, талонов к почтовому переводу, почтовая открытка на имя Саросека Вацлава от 18 февраля 1940 г., почтовая открытка Зелинского от 29 февраля 1940 г.

С мартовскими датами 1940 г. экспертами было найдено 6 документов: обрывок советской газеты от 28 марта 1940 г., клочки польской газеты «Глос Радзецкий» от 20 и 27 марта 1940 г., квитанция о приеме 100 руб. от Париса от 21 марта 1940 г., открытка

Польского Красного Креста со штампом от 29 марта 1940 г., почтовая открытка со штампом Варшавы от 20 марта 1940 г.

Документов, датированных апрелем 1940 года, было найдено 13, и в частности: обрывок газеты «Известия» за середину апреля 1940 г., несколько отдельных номеров газеты «Глос Радзецкий» от апреля 1940 г., газета «Рабочий путь» от 16 апреля 1940 г. обрывок газеты «Красная звезда» от 11 апреля 1940 г. и другие апрельские советские газеты — целиком или во фрагментах.

Кроме того, был обнаружен конверт со штампом от 14 мая 1940 г. Документов с более поздними датами в описи нет.

Характер обнаруженных у погибших военнопленных документов привел следствие к безусловному выводу о соответствии большинства последних дат этих документов времени их смерти, так как можно понять длительное хранение людьми писем, но никто не будет хранить при себе более года обрывки конвертов и газет, тем более что экспертами не было обнаружено подлинных документов с датами после мая 1940 г. Поэтому были произведены подлог и фальсификация документов.

Совокупность документов, найденных в Катыни в 1943 г. международной комиссией врачей и Польским Красным Крестом, документов, перечисленных в секретной описи, обнаруженных и сокрытых с целью фальсификации советскими судебно-медицинскими экспертами в 1944 г., а также найденных российскими и польскими экспертами в ходе эксгумаций 1991 г. в Харькове, Медном и Катыни, бесспорно доказывала время расстрела и захоронения 14.700 польских военнопленных — апрель—май 1940 г.

Акт судебно-медицинской экспертизы от 24 января 1944 г., составленный экспертами Прозоровским, Смольяниновым, Выропаевым, Семеновским, Швайковой, Никольским, Бусоедовым, Субботиным, Оглоблиным, Пушкаревой, Садыковым, в части исследования документов, обнаруженных при эксгумации в Катыни в 1944 г., и датировки расстрела сентябрем—декабром 1941 г. вследствие допущенного указанными экспертами подлога документов и фальсификаций является заведомо ложным заключением. Все эксперты, участвовавшие в подготовке фальшивки, равно как ранее сотрудники НКВД и НКГБ, непосредственно спланировавшие и осуществившие акцию по уничтожению польских военнопленных, Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1940 г. и 20 февраля 1945 г. были награждены орденами СССР. Это подтверждало, что названные люди выполняли специальное задание³⁵.

Такое же задание Правительства СССР выполняли члены правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу А.Я.Вышинский, В.Н.Меркулов, К.П.Горшенин, В.С.Абакумов, Н.Рычков, И.Т.Голяков, Лавров, а также непосредственные участники процесса маршал В.Д.Соколовский и советский государственный обвинитель Р.А.Руденко. Они действовали по прямому распоряжению Ста-

лина и его ближайшего окружения и под непосредственным руководством и контролем НКВД СССР.

При этом деятельность органов безопасности СССР не ограничилась представлением сфальсифицированной версии преступления, изложенной в справках о предварительном расследовании и положенной в основу официально объявленной в сообщении Специальной комиссии версии. По заданию высшего государственного руководства эта деятельность была продолжена в виде фальсификации дополнительных доказательств с целью перекалывания вины за катынское преступление на руководство фашистской Германии, а затем была направлена на защиту этого поднятого до уровня государственной тайны преступления от огласки, а всей фальсификации — от разоблачения.

Следствие располагает записью заседания правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу от 21 марта 1946 г., сформированной по решению высшего руководства СССР. Для подготовки «дополнительных доказательств» для Нюрнбергского процесса были привлечены члены правительства.

Тот же метод опоры на свидетельские показания был избран советскими представителями в Нюрнберге, когда выяснилось, что обвинение немцев в катынском злодеянии поставлено там под сомнение.

Под руководством заместителя Председателя СНК А.Я.Вышинского было проведено специальное совещание. На нем министру госбезопасности В.С.Абакумову поручалось «подготовить» болгарских свидетелей, министру внутренних дел В.Н.Меркулову — «3—5 наших свидетелей и 2 медицинских экспертов, подлинные документы, найденные на трупах, и протоколы их медицинского исследования», а также «подготовить свидетеля-немца, который был участником немецкой провокации в Катыни». К.П.Горшенин вместе с Сафоновым и Савицким должны были готовить польских свидетелей и их показания, а Вышинский обеспечивал создание документального фильма о Катыни³⁶ (в котором, как известно, важное место было отведено свидетельским показаниям, но их пришлось заменить по рекомендации А.Н.Толстого дикторским текстом ввиду неубедительности звучания).

Следствие установило важные факты и обстоятельства.

Из телефонной программы сотрудника НКГБ Кирсанова, отправленной из Софии Вышинскому, следует, что, претворяя это правительственное решение в жизнь, сотрудники советской госбезопасности проводили активную работу среди болгарских граждан, ранее замеченных в сотрудничестве с немцами и «причастных к их пропагандистским акциям в Катыни и Виннице». И они делали это теми же методами, которые применялись к советским гражданам: путем запугиваний, сбора компромата, шантажа и уголовных репрессий добивались от болгар дачи показаний, подтверждающих версию о совершении преступления в Катыни немцами, готовили их к

даче ложных показаний перед Международным военным трибуналом (МВТ).

Как явствует из материалов уголовного дела в отношении болгарских граждан М.А.Маркова, Г.М.Михайлова, архимандритов Иосифа, Стефана и Николая, после победы над Германией все они были арестованы. В ходе расследования особый упор делался на сбор компрометирующих их материалов. С изменением ими своей позиции в катынском вопросе дела были прекращены, и они были оправданы болгарским судом. Как известно, Марков участвовал в работе Международной комиссии врачей во время проведения в 1943 г. эксгумации в Катынском лесу и подписал общий документ, в котором фактически делался вывод о расстреле поляков весной 1940 г., что было равносильно обвинению в этом преступлении СССР. В ходе же болгарского судебного процесса Марков, будучи «подготовленным» советскими органами безопасности, заявил, что он подписал этот документ под угрозой репрессий со стороны немцев, что свой личный протокол вскрытия одного трупа он оставил без выводов о времени смерти, поскольку сомневался в том, что поляков расстреляли русские. Впоследствии Марков выступал с такими же показаниями на Нюрнбергском процессе на стороне советского обвинения³⁷. Аналогично органы НКГБ поступили и с другим болгаринном — Михайловым³⁸.

Согласно совершенно секретной справке, подготовленной выполнявшими упоминавшееся задание правительства Л.Ф.Райхманом, Л.Р.Шейниным и Трайниным В.Н.Меркулову, для участия в Нюрнбергском процессе были специально подготовлены те же лже-свидетели, которые ранее дали согласие на конфиденциальное сотрудничество в этом с органами безопасности: А.М.Алексеева, Б.В.Базилевский, В.И.Прозоровский, П.Ф.Сухачев, С.В.Иванов, И.В.Саввотеев, Л.Шнейдер, М.А.Марков. Планировалось включить и членов комиссии Н.Н.Бурденко С.А.Колесникова и митрополита Николая, а также свидетеля-эксперта К.П.Зубкова. Были подготовлены фотокопии с подложных документов, «найденных» комиссией Бурденко, и документальный фильм «Трагедия в Катынском лесу»³⁹.

В качестве «свидетеля-немца, который был участником провокации в Катыни», готовили двух человек — ассистента профессора Бутца Людвиг Шнейдера и солдата Арно Дюре. Военные прокуроры разыскивали архивное уголовное дело генерала германской армии Г.Ремлингера, который проводил карательные акции на территории Ленинградской области. Как выяснилось, с 28 декабря 1945 г. по 4 января 1946 г. уголовное дело в отношении Ремлингера, Дюре и еще пяти немецких военнослужащих рассматривал в присутствии большого количества советских и зарубежных корреспондентов военный трибунал Ленинградского военного округа. А.Дюре, который в нескольких деревнях расстреливал людей из пулемета, избежал смертной казни, поскольку, отвечая на наводящие вопросы прокурора, подтвердил, что якобы участвовал в захоронении 15—

20 тыс. польских военнопленных в Катыни. За это органы безопасности оставили «очевидца» в живых (он получил 15 лет каторжных работ), но все же не решились использовать его в качестве свидетеля в Нюрнберге: он не сумел должным образом сыграть отведенную ему роль. Дюре давал абсурдные ответы на многие вопросы прокурора и суда, что однозначно разоблачало лживый замысел. Например, дав волю фантазии, он утверждал, что Катынский лес находится в Польше, что глубина рва, в котором хоронили поляков, составила 15—20 м, что стенки рва они укрепляли сучьями деревьев и т.д. Позже, в заявлении от 29 ноября 1954 г., Дюре отказался от своих показаний об участии в захоронении поляков в Катыни и заявил, что его заставили так говорить на следствии⁴⁰.

Из переписки министра безопасности СССР Абакумова с его подчиненными генералами Давыдовым и Райхманом, а также полковником Д.В.Гребельским следует, что они активно готовили лже-свидетелей и на территории Польши путем сбора компрометирующих материалов на нужных им людей⁴¹.

Однако все это осталось не востребуемым. По решению МВТ заслушивались только по три свидетеля с каждой из сторон. Советское обвинение представило свидетелей Базилевского, Прозоровского и Маркова, которые подтвердили свои ложные показания. Они не были приняты как убедительные, поскольку, как известно, немецкая защита их без труда опровергла. Несмотря на то, что советский государственный обвинитель Р.А.Руденко в своей заключительной речи призвал суд признать подсудимых виновными в совершении катынского преступления, МВТ этого не сделал и не включил этого эпизода в свой обвинительный приговор. Это было равносильно отрицанию вины немцев в совершении катынского преступления⁴². Вместе с тем никто не пытался отвергнуть предложенную квалификацию этого преступления как военного преступления и геноцида.

После завершения Нюрнбергского процесса, во время которого Сталин не сумел реализовать замысел перекладывания вины на немецких фашистов, советские репрессивные органы продолжали прежнюю линию тщательной охраны тайны преступления.

Следуя этой логике, сталинское руководство отклонило предложение специальной комиссии Палаты представителей Конгресса США по расследованию катынского злодеяния под председательством Р.Дж.Мэддена. Названная комиссия в условиях начавшейся «холодной войны» сняла с себя обет молчания и письмом от 27 февраля 1952 г. официально пригласила правительство СССР участвовать в расследовании катынского преступления и представить любые доказательства по этому вопросу. Следствие не могло оставить эти факты без внимания.

Комиссия Мэддена в ходе последовавших за этим заседаний в Великобритании, ФРГ и Франции заслушала многие десятки свидетелей (но из Москвы никто прислан не был), исследовала документы. В итоге она пришла к выводу, что органы НКВД совершили

массовые убийства польских военнопленных с целью устранения всех польских деятелей, которые могли бы оказать сопротивление планам советского правительства в отношении «полной коммунизации Польши». При этом выяснилось и то, что официальным властям США было известно о Катыни еще в 1942 г., но они скрыли правду из боязни испортить союзнические отношения с СССР⁴³.

В Москве пристально следили за работой комиссии. Как следует из справки-доклада полковника госбезопасности Гребельского от 24 сентября 1952 г. своему руководству, он подготовил подробную справку с анализом итогов работы комиссии Мэддена для Вышинского. В МИД была организована высокая комиссия по материалам Катынского дела. В ее состав вошли заместители начальника договорно-правового управления МИД, заместитель начальника следственного управления Прокуратуры СССР, помощник Генерального прокурора СССР, а также свидетели — участники комиссии Бурденко профессора В.И.Прозоровский и В.М.Смолянинов. В эту комиссию был включен и сам Гребельский. Его особая функция состояла в наблюдении за тем, чтобы работа комиссии не выходила за рамки официальной позиции. Он особо доносил руководству о малейших подозрениях и сомнениях, возникавших у членов комиссии. В результате принятых мер Гребельский мог доложить: «Вся работа и обсуждение возникающих вопросов ведутся строго в рамках опубликованных в нашей печати сведений». Подмечая возникновение сомнений и вопросов (даже еще не подозрений) у членов комиссии в отношении правдивости «официальной советской версии», Гребельский доносил, что Александров задал вопрос о том, удалось ли разыскать Меньшагина. На это он (Гребельский), осторожно лавируя, ответил, что не располагает сведениями (Б.Г.Меньшагин в это время находился в заключении во Владимирской тюрьме). Гребельский сигнализировал, что этот вопрос может возникнуть повторно и к ответу на него необходимо подготовиться.

Органы безопасности не проявляли и минимума открытости, не доверяли сколько-нибудь выходявшей за рамки официальной версии информации по делу даже членам высокой комиссии. Как видно из доклада Гребельского, определенным доверием у органов безопасности пользовался болгарский гражданин Марков, который дал в Нюрнберге «весьма ценные показания». В связи с этим он предлагал обсудить с Марковым подготовленную Смоляниновым и Прозоровским справку⁴⁴. Это еще раз подтверждает вывод о том, что с теми «свидетелями», которые были обработаны в ходе подготовки Нюрнбергского процесса, была достигнута договоренность и что с них была взята подписка о негласном сотрудничестве со сталинско-бериевскими органами государственной безопасности СССР.

Расследование дела осложняло, в частности, то, что свидетели, с которыми приходилось работать, или являлись в прошлом штатными сотрудниками органов безопасности и поэтому были в той

или иной мере причастны к катынскому преступлению, или же были вынуждены ранее по требованию этих органов давать ложные показания, участвовать в подлоге и фальсификации доказательств, давать подписки о соучастии с ними.

Следствие в трудных поисках истины

Если «советская официальная версия событий» в значительной мере держалась на сообщении комиссии Бурденко, то это сообщение, в свою очередь, практически полностью базировалось на многочисленных показаниях свидетелей. Этих показаний, призванных убедить как советских людей, так и мировое общественное мнение в непричастности СССР к расстрелу поляков в Катыни, было более сотни, и весь собранный НКВД материал должен был создать противовес просочившейся подлинной информации, переложить вину за гибель поляков на немецких оккупантов.

Анализ доказательственной стороны сообщения и методов работы органов НКВД по собиранию и закреплению этих доказательств предполагал повторные допросы всех свидетелей, дававших ранее показания как немцам, так и в НКВД. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что сообщение содержало самые минимальные сведения о свидетелях: фамилия, имя, отчество и профессия. Очень многие «катынские свидетели» после допросов в 1943 г. разъехались по всему Советскому Союзу, многие просто умерли. Понадобилось много сил, средств и времени, чтобы отыскать и допросить оставшихся в живых. Следователи летели самолетами, ехали поездами, плыли теплоходами по всей необъятной стране с одной целью — установить истину о событиях пятидесятилетней давности, страшные последствия которых не давали успокоения.

Прошлое стучалось во многие двери, жестко напоминая о себе людям с нелегкой судьбой, подмятым и сломленным репрессивной машиной сталинского тоталитарного режима. Прделанная следователями работа позволила не только разоблачить лжесвидетелей, опровергнуть выводы сообщения комиссии Бурденко, но и выяснить то, как органы НКВД заставили многих людей давать ложные показания.

Конкретные тактика и методы работы НКВД/НКГБ/МГБ СССР со свидетелями при подготовке сфальсифицированной версии расстрела поляков заключались в следующем.

Добровольно дававших в 1943 г. немцам показания о причастности органов НКВД к расстрелам польских военнопленных в 1940 г. свидетелей, которых невозможно было использовать для закупаемой фальсификации вследствие того, что их новые показания явно вызвали бы сомнения, органы изолировали от окружающих, тайно подвергали репрессиям. Лжесвидетелей, давших подписку о соучастии с НКВД, заставляли давать показания, порочащие таких людей, равно как и сбежавших на Запад свидетелей.

Именно так поступили с важнейшим свидетелем Иваном Кривоцерцевым (псевдоним — Михаил Лобода), который дал немцам показания о том, что в Катынском лесу сотрудники НКВД расстреляли польских военнопленных, и указал места их захоронения. Как было установлено, осенью 1946 г. в составе 2-го танкового корпуса Кривоцерцев прибыл в Великобританию. В октябре 1948 г. британские власти в ответ на запросы польской армейской разведки сообщили, что Кривоцерцев умер в 1947 г., но отказались сообщить подробности. Ходили слухи, что Кривоцерцев повешен или сам покончил жизнь самоубийством⁴⁵. Такие же показания об обстоятельствах захоронения поляков дал И.В.Андреев, по прозвищу «Шапочка».

Были собраны данные о свидетелях И.Андрееве (прозвище — «Румба»), М.Жигулеве, Годезове (Годунове), Г.Сильвестрове и других, которые дали немцам в 1943 г. аналогичные показания о гибели поляков в 1940 г.⁴⁶

Эти данные следствие сравнило с материалами НКВД и сообщением комиссии Бурденко, где делался вывод, что эти показания ложны, поскольку якобы получены путем насилия и угроз. Там же утверждалось, что «исчезнувшие при невыясненных обстоятельствах» И.Кривоцерцев, И.Андреев, М.Жигулев будто бы ушли с немцами на запад, а возможно были ими увезены насильно. Эти сведения не подтвердились. Как показало расследование, Годезов и Сильвестров внезапно умерли в 1943 г.⁴⁷

Странное «исчезновение» важнейшего свидетеля при не до конца выясненных обстоятельствах имело место также в случае И.В.Андреева. Военные прокуроры тщательно изучили его историю.

Из хранящегося в архиве Управления ФСБ по Смоленской области архивно-следственного дела Андреева, обвиненного в совершении преступления, предусмотренного статьей 58-1 пункт «а» УК РСФСР, усматривается следующее. 1 октября 1949 г. по постановлению особого совещания Андреев был заключен в тюрьму на 25 лет. По решению Центральной комиссии по пересмотру дел от 27 февраля 1956 г. постановление особого совещания было отменено и дело на основании пункта «б» статьи 204 УПК РСФСР прекращено, с освобождением Андреева из-под стражи.

Изучение этого дела показало, что оно сфальсифицировано следователями. Несмотря на то что следствие обвиняло Андреева в измене Родине и сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами (что при повторной проверке ГВП не подтвердилось), в деле нет ни одного допроса, в котором бы следователи пытались выяснить вопрос о причастности Андреева к обнаружению немцами захоронений польских военнопленных в Катынском лесу и причины того, почему Андреев обвинил в этих расстрелах НКВД СССР. Ведь это, казалось бы, причиняло большой ущерб интересам СССР при принятии официальной версии. Андреев затронул этот вопрос по личной инициативе в собственноручных показаниях и фактически подтвердил то, что ему было известно о расстреле поляков в Катыни

и о чем он рассказывал немцам. При этом, не уточняя, кто именно их расстрелял, он подтвердил время и маршрут перевозок поляков от станции Гнездово в Катынский лес, чем фактически назвал виновных в расстреле⁴⁸.

В этом же деле есть показания свидетелей О.А.Петровой, Т.Е.Фатькова, А.Д.Мазурека и других, которые, рассказывая о «предательской деятельности» Андреева, также по личной инициативе говорили о роли Андреева в разоблачении тайны катынского расстрела. Однако следователи не развивали этой темы, уходили от нее. Она вообще не затрагивалась в обвинительном заключении и официально не вменялась Андрееву в вину.

Но в том же томе имеется протокол допроса О.А.Петровой, которой предъявлялись для опознания фотографии И.В.Андреева, М.Д.Захарова, И.Ф.Киселева и других жителей Смоленской области, рассказавших немцам о расстреле поляков в Катынском лесу органами НКВД. Эти материалы перепроверялись. На основании описания фотографий в протоколе допроса Петровой, а также исходя из того, что следственные действия проводились в одном и том же месте и в одно и то же время (г. Смоленск, май—июнь 1947 г.), было высказано предположение, что Петровой предъявлялись фотографии «катынских свидетелей» с целью розыска лиц, дававших показания немцам, и, видимо, параллельно сфальсифицированному уголовному делу в отношении Андреева велось какое-то розыскное или уголовное дело. Из препроводительного письма следует, что фотокарточки находились в трофейном немецком альбоме «Польский поход в документах и листовках» и направлены в управление безопасности по Смоленской области для опознания в 1947 г. одним из отделов Главного управления МГБ СССР. Попытка обнаружить в Центральном архиве КГБ СССР этот альбом результатов не дала: он был или уничтожен, или запрятан в другие архивохранилища.

Показательно, что в деле Андреева не только отсутствуют материалы, свидетельствующие о его причастности к событиям в Катыни, но вообще нет каких-либо отметок о том, что его с 11 декабря 1955 г. по 7 марта 1956 г. содержали во Владимирской тюрьме — там, где держали в изоляции всех «катынских свидетелей» (Меньшагина, Миронова, Калиньского, Караванского, а возможно и других)⁴⁹.

Из письма матери Андреева У.Д.Андреевой следует, что в прессе публиковались статьи о том, что ее сын ушел с немцами на запад, в то время как в действительности после освобождения Смоленска он уехал и проживал до ареста в г. Томске, а затем отбывал наказание в тюрьме. Это подтверждает стремление органов безопасности изолировать Андреева именно как свидетеля по Катынскому делу.

В собранных многочисленных жалобах Андреев последовательно и убедительно доказывал свою невиновность, но ни разу не затронул катынскую тему, не привел факта дачи показаний немцам о виновности НКВД в расстреле поляков. Из этого следует, что Андре-

ев, возможно, давал показания по Катынскому делу, но они вошли в специальные оперативные материалы НКГБ/МГБ, которые до настоящего времени не обнаружены, что он, видимо, дал подписку о сотрудничестве с органами безопасности и о неразглашении ставших ему известными сведений о расстреле польских военнопленных. Для обеспечения сохранности этой тайны, а также в наказание за помощь немцам в изобличении НКВД Андреева по сфальсифицированному делу лишили свободы на 25 лет. Убедившись, что на протяжении семи лет нахождения в заключении, в том числе и во Владимирской тюрьме, Андреев хранил молчание об истинной причине своего наказания и даже в жалобах нигде об этом не упомянул, то есть доказал, что сумеет сохранить катынскую тайну, его освободили из мест лишения свободы. В настоящее время установить место нахождения Андреева не удалось⁵⁰.

Из числа жителей Смоленска, Гнездово и других расположенных вблизи Катынского леса населенных пунктов, которые сообщали немцам сведения о расстреле поляков и остались после изгнания оккупантов в местах постоянного проживания, а также тех, кто не давал показаний, но в той или иной мере сотрудничал с немцами (или родственников этих лиц), НКВД/НКГБ/МГБ СССР подготовили своих наиболее послушных и ценных лжесвидетелей. Путем запугивания, а также прямых уголовных репрессий их вынуждали давать согласие в форме подписки на негласное сотрудничество с органами безопасности и неразглашение ставшей им известной тайны, а также на дачу заведомо ложных, препарированных показаний о виновности немцев в расстреле польских военнопленных. Из них делали поставщиков ложных компрометирующих данных о свидетелях из предыдущей категории.

Одним из часто применявшихся следователями и оперативными работниками способов принуждения к даче заведомо ложных показаний было запугивание уголовным преследованием за сотрудничество с фашистами. Как только свидетели соглашались покрывать истинных виновников гибели поляков, отрицать истинное время их расстрела и подписывали вымышленные протоколы, уголовные дела в отношении этих лиц прекращались. Таким образом они избегали дальнейшего открытого преследования.

Так, в немецком «Официальном материале о массовом Катынском убийстве» содержались показания П.Г.Киселева, подсобного рабочего — сторожа дачи НКВД до начала войны, свидетеля того, как весной 1940 г. на железнодорожной станции Гнездово почти ежедневно из вагонов выводили мужчин, сажали в грузовики и отвозили в Катынский лес, откуда затем слышались крики и выстрелы. На протяжении 4—5 недель в Катынский лес привозили по 3—4 таких машины. Он обнаружил в лесу несколько свежих холмов и после прихода немцев показал группе рабочих-поляков эти холмы, дал лопаты для раскопок и знает, что поляки нашли там трупы своих сограждан. Это были принципиально важные показания.

Поэтому выяснение дальнейшей судьбы Киселева для проверки этих показаний стало одной из первых задач прокуроров.

Из хранившегося в УКГБ по Смоленской области секретного уголовного дела по обвинению П.Г.Киселева и его сына В.П.Киселева в сотрудничестве с оккупантами (которое, несмотря на тяжелые обвинения, впоследствии было прекращено), из протоколов допросов П.Г.Киселева и его сына, а также А.М.Субботкина и Т.И.Сергеева следует, что эти показания были даны сотрудникам НКГБ практически сразу после освобождения, но затем тщательно скрывались. При этом П.Г.Киселев не только полностью подтвердил данные во время оккупации показания, но и конкретизировал их в том, что, говоря о расстрелянных, имел в виду поляков. Протоколами допросов Киселева, Субботина, Сергеева из того дела подтверждается: показания Киселевым были даны немцам добровольно и соответствовали тому, что он действительно видел.

Когда после освобождения Смоленска предпринимался ряд мер для ликвидации «советского следа» в Катынском лесу, в ходе «предварительного расследования» там работала комиссия из представителей центрального аппарата НКГБ СССР, которая передпросила всех перечисленных свидетелей. Все они коренным образом изменили свои показания. Теперь Киселев-старший показал, что якобы немцы избиениями и угрозами вынудили его утверждать, что поляков расстреляли в 1940 г. органы НКВД и неоднократно заставляли выступать с этим сообщением перед различными делегациями в Катынском лесу. В действительности же Катынский лес всегда был излюбленным местом массовых гуляний населения. И только с момента оккупации район дачи НКВД огородили и запретили туда заходить под страхом смерти. В августе—сентябре 1941 г. немцы стали завозить на грузовиках и гнать колоннами польских военнопленных в Катынский лес, откуда затем были слышны выстрелы.

Аналогичные показания П.Г.Киселев дал на заседании комиссии Бурденко, на пресс-конференции по итогам работы этой комиссии⁵¹. В таком же виде они были закреплены в официальном сообщении. Аналогично и соответственно показаниям Киселева были изменены и показания его сына и Сергеева⁵².

Более того, в сообщении утверждалось, что в результате избиений в гестапо Киселеву-старшему якобы были причинены увечья, что подтверждалось актом врачебного обследования, а из показаний Сергеева следовало, что от избиений в гестапо у П.Г.Киселева отказала правая рука. Но Киселев в своих первых показаниях ничего об этом не говорил, в акте не выяснялся вопрос о времени и механизме получения травмы плеча, а на подлинных фотографиях, сделанных немцами в 1943 г., Киселев во время выступления перед врачами международной комиссии свободно держит в правой руке микрофон. Поэтому следствие пришло к выводу, что травмы руки у П.Г.Киселева не было⁵³.

Показания Субботкина, который обвинял Киселевых в сотрудничестве с немцами и в том, что они выдали его как секретного агента НКВД гестапо, в связи с чем он был арестован, в дальнейшем нигде не приводились, равно как нигде нет информации о расследовании и прекращении уголовного дела в отношении Киселевых.

Использование уголовных преследований для принуждения свидетелей к даче заведомо ложных показаний демонстрируют отнюдь не случайно попавшие в материалы комиссии Бурденко хранящиеся в МБ РФ документы в отношении профессора физики Смоленского медицинского института И.Е.Ефимова. Они, как показания солидного, уважаемого ученого, присовокуплялись для подтверждения лжесвидетельств.

Из постановления о прекращении дела и освобождении обвиняемого Ефимова из-под стражи от 5 января 1944 г. следует, что ему предъявляли обвинение в измене Родине (статья 58-1 п. «а» УК РСФСР), за что предусмотрена смертная казнь, и что он более трех месяцев содержался под стражей. Там же подшит и второй документ — подписка от 5 января 1944 г., написанная Ефимовым собственноручно: он дал органам НКГБ СССР обязательство никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не разглашать ставшие ему известными в ходе допросов сведения, которые рассматривались как государственная тайна. За нарушение этого обязательства его ждало суровое наказание. После дачи подписки уголовное дело было прекращено, а Ефимов освобожден из-под стражи. В результате проведенной работы он дал требуемые показания, будто бы заместитель бургомистра Смоленска Б.В.Базилевский в период оккупации ему рассказал, что, по сведениям коменданта города, около Гнездова немцы по приказу из Берлина расстреливали польских офицеров и что от сослуживцев он якобы узнал, что трупы, одежда и документы слишком хорошо сохранились, поэтому невозможно, чтобы они пролежали в земле около трех лет. Эти показания Ефимов подтвердил на заседании Специальной комиссии Бурденко. Они ею были использованы для придания достоверности показаниям важнейшего лжесвидетеля Базилевского и при формулировании официальной позиции СССР о том, что Меньшагин ему якобы рассказал о расстреле польских офицеров немцами в Катынском лесу⁵⁴.

Профессор астрономии Б.В.Базилевский использовался для монтирования системы однотипных свидетельских показаний. Подготовленную фальшивую версию Базилевский подтвердил на созванной комиссией Бурденко пресс-конференции. Его ложные показания вошли в сообщение, были воспроизведены им в Международном военном трибунале в Нюрнберге⁵⁵.

Базилевский умер вскоре после войны. В ходе расследования прокурорам ГВП удалось найти живых лжесвидетелей. Известная свидетельница А.М.Алексеева, во время оккупации работавшая уборщицей в расположенной в Катынском лесу немецкой воинской

части и неоднократно допрашиваемая сотрудниками НКВД и НКГБ в 1943—1946 гг., щедро давала информацию: якобы на дачу, где располагалась немецкая часть, приезжало много машин с автоматчиками, немцы гнали польских военнопленных в лес, после чего оттуда слышались выстрелы. Она живописала детали, например: немцы после этого возвращались на дачу, забрызганные кровью (то же самое повторяли другие работавшие на даче женщины).

Затем аналогичные показания Алексеева дала на пресс-конференции в Катини. Они, как и показания других работниц, вошли в сообщение, и она их повторила во время подготовки письменных свидетельских материалов для Нюрнберга. А вот в ходе прокурорского расследования, будучи допрошенной 31 января 1991 г., Алексеева кардинальным образом изменила свои показания. Теперь она говорила следующее: работала у немцев из страха, что ее могли угнать в Германию; не видела никаких польских военнопленных и ничего не знает об их расстрелах. Никаких выстрелов не слышала.

Когда Алексееву 12 марта 1991 г. прокуроры допрашивали еще раз и ей были предъявлены показания, которые она давала в 1943—1946 гг., она испугалась и снова изменила свои показания, подтвердив то, что говорила в 40-е годы⁵⁶.

Важным лжесвидетельством стал допрос в НКГБ К.П.Егуповой. В 1943 г. она якобы показала, будто бы ездила при немцах на эксгумацию катынских могил и убедилась, что трупы польских военнопленных очень хорошо сохранились. Это позволило ей как врачу считать, что они пролежали в земле не более двух лет, а это якобы давало основание подтвердить, что поляков расстреляли немцы. Прокурорам удалось отыскать Егупову, и 17 января 1991 г. она сообщила, что присутствовала на эксгумации захоронений, но к каким-либо определенным выводам о времени расстрела и виновных в нем не пришла. Однако до последнего допроса в январе 1991 г. никому об этом показаний не давала и ничего не подписывала. Откуда появился протокол ее допроса, будто бы проведенного сотрудниками НКВД в 1943 г., она не знает⁵⁷. Такая «забывчивость» свидетелей типична, хотя были и явно сфальсифицированные показания. Например, со слов свидетелей С.А.Семеновой и М.А.Киселевой в 1944 г. записывались показания о том, что польских военнопленных расстреляли немцы. В ходе же настоящего следствия они заявили, что вообще не давали никаких показаний⁵⁸.

Попытки многих подтверждавших дату расстрела — 1941 г. свидетелей «забыть» прежние показания и как бы вынужденное их воспроизведение в прежнем виде при предъявлении подлинных документов того времени лишний раз подтверждают, что они давали ложные показания и подписку о сотрудничестве, о неразглашении истинных обстоятельств преступления из страха расправы за сотрудничество с немцами. В настоящее время они изменяли свои показания в связи с новым подходом органов безопасности России к

этой проблеме. Однако все свидетели боятся репрессий этих органов и в настоящее время.

Удалось выяснить важные обстоятельства, предшествующие деятельности комиссии Бурденко в Катынском лесу.

Прокурорами ГВП были передопрошены и другие свидетели, чьи показания использовались для обоснования советской версии. Например, в 1943—1944 гг. М.Г.Кривоцерцев показывал сотрудникам НКГБ, что Катынский лес являлся излюбленным местом гуляний для местных жителей и сбора грибов. В августе 1941 г. он якобы видел, как в Катынский лес двигались груженные людьми немецкие грузовики и туда же гнали колонны польских военнопленных, после чего оттуда раздавались одиночные pistolетные выстрелы. Лесник Цуриков показал ему место захоронения, и он решил, что именно там погребены поляки. В апреле 1943 г. это место разрыли немцы и обнаружили захоронения, которые очень хорошо сохранились. Там же он нашел три гильзы фирмы Геко калибра 7,65, которые передал сотрудникам НКГБ⁵⁹.

В ходе расследования ГВП Кривоцерцев подтвердил, что до войны проживал в Гнездове, и показал, что летом 1940 г. на станции, на запасных путях, он видел 3—4 «столыпинских вагона» с заключенными, по 60 человек в каждом. К дверям вагонов вплотную подогнали автобусы, в которые переходили заключенные. Через некоторое время в поселке распространился слух, что они были поляками, из которых хотели организовать колхоз, но они отказались и были расстреляны. Во время оккупации в Катынском лесу он видел открытые ямы, в одной из которых насчитал примерно 300 трупов мужчин, которые лежали в 13 слоев. После освобождения Смоленска в Катынский лес приехала комиссия и его вызвали на допрос, где, ни о чем не спрашивая, сразу предложили подписать протокол. Что он и сделал, так как боялся за жизнь членов своей семьи.

То же самое Кривоцерцев говорил и допрошенному в качестве свидетеля спецкору Смоленского комитета по телевидению и радиовещанию А.П.Якушеву. Кривоцерцев в беседе с ним отрекся от показаний, данных органам НКГБ в конце 1943 г. Мотив дачи ложных показаний он сформулировал так: если бы он не подписал того, что ему было предложено, то его бы уничтожили.

Якушев передал еще один факт: примерно 5—6 лет назад к Кривоцерцеву приходил сотрудник КГБ, который предупредил, что он должен помнить и подтверждать показания, данные в 1943 г.⁶⁰ Этот журналист, как оказалось, беседовал и с местными жителями И.И.Титковым, И.Л.Ноздревым и К.Е.Бороденковым, которые сообщили, что поляков в Катыни расстреляли сотрудники НКВД в 1940 г. Показания Кривоцерцева, Киселева, Ноздрева, Т.Каппо о том, что поляков расстреляли и захоронили в Катынском лесу в 1940 г., достаточно убедительно подтверждаются документальным видеофильмом Анджея Вайды «Катынский лес».

Подобный случай оформления сотрудниками НКВД фиктивных показаний имел место и у Ю.Ф.Кривозерцевой. В неподписанном заявлении в Смоленский обком ВЛКСМ от 21 октября 1943 г., составленном от ее имени, говорилось, что она будто бы видела, как немцы гнали колонны польских военнопленных. Из разговоров односельчан ей стало известно, что немцы расстреливали их в Катынском лесу. Допрошенная в качестве свидетеля в апреле 1991 г. Кривозерцева не подтвердила фактов написания заявления или допроса в 1943—1944 гг. Более того, она сообщила новые сведения о местах разгрузки. Так, весной 1940 г. она сама видела, как на железнодорожную станцию Новые Батеки прибывали пассажирские вагоны с решетками на окнах, в которых перевозили польских военнопленных. Поляков грузили в машину «черный воронок» и отвозили. Все вещи поляков складывали в открытую грузовую машину⁶¹.

Было обнаружено множество случаев смены показаний под давлением сотрудников НКВД. Бывший староста деревни Новые Батеки М.Д.Захаров, допрошенный в марте 1943 г. немцами, сообщил, что, работая на станции Гнездово, в марте 1940 г. наблюдал прибытие из Козельска на протяжении 28 дней практически ежедневно 2—3 арестантских вагонов, в которых находились польские офицеры и духовенство. Под конвоем их выгружали из вагонов, сажали в грузовые машины и отвозили в сторону Катынского леса. После освобождения Смоленска Захаров был арестован органами контрразведки «Смерш». Он «признался», что дал немцам показания о расстреле поляков так, как они изложены выше, но сделал это в результате избиений, пыток и угроз оружием. В действительности же якобы ему приходилось видеть поляков при немцах, но затем они исчезли. Односельчане стали говорить, что их расстреляли немцы. Он был в Катынском лесу во время раскопок, проводимых немцами, и лично убедился, что трупы хорошо сохранились.

В таком виде эти показания М.Д.Захарова воспроизведены в сообщении комиссии Бурденко⁶². Аналогично меняли свои показания на допросах в органах НКВД и НКГБ свидетели И.В.Саввотеев, А.В.Хилов, С.В.Иванов, Н.С.Каверзнев, В.Г.Ковалев, П.М.Алексеев, Г.П.Яковлев и многие другие. Эти показания, как правило, использовались в сообщении, как, впрочем, и показания свидетелей, сотрудничавших с немцами, но немцами не допрашивавшихся.

Так, свидетель И.З.Куцев, который во время оккупации работал директором водопровода, перечислил на допросах в органах НКГБ все требуемые сведения: что видел поляков на строительстве дороги, которое велось немцами, участвовал в осмотре катынских захоронений и убедился, что трупы хорошо сохранились, что руки у некоторых были связаны бечевкой, похожей на немецкую. В таком же виде эти показания воспроизведены в сообщении комиссии Бурденко⁶³. Однотипных показаний таких свидетелей было обнаружено множество.

Давать подобные показания были вынуждены служившие в немецком рабочем батальоне, а затем перебежавшие на сторону Красной Армии поляки Э.Потканский и Р.Ковальский, которые были на месте раскопок в 1943 г. Они свидетельствовали, что трупы польских военнопленных и их одежда якобы хорошо сохранились и они посчитали, что их расстреляли немцы. Точно так же попавший в советский плен бывший ассистент профессора Бутца обер-ефрейтор Людвиг Шнейдер заявил, что по требованию обер-штурмфюрера СС Гильберса и Бутца результаты лабораторных исследований якобы умышленно искажались, чтобы доказать версию расстрела поляков русскими⁶⁴. Очевидно, что все эти показания, полученные для подтверждения «советской официальной версии», были ложными.

Уголовные репрессии и запугивания для склонения к лжесвидетельству применялись даже к тем лицам, которые только проживали на оккупированных территориях. Дача ложных показаний всеми этими свидетелями на допросах в НКВД и НКГБ явилась результатом их полной зависимости от советских органов безопасности и непосредственной угрозы их жизни. Лицам, давшим ложные показания о виновности немцев в расстрелах поляков (Андреевой, Кривозерцеву и другим), выплачивалось денежное вознаграждение.

Из жителей Смоленска, Гнездово и окружающих Катынский лес деревень, которые не давали немцам показаний и не сотрудничали с ними, что не позволяло их открыто шантажировать уголовными преследованиями в целях получения прямых показаний для обоснования сфальсифицированной версии катынского преступления, сотрудники НКВД и НКГБ подготовили лжесвидетелей, которые давали стереотипные косвенные показания. Так, А.А.Бондарева показала, что в годы оккупации работала уборщицей в немецкой воинской части. В июне 1943 г. ее вместе с другими гражданами отвезли на экскурсию в Катынский лес, где производились раскопки захоронений. Она осмотрела трупы и их одежду, убедилась, что все это хорошо сохранилось, и сочла, что поляков расстреляли немцы. Аналогичные показания дали более десятка свидетелей — Е.А.Яковлева, Е.А.Андреева, А.Т.Базекина, Н.П.Евтушенко и другие⁶⁵.

Если представлявшие для НКВД СССР интерес и ранее немцами не допрошенные, но работавших у них в период оккупации местные жители, которые не шли на сотрудничество с органами НКВД и НКГБ и не желали давать ложные показания о виновности немцев в расстреле поляков, то органы безопасности тем не менее использовали их как свидетелей в своих целях. А для сохранения втайне своих методов работы они содержали этих лиц в местах лишения свободы максимальные сроки и в условиях строгой изоляции.

Особенно наглядно это прослеживается на примере судьбы бывшего бургомистра г. Смоленска Б.Г.Меньшагина, который — также

как Б.В.Базилевский и И.Е.Ефимов — был арестован за сотрудничество с немецкими оккупантами. В связи с тем, что он не выразил желания сотрудничать с НКГБ и не дал ожидаемых показаний о причастности немцев к расстрелам поляков, его из заключения не освободили.

В 1943 г. Меньшагин был на месте катынских захоронений и осмотрел их. В мае 1945 г. он был арестован и на 1 июля 1946 г., т.е. на день слушания Базилевского на Нюрнбергском процессе с использованием фальсифицированных вещественных доказательств и ложных показаний, находился под стражей в тюрьме НКГБ в Москве. На заседания Международного военного трибунала его не вызывали и сам факт нахождения в Москве скрыли. Имя Базилевского было использовано без его ведома и без подлинных доказательств существования его записей в блокноте для подтверждения вины немцев.

С 1951 г. он отбывал по решению особого совещания 25-летний срок лишения свободы во Владимирской тюрьме № 2. Там его содержали в одиночной камере 19 лет без свиданий, посылок, писем или переводов. Контакт с другими заключенными не допускалось. Неоднократные обращения в высшие органы власти СССР с просьбой об амнистировании встречали отказ. Когда в 1969—1970 гг. один из заключенных Владимирской тюрьмы С.И.Караванский в своих произведениях затронул катынскую тему, Меньшагина в рамках уголовного дела на Караванского допросили об этом. Меньшагин, зная, что его содержат в полной изоляции в тюрьме с целью сокрытия правды о Катыни, и понимая, что его могут держать в тюрьме бесконечно, так как официально он числился «сбежавшим на Запад», заявил, что с Караванским не знаком и об обстоятельствах расстрела поляков в Катыни не знает.

Действительная же позиция Меньшагина, которой он придерживался все это время, зафиксирована в его «Воспоминаниях», изданных в Париже в 1988 г., уже после его смерти. Меньшагин писал, что после посещения 11 апреля 1943 г. Катыни у него возникли сомнения: «...По признакам убийства и смерти не похоже было, что их <поляков> убили немцы, потому что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки. А немцы так расстреливали, не связывали, а просто поводили автоматами. Вот и все, что я знаю».

Кратко изложив основные факты из биографии Меньшагина⁶⁶, сообщим: прокурорское расследование добавило к этому делу допросы свидетелей. Работавший с 1964 по 1976 гг. начальником Владимирской тюрьмы В.Ф.Завьялкин подтвердил, что Меньшагин отбывал наказание — 25 лет лишения свободы — по решению особого совещания за сотрудничество с немцами и работу бургомистром г. Смоленска. Завьялкин знал, что Меньшагина допрашивали о позиции по Катыни. Меньшагин утверждал, что ему о расстреле польских военнопленных в Катынском лесу ничего не известно⁶⁷. То же самое подтвердил свидетель И.М.Водин, бывший заместитель начальника Владимирской тюрьмы: «Меньшагина часто допрашивали

по обстоятельствам расстрела польских военнопленных в Катыни и других местах приезжие представители правоохранительных органов, но на всех этих допросах Меньшагин заявлял, что ему ничего не известно о том, кто расстрелял польских военнопленных. Он верит в эти показания Меньшагина, потому что считает, что Меньшагин не тот человек, который может на допросах уступить какому-либо давлению»⁶⁸. Видимо, Б.Г.Меньшагин был тверд в своем решении не давать никакой информации.

Свидетель Е.Н.Бутова, работавшая с 1946 по 1978 гг. во Владимирской тюрьме начальником медико-санитарной части, во время допроса показала, что в тюрьме действительно содержались Меньшагин, Караванский и Абанькин. Как правило Меньшагина содержали в одиночной камере или в больничном корпусе в связи с тем, что он болел тяжелым склерозом. В разговоре с ней Меньшагин говорил, что его напрасно держат в тюрьме. Несмотря на то что он был бургомистром Смоленска, он оказывал помощь советским подпольщикам и спас несколько человек. В действительности его держат в тюрьме из-за «Катынского леса»⁶⁹.

Имеющимися в уголовном деле ГВП копиями архивных учетных карточек Владимирской тюрьмы подтверждается содержание Меньшагина, 1902 г. рождения, с 1945 по 1951 гг. в одиночных камерах внутренней тюрьмы МГБ СССР в Москве, а затем по 1970 г. во Владимирской тюрьме. После освобождения Меньшагин был направлен в интернат для престарелых. В таком интернате он и умер⁷⁰.

В процессе поиска свидетелей по делу Меньшагина удалось получить еще одну важную информацию. Свидетель В.А.Абанькин показал, что, когда он в 1974—1977 гг. отбывал наказание во Владимирской тюрьме, из многочисленных разговоров со служащими тюрьмы и заключенными ему стало известно, что в той же тюрьме 25 лет содержался заключенный без указания фамилии и других анкетных данных, а только под тюремным номером. О нем говорили, что это бывший катынский лесник — очевидец расстрела польских офицеров в 1940 г.⁷¹

Охраняя тайну Катыни от огласки, сотрудники НКВД/НКГБ/КГБ применяли жестокие репрессии к тем лицам, которые пытались узнать правду о катынском преступлении и рассказать о нем другим людям, что означало утечку совершенно секретной информации.

Заключенный Владимирской тюрьмы С.И.Караванский отбывал 25-летний срок наказания за совершение преступлений, предусмотренных статьями 54-1 «б» и 54-2 УК УССР — за борьбу против существующего строя. 23 апреля 1970 г. судебной коллегией по уголовным делам Владимирского областного суда Караванский повторно был осужден по статье 70, ч. 2 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), с признанием особо опасным рецидивистом, к восьми годам лишения свободы, с частичным присоединением неотбытого срока и окончательным наказанием в виде 10 лет лишения свободы.

«Антисоветская агитация и пропаганда» Караванского заключалась в написании тайнописью стихотворений, которые он пытался передать на волю. Это были: «Прошение от имени Меньшагина Б.Ф.», «Завещание от имени Меньшагина Б.Ф.», «Прошение в Международный Красный Крест», «Возмущенный», «Владимирские ритмы», «Ритмы Владимира», «Бог есть», «Подмосковные ритмы», «Жене», «Ты и я». В них Караванский от имени Меньшагина убедительно доказывал, что катынское преступление совершено органами НКВД. В этих стихотворениях упоминались Андреев и его жена, которые давали показания немцам о виновности НКВД в расстреле поляков, за что потом Андреева длительный срок содержали во Владимирской тюрьме. Об этом мог знать только Меньшагин, так как Караванский начал отбывать срок во Владимирской тюрьме с 1970 г., когда Андреева там уже не было. Караванский называл в своих стихотворениях и бывших военнослужащих конвойной части, которые были свидетелями расстрела в Катынском лесу, — Отрошенко, Магешева, Меджидова. По его словам, во Владимирской тюрьме их морили голодом.

При расследовании этих обстоятельств дела удалось установить, что заключенный П.Г.Отрошенко реально существовал и умер в заключении в 1947 г. от алиментарной дистрофии, но находился ли он во Владимирской тюрьме, проходил ли ранее службу в конвойных частях и был ли свидетелем катынского расстрела, не установлено. Несмотря на предпринятые усилия, не удалось обнаружить никаких сведений о Магешеве и Меджидове⁷².

Очень важным, но нелегким делом для прокурорского расследования было обнаружение свидетелей из числа сотрудников НКВД/НКГБ/КГБ СССР, причастных к катынскому преступлению, и их допросы. Если их и освобождали от подписки, они с трудом могли психологически перестроиться и сбросить с себя бремя страха — ведь особенно жестокие наказания применялись к тем из них, кто пытался раскрыть эту тайну.

Показания занимавшегося реабилитациями сотрудника УКГБ по Смоленской области О.З.Закирова подтверждают, что все бывшие сотрудники КГБ СССР, причастные к расстрелу польских граждан, находились под постоянным контролем КГБ до 1990 г.

Помощь следствию со стороны О.З.Закирова была весьма плодотворна. Из разговоров с ветеранами своего ведомства он выяснил фамилии участников экзекуции: в расстрелах поляков в 1940 г. принимали участие комендант И.И.Стельмах и сотрудники комендатуры Н.А.Гвоздовский, И.И.Грибов, С.М.Мокржицкий. Из беседы с майором госбезопасности Н.Н.Смирновым, который, в свою очередь, узнал это от участника расстрелов Мокржицкого, стало известно, что поляков расстреливали группами, заводили в специально огороженное дощатым забором место и устраивали перекличку. В это время Стельмах, Мокржицкий и другие сотрудники комендантской команды, стоя на специальных подставках, стреляли сверху в голову. Это в основном подтверждает информацию, собранную в районе Катыни З.Козлинским. По его данным, группы

пленных после переключки тесно усаживались на скамью у стены барака покурить. Позади них поднималась доска и за спиной каждого оказывался расстрельщик, который синхронно с другими нажимал на спуск. Трупы оттаскивались за кусты в ямы⁷³.

Органами безопасности применялись немедленные меры по изоляции свидетелей, которым случайно становилось известно о катынском преступлении и которые пытались обратить на это внимание других людей. Так, польский офицер А.М.Калиньский, который 19 августа 1944 г. был без суда и следствия репрессирован особым совещанием как социально опасный элемент и помещен на три года лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря, в 1945 г. подлежал освобождению, но познакомился с заключенным В.Д.Мироновым. В связи с тем, что он узнал от Миронова о расстреле польских военнопленных в Катыни органами НКВД и о роли в этом советской разведки, на основании статьи 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) особым совещанием на надуманных основаниях был подвергнут шести годам содержания во Владимирской тюрьме. Калиньский сидел в одиночной камере, в условиях строгой изоляции от других заключенных. Это вынудило его кричать через окно своей камеры в тюремный двор, чтобы другие заключенные узнали о том, «что он сидит за то, что знает о катынском расстреле». В 1951 г. особое совещание добавило Калиньскому еще 10 лет лишения свободы. В период хрущевской «оттепели» по решению военного трибунала Ленинградского военного округа постановление особого совещания в отношении Калиньского было отменено и дело прекращено. Он был освобожден осенью 1959 г.⁷⁴

В числе других следствием ГВП было выявлено, например, любопытное дело В.А.Костерева. Он был осужден военным трибуналом Омского гарнизона в 1946 г. по статье 58-10, часть 2 УК РСФСР к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Дело Костерева судом рассматривалось дважды: оно было направлено на дополнительное расследование в связи с тем, что сам Костерев и все свидетели заявили, что они не давали показаний об антисоветской агитации и пропаганде со стороны Костерева, а дело сфальсифицировано следователем. Самым существенным в деле является эпизод разговора Костерева с сослуживцем о случайно прочитанной в немецком журнале заметке с сообщением о расстреле польских офицеров в Катынском лесу органами НКВД. Несмотря на всю малозначительность и явно сфальсифицированные материалы дела, на что Костерев более 20-ти раз обращал внимание в своих просьбах о его пересмотре, он отбыл в местах лишения свободы практически весь назначенный срок. В 1959 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Костерев был реабилитирован⁷⁵. Так строгая система хранила свои тайны, столь сурово поступала даже с их невольными нарушителями, если дело касалось такого масштабного и зловещего преступления.

Что стоит за «исчезновением при невыясненных обстоятельствах» и внезапной смертью важнейших свидетелей, дававших показания немцам о расстреле поляков в Катыни в 1940 г. органами НКВД, — Кривозерцева, Жигулева, Андреева, Отрощенко, Магишева, Меджидова, Годезова (Годунова), Сильвестрова и других⁷⁶?

В 1992 г. в российской печати прошла серия публикаций о том, что в 1937—1953 гг. в составе НКВД/НКГБ/КГБ СССР существовали специальные подразделения, занимавшиеся убийствами политических противников и других неугодных правящему режиму лиц как внутри страны, так и за рубежом⁷⁷. Все эти преступления маскировались под несчастные случаи или естественную смерть людей. Как видно из материалов просмотренного архивного уголовного дела в отношении бывшего начальника Особой группы (бюро) при наркоме внутренних дел П.А.Судоплатова, в 50-х годах, в ходе следствия удалось изучить лишь незначительную часть былой деятельности этих специальных подразделений. Неполнота следствия связана с засекречиванием дел о проведенных операциях, с отсутствием отчетов или других документов. С учетом того, что решения о ликвидации неугодных людей принимались на уровне Политбюро ЦК КПСС, отчеты об этих операциях могут находиться в каких-либо из полутора-двух тысяч «особых папок» Политбюро ЦК КПСС, хранящихся в секретном порядке в Архиве Президента РФ.

Пока можно с полной уверенностью утверждать, что юридически точно и убедительно доказано: свидетельские показания, на которых базировалась советская официальная версия катынского преступления, — это вынужденные лжесвидетельства или фальсификации. Особое прискорбие и сложность в работе вызывал и тот факт, что в фальсификации и утаивание преступления были втянуты наиболее уважаемые и авторитетные люди страны, входившие тогда в ее интеллектуальную и духовную элиту.

В 1953 г., когда велось следствие по делу Берии, ни в одном из 40 томов обвинения катынский вопрос не фигурировал⁷⁸. В начале 90-х годов этот вопрос начал обретать подлинные масштабы и локализацию, а официальное обвинение Берии и его приспешников в массовых убийствах польских военнопленных сделало их объектами прокурорского расследования.

Характерным для бывших сотрудников госбезопасности было ощущение исключительности своего положения в стране, игнорирование Конституции и других действующих законов, признание ими только внутриведомственных инструкций. Они всегда ощущали себя крутой пружиной государственного механизма, где остальные люди были легко заменяемыми винтиками. В отличие от прокуратуры и судов — формальных правоохранительных организаций, они осуществляли реальную власть в государстве и фактическое надправовое регулирование всех сторон жизни общества.

Поэтому проводимое военной прокуратурой расследование одного из многочисленных преступлений, совершенных за долгую историю НКВД/НКГБ/МГБ/КГБ СССР, большинством бывших сотрудников госбезопасности воспринималось не только как непри-

ятный парадокс переживаемого времени, но и как личная обида и несправедливая плата за трудную жизнь, отданную без остатка государству, которое опустило их до уровня рядовых пенсионеров. Тем более, что большинство из них и в настоящее время хранит государственные тайны, в связи с чем они не утрачивают двусторонних связей с нынешними органами госбезопасности. Прикрываясь от требования закона об обязанности граждан на допросах в прокуратуре давать правдивые свидетельские показания своей подпиской органам госбезопасности о неразглашении ставших им известными по предшествующей работе в КГБ сведениями, многие свидетели первоначально отказывались давать показания. Они выдвигали требование допросить их в присутствии представителя КГБ/ФСК РФ, с которым военные прокуроры вынуждены были считаться. Но и в этих условиях были свидетели, которые отказывались давать показания или объяснять причины изменения этих показаний, ссылаясь на старческий возраст, состояние здоровья и проблемы с памятью, давность событий. В ходе допросов прокуроры полагались не столько на свои процессуальные полномочия, сколько на уговоры и убеждение.

В работе со свидетелями — бывшими сотрудниками НКВД учитывалась и такая их психологическая особенность, как ощущение себя послушными слугами Коммунистической партии, обязанными исполнять любые ее решения. Поэтому активно использовались ссылки на распоряжение-поручение М.С.Горбачева по установлению истинных обстоятельств катынского преступления.

Особую важность для расследуемого дела представляли показания бывших руководящих сотрудников НКВД — генерал-майоров госбезопасности Д.С.Токарева и П.К.Сопруненко, полковников П.А.Судоплатова и И.С.Барина, бывших председателей КГБ А.Н.Шелепина, В.Е.Семичастного и других. Показания этих свидетелей позволили детально установить обстоятельства совершения катынского преступления (протоколы допросов Токарева, Сопруненко, а также М.В.Сыромятникова опубликованы в приложении ко второму тому документов и материалов «Катынь: Документы преступления», вышедшему в свет в Варшаве в 1998 г. на польском языке).

Уже в начале марта 1991 г. в ходе проверки оставшихся в живых бывших сотрудников управлений НКВД Калининской, Харьковской и Смоленской областей группа военных прокуроров получила сообщение о том, что бывший начальник УНКВД по Калининской области генерал КГБ в запасе Д.С.Токарев проживает в г. Владимире на ул. Володарского, д. 11. Нужно отметить, что с большим трудом удалось обнаружить в архивах и частично получить из КГБ неполные списки сотрудников органов госбезопасности этих областей. Несмотря на то, что КГБ в то время тщательно отслеживал судьбу своих бывших сотрудников, зачисляя их в действующий резерв, следователям отвечали, что такими сведениями не располагают. Необходимые данные приходилось получать через бюро ЗАГС

(записей актов гражданского состояния), информцентры МВД и адресные бюро, то есть пользоваться открытой информацией.

Как в этих условиях были организованы допросы, читатель узнает из нижеследующих заметок А.Ю.Яблокова.

«Первоначальным распределением обязанностей на меня было возложено расследование судьбы военнопленных Осташковского лагеря НКВД СССР. Получив сообщение о Токареве, я, отложив в сторону все другие дела, стал готовиться к его допросу. Из предшествующего опыта мне уже было известно, что без представителя областного УКГБ, который как бы благославляет от имени ведомства на встречу со всеми чужими для "системы" людьми и снимает своеобразный обет молчания, допросы бывших сотрудников КГБ СССР невозможны. Поэтому через руководство УКГБ по Владимирской области я договорился, что на допросе будет присутствовать их сотрудник, который одновременно будет осуществлять видеозапись следственного действия. Не рассчитывая на особую откровенность Токарева и понимая, что он даст правдивые показания только в том случае, если поймет, что его участие в деле подтверждается собранными следствием доказательствами, я подготовил восемь томов материалов уголовного дела, где прослеживалось участие Токарева, и составил план допроса, предусматривающий порядок предъявления доказательств.

19 марта 1991 г. я приехал в г. Владимир и в тот же день созвонился с Токаревым, договорившись о встрече на утро следующего дня. Утро 20 марта началось с тягостного ожидания. Домашний телефон Токарева не отвечал на звонки, об его отсутствии дома мне сообщил и сотрудник УКГБ, который должен был участвовать в допросе вместе со мной. Я принял решение ждать Токарева возле его дома, полагая, что престарелый человек длительный период времени не может находиться вне привычных для него удобств и условий.

Дом Токарева — двухэтажное деревянное строение — находился недалеко от областного управления КГБ по Владимирской области. Коротая ожидание разговорами с сотрудником УКГБ, я узнал, что Токарева часто навещают сотрудники пенсионного отдела УКГБ, приносят пенсию, доставляют продукты питания, топливо, помогают по хозяйству, в общем заботятся как хорошие дети о своих престарелых родителях. Тогда еще я по-хорошему позавидовал такому отношению к бывшему сотруднику. На мое высказывание об этом мой сопровождающий пояснил, что Токарев не является приятным исключением и таково отношение практически ко всем бывшим сотрудникам — пенсионерам КГБ. Сотрудники органов осуществляют такую заботу, постоянно контролируя их и оберегая клановые интересы. Это, видимо, явилось одной из причин того, что даже в самый пик гласности пенсионеры КГБ не отличались особой словоохотливостью и шли на откровения об известных только им тайнах лишь в силу особых причин (О.Калугин — из политических соображений, П.А.Судоплатов — из меркантильных и т.д.).

Понимая, что у Токарева нет таких побудительных мотивов и он может просто попытаться уклониться от допроса, я осмотрел дом и обнаружил, что в замок входной двери изнутри вставлен ключ. Это подтверждало мое предположение. Тогда я стал демонстративно громко стучать в дверь и окна и звать по имени-отчеству Токарева, показывая свою безусловную уверенность, что он находится дома. Примерно через десять минут дверь открыл сам Токарев. Нам пришлось сделать вид, что мы столкнулись с естественным поведением человека его возраста.

Первое впечатление о Токареве как о неизлечимо больном старике подтверждалось всей его долговязой, сторбленной, высохшей фигурой, медленной, неуверенной, шаркающей походкой, слабым извиняющимся голосом и больным взглядом выцветших глаз. Поэтому все накопившиеся к Токареву чувства и упреки, которые собирался ему высказать, я решил оставить при себе. Кроме того, стало ясно, что мы можем рассчитывать на его показания только в случае, если он будет заинтересован их дать, поскольку бессмысленно предупреждать о предусмотренной законом ответственности за уклонение от дачи показаний или дачу ложных показаний человека, который может в любой момент избежать допроса на вполне легальных основаниях, сославшись на неудовлетворительное состояние здоровья. Поэтому мною был избран корректный и даже доброжелательно-предупредительный, уважительный тон. Сразу были предъявлены документы, из которых следовало, что мы располагаем необходимой совокупностью доказательств о его причастности к судьбе польских военнопленных. Затем было доведено до его сведения, что мы вынужденно, по решению высших руководителей страны, настояли на встрече и не требуем, а просим ответить на интересующие следствие вопросы. Это не только в наших, но и в его интересах.

Такая тактика допроса была вынужденной, но, на мой взгляд, в сложившихся условиях она себя оправдала.

Токарев провел нас в светлую, чисто убранную, очень скромную комнату, где не было ничего лишнего, а к предметам роскоши, пожалуй, можно было отнести только старые механические настенные часы, которые показывали точное время. Первое впечатление о Токареве как о утасующем старике оказалось ошибочным. Физическая немощь не повлекла за собой деградации личностной. Сразу проявились внутренняя собранность, быстрота и логичность мышления, острая память, эрудированность и глубокий ум и — что особенно поразило — неизжитая авторитарность. Он мгновенно оценил ситуацию и практически добровольно рассказал все известное ему о расстреле польских военнопленных, всячески подчеркивая, что ему, как недавно назначенному тогда на должность начальника УНКВД бывшему пограничнику, не предъявлялось, в силу отсутствия чекистского опыта и образования, требование непосредственно участвовать в расстрелах. И он от этого отказался. Именно поэтому якобы руководством НКВД СССР за выполнение особого задания он поощрен не был. Однако он был осведомлен об операции, по-

сколько она осуществлялась на подотчетной ему территории и с привлечением его подчиненных.

Из рассказа Токарева следовало, что в марте 1940 г. его вместе с первым заместителем капитаном госбезопасности В.П.Павловым и комендантом А.М.Рубановым вызвали на совещание в Москву к одному из руководителей НКВД СССР, заместителю наркома Б.З.Кобулову. Он сообщил о решении «высшей инстанции» о расстреле более 14 тыс. польских военнопленных, содержащихся в Осташковском, Старобельском и Козельском лагерях НКВД СССР. Токарев понимал, что этой «высшей инстанцией» являлось Политбюро ЦК ВКП(б), но тем не менее в разговоре с Кобуловым отказался непосредственно участвовать в расстрелах, согласившись оказывать исполнителям акции необходимую организационную помощь.

В соответствии с распоряжениями Токарева внутренняя тюрьма управления была подготовлена к проведению экзекуции: освобождены от заключенных камеры, подготовлена для предварительной проверки обреченных на расстрел людей «ленинская комната», оборудовано помещение для проведения расстрелов, подготовлены пять грузовых автомобилей для перевозки трупов, экскаватор для отрывки ям под захоронения останков, а главное — назначены исполнители-палачи из числа надзирателей и водителей управления.

Токарев признал, что угрожал расстрелом одному из водителей, попытавшемуся отказаться от участия в акции, но сделал это, как следует из его слов, желая сохранить жизнь этому водителю, так как Кобулов приказал не оставлять в живых ни одного незапятнанного свидетеля.

Что происходило в подведомственном Токареву УНКВД по Калининской области с апреля по май 1940 г., доподлинно известно. Из Осташковского лагеря конвойные войска доставляли по железной дороге во внутреннюю тюрьму так называемых польских военнопленных: полицейских, тюремных работников, пограничников, начальников пожарных служб и других мирных польских граждан. В это же время из Управления по делам военнопленных НКВД СССР поступали списки за подписью П.К.Сопруненко, на основании которых практически еженочно во внутренней тюрьме с 1 апреля по середину мая 1940 г. расстреливались из пистолетов «Вальтер» по 250—300 человек. Трупы расстрелянных вывозились и захоранивались в ямах на дачных участках УНКВД по Калининской области в районе поселка Медное той же (ныне Тверской) области. Токарев не стал скрывать, что всей этой операцией руководили представители центрального аппарата НКВД СССР В.М.Блохин, Н.И.Синегубов, М.С.Кривенко. Всего в Медном было захоронено — он назвал цифру — 6.295 расстрелянных поляков (она разошлась с данными председателя Комитета госбезопасности А.Н.Шелепина всего на 16 человек).

Несмотря на все его стремление выглядеть искренним, честно сообщившим все данные по делу, Токарев, как только обнаружил по ходу допроса, что следствию далеко не все известно и

ему предстоит практически первому указать на местности места захоронений, сразу "спрятался" за свою болезнь и отказался от этого. Он сослался на то, что практически ничего не видит, хотя до этого при проведении допроса самостоятельно рисовал схемы внутренней тюрьмы. Токарев понимал, что степень злодеяния катынского преступления столь велика и ужасна, что оно не забудется никогда и рано или поздно все тайное станет явным. Как умный и предусмотрительный человек, он начинал испытывать особое беспокойство во времена ослабления советского режима и предпринимал тогда попытки оправдать себя на будущее. В период "хрущевской оттепели", в 60-х годах, он рассказал своему старшему сыну о расстреле польских граждан и захоронении их в Медном. При этом он обратил особое внимание сына на то, что хотя и знал об этой "операции", но лично в ней участия не принимал и поэтому не был за это поощрен руководством НКВД. Явная подготовленность к допросу, четкость и артистизм изложения показаний Токаревым в 1991 г. также подтверждают, что он стремился высказываться так, чтобы оправдаться в своих глазах и снять с себя ответственность за тяжчайшее преступление или снизить степень своей вины, переложив ее на своих руководителей и подчиненных. Под давлением собранных следователями доказательств Токарев не смог отрицать того факта, что лично организовывал расстрел поляков в УНКВД Калинин (Твери): давал указания освободить внутреннюю тюрьму от других заключенных и подготовить ее к приему и расстрелам поляков, назначил исполнителей акции, подавил своим авторитетом и властью, угрозой применения расстрела попытку водителя Бондарева отказаться от участия в экзекуциях, чем преподавал урок другим исполнителям. Токарев был важным узловым звеном в репрессивной машине государства и хотя, возможно, выполнил свою задачу без особого энтузиазма, но и не воспрепятствовал слаженной работе этой бесчеловечной машины, приведшей к гибели тысяч безвинных жертв. Тем самым он стал соучастником преступления.

Для следствия его сведения были бесценными. Он стал практически первым свидетелем, давшим подробные показания о причастности к расстрелам Политбюро ЦК ВКП(б) и детально раскрывшим механизм массового уничтожения более 6 тыс. польских граждан в УНКВД по Калининской области. Токарев первым сообщил о том, что все причастные к уничтожению польских граждан сотрудники НКВД были поощрены единым приказом, что позволило затем разыскать этот приказ и, соответственно, выявить всех исполнителей этой зловещей акции. Назвал он и место захоронения трупов. Благодаря этим показаниям, УКГБ по Тверской области практически сразу "обнаружило" захоронения поляков в Медном, что позволило успешно провести эксгумацию, а также изобличить и вынудить дать правдивые показания другого высокопоставленного сотрудника НКВД — бывшего начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, в то время капитана госбезопасности П.К.Сопруненко.

Сопруненко первый раз допрашивали 25 октября 1990 г. начальник отдела ГВП полковник юстиции Н.Л.Анисимов, осуществлявший прокурорский надзор за расследованием дела, и руководитель следственной группы полковник юстиции А.В.Третьцкий. На тот момент следствие не располагало достаточными доказательствами о его роли, и поэтому допрос Сопруненко оказался фактически безрезультатным. Получив показания Токарева о роли в этом деле Сопруненко, проанализировав и подготовив документы, обнаруженные в архивах, мы с Третьцким 29 апреля 1991 г. повторили допрос. Уговорить Сопруненко и двух его взрослых дочерей Инну и Елену о повторной встрече стоило большого труда. Дочери непрерывно нам твердили, что участие их отца в катынских событиях — это оговор. Они явно выстроили для отца линию поведения на допросе, согласно которой он в апреле—мае 1940 г. выезжал в г. Выборг для участия в обмене военнопленными с Финляндией, подсказывали ему, что и как отвечать, поднимали шум и галдели, когда им казалось, что отец говорил не то, что должен был сказать. Одним словом, они всячески срывали выяснение истины по делу. Мы вынужденно согласились на их присутствие, так как это было одним из условий, на которых Сопруненко согласился давать показания, объяснив, что дочери ему нужны для оказания помощи из-за слабого здоровья.

Допрос проводился в квартире Сопруненко, расположенной в престижном доме и районе Москвы, по ул. Садовая-Самотечная, д. 9. От скромного, но опрятного жилища Токарева квартира Сопруненко отличалась более богатым убранством, наличием антикварных вещей и картин, но и какой-то затхлостью и запущенностью, неухоженностью. Это тем более показалось мне удивительным, что Токарев, имеющий двух взрослых сыновей, которые проживали в других городах, и ведущий, по сути, одинокую жизнь, сумел себя достойно содержать, а Сопруненко, которого плотно опекали на допросе две проживающие в Москве взрослые дочери и жена, не сумел обеспечить элементарной чистоты и порядка в доме. Впоследствии мне стало понятно, что Сопруненко был таким же одиноким стариком, как и Токарев. Дочери к нему приходили редко и только тогда, когда это было нужно им самим.

Как и многие родственники бывших сотрудников НКВД, они боялись, что преданные огласке сведения о прошлом их близких могут отрицательно сказаться на их собственной судьбе, благосостоянии и положении в обществе. Вообще работа по этому делу выявила своего рода закономерность судеб бывших высокопоставленных чиновников НКВД. Достигнув в период массовых репрессий неправедными путями высокого положения в обществе, они, как правило, заканчивали жизнь в болезнях, нищете и одиночестве.

Первое впечатление от Сопруненко было таким же, как и от Токарева. Такая же плохо одетая худая старческая фигура и изможденное, болезненное лицо. Однако общий климат его семьи и запущенность квартиры, видимо, наложили свой отпечаток на внутренний мир Сопруненко и соответствовали ему, во всяком случае не

противоречили его несобранности и интеллектуальной слабости. Физически Сопруненко выглядел более крепким, чем Токарев, но в интеллектуальном плане явно уступал ему. После неоднократного просмотра видеозаписи показаний Токарева и сам Сопруненко удивленно констатировал, что Токарев все хорошо помнит и аргументированно, без предварительных пометок на бумаге, в свободном разговоре, образно, ясно и даже артистично может излагать свои мысли. Тем не менее Сопруненко в ходе допроса достаточно ловко уходил от острых вопросов, переводил беседу на второстепенные детали, перекладывал ответственность за участие в катынской трагедии на своего заместителя, тогда старшего лейтенанта госбезопасности, И.И.Хохлова и других сотрудников НКВД. Только после предъявления архивных документов и неоднократной демонстрации видеозаписи допроса Токарева, подтверждающих личное участие Сопруненко в катынских событиях, он дал важные показания о том, что лично видел и держал в руках постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина о расстреле более 14 тыс. польских военнопленных, содержавшихся в Осташковском, Старобельском и Козельском лагерях НКВД СССР. Тем не менее и Сопруненко не рассказал всей известной ему правды об этом документе: скрыл, что в нем говорилось также о расстреле более 7 тыс. польских граждан в Западной Украине и Западной Белоруссии. Он не признал, что явился одним из организаторов и активных исполнителей решения о расстреле более 14 тыс. поляков и что лично руководил "разгрузкой" трех специальных лагерей и подписывал списки предписания, на основании которых они были отправлены на расстрел в УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей. В отличие от Токарева, Сопруненко стремился вообще избежать дачи показаний и поэтому менее подготовленно скрывал свою вину за массовые расправы с польскими пленными. Первоначальные заявления Сопруненко о том, что он ничего не знает, сменились выдвижением алиби: работы в апреле—мае 1940 г. в советско-финской комиссии в Выборге по обмену военнопленными. Когда Сопруненко документально было доказано, что комиссия работала в другое время, он переложил ответственность на своего заместителя И.И.Хохлова (ко времени расследования уже умершего) и отказался признать свои подписи в предписаниях начальникам лагерей, на основании которых формировались команды польских военнопленных для отправки в УНКВД областей на расстрелы.

Собранными по делу многочисленными документами, свидетельскими показаниями, почерковедческими и криминалистическими экспертизами было бесспорно доказано личное участие Сопруненко в организации злодейского убийства польских военнопленных в Катыни, Харькове и Калинин (Твери).

Наиболее зловещей фигурой из всех бывших сотрудников НКВД, с которыми я был вынужден встречаться и беседовать, был бывший начальник Особого бюро НКВД СССР П.А.Судоплатов. В деле не было данных о его непосредственной причастности к катынскому преступлению, но в связи с необходимостью проверки

версии об уничтожении захваченных в западных областях Украины и Белоруссии польских граждан на территории России (в Рыбинске, Томске и других местах) было принято решение о его допросе. По своей должности Судоплатов длительный период времени являлся "главным террористом страны", поскольку проводил специальные операции по уничтожению неугодных за рубежом, а также одновременно и "главным палачом страны", так как занимался физическим устранением неугодных властям собственных граждан внутри страны. Тем не менее он был реабилитирован Главной военной прокуратурой, хотя в приговоре есть формулировка "преступление против человечности" и убедительные доказательства этого. Он был реабилитирован вопреки законам решением только прокуратуры, без судебного разбирательства, хотя ему вполне можно было переэквалифицировать обвинение на "убийство при отягчающих обстоятельствах".

Он в знак благодарности за это, как я надеялся, мог дать интересующие следствие показания. Судоплатову были заданы вопросы о причастности как его самого, так и его подчиненных к катынскому преступлению. Он отрицал это.

Недавно Судоплатов умер. Известно, что он своевременно уничтожил большую часть дел с отчетами о проведенных внутри страны операциях по уничтожению политических противников, с маскировкой убийств под несчастные случаи. В 50-х годах Судоплатов был осужден. Ему удалось избежать высшей меры наказания потому, что он предстал добросовестным исполнителем приказов, а также сумел симулировать расстройство психики. Как видно из изученных материалов уголовного дела в отношении Судоплатова, механизм принятия решений об устранении "неугодных" был таким же, как и в Катынском деле, то есть решения об уничтожении принимались на заседании сталинского Политбюро ЦК ВКП(б), и, следовательно, как все решения такого рода, оно должно храниться в "особых папках" ЦК ВКП(б) в архиве Президента РФ в Кремле». Этой констатацией завершим цитирование заметок следователя — А.Ю.Яблокова.

Многие репрессивные акции тоталитарной системы носили преступный характер, как правило сужая для исполнителей выбор до убийства или самоубийства. Судя по их показаниям, они боялись даже друг с другом обсуждать то, в чем участвовали. В силу существовавшего уровня правосознания они не воспринимали происходившее как издевательство над самой сущностью права. Но самые элементарные нормы морали, даже усиленно деформируемые, подсказывали им, что они втянуты в преступления, хотя и охраняемые ведомственной тайной, выдаваемой за государственный интерес.

Говоря о сотрудниках НКВД, причастных к расстрелам польских военнопленных, невозможно обойти вниманием непосредственных исполнителей этого тягчайшего преступления — палачей. Наиболее омерзительным и не менее важным звеном репрессивной машины советского государства были тогдашние коменданты, надзиратели тюрем и отдельные водители областных управлений

НКВД, участвовавшие в расстрелах польских граждан. Они были как правило вчерашними деревенскими люмпенами, людьми примитивного склада, с убогим интеллектом и выраженной эмоциональной тупостью. Именно таких бездумных, агрессивных и жестоких исполнителей своей воли репрессивная машина приспособила для своих преступных целей, вытравила из их душ все человеческое, вооружила их ущербной идеей классового насилия для достижения последующего всеобщего равенства и счастья. При помощи идеологического прикрытия она сделала из них послушных роботов, готовых убивать за чечевичную похлебку (бесплатную колбасу и рюмку водки), повязанных кровью, страхом и угрозой для собственной жизни.

Для бесперебойной «работы» этой группы сотрудников НКВД, которая непосредственно осуществляла массовые убийства польских военнопленных, был придуман и неукоснительно действовал механизм уничтожения, призванный закрыть последние человеческие клапаны в их убогих душах. Для создания впечатления обоснованности расстрелов до сведения палачей не доводилось содержание постановления Политбюро ЦК ВКП(б), но все решения были оформлены нормативными актами НКВД — протоколами особых совещаний; проведение расстрелов осуществлялось под контролем представителей центрального аппарата НКВД СССР (Блохин, Синегубов, Мильштейн), которые привозили для этого специальное оружие — пистолеты «Вальтер». После расстрелов устраивались за государственный счет обязательные попойки; за участие в расстрелах всем палачам выплачивались дополнительные деньги — «оперативные», а затем они получали большие денежные премии. Многие из них не испытывали чувства вины, не были способны к покаянию. Видимо, все же далеко не все из них могли после Каинова греха смотреть в глаза живым и чувствовать себя такими же людьми. Вот запись показаний Т.П.Лукияновой в ходе следствия: «Ее отец, П.М.Карцев, остро переживал свою вину в массовой гибели польских офицеров. На дачах УКГБ в Катынском лесу отец показал место захоронения расстрелянных польских офицеров, лег на него и долго плакал. 18 января 1948 г. ее отец покончил с жизнью самоубийством»⁷⁹.

Разысканная прокурорами Е.И.Миняева поведала, что она «во время своей работы в УНКВД Калининской области познакомилась с комендантом этого управления А.М.Рубановым, который, объясняя причину своих частых пьянок, рассказал, что расстрелял много людей, в том числе и поляков». Впоследствии он застрелился из наградного нагана⁸⁰.

Покончили с жизнью самоубийством также комендант НКВД СССР В.М.Блохин, Н.И.Сухарев, В.П.Павлов и некоторые другие расстрельщики.

Те же, кто остались после этого жить, забытые Богом и людьми, подверглись полному моральному вырождению, превратились в двуногих зверей, которым нужно было просто есть, пить, спать и обязательно любой ценой выжить самим. Свое участие в расстрелах

людей они оправдывали послушным и добросовестным исполнением обязательного для них приказа начальников, своей преданностью сталинскому режиму. Чувство отвращения и брезгливости вызывают воспоминания об одном из таких «работников» УНКВД Харьковской области М.В.Сыромятникове. У присутствовавших при его допросе С.Снежко и А.В.Третьякова не раз возникало ощущение нереальности происходящего, поскольку невозможно было спокойно воспринимать обстоятельное будничное повествование Сыромятникова об ужасающих деталях массовых убийств. Лишь необходимость получения доказательств, а также понимание всей убогости, моральной и интеллектуальной неполноценности Сыромятникова и его стремления выговориться, рассказать наконец о том, что он долгие годы тщательно скрывал от других, вынуждали прокуроров продолжать допрос. В повествовании Сыромятникова проскакивала даже какая-то весьма своеобразная нотка «профессиональной гордости»: «У нас ведь не так, как у немцев. Там повели в Бабий Яр, да поставили всех с детьми и постреляли. А это у нас как положено, как говорится, по уставу. Решение такое. Какой бы он ни был ответственный, а получал свое наказание. И положат так, как положено. Как спускают, скажем, гроб в яму. Хотя хоронили и без гробов. Но их все равно не просто так бросали». Сыромятников, как и все другие палачи, не признал своего личного участия в расстрелах поляков и протокол допроса подписать отказался «по причине слепоты и невозможности расписываться». В то же время он подробно рассказал о расстрелах поляков комендантом УНКВД Т.Ф.Куприем, водителями Н.А.Галицыным, А.Г.Деятелиным, И.П.Смыкаловым и Мельниковым⁸¹.

Такие же убогие исполнители были и в Смоленском УНКВД. Допрошенный прокурорами бывший вахтер этого управления П.Ф.Климов рассказал, что комендант И.И.Стедьмах и его подручные И.И.Грибов, Н.А.Гвоздовский, К.П.Рейнсон и другие тоже расстреливали поляков в помещении Смоленского УНКВД или непосредственно в Катынском лесу: «Из автомашины их выгружали прямо в ров и стреляли, а кого и добивали штыком». Стедьмах и другие расстрельщики его неоднократно предупреждали, чтобы он молчал о том, что видел⁸².

Тех же сотрудников НКВД, которые не сумели сохранить тайну, безжалостно уничтожали. В ходе расследования было поднято архивное уголовное дело в отношении В.Д.Миронова. Миронов, как и майор госбезопасности В.М.Зарубин, являлся кадровым сотрудником первого управления НКГБ СССР. В 1939—1940 гг. подобно тому, как Зарубин в Козельском лагере, он работал в Старобельском лагере. Оба они среди польских военнопленных вербовали агентуру для нужд внешней и внутренней разведки. В 1941—1944 гг. оба работали в США, где Миронов, заподозрив Зарубина в связи с иностранной разведкой, сообщил об этом своему руководству, после чего был отозван из США и приговорен к пяти годам лишения свободы.

Для организации побега из заключения Миронов решил прибегнуть к помощи американского посольства в Москве, пообещав в обмен на свое освобождение выдать совершенно секретные сведения о польской и советской агентуре в США и другие государственные тайны. В Бутырской тюрьме он познакомился с бывшим польским офицером А.М.Калиньским, которому рассказал о себе и своей работе, сообщив, что большинство польских военнопленных в Катынском лесу расстреляло НКВД, и что из их числа была завербована агентура для работы в США, которая ему известна. Он просил Калиньского передать после освобождения письмо в посольство США. Калиньский отнес это письмо администрации тюрьмы. Миронов согласно статьям 58-1 «а» и 58-10 УК РСФСР за измену Родине был на основании постановления особого совещания от 28 июля 1945 г. расстрелян. Разумеется, история Миронова была скорее исключением, чем правилом.

Однако последовательное сокрытие следов, уничтожение не связанных кровью, общей ответственностью свидетелей в собственных рядах — разве не доказательство того, что противоправный характер проводимых акций, преступлений против человечности, был очевиден руководству НКВД?! Разве репрессивные органы, поощряя в своих сотрудниках такие «добродетели», как слепое послушание и бездушную жестокость, не стимулировали безнаказанность и кровавый беспредел, не выпускали на свободу самые низменные инстинкты, что заставляло их периодически «очищаться» от подобных элементов?! Как бы ни пытались эти люди оправдывать свои действия верностью приказу, они, как часть автократической, античеловечной системы, должны быть осуждены вместе с нею. Уровень соучастия в преступлениях — это и уровень ответственности.

Докладывая 22 января 1991 г. в аппарате Президента СССР о ходе расследования дела «по факту гибели польских военнопленных», Генеральный прокурор СССР Н.С.Трубин сообщил о первых позитивных результатах розыска: «проверены все архивные учреждения Главного архивного управления СССР, запрошены соответствующие архивные подразделения КГБ и МВД СССР. Установлены и допрошены бывшие работники НКВД СССР... разысканы и дали показания очевидцы трагической судьбы польских военнопленных». Следствие продолжалось, развертывалось сотрудничество с представителями правоохранительных органов Республики Польша (РП)⁸³.

Конъюнктура для продолжения расследования была вполне благоприятной. Восточную Европу охватил бурный процесс перемен. Секретариат ЦК КПСС принял в тот день постановление «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе». Оно ориентировало на добрососедские отношения, на мирное, бесконфликтное развитие региона, стабильность, взаимодействие и сотрудничество, на налаживание устойчивых контактов с ведущими политическими силами — как правящими, так и оппозиционными. Беря курс на сохранение «базовой преемственности в характере наших двусторонних отношений», на нейтрализацию или ослабление антисоветских тенденций, Секретариат рекомендовал в

этих целях последовательное устранение «белых пятен» «в истории наших отношений»⁸⁴.

Многие учреждения шли навстречу прокуратуре. Хуже обстояло дело с ведомственными архивами. КГБ перестал откешиваться от ответственности НКВД за катынское злодеяние, что делал еще в 1990 г., выжидая вердикта советско-польской комиссии и не торопясь пересматривать версию комиссии Бурденко⁸⁵. После передачи документов с определением вины Берии, Меркулова и подручных он смирился с неизбежным, тем более, что были обнаружены другие массовые захоронения польских военнопленных. Но материалов не давал.

Прошло более года с начала следственных действий, когда в конце января в ответственном за ведение дела № 159 подразделении Главной военной прокуратуры состоялось совещание с участием польских представителей и российских экспертов. В ходе обсуждения формировались представления о том, каков должен быть объем решаемых проблем, что должно содержать завершающее дело постановление прокурора.

Установка руководства гласила следующее: «...уже выяснили конкретные обстоятельства и в дебри лезть не будем»; сообщение комиссии Н.Н.Бурденко анализировать не надо, смысла в дополнительной экспертизе нет; квалификаций типа «преступления против человечества (человечности)» у нас не существует — в нашем законодательстве присутствует применяемое в таких случаях злоупотребление или превышение власти. Публикация материала лорда Бетела в «Обсервере» о грядущем привлечении виновных к ответственности, например, к суду, была оценена сугубо негативно.

Такая установка показалась заместителю Генерального прокурора РП С.Снежко зауженной, и он поднял вопрос о причинах и мотивах преступления — деформациях в сталинской внешней политике и ее идеологической окраске, стремлении уничтожить любых «классовых врагов».

Приглашенные эксперты И.С.Яжборовская и Ю.Н.Зоря не поддерживали мысли о ненужности экспертизы, наоборот, выразили убеждение в ее необходимости и готовность провести ее. Зоря особо аргументировал необходимость анализа и оценки деятельности и сообщения комиссии Бурденко.

Старший прокурор А.Ю.Яблоков, проводивший расследование дела № 159 вместе с заместителем начальника отдела А.В.Третьким, принял решение не форсировать его окончание. Вот его рассказ о мотивах этого решения и последующих действиях.

«С самого начала следствия с польской стороны в расследовании принимали самое активное участие заместитель генерального прокурора РП С.Снежко, генконсулы РП М.Журавский и Г.Ставрилло, видные ученые и эксперты Е.Тухольский, Б.Млодзиевский, Р.Мондро и многие другие выдающиеся специалисты. Они передали для приобщения к уголовному делу огромные по объему материалы о потерпевших и их родственниках; позволили понять и по-

чувствовать их трагедию и человеческую боль, искалеченные судьбы близких погибших, депортированных и прошедших сталинские лагеря. Они создали у группы военных прокуроров понимание актуальности и значимости дела, необходимую для расследования мотивацию справедливого возмездия за содеянное. Особенно мощной по воздействию на микроклимат в следственной группе оказалась роль ксендза З.Пешковского, неустанно призывавшего не только к установлению истины и восстановлению справедливости, но и к активному покаянию, к полной нормализации основ отношений между нашими народами.

В деле оставалось много невыясненного, хотя, несмотря на активное уничтожение и сокрытие многих документов, удалось собрать такую их количественную и качественную совокупность, что даже без свидетельских показаний она позволила сделать бесспорный вывод о виновности органов НКВД СССР в расстреле более 22 тыс. польских граждан и массовых депортациях более 100 тыс. членов их семей в отдаленные районы СССР.

Своеобразие дела, его запутанность и противоречивость, очевидные идеологические наслоения, а также огромный объем и специфичность собранных материалов требовали высокопрофессионального анализа и оценки. Узость установленных политиками рамок, за которые военным прокурорам было трудно выйти без помощи авторитетных ученых, специализирующихся в области советско-польских отношений, международного права и судебной медицины, а также необходимость дачи неконъюнктурной и объективной оценки катынскому преступлению привели меня к необходимости назначения и проведения комплексной экспертизы, на заключение которой можно было бы опереться при вынесении окончательного решения по делу. Выбор знакомых с проблемой специалистов был весьма невелик. Общение с ними его еще более сузило: одни предпочли уйти от ответственности, другие не подошли по квалификационно-профессиональным или личностным критериям. В состав комиссии экспертов вошли: директор Института государства и права Российской академии наук академик Б.Н.Топорнин; заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (затем представитель Президента РФ в Государственной думе), доктор юридических наук, профессор А.М.Яковлев; главный научный сотрудник Института сравнительной политологии Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор И.С.Яжборовская; ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, доктор исторических наук В.С.Парсаданова; доцент кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии, кандидат военных наук Ю.Н.Зоря; начальник отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ, полковник медицинской службы, кандидат медицинских наук Л.В.Беляев.

Первой задачей, поставленной перед экспертами, был анализ предшествовавших экспертиз, их сравнение на научной основе и выявление причины, почему они подводили к противоречивым, зачастую противоположным выводам. Необходима была тщательная проверка их доказательной стороны и различных интерпретаций, верификация на базе новых документов и других собранных в ходе следствия доказательств и установление истинных событий, обстоятельств, причин и мотивов происшедшего. Прежде всего, следовало освободиться от различных идеологических наслоений и мистификаций, весьма отягчавшихся тем, что выводы, как правило, строились на шаткой эмпирической основе более или менее частичных эксгумаций и несовершенных методов анализа и не позволяли сделать окончательный вывод о масштабах преступления, полной локализации и датировке всех захоронений. Это облегчало спекуляции вокруг вопроса о виновниках преступлений, фальсификацию дела, мифологизацию обстоятельств, причин и мотивов преступления.

Для выяснения истины требовалось провести тщательную проверку качества всех экспертиз. Это позволило по-новому взглянуть на опубликованный 10 июня 1943 г. в Германии "Официальный материал по делу массового убийства в Катыни", в котором делался вывод, что обнаруженные в катынских захоронениях польские военнопленные расстреляны органами НКВД СССР в 1940 г.

Непредвзятое изучение документов о работе немецких экспертов (Бутца и других), ведущих специалистов в области судебной медицины из оккупированных немцами европейских стран, вошедших в Международную комиссию врачей, велось с учетом того неизвестного ранее факта, умалчивавшегося в советской "официальной версии", что огромный объем раскопок был проведен в 1943 г. при активном участии работавшей в Катынском лесу с 29 марта по 7 июня 1943 г. Технической комиссии Польского Красного Креста (ТК ПКК), которая вскрыла 7 могил полностью, а 8-ю — частично и доказала нахождение в могилах 4243 трупов, большую часть из которых (2805) удалось идентифицировать как бывших военнопленных Козельского лагеря НКВД. В расследование был включен долгое время хранившийся в секрете и опубликованный лишь в 1989 г. подготовленный в июне 1943 г. генеральным секретарем ПКК К.Скаржинским "Доклад из Катыни: Отчет для служебного пользования Польского Красного Креста. Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни", в котором на основании многочисленных документов, обнаруженных при трупах, был определен близко к истинному период расстрела: конец марта — начало мая 1940 г. Была учтена и сохранность многих вещественных доказательств или их копий в Польше, которые были приобщены к делу и пролили на него новый свет. Ведь работа немецких и международных экспертов шельмовалась и полностью отвергалась как злонамеренная фальсификация, тем более что она использовалась в идеологической войне, развернувшейся вокруг катынского злодеяния. Деятельность ТК ПКК между тем изначально

была лишена какой-либо пропагандистской направленности. Она была заинтересована только в установлении истины. Несмотря на предложение немцев, ТК отказалась опубликовать свои выводы и хранила их втайне, чтобы не давать материала гитлеровской пропаганде. Эти выводы отличаются взвешенностью и объективностью. Выводы ТК, в том числе эксперта М.Водзиньского о состоянии трупов и невозможности по ним определить время смерти, согласуются с выводами современной судебно-медицинской науки и заключениями советских и польских экспертов по результатам эксгумаций в Харькове, Медном и Катыни в 1991 г. Поэтому в заключении комиссии экспертов в 1993 г. они были признаны объективными и обоснованными. Собственно, вынужденная обстоятельствами попытка точно определить время пребывания трупов в земле по степени их разложения была некорректной и невозможной.

Предложенный венгерским профессором Ф.Оршосом метод псевдокаллуса (датировка по солевым отложениям на внутренней поверхности черепа) не нашел достаточного последующего подтверждения медицинской практикой. Отсутствие возможности определения времени захоронения связано с разной степенью разложения трупов в одних и тех же могилах (в верхних слоях — мумифицированных, а в нижних — в стадии жировоска), а также с неисследованностью закономерностей этих процессов в массовых захоронениях⁸⁶.

В центре внимания экспертизы, проведенной в ходе прокурорского расследования, были работа и сообщение комиссии Н.Н.Бурденко, а также его научная критика, данная польскими учеными во время работы двусторонней комиссии по "белым пятнам".

Прежде всего, было установлено, когда в действительности и почему в эти сроки работала комиссия Н.Н.Бурденко. Официальная версия гласила, что с момента освобождения Смоленска, т.е. с 26 сентября 1943 г. Эту версию принимали на веру многие, в том числе и Н.С.Лебедева. Между тем она не соответствует действительности. Правда, в сообщении говорится, что Н.Н.Бурденко, его сотрудники и судебно-медицинские эксперты якобы прибыли в Смоленск сразу после его освобождения 26 сентября 1943 г. и провели предварительное изучение и расследование всех обстоятельств учиненных немцами злодеяний. Но не указывается, с кем из сотрудников работал Н.Н.Бурденко и какое конкретно "расследование всех обстоятельств" было проведено. Он ничего не говорил об этом на первом заседании комиссии 13 января 1944 г. в Москве, лишь выражал уверенность, что комиссия "это дело в состоянии раскрыть и восстановить правду"⁸⁷. А из совершенно секретной справки «о предварительном расследовании так называемого "Катынского дела"», подписанной наркомом госбезопасности СССР В.Н.Меркуловым и заместителем наркома внутренних дел С.Н.Кругловым, усматривается, что по распоряжению Чрезвычайной государственной комиссии с 5 октября по 10 января 1944 г. в Катыни работала "комиссия соответствующих органов". Было известно, что одна из

могил не была до конца эксгумирована в июне 1943 г. А значит, она содержала многочисленные доказательства истинных сроков геноцида и они указывали на его настоящих виновников. Поэтому, предваряя момент, когда Катынскому делу будет дан новый, официальный ход после освобождения Польши и грядущего урегулирования советско-польских отношений, в районе Катыни в течение нескольких месяцев велись тайные работы. Группа оперативных работников и следователей НКВД СССР и смоленского управления НКВД в рамках так называемого "предварительного расследования" раскапывала и "чистила" могилы, занималась подлогом и фальсификацией документов, вела масштабную, хотя и секретную работу и с подлинными, и с фиктивными "свидетелями", готовя лжесвидетелей.

Вскрытие последней могилы в августе 1994 г. показало, что в ней гробокопатели уже побывали, оставив лишь следы захоронения поляков — погоны, пуговицы и подобные мелкие вещественные доказательства.

Давая показания о методах работы оперативно-следственной группы НКВД—НКГБ СССР, свидетель А.С.Козлов рассказал следующее. Перед ноябрьским праздником в 1943 г., будучи подполковником госбезопасности и проходя службу в должности оперуполномоченного секретно-политического отдела, он по приказу заместителя начальника контрразведывательного управления НКВД СССР Л.Ф.Райхмана был направлен в составе группы в Смоленск для выполнения специального задания. Руководителем группы являлся полковник Я.Н.Матусов. В состав группы, кроме того, входили оперуполномоченные А.А.Козырев, М.М.Колдаев, Д.В.Гребельский, В.М.Туманов, Меретуков и другие. Выполнению задания придавалось большое значение, поскольку Райхман постоянно работал вместе с ними, а для проверки их работы в Смоленск приезжал лично заместитель наркома внутренних дел В.Н.Меркулов. Однажды вместе с Райхманом вся группа выехала в Козьи горы, где они увидели несколько больших раскопанных могил, заполненных трупами в польской военной форме. Там же Райхман провел инструктаж группы, объяснив, что расстреляли польских военнопленных немцы, которые, дабы испортить отношения между Польшей и нами, в 1943 г. на весь мир объявили, что виноват СССР. Задачей группы являлось собирание доказательств того, что это сделали немцы. Вечером того же дня Райхман сообщил, якобы найден блокнот бывшего бургомистра Смоленска Меньшагина, в котором имеется запись о том, что тот присутствовал при расстрелах поляков немцами. После этого в течение двух месяцев оперативные работники приводили местных жителей, а сотрудники группы их допрашивали в качестве свидетелей. Версия Райхмана вызывала сомнения у Козлова, поскольку ни один из допрошенных им за два месяца работы в Смоленске свидетелей (более десяти), равно как и допрошенные другими следователями, не привели прямых фактов расстрела поляков немцами. Ранее он располагал другой информацией: отдыхая летом 1940 г. в санатории "Борок", он познакомился

с сотрудником комендатуры Смоленского УНКВД Грибовым, который лично исполнял смертные приговоры. В августе—сентябре 1941 г. в Москве Грибов ему пожаловался, что у него было "страшно много работы, от которой он чуть не сошел с ума от перегрузок и бессонных ночей". Допросы свидетелей заведомо велись с обвинительным уклоном, так как следователи догадывались, что поляков расстрелял НКВД СССР, а решение об этом было принято на самом высоком уровне⁸⁸.

За три с половиной месяца была подготовлена сотня лжесвидетелей. Созданная система ложных доказательств вины немцев должна была обеспечить сохранение этой версии как советской официальной позиции.

В январе 1944 г. понадобилось срочно придать ей заверченный вид. Красная Армия продвигалась по территории Польши. 5 января под давлением западных союзников польское правительство в эмиграции сделало заявление о готовности восстановить нормальные отношения с СССР, наладить взаимодействие Армии Крайовой с Красной Армией. В любой момент могло заявить о себе Катынское дело — тягчайшее наследие пакта Молотова—Риббентропа и раздела Польши, попытки ликвидировать Польское государство и его армию. Сталинское руководство решило придать этому делу вид законного и объективного расследования и, нейтрализовав обвинение в свой адрес, использовать это дело в своих политических целях. Для этого было решено воспользоваться авторитетом ряда крупных деятелей науки и культуры, занятых в Чрезвычайной государственной комиссии установлением и расследованием злодеяний гитлеровцев. Один из ее членов — главный хирург Красной Армии академик Н.Н.Бурденко сам заинтересовался обстоятельствами Катынского дела. Он усмотрел в нем аналогии с массовыми расстрелами советских граждан периода оккупации, о чем и написал Молотову.

Изложенная в "Сообщении Специальной комиссии..." версия, обывавшая более 50 лет, была подвергнута верификации.

Наиболее обстоятельный и глубокий ее анализ был сделан в датированной апрелем 1988 г. польской "Экспертизе Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров", проведенной профессорами Я.Мачишевским, Ч.Мадайчиком, Р.Назаревичем и М.Войчеховским. В ходе прокурорского расследования еще до обнаружения постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. ее аргументы были обстоятельно следствия и перепроверены.

Во время предварительного следствия по настоящему делу сообщения, сомнения и выводы польских экспертов, изложенные в "Экспертизе...", нашли полное подтверждение. Следует сразу подчеркнуть, что они базировались на огромном доказательном материале, собиравшемся более сорока лет и обобщенном в многочисленных польских и западных публикациях. Это позволило не оставить камня на камне от всей системы доказательств комиссии Н.Н.Бурденко. Обстоятельства преступления были проанализирова-

ны самым тщательным образом. Ложная версия о содержании польских военнопленных до сентября 1941 г. в трех лагерях особого назначения с использованием на дорожно-строительных работах и о проведении расстрелов немцами была убедительно опровергнута.

Вполне аргументированными были признаны выводы об использовании лжесвидетелей, о безосновательности цифры захороненных в Катынском лесу жертв, о поверхностности проведенных комиссией работ и полной неубедительности перекладывания вины за катынское злодеяние на какое-то немецкое воинское подразделение. Не вызвала сомнений польская экспертиза вещественных доказательств, была обоснованна неуверенность в подлинности якобы подтверждавших вину немцев девяти документов, будто бы найденных на шести трупах 16—21 января 1944 г. и относящихся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.

Подробное описание этих девяти документов приводится в отдельной главе сообщения комиссии Бурденко⁸⁹. На эти документы делались ссылки на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге как на доказательства вины немцев в расстреле польских военнопленных в Катыни. Но реально они нигде не предъявлялись и их копии не публиковались. Проведенные в ходе настоящего следствия изучение этих документов и сопоставление их с другими материалами показали, что все они сфальсифицированы.

На трупе № 53, исследованном экспертом Зубковым, была обнаружена неотправленная почтовая открытка Станислава Кучинского от 20 июня 1941 г.". При ее внимательном изучении читается полное имя ее отправителя — "Станислав Станиславович Кучинский — Искандер Бей". Дословное прочтение и обнародование инициалов Кучинского имело важное значение, так как в каждом из трех лагерей содержались однофамильцы Кучинского Станислава. Но этого умышленно сделано не было, чтобы создать видимость, что в Катыни захоронены военнопленные не только из Козельского, но и из Старобельского и Осташковского лагерей, а также чтобы скрыть фальсификацию. Обнаруженный в ходе следствия документ — служебная записка Федотова и Ильина Хохлову от 10 февраля 1940 г. показывает, что Кучинский Станислав Станиславович — Искандер Бей не был расстрелян и захоронен в Катыни. По распоряжению Берии от 16 февраля 1940 г. он был переведен в Москву и в дальнейшем использовался в интересах НКВД, поэтому в любое время мог написать требуемое письмо⁹⁰.

На трупе № 92, исследованном экспертом В.М.Смольяниновым, было обнаружено письмо Софьи Зигонь от 12 сентября 1940 г., в котором она просит сообщить о местопребывании ее мужа, Томаша Зигоня. Из описания документа на стр. 51 сообщения видно, что на нем эксперты обнаружили резолюцию: "Уч. установить лагерь и направить для вручения 15.XI.1940 г." Однако резолюцию фиолетовыми чернилами: "Направить в Управление по делам военнопленных" — эксперты в описании не указали. А она-то меняет весь смысл этого документа. Следствием установлены указания Сопруненко о направлении всех писем родственников расстрелянных

военнопленных в УПВИ НКВД, где они затем уничтожались или использовались в иных целях⁹¹. Кроме того, военнопленный Зигонь (Зыгань, Зигань) Томаш по спискам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей НКВД не значится и поэтому не мог быть захоронен, в частности, в Катynи. Из этого следует, что это письмо, равно как и открытка Кучинского, в захоронения подброшено.

На трупе № 71, также исследованном экспертом Смольяниновым, был обнаружен молитвенник с вложенной в него бумажной иконкой и проставленной на ней датой — 4 апреля 1941 г. Доказательность этого «документа» также вызывает сомнения, поскольку не был указан и приобщен к делу другой документ, найденный на этом трупе, — конверт с почтовым штемпелем от 29 февраля 1940 г., который значится в секретной "Описи документов и предметов, обнаруженных экспертами судебно-медицинской экспертизы при вскрытии могил и исследовании трупов в Катynском лесу с 16 января по 21 января 1944"⁹².

Наконец, на трупе № 46, исследованном экспертом Зубковым, как видно из сообщения и секретной описи, "обнаружена" квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН, о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 руб., и выданная тем же лагерем квитанция от 5 мая 1941 г. о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте этой квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы "Ювелирторгу", что сразу делает подделку очевидной. Даже если предположить, что при переводе Арашкевича из Старобельского лагеря в лагерь № 1-ОН вслед за ним переслали квитанцию, которая, в принципе, должна была быть выдана на руки военнопленному и храниться непосредственно у него, то и в этом случае просматривается несуразность этой схемы. Дело в том, что для отчетности в лагере о проведенной финансовой операции по продаже часов "Ювелирторгу" администрацией должна была быть выписана новая квитанция, копия которой и могла находиться у военнопленного.

Следствием было установлено, что указанных в сообщении лагерей № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН вообще не существовало. Арашкевич по спискам Старобельского лагеря НКВД не значится. В то же время в списках Осташковского лагеря НКВД имеется Арашкевич Владимир Рудольфович, 1896 года рождения, который 19 мая 1940 г. по списку-предписанию № 062/2 УПВИ НКВД СССР был направлен в УНКВД по Калининской области, через несколько дней расстрелян и захоронен в пос. Медное.

Из материалов УПВИ НКВД СССР явствует, что после расстрела польских военнопленных всю переписку и другие документы уничтожали, а наиболее ценную, в том числе финансовую документацию, свозили в УПВИ НКВД СССР, где ее впоследствии использовали для фальсификаций. Арашкевич на первоначальном этапе "сортировки военнопленных" мог содержаться в Старобельском лагере, а затем быть переведенным в Осташковский лагерь. В документах Осташковский лагерь не указан, чтобы скрыть факт и дей-

ствительное место смерти и захоронения и защитить фальсификацию от обнаружения⁹³.

Аналогичная подделка документов просматривается с бумагами, обнаруженными на трупе № 101 экспертом Семеновским. В сообщении говорится, что на этом трупе найдены "квитанция № 10293 от 19.XII.1939 г., выданная Козельским лагерем, о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов "Ювелир-торгу". Там же найдена и вторая "квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей". По спискам военнопленных Козельского лагеря Левандовский Э.А. не значится. По списку-предписанию УПВИ НКВД СССР № 051/2 от 27.IV.1940 г. Левандовский Эдуард Адамович, 1893 года рождения, из Осташковского лагеря НКВД направлен в УНКВД по Калининской области, где через несколько дней расстрелян и захоронен в поселке Медное⁹⁴.

Последний документ, обнаруженный на трупе № 4 экспертом Семеновским, обозначен как почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем "Тарнополь 12.XI-40 г.". Рукописный текст и адрес обесцвечены, каких-либо следов текста не выявлено, но в почтовом штемпеле отчетливо читается "Тарнополь 12.II.1940 г.", что в действительности соответствует 12 февраля 1940 г., так как даже из собранных и описанных в сообщении открыток следует, что в почтовых штемпелях в СССР в то время написание месяцев осуществлялось римскими цифрами.

Фабриковались и другие фальшивые документы, подтверждающие показания лжесвидетелей. В частности, сотрудниками оперативно-следственной группы НКВД был "найден" так называемый блокнот бывшего бургомистра Смоленска Б.Г.Меньшагина, в котором имелись записи о расстреле польских военнопленных. Эксперты НКГБ СССР дали заключение, что все записи в блокноте были сделаны Меньшагиным. В сообщении комиссии Бурденко и на Нюрнбергском процессе советским обвинением делались ссылки на Меньшагина и на записи в его блокноте. Как видно из книги Меньшагина "Воспоминания", изданной в Париже, он никогда не приписывал расстрела поляков немцам и не делал никаких записей об этом в блокноте. После освобождения Меньшагина из тюрьмы (после 25 лет заключения) и его ознакомления с показаниями "опознавшего" блокнот Базилевского, в своих "Воспоминаниях" он написал, что они "совершенно не соответствуют действительности" и ничего подобного не было. Все это легко можно было бы проверить, взяв непосредственно у Меньшагина образцы почерка для исследования. Однако этого сделано не было: работавшие с вещественными доказательствами оперативники были заинтересованы отнюдь не в установлении истины. Выводы экспертизы почерка Меньшагина нельзя считать обоснованными и объективными. Объективно в них только то, что почерк в блокноте и на четырех образцах почерка, представленных на исследование, идентичен, но кому он принадлежит, неизвестно. Утверждение Базилевского, что это

почерк Меньшагина, не может приниматься во внимание, поскольку он сотрудничал с НКВД. С учетом всех этих обстоятельств, а также того, что самого Меньшагина скрывали в Московской, а затем Владимирской тюрьме и не взяли у него подлинных образцов для сравнительного исследования, следует признать, что "блокнот Меньшагина" — фальшивка, сфабрикованная в НКВД⁹⁵.

Таким образом, все описанные в сообщении комиссии Бурденко документы, найденные экспертами В.М.Смоляниновым, К.П.Зубковым и П.С.Семеновским во время эксгумации в 1943 г. в Катини, якобы подтверждающие дату расстрела — осень или сентябрь—декабрь 1941 г., были сфальсифицированы.

При этом при подборе экспертов и оказании давления на них использовались такие же преступные методы, как и в работе со свидетелями. В частности, участвовавший в работе комиссии Бурденко и "лично нашедший" много документов, подтверждающих вину немцев в расстреле поляков, судебно-медицинский эксперт Зубков до этого допрашивался в качестве свидетеля в 1943 г. И пояснял, что служил в Красной Армии, был контужен, попал в плен, после чего вернулся домой и в период оккупации работал в Смоленске судебно-медицинским экспертом. Явно играя на руку следователям, он "показывал", что во время проведения эксгумации в 1943 г. был в Катынском лесу и лично убедился, что трупы хорошо сохранились. Их руки были связаны веревкой, похожей на немецкую, поэтому он пришел к выводу, что поляков расстреляли немцы. С освобождением Смоленска Зубков написал заявление об этом, затем дал показания органам НКВД, после чего был привлечен к участию в эксгумации и выполнял определенные задания с подкладыванием документов. Он выступал на пресс-конференции по итогам работы комиссии Бурденко. В итоге вырисовывается следующая картина. Несмотря на то что Зубков сотрудничал с немцами и что в его действиях просматривались признаки дезертирства из армии, за что в то время предусматривалась смертная казнь, его не только оставили на свободе, но и сделали важнейшим свидетелем. Кроме того, в нарушение процессуального закона его допустили к работе вместе со Специальной комиссией Бурденко в качестве судебно-медицинского эксперта. Зубков в состав комиссии не входил, итоговый документ в качестве эксперта не подписал, к государственной награде по итогам работы комиссии Бурденко представлен не был, хотя именно он "нашел" наибольшее количество сфальсифицированных документов⁹⁶.

Эксперты обратили внимание и на следующие обстоятельства. Чтобы рассеять возможные сомнения в существовании лжесвидетеля Ветошникова, который якобы являлся начальником лагеря № 1-ОН НКВД, сотрудники НКГБ СССР подготовили фальшивый рапорт от его имени, будто бы написанный в августе 1941 г. на имя майора госбезопасности Сопруненко. Как видно из личного дела самого Сопруненко, ему было присвоено это звание только в марте 1942 г., т.е. "рапорт Ветошникова" был написан задним числом, после марта 1942 г. В действительности не существовало ни лагерей

№ ОН-1, ОН-2, ОН-3, ни лейтенанта или майора госбезопасности (в разных советских документах по-разному) Ветошникова, а его допрос комиссией Бурденко был сфальсифицирован⁹⁷.

Рабочий отчет о деятельности судебно-медицинской комиссии в Катынском лесу от 1 февраля 1944 г., подписанный главным судебно-медицинским экспертом Наркомата здравоохранения СССР В.И.Прозоровским, формально соответствовал определенным канонам, а на деле обеспечивал решение контрпропагандистских задач при сохранении видимости правдоподобия. Задачи ставились традиционно — как установление личности покойных (что было проделано сугубо выборочно и формально, без соотнесения с предыдущей идентификацией), выявление причин смерти (что было очевидно, давно установлено и не требовало ни повторного, ни изначального полного вскрытия), а также определение давности погребения (что для подгонки сроков под привходящие обстоятельства делалось неадекватными методами — в основном с опорой на "показания" псевдосвидетелей и авторитет экспертов, пользовавшихся бездоказательными аналогиями).

Акт судебно-медицинской экспертизы содержал положения, которые явно не входили в компетенцию экспертов и не могли быть подтверждены ими. Например, констатация уничтожения поляков, которые якобы находились на строительно-дорожных работах около Смоленска до самой оккупации на основании директивы из Берлина и т.д. и т.п. Акт содержал заведомо лживое утверждение, будто бы комиссией не было обнаружено никаких следов работы медиков во время предшествующей эксгумации и она обследовала "нетронутый" материал. Более того, в акт была включена сентенция, якобы тщательные изыскания комиссии не подтвердили наличия могил, в которых были бы трупы гражданских лиц. И это в Катынском лесу, где в настоящее время при помощи польских специалистов установлена локализация 600 захоронений! Сам Бурденко этот документ не подписал, но, как стало известно со слов друга Н.Эйдельмана — профессора В.С.Лельчука, информировавшего авторов этой книги, на сомнения членов отреагировал однозначно: подпишите или нет, ваши подписи будут стоять.

Судя по позднейшим высказываниям членов комиссии, у них не было убежденности в доказательности неточных, путаных документов, которые уже 25 января были сданы в спецчасть, а материалов лабораторных анализов никто никогда не увидел. Их следы не были обнаружены и в ходе прокурорского расследования. Сам Н.Н.Бурденко, тяжело больной, позднее признался, что НКВД сфальсифицировал дело, в том числе сроки совершения катынского преступления. Это подтвердила и невестка Н.Н.Бурденко в беседе с Ю.Н.Зорей. Показания свидетелей снимались на киноплёнку в присутствии наркома госбезопасности В.Н.Меркулова, но оказались столь заученно неубедительными, что, как уже говорилось выше, по предложению А.Н.Толстого были заменены дикторским текстом.

Таковы были результаты следственных действий». На этом мы заканчиваем цитирование записей А.Ю.Яблокова.

Комиссия ученых-экспертов, работавшая под эгидой Главной военной прокуратуры и под руководством академика Б.Н.Топорнина, констатировала в своем заключении: «Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко, выводы и заключение комиссии под руководством В.И.Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными».

Преодолевая в ходе расследования многочисленные трудности и препятствия, Генеральный прокурор СССР Трубин и сотрудники ГВП апеллировали к Президенту СССР, докладывая лично Горбачеву о ходе дела. Уже 17 мая 1991 г. Трубин сообщал, что есть основания «сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД СССР в течение апреля—мая 1940 года» через УНКВД трех областей и захоронены в Катынском лесу, в районе с. Медное и в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова». Он докладывал, что следственные дела на расстрелянных и протоколы особого совещания не удалось отыскать, хотя имеются многочисленные косвенные доказательства. Равным образом из показаний бывших ответственных работников НКВД следует, что имелось постановление ЦК партии за подписью Сталина о ликвидации этих военнопленных. В связи с этим Генеральный прокурор СССР просил дать поручение общему отделу ЦК «проверить наличие архивных материалов (возможно, совместных решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР) по указанному вопросу и копии их передать в Прокуратуру СССР». Таким ему представлялось вероятное партийно-государственное решение высшего уровня. Кроме того, Трубин информировал о даче предварительного согласия в ответ на просьбы польской стороны на совместное проведение эксгумаций в соответствии с имеющимся договором о правовой помощи между двумя государствами и полное ксерокопирование и передачу материалов дела⁹⁸.

Расследование шло своим ходом. Постоянные и многочисленные поиски и запросы в надежде получить коронный документ дела, который бы расставил по местам главные элементы следствия, ответил бы на вопрос о том, на основании какого и чьего политико-юридического решения, по каким причинам и мотивам был совершен расстрел польских военнопленных, оставались без точного и окончательного ответа. Между тем дни президентства Горбачева были сочтены. Почва уходила из-под ног КПСС, и рассчитывать на решительные, волевые движения с его стороны в такой обременительной сфере не приходилось.

Примечания

- ¹ Главная военная прокуратура (далее — ГВП). Уголовное дело № 159. Т. 15. Л. 8—9.
- ² Katyń: Dokumenty ludobójstwa. Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r. W-wa, 1992. S. 134—137.
- ³ Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. С. 189—190.
- ⁴ Там же. С. 124—128.
- ⁵ ГВП. Т. 8. Л. 344—345; Малайчик Ч. Катынская драма // Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 21.
- ⁶ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 271.
- ⁷ ГВП. Т. 116. Л. 72—73.
- ⁸ Там же. Т. 115. Л. 208—209, 210—211, 212—213, 214; Т. 116. Л. 96—98, 113—115.
- ⁹ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 343.
- ¹⁰ ГВП. Т. 11/47. Л. 118—122. (См. также: Katyń: Dokumenty zbrodni. Т. 2. Zagłada. Marzec-czerwiec 1940. W-wa, 1998. S. 349.)
- ¹¹ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 274.
- ¹² ГВП. Т. 11/47. Л. 285—296; Т. 106. Л. 58—69.
- ¹³ Там же. С. 294; ГВП. Т. 3/39. Л. 57, 128; Т. 19. Л. 84—104.
- ¹⁴ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 350.
- ¹⁵ Там же. С. 544; ГВП. Т. 11. Л. 1—361; Т. 12. Л. 1—239; Т. 1/50. Л. 9—370.
- ¹⁶ ГВП. Т. 2. Л. 114—135.
- ¹⁷ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 532, 536—537, 556, 577; ГВП. Т. 11/47. Л. 118—122; Т. 10/46. Л. 152, 243—335; Т. 7/43. Л. 151—152, 109; Т. 13/49. Л. 250.
- ¹⁸ Абаринов В. Катынский лабиринт. М. 1991. С. 52.
- ¹⁹ ГВП. Т. 32. Л. 68—71.
- ²⁰ Там же. Т. 118. Л. 45—46 (см. также: Katyń: Dokumenty zbrodni. Т. 2. S. 81—82); Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 528—531.
- ²¹ ГВП. Т. 121. Л. 59—64, 83—84, 92—95; Т. 118. Л. 45—46.
- ²² Там же. Т. 121. Л. 215—222, 143—152, 153—212; Т. 118. Л. 100—114, 117—121.
- ²³ Там же. Т. 118. Л. 47—48; Т. 115. Л. 17—18, 79—85; Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 601—602.
- ²⁴ ГВП. Т. 121. Л. 64, 59—62, 65—66; Т. 147. Л. 14—135.
- ²⁵ Там же. Т. 118. Л. 96—99; Т. 116. Л. 150; Т. 121. Л. 92—93.
- ²⁶ Там же. Т. 147. Л. 14—135.
- ²⁷ Катынь: Пленники необъявленной войны. С. 541—543, 552—554.
- ²⁸ Там же. С. 523—524, 526—527; ГВП. Т. 118. Л. 42—44, 49, 50—56; Т. 121. Л. 88—91. (См. также: Katyń: Dokumenty zbrodni. Т. 2. S. 48—50.)
- ²⁹ ГВП. Т. 31. Л. 1—110; Т. 31. Л. 116—136.
- ³⁰ Там же. Т. 31. Л. 139—231, 233—279; Т. 21. Л. 109—118.
- ³¹ Там же. Т. 22. Л. 48—50.
- ³² Там же. Т. 14. Л. 73—113; Т. 3/55. Л. 9; Т. 2/54. Л. 188—189.
- ³³ Там же. Т. 5/57. Л. 311—363, 364—372. См. также: Бабий Яр под Смоленском / Публ. А.С.Сухинина // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 27—34.
- ³⁴ Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катын-

- ском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944. (далее — Сообщение СК); ГВП. Т. 116. Л. 7.
- 35 ГВП. Т. 116. Л. 15—17.
- 36 Там же. Т. 124. Л. 104.
- 37 Там же. Т. 7/59. Л. 47—153; Т. 9/61. Л. 129—202; Т. 10/62. Л. 75—79, 136—172, 173—174; Т. 124. Л. 171.
- 38 Там же. Т. 10/62. Л. 176—185, 75—79; Т. 7/59. Л. 244; Т. 124. Л. 171.
- 39 Там же. Т. 124. Л. 104, 112—117; Т. 123. Л. 1—9; Т. 127. Л. 1—55.
- 40 Там же. Т. 26. Л. 131—148; Т. 30. Л. 128—144, 270—275.
- 41 Там же. Т. 124. Л. 149—190.
- 42 Нюрнбергский процесс. Т. 7. М., 1961. С. 195—260, 307—515.
- 43 ГВП. Т. 11/63. Л. 24—338.
- 44 Там же. Т. 124. Л. 149—190.
- 45 Там же. Т. 2/54. Л. 25, 28; Т. 25. Л. 54—74.
- 46 Там же. Т. 2/54. Л. 20, 24, 29, 32.
- 47 Там же. Т. 5/57. Л. 365; Сообщение СК. С. 30.
- 48 Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 100912. Т. 1. Л. 108 об.
- 49 ГВП. Т. 26. Л. 12, 68—76; Т. 106. Л. 139.
- 50 Там же. Т. 2. Л. 19; Т. 113. Л. 1—89.
- 51 Там же. Т. 2/54. Л. 33.; Т. 21. Л. 194—202, 203—217; Т. 4/56. Л. 187—194; Т. 3/55. Л. 117, 291; Сообщение СК. С. 21—26.
- 52 ГВП. Т. 3/55. Л. 156, 175; Т. 5/57. Л. 93—97; Т. 4/56. Л. 195—200; Сообщение СК. С. 26.
- 53 ГВП. Т. 4/56. Л. 195—200; Сообщение СК. С. 21—26.
- 54 ГВП. Т. 127. Л. 56—57; Т. 4/56. Л. 144—156; Т. 3/55. Л. 129; Сообщение СК. С. 19.
- 55 ГВП. Т. 3/55. Л. 122, 296; Т. 4/56. Л. 129—143; Т. 10/62. Л. 20—28; Сообщение СК. С. 18.
- 56 ГВП. Т. 3/55. Л. 166, 293; Т. 4/56. Л. 95—106; Т. 10/62. Л. 53—63; Т. 18. Л. 241—242; Т. 21. Л. 230—231; Сообщение СК. С. 12—13.
- 57 ГВП. Т. 18. Л. 190—191; Т. 5/57. Л. 61—62.
- 58 Там же. Т. 18. Л. 192—193, 198; Т. 5/57. Л. 98—101, 188—189.
- 59 Там же. Т. 3/55. Л. 178; Т. 4/56. Л. 221—228, 229—230.
- 60 Там же. Т. 18. Л. 57—60, 179, 184—185.
- 61 Там же. Т. 4/56. Л. 76—77; Т. 22. Л. 62.
- 62 Там же. Т. 2/54. Л. 29; Т. 5/57. Л. 365; Т. 3/55. Л. 220, 293; Сообщение СК. С. 30—32.
- 63 ГВП. Т. 3/55. Л. 147; Т. 4/56. Л. 236—239; Сообщение СК. С. 9, 41.
- 64 ГВП. Т. 10/62. Л. 29—33; Т. 5/57. Л. 309—310, 300—308.
- 65 Там же. Т. 4/56. Л. 60, 93; Т. 5/57. Л. 6—8, 9—12, 13—15, 53—57, 267—268.
- 66 Подробно см.: Абаринов В. Катynский лабиринт. С. 173—181.
- 67 ГВП. Т. 22. Л. 261—262.
- 68 Там же. Л. 263—264.
- 69 Там же. Л. 267—268.
- 70 Там же. Л. 274—275.
- 71 Там же. Л. 289—290.
- 72 Там же. Т. 106. Л. 134—135, 137, 140—147, 149—264, 267—268.
- 73 Там же. Т. 18. Л. 39—49; Pyzel M. Polski patrol w Katyniu. Dziennik polski, 17.IX.1991.
- 74 ГВП. Т. 106. Л. 1—127.
- 75 Там же. Т. 113. Л. 90—118.
- 76 Там же. Т. 121. Л. 215—222.

- ⁷⁷ Убийства заказывались в Кремле // Труд. 23 июля 1992.
- ⁷⁸ Зоря Ю. Режиссер катынской трагедии // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 174—184.
- ⁷⁹ ГВП. Т. 32. Л. 106.
- ⁸⁰ Там же. Т. 6. Л. 44; Т. 21. Л. 73—77.
- ⁸¹ Там же. Т. 110. Л. 1—3.
- ⁸² Там же. Т. 15. Л. 78—82.
- ⁸³ Katyń: Dokumenty ludobójstwa. S. 134—137.
- ⁸⁴ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 20. Л. 8, 9.
- ⁸⁵ Геворкян Н., Гриненко А. Что стоит за цифрами, преданными гласности КГБ // Московские новости. 1990. № 9; Жаворонков Г. Катынь: Трудный путь к истине // Там же. № 16.
- ⁸⁶ ГВП. Т. 31. Л. 1—110, 116—136, 139—231, 233—279; Т. 102. Л. 4—17; Т. 119. Л. 1—244; Т. 14. Л. 57—113; Т. 112. Л. 42—51, 53—117.
- ⁸⁷ Там же. Т. 3/55. Л. 91.
- ⁸⁸ Там же. Т. 18. Л. 19—33.
- ⁸⁹ Сообщение СК. С. 52—53.
- ⁹⁰ ГВП. Т. 3/39. Л. 300—301.
- ⁹¹ Там же. Т. 15. Л. 38, 41.
- ⁹² Там же. Т. 124. Л. 1—102.
- ⁹³ Там же. Т. 102. Л. 37; Т. 10. Л. 331; Т. 7/43. Л. 109, 151—152; Т. 13/49. Л. 250; Т. 10/46. Л. 152.
- ⁹⁴ Там же. Т. 10. Л. 305.
- ⁹⁵ Меньшагин Б. Воспоминания. Париж, 1988. С. 131; ГВП. Т. 122. Л. 11—20; Т. 127. Л. 136—186.
- ⁹⁶ ГВП. Т. 3/55. Л. 212, 299; Т. 4/56. Л. 66—68, 231—235; Т. 116. Л. 15—17; Сообщение СК. С. 40, 51—52.
- ⁹⁷ ГВП. Т. 110. Л. 23, 72, 73; Т. 127. Л. 58—65.
- ⁹⁸ Katyń: Dokumenty ludobójstwa. S. 140—145.

Глава 6

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КАТЫНСКОЕ ДЕЛО НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВЕКА

На пути к завершению дела

Геополитические перемены конца 80-х — начала 90-х годов в условиях глубинной эрозии всей тоталитарной, командно-административной системы «реального социализма» и взаимоотношений в рамках «социалистического содружества» привели к дестабилизации ситуации в постсоветском пространстве и Центрально-Восточной Европе.

Запутанные и противоречивые процессы внутренней эволюции и российского, и польского общества оказали мощное, но неоднозначное воздействие на состояние российско-польских отношений. «Перестройка» принесла лишь поверхностное и временное их обновление. Приступая с большими трудностями к демократической трансформации политической системы и реформированию социально-экономических отношений, Россия и Польша начали этот процесс по-разному и повели его в различном ритме.

Существовали реальные возможности очищения многоаспектных двусторонних отношений от негативных наслоений и возрождения их на принципиально новой, демократической, добрососедской и партнерской основе, опираясь на подлинное доверие и искренность. Однако многое препятствовало этому. Обе страны стали искать решение своих трудных и запущенных проблем прежде всего на Западе.

Напряженные, недостаточно продуманные и хаотичные попытки найти какие-либо, далеко не всегда оптимальные меры, для урегулирования двусторонних отношений при сохранении взаимного недопонимания и опасений раскручивания конфронтационности, при обнажении накопившихся противоречий и претензий в переживавшем кризис общественном сознании не гарантировали быстрой и эффективной расчистки почвы для конструктивного взаимодействия. Болезненные точки, к числу которых бесспорно принадлежало и принадлежит Катынское дело, требовали продуманной и последовательной политики, а не только примирительных жестов и широковещательных заверений.

Произнося по Центральному телевидению 25 декабря 1991 г. свою прощальную речь, Горбачев-президент горько сказал: «Не научились еще пользоваться свободой». Эта сентенция в равной мере относилась к нему самому.

Следователи Главной военной прокуратуры не получали доступа к архивам ни Президента СССР, ни ЦК КПСС, ни бывшего союзного КГБ. Были проигнорированы их многократные обращения к руководителям Министерства федеральной безопасности и Комитета по делам архивов. Издавая в 1995 г. воспоминания «Жизнь и реформа», Горбачев признает, что лозунг «Больше света» «уж очень не подходил номенклатуре», что «целиком вне сферы информации и критики находился КГБ». Он пишет: «Открывать "закрытые зоны" было невероятно трудно. В каждом случае это вызывало отчаянное противодействие соответствующих ведомств, ворчание хранителей секретов и стенания идеологов»¹. Катынское преступление он и сам не стремился делать достоянием гласности.

Кардинальные перемены на политической арене породили новые надежды и подвигли военных прокуроров на непосредственное обращение к Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину. В их просьбе содействовать получению решения Политбюро ЦК ВКП(б), существование которого было неопровержимо доказано в ходе насчитывавшего более сотни томов уголовного дела и которое, по данным следствия, хранилось в 6-м секторе Архива Президента СССР, им оказал поддержку Генеральный прокурор страны А.И.Казанник.

К тому моменту Ельцин не только знал о существовании зловещего документа, но уже видел его. Но таков трагический смысл и судьба этого документа, что, даже после того, как Горбачев осенью 1992 г. признался в том, что вручил документ лично Ельцину в момент отставки и передачи дел («особых папок») в декабре 1991 г., директор Архива Президента РФ А.В.Коротков еще и в 1994 г. утверждал, что ничего об этом не знает: «Последняя отметка о "заклеивании" пакета уже в Архиве Президента СССР датирована 24 декабря 1991 года. Но кто его смотрел на этот раз — не указано»².

Между тем Горбачев в воспоминаниях «Жизнь и реформа» подробно излагает свою, несколько подправленную версию событий. Он утверждает, что В.И.Болдин знакомил его накануне визита в Польшу с двумя папками, но это якобы была разрозненная документация, подтверждающая версию комиссии Бурденко — «все под ту версию»³. Расследованием было установлено, что в архиве 6-го сектора была одна папка с материалами комиссии Бурденко, которую директор Архива Президента СССР Р.Е.Усиков предъявлял 20 мая 1992 г. С.С.Радевичу и Ю.Н.Зоре, а также одна папка («особый пакет») с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и сопутствующими документами. Так что папок было две. И не только вторая была не «под ту версию», но и первая, поскольку в ней вместе с материалами комиссии Бурденко находился опровергающий их документ — польская экспертиза⁴. Второй же пакет, как свидетельствовал со слов Горбачева Болдин, содержал «истинные факты расстрела поляков в Катыни»⁵.

Горбачев утверждает, что получил впервые обнаруженный только за несколько дней до его отставки с президентского поста «осо-

бый пакет» по инициативе архивистов через руководителя своего аппарата Ревенко накануне передачи дел Ельцину. Он описывает, как, вскрыв папку, он обнаружил в ней докладную записку Берии с визами Сталина, Молотова, Ворошилова: «У меня дух перехватило от этой адской бумаги, обрекавшей на гибель сразу тысячи людей. Я положил папку в сейф и достал ее в ходе беседы с Ельциным, когда мы подошли к подписыванию документа о передаче особого архива [...] Показал и прочитал документ Ельцину в присутствии Яковлева, договорились о передаче его полякам.

— Но теперь, — сказал я, — это уже миссия Бориса Николаевича»⁶.

А.Н.Яковлев рассказывает об этой сцене несколько иначе: «И вот среди других особо важных бумаг М.Горбачев передал Б.Ельцину конверт с документами, добавив, что необходимо посоветоваться, как с ними поступить дальше.

— Боюсь, могут возникнуть международные осложнения. Впрочем, тебе решать, — заметил Горбачев. Б.Ельцин прочитал и согласился, что об этом надо серьезно подумать»⁷.

Не столь существенно, прочитал ли Горбачев материалы, прежде чем положить их в сейф, в тот момент — он их явно читал за несколько лет до этого. Важна сама сцена публичного, гласного зачитания ужасающего документа, хотя пока в узком кругу партийно-государственных лидеров. В царившей ситуации «двойного дна» такие тайны оставались закрытыми, засекреченными и неразглашаемыми даже среди наперсников. Наверное, никогда еще гласность не приобретала такой трагической тональности. И в то же время доли сатисфакции: тяжкая ноша Отечества перекладывалась на соперника, и можно было понаблюдать за производимым впечатлением.

Горбачев, разумеется, стремился оправдать себя после скандала вокруг сроков обнаружения документа и передачи его Ельцину, который тоже не предъявил его полякам ни в декабре 1991 г., ни во время визита Валенсы в Москву в мае 1992 г. Ожесточенно споря между собой, кто же скрывал документ и не сообщил Валенсе о «находке», оба старались сохранить лицо и в то же время демонстрировали тот накал личных амбиций, нетерпимость, перерастающую в открытую взаимную неприязнь, которые были порождены длительной разобщенностью и взаимной борьбой демократических сил в СССР. 1500 дней политического противостояния обернулись для двух лидеров острым публичным столкновением по одному из самых сложных, трудно решаемых вопросов, олицетворяющему головоломные аспекты как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического наследия сталинщины.

Сталинское постановление не спешили обнародовать оба, и было бы большим упрощением увидеть в поведении Ельцина только личные амбиции, стремление действовать в пику Горбачеву.

Воспоминания бывшего Президента СССР дают ключ к раскрытию всей политической подоплеку инсценировки обнародования документа. Он последователен в своей линии обвинения НКВД,

включая Шелепина как инициатора ликвидации всех документов по этому делу. И столь же последователен в уходе от вопроса об ответственности Сталина и его приближенных, о роли верхушки КПСС, о политических, в том числе внешнеполитических, аспектах дела. Горбачев стремился считать дело закрытым с осуществлением им 13 апреля 1990 г. передачи В.Ярузельскому небольшой группы документов.

Ельцину требовалось время, чтобы выйти на проблематику отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы с ее многообразными и сложными аспектами. В центре внимания Ельцина были прежде всего внутривластные вопросы. Но постепенно дело дошло и до международных сюжетов, связанных со странами бывшего «социалистического содружества».

Генеральные прокуроры СССР А.Я.Сухарев и Н.С.Трубин (1991 г.), затем Генеральные прокуроры РФ В.Г.Степанков (1992 г.), А.И.Казанник (1993 г.) и А.Н.Илюшенко (1994 г.) обращались в администрацию Президента РФ с неоднократными просьбами о поиске документов в президентском архиве, на что им отвечали отказом в предоставлении искомых документов и предлагали обращаться лично к Президенту.

В процессе создания новых основ двусторонних российско-польских отношений в течение весны 1992 г., подготовки Договора о дружественном и добрососедском сотрудничестве и целого пакета сопутствующих договоренностей постоянно присутствовала проблема преодоления негативных наслоений прошлого и в первую очередь — расстановки всех точек над «i» в отношении катынского злодеяния. Принципы решения этой проблемы были закреплены в совместном заявлении двух президентов во время официального визита Леха Валенсы в Россию 21—23 мая. Это заявление сопровождало подписание договора, придавая ему окраску выравнивания несправедливостей в отношении польского народа. В нем, в частности, говорилось: «Стороны сознают, что сталинский режим причинил огромные страдания, нанес непоправимый ущерб народам России и Польши.

Память о жертвах тоталитаризма священна.

Россия и Польша, осуждая антигуманную сущность тоталитаризма во всех его проявлениях, заявляют о своей решимости преодолеть негативное наследие прошлого и строить качественно новые двусторонние отношения в будущем на основе позитивных ценностей в истории обоих народов и государств, а также международного права, демократии и соблюдения прав человека»⁸. Валенса назвал правду о Катыни символом правды о двусторонних отношениях, искренности между двумя народами⁹.

Именно в этом ключе составлялись последующие послания и обращения к польскому народу, которые от имени Президента РФ зачитывал глава его администрации С.А.Филатов, с большим пониманием относившийся к катынской проблеме. В 1992—1993 гг. было снято большинство проблем и сложностей во взаимоотноше-

ниях, которые Россия унаследовала от Советского Союза. Обрел перспективу решения и катынский вопрос¹⁰.

Согласно постановлению Президента по итогам визита была создана рабочая группа с участием генерала Л.М.Зайки, советника С.Б.Станкевича и специалиста-эксперта П.С.Романова. Она стимулировала подготовку соглашения о воинских захоронениях, эксгумации, а также поиски списков расстрелянных узников в Западной Украине и Западной Белоруссии, создание новой комиссии по ликвидации «белых пятен» в двусторонних отношениях, издание «Катынской энциклопедии». А.И.Маринченко и В.Ф.Фигановым был снят кинофильм «Память и боль Катыни».

В республиканский парламент был направлен проект постановления Президиума Верховного Совета РФ с требованием создать необходимые условия для завершения работы группы военных прокуроров. Было сформулировано предложение подготовить венчающий дело политический документ за подписью Президента или парламента РФ (однако эти инициативы не получили поддержки и развития из-за позиции А.Барсукова).

Вновь обратиться к польской проблематике в контексте именно катынского преступления Б.Н.Ельцину довелось через несколько месяцев, когда обнаружилось, что оно весьма тесно связано с узловыми внутриполитическими проблемами России.

Для Ельцина стратегически решающим был вопрос трансформации политической системы, подрыва основ сталинской модели партии-государства. Развернулась жестокая, бескомпромиссная борьба, которая отнюдь не была завершена удалением из Конституции 6-й статьи о руководящей и направляющей роли КПСС. Важным событием общественно-политической жизни России стал процесс по «делу КПСС». Депутаты-коммунисты внесли в Конституционный суд вопрос о конституционности указов Президента РФ и о приостановлении деятельности, а затем и запрете КПСС и КП РСФСР и о партийном имуществе. Процесс начался 26 мая 1992 г. и продолжался, с перерывами, до 30 ноября 1992 г. В ходе процесса депутат О.Г.Румянцев внес от имени депутатов-демократов встречный вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР.

В преамбуле Указа Президента РФ от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР» отрицалась природа КПСС как политической партии. Вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР рассматривался как тесно связанный с вопросом об их правовой природе в качестве отправной точки для оценки конституционности мер, принятых в отношении них согласно проверяемым указам. Вот как было официально изложено заключение Конституционного суда: «[...] 3. В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. Имеющиеся в деле материалы свидетельствуют о том, что руководящие органы и высшие должностные лица КПСС действовали в подавляющем большинстве случаев втайне от

рядовых членов КПСС, а нередко — и от ответственных функционеров партии. [...]

Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах — зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями».

В заключении Конституционного суда отмечалось, что после отмены статьи 6-й Конституции СССР организационные структуры КПСС продолжали решать многие вопросы, входящие в компетенцию органов власти и управления, «присвоили себе государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти». Заключение констатировало, что действия Президента РФ «были продиктованы объективной необходимостью исключить возврат к прежнему положению, ликвидировать структуры, повседневная практика которых была основана на том, что КПСС занимала в государственном механизме положение, не согласующееся с основами конституционного строя»¹¹. Было указано, что Конституция РФ в редакции от 1 ноября 1991 г., часть первая статьи 4-й, возлагает на государство и его органы обязанность обеспечить охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Деятельность же руководящих структур КПСС и КП РФ была признана неконституционной, а их восстановление в прежнем виде — недопустимым. Дело против них было прекращено, поскольку КПСС в августе — сентябре 1991 г. фактически распалась и утратила статус общественной организации, а КП РСФСР не была организационно оформлена в качестве самостоятельной политической партии. Членам КП РФ было предоставлено право создавать лишь новые руководящие структуры в полном соответствии с требованиями действующей Конституции и законов РФ и на равных условиях с другими партиями.

Для доказательства незаконности деятельности КПСС по распоряжению Президента привлекались ранее закрытые архивные документы, рассекречивались материалы из тайных архивов и фондов, началась передача их для широкого использования. Для этого была создана Специальная комиссия по архивам при Президенте РФ.

Тайной прирастало могущество тоталитарной власти, ее сила была не столько в правде, сколько в ее сокрытии. Государственная тайна, не регулируемая законом, была фундаментом тирании. Теперь же начался процесс перехода от скрываемого подзаконными актами произвола к установлению законодательно закрепленных отношений между участниками защиты секретных сведений, к разграничению того, что может, а что не может быть государственной тайной, к балансу интересов человека, общества и государства.

К «делу КПСС» были привлечены около шести тысяч документов из основных архивохранилищ России. Эти документы приоткрывали процессы инициирования, разработки, принятия и реали-

зации решений на высшем уровне в бывшем СССР. Среди них была подборка документов по Катынскому делу, включая постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.¹²

О реакции Ельцина в декабре 1991 г. при передаче ему Горбачевым фоллантов закрытых документов и свидетельств, самых тайных из мрачных тайн власти, удалось узнать из информации бывшего председателя Российской государственной телерадиокомпании О.М.Попцова. Борис Ельцин, пишет Попцов, не испытывал ни радости, ни сверхсамозначительности, наоборот: «Впоследствии он рассказывал о безразличном чувстве, которое пережил в тот момент, о своем нежелании не только вникать, но даже прикасаться к этим свидетельствам сотворения порока, насилия, искалеченных судеб и судеб целых народов. И, подтверждая свою непричастность к страшным документам, обещал в ближайшее время предать их гласности. Так начиналась, как казалось самому Ельцину, открытая политика первого российского президента. В тот момент он вряд ли подозревал, что отречение от тайного прошлого не защитит его перед тайнами будущего, вне которых власть, по существу, беспомощна»¹³.

Через полгода, в разгар работы Конституционного суда РФ и рассекречивания многих тайных документов, перед Ельциным вновь встал вопрос секретных материалов о злодейском умерщвлении польских военнопленных из самого закрытого архивохранилища. На этот раз он наконец решился.

В июле 1992 г. в Архиве Президента РФ тогдашний руководитель президентской администрации Ю.В.Петров, советник Президента Д.А.Волкогонов, главный архивист РФ Р.Г.Пихоя и директор архива А.В.Коротков просматривали его совершенно секретные материалы. 24 сентября они вскрыли «особый пакет № 1». Как рассказал Коротков, «документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедленно распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный государственный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе. Затем мы передали копии в Конституционный суд, Генеральную прокуратуру и общественности»¹⁴.

Когда Р.Г.Пихоя привез 14 октября 1992 г. в Варшаву документы из «пакета № 1» и старался там объяснить, почему они так долго были запрятаны в тайниках власти, он подчеркнул следующее: это было преступление политического характера, и несмотря на это документы передаются польской стороне, чтобы очиститься от лжи и строить отношения на основе открытости и искренности. Трудно признать эту аргументацию достаточно вразумительной, но и она была нова и важна, так как сопровождала документы сугубо тайные и «самовзорвавшиеся», сбросившие покров государственной тайны с преступления, обнажившие его масштаб и характер. Была разоблачена фальсификация, скрывавшая гигантскую политическую мистификацию сталинской внешней политики. Встал вопрос об ответственности — уголовной и политической.

Нельзя не отдать должное Валенсе, который с пониманием воспринял очевидный факт, что решение передачи полякам документов «было трудным, просто героическим со стороны президента Ельцина». При этом польское руководство, прежде всего сам Валенс, осознавало, что «есть сопротивление в некоторых кругах» и «нужно "переварить" эти ужасные документы, говорящие об ответственности не только отдельных лиц, но целых политических организаций»¹⁵.

Выступая 15 октября с интервью для польского телевидения, Б.Ельцин взволнованно говорил о страшном сталинском преступлении и выражал надежду, что оно в дальнейшем не будет тяготеть над двусторонними отношениями России и Польши. Он осудил комиссию историков за создание «видимости усилий» в этой области, что на самом деле никак не могло относиться к польской части комиссии и только частично — к ее советской части, поскольку препятствия для ее работы создавались партийно-политическим руководством СССР. Задетый этим акцентом в выступлении Ельцина, В.Ярузельский обратился с демаршем в российское посольство в Варшаве, о чем он написал во вступительном слове к книге Я.Махичевского «Вырвать правду». В ответ Ельцин прислал ему письмо, публикуемое в том же издании. В нем, выразив глубокое сочувствие родственникам и близким погибших, Ельцин подтвердил, что осведомлен о роли Ярузельского в раскрытии правды об этом скорбном деле, о его постоянных обращениях к бывшим советским лидерам, которые, в чем он был уверен, «были информированы о наличии документов». Он назвал советских руководителей последнего времени циничными людьми. Российский президент еще раз подчеркнул, что «обновленная демократическая Россия не несет ответственности за злодеяния сталинского тоталитарного режима, с осуждением которого Президенты Российской Федерации и Республики Польша выступили во время подписания в мае с.г. межгосударственного договора о дружественном и добрососедском сотрудничестве»¹⁶.

Это письмо, датированное 5 ноября 1992 г., действительно знаменовало собой стремление перейти к искренней и открытой политике в духе равноправия и взаимного уважения.

Не менее значимым в перечне адресатов, которым направлялись секретные документы по Катынскому делу, был, вне сомнения, представлявший другую ветвь власти Конституционный суд, в котором во время передачи документов польскому руководству продолжалось напряженное противостояние двух сторон по «делу КПСС». Катынские документы привлекались как доказательство тяжелого наследия сталинского прошлого и могли стать объектом специального рассмотрения.

Какова была история их рассмотрения в Конституционном суде РФ?

С ходатайством о приобщении к материалам по «делу КПСС» подборки из 37 документов (копий) по Катынскому делу из президентского архива выступил 14 октября 1992 г. представитель Прези-

дента РФ С.М.Шахрай. На основании этих совершенно секретных материалов он проинформировал как о подлинных событиях 1939—1940 гг., о расстреле польских граждан, содержащихся в лагерях НКВД и называвшихся военнопленными, так и о создании при помощи комиссии Н.Н.Бурденко лживой «официальной версии» и сокрытии истинной истории Катынского дела от собственного народа и международной общественности. Целью Шахрая, судя по его ответам на вопросы, было не столько выяснение сути и обстоятельств дела, сколько доказательство самого факта противоправного массового расстрела польских военнопленных на основании закрытого решения Политбюро ЦК ВКП(б) и последующего сокрытия этого факта.

В ходе судебного заседания спор развернулся вокруг выяснения вопроса о том, кого следует обвинять в случившемся в 1940 г. и в связи с этим — вокруг оценки деятельности КПСС. Содержание и направление дискуссии подробно охарактеризовал один из юридических представителей КПСС на процессе — профессор Ф.Рудинский¹⁷. Его коллега по партии Ю.М.Слободкин стал строить защиту на утверждении, что преступление и его укрывательство совершала не политическая партия, а конкретные люди, и их действия должны оцениваться на основе Уголовного кодекса. Поэтому речь должна идти о Берии и его окружении как виновниках репрессий, о приобщении к делу документов об их ответственности. Это задавало определенное направление рассмотрению дела, заведомо сужая его.

Председатель Конституционного суда В.Д.Зорькин, в свою очередь, стал доказывать, что согласно законодательству данный судебный орган не рассматривает обвинения в адрес отдельных лиц — это в его компетенцию не входит. В частности, он не ставит вопрос об уголовно-правовой ответственности М.Горбачева как генерального секретаря КПСС. Он может изучать вопрос только о том, как «действовало руководство вообще, как действовало руководство в целом». При этом Зорькин направлял обсуждение таким образом, чтобы исключить рассмотрение событий сталинского периода и сосредоточиться на периоде горбачевском, но не на вопросе оценки поведения Горбачева, который не обнародовал документы о расстреле польских пленных, скрывал их.

Осмысление представленных документов было затруднено отсутствием ясности в отношении событий 1939—1940 гг., незнанием различных аспектов Катынского дела, самой практики организации работы Политбюро 40—50-х годов, обстоятельств создания и последствий функционирования «советской официальной версии» Катынского дела: участники процесса не располагали данными юридического анализа, криминалистической экспертизы преступления. Возникло множество вопросов и правовых трудностей. Их решением с успехом занималась Главная военная прокуратура (о чем уже было рассказано), но работа ее следователей оставалась без внимания, ее результаты не были привлечены Конституционным судом.

При обсуждении документов Катынского дела уже 16 октября представители КПСС использовали очевидные или мнимые неяс-

ности, чтобы поставить под сомнение многие положения представленных документов, их оформление и даже подлинность, а также позиции ряда советских руководителей прежних лет. Защита КПСС утверждала, что гибель польских граждан не может быть связана с деятельностью компартии, поскольку в те годы репрессии власти были направлены и против этой партии, и армии, которые также понесли огромные потери. Представители КПСС стремились не допустить отождествления Политбюро 1940 г. с Политбюро 1991 г., не позволить рассматривать решения 1940 г. как волю партии, когда НКВД был поставлен над партией.

Весь узел проблем тоталитарного режима, его злоупотреблений и преступлений не был достаточно распутан, но постоянно находился в поле зрения. Катынское дело способствовало обнажению его различных ракурсов, поднимало целый пласт дополнительных проблем, вопросы оценки действий сталинского режима в целом, сталинских деформаций в различных областях общественной жизни. Масштабу «дела КПСС» грозило дальнейшее увеличение.

Катынское дело создавало для этого существенные предпосылки. Возможности его рассмотрения в контексте ряда важных проблем внутренней и внешней политики и наоборот — анализа политических проблем через призму Катынского дела — создавались постановкой вопросов о дополнительном расследовании, о привлечении в качестве свидетелей Горбачева, Шелепина и других партийно-государственных деятелей, о необходимости затребования из Главной военной прокуратуры окончательных материалов расследования. Действительно, с правовой точки зрения для этого были все основания: пункт 4 статьи 1 закона о Конституционном суде РФ обязывал его воздерживаться от установления фактических обстоятельств, когда это входит в компетенцию других государственных органов. И такая работа в значительной степени уже была проведена следователями ГВП, что обеспечивало полноценное разбирательство этой линии «дела КПСС» и эффективное доведение ее до конца. А это влекло за собой еще более глубокий анализ и обстоятельную верификацию устоев сталинистского прошлого. Была ли готова политико-правовая элита России к этому?

История показала, что нет. Горбачев в Конституционный суд не явился. Катынская линия «дела КПСС» заглохла. Катынские материалы были приобщены к делу, но в постановлении и особых мнениях не фигурируют, с окончательным вердиктом непосредственно не связаны. Конкретные предложения продолжения не получили. Определенную роль в этом сыграли и поступившие в суд новые доказательства неприглядной роли руководства КПСС в сокрытии подноготной Катынского дела.

Этой теме в значительной мере было посвящено направленное представляющим сторону КПСС в Конституционном суде В.А.Ивашко и В.А.Купцову письмо (обширная справка) одного из активных участников «перестройки» — консультанта международного отдела ЦК КПСС, помощника секретаря ЦК (сначала В.А.Медведева, потом В.М.Фалина) В.А.Александрова. Оно носило

название «К рассмотрению в Конституционном суде документов об убийстве польских офицеров весной 1940 г.» и было датировано 19 октября 1992 г. В письме утверждалось, что Александров в течение нескольких лет помимо воли был исполнителем хитроумного плана Горбачева по поискам второстепенных, косвенных доказательств преступления, которые он, зная подлинные документы, систематически и последовательно отвергал как «недостаточные и неубедительные». Естественной реакцией Александрова после обнародования постановления от 5 марта 1940 г., как он пишет в сопроводительной записке к письму на имя Ивашко и Купцова, было «содрогание от цинизма сталинской политики» и «глубокое возмущение по поводу тех, кто скрывал от общественности это решение даже в условиях безусловного осуждения самого преступления».

Впервые доведя до сведения общественности многие важные факты и детали прохождения в ЦК Катынского дела, Александров надеялся на приобщение этого материала в судебном разбирательстве к «делу КПСС». Главная оценка дается им во вводной части документа, где он пишет следующее:

«Расстрел польских офицеров, произведенный НКВД в апреле—мае 1940 г., — одна из самых кровавых страниц истории века. Теперь выяснилось, что это преступление совершено не только по прямому поручению Сталина, но к нему причастно Политбюро ЦК ВКП(б) сталинской поры.

Выяснилось и еще одно преступление, а именно умышленное сокрытие важнейшего документа, причем совершенное транзитом через несколько режимов — от сталинского до наших дней. Каждый день этого сокрытия оборачивается покровительством преступлению.

Для меня, как видимо и для других людей, принимавших участие в расследовании преступления в Катыни, факт сокрытия основополагающих документов оборачивается личным оскорблением и надругательством, так как означает умышленное закрытие главного хода поиска документов и необходимость обращения к менее существенным сведениям».

Изложив многие существенные для выяснения правды о судьбах польских военнопленных факты и события во время следствия в ГВП, а затем в этом письме (которое неоднократно цитировалось в этой книге), автор убежденно констатирует: «Такие документы должны жечь руки, и ни у кого нет права ни на один день отсрочки. И это преступление имеет не только правовой, но и гуманитарный аспект». Приветствуя тех, кто действовал по велению сердца, занимаясь восстановлением исторической правды, Александров решительно и жестко осуждает Горбачева и Болдина, которые, «монополизировав права на гласность», проводя «политику с двойным дном», «скрыли ряд принципиальных материалов от общества»¹⁸.

Не без основания, как оказалось, В.А.Александров поставил вопрос и о том, нет ли в архивах, оставшихся после Горбачева, подлинников секретных советско-германских протоколов 1939 г.

В Конституционном суде обе эти линии развития не получили. Представители компартии отнюдь не были склонны обременять ее дополнительными обвинениями. Письмо Александра было частично опубликовано лишь в демократической газете «Куранты» с выражением надежды на его использование «в дальнейшем».

Занять открытую позицию по этому вопросу и уже тогда внести полную ясность мог бы человек, хорошо знакомый с Катынским делом, но он был верен своей линии и на слушание «дела КПСС» не явился, несмотря на двукратный вызов и наложение штрафа. Речь о Михаиле Горбачеве. 22 октября Конституционный суд, несколько приглушив резонанс от представленных Шахраем катынских секретных материалов, отказал в приобщении их к делу.

Между тем за несколько дней до этого на предъявление постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. резко среагировала российская общественность. Это произошло после того, как 18 октября в еженедельной политической передаче российского телевидения «Итоги» об этом прошло сообщение как о сенсации недели. Широко обсуждался вопрос, кто тормозил обнародование рокового документа и каковы должны быть юридические последствия для участников преступления, расстрельщиков, в какой мере виновны те, кто служил слепым орудием в руках палачей, следует ли предать их воле Божьей.

Профессор Д.А.Волкогонов, а затем и тогдашний главный архивист России Р.Г.Пихоя представили с достойными значимости события комментариями сталинское постановление с телеэкранов, а журнал «Новое время» предоставил свои страницы Л.Н.Елину. Этот известный публицист предварил свою статью «Трое с пакетом в Кремле: Катынские игры» вопросом: «Решение Политбюро о расстреле поляков найдено. Но кто поверит, что найдено оно только сейчас?» Он не церемонился ни с бывшим Президентом СССР, ни с нынешним Президентом России, рассказывая о перипетиях с поисками, обнаружением и опубликованием «тайного из тайных» документа. Естественно, он задался и вопросом об обстоятельствах и сроках передачи его польской стороне, связывая их с выходом двусторонних отношений на новый уровень¹⁹.

Подготовленная для передачи польской стороне и в Конституционный суд подборка документов была передана для опубликования в научный журнал «Вопросы истории»²⁰.

Как только материалы «особого пакета № 1» поступили в Главную военную прокуратуру, следователи которой несколько месяцев старались довести до сознания высоких чиновников, что существование постановления Политбюро о польских военнопленных бесспорно доказано, были проведены необходимые следственные действия. В Кремле был осмотрен весь комплекс документов, проведены почерковедческая и криминалистическая экспертизы. Они подтвердили подлинность записки Берии на имя Сталина № 794/Б от

марта 1940 г., подписей на ней Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна и Берии, а также выписки из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 г.²¹

В качестве свидетелей были приглашены бывший начальник канцелярии Президиума ЦК КПСС Д.Н.Суханов и А.В.Коротков, директор Архива Президента РФ, в котором хранятся «особые папки» Политбюро и другие важнейшие документы партии. Они сообщили о том, как в 40-е годы функционировало Политбюро, каков был сложившийся в то время порядок принятия партийно-государственных решений: группой из приближенных к Сталину членов Политбюро, одновременно занимавших ключевые государственные посты, — Ворошиловым, Молотовым, Микояном, Калининым, Кагановичем при участии Берии. Иногда мнение отсутствовавшего члена узкого сталинского окружения испрашивалось по телефону, о чем секретарь делал отметку на документе. После получения фиксируемого мнения секретарь оформлял выписку из постановления и направлял для исполнения адресатам.

Поэтому, несмотря на то что на записке Берии Сталину № 794/Б от марта 1940 г., положенной в основу обсуждения «вопроса НКВД», рассмотренного на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 г., вслед за резолюцией «за» имеются личные подписи только Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна, а о мнении Калинина и Кагановича сообщает помета на полях, было признано, что это согласованное решение всех указанных шести членов высшего партийно-государственного руководства.

В Архиве Президента РФ, тщательно осмотрев подлинные документы Политбюро того времени, следователь ГВП А.Ю.Яблоков получил подтверждение существовавшей тогда практики принятия решений. Среди протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за период от 17 февраля до 17 марта 1940 г. № 13/13-ОП он обнаружил «особую папку» «Подлинники постановлений и материалы». В ней имеется следующая справка за подписью заведующего особым сектором ЦК КПСС Т.Силина: «Подлинник постановления Политбюро ЦК ВКП(б) П 13/144-ОП от 5 марта 1940 г. — записка НКВД № 794/Б от марта 1940 г. за подписью Берия с голосованием т.т. Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна (роспись) и т.т. Калинина, Кагановича по телефону находится в папке совершенно секретных документов»²².

Из этого следует, что записка (с обоснованием, т.е. констатирующей частью, и проектом решения, т.е. постановляющей частью) Берии от марта 1940 г., снабженная визами лиц из сталинского руководства и есть постановление Политбюро, что решение о расстреле весной 1940 г. польских граждан, подготовленное членом ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро Берией, было принято всеми шестью членами политбюро — Сталиным, Ворошиловым, Молотовым, Микояном, Калининым и Кагановичем. Все они несут за него политическую и юридическую ответственность в полном объеме.

Были сняты показания и с бывшего председателя КГБ А.Н.Шелепина, автора записки-представления Хрущеву от 3 марта 1959 г. об исполнении постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

Уникальная информация о расстреле 21.857 польских граждан, хотя недостаточно точная в отношении мест расправы, требовала немедленной проверки, тем более что в поле зрения следствия появилась новая категория репрессированных — 7.305 узников тюрем и лагерей Западной Украины и Западной Белоруссии.

Место жительства А.Н.Шелепина — «железного Шурика» — было установлено через адресное бюро Москвы.

Вот что записал А.Ю.Яблоков.

«Чтобы не столкнуться с отказом от дачи показаний, я решил договариваться о допросе не по телефону, а при личной встрече, и 9 декабря 1992 г. в 16 часов прибыл на квартиру Шелепина на улице Алексея Толстого, ныне опять Спиридоновке. Естественно, дом был элитный, оригинальной, нестандартной архитектуры. Шелепин проживал в этом доме в небольшой квартире на третьем этаже вместе с семьей своей дочери. После выяснения цели моего визита Шелепин заявил, что ничего не знает, не помнит и, кроме того, плохо себя чувствует. Поэтому дать показаний не сможет. Пришлось сделать заявление, что уклонение от дачи показаний может серьезно сказаться на полноте следствия. На вопрос Шелепина о том, какие конкретно вопросы меня интересуют и в каком порядке будут оформляться следственные действия, я объяснил, что планирую провести его допрос в качестве свидетеля с применением видеозаписи и предъявлением для дачи пояснений его письма Хрущеву. Шелепин заявил, что он категорически против применения видеозаписи и звукозаписи, что он был всего три месяца в должности, когда ему подсунули эти документы, что он подписал их, практически не вникая в суть этого вопроса, и поэтому ничего не помнит. По поводу письма он заявил, что подписал его в 1959 г., а на нем почему-то штамп ЦК КПСС 1965 г. Уцепившись за эту тему, я предложил ему дать пояснения хотя бы по поводу этого письма.

Шелепин ответил, что он даст согласие на это только при условии, если я выясню, кто готовил ему это письмо и почему оно зарегистрировано в 1965 году, если узнаю, не сохранилось ли его копии в Министерстве безопасности России (в то время так назывался КГБ) с указанием исполнителя документа, и предъявлю ему копию или подлинник письма. Он пожелал, чтобы в допросе участвовал сменивший его на посту председателя КГБ СССР В.Е.Семичастный, который проживает в том же доме. Понимая, что в случае неприятия выдвинутых условий Шелепин может уклониться от допроса под предлогом болезни, слабой памяти или любым иным способом, я был вынужден согласиться.

Готовясь к допросу Шелепина и выполняя его предварительные условия, я 10 декабря 1992 г. переговорил по телефону с директором Архива Президента РФ Коротковым. Он сказал, что подлинни-

ки документов ни при каких условиях выдаче из архива в Кремле не подлежат. Все документы в архиве, и в том числе письмо Шелепина Хрущеву, хранятся в единственном экземпляре. Копии этого документа, где были бы визы исполнителей, в архиве не имеется, и существует ли вообще такая копия, он не знает. На письме Шелепина Хрущеву действительно стоит штамп ЦК КПСС от 9 марта 1965 г., но в чем причина длительного временного разрыва между датой изготовления документа и его регистрацией в ЦК КПСС, он не знает. Каких-либо других документов, разъясняющих эту ситуацию, в архиве нет.

В тот же день я по предложению Короткова связался по телефону с его заместителем А.С.Степановым, который пояснил, что в практике КГБ в 50—60-х и последующих годов существовал порядок изготовления особо важных документов в единственном экземпляре, рукописным способом и особо доверенными людьми. О том, что письмо исполнено таким образом, свидетельствует каллиграфический почерк, который явно не соответствует почерку Шелепина. Каждая буква текста выполнена отдельно и с особым старанием. На документе не проставлен ни номер экземпляра, ни их количество. Документ длительное время, с 3 марта 1959 г., не регистрировался, очевидно потому, что находился в сейфе у заведующего общего отдела ЦК КПСС Малина. Такое положение имело место с многими другими документами аналогичного значения. В 1965 г. Малин уходил с этой должности и поэтому 9 марта 1965 г. под номером 0680 документы были зарегистрированы в текущем делопроизводстве ЦК КПСС, а 20 марта 1965 г. под номером 9485 переданы в Архив ЦК КПСС.

11 декабря 1992 г. я по телефону переговорил с начальником Центрального архива МБ РФ А.А.Зюбченко, которому также задал вопросы, поставленные Шелепиным. Зюбченко ответил, что по всем признакам письмо Шелепина Хрущеву составлено в единственном экземпляре. Это письмо готовил неизвестный ему сотрудник КГБ СССР из группы особо доверенных сотрудников секретариата председателя КГБ, которых знал только строго ограниченный круг высших должностных лиц КГБ. Он предложил для выяснения, кто именно составил это письмо, обратиться к министру безопасности РФ с письменной просьбой поручить провести опрос среди бывших сотрудников секретариата председателя КГБ. На наш запрос министру В.П.Баранникову поступил ответ, что этот сотрудник уже умер и опросить его не представляется возможным.

11 декабря 1992 г. с 11 часов 50 минут до 14 часов 50 минут на квартире Шелепина проводился его допрос с участием В.Е.Семичастного, который повторял и разъяснял плохо слышащему Шелепину мои вопросы и помогал сформулировать ответы на них. По сравнению с высоким, крепким, самоуверенным Семичастным, ощущение власти и силы которого усиливалось всей его внешностью — крепким телосложением и крупной головой с резкими, тяжелыми чертами лица, Шелепин очень проигрывал. Ниже сред-

него роста, с мелкими чертами лица, Шелепин имел вид обычного пожилого русского человека. Прежде чем давать ответы на мои вопросы, он обстоятельно советовался с Семичастным. После ознакомления с ксерокопиями документов "особой папки", протоколом осмотра этих документов и подготовленными мною справками о беседах с Коротковым, Степановым и Зюбченко, отвечая на подготовленные вопросы, Шелепин дал показания, которые были записаны практически дословно. В ходе воспроизведения записанного Шелепин и Семичастный заявили, что в таком виде показания в протоколе оставлять нельзя, поскольку "председатель в этом случае выглядит не на высоте". Мне же якобы все было рассказано не для записи, а чтобы я с их слов лучше понял ситуацию того времени.

В частности, Шелепина не устроило, что было записано (как он в действительности и рассказывал), что после доклада кого-то из его подчиненных (скорее всего из архивного подразделения) о том, что целая комната в архиве постоянно занята ненужными для работы совершенно секретными документами, и предложения запросить в ЦК КПСС разрешение на их уничтожение, он дал на это согласие, не зная, о какой проблеме шла речь. Через некоторое время тот же исполнитель принес ему выписку из решения Политбюро и письмо от его имени Хрущеву. К этому времени он был в должности всего три месяца, а до того не соприкасался с деятельностью КГБ. По его словам, при назначении на этот пост он несколько раз отказывался и подчинился приказу о назначении председателем комитета только в порядке партийной дисциплины. В первые месяцы, не чувствуя себя профессионалом в этой области, он во всем доверялся тому, что готовили подчиненные, и поэтому подписал, не вникая в существо вопроса, письмо Хрущеву и проект постановления Президиума (так в то время именовалось Политбюро) ЦК КПСС.

О преступлении в Катыни и других местах в отношении польских граждан он знает только то, что сообщалось в газетах.

Был ли принят предложенный проект совершенно секретного постановления о ликвидации всех дел, кроме протоколов заседаний «тройки» НКВД СССР?

Шелепин и Семичастный пояснили, что отсутствие резолюции Хрущева на письме Шелепина объясняется существованием в то время практики дачи устных санкций на тот или иной запрос исполнителей. Такая санкция могла поступить как от самого Хрущева, так и от руководителя его аппарата. В этом случае на втором экземпляре документа исполнитель делал соответствующую отметку. Это письмо Шелепина Хрущеву исполнялось в единственном экземпляре, и поэтому на нем не оказалось никаких отметок, так как оно осталось в ЦК КПСС. Поэтому, видимо, и не потребовалось (не было оформлено) решение Президиума ЦК КПСС.

Вместо протоколирования этих пояснений Шелепин и Семичастный предложили записать, что причина отсутствия визы Хрущева на письме Шелепина и проекте постановления Президиума

ЦК КПСС им не известна. Я был вынужден переписать протокол заново в соответствии с предложениями Шелепина и Семичастного, и только тогда он был подписан.

После окончания допроса Шелепин и Семичастный поинтересовались у меня, планируется ли допрос бывшего председателя КГБ И.А.Серова. Они рассказали, что Серов и Хрущев очень тесно сотрудничали на Украине, в том числе в 1939—1940 гг. За Серовым прочно укрепилась слава "палача" и правой руки Хрущева (их объединяли и родственные связи: они были свояками). Со слов Семичастного, Серов был замешан в расстрелах во Львове и Харькове. Проверить эту информацию у него самого не представилось возможным, поскольку Серов часто и тяжело болел и через несколько месяцев скончался. При всем этом было очевидно личное неприязненное отношение Шелепина и Семичастного как к Серову, так и к Хрущеву, которое и развязывало их языки.

У меня сложилось впечатление, что оба старика находились в состоянии какого-то беспокойства по поводу происходящего в стране и тревожного ожидания того, что они снова станут объектами пристального общественного внимания. В ходе допроса по их настоянию делались перерывы для просмотра всех информационных новостей по всем телевизионным каналам, которые они жадно впитывали в обстановке полной тишины и напряженного внимания.

В целом, допрошенный в качестве свидетеля Шелепин подтвердил подлинность анализируемого письма и фактов, изложенных в нем. Он также пояснил, что лично завизировал проект постановления Президиума ЦК КПСС от 1959 г. об уничтожении документов по Катынскому делу и считает, что этот акт был исполнен.

Выяснение проблемы продолжалось. Из показаний бывшего заведующего канцелярией Президиума ЦК КПСС Д.Н.Суханова следовало, что особенно широкое распространение практика решения многих государственных вопросов по телефону, без визирования документов, получила при Н.С.Хрущеве. По его мнению, тот факт, что письмо Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. и проект постановления Президиума ЦК КПСС, завизированный Шелепиным, оказались на хранении в "особой папке" Политбюро ЦК КПСС, свидетельствует об исполнении этих документов».

Через три с лишним года после описанных следственных действий Яблокова в ГВП, 18 апреля 1996 г. подполковник юстиции С.В.Шаламаев допросил бывшего сотрудника архива КГБ И.Смирнова, который подтвердил, что на Лубянке было сожжено несколько ящиков документов. Однако акты об уничтожении материалов Катынского дела до сих пор не были предъявлены.

Проводимое в ГВП следствие опиралось на завершенное и подписанное 2 августа 1993 г. заключение комиссии ученых-экспертов²³. Этот составленный квалифицированными юристами, историками и медиками документ, написанный с позиций примата международного права, ставил комплекс вопросов задержания польских граждан во второй половине сентября 1939 г. и в последующий период как военнопленных, правомочности их содержания в этом ка-

честве, а затем уничтожения. Были рассмотрены обстоятельства преступления, его причины и мотивы. Развенчивалась «официальная советская версия», базировавшаяся на фальсификации комиссии Бурденко. Были сделаны выводы о подлинных виновниках преступления и их ответственности.

Экспертиза российских ученых была с удовлетворением принята польскими коллегами и опубликована в специальном бюллетене издательства «Карта» «Россия и Катынь», спонсированном всепольским Комитетом научных исследований²⁴.

Польское общественное мнение стало возлагать большие надежды на благоприятную атмосферу, возникшую вокруг Катынского дела и обещавшую его быстрое и конструктивное окончание.

Во время первого официального визита Президента РФ Б.Н.Ельцина в Польшу (24—26 августа 1993 г.) как продолжения двустороннего диалога на высшем уровне в совместной российско-польской декларации отмечались, в частности, позитивные результаты майской встречи 1992 г. в Москве, которая «дала важный импульс процессу преодоления негативного наследия прошлого». В декларации также заявлялось следующее: «В атмосфере взаимопонимания и доброй воли были выяснены обстоятельства катынского преступления, виновники которого будут наказаны. Предпринимаются усилия для восстановления справедливости в отношении жертв сталинских репрессий и преступлений. Достигнут прогресс в обеспечении свободного доступа к архивам на территории России и Польши»²⁵. Специально обсуждался вопрос об оформлении двустороннего соглашения об охране захоронений и мест памяти жертв войн и репрессий. Со стороны Б.Н.Ельцина, посетившего Катынский памятник в Варшаве и возложившего к нему цветы с торжественным жестом уважения и покаяния, это было не только веление души, но символическая просьба о прощении от имени российского народа. В еженедельнике «Московские новости» была опубликована фотография Б.Н.Ельцина, склонившегося у памятника жертвам катынского злодеяния со словом «простите»²⁶.

В Российской Федерации был предпринят ряд шагов для обеспечения доступа польских исследователей в закрытые ранее архивы и фонды. Развернулась совместная подготовка российско-польского издания документов «Катынь: Документы преступления»²⁷.

Менее чем через месяц после визита Ельцина в Варшаву, 21 сентября 1993 г., впервые в истории страны был введен в действие закон «О государственной тайне», который перевел область информационных ресурсов государства из внутриведомственной сферы в сферу, регулируемую законодательно. Отныне решение вопроса об отнесении сведений к государственной тайне оказалось в пределах компетенции Президента РФ, а правительство обязывалось организовать его исполнение. Были четко определены принципы и характер засекречиваемых сведений, равно как сведений, не подлежащих засекречиванию. В число последней категории были включены сведения «о фактах нарушения законности органами государственной власти и ее должностными лицами». Если же долж-

ностные лица принимают решение о засекречивании такого рода сведений, они «несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба»²⁸. Закон о государственной тайне создал совершенно новый климат в стране, сделал невозможным безнаказанное совершение и утаивание органами власти и должностными лицами преступлений, подобных учиненному в отношении польских военнопленных в 1940 г.

Резонансом введения в жизнь этого закона стали покаянные публикации бывших руководителей КГБ. Прослуживший в органах госбезопасности 45 лет (с 1946 г.) и дослужившийся до первого заместителя председателя генерал армии Ф.Д.Бобков в мемуарах «КГБ и власть» дает особый раздел «Секретность и перестройка». Он признает, что «охрана государственных тайн принимала гипертрофированные формы и в конце концов перешла все границы». «Разумеется, — пишет Бобков, — защита секретов необходима. Об этом заботятся спецслужбы всех стран, но, когда так называемая "государственная тайна" наносит прямой вред самому государству, когда на этой почве возникают нежелательные конфликты, стоит подумать: а нет ли в данном конкретном случае желания принимающего решение укрыться за покровом секретности»²⁹.

А если за покровом секретности, «государственной тайны» сознательно укрывается преступление? Если это тяжкое преступление преднамеренного массового убийства? Массового убийства граждан соседнего государства, в том числе хранимых международным правом военнопленных? Акта геноцида, ставшего следствием преступления против мира и военных преступлений? Как оценить всю меру вреда скрытого до поры до времени при помощи «государственной тайны» ужасающего преступления, непоправимого ущерба, нанесенного народу Польши и двусторонним отношениям, обреченным на «нежелательные конфликты»?

Генерал уходит от ответа на эти вопросы. Читатель не найдет на страницах его книжки слово «Катынь». Есть, правда, страница, посвященная секретному протоколу к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., который автор и теперь смущается назвать пактом Молотова—Риббентропа, говоря только о «протоколе Молотова—Риббентропа». Он использует этот протокол как пример того, что «наша извечная секретность привела в данном случае к серьезным последствиям», что «невозможно осознать логику сокрытия», — после того, как выискивает его «определенную положительную роль» и предполагает возможность снять напряженность вокруг этого вопроса при помощи опубликования и обсуждения секретного протокола в печати «хотя бы в шестидесятих годах». Храня честь чекистского мундира, генерал Бобков лукавит: «Я часто задавал себе вопрос: знал ли о наличии у нас протоколов Андропов и о том, что их прячут в архивах ЦК? беру на

себя смелость (явно бесосновательную. — *Авт.*) утверждать: он ничего о них не ведал»³⁰.

Между тем действительно ранее ничего не ведавшая о Катынском деле следственная группа Главной военной прокуратуры (а точнее — один старший прокурор А.Ю.Яблоков, на которого были переложены все обязанности по ведению дела с уходом из ГВП А.В.Третьяцкого и переводом других прокуроров на иные объекты) завершила основное расследование. Однако дело летом 1994 г. зашло в тупик. Рассуждая об этом на «круглом столе» редакции «Нового времени», члены комиссии экспертов говорили о своем плодотворном взаимодействии с «прокурорами Главной военной прокуратуры А.В.Третьяким, а затем А.Ю.Яблоковым, людьми с большой душой и совестью, ответственными и творческими, прекрасными специалистами своего дела». Полноценное развернутое постановление по делу, включающее четкое определение не только обстоятельств, но и причин и мотивов преступления, воспроизведение его квалификации как геноцида, признанной всеми сторонами на Нюрнбергском процессе (независимо от того, кому оно приписывалось), было невозможно в условиях отсутствия механизмов реализации записанного в Конституции РФ примата международного права, при неизжитой устоявшейся традиции использования в процессе реабилитации жертв сталинских злодеяний квалификации преступлений такого рода как должностных (превышение власти). Завершению дела препятствовали трудности с поисками документов и захоронений, особенно 7.305 расстрелянных из Западной Украины и Западной Белоруссии. Они еще более осложнились с распадом СССР и продолжением расследования дела теперь уже в трех государствах.

На завершающем этапе работы комиссии экспертов, и особенно при вынесении 13 июня 1994 г. процессуального решения об окончании расследования уголовного дела, обнаружилось все несовершенство российской законодательной и судебно-правовой системы.

Эксперт профессор А.М.Яковлев написал в своем заключении, что данное уголовное дело имеет ту особенность, что «это было санкционированное государством, руководством партии деяние, одно из многих в общей цепи государственно-организованного террора». Он подчеркнул, что «правовой оценке должно подлежать и само законодательство, с точки зрения его соответствия международно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечности». Яковлев предложил ориентироваться на Устав Нюрнбергского трибунала, создающий надлежащую правовую основу, необходимую систему норм. «Вне подобной особой системы норм преступления, совершавшиеся в нашей стране в рамках государственно-санкционированного террора, не смогут получить адекватной правовой оценки». Вопрос же о создании и принятии такого рода законодательства «может быть решен только на уровне высших законодательных органов страны...». Этот прогноз полностью подтвердился³¹.

В подготовленном и вынесенном старшим военным прокурором ГВП Яблоковым постановлении о прекращении уголовного дела Сталин и приближенные к нему члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович, Микоян и Берия; руководители НКВД/НКГБ/МГБ СССР и исполнители расстрелов на местах признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 6 пункты «а», «б», «в» Устава Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге (преступления против мира, человечества, военные преступления) и геноциде польских граждан. Вынося постановление, Яблоков руководствовался тем, что катынское преступление уже имело свою квалификацию, которую дало государство (СССР) в лице высших правоохранительных органов в МВТ. Согласно Конституции СССР, а затем и РФ провозглашался приоритет международного права над внутренним законодательством, а по признанному СССР международному праву катынское преступление подпадало под все признаки статьи 6 Устава МВТ в Нюрнберге. На эти преступления не распространялись сроки давности, применялась обратная сила закона. В постановлении прокурора было признано также, что совершили различные преступления, предусмотренные статьями УК РСФСР, в редакции 1926 г., участники фальсификации выводов Специальной комиссии под руководством Бурденко (1944 г.), фальсификации в МВТ в Нюрнберге (1946 г.) и другие лица, скрывавшие тайну в последующие годы. В постановлении также был решен вопрос об ответственности исполнителей явно незаконных приказов о расстреле поляков. Уголовное дело прекращалось на основании статьи 5 пункта 8 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР за смертью виновных.

Руководство ГВП, а затем и Генеральной прокуратуры РФ с указанной выше квалификацией катынского преступления не согласились. Постановление от 13 июля 1994 г. было отменено, и дальнейшее расследование дела было поручено другому прокурору, которого обязали готовить новое постановление с признанием вины только у членов сталинского Политбюро ЦК ВКП(б) в превышении власти (статья 110 УК РСФСР, в редакции 1926 г.) и последующим прекращением дела на основании статьи 5 пункта 8 УПК РСФСР (за смертью виновных).

Тому был целый ряд причин, как юридических, так и политических.

Единая система Прокуратуры РФ (в том числе и военная прокуратура) при расследовании уголовных дел руководствовалась уголовно-процессуальным законом (УПК РСФСР, в редакции 1960 г.). Проводилось расследование тех преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом РСФСР, в редакции 1960 г. Но УК РСФСР не предусматривал статьи, по которой можно было бы квалифицировать расстрел поляков в 1940 г., не содержащий составов таких преступлений, как преступления против мира и человечности, военные преступления, геноцид. В принципе, прокуратура в соответствии с действующим, но устаревшим УПК РСФСР могла сама признать виновными в преступлениях одновременно с прекращени-

ем уголовного дела лишь по нетяжким преступлениям (не представляющим большой общественной опасности — статья 50 УК РСФСР). В соответствии же с новой Конституцией РФ обвиняемых виновными в преступлениях может признавать только суд (статья 49). Если учитывать реальные масштабы и последствия этого преступления, следует признать, что оценку содеянному мог бы дать как минимум только суд. Но суд, как и прокуратура, не рассматривает дела в отношении умерших (статья 5 пункт 8 УПК РСФСР) и не может работать по преступлениям, которые не предусмотрены УК РСФСР (статьи 3, 7, 7-1 УК РСФСР и часть 1—2 статьи 5 УПК РСФСР).

Возникает вопрос: почему же следователь Яблоков, зная о недостаточно четком регулировании внутренним законодательством всех вопросов, связанных с Катынским делом, вынес итоговый документ-постановление о прекращении дела с признанием вины по статье 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге? Поскольку уголовное дело находилось в производстве Яблокова, в соответствии со статьями 3, 127, 208—209 УПК РСФСР, именно ему необходимо было выносить процессуальное решение о прекращении уголовного дела или направлении дела с обвинительным заключением в суд. Прекращение дела было предопределено смертью виновных (статья 5, пункт 8 УПК РСФСР) и не требовало для следователя, в соответствии с законом, согласия вышестоящих прокуроров (в других случаях, конкретно указанных в законе, такое согласие для следователя требуется). Завершение расследования дела следователем Яблоковым было вынужденным. Начиная с 1994 г. отношение руководства ГВП к Катынскому делу претерпело значительные изменения, связанные с осознанием необходимости принятия непопулярного решения о квалификации действий виновных по статье 6 Устава МВТ в Нюрнберге, о чем руководству неоднократно докладывал следователь. С подобной квалификацией во время консультаций соглашались С.Снежко и М.Журавский, но резко возражали против нее надзиравшие за расследованием дела прокуроры — генералы Н.Л.Анисимов, В.И.Купец, а затем и первый заместитель Главного военного прокурора Г.Н.Носов. Начальник Управления ГВП Н.Л.Анисимов сначала в устной, а затем и в форме 2-х письменных обязательных для исполнения указаний потребовал прекращения уголовного дела в течение месяца по статье 110 УК РСФСР, в редакции 1926 г. (за превышение власти). Следователь Яблоков был вынужден обратиться с рапортом к Главному военному прокурору В.Н.Паничеву с обоснованием необходимости продления расследования большим объемом предстоящей работы с выездом на места: для проверки версии о расстреле польских граждан в Томске, Рыбинске, Свердловской области, Потье, Мундыбаше, Карабасе, Владивостоке, а также для получения документов из Белоруссии и Украины о расстреле там 7.305 поляков. Обращение к Паничеву позволило продлить следствие еще лишь на один месяц, но не отменило письменных указаний об окончании дела. За этот срок удалось проверить с выездом на место и проведением эксгумации

лишь версию о «томском следе» катынского преступления и вынести требуемое постановление о прекращении дела. Оно было вынесено с соблюдением всех процедурных тонкостей и с дополнительным письмом с разъяснением причин и мотивов квалификации преступлений, отличающейся от предложенной в письменных указаниях. Постановление о прекращении уголовного дела и письмо были официально зарегистрированы в канцелярии ГВП. После отмены в ГВП постановления Яблокова он, в соответствии со статьей 127 УПК РСФСР, обжаловал это решение в официальном порядке Генеральному прокурору РФ, что также было зарегистрировано. Вынесенное Яблоковым постановление о прекращении уголовного дела официально действовало до его отмены в ГВП, после чего стало просто документом уголовного дела. Генеральная прокуратура РФ перепоручила проверку жалобы Яблокова заместителю Главного военного прокурора В.А.Смирнову, который подтвердил принятое в ГВП решение об отмене постановления.

Практика показала, что Главная военная прокуратура и Генеральная прокуратура РФ оказались не готовы без прямого политического решения дать последовательную оценку действиям исполнителей явно незаконных приказов в Катыни, Медном, Харькове, Западной Украине и Западной Белоруссии в 1940 г.

Кто должен принять такое политическое решение?

Учитывая, что Государственная дума РФ заменила собой Съезд народных депутатов СССР, который 24 декабря 1989 г. рассмотрел вопрос о пакте Молотова—Риббентропа и принял постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», логично предположить, что именно она, как высший законодательный орган, может и должна дать оценку одному из наиболее тяжких последствий этого договора. К этому же предположению подводят многочисленные публикации в средствах массовой информации как внутри страны, так и за рубежом.

Должны быть одновременно рассмотрены объединенные причинно-следственной связью сюжеты и вопросы: подписание советско-германских договоров от 1939 г. и секретных приложений к ним, причины расстрела поляков, доказанность совершения органами НКВД СССР преступлений, предусмотренных статьей 6 Устава МВТ в Нюрнберге, деятельность Специальной комиссии под руководством Бурденко, советской делегации на заседаниях МВТ в Нюрнберге и отношение к сформированной ими официальной позиции СССР. По таким вопросам ответственно и весомо может высказаться Государственная дума РФ, дав надлежащую политико-правовую и морально-политическую оценку действиям как организаторов этих злодеяний, так и исполнителей явно незаконных приказов. Следует констатировать, что было невозможно дать адекватную правовую оценку в пределах действовавших УК РФ и УПК РСФСР и принять акт реабилитации пострадавших как жертв геноцида в рамках прокуратуры или суда РФ. Новая Конституция РФ (статья 104) не предусматривает за прокуратурой права законодательной инициативы.

Предпринимались шаги по использованию прерогатив исполнительной власти, было предпринято обращение к полномочиям и законодательной инициативе Президента РФ. 18 января 1995 г. полномочный представитель Президента РФ в Федеральном собрании профессор А.М.Яковлев и эксперт ГВП профессор И.С.Яжборовская обратились с докладной запиской «К вопросу о завершении Катынского дела» к руководителю аппарата Президента РФ С.А.Филатову. В ней, в частности, констатировалось: «И заключения экспертов, и постановление прокурора основывались на нормах как внутреннего, так и международного права. Российское внутреннее законодательство, декларируя примат международного права, в ряде случаев не располагает механизмами, переводящими его на конкретно-правовой язык, не предусматривает правовой квалификации и санкции за массовые репрессии, убийства военнопленных, геноцид и т.д. Но только такого рода квалификация могла бы адекватно отразить уголовно наказуемые деяния такого рода наряду с персональной ответственностью Сталина и других членов сталинского руководства, как расстрел без суда и следствия, на основе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. около 22 тысяч польских граждан».

Далее в докладной записке излагалось следующее: «Во время Нюрнбергского процесса советское обвинение квалифицировало Катынское дело на основе международного права по статье 6 Устава МВТ (преступления против мира, человечества, военные преступления). Вина гитлеровского руководства по этому делу доказана не была. Однако квалификация вполне соответствует характеру преступления».

Вынесенное с учетом норм международного права постановление о прекращении уголовного дела за смертью виновных (13 июля 1994 г.) признает Сталина и приближенных к нему членов Политбюро ЦК ВКП(б), руководителей НКВД/НКГБ/МГБ СССР и исполнителей расстрелов на местах виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей 6 пунктами "а", "б", "в" Устава МВТ в Нюрнберге, — преступлений против мира, человечества, военных преступлений и геноцида польских граждан. В постановлении также решался вопрос об ответственности исполнителей явно незаконных приказов о расстреле поляков. В отношении ряда категорий лиц дело прекращалось в связи с истечением сроков давности, за отсутствием в действиях состава преступления, за недоказанностью вины и т.д.». В докладной записке в связи с отменой этого постановления указывалось: позиция ГВП в значительной мере вытекала из того, что она ограничивала квалификацию совершенных преступлений рамками действовавшего в то время УК с признанием вины только членов сталинского Политбюро и лишь в превышении власти, что неадекватно содеянному. Между тем полномочия всевластного сталинского руководства нигде не были определены и нельзя говорить об их превышении. Подобная квалификация не является соразмерной характеру и тяжести преступления — тайных массовых убийств военнопленных и геноцида польских граждан.

Авторы записки подчеркивали, что Катынское дело до завершения невозможно довести только правовыми методами. Связанный с этим делом комплекс политических и нравственных вопросов вообще не может быть решен юридическими средствами. Оценка действий сталинского руководства, сталинской внешней политики не может быть сведена только лишь к персональной уголовной ответственности и исчерпываться их юридической квалификацией. Эта оценка должна даваться в контексте квалификации секретных дополнительных протоколов к советско-германским договорам 1939 г. и их логического следствия — катынского преступления. Необходима более широкая политическая постановка этого дела на базе международного права, позволяющая дать его официальную трактовку — обоснованное государственными интересами России нравственное осуждение политически признаваемого факта преступления, решительное отмежевание от преступных сталинских деформаций советской внешней политики и методов массовых репрессий, в том числе фактов геноцида в отношении польского народа.

Высказывалось мнение, что завершающий дело политический акт, включающий правовые моменты в соответствии с договоренностью Президентов РФ и РП строить отношения на принципах международного права, мог бы быть выработан и обнародован как заявление, декларация на высшем уровне исполнительной (Президент) или законодательной (Госдума) власти³².

Однако на рубеже 1994—1995 гг. Катынское дело не дождалось своего завершения. Этому препятствовали не только состояние законодательства и обилие сложных внутренних проблем российского общества («руки не доходили»), но и неадекватное понимание значения этого дела для развития двусторонних отношений. Это касалось масштабов и значимости преступления, неумения увидеть его подлинный контекст, последствия незавершенности, негативные эффекты непоследовательности в трактовке дела. Неточное определение меры и степени его решенности привело к тому, что во внешнеполитических сферах дело отошло на дальний план. Возобладали попытки убедить себя и других, что тяжелые проблемы общей истории ушли в прошлое и в двусторонних отношениях основной должна стать забота о будущем, о добрососедском взаимодействии. Этот курс пригасил политическую волю достойного закрытия Катынского дела. Рожденный стремлением отгородиться от тяжких проблем прошлого, спрятаться за привычными идеологическими стереотипами, этот курс вскоре обнаружил свои недостатки и просчеты. Еще раз подтвердилась справедливость французской мудрости: неупокоенные мертвые не выпускали из своих объятий живых.

В фокусе проблем современности. Вместо заключения

После окончания «холодной войны» российско-польские отношения остались весьма непростыми, что обуславливалось как особенностями внутренней эволюции российского и польского общества, так и тенденциями внешней политики обеих стран, магистральными направлениями регионального и континентального развития. Они требуют обстоятельного анализа и взвешенной, объективной оценки, тщательного очищения от прежних идеологических штампов и актуализации всего здравого в них.

Как Россия, так и Польша заинтересованы в смягчении сохраняющейся напряженности. Национальным интересам и России, и Польши отвечает стабильное, динамичное политическое и экономическое развитие обеих стран, высокий уровень национальной и региональной безопасности. Направленность и ход двустороннего сотрудничества зависят от решения ряда ключевых проблем, от последовательного и конструктивного снятия как пришедших из прошлого, так и возникающих противоречий. Свои поправки вносят и перемены, происходящие во внутривнутриполитическом развитии обеих стран. В России озабоченность вызывало вступление Польши в Североатлантический союз в условиях прихода к власти в этой стране в сентябре 1997 г. новой, правоцентристской коалиции, временами склонной к обострению отношений с Россией. Весьма существенно и недостаточное внимание самой России к необходимой оптимизации двусторонних отношений, в том числе к окончательной расчистке деструктивных наслоений прошлого. В Польше отношение к ним всегда носило знаковый характер. Трудности расширения взаимопонимания порождаются сложным, затянувшимся процессом реформирования в России, просчетами в экономическом сотрудничестве, острыми внутренними конфликтами, вызывающими опасения соседей, ощущение угрозы для их национальной безопасности.

Польша стала искать решение своих проблем во вступлении в Европейский союз, а для обеспечения членства в нем выдвинула на первый план подключение к структурам военно-политической интеграции, к НАТО.

Середина 90-х годов ознаменовалась определенными попытками преодоления возникшей конфликтной ситуации в российско-польских отношениях. Однако задача оказалась весьма непростой: декларации о намерениях наладить партнерские добрососедские отношения не имели под собой достаточно прочной почвы последовательной верификации негативов прошлого и взаимного интереса в настоящем.

Если экономические связи были к середине 90-х годов в значительной степени восстановлены и упрочены, то их дальнейшему расширению несомненно препятствует определенная тупиковость политических отношений. Обе страны не выработали ясной концепции взаимодействия, четкой политики в области двусторонних

отношений, не проявили явного желания идти на прямые контакты для обсуждения пакета проблем взаимоотношений и региональной безопасности в контексте расширения НАТО. Ошибкой было игнорирование того очевидного факта, что сохраняется значительная конфронтационная основа дальнейшего существования разделительной линии между Россией и НАТО.

В последние годы XX века проблемы региональной и национальной безопасности постепенно, хотя и не без трудностей, находили свое решение. Не всегда признаваемые оптимальными с обеих сторон, устанавливались терпимые и все более устойчивые, строившиеся на более глубоком понимании взаимных интересов отношения.

Жизнь повседневно доказывала, сколь важным, но от этого не менее сложным оказывается расширение основ взаимопонимания в области общественного сознания, расчистка завалов исторической памяти. На пути этой расчистки встают жившие десятилетиями мифологемы прошлых лет, с трудом поддающиеся вялой, малоэффективной верификации.

Конструктивное развитие российско-польских отношений требует очищенного от мрачного наследия тоталитаризма зрелого правосознания и отвечающего духу времени законодательства, сформированных морально-нравственных установок и — как первоочередного необходимого компонента — мощной политической воли новой, подлинно демократической пробы.

Юридическая незавершенность Катынского дела, отсутствие зрелого итогового политического акта, непрекращающаяся идеологическая борьба вокруг наследия прошлого, непоследовательная и противоречивая трактовка прежних стереотипов под влиянием национальных комплексов ущемленного «старшего брата» в условиях антагонизации отношений чреваты попятными движениями, потерей не только темпа продвижения вперед, к закрытию дела, но и достигнутых успехов в этой области. Неповоротливость высших сфер, недостаточная продуманность акций обременены инерцией прежних лет с их парализующими политическую волю тайнами сталинского тоталитарного режима и его мифологемами.

Новые возможности по целому ряду вопросов открывало совершенствование внутреннего законодательства РФ на базе международного права. Уточнений и изменений можно ждать от принимаемого в Госдуме нового Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Предложения авторов этой книги были учтены при составлении принятого Государственной думой РФ нового Уголовного кодекса РФ, вступившего в действие с 1 января 1997 г., — в частности, при конструировании статей закона о сроках давности привлечения к уголовной ответственности, раздела XII, впервые предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений против мира и безопасности человечества, положения об уголовной ответственности лиц, выполнявших явно незаконный приказ.

Это не только отражает требования пункта 4 статьи 15 Конституции РФ о том, что общепризнанные принципы и нормы между-

народного права являются составной частью правовой системы РФ, но и в целом придает более завершенный, стройный вид российскому уголовному законодательству.

Так, в новом УК РФ³³ предусмотрена уголовная ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (статья 353); за применение запрещенных средств и методов ведения войны (в том числе и жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортации гражданского населения и др.) (статья 356); за геноцид (статья 357); за экоцид (статья 358). В соответствии со статьями 78, 83 УК РФ к лицам, совершившим эти преступления, сроки давности не применяются.

В то же время законодатель, отразив в УК РФ, что в силу исключительной опасности этих преступлений к ним не применяются сроки давности, не сделал такого же исключения для этих составов преступлений в применении принципа обратной силы уголовного закона. В соответствии со статьей 10 нового УК РФ уголовный закон, устанавливающий наказание, не применяется к преступлениям, совершенным до его вступления в законную силу. Это противоречит статье 6 Устава МВТ в Нюрнберге от 8 августа 1945 г. и статье 2 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. и не позволяет решать вопрос об уголовной ответственности за совершение этих (статьи 353, 356, 357, 358 нового УК РФ) преступлений в судебном порядке. Но это в принципе. Катынское преступление было квалифицировано по статье 6 Устава МВТ в Нюрнберге еще в 1946 г. по предложению советского обвинения. Вновь принятые законы только подтверждают обоснованность и законность этой квалификации.

Для завершения Катынского дела большое значение имеет введение статьи 42 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за совершение умышленных преступлений лицами, исполнявшими заведомо незаконный приказ или распоряжение (от уголовной ответственности освобождены лица, отказавшиеся исполнять такие приказы или распоряжения).

На международной арене важные новые элементы в этой области вносит создание постоянного Международного уголовного суда (МУС), который будет располагаться в Нидерландах. Его образование было одобрено консенсусом на международной конференции ООН в Риме 17 июля 1998 г., а 18 июля состоялась церемония подписания соответствующего договора. Для введения в действие МУС он должен быть ратифицирован как минимум 60-ю государствами (за него проголосовало 127 государств).

В компетенцию МУС впервые после Нюрнбергского процесса войдет слушание дел лиц, обвиняемых в военных преступлениях, в том числе совершенных в ходе внутренних вооруженных конфликтов; автоматически в их число попадают преступления геноцида и преступления против человечности.

Еще летом 1994 г. руководство Главной военной прокуратуры намеревалось прекратить уголовное дело № 159 по факту расстрела польских военнопленных, обосновывая это тем, что дальнейшее расследование судьбы 7.305 содержащихся в тюрьмах и расстрелянных польских граждан не входит в компетенцию ГВП и должно проводиться правоохранительными органами ныне суверенных государств — Украины и Белоруссии. Заместитель Генерального прокурора РП С.Снежко предложил объединение усилий правоохранительных органов четырех государств и совместное доведение расследования до конца. Совершенно обоснованно полагая, что все решения о расстреле поляков принимались в Москве и именно там хранились основные документы и находились главные виновники расстрелов, Снежко доказывал, что правоохранительные органы Белоруссии и Украины не смогут самостоятельно довести дело до конца и дать всестороннюю оценку событиям. Руководители правоохранительных органов России, Украины и Белоруссии решили обеспечить дальнейшее совместное проведение расследования. В настоящее время дело № 159 формально находится в производстве ГВП России, а перспективы окончания его расследования в значительной мере зависят от коллективных усилий прокуроров четырех стран.

Наиболее успешно продолжается расследование в Украине, где не только выявлены списки убитых во исполнение постановления от 5 марта 1940 г. (на 3.435 человек из числа 7.305-ти)³⁴, но обнаружены в местных архивах тысячи дел и они передаются польской стороне.

Обустройство мест захоронения останков военнопленных — это та область, в которой продвижение дела очевидно.

Когда в 1988 г. Совет министров СССР принял первое решение о сооружении в Катынском лесу мемориального комплекса, чиновник высокого ранга, которому было поручено сообщить об этом в печати, приветствовал это событие со специфическими идеологическими акцентами, утверждая, что польские и советские пленные вместе «томились в концлагере у Катыни, вместе и были расстреляны фашистами в 1943 г.». Он считал своим долгом оспаривать «утверждение Запада о роли НКВД»³⁵. К середине 90-х годов ситуация качественно изменилась.

В феврале 1994 г. в Кракове было подписано Соглашение о местах захоронения жертв войны и репрессий, предусматривающее прежде всего сохранение и уход за могилами советских граждан, которые погибли, освобождая Польшу в 1944—1945 гг. На эти цели польское правительство ежегодно выделяет около 1 млн долларов. Всего в Польше 672 российских воинских кладбища, в том числе 68 крупных.

В соответствии с этим соглашением в России, в Смоленской и Тверской областях (Катынь и Медное), началось создание польских воинских кладбищ в общих российско-польских мемориальных комплексах, посвященных жертвам сталинских репрессий.

Накануне церемонии закладки польского воинского кладбища в Катыни, назначенной на 4 июня 1995 г., председатель Координационного комитета РФ по осуществлению мероприятий, связанных с захоронением и увековечением памяти жертв тоталитарных репрессий в Катыни и Медном В.И.Брагин выступил в официальной «Российской газете» с призывом преодолеть «состояние полуоткрытости, полусказанности и полурасследования». Он справедливо обратил внимание на необходимость принятия «всеобъемлющих политических решений по этой проблеме»³⁶.

Однако официальная церемония с участием польского руководства не стала поводом для новой встречи двух президентов. Лех Валенса как будто допустил просчеты в личном общении, да и Борис Ельцин не хотел ему подыгрывать перед выборами.

Обращение Президента РФ Б.Н.Ельцина к Президенту РП Л.Валенсе, польским гостям, всем собравшимся в Катынском лесу зачитал руководитель администрации Президента РФ С.А.Филатов. Момент был назван поистине историческим, а факт торжества правды после десятилетий лжи и замалчивания злодеяний тоталитарного режима — убедительным свидетельством качественно новых отношений между демократическими Россией и Польшей. Б.Н.Ельцин констатировал в своем обращении: «Заканчивается следствие по Катынскому делу. Собраны материалы, касающиеся этой трагедии, раскрыты имена убийц и механизм принятия преступного решения. Президенты России и Польши осудили преступления, принесшие бесчисленные страдания народам наших стран».

Подчеркнув, что Катынский лес будет местом мемориала всем безвинно пострадавшим разных национальностей, Филатов заявил, что полностью разделяет мнение Президента РП о том, что «эту трагическую страницу нашей общей истории необходимо окончательно перевернуть». Он указал на идущее строительство правовой основы для качественно нового российско-польского взаимодействия, на высокую динамику контактов по различным линиям, развитие связей в разных областях сотрудничества. С.А.Филатов выразил надежду на то, что «мемориалы в Катыни и Медном будут местом не только нашей общей скорби и духовного очищения, но и послужат укреплению взаимопонимания между народами России и Польши, интересам развития отношений между нашими странами»³⁷.

Через две с половиной недели ввиду отсутствия четкого завершения дела вновь началась возня вокруг следствия в ГВП и его результатов. 20 июня 1995 г. по Общественному российскому телевидению в программе «Дикое поле» публицист националистического толка А.Г.Невзоров побудил Ю.И.Мухина повторить аргументацию «немецкого следа» в Катыни из «Катынского детектива». Направленность этой передачи была очевидна, хотя Невзоров предварил текст уверениями в том, что горе польского народа «всегда было, есть и будет нашим горем тоже». На деле эта очередная грубая фальшивка служила политическим спекуляциям «радетелей за дело

Отчизны» накануне выборов в парламент. Никого не могли ввести в заблуждение демагогические заверения об уважении к братскому польскому народу: они были перечеркнуты намеком на «продажность» официального российского следствия, будто бы выполнившего задание «за злотые». Аргументация участников диалога была основана на подготовленной карательными органами справке-фальсификате «о дополнительном расследовании» — директиве для комиссии Бурденко, а также на сообщении этой комиссии, которая была призвана замести следы сталинского злодеяния. Таким образом, это была очередная попытка вернуть российское общественное мнение к принятию прежних фальсифицированных доказательств «официальной версии» под маркой борьбы против «осквернения русской истории»³⁸.

Все еще обнаруживали себя те силы, которые любой ценой стремятся снять обоснованные юридические обвинения, выдвигая абсурдные, иррациональные претензии, те, для кого тяжесть закрытия проблемы катынского злодеяния остается неподъемной. Вместо того, чтобы действительно оптимальным способом преодолеть негативы прошлого и переходить к будущему, эти силы реанимируют старое, ошибочное видение наиболее темных страниц прошлого, нагнетают агрессивность и еще глубже погружаются в мир былых конфликтов, раздувают свары и антагонизмы прежних десятилетий и веков, накручивают конфронтационность отношений.

Отсутствие достаточно развитого правового сознания, блокирование завершения дела идеологическими и политическими традициями сталинского периода способствуют уходу от четкой и последовательной правовой и политической оценки уже раскрытого злодеяния, возврату к «нашей официальной версии», «очищению» оголтелых сталинистов от смертных грехов сталинщины, «защите» от правосудия и суда истории виновников и соучастников преступления.

Только отсутствие окончательной юридической ясности в отношении виновников катынского преступления могло породить такую ситуацию, какая возникла в 1997—1998 гг. в связи с попыткой родственников сотрудников органов, проводивших в жизнь сталинскую политику репрессий, использовать для их реабилитации закон 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Трудно отрицать то, что они в свою очередь становились «жертвами репрессий со стороны государства и должностных лиц» и также осуждались как правило «без каких-либо юридических формальностей», в том числе по необоснованным обвинениям в измене Родине, шпионаже и т.п. Тут палачи и жертвы уравнивались.

Так, нарком внутренних дел Н.И.Ежов, организатор кровавых репрессий 30-х годов, автор, в частности, приказа № 00485, по которому были проведены массовые убийства поляков — граждан СССР и эмигрантов как «белополяков» и связанных с ними лиц, сам был обвинен, в частности, в шпионаже в пользу Польши, Великобритании, Японии, Франции и т.д. Кстати, он был расстрелян 4 февраля 1940 г., за месяц до постановления Политбюро ЦК

ВКП(б) от 5 марта 1940 г. У этой вакханалии истребления огромных масс людей была своя, воистину убийственная логика террора во имя страха, во имя защиты любой, в том числе преступной ценой автократического режима Сталина.

Ни реабилитации, ни переквалификации преступлений Ежова его приемная дочь не дождалась. Сын Берии, С.Гегечкори, сам отказался от аналогичной попытки судебного разбирательства в общепроцессуальном порядке (которое возможно при получении ранее неизвестных доказательств невиновности осужденного). А ведь он намеревался использовать факт зачеркнутой фамилии Берии в перечне исполнителей постановления Политбюро от 5 марта 1940 г., интерпретируя его как несогласие со сталинским решением³⁹. Действительный смысл этого факта читателю уже известен. Средства массовой информации России справедливо подняли вопрос о тщательном осмыслении правовых квалификаций и переквалификаций преступлений, связанных с репрессиями сталинской эпохи, их соотнесении с нормами Нюрнбергского процесса.

В Польше внимание к катынской проблематике не иссякает. Постоянно действуют официальные и общественные организации и институты, занимающиеся этой тематикой. В их числе — Совет охраны памяти борьбы и мученичества, Независимый комитет исторических исследований катынского преступления, общество «Карта», организации «Катынских семей» и многие другие, издавшие огромное количество тематических публикаций на высоком научном уровне, среди которых есть и серийные⁴⁰.

Польское зарубежье неуклонно возвращается к разным аспектам катынского злодеяния, в том числе к значимости завершения Катынского дела для извлечения этой вечной «занозы» из двусторонних российско-польских отношений.

Весьма авторитетный в этой среде З.Бжезинский еще в 1989 г. посетил Катынь, после чего с экрана советского телевидения заявил, что это злодеяние совершено Сталиным и НКВД и является частью цепи преступлений в отношении и российского народа, что четкое определение ответственности за него — необходимый исходный пункт для искреннего польско-российского примирения.

В марте 1998 г. Бжезинский написал: «Катынь я ношу в сердце так, как все поляки. Я ошутимо помню первые ошеломляющие известия об обнаружении тел в польских офицерских мундирах в таинственной местности с устрашающим названием... и потом это ни с чем не сравнимое чувство бессилия и несправедливости перед лицом лжи, исходящей не только от врагов, но и, что очень больно, от союзников. И годы ожидания исповедного признания преступников и сатисфакции — хотя бы только исторической»⁴¹.

Польское общественное мнение продолжало напряженно ожидать завершения Катынского дела, более того, общественность прилагала большие усилия для продолжения согласно договоренности заинтересованных сторон непосредственного расследования на местах гибели и захоронений пленных. Под патронатом назначенного

премьер-министром председателем Правительственной комиссии по вопросам ознаменования памяти жертв катынского преступления заместителя Генерального прокурора РП С.Снежко и при самом активном участии председателя Совета охраны памяти борьбы и мученичества Ст.Броневского Орши и генерального секретаря совета А.Пшевознака в 1994—1996 гг. было организовано несколько научных полевых экспедиций с привлечением лучших профессионалов — археологов, судебно-медицинских экспертов и других необходимых специалистов. При большем или меньшем содействии местной администрации и воинских подразделений, при поддержке организаций Красного Креста и Красного Полумесяца они вручную (экскаваторы и бульдозеры предоставлены не были) провели огромный объем работ по зондированию, а затем по эксгумации останков и их достойному перезахоронению.

Самыми сложными оказались работы в Козьих горах, в Катынском лесу, и далеко не только технически (грунт был особенно плотен и с трудом поддавался обработке при помощи ручного геологического бура). Локализация захоронений неоднократно менялась. При начатой немцами первой эксгумации после вскрытия ям, в которые останки были сброшены в ходе расправы, основную работу по извлечению трупов, их осмотру, идентификации и погребению в упорядоченных братских могилах проделали члены Технической комиссии Польского Красного Креста. Семь могил были обработаны полностью, восьмая лишь раскрыта. Расположение этой могилы изменено не было.

В 1991 г. следователям ГВП удалось лишь установить признаки бывшего польского захоронения, но не определить степень сохранности могил и даже их общую локализацию. Прежние контуры оказались стерты. Следов прежних могил не обнаружили уже прибывшие на место захоронения в конце января 1944 г., после отъезда комиссии Н.Бурденко, командир польской дивизии им. Т.Костюшко З.Берлинг и сопровождавшая его В.Василевская. Как выяснилось в 1995 г., в результате сопоставления результатов тщательного, в интервале от 50 см до 2 м, зондирования и эксгумаций с материалами полученной от американцев немецкой аэрофотосъемки 1943—1944 гг., были проделаны перемещения и расчистки «предварительного расследования» органами и комиссией. Они привели, в частности, к устранению содержимого могилы № 8 со всеми вещественными доказательствами датировки расстрелов 1940 годом. Следы деятельности комиссии видны в могиле № 1, куда были беспорядочно сброшены, часто без черепов (Бурденко изымал черепа для «коллекции»), обработанные ее членами и помощниками останки.

Польские специалисты описали извлеченные останки, снабдили их металлическими жетонами и захоронили в черных пластиковых мешках согласно принятой МКК процедуре. Они восстановили могилы генералов М.Сморавиньского и Б.Бохатеревича, по которым при разметке дачных участков КГБ было проложено бетонное ограждение. Они нашли и новое, не тронутое ранее захоронение. Одновременно с окончательным определением топографии поль-

ских могил и «ям смерти и забвения» было обнаружено около 150 коллективных могил советских жертв сталинских репрессий⁴².

Тщательно обследовалось захоронение в Медном, где были хорошо сохранены результаты работы следователей ГВП и знаки уважения к памяти польских жертв сталинщины. Более легкие почвы позволили быстро провести около 200 зондажей и обнаружить как польские коллективные могилы пленных, так и ямы, в которые были сброшены многочисленные предметы личного употребления, вещественные доказательства, которые помогли датировать преступления, полнее раскрыть их обстоятельства. Знаки отличия, погоны, ордена и медали, котелки, чашки и ложки, перочинные ножи, приборы для бритья, гребешки, очки, зеркальца, зубные щетки и щетки для одежды и обуви, портсигары и зажигалки... Всюду предметы, бережно хранившие тепло родного дома: открытки и письма, детские и женские фотографии, ключи... Многие из них превратились в скорбные экспонаты, существенно пополнившие экспозицию Катынского музея в Варшаве, расположившегося в фортах по адресу ул. Повсиньская, д. 13. В его залах, где обстоятельно документированы катынское злодеяние и ход его расследования, со стен смотрят тысячи преимущественно молодых, веселых, полных планов и надежд мужчин. Фото заботливо собраны родными и близкими, а сгруппированы сотрудниками музея, увы, по тем местам, где жестоко и трагически оборвалась их жизнь.

Рядом — фотографии вскрытых захоронений, тела, скелеты, разрозненные кости и черепа... Возможно ли теперь опознать кого-то или придется ограничиться старыми списками и научными разработками, содержащими огромное количество собранных за без малого 60 лет данных, многочисленными версиями причин и мотивов катынского злодеяния?

Работа в высшей степени квалифицированных польских экспедиций принесла самые разнообразные доказательные материалы. Православная церковь допускает захоронение в уже занятую могилу останков очередного покойного через 7 лет. В коллективных могилах разложение наступало по-разному в зависимости от условий — характера и влажности почвы и т.д. Но как правило оно затрагивало прежде всего и в основном трупы, расположенные по внешнему контуру. В глубинных слоях спрессованной массы в черной жиже нередко находились тела в состоянии жировоска — своеобразной субстанции, напоминающей по консистенции пластилин: через 50—55 лет сохранились внешний облик, структура и даже цвет кожи, волосы, ресницы, контуры органов и т.д.

Тщательно осматривая одежду и обувь, удалось извлечь много записок, заметок и других информативных вещественных доказательств. Многие останки удалось идентифицировать, уточнить списки расстрелянных. Более 20 жертв не было ни в каких списках. Были установлены и новые обстоятельства экзекуций. В Харькове, например, массово применялись стандартной длины веревки с двумя петлями на концах, которыми связывались руки, а выстрелы в 60% случаев производились не в затылок, а в голову через верх-

ний позвонок, что обеспечивало меньшее кровотечение и облегчало уборку помещений.

Деревня Пятихатки, 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова были, как и Катynский лес, местом огромных захоронений жертв сталинских репрессий. При превращении этого гигантского кладбища в лесопарк предпринимались попытки полностью уничтожить его следы. При помощи смонтированных на грузовиках мощных буров диаметром 60 и 80 см целые слои захоронений были разможены, раздроблены. Польским ученым удалось найти еще 14 могил военнопленных (одна была обнаружена и полностью раскрыта в 1991 г. следователями ГВП). Все они, в отличие от компактно размещенных захоронений польских пленных в Катыни и Медном, располагались вперемешку с 60 советскими могилами, которые также были обследованы и содержали останки примерно 2 тыс. репрессированных⁴³. В польских могилах была обнаружена группа тел инвалидов, калек, хромых, принадлежавших к нескольким сотням гражданских лиц, также включенных в число военнопленных, что их тоже отнюдь не спасло от расстрела.

Был верифицирован список польских пленных от 22 июля 1992 г., содержащий сведения об умерших в 1939—1940 гг. в районе трех спецлагерей. Составленный в ГВП, он насчитывает 197 фамилий, однако проверка только в Старобельске, к которому отнесены 19 человек, показала, что на ликвидируемом кладбище захоронены 48 поляков. Они были перезахоронены на новое кладбище⁴⁴, части которого была придана соответствующая воинскому захоронению форма.

Процедура приведения в порядок захоронений пленных, что предписывается международными конвенциями, была в известной степени начата в Харькове, где еще в марте 1990 г. областная прокуратура занялась расследованием массовых репрессий и вышла на захоронения польских военнопленных. Местными силами на гранитной стеле было высечено стихотворение польского поэта Адама Асныка:

Как жаль цветов, которые в глуши увяли,
Души не радуя ни запахом, ни цветом.
Жаль чувств, растерянных любовью безответной,
Жемчужин, канувших в морской пучине,
И песен, что никто не слышит ныне.
Жаль, мужеству не довелось сразиться,
И жаль сердец, что одиноки стали.

Возбуждая уголовное дело, следственное управление прокуратуры оформило на этом месте первый мемориал.

В 1996 г. были проделаны обмеры, подготовлены карты территорий будущих кладбищ. Началось согласование планов совместных работ.

19 октября 1996 г. Правительство РФ, приняв поддержанное Координационным комитетом по осуществлению мероприятий, связанных с перезахоронением и увековечением памяти жертв тотали-

тарных репрессий в Катыни и Медном, предложение польской стороны, оформило его как постановление «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)». Этим постановлением было закреплено решение в целях увековечения памяти погибших создать в этих местах мемориальные комплексы, имеющие статус государственных учреждений, на территории которых образуются польские воинские кладбища, в границах, определенных двусторонним протоколом от 26 марта 1995 г. Было решено организовать конкурс проектов мемориальных комплексов, который стал событием в общественно-культурной жизни России⁴⁵.

Были проведены конкурсы пространственных решений, подготовлены проекты. 1998 год стал годом начала строительства кладбищ по проектам для Катыни и Медного, было проведено формально-правовое согласование. В Харькове была принята представленная поляками концепция совместного кладбища и заложен краеугольный камень в строительство мемориала в районе Пятихаток⁴⁶.

В очередную годовщину катынской трагедии, в апреле 1998 г., польское правительство обратилось к семьям жертв с обещанием поддержать деятельность Совета охраны памяти борьбы и мученичества и финансировать его усилия. Премьер РП Ежи Бузек заверил их: «Мы также сделаем все, чтобы заклеить это преступление в отношении польского народа, а совершивших его — живых или мертвых — осудить»⁴⁷.

О значимости Катынского дела для польского народа в конце века говорил на конференции в Варшаве 2 мая 1998 г., посвященной теме «Катынское преступление: Память и искупление», генеральный секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества А.Пшевозник. Вот его слова: «Катынь — это символ мартирологии польского народа на "бесчеловечной земле". Это холокост — такое слово во всех отношениях правомерно, совершенный в отношении руководящего слоя польского народа, его элиты. Это символ преступления, совершенного особо жестокими методами, преднамеренно и скрупулезно запланированного и так же скрупулезно реализованного. Это символ преступления против человечества, совершенного согласно императиву обязывающего в Советском Союзе права, согласно решению, принятому высшими государственными властями». Мемориалы в Катыни, Медном и Харькове как гарантия сохранения памяти о злодеянии и недопущения подобного в будущем рассматривалась на этой конференции в категориях защиты как польских государственных интересов, так и прочности двусторонних отношений.

Как подчеркивал А.Пшевозник, эта акция должна иметь высокий ранг и соответствующие оформление и масштаб. Он полагал, что наступает момент, когда будет ликвидирована «заноза» в двусторонних отношениях, что приближается «время, подходящее для жестов политического характера, которые не должны оставить ни-

каких недосказанностей и домыслов, и наконец исследование Катынского дела будет делом историков, а не политиков»⁴⁸.

Это вполне отвечало бы интересам России. Однако Катынское дело продолжало, как снежный ком, обрастать политическими проблемами, поскольку преимущественно преобладала склонность приуменьшить его значимость, извлечь его из контекста проблем исторических причин и мотивов, попытаться погасить его при помощи «противовесов» вроде войны 1919—1920 гг. Это приносило только новые внешнеполитические трудности и осложнения.

Эволюция правосознания в России все еще остается сложным и противоречивым процессом, в котором противоборствуют различные тенденции, имеет место живучесть прежних тоталитарных идеологем. Развитию этого процесса мешает трудность достаточно глубокого переосмысления сути сталинского режима и деформированного характера проводимой Сталиным внешней политики. Это во всем объеме проявлялось в трактовке проблематики кануна и начала Второй мировой войны и накладывало отпечаток на трактовку и завершение Катынского дела.

Раскрытие с начала 90-х годов различных документов высшего эшелона советского руководства стало важным толчком к пересмотру многих устаревших идеологических стереотипов. Однако этому мешали заикленность на них определенных сфер общественного сознания и недостаточность документальных материалов: даже в документах Политбюро ЦК ВКП(б) почти нет сведений о формулировании основ и принципов внешней политики.

История Второй мировой войны привлекла особое внимание ученых и стала (особенно в юбилейном 1995-м и последующих годах) своеобразным камертоном оценочных суждений о сталинской внешней политике, в том числе в 1939—1940 гг. Ряд публикаций и дискуссий продемонстрировал большой разброс подходов. По-прежнему звучали подобострастные суждения о Сталине и его действиях, неоднократно делались попытки реанимировать старую трактовку пакта Молотова—Риббентропа. Известный сталинист Феликс Чуев, 17 лет записывавший беседы с Молотовым и издавший их в форме книги, где есть и признание Молотовым договоренности с Риббентропом о разделе сфер влияния нормальным явлением⁴⁹, готовил второе ее издание. По этому поводу он превозносил в газете Союза коммунистических партий — КПСС «Гласность» «вершинный образ мировой истории» — Сталина и «крупнейшую фигуру» из его окружения — Молотова, с именем которого ассоциирует «эпохальное историческое событие» — пакт Молотова—Риббентропа — «линию государственных границ на карте предвоенной Европы»⁵⁰.

Между тем одновременное обнародование многих подлинных документов открыло возможности для научного переосмысления событий, хотя далеко не сразу достаточно последовательного. Так, по оценке директора Института всеобщей истории РАН А.А.Чубарьяна, на смену прежней концепции о стремлении обеспечить безопасность СССР пришла идея «постоянных геополитических инте-

ресов России, которые в течение многих десятилетий и даже столетий предопределяли политику России по отношению к Польше и в Прибалтийском регионе», — т.е. предпринимались попытки выстроить некую весьма эклектичную концепцию, которая «соединила бы новые документальные свидетельства и прежние трактовки с новым видением российской державности»⁵¹.

Федеральная служба безопасности (ФСБ) России приступила к публикации документов периода Второй мировой войны из фондов архивов, предворяя их вводными статьями. В сборнике «Секреты Гитлера на столе у Сталина» читатель найдет упоминание о том, что Германия намеревалась выйти на границы СССР и «в этих целях решить "польский вопрос", создать военные и политические плацдармы на западных рубежах России»⁵². Однако там нет ни одного упоминания о советско-германских договорах 1939 г., не говоря уже о секретных приложениях и статьях, а тем более об их оценке. Начиная серийное издание «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Серия документов», в котором участвуют ведомственные руководители всех уровней, ФСБ продемонстрировала свое критическое отношение к негативам прошлого. Во введении к первой книге первого тома содержится четкая и ясная констатация: «Являясь карательной частью партийно-государственного механизма, выполняя директивные установки руководства страны, органы госбезопасности тем самым способствовали реализации внутренней и внешней политики 20—30-х гг. — политики диктатуры и тоталитаризма. В этих условиях карательные функции, возложенные на НКВД—НКГБ, не могли не привести к массовым нарушениям законности. [...] Конвейер репрессий затягивал и своих исполнителей»⁵³. Однако содержащаяся в издании обобщающая констатация беззакония, злоупотреблений и расправ, творимых карательными органами, не сопровождается столь же однозначной оценкой массового убийства польских военнопленных, хотя в первом томе перепечатаны постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и представление-записка Берии, а также впервые опубликованы почти 20 документов (одна их группа — это сентябрьские ведомственные директивы, сводки, донесения и т.д. — о приведении оперативных групп НКВД в боевую готовность и их репрессивных действиях с 17 сентября на землях Западной Украины и Западной Белоруссии, другая относится к истории депортаций польского населения). Такой подход непосредственно вытекает из узкого понимания существа сталинской внешней политики только как обеспечивавшей безопасность страны: «Сталин вынужден был пойти в 1939 г. на заключение с Гитлером договора о ненападении, пытаясь отодвинуть сроки втягивания СССР в войну, выиграть время для подготовки к ней и максимально улучшить военно-стратегическое положение страны. Этого в некоторой степени удалось добиться, присоединив к Советскому Союзу Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и перенеся границы на запад». Секретные договоренности не упоминаются, а их содержание подается с «позитивной» окраской: «То обстоятельство, что к

СССР были присоединены в основном регионы, входившие до 1917 г. в состав Российской империи и находившиеся к востоку от "линии Керзона", рекомендованной в качестве восточной границы Польши в ходе подготовки Версальского мирного договора 1919 г., оказало определенное сдерживающее влияние на позицию западных держав в отношении СССР»⁵⁴. Эта трактовка получила продолжение в одностороннем, не учитывающем международно-правовую сторону событий комментарии о том, что «Красная Армия вернула Советскому Союзу западные земли Украины и Белоруссии, которые в 1920 г. были отторгнуты Польшей и Антантой в ходе советско-польской войны»⁵⁵, а утверждение о «распаде Польского государства и его армии» не имеет естественного, казалось бы, продолжения в виде анализа последствий «освободительного похода» для судеб многих тысяч репрессированных польских граждан⁵⁶. Два основополагающих документа из «пакета № 1» приводятся по неполноценной публикации из «Военных архивов России», а их комментирование не только не вносит ничего нового, но и не содержит даже необходимых уточнений по поводу дезинформаций, имеющих место в приводимых выдержках из записки Шелепина.

«Государственническая», державная линия еще более четко прослеживается в предложениях (укорененных в результате недальновидного указания из распоряжения М.С.Гобачева от 3 ноября 1990 г. о поисках «противовеса» претензиям в истории двусторонних отношений) привлечь проблему военного противостояния 1919—1920 гг. и его последствий, противопоставить судьбы пленных двух войн, в наивной вере «уравнять счет» человеческих потерь между двумя государствами. Исполнителями стали автор нескольких публицистических статей бывший дипломат Ю.В.Иванов и историк И.В.Михутина, выпустившая книжку «Польско-советская война 1919—1920 гг.». П.А.Аптекарь и Б.В.Соколов указали на слабое документальное обеспечение книжки, в которой совершенно не использованы материалы Российского государственного военного архива, на явную односторонность подхода и использование двойных стандартов, на игнорирование проблемы положения и судеб польских пленных во время войны 1919—1920 гг. и т.д. Обстоятельной научной критике эти публикации подвергли и польские ученые М.Тарчиньский, А.Ахматович, Р.Война и другие⁵⁷.

Бывший польский президент В.Ярузельский подчеркнул в беседе с московским писателем В.Д.Оскоцким существование принципиальных различий между катынским преступлением и трагической судьбой пленных красноармейцев в 1920 г. «Исаак Бабель, а также другие советские и польские очевидцы событий описывали жестокость обеих сторон, противоборствовавших в 1920 году. Но это было в бою, — констатировал он. — Иное дело — смерть, заданная преступным, человекоубийственным образом, поголовное уничтожение пленных, истребление людей беззащитных. ...Катынское преступление совершалось преднамеренно, по приказу Сталина и других членов высшего советского руководства. Военнопленные же красноармейцы погибали прежде всего из-за крайне тяжелых усло-

вий в лагерях. Однако это не было запланированным, по приказу сверху убийством, причем сокрытым ложью в течение нескольких десятилетий»⁵⁸.

Контрпродуктивная «Анти-Катынь», или «Контр-Катынь», в условиях не исчерпавшего себя кризиса общественного сознания, живучести прежних идеологем создала реальную почву для спроса на низкопробные националистические, квазидокументальные повести Ю.И.Мухина и В.И.Филатова и принесла свои негативные плоды. Так, после распространения через частный книжный киоск в Госдуме РФ «Катынского детектива» Ю.И.Мухина тема Катыни срезонировала в направленной против Горбачева книжечке заместителя начальника аналитического управления Думы, ранее партийного работника на Ставрополье А.Коробейникова «Горбачев: Другое лицо». Он использует претензии Мухина к Горбачеву по поводу признания виновности советской стороны «без документальных подтверждений», считая Катынь «преступлением гитлеризма» и не вникая при этом в проблему секретных договоренностей, не учитывая осведомленности Горбачева в наличии подлинных документов по этому вопросу, о чем пишет цитируемый им Болдин, и т.д.⁵⁹

Основные столичные научные центры — Институт российской истории РАН и Институт всеобщей истории РАН — повели важную конструктивную работу по уточнению основополагающих оценок сталинской внешней политики накануне и в годы Второй мировой войны. Первый из этих институтов встал перед нелегкой задачей развести внешнеполитические установки и методы действий Сталина и внешнюю политику Советского Союза, его подлинные интересы. Ведущие специалисты Г.А.Куманев и Э.Э.Шкляр в статье «До и после пакта: Советско-германские отношения» сформулировали вывод, что именно по вине Сталина и его ближайшего окружения обернулись большими невосполнимыми потерями — «что бы то ни было — грехи, ошибки, слабости, просчеты». Более четкой квалификации сталинской внешней политики авторы не дают, но и со всей определенностью выступают против того, чтобы «свалить вину за развязывание войны» только на Сталина, исключив Гитлера, Чемберлена, Даладье. Рассуждая о пакте Молотова—Риббентропа, авторы оказываются не в состоянии оценить его в комплексе с секретными протоколами. Они настаивают на том, что он вполне отвечал дипломатическим нормам того времени («подобные пакты имелись у Германии и с Польшей, и с Англией») и давал определенный выигрыш времени, был выгоден СССР, на который «объективно работал нейтралитет» (правда, временный). Эта аргументация не была достаточно обоснована данными.

Секретные протоколы как таковые авторы решительно осуждают: «Сам факт их подписания с гитлеровской Германией ничем не может быть сколько-нибудь убедительно объяснен и оправдан. Эти документы не только сводили на нет все нравственные принципы, на которых после Октября 1917 года, пусть даже и формально, зиждилась внешняя политика нашей страны, но и подрывали сами основы как нормальной дипломатической практики,

так и деятельности левых демократических сил во всем мире...» Инициатива их подписания списывается на Германию, совершенно несостоятельными названы утверждения о подталкивании Гитлера на агрессию. Применительно к Польше эта трактовка выливается в версию, что якобы позиция Гитлера к концу лета 1939 г. не зависела от политики СССР, он не нуждался в каком-либо подталкивании, все равно Третий рейх обрушился бы на Польшу, так как Гитлер «не только не хотел, но и не мог отказаться от нападения на нее»⁶⁰. В принятой авторами схеме не осталось места для катынского злодеяния как последствия реализации пакта Молотова—Риббентропа.

Важным звеном в исследовании проблемы стала международная научная конференция в Институте всеобщей истории РАН «Начало войны и Советский Союз. 1939—1941 гг.» (январь—февраль 1995 г.). Для периода кануна и начала войны на ней были воспроизведены в основном те же подходы, но свое место заняла и польская проблематика, трактуемая двояко — с позиций и признания факта четвертого раздела Польши, и указания на сталинское стремление расширить СССР до пределов бывшей Российской империи. Определенным новшеством для аудитории была содержащаяся в представленном докладе Э.Дурачинского постановка вопроса о рассмотрении советской внешней политики, в том числе четвертого раздела Польши, в категориях международного права, нарушения ряда двусторонних и многосторонних актов. Руководитель конференции А.А.Чубарьян, не разделяя попыток объяснить и оправдать сталинскую внешнюю политику исключительно геополитическими интересами России, имеющими глубинные исторические корни, поднял методологическую проблему взаимосвязи политики, войны и морали, отмечал попытки Сталина не выглядеть воюющим союзником Германии, «несколько дистанцироваться» от нее. Однако Чубарьян, не будучи юристом, ушел от правовых оценок, от юридических аспектов проблемы. А представитель Института военной истории Министерства обороны А.С.Орлов, выступая при обсуждении польско-прибалтийской проблематики, противопоставил констатации несоответствия сталинской политики нормам международного права требование исходить «из реального развития событий» и принимать «быстрые и прагматические решения». Он старался доказать «односторонность» морально-правовой аргументации при критике сталинских деформаций, а также то, что якобы имеет место нарушение «принятых в историографии принципов объективности и историзма»⁶¹.

Продолжением научных разработок в этой области, стимулирующих пересмотр устаревших идеологических стереотипов, стали подготовка и издание в Институте всеобщей истории РАН коллективного труда «Тоталитаризм в Европе XX века». Он интересен целым рядом существенных подвижек. Так, сталинские деформации советской внешней политики характеризуются детально и развернуто, не отделяются друг от друга «адекватный ситуации» пакт Молотова—Риббентропа и осуждаемые секретные приложения к нему.

Авторский коллектив не стремился обелить Сталина, снять с него ответственность за нарушения международного права, за четвертый раздел Польши, за заключение с Германией не столько пакта о ненападении, «а скорее военно-политического союза». Дифференцируя сталинский и гитлеровский тоталитаризм, не разделяя стремлений объявить Сталина «виновником всей Второй мировой войны», авторы задались вопросом: «не следует ли считать Сталина по меньшей мере его (Гитлера. — *Авт.*) соучастником?» Они нашли слова осуждения для имперских амбиций, обуревавших Сталина, который хотел вернуть все входившие ранее в состав царской России территории. Они поставили в кавычки термины «освободительная миссия» Красной Армии в сентябре 1939 г. и восстановление «исторических» западных границ России. Более того, авторы прямо указали на то, что «победители» решили не сохранять Польское государство даже в урезанном виде. Авторский коллектив труда о тоталитаризме в Европе XX в. весьма последователен в оценках. И хотя авторы лишь однажды упоминают Катынь, они называют Сталина наряду с Гитлером «насилъником» и «массовым убийцей»⁶².

Из числа последних значимых событий в этой же области нельзя не отметить публикаций профессора Л.А.Безыменского. Получив доступ к материалам сталинского личного архива, он выступил в печати со статьями «Советско-германские документы и старые проблемы» и «Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин»⁶³. Уточняя роль Сталина в истории советско-германского договора от 23 августа 1939 г., в том числе секретного дополнительного протокола, этот ученый по документам воспроизводит сталинские замыслы и действия, технологию реализации его намерения «сговориться с Германией», в частности, ценой «разграничения сфер влияния» и раздела Польши. Сталин лично правил советский проект договора, перередактировал проект, привезенный из Берлина. Именно ему и Молотову принадлежала идея особого секретного протокола с обозначением линии разграничения сфер влияния (сфер обоюдных «государственных интересов»). Именно с этого Сталин начал разговор с Риббентропом 23 августа в Москве, именно эта линия согласовывалась ночью с Гитлером, прежде чем договор был подписан.

Безыменский показывает, что советская сторона была полностью проинформирована о ходе военных приготовлений к операции «Вайсс» — к вторжению германских войск в Польшу.

3 сентября Сталин выправил предложенный Риббентропом текст официального заявления двух держав о характере начавшейся войны. 15 сентября он согласовал с Гитлером изменения линии разграничения. Итоговое мнение Л.А.Безыменского: «Пакт Молотова—Риббентропа следует все же именовать пактом «Сталин—Гитлер». Свои архивные изыскания он обобщил в новаторской, честной и свободной от былых мифологем книге «Гитлер и Сталин перед схваткой»⁶⁴.

Появление перечисленных и подобных научных работ помогает созданию предпосылок для адекватной правовой и морально-политической оценки причин, мотивов и обстоятельств преступления в отношении польских военнопленных, в том числе доказательно расширить и углубить трактовку Катынского дела. Важную роль в этом играет обнаружение его подлинных материалов.

В первом полугодии 1996 г. встала проблема публикации обширного корпуса катынских документов — первого тома двусторонней серии «Катынь: Документы преступления», вышедшего в свет в 1995 г. в Варшаве (в переводе). При обсуждении этого вопроса, в частности, в ходе поисков спонсора, возник спор вокруг оценки сталинских деформаций советской внешней политики, «советско-германского диалога 1939 г.», факта сговора Сталина и Гитлера, трагического финала секретных договоренностей СССР и Германии для Польши и ее народа. Указывалось, что катынское преступление квалифицировалось в Нюрнберге как геноцид, в том числе советской стороной, и хотя вопрос о его виновниках не был на процессе решен, эту юридическую квалификацию по сие время никто не отменял.

Принявшие участие в дискуссии ученые в своих отзывах подчеркивали, что разрешение вопроса о подлинности секретных протоколов и их адекватная оценка, раскрытие правды о «ликвидации» Польского государства и преступном умерщвлении военнопленных, осуждение сталинских деформаций советской внешней политики и распространения массовых репрессий на польский народ — это существенные научно-политические достижения.

К обсуждению проблемы публикации документов были привлечены различные министерства и ведомства. Вопрос о выходе первого тома был решен положительно. Том был напечатан без участия официальных спонсоров, в серии «Россия. XX век: Документы», на средства возглавляемого академиком А.Н.Яковлевым фонда «Демократия» и при финансовой поддержке Всероссийского союза Народных домов С.А.Филатова. Пришлось пока отказаться от продолжения издания на русском языке. Был выброшен ряд документов, чтобы добавить хотя бы в виде фотокопий ключевые для раскрытия темы материалы о реализации постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. — о кровавой расправе над польскими военнопленными.

12 мая 1997 г. на презентации в Доме кино российское издание под названием «Катынь: Пленники необъявленной войны. Документы и материалы»⁶⁵ вместе с другими публикациями документов открыло сорокатомную серию «Россия. XX век: Документы». В зачитанном на презентации приветствии Б.Н.Ельцина было поддержано обнаружение документов о тайнах тоталитарного прошлого. К сожалению, остается открытым вопрос о публикации на русском языке уже готовых двух следующих томов этого объявленного совместным документального издания.

Следует подчеркнуть, что правда о катынском злодеянии все шире распространяется в российских средствах массовой информации в рамках популяризации идеологических устоев властных структур демократической России. Она стала, например, составной частью разоблачающих преступления сталинщины документальных фильмов, которые обычно показывают в дни национальных празднований.

6 ноября 1996 г. в показанном по телевидению фильме, содержащем фрагмент о суде над КПСС, существенное место заняли кадры о раскрытии деформаций и преступлений сталинской внешней политики, об обнаружении и содержании секретных приложений к пакту Молотова—Риббентропа и установлении виновников расстрелов польских военнопленных.

В день памяти жертв Катыни, 13 апреля 1997 г., по российскому телевидению была показана посвященная тому же сюжету серия российско-американского фильма «Россия в войне». В ней были показаны подлинные документы по Катынскому делу из секретного «пакета № 1», хранящегося в президентском архиве, секретные приложения к советско-германским договорам 1939 г. В сценарий были включены и свидетельские показания последних лет, собранные в районе Катыни. Катынский сюжет появляется в документальных лентах все чаще. В 1997 г. по телевидению дважды демонстрировался документальный фильм «Выстрел в Нюрнберге» о судьбе Н.Д.Зори, чья гибель была связана с попыткой выяснить правду о Катыни (о чем читатель уже узнал из этой книги).

Нельзя не признать, что время вносит определенные коррективы в катынскую тему, в выяснение обстоятельств катынской драмы. Правда установлена. Более того, она убедительно доказана и бесспорна. Чем же объясняется пассивность и медлительность с доведением до конца и закрытием Катынского дела? В условиях разноплановых кризисных явлений в политической сфере России, противоречивой по характеру динамики процессов в ней, зависимости многих решений и конкретных шагов по их реализации от личностных факторов, а нередко от паралича воли или интеллекта продолжает тянуться полоса нерешительности и безалаберности, неуверенности и непредсказуемости.

Россияне, почти весь XX век привычно мыслявшие категориями и масштабами мировых войн и революций, глобальной перестройки мира и приближения светлого будущего, все еще не оправившись до конца от шока, вызванного ужасной, невыносимой правдой о злодеяниях сталинской эпохи. Принять ее для многих невероятно трудно: для этого нужно переосмыслить жизнь нескольких поколений. Необходимо рационализировать происходящее, очистить сознание, одурманенное системой всеподчиняющего давления на умы при помощи спекуляций на романтических чаяниях, розовых мифологемах светлого будущего, доправовое, морально-репрессивное сознание, в которое целыми десятилетиями одновременно внедрялись аморальная бессмысленная жестокость и одобрение чудовищных преступлений, оправдывавшиеся политическими целями. Это в

полной мере относится к Катынскому делу. Для немалой части современников свойственно стремление вырваться из пут очевидных негативов прошлого, слепящих жуткой, невыносимой правдой о чудовищных преступлениях, которая излишне тяжела для нормального рассудка и сердца, разорвать эти пути методом сознательного или подсознательного забвения этого прошлого.

Строить достойное будущее невозможно без честного и обстоятельного осмысления прошлого. В современном информационном пространстве все тайное немедленно становится явным. Бесполезно пытаться вновь сунуть по-страусиному голову в песок. Правда сказана, хотя дело и не доведено до конца.

Нельзя возрождать прежние и воздвигать новые морально-политические препятствия, мешать реализации достигаемых с немалым трудом договоренностей. Они должны быть приемлемыми для обеих сторон и не должны игнорироваться или неосмотрительно пересматриваться. В двусторонних отношениях приходится исходить из необходимости регулировать их во всем объеме, совершать акты человеческой справедливости, предписывающей не ограничиваться видением только героических страниц своей истории, но извлекать необходимые выводы из горького опыта далеко не всегда безукоризненных отношений с соседями, особенно в годы советского тоталитарного режима, нести ответственность перед исторической памятью своего и соседних народов, подтверждать свое достойное место в цивилизованном мире. Время решительно отвергнуть замшелые идеологические догмы и коренящиеся в тоталитарном прошлом политические пристрастия, принять на себя нелегкий груз гражданской и моральной ответственности за оценку трагического прошлого, независимо от религиозных взглядов и этнической принадлежности, от политических ориентиров — во имя ныне живущих и грядущих поколений.

Активную роль в формировании общественного мнения по проблемам сталинских деформаций советской внешней политики играет научный центр «Мемориала». 14 сентября 1999 г. Правление общества «Мемориал» выступило по поводу «вторжения 17 сентября» на польскую территорию и его последствий, в том числе катынского преступления. Оно потребовало открытой и честной позиции России по этому вопросу, отсутствие которой является «одной из важных причин сегодняшней настороженности наших ближайших соседей». «Мемориал» исходит из того, что «историческая память народов — не пустая абстракция» и следует упорно прорываться «через идеологические завалы и национально-патриотические комплексы», преодолевая подменяющие историческую правду мифы. Он поставил вопрос о вине принимавших преступные решения советских руководителей, о виновности в конкретных преступлениях против человечности исполнителей преступных приказов. Что же касается рядовых граждан России, указывалось на их гражданскую ответственность за творившиеся от имени нашей страны злодеяния, на необходимость прилагать усилия к решению исторических и

правовых проблем, связанных с массовыми репрессиями 1939—1940 и других годов.

Отвратительными представляются попытки некоторых авторов и изданий в своих корыстных клановых интересах, вопреки окончательно доказанной правде, под любым предлогом продолжать лгать, прикрываясь, например, «письмами читателей», идеологической шелухой былых мифологем, накопившейся как сор вокруг фальшивой «официальной версии» и «откровений» комиссии Бурденко. Утешать себя лаврами «разоблачителей Геббельса», а на деле способствовать воплощению в жизнь столь приятной ему идеи, что сталинская акция в Катыни навсегда поссорит Россию и Польшу, — позорно! Встречается и другой, также недостойный вариант — принимать к сведению, что пленных расстреливал НКВД, но «смягчить» восприятие этого факта псевдодоказательствами того, что это были не поляки, а «украинские националисты»!⁶⁶

Задача достойного завершения Катынского дела все отчетливее формулировалась во время контактов политиков региона Центрально-Восточной Европы, в ходе которых рассматривались нерешенные проблемы взаимоотношений в прошлом. Она прозвучала и во время встречи Президентов Украины и Польши Л.Кучмы и А.Квасьневского 27 июня 1998 г., при совместной закладке первого камня (вместе с памятным документом в капсуле) в строительство в Пятихатках под Харьковом общего мемориального кладбища жертв сталинщины. Туда перенесены и останки тысяч польских военнопленных, умерщвленных службами НКВД в 1940 г. В выступлениях А.Квасьневского, назвавшего этот мемориал символом хождения обоих народов по мукам, было четко высказано убеждение, что постоянное напоминание о катынском преступлении является обязанностью независимой демократической Польши. Л.Кучма, в свою очередь осудив это преступление и подхватив мысль о необходимости вечно помнить об этом злодеянии, выразил уверенность в том, что «ни сталинизм, ни фашизм не повторятся лишь в том случае, если мы сохраним память о том, что было».

В Москве 29 июня 1998 г. в ходе неофициальной встречи Б.Н.Ельцина с А.Квасьневским тоже была затронута тема завершения Катынского дела. Была достигнута договоренность о совместном открытии в 60-летие тайного умерщвления польских военнопленных мемориалов в Катынском лесу и в поселке Медное.

Катынское дело должно было выйти вновь, но более масштабно, на государственный и международно-правовой уровень, а его завершение — помочь укрепиться взаимному доверию, строительству новых российско-польских отношений на подлинно добрососедских и партнерских основах.

В начале 2000 г. была объявлена обширная общепольская программа памятных мероприятий по случаю приближавшейся 60-й годовщины катынской трагедии. Масштабность и значимость этого события вскоре были определены в торжественных речах президента и премьер-министра страны. Являющийся председателем почетного комитета по проведению памятных церемоний премьер-ми-

нистр Е.Бузек, 12 апреля отметил в приуроченной к дате 60-летия речи по телевидению, что Польша готовилась к этим торжественно-траурным мероприятиям на протяжении многих десятилетий и это событие закрывает трагический для польского народа XX век. На следующий день торжества состоялись в Варшаве у памятника «Погибшим и убитым на Востоке». С самого начала памятная дата отмечалась как «Год Катыни» на самом высоком уровне. Было возложено много венков к Могиле неизвестного солдата и на Замковой площади, возле памятного камня катынской трагедии. А.Квасьневский констатировал у Могилы неизвестного солдата: «Наше государство, наш народ, наши традиции должны были быть перечеркнуты навсегда. Тогда в Катыни расстреливали Польшу»⁶⁷. 28 июля в Катынском лесу Е.Бузек подчеркнул: «У поляков нет более глубокой раны, которая затягивалась бы так долго»⁶⁸.

Обе палаты польского парламента провели 13 апреля торжественные заседания, приняв специальные постановления по поводу катынского злодеяния — умерщвления весной 1940 г. более 22 тыс. поляков и польских граждан — военнопленных из трех спецлагерей НКВД и узников тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Маршал Сейма М.Плажиньский открыл выставку «Катынь — борьба за правду».

Особую, приличествующую случаю роль в памятных событиях играли церкви всех конфессий. Во многих храмах страны прошли торжественные богослужения.

Собственно, посещение мест захоронения с весны 1989 г. в Катыни, а затем и в Медном, превратившееся в скорбную традицию, обычно сопровождалось молебнами и завершалось христианским призывом к примирению и прощению. В журнале «Родовуд» было опубликовано написанное в апреле 1992 г. Х.Млынчак стихотворение-молитва, обращенное к образу Богоматери, вырезанному в Козельском лагере на деревянной доске⁶⁹. Вот три из девяти его четверостиший:

[...]

Месяцами Ты бродила,
В рюкзаках солдат укрыта.
Как Ты Каину простишь,
Что их тысячи убиты?

Знаешь Ты судьбу скитальцев,
Муку смертную отцов:
В их могилах — медальоны,
А на них — Твое лицо.

[...]

Яви милость Каинам —
Дай им раскаяние.
Жертвам их дай
Прощения дар...

Так в течение последнего десятилетия XX в. складывался этос упокоения, прощения, примирения. К этому и призвал на открытии Года Катыни архиепископ Люблинский Юзеф Жичиньский.

Вслед за проведенной 3 марта научной конференцией «Документальные свидетельства преступлений НКВД против польских граждан во время Второй мировой войны» началась череда симпозиумов и конкурсов.

Польские ученые и издатели основательно приготавились к скорбному торжеству. В Королевском замке прошла презентация снабженной биограммами и фотографиями кладбищенской книги захороненных в Катыни военнопленных.

Министерство юстиции представило журналистам обстоятельный анализ «Советские репрессии в отношении поляков и польских граждан», с приложением десяти томов, содержащих краткие биографические справки «Списков репрессированных» («Расстрелянные в Катыни» (4410 чел.), «Расстрелянные в Харькове» (3739 чел.), «Расстрелянные в Твери» (6314 чел.), «Заключенные в тюрьмы в Боровичах» (5795 чел.), «Пленные в Грязовце и Суздале» (3640 чел.), «Арестованные в районе Львова и Дрогобыча» (5822 чел.), «Умершие и пропавшие без вести пленные» (1785 чел.), «Узники лагерей в районе Воркуты» (4111 чел.) и др.). Комиссия экспертов (профессора А.Пачковский, С.Чесельский, В.Матерский) работала три года, опираясь на помощь главного координатора подготовки издания — директора общественного центра «Карта» З.Глюзы, на Министерство юстиции и Генеральную прокуратуру РП.

Составленные во взаимодействии с российскими, украинскими и литовскими государственными архивами (но без всякого участия архивистов Белоруссии), с повседневной и бесценной помощью как польского общественного центра «Карта», так и общества «Мемориал» и его членов в Москве, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Воркуте, Рязани, эти издания содержат сведения о более чем 566 тыс. жертв, которые удалось к настоящему времени доподлинно документировать (из числа пленных учтены несколько более 43 тыс. человек). Обсчитывались жертвы «прямых репрессий» — убитые в боях, умершие в тюрьмах, лагерях, во время депортаций и в ссылке, казненные, интернированные и арестованные, депортированные вглубь СССР. Пока не на всех арестованных (в том числе по решению от 5 марта 1940 г.) и депортированных есть документы. Не учитывались принудительно мобилизованные в Красную Армию, полупринудительно вывезенные на работы в Донбасс, выселенные из погранполосы. Работа продолжается, и при доступных сейчас источниках предполагается к 2005 г. установить судьбу еще 260 тыс. репрессированных⁷⁰.

Итоги и проблемы поисковых работ были, в частности, представлены 20 мая 2000 г. на международной научной конференции «Катынское преступление спустя 60 лет»⁷¹. Генеральный секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества А.Пшевозник охарактеризовал его с точки зрения международного права как военное преступление и преступление против человечности.

Министерством народного образования был проведен среди старшеклассников, в лицеях и гимназиях, техникумах и профтехучилищах конкурс «Катынь — Голгофа Востока», для чего преподавателям были разосланы программы и видеокассеты с документальным фильмом М.Сеньского «Катынское преступление» (студия «Феникс»). Победители получили право поехать на открытие мемориалов «триптиха Катынь—Харьков—Медное».

Кампания по подготовке и проведению 60-летия памяти катынского злодеяния, столь масштабная в Польше, выявила неготовность российской стороны выполнить свои обязательства в срок и на должном уровне. Чиновная Россия проявила отсутствие интереса к достойному завершению Катынского дела. Из года в год откладывалось строительство совместных мемориалов, в которых поляки взяли на себя возведение польских воинских кладбищ. Десять лет понадобилось, чтобы нашли отклик неустанные старания получить согласие и разрешение на проведение всех необходимых работ польской стороной. Поляки собирали по всей стране средства, существенно увеличив выделенную правительством квоту. Как правило вручную, без технической поддержки местных российских властей бригады энтузиастов провели огромные работы по зондированию, бурению, локализации и эксгумации захоронений, в известной мере охватив и соседние тысячные захоронения российских жертв сталинских репрессий. В значительной степени именно их усилиями и стараниями польских строителей удалось создать совместные российско-польские мемориальные комплексы.

Смещение сроков открытия мемориалов, обнаружение незавершенности расследования дела не могли не оказать мощное негативное влияние на польское общественное мнение, усилить кумулирование недоверия и напряженности. Не могло остаться без последствий то, что прошло целое тягостное десятилетие ожидания с того момента, как был открыт «сосуд Пандоры», вобравший в себя копившиеся и закреплявшиеся на генетическом уровне взаимные, нередко смертельные обиды. Политика умолчания и лжи долгие десятилетия не позволяла расчищать завалы взаимных претензий, эффективно нейтрализовать трудное наследство лет противостояния, от которого невозможно избавиться, всего лишь пытаясь списать реальные болезненные проблемы на «стереотипы толпы», «примитивные инстинкты» или «старые предрассудки».

За годы проволок Катынское дело, как и другие исторические эпизоды противостояния, с обеих сторон проникло, просочилось в политику, стало ее постоянным, органичным элементом, отравляющим двусторонние отношения. Это не могло не усилить негативный фон в разных сферах российско-польских отношений, перечеркнуло многое из накопленного позитивного взаимодействия двух стран и народов, выплеснулось в виде стихийных антироссийских инцидентов. Такие настроения особенно сильно проявляются в деятельности правых политических сил (Избирательная акция «Солидарности» — ИАС), находящихся сейчас в Польше у власти и определяющих правительственный курс. Примером может служить не-

давнее выступление в печати молодого депутата от этих сил, склонных определять отношение к России сквозь призму напластований негативов исторического прошлого, — К.Золотовского. Он сформулировал свою позицию следующим образом: «Последние триста лет не было ничего позитивного в отношениях с этим государством (Россией. — *Авт.*), и это должно быть для нас предостережением. Из этого мы должны сделать выводы на будущее»⁷². Нельзя обойти вниманием тот факт, что во время президентских выборов в Польше в предвыборный плакат М.Кшаклевского как претендента на президентский пост от ИАС были включены элементы катынской символики для обозначения линии борьбы с левыми силами как наследниками прежнего, тоталитарного режима.

Общественное мнение требовало от А.Квасьневского, вновь претендовавшего на президентское кресло, занятия четкой позиции по катынскому вопросу. Отдавая у Могилы неизвестного солдата дань памяти жертвам катынского преступления, Квасьневский выступил как носитель традиций левых сил и официально извинился «за тех, кто, будучи опутан тоталитарной пропагандой, сознательно или неосознанно, иногда из страха, другой раз ради корысти замалчивал, а иногда фальсифицировал историю катынского преступления». Квасьневский признал: «Катынь есть и останется занозой в нашей памяти», констатировал: «Независимая и демократическая Польша требует от нас слов правды, чтобы мы могли преодолеть низость и подлость, найти путь к согласию»⁷³.

Особенно значимо было урегулирование международного аспекта Катынского дела. Весна 2000 г. оказалась чревата новым обострением двусторонних отношений, что потребовало решительно рационализировать ситуацию, заменить грозящее усилением противостояние конструктивным диалогом, пресечь превращение проблемы Катыни в постоянный элемент внутривнутриполитического и внешнеполитического противоборства.

В этой ситуации Президент РФ В.В.Путин сделал предваряющий открытие главной торжественно-траурной церемонии дружественный жест в адрес Польши и ее Президента. 12 апреля он позвонил А.Квасьневскому, проявил заинтересованность состоянием экономических отношений и продвижением Катынского дела. Он упомянул о какой-то новой «находке» в Катынском лесу и обещал обеспечить взаимодействие российской прокуратуры с польской. За первым телефонным разговором последовали еще два. Это вызвало в польском обществе мощный позитивный резонанс и рост ожиданий, оказало существенное влияние на смягчение тональности начинавшихся в Варшаве официальных мероприятий.

А.Квасьневский четко сформулировал необходимость последовательно разделить подход к сталинскому режиму и к народам России. За катынское преступление, подчеркнул он, «мы не можем и не хотим обвинять весь российский народ. Жертвами нечеловеческой системы были также миллионы граждан России и других республик бывшего СССР. В жутком "архипелаге ГУЛАГ" поляков объединяло с ними братство в страданиях»⁷⁴.

Аналогичные акценты расставил в телевизионном выступлении Е.Бузек, подтвердив, что, думая о вине и ответственности за это преступление, поляки думают и о будущем, о том, что не нужно винить в нем понесший огромные жертвы русский народ. Что Катынь, «знак общей муки, может стать знаком общей памяти», что общая обязанность — «вместе преодолеть негативную часть истории и согласными усилиями ради будущего укреплять дружественные чувства между поляками и русскими, строить дружественные отношения между нашими государствами»⁷⁵. Эту же мысль высказал по польскому радио архиепископ Люблинский Юзеф Жичиньский, подчеркнувший Христову заповедь — помнить и прощать. Он говорил: необходимо знать, что российский народ не несет ответственности за «человекоубийственную политику большевистского руководства». Архиепископ призвал к единству двух народов, к тому, чтобы говорить о Катыни без ненависти⁷⁶.

Обе палаты парламента выразили признательность властям и общественности демократической России, которые раскрыли правду о преступлении, что служит примирению обоих народов и дружественному характеру отношений. Вместе с тем в постановлениях и Сейма, и Сената прямо заявлялось о необходимости юридически довести до конца Катынское дело, решение вопроса о правовой ответственности виновных, о наказании исполнителей преступных приказов. «Только окончательный расчет за эти преступления, — говорится в постановлении Сената, — будет способствовать примирению и развитию дружественных польско-российских отношений»⁷⁷. Затягивание с правовой квалификацией военного преступления и преступления против человечества, каковыми являются расстрелы военнопленных, подвигло некоторых сенаторов на то, чтобы потребовать нового Нюрнберга для осуждения преступлений сталинщины.

Ни один польский политик, публично затрагивавший проблему катынского злодеяния, не обошел проблему дезавуирования и морального осуждения нагромоздившейся вокруг него и многократно воспроизводившейся лжи и дезинформации, за которыми советские власти полвека прятали катынское преступление.

Урегулирование двусторонних отношений, и это становилось все более очевидным, требовало значительных усилий, последовательности и открытости в духе заявлений начала 90-х годов. Между тем в последние годы XX в. на общем фоне потери интереса к странам Центральной и Юго-Восточной Европы российско-польские отношения стали не просто холодными, но худшими по сравнению с отношениями с остальными входящими в НАТО государствами. В Варшаве до ноября 2000 г. высоких политических лиц из России не было три года, чему способствовали и периодические всплески антироссийских настроений, и конфронтационные акценты. Посол РФ С.С.Разов неоднократно сталкивался с фактами недружественных в отношении России и ее представителей в Польше заявлений и действий (высылкой дипломатов, нападением на российское Ге-

неральное консульство в Познани, осквернением Государственного флага РФ и др.).

Между тем накопилось много проблем в области экономических отношений (прокладка новой нитки газопровода Ямал — Западная Европа, газпромовской линии связи, уменьшение дефицита торгового баланса Польши с Россией и др.). Затягивание с их решением влекло за собой экономические и политические потери. Для Польши они чреваты обострением отношений с Западом, торможением приема страны в Европейский союз. Очевидно, что обе страны заинтересованы в скорейшем урегулировании двусторонних отношений. Естественно, С.С.Разов остро чувствовал необходимость налаживания этих отношений, как и неоднозначную подоплеку их осложнения. Посещая в Год Катюни все официальные мероприятия, посвященные этой дате, сталкиваясь с ее постоянным присутствием в российско-польских отношениях, он в интервью «Независимой газете» охарактеризовал настроения в своем ведомстве так: «Нельзя идти вперед с постоянно повернутой назад головой»⁷⁸. Однако решение проблемы лежало глубже.

Достаточно прозрачный, однозначный ответ сформулирован в статье директора программ Центра международных отношений (Варшава) А.Магдзьяк-Мишевской, которая опубликована в том же номере «Дипкурьера НГ». Ей также свойственно желание выйти из «порочного круга» конфликтности в отношениях, но суть и степень снятия противоречий она оценивает по-другому. Разов полагает, что решительного осуждения преступлений тоталитаризма в совместном заявлении Ельцина и Валенсы, сделанном в 1993 г., достаточно, да и вообще новая Россия не несет ответственности за преступления прежнего режима. Поляки же прочитали позицию Ельцина по-другому. А.Магдзьяк-Мишевская считает, что ожидаемого в начале 90-х годов быстрого начала процесса примирения обоих народов, наиболее эффективного продвижения к созиданию партнерства и сотрудничества, на пути к которому на первом месте стоит разоблачение всей правды о Катюни, не получилось. Действительность «оказалась совсем другой»⁷⁹. И это отнюдь не единичное, случайное выступление.

ИТАР-ТАСС устами корреспондента В.Ржевского привел 10 мая 2000 г. выдержки из выступления в Сейме 9 мая министра иностранных дел Б.Геремека. Министр указал на то, что «в историческом расчете с прошлым остаются еще нерешенные задачи, на «отсутствие доброй воли с российской стороны»⁸⁰. Во всех польских публикациях по этой проблематике неизменно вставала проблема расчистки негативных наслоений прошлого. В российских материалах преобладало желание просто перешагнуть через них, перелистнуть, не дочитав до конца, страницу и забыть о ней.

Согласование позиций требовало встречи на высшем политическом уровне. Телефонные переговоры Путина с Квасьневским, обещавшие нормализацию двусторонних отношений, побудили последнего, обойдя дипломатический ритуал очередности визитов, при-

нять приглашение и приехать в Москву. Визит 10 июля был оценен российской прессой как «окончание периода охлаждения» и «разрядка напряженности в российско-польских отношениях последних месяцев». Путин подвел итоги посвященных в основном экономическим вопросам переговоров словами: «Мы уверены, что отношения между Россией и Польшей выйдут на качественно новый уровень»⁸¹.

Однако для польской стороны в этом визите весьма важное значение, явно недооцененное российской стороной, имела проблема совместного, на президентском уровне проведенного морально-политического закрытия Катынского дела. Отвечая в Польше на многочисленные вопросы журналистов о том, обсуждалась ли в Москве эта проблема, Квасьневский подтвердил, что еще раз воспользовался случаем, чтобы «объяснить значение этого дела» для поляков и «одновременно уверить, как это сделали премьер Бузек и архиепископ Жичиньский, что за Катынь мы не обвиняем русских, мы говорим только о сталинском режиме». Он заверил Путина, что Катынь не будет использоваться в антироссийских целях, но необходимо упорядочить историю. Однако для того, «чтобы построить на этой трудной основе что-то полезное, — отметил он, — нужна воля обеих сторон». Квасьневский выражал надежду на участие Президента России в торжествах в Катыни, на то, что это «раньше или позже произойдет»⁸².

В момент открытия мемориала в Катыни Путин был занят другими обязанностями. Президент Польши, соблюдая договоренность об одинаковости уровня представительства, в Катынь не поехал.

Это повлияло на содержание и тональность выступления представителей обеих сторон на открытии «триптиха» мемориалов жертв тоталитарных репрессий, поскольку многое в двусторонних отношениях всегда зависело и зависит от того, какую позицию способна занять и займет современная Россия, получившая весьма непростое внешнеполитическое наследство.

Очевидно, что затягивание с урегулированием старых проблем стало одним из существенных факторов кризиса отношений в последние годы. Первый Президент Российской Федерации должной последовательности не проявил. Более того, многие достижения прежних лет, багаж доверия и надежд оказались растерянными, а груз ответственности еще более вырос.

В полном объеме сохранилась проблема преодоления комплекса ущемленного «старшего брата», ее решение предполагает очередной шаг (ответственный, хотя отнюдь не новый) в деле осуждения преступлений сталинщины, верификации оценки деятельности прежних поколений политической элиты, международно-правовой квалификации военного преступления и преступления против человечества — катынского злодеяния, много десятилетий тому назад получившего всемирную огласку на Нюрнбергском процессе как пример геноцида. Эту проблему предстоит решать в духе открытости и честности, основательно и последовательно, не теряя самоуважения и государственного достоинства. Задача не из легких, но ее решение

сулит значительные политические дивиденды на международной арене.

Очередным важным этапом решения проблем Катынского дела стало открытие «триптиха Катень—Харьков—Медное» совместных мемориалов жертв тоталитаризма. Начало было положено 17 июня 2000 г. в лесопарковой зоне Харькова. Первоначально планировалось, что совершенно естественно, начать торжества в Катини, но там приготовления затянулись.

В украинско-польском Мемориале жертв тоталитаризма перемежаются превращенные в братские могилы «ямы смерти и забвения» 4,5 тыс. репрессированных с 1938 г. советских граждан и почти 3,8 тыс. убитых весной 1940 г. польских пленных из Старобельского лагеря. В освещении комплекса, торжественной панихиде и траурном митинге приняли участие польский премьер Е.Бузек и украинский премьер В.Ющенко, представители политической и военной элиты, общественности, 600 членов организаций «Катынские семьи» и местное население.

Открывая мемориал, глава областной государственной администрации О.Демин заверил, что светлая память об убиенных «сталинскими людоедами» останется навсегда в сердцах украинцев и поляков». Лейтмотивом выступлений премьер-министров, как сообщал официальный «Урядовый курьер», была констатация: «...эту страшную страницу своей истории человечество не должно забыть», «историческое значение имеет покаяние перед погибшими, символом чего является возведенный мемориал»⁸³.

В Украине для этого было сделано немало. И если в 60-е годы, когда на месте захоронений было снято ограждение, население стало собирать «кладбищенские трофеи» (польские знаки отличия, пуговицы, вещи, выносимые на поверхность во время весеннего таяния снегов или ливней), репрессии воспринимались как обычное для «социалистической действительности» дело, то в 80-е годы по инициативе Общества «Мемориал» развернулся сбор документов и фактов о расстрелянных поляках, об убитых пленных. Инициатива издания материалов о реабилитированных была в 1992 г. поддержана на уровне правительства и Верховного Совета Украины. При подготовке томов по областям редакционно-издательская группа «Реабилитированная история» обнаружила огромное количество архивных дел и должна была разбить документы на несколько книг, выделив обильные польские материалы в особый том.

Украинское руководство придает большое значение подготовке совместных с поляками изданий, снимающих последствия исторического противостояния и расчищающих завалы тоталитаризма. На траурной церемонии В.Ющенко говорил о небывалом ущербе, нанесенном обоим народам уничтожением цвета их наций. «Голос Украины» выделил при этом утверждение Ющенко, гласящее, что создание общего европейского дома поставит точку на трагическом прошлом и сделает невозможным возврат к политике и идеологии насилия⁸⁴.

Кульминацией торжеств 60-летия стало открытие Катынского мемориала, составной частью которого (как и в Медном) является Польское воинское кладбище.

Юридически оформив в соответствии с Женевскими конвенциями договоренность с руководством России, польские власти положили в основу создания польских воинских кладбищ принятые в международной практике нормы поименного увековечивания памяти всех погибших с указанием имени и фамилии, года рождения и смерти, воинского звания, а для гражданских лиц — профессии. Были приняты общие для трех мемориалов принципы строительства кладбищ в местах умерщвления и сокрытия останков, со своеобразной монументальной часовней в виде исполненной в чугуне, с отлитыми именами и фамилиями всех жертв, Стены памяти с многометровым крестом и полевым алтарем, а также низко расположенным колоколом, звон которого символизирует голос жертв преступления.

Катынское воинское кладбище имеет особую историю, отразившую многократно воспроизводимую гигантскую ложь вокруг преступления. Обнаруженное почти сразу и уже летом 1943 г. преобразованное Технической комиссией Польского Красного Креста в братские могилы из «ям смерти и забвения», оно было перекопано и передислоцировано непосредственно после освобождения Смоленска. По завершению «трудов» бригады из НКВД по очищению могил от вещдоков, дабы исключить подлинную датировку преступления, а также комиссии Бурденко, закреплявшей ложную «официальную версию», территория, после повторного беспорядочного сваливания останков в ямы, была сравнена с землей.

После войны на первом памятнике на двух языках была выбита надпись: «Здесь захоронены военнопленные польские офицеры, зверски замученные немецко-фашистскими оккупантами осенью 1941 года». В 70-е годы были оформлены две символические, ложные могилы. На новом памятнике менялись надписи: «Жертвам фашизма — польским офицерам, расстрелянным гитлеровцами в 1941 году», затем — просто жертвам, без даты...

В 1991 г. следователи Главной военной прокуратуры не обнаружили останки на прежних местах. Их удалось локализовать только полякам в результате длительного бурения и зондирования территории. Одновременно были обнаружены тысячи останков советских жертв сталинских репрессий. Это позволило создать совместный Катынский мемориал.

Составляющий часть мемориала «Остров скорби», Польское воинское кладбище, представляет собой шесть покрытых травой, с размещенными на ней огромными лежащими крестами, братских могил, рядом с которыми положены по форме «ям смерти и забвения» фигурные чугунные плиты рыжего цвета. Задник общей территории в 1,4 га — Стена памяти с крестом, алтарем и колоколом. Весь этот массив окружает по периметру бетонная стена-бруствер, опускаясь вниз, к асфальтовой аллее со скамеечками для родных, близких и других посетителей. На ней укреплены такие же чугун-

ные именные памятные таблички. Меж преобладающих польских фамилий встречаются украинские, белорусские, еврейские, есть грузинские, латышские, татарские, русские. Поэтому в конце главной аллеи возведены обелиски с символами разных конфессий — католическим, православным, иудаистским, мусульманским.

Даже при первом знакомстве с надписями на таблицах сразу бросается в глаза преобладание людей активного, зрелого, 30—40-летнего возраста, трудовой интеллигенции массовых мирных профессий — врачей и учителей, инженеров и техников, агрономов и журналистов. Их судьбу разделила интеллектуальная элита страны. Тут — известные поэты и писатели, ученые с мировыми именами и преподаватели вузов... Они были призваны из запаса как офицеры младших званий и, проходя переподготовку, только успели надеть военную форму. Таких, мобилизованных на защиту Отечества со всех концов страны, тут большинство: в Козельском лагере, узников которого тут захоронили, кадровые военные составляли всего 30%. В братских могилах — представители разных поколений — и молодежь, и старики.

28 июля торжество в Катынском мемориале началось с открытия российской части с многочисленными массовыми захоронениями жертв сталинских репрессий разных лет, а затем было освящено укрывавшее более 4.400 убитых пленных из Козельского лагеря Польское воинское кладбище. Долго и печально, трагически-пронзительно звонил колокол, на металле которого запечатлена молитва, обращенная к Богородице. На полевом алтаре — икона Козельской Богородицы с надписью: «Памяти отцов наших».

Перетекая одна в другую, на екуменическом богослужении в память погибших драматично звучали молитвы, слова которых повторяли доставленные в Катынь огромным поездом сотни их родных — вдовы, дети и внуки. Среди них были те, кто, будучи в 1940 г. депортирован на Север России, в голодные и холодные степи Казахстана, сумел выжить и вернуться в Польшу. Их — около 800 человек — привезли в Катынский лес, где они впервые могли поставить свечи, поклониться могилам своих отцов, выполнить свой долг заботы и памяти, достойно участвовать в воинском ритуале торжественной церемонии прощания с ними.

Проникнутые мыслью о прощении и примирении молитвы священников, речи польского премьер-министра Е.Бузека и российского вице-премьера В.Христенко содержали одни и те же ноты, хотя акценты были расставлены несколько по-разному. Поблагодарив россиян за возможность похоронить польских граждан, Бузек уточнил: «Мы здесь для того, чтобы снова сказать: мы помним и не забудем». Поляки исходят не из чувства мести, а из чувства справедливости, из требований своей культурной традиции; должны быть установлены все фамилии жертв и места их погребения, виновники преступления должны быть наказаны и должен быть произведен окончательный расчет⁸⁵.

Польский премьер призывал соотечественников учиться трудно-му искусству прощать, памятуя, что Иисус Христос велел делать это

77 раз. Россиянам адресовалось предложение использовать шанс строить отношения без лжи и ненависти, вместе задуматься над тем, какие меры следует принять, чтобы подобные трагедии, «как катынский геноцид и многократно повторяемая ложь», никогда больше не повторились.

Российский вице-премьер выразил соболезнования: россиянам понятны чувства поляков, как и мотивы двух президентов, осудивших в 1992 г. «преступления тоталитаризма, принесшие столько страданий народам наших стран».

Однако в мае 1992 г. в совместном заявлении Б.Ельцин и Л.Валенса не ограничились такой декларацией: они говорили и о преодолении наследия прошлого на основе международного права, а при закладке польского воинского кладбища в Катыни 4 июня 1995 г. в обращении Ельцина упоминалось о близком завершении следствия, об установлении имен убийц и механизмов принятия преступного решения. Именно на новой правовой основе предлагалось «окончательно перевернуть» трагическую страницу нашей общей истории.

Христенко воспроизвел только былую риторику о странице, которую надо перевернуть. Но существо прежней позиции было выхожено. Вместо того, чтобы сделать ясное юридико-политическое заявление, он перевел рассуждения в плоскость, далекую от государственного подхода, заговорил об «устранении из российско-польских отношений элементов недоверия и предубежденности», о важности происходящего для будущего этих отношений, «особенно для их межчеловеческого измерения».

Когда 2 сентября происходило открытие следующего российско-польского мемориала — Государственного мемориального комплекса «Медное», оно имело тот же характер совместного траурного мероприятия — российской церемонии и польского общенационального торжества. В этой процедуре, с прямой телетрансляцией на всю Польшу, участвовала польская государственная и общественная элита, сопровождавшая около 400 родных и близких погибших. Оформленный по аналогичным катынским канонам польский комплекс, объединяющий 25 братских могил более 6.300 расстрелянных пленных из Осташковского лагеря, на этот раз был размещен позади Стены памяти и алтаря с опущенным ниже уровня земли колоколом. Российская часть мемориала, отличающаяся оригинальным архитектурным решением, пока еще не доведена до окончательного воплощения проекта, но обещает быть лучшей из числа российских памятников жертвам репрессий сталинского режима.

Начатое крестным ходом и освещением кладбища, проникновенно прозвучало экуменическое богослужение на русском, польском и арабском языках. Оно закончилось всеобщими жестами примирения.

В официальной части выступили польский премьер-министр Е.Бузек и министр внутренних дел России В.Б.Рушайло. В речи Бузека еще требовательнее прозвучало напоминание об обязанности

найти и увековечить все захоронения жертв, назвать все имена вывезенных в советские лагеря и сгинувших там, в том числе в «архипелаге ГУЛАГ», многих тысяч польских граждан — солдат и гражданских лиц.

Нельзя не отметить, что даже наиболее продвинутая в смысле понимания ожиданий польской стороны речь министра внутренних дел В.Б.Рушайло не могла не отразить специфическое различие российского и польского исторического сознания. Сложившийся в окончательном виде за годы советской власти менталитет россиянина, который может быть обозначен слабо окрашенной эмоционально есенинской констатацией «много в России троп, что ни тропа — то гроб», разительно отличается от польского менталитета, в котором право на жизнь — очень высокая ценность, органически сочетающаяся с правом каждого быть достойно похороненным и бережно сохраняемым в памяти. Это касается не только католиков, но и представителей других конфессий. Нарушив эти святыне права, не следует ограничиваться констатацией равенства перед лицом тоталитарных репрессий, сходства масштабности жертв. Вряд ли кого-нибудь убедит и оставит равнодушным стыдливое, а скорее лукавое умолчание о том, кто же был палачом. Точно так же мало кто способен воспринять как конструктивное императивное утверждение: «История не должна омрачать наши отношения». Трудно найти другой такой народ, для которого история столь много значит, как поляки. И это требует большего понимания.

Если отвлечься от этого (а отвлекаться, по совести, не следовало бы), выступление российского представителя было конструктивным и содержащим важные для польского уха элементы. Прочитируем его наиболее существенный фрагмент: «В этот торжественный день мы все становимся участниками поистине исторического события — открытия совместного российско-польского мемориала жертвам тоталитарных репрессий независимо от политических взглядов, национальности и вероисповедания. История человечества неумолима. Она все расставляет на свои места. Только в 90-х годах благодаря начавшимся в России и Польше процессам новых преобразований мы получили возможность переосмыслить наше историческое прошлое и осудить преступления бесчеловечной машины тоталитаризма, исковеркавшей миллионы человеческих жизней.

Наш долг — еще раз со всей ответственностью заявить: подобное не должно повториться никогда. Прошлое не должно омрачать день сегодняшний, а тем более наше будущее. На нас лежит ответственность за счастливую жизнь следующих поколений.

Убежден, что больше никогда тень недоверия и предубежденности не омрачит дружеские чувства, которые связывают наши народы. Убежден, что и в дальнейшем память о трагедии в Медном и в Катыни, общая скорбь о погибших должны объединять наши народы.

Пусть эти места, некогда скрывавшие тайны прошлого, станут символами нашей общей скорби и примирения, местами, где наши дети смогут поклониться светлой памяти ушедших поколений»⁸⁶.

Совершенно очевидно, что существенных результатов «переосмысления нашего исторического прошлого» и квалификации (осуждения) преступления тоталитаризма в отношении польского народа это выступление практически не содержало. А именно это, наряду с заверением, что подобное не повторится никогда, а не только «не должно повториться», может стать прочной основой формирования стабильного добрососедства. Что же касается «дружеских чувств, связывающих народы», то в настоящее время это всего лишь вышедший из употребления публицистический стереотип прошлого.

Перспективы развития российско-польских отношений связаны не столько с декларациями, сколько с открытой и честной морально-политической позицией, за которой будущее. Ее ростки просматривались 2 сентября во время открытия польского воинского кладбища в Медном: многие жители Твери и окрестностей пришли на траурную церемонию и влились в число ее участников. У некоторых на груди было обращение: «Простите нас, поляки!» Такая же надпись-плакатик, наложенная чьей-то совестливой рукой, появилась на памятных именных таблицах. Такие плакатики и свечки раздавал желающим житель Твери Г. Дигенко. Публикуя его фотографию в материалах об открытии мемориального комплекса в Медном, ежесемейник общества «Мемориал» «30 октября» снабдил этот материал заголовком: «Село скорби, станешь ли ты для нас вратами покаяния?»⁸⁷

В заявлении тверского «Мемориала» в том же номере газеты обращалось внимание на уроки, которые следует извлечь из той масштабности и значимости, какую поляки придали церемонии в честь памяти жертв репрессий. На фоне спешки и невнимания областного руководства к своим гражданам, в том числе выжившим жертвам политических репрессий, к российскому общественному мнению резким контрастом выглядела польская церемония, которая демонстрировала трогательное внимание к родственникам погибших, участие польских правительственных, общественных и религиозных организаций, выступавших как единое целое⁸⁸. Кстати, само возложение венков к Стене памяти в порядке живой очереди было важным жестом внимания и уважения к родным и близким, хотя, видимо, резало привычный к официозу чиновничий глаз. На сайте Польского агентства печати в Интернете* появилось интервью коммуниста-депутата Государственной думы от Твери В. Зоркина, который открытие мемориала в Твери назвал «удручающим», одновременно проявив полное незнание обстоятельств гибели пленных и возведения Польского воинского кладбища силами поляков. Его «классовое чутье» никак не соизмерялось с тем фактом, что большинство (около 5 тыс.) убитых составляли рядовые — сельские, поселковые, городские постовые, офицерских же чинов полиции среди расстрелянных было менее 300 чел. Впрочем, кем бы убитые

* <http://dziennik.pap.com.pl/polskawsiecie/20000920220521.html>.

пленные ни были, акция НКВД не становится от этого менее преступной.

В день завершения «триптиха Катынь—Харьков—Медное» НТВ в программе «Сегодня» устами Татьяны Митковой напомнило, что слова «простите, если можете» Б.Н.Ельцин сказал перед Катынским крестом в Варшаве в августе 1993 г. (хотя тогда это было скорее личным жестом и не получило резонанса в российских СМИ). Сейчас содержательная сторона открытия польских воинских кладбищ тоже в значительной степени не попадает на страницы российских информационных изданий, на наше телевидение и радио. Тем не менее, и это весьма отраднo, в сознании российской общественности Катынское дело уже присутствует как знаковое, последовательное и достойное его завершение понимается как условие нормализации российско-польских отношений.

Проведенный радиостанцией «Эхо Москвы» после открытия Катынского мемориала интерактивный опрос, с участием А.Черкизова, С.Бунтмана и других (а эта радиостанция покрывает своим вещанием 40—60 городов России), оказался вполне репрезентативным, охватив более 1.200 человек. Он показал, что 69% слушателей полностью понимают необходимость прямо заявить о признании вины за катынское преступление и извиниться перед польским народом.

Народ России еще раз убедительно показал способность мыслить по-государственному, действовать честно, по совести, цивилизованно, во всеоружии международного права переступить порог XXI века. Это позволяет оптимистически воспринимать перспективу воплощения в жизнь декларируемых государственными руководителями намерений развивать добрососедские отношения, партнерское сотрудничество, политический диалог с соседями, обоснованно рассчитывать на взаимность с их стороны.

А.Квасьневский во второй половине 2000 г. неоднократно возобновлял приглашение В.В.Путину посетить Варшаву. В опубликованном на страницах «Московских новостей» интервью польский лидер говорил о необходимости «нового начала» в отношениях между двумя странами, о недопустимости потери нынешнего шанса наладить близкие и дружеские отношения. В этом контексте он вновь обратился к базовой проблеме доверия польского народа к народам России — к проблеме катынского злодеяния.

Недавно польский президент опубликовал книгу «Дом всех — Польша», в которой посвященный России раздел озаглавил: «Почему Россия не любит извиняться?»

Политический опыт Квасьневского, испытывающего мощное давление со стороны той части общества, которая требует последовательного расчета с тоталитарным прошлым, научил его ответственности перед своими гражданами. Поэтому в беседе с корреспондентом «Московских новостей» В.Мастеровым он указал на проблему Катыни. «Здесь, — подчеркнул он, — необходим жест, который закрыл бы эту горькую тему»⁸⁹. Важность катынской темы для

Польши и поляков, необходимость морально-политического жеста для закрытия Катынского дела и примирения нельзя недооценивать. Одновременно польский президент заявил о намерении «отдать дань уважения тем 600 тысячам советских людей, которые лежат в польской земле, отдав жизни за освобождение Польши». В Варшаве это интервью оказалось в центре внимания польской печати и ни один из комментаторов не обошел стороной проблему взаимных жестов примирения между Россией и Польшей. Изложение этого материала самая популярная «Газета wyborcza» снабдила заголовком «Надо сказать: "Извините"»⁹⁰.

В рамках формирования нового, неконфронтационного курса, добрососедских отношений была достигнута договоренность о давно ожидавшемся визите В.В.Путина в Варшаву. Он намечен на первую половину 2001 г. Его предварил визит 22—23 ноября 2000 г. в польскую столицу министра иностранных дел РФ И.С.Иванова, сделавший более эффективным сотрудничество в области внешней политики, а также визиты министра внутренних дел В.Б.Рушайло и министра транспорта С.О.Франка, представителей Федеральной пограничной службы, «Газэкспорта» и ряда других крупных государственных деятелей России. Весной планируется приезд в Варшаву председателя Правительства РФ М.А.Касьянова.

Во время визита Иванова А.Квасьневский поблагодарил российские власти за содействие в открытии польских воинских кладбищ в Катыни и Медном. Министры иностранных дел обеих стран возложили венки к памятнику жертвам Катыни и памятнику-мавзолею воинам советской армии, павшим в боях за освобождение Польши от гитлеровцев.

Новый этап в развитии российско-польских отношений был оценен как «золотой», который, по заявлению А.Квасьневского, открывает будущее столетие как «золотой век польско-российских контактов». И.С.Иванов заявил об открытости на все проблемы общего исторического прошлого⁹¹. Можно надеяться, что раскручивание взаимных претензий, попытки в очередной раз «вчинить встречный иск» другой стороне, которые в последние месяцы возбудили прессу обеих стран («счет» к Польше по поводу судеб красноармейцев в лагерях войны 1919—1920 гг. напомнил полякам о попытке Советской России «взять штурмом», захватить Польшу в ходе мировой революции), перейдут наконец в русло совместных научных исследований на корректной документальной основе и перестанут наносить вред урегулированию двусторонних отношений. Интенсивная подготовка визита Президента России в соседнюю страну явно способствует этому, как и позиция прогрессивной общественности демократической России⁹².

Указом Президента Республики Польша А.Квасьневского группа российских граждан была награждена за участие в раскрытии катынского злодеяния польскими правительственными наградами.

Примечания

- ¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 314, 319–320.
- ² Секреты пакета № 1: Интервью директора Архива Президента РФ А.В.Короткова // Новое время. 1994. № 39. С. 38.
- ³ Горбачев М.С. Указ. соч. Кн. 2. М., 1995. С. 34.
- ⁴ Rosja a Katyń. W-wa, 1994. S. 88.
- ⁵ Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 257–258.
- ⁶ Горбачев М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 349.
- ⁷ Яковлев А.Н. К читателю // Катый: Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 6.
- ⁸ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Республики Польша при подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве // Дипломатический вестник. 30 июня 1992. № 12. С. 21.
- ⁹ Dokumenty Katynia. Decyzja. W-wa, 1992. S. 5.
- ¹⁰ Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов. М., 1997. С. 57–58.
- ¹¹ Конституционный суд: Справочник. М., 1995. С. 74–75.
- ¹² Центр хранения современной документации (далее — ЦХСД). Ф. 89. Оп. 14. Д. 1–20.
- ¹³ Попцов О. Президентский пасьянс // Московские новости. 1996. № 48. С. 7.
- ¹⁴ Секреты пакета № 1. С. 38.
- ¹⁵ Dokumenty Katynia. S. 8.
- ¹⁶ Maciszewski J. Wydrzeć prawdę. W-wa., 1993. S. 13, 153–154.
- ¹⁷ Рудинский Ф. Катинская трагедия: расследование должно быть продолжено // Правозащитник. 1998. № 1. С. 77–89; Он же. «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки участника процесса. М., 1999. С. 306–322.
- ¹⁸ Александров В.А. К рассмотрению в Конституционном суде документов об убийстве польских офицеров весной 1940 г.: Письмо в Конституционный суд от 19 октября 1992 г. С. 1, 8–10. Копия в архиве И.Яжбовской.
- ¹⁹ Елин Л. Трое с пакетом в Кремле: Катинские игры // Новое время. 1992. № 43. С. 12–14.
- ²⁰ Секретные документы из особых папок / Подготовка публикации и вступительная статья к ней М.И.Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 7–22.

Одновременно с этой публикацией в печати появилась анонимная публикация: Катинское дело: Можно ли поставить точку? // Военные архивы России. Вып. 1. 1993. Публикуя те же документы «на коммерческой основе» в издании с мифическим составом редколлегии и фальшивым телефоном, без указания архива и без каких-либо легенд, автор (или авторы) не скрывают своей связи с «Военно-историческим журналом». Он ссылается на контакт с «Р.Святком» (то есть с Хорынем-Свентеком, автором вышедшей в 1988 г. в Лондоне очередной фальсификации в духе Сообщения комиссии Бурденко «Катинский лес») и в путаном, двусмысленном предисловии задается вопросом: кто же прав — авторы «советской версии» или их противники, «а может быть, и те, и другие?» При этом в «Военных архивах России» (уже прекративших свое существование) не было ни слова сказано о передаче документов по поручению Б.Ельцина в Варшаву, о корректировании «советской версии». Эта публикация вызвала негативную реакцию Р.Г.Пихои, С.А.Филатова,

Д.А.Волгогонова и А.В.Короткова (об истории журналистского расследования см.: Максимова Э. Продавцы сенсаций из Архива Президента // Известия. 13 июля 1994 г.).

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., записка Л.Берии (НКВД СССР) И.Сталину от марта 1940 г. и записка А.Шелепина Н.Хрущеву от 3 марта 1959 г., хранящиеся в Архиве Президента РФ (Ф. 3. Пакет № 1), вошли в публикацию документов: Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 гг. М., 1997. С. 100—103.

²¹ Главная военная прокуратура (далее — ГВП). Уголовное дело № 159. Т. 115. Л. 4—29, 45—78.

²² Архив президента РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 621. Л. 105; ГВП. Т. 115. Л. 25—29, 30—35, Т. 121. Л. 223—226.

Что касается датировки записки Берии Сталину с проектом решения, которую предлагает Н.С.Лебедева (3 марта 1940 г.), то она не может считаться «абсолютно» доказанной. Направленные 2—3 марта Сопруненко руководству данные не полностью совпадают с приводимыми в ней. Копия документа с единственной фразой о передаче Берии Сталину служебной информации для Особого совещания не содержит сведений о том, к какому делу этот документ относится. Можно говорить лишь о рабочей гипотезе (см.: Lebediewa N. Proces podejmowania decyzji katyńskiej // Europa niegriwincjonalna. W-wa, 1999. S. 1169—1170).

²³ Заключение комиссии экспертов. Москва. 2 августа 1993 года. ГВП. Т. 119. См. Приложение.

²⁴ Orzeczenie Komisji ekspertów. Moskwa, 2 sierpnia 1993 // Rosja a Katyń. W-wa, 1994.

²⁵ Совместная российско-польская декларация. Варшава. 25 августа 1993 г. // Дипломатический вестник. Сентябрь 1993. № 17—18. С. 14.

²⁶ Яжборовская И. Катынь: признать правду очень трудно // Московские новости. 10—14 апреля 1994. № 15. С. 5Б.

²⁷ Katyń. Dokumenty zbrodni. T. 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939 — marzec 1940. W-wa, 1995; T. 2. Zagłada. Marzec—czerwiec 1940. W-wa, 1998; Катынь: Пленники необъявленной войны.

²⁸ Государственная тайна России: Сборник законодательно-правовых актов с комментариями. СПб., 1993. С. 12, 13.

²⁹ Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995. С. 232.

³⁰ Там же. С. 225.

³¹ Закончено ли Катынское дело? // Новое время. 1994. № 39. С. 38.

³² Копия в архиве И.С.Яжборовской.

³³ Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996.

³⁴ Listy Katyńskiej ciąg dalszy. Straceni na Ukrainie. W-wa., 1994; Ukrainski ślad Katynia. W-wa, 1995; Śladem zbrodni katyńskiej. W-wa, 1998; Яжборовская И. Катынь: признать правду очень трудно. С. 5Б.

³⁵ Таранов С. По долгу памяти // Известия. 6 ноября 1988.

³⁶ Брагин В. Катынь — рана земли // Российская газета. 26 мая 1995.

³⁷ Копии полных текстов в архиве И.Яжборовской.

³⁸ Копия в архиве И.Яжборовской.

³⁹ См.: Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

⁴⁰ См.: Harz M. Bibliografia zbrodni katyńskiej: Materiały z lat 1943—1993. W-wa, 1993; eadem. Bibliografia zbrodni katyńskiej: Materiały z lat 1993—1997 // Zbrodnia katyńska: Upamiętnienie ofiar i żadośćuczynienie. W-wa, 1998. S. 118—144.

⁴¹ Brzeziński Z. Wstęp // Mikke St. «Śpij, mężny» w Katyniu, Charkowie i Miednoje. W-wa, 1998. S. 5.

- ⁴² Ibid. S. 87, 94, 118; Głosek M. Archeologiczne aspekty badań cmentarzy polskich oficerów zamordowanych przez NKWD na Wschodzie // *Słowiński* — znana w Europie Środkowo-wschodniej. T. 2. Wrocław, 1996. S. 261—266.
- ⁴³ Mikke St. Op. cit. S. 154, 156, 186, 204.
- ⁴⁴ Ibid. S. 127, 131.
- ⁴⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. № 1247. г. Москва. «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область) // *Российская газета*. 29 октября 1996.
- ⁴⁶ Корнилов Л. Мы — соседи на всю жизнь // *Известия*. 27 июня 1998; Сычева В. Президентов сблизило искусство // *Сегодня*. 30 июня 1998.
- ⁴⁷ Zbrodnia katyńska. Upamiętnienie ofiar i żałoba. W-wa, 1998. S. 145.
- ⁴⁸ Przewoźnik A. Katyń—Miednoje—Charków: Miejsca pamięci, prawdy i przestrogi // Ibid. S. 13.
- ⁴⁹ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 23.
- ⁵⁰ Он же. Сто сорок бесед с Молотовым // *Гласность*. 29 мая 1997.
- ⁵¹ Чубарьян А. Война и судьбы мира // *Свободная мысль*. 1995. № 2. С. 47.
- ⁵² Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941: Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 6, 7.
- ⁵³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. первая (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. II, III.
- ⁵⁴ Там же. С. V, VI.
- ⁵⁵ Там же. С. 87.
- ⁵⁶ Там же. С. 84.
- ⁵⁷ Михутина И.В. Польско-советская война 1919—1920. М., 1994; Она же. Так сколько советских военнопленных погибло в Польше в 1919—1921 гг.? // *Новая и новейшая история*. 1995. № 3; Она же. Не 20 тысяч, а гораздо больше // *Правда*. 2 июня 1994; Ю.Иванов. Задолго до Катыни // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 12; Он же. Рецензия на книгу И.В.Михутиной // *Свободная мысль*. 1995. № 1. С. 107—110; Он же. Задолго до Катыни: Красноармейцы в лагере польских концлагерей // *Свободная мысль*. 1995. № 5; Матвеев Г.Ф. И.В.Михутина. Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994 // *Новая и новейшая история*, 1995, № 4; Соколов Б. Польско-советская война в пристрастном освещении // *Подмосковье*. 27 мая 95. № 21 и др.; Tarczyński M. Zbrodnia katyńska a los jeńców rosyjskich z 1920 r. w publicystyce rosyjskiej // *II półwiecze zbrodni. Katyń-Twerg-Charków*. W-wa, 1995; Achmatowicz A. Strzałków to nie Katyń, Tuchola — nie Miednoje: Kwestia jeńców sowieckich wojny 1919—1920 w Polsce // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. T. XXX. W-wa, 1995.
- ⁵⁸ Ярузельский В. Уроки истории — не соль на раны / Беседу вел В.Оскоцкий. Рязань, 2000. С. 18—19.
- ⁵⁹ См.: Мухин Ю. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993; Он же. Катынский детектив. М., 1995; Филатов В. Славянский саркофаг // *Молодая гвардия*. 1995. № 2—3 и т.п.; Коробейников А.А. Горбачев: другое лицо. М., 1996. С. 165.
- ⁶⁰ Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта: Советско-германские отношения в преддверии войны // *Свободная мысль*. 1995. № 2. С. 6, 7.
- ⁶¹ Начало войны и Советский Союз. 1939—1941 гг. Международная научная конференция в Институте всеобщей истории РАН // *Новая и но-*

- вейшая история. 1995. № 4. С. 89, 92—93; Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939—1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика: 1939—1941. М., 1999. С. 30—64.
- ⁶² Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 262—268, 276—278.
- ⁶³ Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3; Он же. Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин // Новое время. 1998. № 1.
- ⁶⁴ Он же. Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин. С. 30—33; Он же. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- ⁶⁵ Катынь: Пленники необъявленной войны.
- ⁶⁶ Смирнов К., Смирнов С. Кто расстрелян в Катынском лесу? Исследователи предположили, что это были не поляки // Век. № 16. 21 апреля — 27 апреля 2000; Николаев В. Польский вопрос // Завтра. 2000. № 31. С. 5; Алексеенко В.И. Катынь: Круглые даты // Дуэль. Июль 2000. № 29. С. 1; Зачем брать на себя чужую вину // Правда. 1 сентября 2000; Постол М. Бойцы и дельцы // Советская Россия. 14 октября 2000 и др.
- ⁶⁷ Ржевский В. Катынская трагедия как символ примирения между Польшей и Россией // Компас. 2000. № 17. С. 43.
- ⁶⁸ Kuczyński A. Hold po 60 latach // Rzeczpospolita. 29—30.07.2000.
- ⁶⁹ Młyńczak H. Madonna Kozielska // Rodowód. Gdynia. 1997. № 5. S. 4.
- ⁷⁰ Мастеров В. Они значатся в скорбных списках: В Польше выпущено документальное издание о жертвах советских репрессий // Время МН. 19 апреля 2000; Kaczyński A. Liczba minimalna, ale pewna // Rzeczpospolita. 18.04.2000.
- ⁷¹ Zbrodnia Katyńska po 60-ciu latach. W-wa, 2000.
- ⁷² Życie Warszawy. 14.04.2000.
- ⁷³ Dębski W.S. Katyń: historia nie musi nas dzielić // Trybuna. 29—30.07.2000.
- ⁷⁴ Biskupski H. Pamiętamy // Życie Warszawy. 14.04.2000.
- ⁷⁵ O Katyniu bez nienawiści // Gazeta Wyborcza. 13.04.2000.
- ⁷⁶ Ржевский В. Указ. соч. С. 43.
- ⁷⁷ Там же. С. 44—45.
- ⁷⁸ Разов С. Нельзя идти вперед с повернутой назад головой: По мнению посла РФ в Польше, начинать диалог нужно с восстановления доверия // Дипкурьер НГ. № 9. 18 мая 2000. С. 3.
- ⁷⁹ Магдзяк-Мишевска А. Пришло время выйти из порочного круга: Ведение антироссийской политики противоречит польскому национальному интересу // Там же.
- ⁸⁰ Ржевский В. Из доклада о главных направлениях внешней политики Польши // Пульс планеты. 10 мая 2000. С. 15.
- ⁸¹ Большинство вышедших в Москве 11 июля 2000 г. газет положительно оценило визит А.Квасьневского.
- ⁸² Trybuna. 17.07.2000.
- ⁸³ Галаур С. Спільна історія — спільна скорбата // Урядовий кур'єр. 22.06.2000.
- ⁸⁴ Косий М. Вшанували пам'ять невинно убієнних // Голос України. 21.06.2000.
- ⁸⁵ Przemówienie Prezesa Rady Ministrów RP prof. J.Buzka podczas uroczystości odsłonięcia i poświęcenia polskiego cmentarza wojennego w Katyniu 28 2000 r. // Zbrodnia Katyńska: próba bilansu. W-wa, 2001. S. 231.
- ⁸⁶ Радио Полония. Русская редакция Польского Радио. 2 сентября 2000.
- ⁸⁷ 30 октября. 2000. № 9. С. 1.

⁸⁸ 30 октября. 2000. № 9. С. 5.

⁸⁹ Мастеров В. Александр Квасьневский: «Больше поэзии» // Московские новости. № 45. 14—20 ноября 2000. С. 14.

⁹⁰ Там же; Он же. «МН» достучались до Польши: Интервью А.Квасьневского вызвало дискуссию в Варшаве // Там же. № 46. 21—27 ноября 2000.

⁹¹ Он же. Из «долгого ящика»: Встречи российских министров в Польше подготовили страну к визиту Президента РФ // Там же. № 47. 28 ноября — 4 декабря 2000. С. 13; Букчин С. Грядет ли «золотой век» польско-российских контактов? // Русская мысль. 30 ноября — 6 декабря 2000. С. 7.

⁹² Дементьева И. На тайне Катыни поставлен крест. Но не на нашей вине перед поляками // Общдая газета. № 31. 3—9 августа 2000; Оскоцкий В. Так ли уж не в чем каяться? // Демократический выбор. 2000. № 46. С. 8; Кротов Я. Месть за позор // Московские новости. № 47. 28 ноября — 4 декабря 2000. С. 3 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**комиссии экспертов Главной военной прокуратуры
по уголовному делу № 159 о расстреле
польских военнопленных из Козельского,
Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД
в апреле—мае 1940 г.**

2 августа 1993 года

г. Москва

В период с 17 марта 1992 г. по 2 августа 1993 г. на основании постановления старшего военного прокурора Отдела Управления Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Яблокова А.Ю. от 17 марта 1992 г. комиссия экспертов в составе:

— директора Института государства и права Российской академии наук академика Топорнина Бориса Николаевича;

— заведующего сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора Яковлева Александра Максимовича;

— главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской академии наук доктора исторических наук, профессора Яжборовской Инессы Сергеевны;

— ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики Российской академии наук доктора исторических наук Парсадановой Валентины Сергеевны;

— доцента кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии, кандидата военных наук Зори Юрия Николаевича;

— старшего эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ подполковника медицинской службы кандидата медицинских наук Беляева Льва Валерьевича

провела комиссионную экспертизу по материалам уголовного дела № 159 о расстреле польских военнопленных.

На разрешение комиссии экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Определить: какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть при-

знаны доброкачественными документами, а выводы, которые в них содержатся, научными и обоснованными?

2. С этих же позиций проанализировать с учетом собранных документов польскую «Экспертизу Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» и установить: заслуживают ли доверия выводы этого акта как научно обоснованного документа?

3. С учетом всех перечисленных в постановлении документов, выводов польской «Экспертизы», собранных в ходе следствия документов и свидетельских материалов проанализировать с научно-юридической, исторической и медицинской точек зрения обоснованность и состоятельность выводов «Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» под руководством Н.Н.Бурденко.

4. К каким новым выводам о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калинин, а также других польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, с точки зрения юридической, исторической, медицинской науки и права приводят собранные в ходе следствия доказательства?

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

В сентябре—декабре 1939 г. были интернированы, частично взяты в плен, задержаны органами НКВД при регистрации населения на территории Западной Белоруссии и Западной Украины более 230 тыс. польских граждан. Из них более 15 тыс. человек — офицеры, служащие различных уровней администрации и управления — были сосредоточены в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД для военнопленных, по состоянию на начало марта 1940 г. В это же время в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины содержалось более 18 тыс. арестованных, из которых 11 тыс. составляли поляки. В феврале—апреле 1943 г. польские военнопленные из Козельского лагеря были обнаружены в массовых захоронениях в Катынском лесу Смоленской области. Причину смерти, даты расстрела и захоронения, виновных в гибели этих военнопленных устанавливали в 1943 г. немецкие эксперты, Техническая комиссия Польского Красного Креста (проведшая основные работы по эксгумации и идентификации погибших) и международная комиссия судебно-медицинских экспертов, в 1944 г. — Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров под руководством академика Н.Н.Бурденко. В 1946 г. вопрос о Катынском деле был

вынесен в Нюрнбергский Международный военный трибунал. В 1952 г. его рассматривала специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США под председательством Р.Дж.Мэддена. В 1987—1989 гг. к нему обращалась смешанная советско-польская комиссия по ликвидации так называемых «белых пятен» в отношениях между двумя странами, создав под конец своей деятельности подкомиссию по вопросу о судьбах польских военнопленных и обнаружив в Особом архиве документы НКВД.

По основным вопросам «катынской проблемы», и прежде всего при определении сроков и виновников преступления, эти комиссии пришли к различным выводам. Экспертиза польской части советско-польской комиссии обоснованно поставила под сомнение выводы комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Советской частью комиссии, еще не располагавшей документами НКВД СССР, было признано, что сообщение комиссии Н.Н.Бурденко дает основание для его критики.

Весной 1989 г. в Особом архиве ГАУ при СМ СССР были обнаружены документы НКВД СССР, свидетельствующие о том, что массовые расстрелы поляков были делом НКВД СССР. Это явилось поворотным пунктом в раскрытии подлинных обстоятельств этого злодеяния, открывало возможности его объективного расследования и дало ему правдивую политическую оценку. В апреле 1990 г. во время переговоров между Президентом СССР и РП В.Ярузельскому была передана часть этих документов, включая списки военнопленных, расстрелянных в Катынском лесу, в Смоленске, в Калинин, а также содержащихся до расстрела в Старобельском лагере.

В мае 1990 г. двусторонняя комиссия прекратила свое существование. В сентябре 1990 г. расследование дела по факту расстрела польских военнопленных поручено Главной военной прокуратуре.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Изучив материалы уголовного дела № 159, собранные документы, комиссия считает, что для установления причин, мотивов и обстоятельств расстрела польских военнопленных, содержащихся весной 1940 г. в трех указанных лагерях, а также разных категорий поляков, находившихся в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины, для определения причастных сторон и виновных в этом преступлении необходимо рассмотреть не только названные документы, но и международно-правовые аспекты, в том числе связанные с развитием советско-польско-германских отношений.

Советско-польские отношения регулировались Рижским мирным договором, заключенным 18 марта 1921 г. Подписанный РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской Республикой — с другой, он установил границы и заявлял о гарантировании суверенитета и невмешательстве в дела друг друга, исключении всякого

рода интервенции, нарушения территориальной целостности или подготовки насильственного свержения государственного или общественного строя. 25 июля 1932 г. между СССР и Польской Республикой был заключен договор о ненападении, в котором признавалось, что Рижский мирный договор от 1921 г. лежит в основе взаимоотношений и обязательств между двумя государствами, подтверждались его основные положения (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. М., 1965. С. 524—525; Т. V. М., 1967. С. 533).

В июле 1933 г. СССР, Польша и другие государства по инициативе СССР подписали конвенцию об определении агрессии, в пункте 2 статьи 2 которой нападающей стороной в международном конфликте признавалось государство, совершившее вторжение вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства.

Советско-польские отношения развивались трудно, однако ошибочно было бы приписывать польской стороне прогерманский, прогитлеровский курс. Ю.Бек, польский министр иностранных дел, действовал в соответствии с позицией «равной удаленности» от Германии и России — «двух врагов». Начиная с 1936 г., Германия пыталась склонить Польшу к совместным действиям против СССР. Однако 25 ноября 1936 г. польское правительство отвергло предложение Гитлера присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. В 1939 г. во время переговоров Ю.Бека с руководством фашистской Германии немецкая сторона дважды пыталась склонить польскую к сотрудничеству, направленному против СССР, но Бек не согласился участвовать в этой акции.

Не добившись результатов, Германия изменила тактику и вступила в переговорный процесс с СССР, направленный, в частности, против Польши. Сталин рассчитывал, что путем сделки с Германией, нейтрализовав ее агрессию против СССР ценой раздела Польши, удастся ее «переиграть» — потянуть время и столкнуть Гитлера с «оплотом западного империализма» — Англией и Францией. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении. Статья 2 секретного дополнительного протокола к нему гласила: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

В постановлении II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» (пункт 5) указывается, что разграничение сфер интересов СССР и Германии находилось с

юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран. Пункт 7 постановления констатирует, что «эти протоколы использовались СССР для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства и нарушения взятых перед ними правовых обязательств». Съезд признал, что при заключении названного договора и его ратификации (31 августа 1939 г.) факт подписания секретного дополнительного протокола был утаен от советского народа и верховных органов государства.

Таким образом, на рубеже Второй мировой войны Сталин лично, в опоре на верхушку партийно-государственного аппарата, навязал стране пагубное волюнтаристское решение по одному из узловых вопросов внешней политики, реализуя монополию на власть, на внешнеполитическую деятельность и встав на путь прямого нарушения международного права. Договор с Германией и его органическая часть — секретный дополнительный протокол с юридической точки зрения находились в противоречии с международными конвенциями и установлениями Лиги Наций, с суверенитетом и независимостью Польши, нарушали взаимные обязательства СССР и Польши при всех обстоятельствах уважать суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Более того, они оформляли сговор, направленный на решение судеб Польского государства путем его раздела, позволили фашистскому командованию беспрепятственно разгромить Польшу (а затем обрушиться на Францию и обезопасить свой тыл для войны с СССР).

После нападения гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. немецкая дипломатия торопила советское руководство с выполнением вытекающих из подписанных документов обязательств. После продвижения немецких войск дальше предварительной установленной линии Красная Армия 17 сентября 1939 г. перешла советско-польскую границу на всем ее протяжении. Этому предшествовало заявление советского правительства, что Польское государство якобы перестало существовать, а польское правительство покинуло территорию своей страны. Тем самым создавалась видимость снятия договорных обязательств в отношении Польши. Мотивировавшая вступление советских войск на польскую территорию утверждением о прекращении существования Польского государства нота советского правительства была вручена польскому послу, который ее не принял, в ночь на 17 сентября 1939 года в момент нахождения польского правительства на польской территории. Содержание этой ноты признано противоречащим нормам международного права. (См.: Канун и начало Второй мировой войны // Правда. 25 мая 1989 г.) С юридической точки зрения даже полная оккупация страны не перечеркивает существования государства как субъекта международного права.

Красная Армия развернула боевые действия без объявления войны, в условиях, когда польские вооруженные силы продолжали оказывать сопротивление немецко-фашистским войскам, а прави-

тельство Польши находилось на своей территории. Это означало нарушение действующих договоров с Польшей и целого ряда обязывающих оба государства международных договоров. Война этой страны с гитлеровской Германией носила справедливый, освободительный характер, что было официально подтверждено и смешанной советско-польской комиссией по ликвидации так называемых «белых пятен». Совместные действия Германии и СССР, ведущего наступательные военные действия и превратившегося в соучастника агрессии, боевое взаимодействие двух армий, направленные против польского государства и его территориальной целостности, подтверждаются многочисленными фактами, материалами, собранными в уголовном деле. Перед войсками Белорусского и Украинского фронтов была поставлена задача «молниеносным, сокрушительным ударом» разгромить «панско-буржуазные польские войска», «уничтожить и пленить вооруженные силы Польши» (т. 2/15. Л.д. 15, 37, 91 и др.). В приказе Военного совета Белорусского фронта № 005 от 16 сентября 1939 г. и в других документах говорилось о выполнении договорных обязательств в отношении Германии (там же. Л.д. 2), а польская сторона обвинялась в развязывании войны против нее (там же. Л.д. 15, 37).

В приказе наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова от 7 ноября 1939 г. давалась следующая общая оценка действий Красной Армии и их итогов: «...Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега. За какие-нибудь 15 дней войны с Германией панская Польша как государство перестала существовать, а его правительство и верховное командование польской армии позорно сбежало за границу. В силу распоряжения советского правительства войска Украинского и Белорусского фронтов, выполняя приказ Главного командования, 17 сентября перешли границу бывшего Польского государства... стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска...» (там же. Л.д. 8—12).

«Красная звезда» 17 сентября 1940 г. в редакционной статье, посвященной первой годовщине войны с Польшей, аналогичным образом изображала военные действия и пленение сил противника, отмечая «удар по врагу под Барановичами, Дубной, Тернополем, прорыв и сокрушение укрепрайона Сарны», победу под Гродно и Львовом и в других местах: «Неудержимой лавиной хлынули танковые войска, поддержанные авиацией, артиллерией и мотопехотой. В течение 12—15 дней враг был полностью разбит и уничтожен. В это время одной лишь группой войск Украинского фронта в битвах и маневрах из числа окруженных взято в плен 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 офицер, 4096 младших командиров и 181 тысяча 223 рядовых польской армии».

Для обоснования наступательных вооруженных действий Красной Армии применялись аргументы «освободительного похода», освобождения украинских, белорусских и польских трудящихся от гнета и эксплуатации польских имущих классов, а также защиты

братских народов Западной Белоруссии и Западной Украины от гитлеровской агрессии.

Германские и польские войска трактовались в приказах различно. В боевом приказе штаба Белорусского фронта от 15 сентября в директивах авиации подчеркивалось: «С авиацией Германской армии в бой не вступать». В отношении польской армии рекомендовалось: «Действия авиации направлять на уничтожение живой силы, технических средств и авиации противника» (там же. Л.д. 17). В приказе № 05 Белорусского фронта от 22 сентября 1939 г. говорилось: «Во избежание возможных провокаций от польских банд, Германское командование принимает необходимые меры в городах и местечках, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности». В этом же приказе, как и в приказах командующего Белорусского фронта БП № 01 от 15 сентября 1939 г. и № 04 от 20 сентября 1939 г. речь идет о выдвижении «к разграничительной (демаркационной) линии между войсками» к определенным датам. Этим подтверждается совместный характер действий Германии и СССР согласно секретному дополнительному протоколу. В приказе № 05 представителям Красной Армии предписывалось «связаться с делегатами отводимых германских частей и регулировать все возникающие вопросы. ...делегатов назначить первоначально Военным советам армий, проинструктировать и фамилии их сообщить мне (командующему Белорусского фронта) для доклада народному комиссару.

При обращении германских представителей к частям Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германской армии, командование Красной Армии (начальники колонн) в случае необходимости — выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения» (там же. Л.д. 46). Сблизившиеся советские и немецкие части передислоцировались до 12 октября согласно демаркационной линии, установленной секретным протоколом 21 сентября, а затем — новому советско-германскому договору «о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. (там же. Л.д. 43, 44, 46).

С польской стороны активные, организованные оборонительные действия велись преимущественно против наступавших немецких войск. Концентрация частей Красной Армии на границе оценивалась как вызванная продвижением германской армии и объективно способствовавшая интересам Польского государства. В советской ноте о вступлении на территорию Польши от 17 сентября 1939 г. не было речи о ведении войны с Польшей — самостоятельно или совместно с Германией.

17 сентября польские пограничные патрули оказывали сопротивление Красной Армии. Верховный главнокомандующий польскими войсками маршал Э.Рыдз-Смиглы дал войскам директиву продолжать сражаться с немцами, не разворачивать боев с «Советами», вести с ними переговоры о выводе польских гарнизонов в Ру-

мынию и Венгрию, оказывать сопротивление частям Красной Армии только в случаях их нападения и попыток разоружить польские части. Невозможность довести до сведения всех частей приказа Рыдза-Смиглого, а прежде всего наступательные действия Красной Армии, направленные на ликвидацию польской армии, привели к ожесточенному, более чем двухнедельному противодействию части польских войск. Другие сложили оружие, тем более что на восточных территориях в основном были лагеря по обучению офицеров запаса или комплектованию частей. Командовавший обороной Львова генерал В.Лянгнер передал город Красной Армии на основе соглашения. Многие офицеры, полицейские, солдаты корпуса охраны пограничья были после взятия в плен расстреляны на месте, что являлось нарушением норм международного военного права.

Советское руководство, формально не объявляя Польше войны, на деле исходило из факта ее ведения и ликвидации Польского государства. Это отразилось в действиях СНК СССР и наркоматов. Еще в августе приказом Л.П.Берии за № 00931 был определен порядок оформления арестов военнопленных. В разгар военных действий, 19 сентября, аналогичным приказом за № 0308 было введено в действие Положение об управлении делами военнопленных при НКВД СССР, а 20 сентября 1939 г. Экономсоветом при СНК СССР было принято Положение о военнопленных. Оно четко определяло, что «военнопленными признаются лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, интернированные на территории СССР...».

Вопрос о судьбах Польского государства решался на двухсторонней советско-германской основе. Перед нападением на Польшу Гитлер предполагал после раздела ее территории создать в качестве буфера «остаточное Польское государство». Однако Сталин после вступления в военные действия решительно отвел эту идею — сначала, 20 и 25 сентября, через Шуленбурга, а затем в ходе переговоров 28 сентября 1939 г. заявив, что это неизбежно вызовет стремление польского народа «к национальному единству, что может привести к трениям между СССР и Германией». Гитлер отказался от этой мысли (см.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 81—82, 101, 124).

28 сентября 1939 г. был заключен договор о дружбе и границе между СССР и Германией, к которому прилагались один конфиденциальный и два секретных протокола. Договор закрепил раздел территории Польши, ликвидацию Польского государства и его армии. Были определены, в частности, взаимные обязательства по недопущению обеими сторонами «польской агитации, направленной на территорию другой стороны», принятие «соответствующих мер» и взаимное информирование о принятых мерах.

Советская оценка событий 17 сентября 1939 г. сочетала в то время декларирование «освободительного похода Красной Армии» с

целью защиты братского украинского и белорусского народов от немецкой агрессии и фактическое признание боевого взаимодействия с немецкими войсками. В заявлении В.М.Молотова на заседании Верховного Совета 31 октября 1939 г. говорилось: «...надо указать такой факт как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара со стороны германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»

Изложенные обстоятельства убедительно свидетельствуют, что сталинское руководство грубо нарушило Рижский мирный договор и договор о ненападении между СССР и Польшей 1932 г. Оно отвергло СССР в действия, которые подпадают под определение агрессии согласно конвенции об определении агрессии от 1933 г. Тем самым принципиально важные вопросы внешней политики СССР решались с прямым нарушением международного права. Это непосредственно отразилось на судьбах различных социальных групп польского общества. Действия в отношении польской армии и так называемых «польских военнопленных» были воплощением политики, выраженной в заявлении В.М.Молотова о советско-германских отношениях как о «дружбе, скрепленной кровью».

Все захваченные в ходе военных действий, защищавшие независимость своей страны, взятые с оружием в руках или безоружными, а также задержанные в результате проведенной органами НКВД регистрации офицеры, солдаты, сотрудники администрации и управления различного уровня, в том числе полицейские, пограничники, таможенники, судьи, прокуроры и другие, как взятые в плен, так и интернированные, были признаны военнопленными, что соответствовало фактическому признанию состояния войны.

Гагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., принятая по инициативе России и ратифицированная ею, содержит определяющие положения о том, кто признается воюющим, и о военнопленных: «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они — 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Также можно признать воюющим и население, которое берется за оружие при приближении неприятеля и соблюдает законы и обычаи войны... Вооруженные силы могут состоять как из сражающихся, так и несражающихся, и в случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных».

Правительство РСФСР заявило в 1918 г., не называя прямо Гагской конвенции, что будет соблюдать Женевскую конвенцию 1864 г. во всех ее позднейших редакциях, а также все другие международные конвенции, касающиеся Красного Креста и признан-

ные Россией до октября 1917 г. Правительство СССР впоследствии это неоднократно подтверждало (в 1925, 1927, 1931 гг.), неоднократно заявляло о признании конвенции 1929 г.

В статье 13 Приложения к Гаагской конвенции «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» говорится: «Лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к ее составу, как-то: газетные корреспонденты и редакторы, маркитанты, поставщики, когда они захвачены неприятелем и когда последний сочтет полезным задержать их, пользуются правами военнопленных...» Формулировка о полезности задержания определенных категорий гражданского населения позволила органам НКВД значительно расширить круг гражданских лиц, задержанных в связи с ведением военных действий в Польше и после них, признать этих лиц военнопленными и содержать в лагерях для военнопленных и в тюрьмах.

Согласно армейским приказам военнопленными считались все офицеры польской армии. Их предписывалось направлять в лагерь на территорию СССР, как гласила статья 3 приказа № 5 от 21 сентября 1939 г. командующего войсками Белорусского фронта. В статьях 4 и 5 этого приказа предлагалось направлять в лагерь военнопленных также всех обнаруженных в городах и сельской местности солдат бывшей польской армии, независимо от того, оказывали ли они сопротивление Красной Армии и имели ли при себе оружие. Об этом говорится в приказе командующего войсками Белорусского фронта № 6 от 21 сентября 1939 г. и др. В результате военнопленными стали не только интернированные, сложившие оружие по соглашению, предусматривавшему освобождение (например, гарнизон и защитники Львова), но и проходившие обучение, частично еще не вооруженные резервисты — запасники и даже отставники, в том числе инвалиды.

Принятое 20 сентября Положение о военнопленных предусматривало, что распоряжением Главного военного командования военнопленными могли быть признаны различные гражданские лица, «захваченные при военных действиях». Это положение противоречило Гаагской конвенции, значительно расширяя круг лиц, признаваемых военнопленными, а также ужесточало их содержание, ограничивало права военнопленных. В нарушение Гаагской конвенции могло быть задержано и признано военнопленным любое гражданское лицо. Согласно духу конвенции, на гражданских лиц не должны распространяться вытекающие из отнесения к категории военнопленных ограничения и обязанности. Эти гражданские лица должны наделяться только правами военнопленных. Между тем они оказались в лагерях НКВД.

В нарушение статьи 4 названного Приложения к Гаагской конвенции в статьях 16 и 17 Положения о военнопленных ограничивались суммы наличных денег, которые военнопленный мог иметь на руках. По решению администрации лагерей излишек изымался и сдавался в сберкассы, а в дальнейшем выдавался по решению ад-

министрации. Статья 21 Положения о военнопленных в нарушение статьи 6 Приложения к Гаагской конвенции предусматривала привлечение военнопленных офицеров к работам.

В статьях 8, 12 Положения Гаагской конвенции говорилось, что военнопленные обязаны подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся. Всякое неповиновение с их стороны давало право на применение к ним «необходимых мер строгости». Лица же, бежавшие из плена, могли быть даже подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Судебная ответственность предусматривалась в единственном случае — если военнопленный, отпущенный из плена под честное слово, снова брал в руки оружие и воевал против правительства, «перед коим он обязался честью, или против союзников последнего». Он терял права, предоставленные пленным, и мог быть предан суду. Таким образом, статус военнопленного по Гаагской конвенции предусматривал уголовную ответственность только в исключительном случае. В нарушение этих положений конвенции советское Положение о военнопленных предусматривало в статьях 27, 29, 30 уголовную ответственность за все воинские преступления, общеуголовные преступления, включая и исключительную меру наказания — смертную казнь.

Положение военнопленных регулировалось не армией, а НКВД. Установление правовых основ их содержания и дальнейшее решение их судеб изначально определялось при помощи нормативных актов НКВД. Уже с 17 сентября задача охраны и конвоирования польских военнопленных, принимаемых от армейских частей, была возложена на конвойные войска НКВД. С 22 сентября была развернута система лагерей.

С самого начала производилась тщательная селекция контингента спецлагерей, предполагавшая дифференцированный подход к их будущему. По представлению Л.П.Берии и Л.З.Мехлиса 2 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О военнопленных», которое предписывало сосредоточить офицерский состав, крупных военных и государственных чиновников в Старобельском лагере Ворошиловградской области, а служащих аппарата управления — полицейских, жандармов, тюремщиков, а также разведчиков и контрразведчиков — в Осташковском лагере Калининской области. Рядовые и младший командный состав с отошедшей к Германии части Польши концентрировались для обмена военнопленными с немцами в Козельском и Путивльском лагерях, около 25 тысяч оставалось для строительства дороги Новгород-Волынский—Львов до декабря 1939 г. Солдат, призванных с территории Западной Белоруссии и Западной Украины, предписывалось отпустить по домам.

Л.П.Берия конкретизировал поставленные перед Осташковским и Старобельским лагерями задачи в своих приказах начальнику УНКВД по Калининской области Д.С.Токареву и начальнику Осташковского лагеря П.Ф.Борисовцу № 4445/6 от 3 октября 1939 г.

(т. 8. Л.д. 119—120) и начальнику Ворошиловградского УНКВД и Старобельского лагеря А.Г.Бережкову — № 4446 от 3 октября 1939 г. (т. 20. Л.д. 42—43), подчеркнув особую важность изоляции офицеров, полицейских и других выделенных в спецлагеря категорий военнопленных. Директива Л.П.Берии от 8 октября 1939 г. гласила, что эти лица не подлежат освобождению ни при каких обстоятельствах. Это противоречило Приложению к Гаагской конвенции, предписывающей освобождать военнопленных после окончания военных действий.

Директива детализировала функции особого отделения лагеря — «оперативно-чекистское обслуживание». Начальники особых отделений лагерей подчинялись начальникам особых отделов соответствующих военных округов, наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам управлений НКВД. В задачи особых отделений входили создание агентурно-осведомительной сети для выявления «контрреволюционных формирований и настроений», аресты военнопленных (с санкции начальника особого отдела и военного прокурора соответствующего округа), с последующим ведением следствия по делам «контрреволюционных групп и одиночек — шпионов и диверсантов, террористов и заговорщиков» особыми отделами. Приказы Л.П.Берии по содержанию военнопленных конкретизировал, дополнял и организовывал их исполнение начальник Главного управления по делам о военнопленных (и интернированных) П.К.Сопруненко. Из его распоряжений усматривается, что он принимал решения о размещении и перемещениях прибывавших и переполнивших Старобельский лагерь военнопленных, офицеров и государственных чиновников. Распоряжением от 22 октября 1939 г. № 2066422 (т. 8. Л.д. 229—230) П.К.Сопруненко предписывал: «Офицеров без моего распоряжения никуда не отправлять. Вопрос о них решится в ближайшее время». 25 октября 1939 г. за № 2066565 (там же. Л.д. 231) он приказал начальникам Осташковского, Вологодского, Грязовецкого, Оранского и Южского лагерей, где временно содержались офицеры и другие категории военнопленных, направить «офицеров, крупных военных и государственных чиновников в Козельский лагерь...». «Учитывая всю серьезность этих контингентов военнопленных, — инструктировал П.К.Сопруненко начальника Старобельского лагеря А.Г.Бережкова и начальника Козельского лагеря В.Н.Королева, — ...надлежит установить порядок, при котором исключалась бы всякая возможность побега из лагеря» (т. 7/43. Л.д. 43—44).

По данным «Красной Звезды», в плен было взято более 230 тыс. поляков. В.М.Молотов 31 октября 1939 г. назвал цифру около 250 тыс. человек. По данным конвойных войск — 226397 человек. После проведенной регистрации в тюрьмы было заключено более 20 тыс. лиц аналогичных пленным категорий: более 1200 офицеров, более 5 тыс. полицейских и жандармов и т.д.

Согласно справке П.К.Сопруненко от 3 декабря 1941 г. (обновленной в декабре 1942 г.), в лагерях НКВД всего содержалось

130242 военнопленных и доставленных из Прибалтики интернированных. В 1939 г. было отпущено 42400 жителей западных областей Украины и Белоруссии, Германии передано 42492 человека — «изъявивших согласие выехать на оккупированную немцами территорию... жителей территории Польши, отошедшей к Германии». Следующая глухая графа справки — «Отправлено в распоряжение УНКВД в апреле—мае 1940 г. (через 1-й спецотдел) 15131 человек» — определяла количество военнопленных, содержащихся до этого времени в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях (т. 8. Л.д. 344—345).

По выявленным данным, на 29 декабря 1939 г. в них из 15105 человек офицеров было несколько больше половины (56,2%), из их числа армейские офицеры кадрового состава составляли 44,9%, офицеры запаса — 55% (т. 3/39. Л.д. 199 и др.). Остальные 650 — отставники. В результате всеобщей регистрации и задержания всех военных в их числе оказались три инвалида без руки или без ноги.

Большинство офицеров составляли офицеры запаса, в основном проходившие срочное обучение в лагерях после мобилизации. Это были люди массовых гражданских профессий — многие сотни учителей, инженеров, врачей, юристов, священников. Среди них были журналисты, писатели и поэты, общественные и политические деятели. Здесь были десятки профессоров и доцентов высших учебных заведений, ученых с мировой славой — призванный на защиту Отечества цвет польской интеллигенции, польского народа.

Значительную часть обитателей лагерей составляли гражданские лица, также зачисленные в военнопленные. Во время немецкого наступления государственные служащие, чиновники всех уровней управления, местная администрация, полиция эвакуировались на восток страны. Известны предписания польской администрации об их явке в распоряжение советских частей (см.: *Zbrodnia kатыńska: Droga do prawdy*. Warszawa, 1992). После задержания их отправляли в лагерь военнопленных или тюрьмы. Наиболее массовую категорию из них составляли полицейские. Другие обычно перечисляемые для «классовой оценки спецконтингента» категории по статистике выглядят весьма скромно: на 26 декабря 1939 г. во всех трех лагерях было 5 разведчиков, 27 помещиков, 27 осадников, 6 «активных членов антисоветских партий» и т.д. (т. 3/39. Л.д. 180). Режим трех лагерей со «спецконтингентом» далеко не во всем соответствовал международным правилам содержания военнопленных. Несмотря на окончание военных действий, вопрос об освобождении и репатриации военнопленных из трех лагерей не решался. Действовала противоречащая нормам международного права система допросов и репрессивных мер. Это вызвало многократные обращения с запросами кадровых офицеров из Старобельского лагеря (осенью 1939 г. — генерала Ф.Сикорского на имя В.М.Молотова с попытками перевести вопрос о статусе и содержании польских военнопленных на уровень международного права, их освобождения; в на-

чале января 1940 г. — военного юриста полковника Э.Ю.Саского и группы полковников на имя начальника лагеря с просьбой выяснить позицию советского правительства в отношении статуса задержанных: являются ли они военнопленными, арестованными или интернированными). Помимо ряда бытовых вопросов, поднимались проблемы соблюдения прав военнопленных: права обращения к посольству того иностранного государства, которое взяло на себя защиту интересов польских граждан, возможности действовать через Красный Крест, опубликования списка военнопленных, освобождения отставников и офицеров запаса, которые не были призваны и не участвовали в войне, старых и больных и т.д. (т. 13/49. Л.д. 186—190). Вопрос об уточнении своего правового положения офицеры-военнопленные ставили и в Козельском лагере (см. дневник В.Вайды: *Pamiętniki znalezione w Katyniu*. Paris—Warszawa, 1990. S. 151).

В ответ на запрос начальника Старобельского лагеря от 4 ноября 1939 г. П.К.Сопруненко и начальник учетного отдела И.Б.Махлярский разъяснили, что Женевская конвенция 1929 г. о военнопленных «не является документом, которым вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам военнопленных» (т. 7/43. Л.д. 57). Как известно, входивший в Лигу Наций СССР должен был соблюдать международные конвенции.

С завершением комплектования состава лагерей в ноябре 1939 г. режим в них стал еще более жестким, особенно после введения в действие приказом Л.П.Берии от 19 ноября 1939 г. «Временной инструкции о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР» (т. 3/52. Л.д. 62—76).

Одновременно органы НКВД активизировали свою работу на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины «в целях быстрейшего очищения от враждебных элементов» согласно приказа замнаркома внутренних дел СССР В.Н.Меркулова от 5 ноября 1939 г. за № 001353. Силами НКВД БССР и УССР проводились выявление, а затем аресты чиновников местных органов управления, служащих и чинов полиции, суда и прокуратуры, работников образования, священнослужителей и т.д. Они квалифицировались как агенты, провокаторы, диверсанты, резиденты, участники различных контрреволюционных организаций, содержатели конспиративных квартир, контрабандисты, разведчики, контрразведчики и т.п. Эта кампания приобрела столь массовый характер, что местные тюрьмы и лагеря вскоре были переполнены. Оперативные органы НКВД стали пересылать часть «следственного контингента» в лагерь для военнопленных, поскольку среди этих лиц были задержанные, в том числе содержащиеся в больницах больные и раненые офицеры, офицеры запаса и отставники, а в их числе — не призывавшиеся в армию и не участвовавшие в боевых действиях. При аресте на них, как и на гражданских лиц (чиновников адми-

нистрации — воеводских, т.е. областных, и повятовых, т.е. уездных, управлений, бургомистров, почтовых чиновников, прокуроров и судей, помещиков и др.), задержанных по «классовым мотивам», заводились дела с общим обвинением в «совершении контрреволюционных преступлений», но без указания на конкретные преступные действия. Как известно, содержание офицеров в следственных тюрьмах не соответствует международному праву.

П.К.Сопруненко ходатайствовал перед Л.П.Берией и его заместителями, чтобы арестованные «по классовым мотивам» не направлялись в лагеря. Как следует из его отношения на имя Л.П.Берии от 29 декабря 1939 г., он настаивал на их возвращении «по месту ареста», чтобы эти дела были там «закончены» (т. 13/49. Л.д. 27). Заместитель наркома внутренних дел В.В.Чернышев издал специальный приказ, запретивший пересылку арестованных в Западной Белоруссии и на Западной Украине без согласования с соответствующим управлением НКВД (там же. Л.д. 34).

Как следует из записки НКВД СССР И.В.Сталину от марта 1940 г., к тому моменту в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии содержалось 18632 арестанта, из которых 10685 составляли поляки, а количество офицеров достигало 1207 человек.

С ноября 1939 г. в лагерях широко развернулась работа особых отделений. По указанию особых отделов военных округов арестовывались и направлялись в их распоряжение, в тюрьмы польские военнопленные, другие переводились из тюрем в лагеря. Дела рассматривались военным трибуналом армий (т. 3/39. Л.д. 87, 89, 95, 114; т. 6/42. Л.д. 46 и др.).

Заместитель начальника особого отдела Главного управления государственной безопасности обращался 23 декабря 1939 г. к заместителю наркома В.В.Чернышеву с предложением переслать поступивших ранее из тюрем Тарнополя и Станиславова на Западную Украину, в распоряжение соответствующих УНКВД «для дальнейшего следствия и привлечения виновных к ответственности» (т. 3/39. Л.д. 94—95). Аналогичным образом военнопленные передавались в особый отдел в Калинин (там же. Л.д. 96). Гарантированное международными конвенциями право на защиту, на участие в рассмотрении дела представителями государства-опекуна, на трехнедельный срок с момента его информирования о вынесении приговора о высшей мере наказания (Женевская конвенция 1929 г.) не соблюдалось.

Наиболее суровым был режим содержания в Осташковском лагере, где были сконцентрированы военнопленные — гражданские «классово чуждые элементы».

Работники Управления НКВД СССР по делам военнопленных занялись в этом лагере не только и не столько учетом, сколько подготовкой следственных дел для передачи на особое совещание. С начала декабря эта работа велась с большой интенсивностью, до поздней ночи, и была ориентирована на сжатые сроки (до конца января). Дела составлялись по упрощенной схеме, вместо анкеты

арестованного на бланках опросных листов, при этом особое внимание уделялось заполнению дополнительного листа, где выяснялся вопрос об участии в войне 1920 г., сообщались сведения о родственниках и месте их проживания (т. 7/43. Л.д. 156).

На 30 декабря следственная группа из 14 человек оформила 2000 дел и 500 из них отправила на особое совещание (т. 3/39. Л.д. 57).

Для текущего рассмотрения дел была выработана процедура, которая просматривается на оформлении дела № 649 полицейского С.Олейника. На едином, унифицированном бланке, свидетельствующем о массовом, поточном оформлении дел, по статье 58, пункт 13 УК РСФСР 1929 г. ему вменялась в вину «активная борьба против революционного движения», без конкретизации состава преступления. Дело было рассмотрено начальником особого отдела НКВД 7-й армии 29 декабря 1939 г. с постановлением направить на рассмотрение особого совещания при НКВД СССР и утверждено начальником Осташковского лагеря 6 января 1940 г. Олейник получил срок, но вскоре был расстрелян (там же). В тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии применялись аналогичные статьи республиканских кодексов (см. дело Ю.Чурека по статье 54-13 УК УССР: там же. Л.д. 128). Применялись и другие пункты статьи 58 УК РСФСР. Например, С.Свяневичу инкриминировался пункт 6 той же статьи (шпионаж).

31 декабря 1939 г. Л.П.Берия направил директиву за № 5866/6 П.К.Сопруненко и начальнику УНКВД по Калининской области Д.С.Токареву об ускорении подготовки на особое совещание следственных дел «на всех военнопленных — полицейских», чтобы в течение января оформление дел было закончено.

В начале февраля 1940 г. в Управлении НКВД СССР по делам о военнопленных был выработан порядок прохождения дел при «убытии» военнопленных. По инструкции от 8 февраля 1940 г., если они отбывали «одиночками или группами (в том числе после рассмотрения их дел Особым совещанием при НКВД)», карточки на них высылались в управление (там же. Л.д. 68).

Масштабы селективно-репрессивных акций были столь велики, что не хватало лагерей и тюрем для размещения задержанных и арестованных. Обстановка осложнялась тем, что остро стоял вопрос о принятии новых контингентов жителей Западной Белоруссии и Западной Украины, в том числе поляков, передаваемых из Литвы и Латвии, Германии, Венгрии, Словакии, о чем Л.П.Берия непосредственно сносился со Сталиным. Еще 9 ноября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О пропуске в СССР интернированных в Литве военнослужащих бывшей польской армии». Однако его выполнение затянулось до лета 1940 г.

Намерения в отношении сосредоточенных в лагерях военнопленных определились с самого начала. Не менялось стремление не распускать по домам, а изолировать как командный состав армии, включая офицеров запаса и отставников, так и чиновников аппара-

та управления различных уровней. Решив свои ведомственные оперативные задачи (интересы наркомата в основном сводились к допросам, вербовке и защите агентуры), руководство НКВД с логической неизбежностью приближало ликвидацию военнопленных как людей, на которых опиралась польская государственность и которые не собирались смириться с оккупацией своей страны, стремясь к возрождению Польши.

Кроме того, нагромождение внутри- и внешнеполитических проблем подталкивало к ускорению отработанной на советских гражданах практики массовых репрессий. Вопрос о судьбах узников трех лагерей польских военнопленных и следственных тюрем не предполагал политического решения, был как бы предreshен «ликвидацией» Польского государства и его армии, низведен до ведомственной проблемы НКВД. Перевод в русло привычных репрессий был делом времени и технического оформления соответствующего решения. В СССР реализовался курс на уменьшение бюджетных ассигнований, на сокращение централизованно снабжавшихся контингентов населения. В НКВД проводилась кампания по увеличению рентабельности лагерей. Если рядовой и младший командный состав польской армии отбывал трудовую повинность в лагерях Наркомчермета, на строительстве дорог и т.п., то в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях привлечение к работам ограничивалось в основном рамками самообеспечения лагерей. Содержание в них военнопленных было, естественно, убыточным и обременяло народное хозяйство дополнительными затратами. Доклад руководства Осташковского лагеря (П.Ф.Борисовца и И.А.Юрасова) П.К.Сопруненко подтверждает внимание Управления к этой проблеме и ее остроту (т. 11/47. Л.д. 118—122).

Новых помещений и трат требовало размещение в лагерях военнопленных в связи с советско-финской войной 1939—1940 гг.

Выискивая возможности для «разгрузки» переполненных лагерей, П.К.Сопруненко 20 февраля 1940 г. обратился к Л.П.Берии с предложением мер в отношении Старобельского и Козельского лагерей, охватывающих 1100—1200 человек (т. 13/49. Л.д. 44—45). Он выступил с инициативой «оформить дела для рассмотрения на Особом совещании при НКВД» на «около 400 человек» аналогичного с Осташковским лагерем контингента — пограничников, судейско-прокурорских работников, помещиков, офицеров информации и разведки и др. Тяжело больных, а также достигших 60-ти лет из числа офицеров он предлагал распустить по домам (около 300 человек), та же мера предлагалась в отношении офицеров запаса — жителей западных областей Белоруссии и Украины — 400—500 агрономов, врачей, инженеров, техников, учителей, на которых «не было компрометирующих материалов». Подготовку дел на особое совещание П.К.Сопруненко считал желательным провести в НКВД БССР и УССР, а «в случае невозможности сосредоточить всех перечисленных в Осташковском лагере, где и вести следствие».

Л.П.Берия вызвал в связи с предложением П.К.Сопруненко В.Н.Меркулова, который и дал 22 февраля директиву 641/б. В ней говорилось: «...По распоряжению народного комиссара внутренних дел тов. Берия предлагаю всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за органами НКВД.

Все имеющиеся на них материалы передать в следственные части УНКВД для ведения следствия» (т. 3 /39. Л.д. 136).

Дальнейшие указания о порядке прохождения этих дел должны были быть даны дополнительно. Таким образом, разбор дел «классово чуждых элементов» ускорился во всех трех лагерях, шли поиски оптимальной, с точки зрения руководства НКВД, процедуры. Распоряжение В.Н.Меркулова было продублировано П.К.Сопруненко и комиссаром Управления С.В.Нехорошевым 23 февраля 1940 г. (т. 10/ 46. Л.д. 141—142), принято к исполнению. Маховик репрессий продолжал раскручиваться.

Из самой формулы дополнительных указаний следовало, что практика пропуска дел через особые совещания, уже распространенная на дела из Осташковского лагеря, ставилась под сомнение.

Институт особых совещаний, созданный постановлением Президиума ЦИК СССР в 1934 г., с последующими дополнениями, был внесудебным, с правом рассматривать дела о так называемых контрреволюционных преступлениях и назначать за них высшую меру наказания — расстрел. Как особые совещания при НКВД, так и другие внесудебные органы, в том числе так называемые «тройки», позволили придать репрессиям еще более массовый характер. В 1938 г. были приняты меры для определенного упорядочения этого процесса. Приказом НКВД СССР от 27 мая 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» был сохранен единый внесудебный орган — особое совещание при НКВД СССР, рассмотрения же дел «тройками» уже не предусматривалось.

В 1940 г. Особое совещание возглавлял Л.П.Берия. Однако даже упрощенная процедура особого совещания требовала проведения предварительного следствия, предъявления обвинения, составления обвинительного заключения, слушания дела, на котором должны были присутствовать нарком внутренних дел СССР или его заместитель, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции, нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело, а также обязательно — прокурор СССР или его заместитель, с правом принесения протеста в Президиум ЦИК СССР. Это не только затягивало процесс «разгрузки» лагерей, принимавшей крупные масштабы, но и препятствовало сохранению тайны, так как эта процедура выводила дело за ведомственные рамки НКВД и его решение могло быть опротестовано. Определенные трудности возникли бы с составлением обвинительных заключений, предъявлением обвине-

ний и т.п. при оформлении дел на военнослужащих, являвшихся гражданами другого государства, хоть и объявленного несуществующим (на 28 декабря 1939 г., то есть после обмена пленными с Германией, 68,3% офицеров из Козельского и Старобельского лагерей были призваны с территорий, занятых немцами, так же, как и 58,3% других категорий военнопленных из трех лагерей. См.: т. 3/39. Л.д. 167). Не могли не вызвать вопросов мотивы массового репрессирования лиц гражданских профессий, самого пестрого социально-профессионального и возрастного состава.

Наконец, самое главное — репрессирование военнопленных было явным нарушением международного права и влекло за собой ответственность. В статьях 4, 7 Приложения к Гаагской конвенции указывалось: «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся...» Соблюдение даже такой видимости законности, какой было особое совещание, могло привести к просачиванию информации о вопиющем беззаконии — репрессировании военнопленных, мощным резонансом отозваться внутри страны и за ее пределами.

В течение двух недель был найден по согласованию со сталинским руководством упрощенный вариант процедуры, являвшийся возвращением к отработанной на сотнях тысяч советских граждан практике «троек», на базе внутренних структур НКВД, без предъявления обвинения и суда. Формально имеющий вид соблюдения хотя бы минимума законности, этот путь позволял ограничиться общим, огульным определением вины и наказания, совершить массовое убийство руками сотрудников НКВД СССР и УНКВД областей.

Направленная И.В.Сталину в начале марта записка Л.П.Берии в констатирующей части перечисляла по категориям всех содержащихся в трех лагерях военнопленных, в количестве 14736 человек, и арестованных, находившихся в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины, в количестве 18632 человек, с указанием, что поляки составляют из них большую часть — 10685 человек. В их адрес формулировалось общее обвинение, созвучное статье 58, пункту 13 УК РСФСР 1929 г., что «все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти», «заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Им приписывались соответствующие активные действия: «Военнопленные офицеры и полицейские пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Белоруссии и Украины вскрыт ряд к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций. Во всех этих к[онтр]р[еволюционных] организациях активную руко-

водящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы» (т. 115. Л.д. 13—16).

Специально указывалось, что среди содержащихся в трех лагерях поляков было 97%, среди находившихся в тюрьмах — значительно больше половины (57,3%, в то время как поляки составляли около $\frac{1}{3}$ населения Западной Белоруссии и Западной Украины). Из этого следовало, что принадлежность к польской национальности рассматривалась как обстоятельство, влекущее за собой негативные последствия само по себе.

Рассмотрение причин и мотивов репрессирования показывает, что решался вопрос о лицах, большинство которых согласно международному праву должно было быть после окончания вооруженных действий распущено по домам. Однако сталинское руководство задержало в лагерях и тюрьмах значительную часть польского офицерского корпуса и административно-управленческого аппарата со всех территорий «ликвидированного» Польского государства и было связано договоренностью с германскими властями о противодействии польскому освободительному движению (см. секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г.). Освобождение этого контингента никак не входило в планы НКВД и сталинского руководства прежде всего из-за его противостояния сталинской политике в отношении Польши.

Документы, содержащиеся в деле, показывают, что именно это было основной чертой поведения польских военнопленных, а не «закоренелая враждебность к советскому строю», к советской власти.

Как следует из донесений, рапортов и докладов, настроения военнопленных контролировались постоянно и тщательно. В докладе руководителя опергруппы НКВД СССР Трофимова Л.П.Берии от 20 октября 1939 г. (т. 106. Л.д. 58—69) подчеркивалось, что «подавляющее большинство военнопленных офицеров открыто резко враждебно настроено по адресу Германии и скрыто враждебно по отношению к СССР». В Старобельском лагере, по данным его руководства, они заявляли: «От одних врагов бежали, к другим попали»; «советское правительство проводит такую же агрессивную политику, как и Германия». Четко было выражено стремление прогнать немцев и возвратиться домой (т. 20. Л.д. 46—73). Через пять месяцев, 27 марта 1940 г., заместитель начальника отдела Главного экономического управления НКВД Безруков сообщил начальнику ГЭУ Б.З.Кобулову о тех же, стойко сохранявшихся в лагере настроениях: «Настроение среди большинства военнопленных враждебное, хотя внешне они и держат себя спокойно. Агентура сигнализирует о том, что поляки считают, что "союзники победят, Германия будет поделена и Польша восстановлена"» (т. 3/39. Л.д. 110). Поскольку среди пленных распространилось представление, что их скоро освободят, они, настроившись на отказ от выезда в оккупированную Германией Польшу, планировали переброску на Ближний Восток, чтобы продолжить борьбу с немцами.

В Козельском лагере также, согласно донесениям, «офицеры в большинстве своем настроены патриотически», они заявляли, что «Польша еще не погибла», к вступлению Красной Армии на территорию Польши относились негативно и считали это агрессией. Высказывали удивление по поводу расстрелов таких видных военных деятелей, как М.Н.Тухачевский (т. 11/47. Л.д. 285—296). В ответ на проводимую агитацию некоторые из них выражали готовность сотрудничать в антигитлеровской борьбе.

В Осташковском лагере было сильно пассивное сопротивление: агентура доносила, что военнопленные «уклоняются от бесед, ссылаясь на непонимание языка, уклоняются от работ, требуя выдачи фуфаек, высказывают недовольство качеством пищи и режимом содержания» (т. 11/47. Л.д. 7—20).

Эти настроения, оцениваемые как антисоветские, контрреволюционные, преобладали, несмотря на интенсивную политико-просветительную работу, привлечение средств наглядной агитации, показ кинофильмов, прославляющих советский образ жизни, чтение лекций как сотрудниками лагерей, так и представителями местного партийно-государственного актива. Агитационно-пропагандистская работа создавала необходимый фон для реализации плана агентурно-оперативных мероприятий по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям военнопленных, утвержденному Л.П.Берией 27 октября 1939 г. с резолюцией: «Не разбрасываться. За многими не гнаться». Предписывалось: «Вызовы военнопленных как для предварительной беседы, так и в дальнейшем для вербовки оставлять таким образом, чтобы исключить расшифровку проводимой работы... В случае срыва вербовки военнопленного в общежитие не допускать, изолировав его под благовидным предлогом...» (т. 106. Л.д. 70—73).

Специальные уполномоченные и опергруппы искали в лагерях симптом «контрреволюционной деятельности». Так, 25 ноября опергруппа докладывала Л.П.Берии, что ей удалось найти в Старобельском лагере «антисоветскую организацию военнопленных офицеров» — «офицерское подполье»: «Популярное дело создания культурно-просветительных кружков было успешно использовано для создания подпольной организации». Подвергшийся резкой критике комиссар М.М.Кишин отчитывался о налаживании сыскной работы в лагере в докладной записке о состоянии режима — об обнаружении группы, созданной «с целью проведения контрреволюционной работы под видом культпросветработы», ее филиала «под названием "Касса взаимопомощи"», о попытках организации молебна, развешивании крестов и икон, о беседах на темы «Экономика Польши», «О пчеловодстве», «Зоология», «Ботаника», о лекции «Психология плена». 24 декабря 1939 г. было выслезено совещание десяти человек, на котором «обсуждался вопрос о международном положении и мерах восстановления бывшего польского государства. Материалы об этом факте переданы О[собому] О[тделению] для дальнейшей разработки». Аналогичная информация касалась встре-

чи группы военнопленных в общежитии, где «произносились контрреволюционные речи в защиту б[ывшей] Польши, б[ывшего] правительства и т.д.» (т. 7/43. Л.д. 245—247).

Записка Л.П.Берии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину содержала проект постановления Политбюро, который был автоматически превращен в постановление с датой 5 марта 1940 г., внесенное в протокол как «Вопрос НКВД СССР» под номером 144. На записке были собственноручные (подтвержденные графологической экспертизой) визы Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна и пометка «т. Калинин — за, т. Каганович — за» (т. 115. Л.д. 13—16). Подлинность записки и постановления Политбюро от 5 марта 1940 г. была подтверждена почерковедческой и криминалистической экспертизами.

НКВД СССР получал указание рассмотреть дела о находившихся в лагерях 14.700 польских военнопленных и содержащихся в тюрьмах 11.000 поляков (количество давалось округленно) «без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения» — на основании справок Управления по делам военнопленных НКВД СССР и справок из дел, предоставляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

Рассмотрение дел и вынесение решений возлагалось постановлением на «тройку» в составе руководящих работников НКВД СССР — заместителей наркома В.Н.Меркулова и Б.З.Кобулова, а также начальника 1-го спецотдела Л.Ф.Баштакова. Однако как рассмотрение дел, так и вынесение решений превращалось в чисто техническую ведомственную операцию, поскольку постановление предписывало «рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела».

Это надправовое решение придавало минимальную видимость законности в глазах исполнителей расстрелов, поскольку об этом никто другой не должен был знать, так как акция проводилась в строжайшей тайне. Она была сугубо внутриведомственным делом, сведенным до технической процедуры исполнения. Сам состав «тройки», в которой Л.П.Берия был заменен Л.Ф.Баштаковым, занимавшимся оформлением документации на расстрелянных, говорит о снижении ее ведомственного уровня на порядок даже по сравнению с особым совещанием. По запросу заместителя начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР И.И.Хохлова от 11 марта 1940 г. со сроком исполнения 15 марта был составлен список содержащихся в лагерях священнослужителей (т. 3/39. Л.д. 102—103), которые были вывезены из лагерей и расстреляны. В Смоленске, по показаниям П.Ф.Климова, они расстреливались в подвале УНКВД (т. 15. Л.д. 82).

На основании постановления от 5 марта 1940 г. Сопруненко формировал в апреле—мае 1940 г. из военнопленных команды по 90—260 человек, на которых оформлял списки-предписания (с единой нумерацией для всех трех лагерей) с приказами начальникам лагерей отправлять их в УНКВД Смоленской, Калининской и

Харьковской областей (т. 6/42. Л.д. 112, 113; т. 7/43. Л.д. 104—107; т. 11. Л.д. 1—361 и др.).

С 1 апреля по 19 мая 1940 г. на основании составленных П.К.Сопруненко и его заместителем И.И.Хохловым списков из лагерей военнопленных железнодорожным транспортом под охраной конвоиров 236-го полка конвойных войск НКВД СССР (т. 1/50. Л.д. 9—370) во внутренние тюрьмы НКВД и на станцию Гнездово под Смоленском, в Катынский лес отправлялись команды военнопленных.

Расстрелы осуществлялись во внутренних тюрьмах УНКВД в специально оборудованных помещениях вечером и по ночам, поодиночке, в Катынском лесу — днем, партиями. Расстрелами и захоронениями поляков занимались сотрудники комендантской службы, тюремные надзиратели и водители УНКВД названных областей.

Вся непосредственная работа по отправке военнопленных на расстрел контролировалась Управлением по делам военнопленных НКВД СССР и лично П.К.Сопруненко и И.И.Хохловым, которые требовали неукоснительного соблюдения секретности и точности при отправке военнопленных в соответствии со списками-предписаниями, а также систематических докладов о ходе разгрузки лагерей (т. 11/47. Л.д. 118—122; т. 8. Л.д. 332; т. 7. Л.д. 227, 237; т. 7/43. Л.д. 103—107; т. 10/46. Л.д. 261—263; т. 20. Л.д. 39—40, 71—73, 117—118, 119). П.К.Сопруненко, в свою очередь, еженедельно составлял для отчета перед руководством НКВД СССР о проведении операции сводки о наличии военнопленных в лагерях НКВД и справки о прохождении дел (т. 10/46. Л.д. 243—335). После завершения операции по указанию П.К.Сопруненко и С.В.Нехорошева значительная часть документации о военнопленных для сокрытия факта расстрела была сожжена (т. 7/43. Л.д. 109, 151—152). Поскольку в лагерь продолжала поступать корреспонденция и запросы от родственников расстрелянных поляков, было предписано возвращать их «за ненахождением адресата» (т. 13/49. Л.д. 250; т. 10/46. Л.д. 152).

Согласно записке КГБ при СМ СССР за подписью председателя КГБ А.Н.Шелепина от 3 марта 1959 г. всего было расстреляно 21.857 человек «лиц бывшей буржуазной Польши», в том числе в Катынском лесу (военнопленных из Козельского лагеря) — 4.421 человек, из Старобельского лагеря — 3.820 человек, из Осташковского лагеря — 6.311 человек (как место расстрела указывались лагеря). 7.305 человек были расстреляны в «лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии» (т. 115. Л.д. 17—19).

Допрошенный в качестве свидетеля А.Н.Шелепин подтвердил подлинность записки и фактов, изложенных в ней.

Эти данные не совпадают с отчетными данными лагерей в сторону повышения численности расстрелянных.

При подсчете общего количества расстрелянных во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. наиболее точными следует считать итоговые данные А.Н.Шелепина.

П.К.Сопруненко, допрошенный в качестве свидетеля с применением видеозаписи, подтвердил, что он был лично ознакомлен с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных. Претворяя это решение в жизнь, он руководил всей отправкой польских военнопленных в распоряжение УНКВД Харьковской, Смоленской и Калининской областей. Расстрелянных захоронили на территории дачных участков УНКВД указанных областей (т. 14. Л.д. 210—236).

Аналогичные показания дал бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С.Токарев, который, кроме того, пояснил, что в Калинин для организации расстрелов приезжали комендант НКВД СССР В.М.Блохин, начальник штаба конвойных войск НКВД комбриг М.С.Кривенко и начальник транспортного управления НКВД СССР С.Р.Мильтштейн. К участию в расстрелах привлекались сотрудники комендантской службы, надзиратели внутренней тюрьмы и водители УНКВД Калининской области. Военнопленных расстреливали в подвальном помещении внутренней тюрьмы УНКВД Калининской области ночью, по одному, выстрелом в затылок из немецкого пистолета «Вальтер». Трупы захоронили на дачном участке УНКВД в поселке Медное Калининской области (т. 21. Л.д. 148—167).

Свидетель М.В.Сыромятников, служивший старшим по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской области, показал, что в мае 1940 г. в тюрьму привезли большое количество польских военнопленных, которых расстреливали по ночам, а затем вывозили хоронить в район дач УНКВД (т. 4. Л.д. 84—92; т. 22. Л.д. 38—45; т. 24. Л.д. 38—45). Работавший надзирателем в тюрьме УНКВД по Смоленской области К.Е.Бороденков также показал, что из разговоров с сослуживцами И.А.Гвоздовским, И.И.Стедьмахом, И.М.Сильченковым, И.И.Грибовым в 1940 г. ему стало известно, что они расстреливали польских военнопленных и захоронили их в лесу в Козьих горах (в Катынском лесу) (т. 16. Л.д. 13—14).

Аналогичные показания о расстрелах весной 1940 г. польских военнопленных дали свидетели И.И.Титков (т. 16. Л.д. 5—7, 62—76), И.Ноздрев (т. 14. Л.д. 103—107; т. 16. Л.д. 43—61), П.Ф.Климов (т. 16. Л.д. 35—38), И.И.Дворниченко (т. 1. Л.д. 61—62; т. 19. Л.д. 28—33) и другие.

Проведенными в 1991 г. эксгумациями на территориях дачных поселков УКГБ по Калининской (Тверской) области (Медное), Харьковской области (д. Пятихатки) и Смоленской области (Катынский лес) подтверждается, что там имеются массовые захоронения польских военнопленных, убитых выстрелом в затылок (т. 31, 102).

Расхождения в цифрах в постановлении Политбюро и записке А.Н.Шелепина в сторону снижения с 11.000 человек до 7.305 человек, видимо, объясняются тем, что почти одновременно с подготовкой на Политбюро «Вопроса НКВД СССР» Л.П.Берия подписал приказ об отправке из тюрем Западной Белоруссии и Западной Ук-

раины после осуждения особым совещанием НКВД «перебежчиков» (то есть беженцев с занятых немцами польских территорий или перемещавшихся в зоне новой границы, или пытавшихся пробраться на территорию Венгрии, Румынии и Литвы местных жителей) в Севвостлаг НКВД (г. Владивосток). Согласно циркуляра временно исполняющего обязанности начальника конвойных войск НКВД Кривенко от 2 марта 1940 г., предполагалось сформировать 6—8 эшелонов численностью по 1000—1500 человек — отправить таким образом «для отбытия срока наказания» через ГУЛАГ 6—12 тыс. человек.

Вслед за постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) В.П.Меркулов 7 марта 1940 г. издал приказ № 00308, предписывавший организовать при помощи оперативных «троек» массовый вывоз (депортацию) семей всех обозначенных в записке Л.П.Берии категорий лиц, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, а также поляков из тюрем и лагерей Западной Украины и Западной Белоруссии (т. 116).

Массовое умерщвление польских граждан держалось в строгой тайне. Однако после нападения Германии на СССР международная ситуация изменилась, были восстановлены советско-польские отношения и по соглашению 30 июля 1941 г. предполагалось создать на территории СССР польскую армию. В СССР было объявлено об амнистировании польских граждан. Немедленно встал вопрос о местонахождении польских офицеров. Польское правительство в изгнании генерала Вл.Сикорского настойчиво пыталось вести их поиск. В Москву были переданы списки на 8.300 офицеров и 7 тыс. других польских граждан с просьбой освободить их. В течение ноября 1941 г. неоднократно возобновлялись беседы представителей польского правительства с И.В.Сталиным, В.М.Молотовым и его заместителем А.Я.Вышинским, но советское руководство отрицало существование проблемы польских военнопленных. 3 декабря 1941 г. Сикорский передал Сталину в Москве составленный товарищами по плену список на 3.843 польских офицера с указанием конкретных лагерей, где они содержались, и с новой просьбой об их освобождении. В январе 1942 г. польское правительство вновь повторило свою просьбу. На все обращения оно получало ответ, что все польские военнопленные отпущены по амнистии и их местонахождение неизвестно. В беседах с Сикорским и Андерсом Сталин высказал предположение, что они бежали в Маньчжурию. Эти отговорки невозможно было признать убедительными, и польское правительство в январе 1943 г. направило в Москву специальную комиссию, но и ей не удалось найти следы своих соотечественников.

Первыми о захоронениях польских офицеров в Катынском лесу Смоленской области узнали от местных жителей летом 1942 г. польские рабочие из команды «Тодт», занимавшиеся ремонтом железнодорожных путей. Они установили на этом месте два березовых креста. В феврале 1943 г. могилами заинтересовалась немецкая тай-

ная полиция. 13 апреля 1943 г. радиостанции германского рейха передали в эфир сообщение об «обнаружении в окрестностях Смоленска могил польских офицеров, убитых ГПУ».

16 апреля 1943 г. Совинформбюро опубликовало опровержение. В нем сообщалось, что якобы польские военнопленные, которые находились на строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в руки к немцам и были ими расстреляны. Эта версия стала официальной, хотя время расстрела называлось по-разному.

17 апреля 1943 г. польское правительство в изгнании обратилось к Международному комитету Красного Креста с просьбой о посылке делегации под Смоленск для эксгумации трупов из захоронений. С аналогичным обращением выступило правительство Германии. МККК согласился содействовать в установлении истины при условии, что к нему обратятся все заинтересованные стороны, то есть и СССР. Однако сталинское руководство отказалось сделать это, обвинило Польшу в пособничестве фашистской Германии и расторгло дипломатические отношения с польским правительством.

В Катынском лесу с 29 марта по 7 июня 1943 г. (3 июня были засыпаны прежние могилы, 7 июня закончилось перезахоронение останков) велись работы по эксгумации трупов польских военнопленных, которые с 15 апреля практически осуществляла Техническая комиссия Польского Красного Креста под наблюдением немцев. Были вскрыты 7 могил полностью, восьмая — частично; доказано нахождение в могилах по немецким данным — 4.123 трупа, по польским — 4.243 трупа; большую часть из них (2.730) удалось идентифицировать. Они были снабжены согласно списка жетонами и уложены по порядку. Обширная коллекция вещественных доказательств была передана немцам по их требованию (однако две копии детальных протоколов и часть вещественных доказательств полякам удалось сохранить и они находятся в настоящее время в Кракове, сохранены также дневники и записки военнопленных, 20 из которых опубликованы).

В апреле 1943 г. для придания международного резонанса в Берлине была создана Международная комиссия по расследованию обстоятельств Катынского дела. В нее вошли эксперты из 12 европейских стран. 28—30 апреля комиссия провела работу по осмотру извлеченных из могил по выбору ее членов 9 трупов и подготовила судебно-медицинскую экспертизу, не беря на себя решение других вопросов, хотя ей была предоставлена возможность выслушать свидетелей и осмотреть вещественные доказательства. Венгерский профессор судебной медицины и криминологии Ф.Оршос выдвинул гипотезу, что расстрел имел место в 1940 г.

10 июня 1943 г. информбюро Германии опубликовало «Официальный материал по делу массового убийства в Катыни», в котором делался вывод о том, что в могилах обнаружены захоронения польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. органами НКВД. Геббельсовская пропаганда широко использовала катынское злодеяние для

«сохранения боевого духа» немецких солдат — и запугивания подобными перспективами в случае сдачи в плен.

В июне 1943 г. генеральный секретарь Польского Красного Креста К.Скаржиньский подготовил «Доклад из Катыни. Отчет для служебного пользования Польского Красного Креста. Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни», в котором виновный прямо не определялся, но приводились многочисленные документы и другие доказательства, предполагающие датировку расстрелов концом марта — началом мая 1940 г. В докладе определялись количество и локализация могил, число жертв (с указанием на то, что в не до конца обследованной восьмой могиле число трупов, судя по ее размерам, не должно превышать нескольких сотен). Подчеркивалась проведенная идентификация трупов. Факт использования немецкого оружия не был признан определяющим для установления вины той или иной стороны. ПКК не дал втянуть себя в орбиту гитлеровской пропаганды и решительно отказался сообщить немцам свое заключение о дате расстрела (документ был опубликован лишь в 1989 г.).

26 сентября 1943 г. Смоленск был освобожден от немцев.

В январе 1944 г. в связи с событиями на международной арене и развитием отношений с польским правительством в эмиграции Сталин был заинтересован еще раз подтвердить обвинения в его адрес путем возобновления разыгрывания «катынской карты».

После посещения Катыни заместителями наркома внутренних дел С.Н.Кругловым и В.Н.Меркуловым и инструктажа С.Н.Круглова (т. 3/55. Л.д. 91—110) 16—23 января 1944 г. в Катынском лесу работала государственная комиссия во главе с академиком Н.Н.Бурденко, по результатам деятельности которой было опубликовано «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Версия комиссии строилась на основе доклада С.Н.Круглова, который «информировал» о размещении штаба германского 517-го стройбата на даче НКВД, о расстрелах как специальной функции этого подразделения, характеризовал действия немцев и настроения населения, называл свидетелей и приводил содержание показаний, утверждал о доставке трупов из других мест, о расстрелах находившихся на строительных работах поляков в конце августа — сентябре 1941 г. и т.д.

Задачи комиссии Н.Н.Бурденко, однозначно вытекавшие из ее названия, определялись в письме возглавлявшего Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, председателя Президиума Верховного Совета Н.М.Шверника, посылавшего Н.Н.Бурденко для ознакомления немецкое заключение — «германскую фальшивку» — с рекомендацией открыто не полемизировать с нею (т. 3/55. Л.д. 1).

Обстоятельства и время создания комиссии, краткая продолжительность ее деятельности (С.Н.Круглов ориентировал на 4 дня — см.: там же. Л.д. 86, 91—105), определение задач, ход и методы работы говорят о чрезмерной спешке и предвзятости, невозможности получить убедительные результаты.

Работа велась в январе, когда проведение раскопок было чрезвычайно затруднено из-за морозов. Руководителями были четыре члена Минского комиссариата НКВД. Эксгумация проводилась до приезда комиссии. Экспертиза останков была повторной, но тщательное обследование, уточняющее предыдущие, было практически невозможно (оно исключалось и директивой Н.М.Шверника). Имевшаяся нумерация трупов (жетоны) была проигнорирована, идентификация личности погибших не проводилась. Комиссия не только не была международной, но даже не включала деятелей находившейся в СССР польской общественности (например, Союза польских патриотов) как представителей потерпевшей стороны.

Объем работ судебно-медицинских экспертов, руководимых директором НИИ судебной медицины, главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР В.И.Прозоровским был принципиально иным, чем в экспертизе первичного исследования в 1943 г.: производилось полное секционное исследование всех извлеченных трупов (вскрытие полостей головы, груди, живота). В акте экспертизы 1944 г. было указано, что обследовано 925 трупов, а в сообщении комиссии — 1380 трупов. Установка была дана на изобличение определенного способа расстрела, якобы характерного для немецких палачей, на поиск опровержения выводов немцев.

Комиссия стремилась показать, что немцы якобы не проводили экспертных исследований, ограничиваясь осмотром трупов. Поскольку для определения причины смерти при наличии явного огнестрельного повреждения головы и очевидного отсутствия других повреждений на одежде и теле большинства погибших достаточно одного осмотра головы, можно оценить работу в ходе эксгумации в 1943 г. как вполне позволяющую ответить на возникшие вопросы. С этой точки зрения как явно пропагандистское воспринимается утверждение наркома просвещения В.П.Потемкина и других членов Специальной комиссии о якобы некачественном исследовании трупов немцами (следовательно, и поляками).

Следует подчеркнуть, что в материалах настоящего дела отсутствуют полные протоколы судебно-медицинских исследований останков экспертами комиссии Н.Н.Бурденко, «соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях» (см. «Акт судебно-медицинской экспертизы» сообщения). Упомянутые материалы не удалось обнаружить в различных архивах и в ходе настоящего следствия. В то же время именно эти документы должны были лечь в основу, на которой базировала бы свои выводы комиссия судебно-медицинских экспертов (в рамках комиссии Н.Н.Бурденко). В свою очередь,

ряд основополагающих выводов комиссии Н.Н.Бурденко строились на выводах акта судебно-медицинской экспертизы.

Поскольку особое значение придавалось обоснованию версии о массовом расстреле именно в 1941 г., в заключении судебно-медицинской экспертизы (т. 3 /55. Л.д. 369), в показаниях профессоров В.М.Смолянинова (т. 10/62. Л.д. 69—72) и В.И.Прозоровского (там же. Л.д. 192) высказывались категоричные оценки зависимости состояния трупов от даты захоронения. Они обосновывали эти выводы в основном личным опытом, совершенно не учитывая конкретные условия разложения трупов в массовых захоронениях. Однако и в 1943 г., и в 1944 г. у экспертов — как международной комиссии врачей, так и Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко — не имелось объективных научных медицинских предпосылок (в частности, четкого знания каких-либо закономерностей варианты развития поздних трупных явлений в условиях массового захоронения) для того, чтобы по исследованным ими, конкретным судебно-медицинским способом, трупам в Катынском лесу сделать заключение о дате захоронения с точностью, позволяющей отнести ее на 1940 или 1941 г. На невозможность определения дат захоронения в массовых могилах по исследованным трупам справедливо обращалось внимание еще в заключении Технической комиссии Польского Красного Креста. Да и в настоящее время по имеющимся описаниям того времени и последним исследованиям останков в Катыни, Харькове и Медном, с учетом достижений современной медицины, дать заключение о дате смерти и захоронения в этих пределах точности совершенно невозможно. В настоящее время российские и польские эксперты пришли по этому вопросу к идентичным выводам.

Видимо, по этим же причинам и международная комиссия врачей в 1943 г. не посчитала возможным дать судебно-медицинскую характеристику давности захоронения (расстрела) польских военнопленных, и в своих выводах они указывали лишь на то, что состояние трупов не противоречит дате расстрела в 1940 г., которая установлена только на основании документов, обнаруженных при трупах. Такую же позицию занимали и эксперты ПМК. В законченном в 1947 г. отчете эксперта ПМК М.Водзиньского о проведенной судебно-медицинской экспертизе констатировалось, что точно датировать смерть по состоянию гнилостного распада невозможно (на основании комплекса доказательств он принимал дату конец марта — начало мая 1940 г.). Судебно-медицинские эксперты комиссии Н.Н.Бурденко взяли на себя ответственность и на основании степени развития трупных явлений указали на давность расстрела — «около 2-х лет тому назад». При этом совершенно неясным остается вопрос о том, как эксперты под руководством В.И.Прозоровского учитывали (и учитывали ли вообще) факторы, влияющие на процесс развития поздних трупных явлений (например, состав почвы, ее влажность и температура, ранее, в 1943 г., проведенное извлечение трупов на воздух и длительность их пребывания на воздухе,

плотность уложения массы тел, глубину захоронения и многие другие факторы). С учетом того, что и в настоящее время эти закономерности не известны в той степени, чтобы дать столь точный ответ, как это сделали эксперты комиссии Н.Н.Бурденко, можно однозначно признать научно необоснованным вывод судебно-медицинских экспертов в 1944 г. о времени расстрела («около 2-х лет тому назад») польских военнопленных. Любопытна трансформация интерпретации времени расстрела в выводах комиссии Н.Н.Бурденко: в этой части они уже звучат вполне однозначно: «Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются: а) время расстрела — осень 1941 года...».

Общая оценка имеющихся в материалах дела данных о судебно-медицинских исследованиях и выводах комиссий может быть выражена следующим образом:

1. «Официальный материал...» имеет вполне ясную структуру изложения и фактически приводит относительно полные данные о характере тех действий, которые были осуществлены в ходе эксгумации в апреле—июне 1943 г., дает протокол исследования массовых могил и выводы экспертизы, которые подписали участники международной комиссии врачей.

2. «Конфиденциальный отчет ПКК» в отношении судебно-медицинских данных (которые в отчете приведены весьма коротко и скупом) не содержит по отношению к «Официальному материалу...» каких-нибудь серьезных противоречий в судебно-медицинской информации. Из этого отчета следует, что все технические действия и работы в ходе эксгумации 1943 г. провели члены ПКК.

3. «Сообщение Специальной комиссии...» содержит в своем составе «Акт судебно-медицинской экспертизы», явившийся одним из оснований для выводов комиссии, но в тоже время в этом документе отсутствуют материалы, которые можно было бы оценить как хотя бы относительно полно и достоверно отражающие технические аспекты проведенной в 1944 г. эксгумации, а «Акт судебно-медицинской экспертизы» упоминает исследовательскую часть (как основу своих выводов), но ее не содержит. Нет этой исследовательской части и в материалах настоящего дела.

Трактовка вещественных доказательств не была свободна от существенных искажений. Отрицая тщательность предыдущих осмотров, наличие разрезанных карманов одежды, обуви и т.п., члены комиссии неоднократно пытались обвинить предшественников в фальсификациях, подкидывании документов и других вещественных доказательств, являвшихся основой для датировки захоронения весной 1940 г. На деле это было невозможно, так как документы извлекались из слипшихся трупов и в большом количестве, в присутствии многих свидетелей, на протяжении всего периода эксгумации 1943 г. Зато служившие подтверждению советской версии девять документов были обнаружены членами комиссии Бурденко только у шести из первой сотни останков, эксгумированных до приезда комиссии. При определении виновности немцев в расстре-

ле польских военнопленных давались ссылки на несколько документов, которые потом больше нигде не предъявлялись, не публиковались и не исследовались (в частности, блокнот бургомистра Смоленска Б.Г.Меньшагина, почерковедческая экспертиза других его записей). Большинство документов (квитанции о приеме золотых вещей и денег, почтовые отправления из Польши с позднейшими датами — сентября 1940 г., бумажная иконка с датой «апрель 1941 г.») не могут служить доказательствами. Неотправленная почтовая открытка ротмистра С.Кучинского с датой 20 июня 1941 г. — явная подделка. Станислав Кучинский не содержался в Козельском лагере, а из Старобельского лагеря выбыл в декабре 1939 г. Свидетельские показания, якобы подтверждающие дату расстрела осень 1941 г. — также являются заведомо фальшивыми. Не выдержало проверки материалами Управления по делам военнопленных выдвинутое утверждение о содержании военнопленных в трех лагерях особого назначения № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, как и показания свидетеля «майора Ветошника», якобы начальника одного из лагерей. Как следует из справок МБ РФ, таких лагерей в 1940 г. и последующих годах не существовало. Так называемый майор Ветошников службу в системе госбезопасности не проходил и является вымышленной фигурой (т. 110. Л.д. 23, 72). Соответственно, вещественные доказательства с адресом № 1-ОН являются фальсифицированными.

Датировка захоронений летом—осенью 1941 г. не получила достаточно обоснованного подтверждения. Даже до обнаружения корпуса документов НКВД убедительные доказательства даты (весна 1940 г.) содержались в многочисленных обнаруженных на трупах документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март—май 1940 г. (т. 35, 29, 109, 111). Это подтверждается двумя сохранившимися копиями протоколов с описанием вещественных доказательств (так называемый архив Я.З.Робеля и С.Соболевского), хранящимися в Кракове.

Не пытаясь ответить на явные вопросы (соотнести с предыдущими эксгумациями на основании жетонов и т.п.), члены комиссии допускали явные передержки по другим позициям: Козьи горы изображались довоенной территорией народных гуляний, способ расстрела выстрелом в затылок представлялся как чисто немецкий, вносился элемент перевозки трупов из других лагерей с одновременным завышением количества погребенных в Катыни жертв до 11 тыс. и т.д.

Работа комиссии была закончена в спешке, выводы сделаны небрежно, без соблюдения необходимых требований и подтверждения серьезными доказательствами. Результаты были немедленно опубликованы, доложены на международной пресс-конференции, стали «советской официальной версией» Катынского дела на несколько десятилетий.

На основании материалов следствия в настоящее время можно со всей определенностью утверждать, что выводы комиссии

Н.Н.Бурденко были звеном в цепи фальсификаций, предпринятых сталинским партийно-государственным руководством и органами НКВД для сокрытия правды о катынском злодеянии.

Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 г. попытка советского обвинения в опоре на «Сообщение Специальной комиссии...» (принимались меры и для подготовки аналогичных польских материалов) возложить вину за расстрел польских военнопленных на Германию успеха не имела. Международный военный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания подготовленных свидетелей — убедительными и не вменил в приговоре это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинением не оспаривалось и протест не вносился, хотя в других случаях несогласия советский представитель протест вносил. Вопрос об ответственности за катынское преступление Международный военный трибунал оставил открытым: предпочел не ставить под удар единство антигитлеровской коалиции.

В последующем представители официальной советской исторической и юридической наук некритически повторяли и популяризировали утверждение о виновности немцев в расстреле польских военнопленных, что якобы было установлено на Нюрнбергском процессе. При этом его материалы замалчивались или трактовались произвольно, фальсифицировались даже тогда, когда в конце 80-х годов были обнаружены документы НКВД СССР, свидетельствующие о прямой причастности этого органа к уничтожению польских военнопленных весной 1940 г.

В 1952 г. расследование катынской трагедии проводила специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США под руководством Р.Дж.Мэддена, которая провела опрос 81 свидетеля, рассматривала сто письменных показаний свидетелей, не имевших возможности приехать, изучила вещественные доказательства. Эта комиссия также не признала достоверности выводов «Сообщения Специальной комиссии...» и обвинила в совершении преступления в Катыни СССР.

В течение нескольких десятилетий как в СССР, так и в Польской Народной Республике официально обязывала версия Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Все могущие пролить свет на катынскую трагедию сведения (не говоря о судьбах узников других лагерей и заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии) были засекречены.

В конце 80-х годов версия комиссии Н.Н.Бурденко была поставлена под сомнение учеными двух стран по инициативе польской части смешанной советско-польской комиссии по ликвидации так называемых «белых пятен» в истории отношений между двумя странами.

Научно-историческая «Экспертиза "Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров", произведенная профессорами Я.Ма-

чишевским, Ч.Мадайчиком, Р.Назаревичем и М.Войчеховским» (апрель 1988 г.), была проведена на основе анализа обстоятельств заключения более 15 тыс. польских военнопленных в специальные лагеря и последующего выяснения их судеб на фоне развития советско-польских отношений. Она построена на тщательном сопоставлении основных положений «Сообщения Специальной комиссии...» и всей его системы доказательств с большим массивом накопившихся за более чем четыре десятилетия документов и материалов, вещественных доказательств, а также обширной польской и западной литературой предмета.

В экспертизе учтены материалы Нюрнбергского процесса и свидетельства представителей Польского Красного Креста — М.Воздзиньского и К.Скаржиньского.

При рассмотрении обстоятельств преступления был выделен вопрос о правомерности зачисления задержанных поляков в военнопленные: направление польских офицеров в лагерь и тюрьмы продолжалось после сентября 1939 г., из Львова в декабре 1939 г. после регистрации (широко проведенной и в других областях) было вывезено около 2 тыс. офицеров, находившихся до сентября 1939 г. как в кадрах армии, так и в запасе. В экспертизе охарактеризовано полное непоследовательности, противоречий и дезинформации поведение сталинского руководства при выяснении правительством Вл.Сикорского вопроса о судьбах польских офицеров после возобновления советско-польских отношений в 1941 г.

Были изучены аргументы и выводы комиссии Н.Н.Бурденко относительно сроков и виновников расстрела польских военнопленных, утверждения о содержании польских офицеров до сентября 1941 г. включительно в трех лагерях (№ 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН) с использованием на дорожно-строительных работах, о проведении расстрелов «немецким военным учреждением, скрывающимся под условным наименованием "штаб 537-го строительного батальона"» во главе с оберст-лейтенантом Арнесом», о количестве трупов в захоронении, якобы достигавшем 11 тыс. и др.

Не являясь специалистами в области судебно-медицинской экспертизы, занимавшей существенное место в «Сообщении Специальной комиссии...», авторы польской экспертизы сосредоточили внимание на анализе подбора и показаний свидетелей. Подбор свидетелей вызвал большие нарекания: в их числе не было ни одного польского офицера из каких-либо лагерей (группа вывезенных в Павлицев Бор — Грязовец осталась в живых), не были сняты показания с сотрудников НКВД из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, а также лагерей № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН, кроме никому не известного майора Ветошника, показания которого вызвали большие сомнения.

Не внушило доверия утверждение об использовании офицеров всех рангов, в том числе отставников-инвалидов, на строительно-дорожных работах, в то время как в других офицерских лагерях (Павлицев Бор, Грязовец, Козельск-2) такой общей повинности не

было, работа была добровольной. Отмечалось отсутствие вразумительного объяснения, почему офицеры весной 1940 г. выгружались на станции Гнездово (в 3 км от места казни в Катынском лесу). На основе тщательного анализа линии перемещения фронта и обстоятельства взятия г. Смоленска польская экспертиза оценила как путанную и противоречивую, «абсолютно неправдоподобную» версию о невозможности эвакуации лагерей, об их переходе в руки немцев без попыток самоосвобождения, бегства, возвращения на Родину. Само существование указанных лагерей «особого назначения», подчеркивали авторы экспертизы, не было доказано, поскольку полностью отсутствовала конкретная информация об их размещении, после войны не было попыток их продемонстрировать или представить какие-либо документы, подтверждающие их наличие.

Показания свидетелей о времени расстрела были охарактеризованы как отнюдь не вносящие ясности (август, август—сентябрь, конец сентября 1941 г.), было отмечено, что в итоговых документах комиссии Н.Н.Бурденко оно определялось также неоднозначно: в «Сообщении Специальной комиссии...» как осень 1941 г., в судебно-медицинской экспертизе — как время «между сентябрем—декабрем 1941 года», без достаточного обоснования любой из этих дат. Советский свидетель на Нюрнбергском процессе Б.В.Базилевский назвал сентябрь 1941 г. сроком завершения расстрелов. Польские эксперты высказали предположение: произвольное смещение времени расстрелов было вызвано наличием теплой зимней одежды на трупах, что в январе 1944 года было замечено западными корреспондентами и вызвало стремление исключить август.

Польская экспертиза установила, что оснований для версии о нахождении в могилах 11.000 трупов комиссия Н.Н.Бурденко не имела. Было извлечено лишь 925 ранее обследованных трупов. Судя по обозначенным в «Сообщении Специальной комиссии...» размерам могил, была дана лишь общая локализация участка захоронения, могилы не вскрывались до дна. Никакие новые могилы найдены не были. Новые личные документы не были обнаружены. Таким образом, могила № 8, где эксгумация была комиссией ПКК приостановлена, не исследовалась до конца.

По мнению польских экспертов, реальных оснований для увеличения показателя количества трупов с 4.151 до 11.000 не было. Оно понадобилось для косвенного утверждения, что в Катынском лесу захоронены польские военнопленные, содержащиеся не только в Козельском, но и в Старобельском и Осташковском лагерях. Было обращено внимание на то, что попытки продолжить идентификацию не предпринимались, наличие металлических жетонов на трупах — результат предпринятой ранее идентификации — было полностью проигнорировано.

Польская экспертиза 1988 г. констатировала, что детальный анализ содержащегося в «Сообщении Специальной комиссии...» утверждения о непосредственных виновниках расстрела в Катынском лесу и его рассмотрения в ходе Нюрнбергского процесса убедитель-

но установили необоснованность версии о вине оберст-лейтенанта Ф.Аренса (а не Арнеса) и руководимого им подразделения (537-го полка связи, а не стройбата). Ф.Аренс возглавил полк лишь в ноябре 1941 г. Польская экспертиза констатировала, что в Нюрнберге не получила подтверждение и версия о возможной ответственности за массовое убийство в Катыни оперативной группы «Б». В результате, несмотря на признание в приговоре Международного трибунала Германии виновной в преступлениях в отношении пленных, Катынское дело ей инкриминировано не было.

Польские эксперты отметили применявшийся в «Сообщении Специальной комиссии...» прием — обвинение немцев в фальсифицировании свидетельских показаний и повторные допросы оставшихся в живых находившихся на месте после освобождения Смоленской области свидетелей. Однако сравнения показаний они не проводили.

Эксперты высказались по поводу вещественных доказательств и их использования.

В связи с тем что в «Сообщении Специальной комиссии...» содержалось утверждение об изъятии, уничтожении, замене немцами найденных на трупах документов, которое было направлено на отрицание доказательности материалов, свидетельствовавших в пользу весны 1940 г. как даты расстрела, польские эксперты сформулировали мнение, что состояние эксгумированной Технической комиссией Польского Красного Креста массы трупов, их слеппенность противоречат этой версии, поскольку невозможно полностью фальсифицировать документы тысяч жертв.

В «Экспертизе...» был поставлен вопрос о подлинности сохранившихся вещественных доказательств (всего было собрано 3.194 документа, а также большое количество советских газет, датированных весной 1940 г., и, хотя ящики с ними были уничтожены, имеются детальные протоколы с описаниями вещдоков). Был проведен анализ ряда дневников и записей и установлена их подлинность. Эксперты признали установленной подлинность перечня фамилий идентифицированных жертв, несмотря на отдельные ошибки и фальсификации, подтвердили наличие в катынском захоронении трупов офицеров из Козельского лагеря.

Из приводимых в «Сообщении Специальной комиссии...» девяти вещественных доказательств, найденных на шести трупах из первой сотни, которые должны были подтвердить вину немцев при помощи датировки, польские эксперты однозначно отвергли неотправленную открытку. Было отмечено, что некие, якобы использованные комиссией Н.Н.Бурденко документы (по показаниям В.И.Прозоровского в Нюрнберге), равно как и результаты патолого-анатомических исследований, о проведении которых информировало «Сообщение Специальной комиссии...», никогда не были описаны, опубликованы или представлены польской стороне. Был поставлен вопрос о необходимости соотнести выводы судебно-ме-

дицинской экспертизы этой комиссии с выводами экспертизы Технической комиссии Польского Красного Креста.

Польская экспертиза доказательно выявила неубедительность аргументации, многочисленные пустоты, умолчания и недоговоренности, натяжки, неточности, внутренние противоречия и недостоверность выводов сообщения комиссии Н.Н.Бурденко. Советская часть двусторонней комиссии признала обоснованность его критики. Бесспорна состоятельность оценок этой экспертизы как подлинно научного исследования, вносящего важный вклад в выяснение судеб польских военнопленных и ставящего вопрос о необходимости выявления новых официальных советских документов, способных пролить свет на эти судьбы.

Учитывая результаты работы советско-польской комиссии по истории отношений между двумя странами (так называемых «белых пятен»), Политбюро ЦК КПСС 31 марта 1989 г. поручило Прокуратуре СССР, КГБ СССР, МВД СССР, МИД СССР и ГАУ при СМ СССР провести тщательную проверку по факту массового расстрела польских военнопленных в районе Катыни и поиск сохранившихся материалов по этому вопросу (т. 115. Л.д. 142, 155). Все перечисленные ведомства к маю 1989 г. сообщили, что новых документов по Катынскому делу не обнаружено. Весной — в начале лета того же года в Особом архиве ГАУ при СМ СССР, в фонде Главного управления по делам военнопленных и интернированных при НКВД СССР группой советских историков были найдены тщательно скрываемые документы о польских военнопленных, включая списки содержавшихся в лагерях НКВД в Старобельске, Козельске и Осташкове, которые весной 1940 г. были переданы в распоряжение управлений НКВД по Харьковской, Смоленской и Калининской областям соответственно. Кроме того, в Центральном государственном архиве Советской Армии, в фонде Управления конвойных войск НКВД СССР были найдены документы, касающиеся транспортировки польских военнопленных из перечисленных лагерей в район Харькова, Смоленска и Калинина. Обнаруженные документы однозначно свидетельствовали о причастности органов НКВД СССР к уничтожению около 15 тыс. польских военнопленных.

На основании документов Особого архива для международного отдела ЦК КПСС были составлены доклад и справка «Документальная хроника Катыни», а также подготовлена для печати статья по поручению советско-польской комиссии по истории отношений между двумя странами («белых пятен»), которые легли в основу доклада для Президента СССР от 22 февраля 1990 г. (т. 115. Л.д. 151—154; т. 15. Л.д. 130—186).

Стало очевидно, что правда вышла на свет вопреки строгой секретности хранения архивных документов и «особой папки».

14 апреля 1990 г. советская сторона в сообщении ТАСС признала виновность Берии и его подручных в расстреле польских военнопленных весной 1940 г. Польской стороне был передан

М.С.Горбачевым ряд документов, включая именные списки расстрелянных из Козельского и Осташковского лагерей и списочный состав Старобельского лагеря.

В сентябре 1990 г. Главная военная прокуратура начала уголовное дело по факту расстрела польских военнопленных. Она выявила обширный комплекс ранее недоступных архивных документов, в том числе Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, Управления конвойных войск НКВД СССР и др., сняла показания с участников и свидетелей преступления, провела эксгумации в местах массовых расстрелов польских военнопленных.

В ходе работ в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля — 9 августа 1991 г.), проводившихся на площади 97×62×143×134 м, было сделано 49 раскопов и 5 зондажей. Было обнаружено не менее 167 останков поляков. В Медном работы проводились 15—25 августа 1991 г. на площади пятиугольника 37×108×36×120×120 м. Было сделано 30 раскопов и 5 дополнительных зондажей. Обнаружены останки не менее чем 243 поляков.

В эксгумационных работах также приняли активное участие польские специалисты под патронатом Генеральной прокуратуры в Министерстве юстиции РП. Они провели тщательное научное исследование полученного материала, идентифицировали часть останков и изучили вещественные доказательства, подтвердив нахождение в захоронениях 6-го квартала лесопарковой зоны Харькова трупов польских военнопленных из Старобельского лагеря, а в захоронениях Медного — из Осташковского лагеря (где немцев во время войны не было) (т. 31, 32).

Исследованиями установлена прямая закономерная связь между списками-предписаниями на отправку военнопленных в УНКВД Смоленской области и тем, в каком порядке трупы лежали в катынских могилах весной 1943 г. Совпадение обоих списков говорит о достоверности идентификационного списка от 1943 г., который может рассматриваться как доказательственный документ. В этих могилах лежат польские военнопленные, отправленные из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД Смоленской области в апреле—мае 1940 г.

В ходе следствия уже к концу 1990 г. были получены свидетельства того, что польские военнопленные подверглись уничтожению по решению Политбюро ЦК ВКП(б), подписанному И.В.Сталиным в первые месяцы 1940 г. Однако это решение удалось обнаружить лишь к октябрю 1992 г. При этом документально установлено, что представители высшего руководства СССР и ВКП(б)/КПСС в течение десятилетий скрывали документы, содержащие сведения о расстреле польских военнопленных.

Благодаря политической воле руководителей РФ и РП удалось подойти к завершению выяснения вопроса об умерщвлении польских военнопленных, содержавшихся осенью 1939 г. — весной 1940 г. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД. При подписании Договора о дружественном и добрососед-

ском сотрудничестве 22 мая 1992 г. Президенты РФ и РП заявили о своей решимости преодолеть негативное наследие прошлого и строить качественно новые двусторонние отношения в будущем на основе позитивных ценностей в истории обоих народов и государств, а также международного права, демократии и соблюдения прав человека.

14 октября 1992 г. представитель Президента РФ Б.Н.Ельцина Главный государственный архивист Р.Г.Пихоя передал Президенту РП Л.Валенсе постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о решении «в особом порядке» вопроса о судьбах польских военнопленных и заключенных в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины поляков. Были окончательно установлены уровень принятия решения, его содержание и характер.

Поэтому при юридической квалификации постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и всех его последствий необходимо исходить из норм международного права.

Материал уголовного дела неопровержимо доказывает противоправный факт умерщвления путем расстрела в апреле—мае 1940 г. 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД, а также 7305 поляков — заключенных из тюрем и лагерей Западной Белоруссии и Западной Украины сотрудниками НКВД по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б).

Какова должна быть правовая оценка этих действий и ответственность лиц, организовавших и совершивших это преступление?

В статьях 28, 32 действующей Конституции РСФСР; статьях 10, 14 Декларации Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете РСФСР»; статье 1 «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., были провозглашены приверженность РСФСР общепризнанным нормам международного права и приоритет международных норм, относящихся к правам человека, перед законами Российской Федерации.

Скрыв при подписании советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. факт и содержание секретного дополнительного протокола к нему от советского народа и верховных органов государства, И.В.Сталин и приближенные к нему члены руководства нарушили взаимные обязательства СССР и Польши, осуществили сговор, направленный на раздел Польского государства, встали на путь прямого нарушения международного права. Переданная в ночь на 17 сентября 1939 г. польскому послу нота с формальным уклонением от объявления войны противоречила нормам международного права. Реализуя вытекавшую из советско-германского договора с секретным дополнительным протоколом договоренность, Красная Армия без объявления войны развернула наступательные действия, стремясь уничтожить и взять в плен вооруженные силы Польши. Советское руководство исходило из факта ведения войны и ликвидации Польского государства. Между тем это государство вело справедливую войну против гитлеровского агрессора.

Этого не меняет объявление «освободительного похода» в защиту трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины.

В советско-германском Договоре о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., с конфиденциальным и двумя секретными протоколами к нему, был закреплен раздел Польши, ликвидация польской государственности и польской армии, определены взаимные обязательства по недопущению изменения этого положения.

Из всех существующих правовых норм как внутреннего, так и международного права эти действия подпадают под определения, изложенные в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. В частности, в статье 6, пункте «а» преступлениями против мира признаются: «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий».

Акции И.В.Сталина, В.М.Молотова и других членов сталинского руководства в нарушение действующих мирных договоров с Польшей, по договоренности с Германией спровоцировавшие вступление СССР в войну против Польши, в соответствии с названной статьей являются преступлением против мира, что влечет за собой уголовную ответственность.

В категорию военнопленных были включены плененные в ходе боевых действий или просто задержанные военнослужащие, интернированные и арестованные гражданские лица, в том числе обычно не подпадающие под эту категорию чиновники государственного и местного аппарата управления и др. Заключенные в лагеря НКВД (Козельский, Старобельский и Осташковский) военнопленные, вопреки положению IV Гаагской конвенции (1907 г.) «О законах и обычаях сухопутной войны», главе II «О военнопленных» одноименного Приложения к конвенции о роспуске военнопленных и их репатриации после окончания военных действий, вопреки Женевской конвенции о военнопленных 1929 г., соблюдать которую органы НКВД отказались, в количестве 14.522 человек были умерщвлены по политическим («классовым») мотивам. Рассмотрение дел велось, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), по упрощенной процедуре, «в особом порядке», «без вызова арестованных, предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения». Они были приговорены этим постановлением к расстрелу как «закоренелые, неисправимые враги советской власти», ее «заклятые враги», которые «ведут антисоветскую агитацию» и только и ждут освобождения, чтобы «иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти». Таким образом, им инкриминировались настроения и намерения, а не действия, то, что их будущая активность направлялась бы на восстановление независимости своей родины.

Аналогичным образом в предшествующий период при вынесении дел польских военнопленных на особые совещания им предъ-

являлось обвинение по статье 58-13 УК РСФСР (или статье 54-13 УК УССР), предусматривавшей ответственность за «активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или [на службе] у контрреволюционных правительств в период гражданской войны», которая влекла за собой «высшую меру социальной защиты» — расстрел.

В связи с тем что рамки действия этой статьи ограничиваются периодом до конца гражданской войны (т.е. до 1922 г.), следует признать, что она не могла применяться к польским военнопленным и другим гражданам, захваченным в 1939 г. Уже по этому основанию в действиях польских военнопленных отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 58-13 УК РСФСР. Более того, чем бы ни занимались до 1939 г. польские военнопленные или заключенные-поляки, эти действия являлись внутренним делом Польши и поэтому должны были оцениваться лишь по внутреннему польскому законодательству. Не менял ситуации факт изменения границ и подчинения военнопленных советской юрисдикции (жители Западной Белоруссии и Западной Украины становились советскими гражданами), так как к тому времени они уже находились в плену и пользовались соответствующими правами военнопленных. К ним не только не была применима обратная сила действовавших в СССР законов, но они в соответствии с Гаагской конвенцией в принципе не подлежали ответственности по суду (за исключением случая нарушения своего слова).

Из документов усматривается, что, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия аппарата лагерей по воспитанию сочувственного или хотя бы лояльного отношения к советской политике, а также к советскому строю, большинство польских военнопленных не признавало уничтожения Польского государства, осуждало акцию СССР против Польши и готовилось к борьбе с гитлеровской Германией за свободу своей страны, что противоречило пониманию сталинским руководством интересов СССР, связываемых им с обязательствами по отношению к Германии.

Поскольку поляки в это время находились в плену и их намерения в практические действия не претворялись, следует признать, что в их поведении также отсутствовал состав какого-либо преступления.

Особые совещания были неправомочны принимать решения в отношении военнопленных, статья 58-13 УК РСФСР вообще была к ним неприменима.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) следует квалифицировать как надправовое, ставящее свое решение и его исполнителей, включая органы НКВД, выше закона. Оно не распространяло на военнопленных принципы ни внутреннего, ни международного права.

Нельзя ограничиться его рассмотрением в свете норм уголовного кодекса РСФСР как только превышением власти (статья 171 УК РСФСР), приведшим к умышленному убийству (статья 102 УК РСФСР). Оно не может рассматриваться так в связи с явной несоизмеренностью содеянных с целью его претворения в жизнь преступлений и тех, которые предусмотрены статьями УК РСФСР; с особой масштабностью последствий этих злодеяний.

Оно не может рассматриваться только как игнорирование ответственности, вытекающей из IV Гагской конвенции об обязательствах правительств в отношении военнопленных.

Есть все основания применить к нему пункт «б» статьи 6 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала, который относит к военным преступлениям нарушения законов или обычаев войны, и в частности «убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий; убийство или истязание военнопленных...».

Под это определение полностью подпадают действия И.В.Сталина, В.М.Молотова, К.Е.Ворошилова, А.И.Микояна, М.И.Калинина, Л.М.Кагановича, Л.П.Берии, которые приняли постановление об уничтожении польских военнопленных; с разной степенью ответственности за принятие решений и их исполнение — членов особой «тройки» НКВД СССР В.Н.Меркулова, Б.З.Кобулова, Л.Ф.Баштакова, а также руководителей Управления по делам военнопленных П.К.Сопруненко и И.И.Хохлова, принимавших непосредственное участие в подготовке, рассмотрении вопроса, определении судеб польских военнопленных и стратегии их уничтожения; организаторов исполнения преступного решения работников НКВД В.М.Блохина, С.Р.Мильштейна, Н.И.Синегубова, Д.С.Токарева и других начальников УНКВД, разработавших тактику уничтожения польских военнопленных и в той или иной мере принимавших в нем участие; а также рядовых исполнителей казни — комендантских работников, надзирателей тюрем, шоферов УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей.

Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., записки Л.П.Берии И.В.Сталину от марта 1940 г. и записки А.Н.Шелепина от 3 марта 1959 г. усматривается, что согласно этому постановлению были уничтожены также 7.305 поляков, в числе которых было большое число офицеров, которым полагался статус военнопленных, а также гражданские лица, приговоренные к высшей мере наказания по политическим и национальным мотивам. Умышленное уничтожение большой группы людей по национальному признаку ставило целью воспрепятствовать национально-освободительному движению за возрождение польской государственности. Это подтверждается мотивировкой расстрела в записке Л.П.Берии, перечислением категорий по классовому и социально-профессиональному признакам, по национальной принадлежности, без указания на содеянное ими, какой-либо квалификации их действий, или вообще на какую-либо конкретную вину. Категория

«шпионы и диверсанты» носила в то время преимущественно идеологический характер.

К этой части постановления применим пункт «в» статьи 6 Устава МВТ, который определяет преступления против человечности: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим... мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, явились ли эти действия нарушением внутреннего права или нет...».

Действия сталинского руководства, распорядившегося уничтожить несколько тысяч гражданских лиц, содержавшихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины без суда, а также массовая депортация польского населения из этих областей вглубь страны полностью подпадают под это определение.

Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г., ратифицированной СССР 18 марта 1954 г., под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Государства договорились, что наказуемы геноцид, заговор с целью геноцида, подстрекательство к геноциду, покушение на геноцид и соучастие в геноциде. Виновные в этих деяниях лица подлежат судебной ответственности независимо от того, являлись ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

В уничтожении 7.305 поляков имеются все признаки геноцида, ответственность за который ложится на Сталина И.В., Берию Л.П., Молотова В.М., Ворошилова К.Е., Микояна А.И., Калинина М.И., Кагановича Л.М., Меркулова В.Н., Кобулова Б.З., Баштакова Л.Ф. и других лиц, практически осуществлявших это преступление на местах.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., ратифицированной СССР 11 марта 1969 г., на преступления геноцида не распространяются сроки давности независимо от времени их совершения.

В статье 1 Конвенции говорится: «Никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения:

а) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года... последующих решениях ООН и Женевских конвенциях 1949 года;

б) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и последующих резолюциях ООН...

даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены».

Статья 2 предусматривает следующее: «В случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье 1, положения Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающих их совершение».

Из статьи 4 следует, что государства — участники Конвенции обязуются принять все меры для обеспечения неприменения срока давности к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в статьях 1 и 2 Конвенции, об отмене этого срока там, где он применяется к таким преступлениям.

Эти положения были подтверждены в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН № 2712 от 15 декабря 1970 г. «О наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества» и № 3074 от 3 декабря 1973 г. «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества».

Таким образом, на форуме ООН было расширено и укреплено правило, гласящее, что любое лицо может быть привлечено к ответственности за нарушение международного права, в том числе за военные преступления, и что оно может быть наказано на основании международного права, независимо от того, предусмотрено ли во внутреннем праве наказание за деяние, которое является преступлением в свете международного права, независимо от места совершения преступления и гражданства лиц, совершивших преступление.

Итак, И.В.Сталин, В.М.Молотов, Л.П.Берия и другие члены сталинского руководства, члены особой «тройки» НКВД СССР В.Н.Меркулов, Б.З.Кабулов и Л.Ф.Баштаков, работники аппарата НКВД СССР П.К.Сопруненко, С.Р.Мильтштейн, В.М.Блохин, Н.И.Синегубов, начальники УНКВД по Смоленской (Е.И.Куприянов), Харьковской (П.С.Сафонов) и Калининской (Д.С.Токарев) областям, исполнявшие преступные распоряжения коменданты, шоферы и надзиратели тюрем, другие лица, принимавшие непосредственное участие в расстрелах польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР, а также лиц польской национальности, содержавшихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, совершили геноцид, военные преступления и преступления против человечества (человечности), на которые не распространяется срок давности.

В связи с тем, что в настоящее время из числа выявленных преступников в живых остались П.К.Сопруненко и Д.С.Токарев, над-

лежит решить вопрос об их ответственности, в частности об их аресте, привлечении к судебной ответственности, а в случае признания их виновными — наказании в России, не дожидаясь вынесения этого дела в Международный суд в Гааге, как предлагает польская общественность.

В действиях польских военнопленных и других польских граждан, содержавшихся в 1939—1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, в тюрьмах и лагерях западных областей Белоруссии и Украины и расстрелянных по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), отсутствует состав преступления, и они подлежат реабилитации как безвинные жертвы сталинских репрессий в соответствии со статьями 2 и 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г., с дополнениями от 22 декабря 1992 г., «О реабилитации жертв политических репрессий».

ВЫВОДЫ

1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14.522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая направлялись партиями к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих горах, с. Медное Калининской области и в лесопарковой зоне г. Харькова. Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций.

В ходе данной экспертизы также установлено, что охвативший 70% жертв катынский идентификационный список 1943 г. (составленный по результатам извлечения трупов из массового захоронения) с вероятностью 0,6—0,9 совпадает со списками на отправку польских военнопленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле—мае 1940 г. Это является основанием для утверждения, что эти военнопленные захоронены в районе Катынского леса.

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7.305 поляков, в том числе около 1.000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР, а также статьи 58, пункта 13 УК РСФСР, статьи 54, пункта 13 УК УССР и иных, с нарушением как норм международного права, так и существовавшего тогда и требующего четкой правовой оценки весьма несовершенного внутреннего законодательства, не соответствовавшего международно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечества. Совершенные

деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и в значительной степени — военнопленных, особо защищаемых международным правом.

Адекватная правовая оценка этих преступлений, совершенных в рамках государственно-санкционированного террора, должна быть произведена на основе детально разработанных после Второй мировой войны принципов международного права, на базе системы особых норм материального и процессуального права, с признанием наличия геноцида, преступлений против человечества, без срока давности.

3. Выяснение причин и обстоятельств появления польских военнопленных на советской территории показало прямую логическую причинно-следственную связь развития советско-германо-польских отношений в августе—сентябре 1939 г. и военных действий Красной Армии против польской армии с выполнением обязательств, вытекающих из советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г. и дополнительных секретных протоколов к ним, предполагавших решение вопроса о судьбах Польского государства, его территории, армии и о противодействии освободительной борьбе польского народа.

В сентябре—декабре 1939 г. в категорию военнопленных были зачислены и помещены в лагеря военнослужащие, как взятые в плен в ходе боевых действий Красной Армии, так и выявленные в ходе последующей регистрации; в трех спецлагерях НКВД — Козельском, Старобельском и Осташковском — были сосредоточены более 15 тыс. человек, из которых лишь 56,2% составляли офицеры (из них офицеры срочной службы составляли 44,9%, офицеры запаса, проходившие после мобилизации обучение в лагерях, — 55%, кроме того, были отставники, в том числе инвалиды войны 1920 г.). Остальные были гражданскими лицами, прежде всего служащими центрального и местного уровней управления, полицейскими, судьями и прокурорами, таможенниками и т.д. Значительная часть содержащихся в трех спецлагерях лиц была задержана и помещена в лагеря НКВД в качестве пленных без должных юридических оснований, как они сформулированы в Приложении к Гаагской конвенции.

4. Международному праву противоречил сам факт передачи лагерей военнопленных в ведение НКВД СССР. В Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях не соблюдался ряд норм международного права, определяющих положение и содержание военнопленных. Изначально не предполагалось освобождать их после окончания военных действий, как того требует Гаагская конвенция. Одновременно с проведением органами НКВД в лагерях оперативной работы развернулась подготовка и массовая передача дел военнопленных на особые совещания. В начале весны 1940 г. уничто-

жение польских военнопленных с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) стало осуществляться по упрощенной схеме и приняло тотальный характер.

Ускорение «разгрузки» трех специальных лагерей и следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины было тесно связано с рядом проблем сталинской внешней и внутренней политики. Осуществив «освободительный поход» в Западной Белоруссии и Западной Украине, развернув форсированные «социалистические преобразования» и проводя «оптимизацию» социальной и политической структуры, сталинское руководство при помощи органов НКВД «отсеивало» «чуждые в классовом и национальном отношении элементы» в массовом масштабе.

Акции в Прибалтике и Финляндии сопровождались поступлением новых крупных контингентов пленных. Увеличение числа военнопленных и заключенных весьма обременило экономику. С конца 30-х годов велась «чистка» централизованно снабжавшихся категорий населения. Под нее попадали и лагеря и тюрьмы НКВД, в которых нельзя было расширить сферу применения разных видов принудительного труда.

5. Содержавшаяся в ставшей основой для принятия постановления от 5 марта 1940 г. записке Л.П.Берии в адрес ЦК ВКП(б), на имя И.В.Сталина, мотивировка рассмотрения «вопроса НКВД СССР» и принятия решения об умерщвлении 22 тыс. человек не была адекватна ни составу задержанных, ни их действиям, представляя собой на деле «наклеивание» идеологических «классовых» ярлыков для оправдания преступления. Среди офицеров преобладали (составляя 55%) лица массовых гражданских профессий, требующих высшего образования, — учителя, врачи, инженеры, журналисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов и т.д., то есть значительная часть военнообязанной польской интеллигенции. Другая ее часть — гражданские лица, превращенные в военнопленных или задержанные и помещенные в тюрьмы за «контрреволюционную деятельность», являлись преимущественно служащими разного уровня — чиновниками администрации, суда, почты и т.д. Они были арестованы по «классовым мотивам», на деле — в ходе ликвидации Польского государства и его армии, как правило не за противоправные действия, а в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу. Репрессирование по национальному признаку вытекает из записки Л.П.Берии со всей определенностью.

6. Уничтожение в апреле—мае 1940 г. 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям и одновременно 7.305 заключенных следственных тюрем НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины, за которым последовал массовый вывоз их семей вглубь СССР (депортация), явилось тягчайшим преступлением против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И.В.Сталин,

В.М.Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), принявшие постановление об этом массовом умерщвлении невинных людей, Л.П.Берия, В.Н.Меркулов, Б.З.Кобулов, Л.Ф.Баштаков, П.К.Сопруненко и другие сотрудники НКВД СССР, НКВД УССР и НКВД БССР, которые на своем уровне принимали участие в подготовке и реализации решения, организовали непосредственное исполнение этой преступной акции; В.М.Блохин, С.Р.Мильтштейн, Н.И.Синегубов и начальники УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, их первые заместители, коменданты и сотрудники комендатур, шоферы и надзиратели, исполнявшие преступные распоряжения, тюремные надзиратели и другие лица, принимавшие участие в расстрелах польских военнопленных и заключенных-поляков следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям геноцида, виновные в уничтожении 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР и 7.305 поляков, содержавшихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, указанные выше лица должны нести судебную ответственность согласно внутреннему законодательству, за противоправное превышение власти, то есть статья 171 УК РСФСР в ред. 1929 г., приведшее к умышленному убийству, то есть статья 102 УК РСФСР, в особо крупных размерах, которое должно рассматриваться как геноцид.

7. Все польские военнопленные, расстрелянные в УНКВД трех областей, как они записаны в списках, а также 7.305 поляков, расстрелянные без суда и вынесения приговора в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не совершили преступления, предусмотренного статьей 58, пунктом 13 УК РСФСР, или иного и подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материально-го ущерба.

С учетом всего комплекса обстоятельств массового расстрела около 22.000 польских военнопленных и заключенных весной 1940 г. необходимо дать как правовую, так и политическую оценку этому факту и ходатайствовать о вынесении соответствующего решения на уровне высших органов страны.

8. Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств.

9. Выводы экспертизы, приведенные в «Официальном материале по делу массового убийства в Катыни», можно признать достаточно обоснованными результатами проведенной эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов. Выводы четко указывают на то, что давность событий расстрела установлена только на осно-

вании документов, изъятых из одежды трупов польских военнопленных, а судебно-медицинские данные не противоречат этой давности. По сути, такой же вывод делает и Техническая комиссия ПКК.

10. В настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н.Н.Бурденко в своей судебно-медицинской части нельзя, так как в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, которые бы описывали исследовательскую часть работы судебных медиков в составе этой комиссии. Однако те данные, которые приведены в «Официальном материале...» и «Секретном докладе...», позволяют с большой долей достоверности утверждать, что у комиссии Н.Н.Бурденко не было никаких научных оснований для той точной датировки расстрела (сентябрь—декабрь 1941 г.), которую комиссия дала в своих материалах.

11. Все другие данные судебно-медицинского характера (о причине смерти, повреждениях и их происхождении) не расходятся по существу ни в одном из документов.

12. Достоверно установлено, что польские военнопленные из Старобельского и Осташковского лагерей были расстреляны весной 1940 г. и захоронены в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова и в с. Медном Тверской области.

13. Анализируя содержащиеся в материалах дела медицинские данные (результаты эксгумаций в Харькове и Медном и последующих исследований), можно лишь дополнить некоторые моменты, касающиеся расстрела польских военнопленных. Так, среди обнаруженных при эксгумации в Харькове и Медном черепов имеются свидетельствующие о том, что некоторые жертвы расстреливались несколькими (2—3-мя) выстрелами. При этом в отдельных случаях первый выстрел производился не в затылок, а в передне-боковые отделы черепа.

По судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших. Значительная давность событий и установленная в Медном значительная вариантность скорости протекания поздних трупных явлений не позволяют в настоящее время решить этот вопрос.

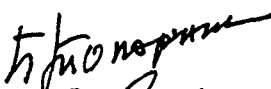

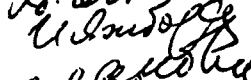
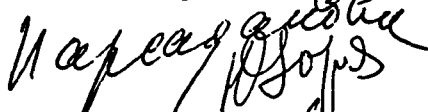

14. Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко, выводы комиссии под руководством В.И.Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ «Сообщения Специальной комиссии...» является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Он оказался весьма полезным при крити-

ческом рассмотрении результатов ее работы на основе собранных в ходе следствия документов и свидетельских показаний.

15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 «О факте расстрела польских военнопленных» должны быть опубликованы, аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу.

Эксперты:

	Топорнин,
	Яковлев,
	Яжборовская,
	Парсаданова,
	Зоря,
	Беляев

Главная военная прокуратура.
Уголовное дело № 159. Т. 119. Л. 1—247. Подлинник.
Впервые опубли.: *Orzeczenie komisji ekspertów // Rosja a Katyń. W-wa, 1994; Jazborowska I., Jabłokow A., Zoria J. Katyń. Zbrodnia chroniona tajemnicą państwową. W-wa, 1998. S. 358—422.*

Содержание

Введение	3
Глава 1. Польша между Россией и Германией	
накануне и в начале Второй мировой войны	19
«Долой версальские цепи!»	19
Сговор	34
«Черный» сентябрь 1939 года: раздел Польши	
и ликвидация ее армии	55
Глава 2. Сталинская политика и судьбы Польши и поляков	
в годы Второй мировой войны	87
Польский аспект «новой великой победы	
советской власти»	87
Трудный путь к возрождению Польского государства	
и его армии	126
«Катынская бомба» взорвалась.....	151
Глава 3. Послевоенное урегулирование отношений с Польшей.	
Тяжкий груз катынского преступления	179
Включение Польши в советский блок.	
Фальшивка комиссии Н.Бурденко	
и провал блефа в Нюрнберге	179
Советско-польские отношения под бременем	
«официальной версии» катынского преступления	
в годы «оттепели» и десятилетия «застоя»	198
Глава 4. «Гласность» и проблема «белых пятен»	
в истории советско-польских отношений	226
Попытка идеологической нейтрализации прошлого	226
Прорыв завесы тайны	268
Глава 5. Передача засекреченного преступления	
в компетенцию права	306
Возбуждение уголовного дела	
по факту расстрела польских пленных	306
Следствие в трудных поисках истины	339
Глава 6. Развитие российско-польских отношений	
и Катынское дело на рубеже нового века	380
На пути к завершению дела	380
В фокусе проблем современности.	
Вместо заключения	405
Приложение. Заключение комиссии экспертов	
Главной военной прокуратуры по уголовному делу	
№ 159 о расстреле польских военнопленных	
из Козельского, Осташковского и Старобельского	
спецлагерей НКВД в апреле—мае 1940 г.	446

**ЯЖБОРОВСКАЯ Инесса Сергеевна,
ЯБЛОКОВ Анатолий Юрьевич,
ПАРСАДАНОВА Валентина Сергеевна**

**КАТЫНСКИЙ СИНДРОМ
В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
И РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Редактор Л. Епифанова

Художественное оформление А. Сорокин

Технический редактор В. Юрченко

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.06.2001.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 40,0. Тираж 1500 экз.

Заказ № 1798

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./ Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6